

Гуманитарный университет

**Власть и властные отношения
в современном мире**

**Материалы IX научно-практической
конференции, приуроченной к 15-летию
Гуманитарного университета**

30–31 марта 2006 года

Том первый

**Везде возможно власть:
феномен властных отношений с точки зрения
философии и социально-гуманитарных наук**

**Трансформация властно-политических
систем в современном мире**

Имидж власти и власть имиджа

**Символическая власть медиа:
победы и поражения в борьбе за доверие**

**Стратегия PR и рекламы
в контексте властных отношений**

**Екатеринбург
2006**

УДК 32
ББК 66.2
В 58

Власть и властные отношения в современном мире: Материалы IX научно-практической конференции, приуроченной к 15-летию Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 30–31 марта 2006 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. – Т.1: Везде возможно власть: феномен властных отношений с точки зрения философии и социально-гуманитарных наук. Трансформация властно-политических систем в современном мире. Имидж власти и власть имиджа. Символическая власть медиа: победы и поражения в борьбе за доверие. Стратегия PR и рекламы в контексте властных отношений. – 548 с.

ISBN 5-7741-0068-5

В сборнике освещены философские, психологические, политологические аспекты власти, её истоки, эволюция. Дано описание различных подходов к определению власти как феномена. Власть представлена в различных проявлениях – как философия власти, власть политики, власть медиа, власть рекламы, власть моды.

Рекомендуется специалистам и студентам социально-гуманитарных наук, а также всем, кто интересуется проблемами воздействия власти на общество в целом и на каждого человека в отдельности.

ББК 66.2

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. истор. наук, доцент К. И. Зубков
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. экон. наук С. А. Мицек
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
д-р псих. наук, проф. Е. Б. Перельгина
канд. тех. наук, доцент А. В. Агеносов

ISBN 5-7741-0068-5

© Сборник Гуманитарный ун-т, 2006
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2006

Содержание

Раздел первый

- Везде возможно власть:
феномен властных отношений
с точки зрения философии
и социально-гуманитарных наук 17
- Г. Э. Бурбулис*
Власть в политософском измерении
(опыт концептуальной проблематизации) 18
- Ю. А. Левада*
Власть, элита и масса:
параметры взаимоотношений в Российских кризисах 34
- В. И. Кашперский*
Политика, права человека и культурные перспективы
цивилизации. Философско-антропологический анализ 46
- Л. А. Закс*
Повсеместность власти:
от метафизики к культурологии..... 51
- Б. В. Орлов*
Эстетические опыты властвования
или неудовольствие от власти 60
- Е. В. Ишменев*
Власть в контексте теоретической проблематики: тождество
классики против идентичности постмодерна 64
- В. А. Панпурин*
Методологическая несостоятельность
индивидуалистического сознания: к критике оснований
постмодернистской абсолютизации власти 67
- Г. А. Борисова*
Властные отношения человека и природы,
или Генезис социальной деструкции
(на примере концепции «Диалектики Просвещения»
М. Хоркхаймера и Т. Адорно) 71
- В. А. Летова*
Власть вещей и власть идей 75
- Е. Ю. Погорельская*
Власть и порядок 79

<i>К. М. Ольховиков, С. В. Ольховикова</i> Параллелизм властных и моральных отношений в современном мире	84
<i>В. О. Лобовиков</i> Власть, право, сила, насилие и ненасилие как унарные морально-правовые операции в алгебре поступков (Разделение власти, анархия, хаос, порядок и демократия как морально-правовые ценностные функции от одной переменной в алгебре естественного права)	88
<i>А. Г. Мясников</i> Право на ложь как условие политического господства (кантовская провокация современности)	93
<i>К. С. Павлов</i> Определения феномена власти с позиции теории управления: взаимосвязь понятий власть и управление	95
<i>Т. Л. Лихачёва</i> Социальная классификация властно-управленческих типов	98
<i>А. А. Колдушко</i> Властный дискурс в модернизационном процессе	102
<i>Т. И. Грицкевич</i> Власть как организационное и регулятивно-контрольное начало политики реформирования в России	106
<i>И. А. Оглоблина</i> Социальные границы редукционистских технологий власти	110
<i>А. Н. Бетев</i> Свободная Россия: другая власть	115
<i>М. П. Шубина</i> Повседневность и власть	119
<i>Е. В. Ускова</i> К анализу ментальных оснований властных отношений	123
<i>Н. Р. Калимуллина</i> Язык власти	126
<i>Д. В. Лебедев</i> Ритуал власти и власть ритуала: к проблеме социальной инновации	129

<i>А. С. Попов, М. Н. Просекова</i> Информационный контроль в аспекте манипуляции сознанием	132
<i>О. Р. Сигнаевская</i> О власти и философии XXI века: киберкультура или традиция?	136
<i>Г. В. Лебедева</i> Власть и властные отношения в пространстве памяти	140
<i>Л. М. Карпова</i> Сновидческий характер форм властных манипуляций	143
<i>А. Ю. Бажина</i> Есть ли отличия власти Армии от армии Власти?	146
<i>А. Я. Пучков</i> Метафизический бунт и культурный ответ	149
<i>С. Е. Вершинин</i> Социальное недоверие как необходимость и регресс	156
<i>М. Н. Просекова, С. С. Швейбельман</i> Гражданское общество в системе экономических связей ..	159
<i>С. И. Марайкин</i> Философские основания правовой реальности	163
<i>И. Б. Фан</i> Институциональное и ментальное в модели гражданина ...	167
<i>А. В. Александрова</i> Власть волеизъявления молодежи в России: кто активнее? (Контент-анализ Интернет-ресурсов)	171
<i>И. С. Осипова</i> Производство власти и гендерная асимметрия	176
<i>Г. А. Шеметов</i> Институциональный кризис и сексуальная микрополитика	180
<i>Е. А. Рузанкина</i> Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко как инструмент анализа гендерных отношений	184
<i>Н. В. Турыгина</i> Анализируя власть: гендерные и культурные исследования vs культурология	188

<i>Г. А. Брандт</i> Материнство как культурное предписание в русской классической литературе XIX века	193
<i>Н. М. Ершова</i> Власть гендера и власть пола: организация процесса потребления современной женщины	197
<i>Г. М. Абрамов</i> Власть тела и его взаимоотношения с властью разума	201
<i>Л. В. Зорина</i> Власть архетипических мотивов в повседневных образах телесности	204
<i>И. М. Лисовец</i> Искусство и власть в современной России или modern russian art-power	208
<i>Т. А. Круглова</i> Советский художник в плену административной системы	212
<i>Л. М. Немченко</i> Десакрализация власти в искусстве	218
<i>Н. В. Курюмова</i> Танцующее тело: попытка освобождения от власти дисциплинарных практик и власти языка	222
<i>Н. К. Васютина</i> Две концепции «Властитель и общество» в романе П. Акройда «Мильтон в Америке»	227
<i>Л. Г. Ядрышникова</i> Вырожденный фольклор: между государством и масскультом	231
<i>Е. В. Рубцова</i> Власть языка как условие существования искусства	235
<i>О. Ю. Азева</i> Диктатура визуальности в современной культуре	237
<i>Л. С. Чернов</i> Влияние фотографии	241
<i>К. В. Архангельская</i> Символическая власть брэндов в социокультурном пространстве современности	245
<i>А. В. Костарева</i> Властные отношения в системе моды	249

<i>И. В. Янков</i> Мифология казино	253
<i>В. В. Ларченко</i> Империализм английского языка в глобализирующемся мире	256
<i>А. С. Лоскутов</i> Идеологические основания власти в России: исторический аспект	260
<i>Е. В. Яковлева</i> Власть прошлого и будущего в русской культурной традиции	265
<i>М. В. Быховец</i> Феномен верховной власти в русском консерватизме	269
<i>К. М. Товбин</i> Онтология империи: евразийский взгляд	273
<i>А. Д. Боронников, О. Л. Лейбович</i> Маленький человек в сталинской мифологии	277
<i>Ю. С. Мельчакова</i> Власть религии	281
<i>Е. Л. Павлова</i> К вопросу о будущем государства: модель сакрализации власти (историко-философский взгляд)	285
<i>В. Б. Белолугов</i> Государство, «человек с ружьем» и патриотическое воспитание: как узел проблем (к постановке вопроса)	289
Раздел второй	
Трансформация властно-политических систем в современном мире	293
<i>Ю. В. Запарий</i> Мировое правительство или глобальное управление? Перспективы реформирования Организации Объединенных Наций	294
<i>Л. А. Ярошенко</i> Трансформация международных структур обеспечения безопасности: роль НАТО после событий «11 сентября»... ..	298

<i>Е. В. Барсук</i> Социальное законодательство Германской империи 1871–1907 годов: проблемы введения и реализации	301
<i>П. А. Решетникова</i> Японский император как «центральная пустота» и как «внутреннее лицо» нации	305
<i>Е. Е. Эпштейн</i> Образование государства Израиль и ближневосточная дипломатия США	310
<i>А. А. Романовский</i> Модернизация политической системы Франции при Пятой республике	317
<i>В. Н. Земцов</i> Бонапартизм, голлизм и современная Франция	321
<i>О. Куликова</i> Партии в политической системе Великобритании: история и современность	325
<i>И. В. Побережников</i> Теория модернизации: итоги и перспективы применения в историческом исследовании	330
<i>К. И. Зубков</i> Отношения «центр – периферия» в исторической динамике	338
<i>М. А. Фельдман</i> «Загадка Лукинского», или к вопросу об общеобразовательном уровне рабочих СССР к 1941 г.	343
<i>М. В. Котляров</i> Проблема формирования руководящих кадров КПСС в период «перестройки» (1985–1991 гг.)	348
<i>И. Е. Левченко</i> Парабола движения: от смуты к стабильности	351
<i>Д. Е. Москвин</i> В поисках субъекта политики	354
<i>Е. Н. Коваленко</i> Дискурс как показатель политической ситуации	358
<i>М. С. Ильченко</i> Институциональная устойчивость федеративной системы: методологический аспект	362

<i>В. П. Таскаев</i> От партии-«доктрины» к партии-«корпорации»: эволюция подходов к исследованию института политической партии	366
<i>М. А. Фадеичева</i> Этнические вызовы и делегитимация власти	371
<i>В. А. Евдокимов</i> Роль регионального конфликта в политическом процессе ..	375
<i>И. Г. Яр-Мухамедов</i> Метаморфозы демократии	379
<i>А. С. Ваторопин</i> Проблема клерикализма в современной России	383
<i>Р. В. Шилищанов</i> Завершение процесса складывания организационной структуры Свидетелей Иеговы при президенте М. Д. Хеншеле.....	387
<i>А. Н. Курюкин</i> Социально-историческая эволюция политической власти в России	391
<i>Д. В. Суворов</i> О сущности и типологии современной российской власти ..	395
<i>А. П. Попов</i> Политический режим в современной России	402
<i>А. М. Боталов</i> Варианты трансформации модели политической делегации в современной России	406
<i>А. С. Заборенко</i> Снижение публичности русской политики в начале XXI века	410
<i>В. А. Вольхина</i> Развитие института полномочных представителей президента РФ в федеральных округах	413
<i>Н. С. Боровиков</i> Политический режим современной России	417
<i>А. П. Швецова</i> Место и роль региональных и центральных элит в политическом пространстве	421
<i>Е. А. Лиманский</i> Тезисы доклада «Роль регионализации в развитии федерализма в России»	425

<i>Е. М. Гурарий</i> К вопросу о взаимодействии власти и бизнеса на региональном уровне	428
<i>О. Г. Бекшенев, Н. М. Севальнева</i> Эволюция принципов государственной региональной политики	431
<i>К. В. Павлов, А. С. Самохин</i> Межрегиональные хозяйственные отношения: показатели и методы оценки.....	435
<i>Н. М. Севальнева, О. Г. Бекшенев</i> Задачи регионального управления в процессе формирования экологического сознания	439
<i>А. С. Петрик</i> Поиск вариантов взаимодействия и развития отношений между местной властью и населением	443
<i>Е. В. Сахарова</i> Корпоративный ресурс на выборах в представительный орган власти северного города	446
Раздел третий	
Имидж власти и власть имиджа	451
<i>В. М. Танаев</i> Имидж власти и власть имиджа: типологический подход ..	452
<i>К. С. Романова</i> Психологический аспект власти и властных отношений	455
<i>Е. А. Ворожцова</i> Проблемы формирования имиджа Российской Федерации на постсоветском пространстве	460
<i>И. Т. Шатохин</i> Имидж власти накануне первой русской революции	464
<i>Е. А. Шуклина</i> «Soft power» сетевого сообщества	468
<i>Т. В. Костина</i> Власть лидерства и лидерство власти	472
<i>Г. В. Болдыгин</i> Властолюбие	478
<i>Л. В. Тарасова</i> Профессиональная компетентность как ресурс власти	482

<i>М. В. Мужева</i> Имидж власти как феномен организационной культуры	484
<i>В. П. Беляев, А. В. Дроздова</i> Имидж политического лидера как фактор достижения политической власти	489
<i>Л. С. Полякова</i> Искусство создания образа политика с помощью языковых средств	493
<i>Л. Г. Сидорчукова</i> Власть стиля (к вопросу о визуальных составляющих персонального имиджа)	497
<i>Е. В. Федорова</i> Когнитивный стиль как характеристика политического имиджа	501
<i>А. А. Иванова</i> «Я-концепция» политического лидера	504
<i>Е. Б. Галаганова</i> Имидж женщины-политика: архетипический аспект	508
<i>К. А. Зайкова</i> Власть и одаренность: имидж лидера у интеллектуально одаренных подростков	512
<i>А. В. Гаук</i> Власть имиджа учителя	517
<i>И. Е. Романова</i> Власть в современной семье: двойная ловушка	520
<i>Eberhard Scheiffle</i> Power in Psychotherapy	524
<i>Э. Шейфеле</i> Власть в психотерапии	526
<i>О. Н. Быкова, К. А. Зайкова</i> Компьютерные преступления как средства достижения власти	529
<i>А. А. Яворский</i> «Дедовщина» – власть беспредела или неформальная инициация?	532
<i>Е. Г. Калюжная</i> Этический аспект имиджа	537
<i>В. М. Соковнин</i> Фасцинация власти и антифасцинация чиновничества	541

- Е. В. Каблуков*
Формирование имиджа в парламентском дискурсе 545

Раздел четвертый

- Символическая власть медиа:
победы и поражения в борьбе за доверие 549
- С. Д. Балмаева*
Доверие как социальный капитал.
Символическая власть медиа и доверие к СМИ 550
- Е. Ю. Енин*
Что происходит с доверием к российским СМИ? 554
- Д. Ю. Мережко*
Потеря доверия к традиционным
СМИ как неосознаваемая проблема 565
- Л. А. Терентьева*
Как деловой журнал
может завоевать доверие аудитории 567
- В. В. Харитонов*
Медиа – в массы! 570
- Г. А. Задорина*
Блоги как конкуренты СМИ 575
- Ю. Р. Ганиева*
Diary – в борьбе за доверие 579
- Д. В. Шлыков*
Обитатели цифровых вселенных 582
- Ю. С. Шорохова*
Инфографика как борец за внимание 585
- Ю. Е. Красавина*
Письменный и зримый образ:
противоречивое воздействие на аудиторию 589
- О. П. Пархоменко, Д. В. Смолкина*
Особенности формирования
доверия телевизионной аудитории 593
- Т. А. Шумилова*
Специализированные телевизионные каналы:
телеаудитории как племена 595
- Е. А. Марков*
Кому служат Российские СМИ? 598

- Е. А. Широкова*
Диалог власти и общества:
использование образов прошлого
в процессе легитимации властных отношений 602
- Г. В. Макович*
Компетентность в медиакommunikациях 606

Раздел пятый

- Стратегия PR и рекламы
в контексте властных отношений 609
- О. Н. Зубкова, М. А. Стройло*
Социальная реклама в контексте властных отношений 610
- Ю. Л. Кива-Хамзина, Ю. Б. Колосова, Д. Д. Мухамедьянова*
Понятия политической рекламы и черного пиара 613
- С. Е. Корчемкин*
Связи с общественностью и государственная власть 617
- Т. Б. Курбацкая*
Провоцирующий эффект рекламы 620
- Н. В. Моисеева*
Реклама как форма принуждения
и выбора самоидентификации 622
- Л. П. Пискунова*
Экспертиза рекламы: социальные основания 626
- А. Ф. Рябухин*
Власть и властные отношения 629
- Н. В. Савина*
Особенности брендинга
в системе властных отношений 632
- Т. Н. Серёгина*
Реклама как социально-психологический
прием повышения привлекательности военной
службы в современном российском обществе 636
- А. К. Симонова*
Разработка проблем PR и рекламы
в контексте властных отношений 640
- Т. П. Старых, Е. Н. Сюткина*
Некоторые аспекты стратегии политической рекламы 647

Раздел первый

**Везде возможно власть:
феномен властных отношений
с точки зрения философии и
социально-гуманитарных наук**

Г. Э. Бурбулис*

Власть в политософском измерении (опыт концептуальной проблематизации)

Политософское измерение власти – актуальнейшая задача, неотложным образом отражающая системные качественные особенности XXI века – как его угрозы, вызовы и испытания, так и шансы, перспективы и надежды.

Концептуально-содержательно и мировоззренчески-пафосно это измерение я выражаю формулой «Одухотворенная власть возможна!»

Власть, как жизненный феномен и как проблема для осмысления, всегда являлась загадочным и привлекательным предметом. Демонстративно радикальная постановка вопроса о том, что одухотворенная власть необходима и возможна, с принципиальной для политософского подхода позиции позволяет сразу установить максимальный горизонт мышления. От нас требуется способность аргументированно и последовательно осмыслить системные признаки феномена власти и в это же время сохранить и развить ценностно-устремленную формулу об «одухотворенной власти».

Важно отметить, что в процессе предметной конкретизации феномена власти базовый тезис политософии об универсальном и всепроникающем характере политической реальности в жизни каждого человека получает существенную и во многих отношениях «предельную» нагрузку. Задача заключается в том, чтобы выявить такой ракурс осмысления-измерения феномена власти, на основе которого возможно новое углубленное понимание места, роли и значения власти в жизнедеятельности конкретного человека, корпоративного сообщества, социума и человечества в целом.

* * *

* *Геннадий Эдуардович Бурбулис* – канд. филос. наук, член Совета Федераций Федерального собрания РФ, президент гуманитарного и политологического центра «Стратегия» (г. Москва).

Термин «политософия» в рамках тех интеллектуальных традиций и исследовательских практик, которые мне известны, до сих пор концептуально не использовался. Его практическая необходимость для понимания фундаментальных проблем современности связана с рядом общезначимых предпосылок, среди которых для первичной постановки проблемы укажем наиболее очевидные.

Прежде всего, это *масштаб, глубина, многомерность, взаимозависимость и многоликость социально-исторической практики на рубеже XX–XXI веков, которая определяется как «глобализация»*.

Не останавливаясь на общеизвестных и ставших уже тривиальными признаках и характеристиках глобализации, отмечу только те из них, которые непосредственно связаны с сутью предлагаемого концептуального подхода.

Ситуация, сложившаяся сегодня в рамках мирового сообщества, по-своему драматична. Одна из ее особенностей выражается в весьма парадоксальной, на первый взгляд, закономерности жизни каждого человека. Речь идет о том, что люди, включенные в систему общественных отношений, в процессе социализации приоритетно реализуют себя в профессиональном плане. Но всякий раз, делая жизненный выбор и занимаясь той или иной профессиональной деятельностью, они в большинстве своем, как правило, пренебрегают той базовой предпосылкой своей жизни, которая содержится в сфере политики, в мире политического. Вместе с тем *политическая реальность сегодня в значительно более глубокой и острой форме, чем когда бы то ни было, влияет на все стороны жизнедеятельности конкретного человека, никогда политикой специально не занимающегося*. Это характерно как для тенденции мирового масштаба, так и для сложнейшей ситуации внутри нашей страны.

Да, мир глобализируется. Но не вопреки человеческому бытию, а в связи с человеческим в нем, и никакие превращения-поглощения – финансовые, информационные, технологические, производственные и т.п. – не могут устранить этого в реальности современной жизни. Мы оказываемся и свидетелями, и участниками глобальной модернизации, ее всестороннего воздействия на жизнедеятельность личности. Очевидны и противоречивость, и взаимозависимость процессов глобализации от того, *какие* государственно-политические решения, *какими* субъектами, в *какой*

следовательности и на основе *каких* ценностей и *какой* методологии принимаются и реализуются.

Понимание истории как человеческого выбора конкретизирует мнимую проблему – однополярный или многополярный мир. Многообразии исторически сложившихся форм государственной власти и управления не может быть ни редуцировано, ни унифицировано, поэтому важно признавать реальную специфику проявления общечеловеческих ценностей в зависимости от культурных особенностей, национальных традиций, жизненного уклада, ментальности и т.п. Такое понимание современности подразумевает содержательный акцент на бытии личности – именно она признается ключевым антропологическим субъектом глобализации в силу своей творческой безграничности.

Важнейшее качество глобализации – радикальное изменение роли политической реальности. Политика проникает во все сферы человеческой деятельности, и с ней нужно обращаться так, *как с радиоактивным веществом*: понимать его природу и адекватно реагировать на это. «Если вы не занимаетесь политикой, то она обязательно займется вами» – широко известная, крылатая формула, но лишь частично отражающая суть дела. Политика всегда занимается нами, независимо от того, осознаем мы это или нет. Вопрос только в том, *какая это политика*. Новая политика эпохи глобализации – это гуманитарно-правовой диалог, а поскольку субъектов глобализации множество, диалог неизбежно становится «полилогом». Прежние альтернативы в такой диалог не вписываются: европоцентризм становится малопродуктивным, а американоцентризм – просто опасным. Синтез гуманистических ценностей общечеловеческой культуры и многообразия нравственно-духовных основ жизни современного человека помогает нам заново распознать и политософски измерить антропологическое основание глобализации.

* * *

Политическую реальность целенаправленно изучают философия, политические науки, социология, психология, культурология и вся современная система гуманитарного знания. Активно интересуются и, более того, укоренены в политической реальности общественная мировоззренческая публицистика и журналистика. Особое место в оценке и акцентировке сути политической реальности занимает искусство – такие его динамичные виды, как театр, кино, литература, поэзия.

В этой ситуации возникает вопрос: способствует ли современная система всей гуманитарной культуры умению человека осмысленно ориентироваться сегодня в политической составляющей глобального миропорядка, в какой мере она позволяет понимать происходящее и вырабатывать адекватные решения для полноценной жизнедеятельности? Можно, видимо, утверждать, что большинство из нас, с одной стороны, испытывает естественную увлеченность «цеховым» образом жизни, когда бесконечное количество книг, публикаций, конференций, симпозиумов и «творческих дискуссий» остается в хорошем смысле приятным и полезным видом деятельности для «узкого круга лиц», а с другой – переживает глубокую неудовлетворенность происходящим, что, в свою очередь, вынуждает понять и признать феномен политики, специфику политической реальности как всепроникающей, универсально значимой в жизни человека и на этой основе постараться демифологизировать феномен власти.

Надо отметить, что научно-специализированный – политологический, социологический, экономический и т.п. – анализ современной ситуации не позволяет уловить вибрирующую реальность идей, смыслов, поступков и событий, которые в совокупности образуют современный мир политического. К сожалению, все более специализированным оказывается сегодня и философское познание политической реальности.

В то же время в жизни конкретного человека система отношений, которая традиционно определяется как политика, обретает все более причудливую динамику и парадоксальное функционирование. Современное состояние этой сферы существенно усложнило условия, в которых действует каждая конкретная личность. В результате, переживания трудностей или отсутствия выбора, ощущения невозможности понять происходящее, бесполезности конкретных устремлений пронизывают сегодня самочувствие многих и многих людей во всех странах мира. Никогда еще духовное состояние человечества не было столь сложным, неопределенным, многомерным. Адекватно осмыслить это состояние бессильны в отдельности науки или искусства, мораль или религия, потому что социологи апеллируют к одному ряду явлений, философы – к другому, психологи – к третьему, политологи – к четвертому. В сфере художественно-эстетического освоения действительности – такая же неизбежная разномерность.

Размышляя о том, как в этой ситуации жить, творить и действовать, понимаешь, что сегодня обострилась потребность в таких **комплексных духовно-мыслительных проектах**, которые не только сочетали бы в себе заинтересованное и ответственное отношение к реальной и практической жизни личности, общества и государства, но и позволили бы «переплавить» это отношение в убедительные жизнотворческие позиции.

В условиях, когда социальные процессы приобретают глубинную неопределенность, а линейно-прогрессистское представление об общественном развитии уже давно ничего не объясняет, когда «сталкиваются» многомерность и динамичность социальных процессов, связанных с модернизацией всей совокупности общественных отношений, с изменением сложившегося уклада жизни, чрезвычайно обостряется потребность в интегрально-концептуальном видении этих процессов.

* * *

В самом общем виде политософия трактуется нами буквально как политическая мудрость и определяемая ее содержанием мудрая практическая политика.

В первую очередь отметим, что существует осознанная неудовлетворенность философского сообщества относительно того, что современная философия все более становится родом специализированной деятельности, утрачивающей свой коренной признак, каким является **мудрость**.

Объективно-печальная утрата современной философией корневого истока – **мудрости** – не должна быть фатальной. Именно в настоящее время совершенно органично и естественно может осуществиться реабилитация мудрости как способности человека соотносить свои знания, понимание и оценку разнообразных событий и социальных явлений с общим смыслом бытия, с достоинством человеческой жизни, призванием и предназначением человека. Под этим углом зрения мудрость понимается нами как способность осознанно действовать в соответствии с высшими ценностями и целями человеческой жизни. Предельно, **мудрость – это искусство жить согласно обретенному смыслу**. Знаменательно, что в древней философии мудрость рассматривалась как источник всех совершенств человека, его добродетелей и его способности к счастью. Не случайно Платон отстаивал суверенитет мудрости, то есть софократию (власть мудрости).

Политическая мудрость в этой связи рассматривается как процесс и результат всестороннего синтеза знаниево-познавательного, нравственно-духовного, ценностно-мировоззренческого и прагматически-целесообразного отношения человека к действительности. Политософия как единство политической мудрости и мудрой политики – это особый способ целостного мировидения и миропонимания. В этом своем качестве интегрально-ценностного миропонимания политософия утверждает, в первую очередь, человеко-формирующую, человеко-созидательную, человеко-творящую **роль политики**.

Качественную специфику политических наук, философии и политософии можно различить по следующему основанию. Система политических наук отвечает на вопрос, **что такое политика, что такое власть**, описывает их элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Философское отношение к политике и власти – будет ли это классическая философия или ее такие современные специализированные отрасли, как философия политики и политическая философия (различие между которыми приобретает все более существенный характер), – может быть понято как поиск ответа на вопрос: **как жить человеку** в условиях неизбежности политических властных отношений?

Политософия в своем коренном предназначении, осуществляя синтез всех основных духовно-практических видов деятельности человека, отвечает на вопрос: **как человеку жить достойно среди людей?** Тем самым, политософия является необходимым, незаменимым и крайне востребованным в современной действительности способом миропонимания и мироотношения, которым руководствуется конкретная личность, позиционирующая себя в статусе политософа.

Политософ – это тот, кто изначально органично – и субстанционально, и экзистенционально, и трансцендентно, и имманентно – переживает и ценностно-концептуально выражает свою жизнь как жизнь активного политического деятеля. Он сознает необходимость, прежде всего для себя, выработки такой концепции мира политики, мира власти, такой системы ценностей, такого миропонимания, которые в совокупности в достаточной мере выражают сокровенный смысл его собственной **жизни как жизне-творчества**.

* * *

Политософская постановка вопроса о природе власти и ее фундаментальной роли предполагает рефлексию над сложившейся разноуровневой и разноформатной практикой трактовки феномена власти в различных научных дисциплинах, в различных исторических и социокультурных контекстах, осуществляемых с различными исходными интересами и задачами. Я определяю эту работу как артикуляцию «синдрома короля Лира» в понимании феномена власти и сознательно акцентирую внимание на том, что должна, наконец, быть найдена интегральная *«формула власти»*, бережно воспринимаемая различными видами и уровнями специализированного знания. Здесь снова обратим внимание на концептуальное понимание политософии как политической мудрости и связанной с ней мудрой практической политики. В данном случае речь идет не только о том, что политическая мудрость есть стремление к всестороннему синтезу всех возможных проявлений и известных определений власти, но и о том, что такой синтез, по моему убеждению, практически незрел. Он определяется, на мой взгляд, не наивным желанием увлеченной личности и не дилетантским упрощением глубинной сути дела, открывающейся в каждом конкретном специализированном научном тексте, а обусловлен характером, содержанием и качеством реальных жизненных проблем, в пространстве которых сегодня протекает наша жизнедеятельность. Такой синтез проявляется как качественный концепт, как внутренне переживаемая необходимость в жизни каждого человека. Если власть – это то, к чему я должен сознательно относиться и что с моим участием формируется и от моего имени реализуется и воплощается, то каковы могут быть реальные формы взаимозависимости пространства власти и форм моей собственной жизни?

* * *

Думаю, что назрела проблема политософского измерения всей системы правоведения, которая сегодня добросовестно занимается описанием системы власти в режиме государственно-политического устройства. Классика разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную не должна приводить к потере антропологического основания во взаимодействии личности, общества и государства, к забвению того очевидного обстоятельства, что феноменологически человек воспринимает власть как «целостный мир», а юридически она представлена разделенной на

так называемые ветви власти. Антропологическая сущность власти – это люди, их интересы и потребности, их взгляды и убеждения, это их способности, их действия или бездействие. Поэтому предстоит провести системный политософский замер того, как и в какой форме правовая онтология власти может заново обрести тот реальный жизненный смысл, утрачивая который перестают быть подлинно властными все ее виды и уровни.

На самом деле, образ ветвей власти является эвристически полезным, потому что он инициирует разработку концепта «древо власти» и предполагает в качестве основания идею *«корневой системы власти»*. Классический образ «древа жизни» в нашем политософском измерении может быть достаточно корректно и перспективно дополнен и представлен в образе «древа власти». Власть, в своем конкретном историческом воплощении, может быть уподоблена разным формам его проявления. Тогда главным становится вопрос: каково это древо власти? Оно должно иметь свою корневую систему, находящуюся в питательной среде, которая обеспечивает жизнестойкость этого древа. Оно может обрасти мощными густыми ветвями, или его ветви останутся щуплыми и маловыразительными, оно может быть плодоносным или бесплодным, крепким или хрупким, укорененным в почве жизни или легко вырванным случайным социальным порывом.

* * *

Безусловно, существенным в политософском измерении является мировоззренческая идея о том, что различные виды, уровни и формы власти непосредственно связаны со смысложизненной проблематикой человеческого существования. Именно власть в своих одухотворенных формах и является тем ценностным проектором, который освещает жизнь человека полноцветной гаммой его самотворчества. В этой связи принципиальным для нас становится понимание одухотворенной власти как искусства жизни. На этой основе дополнительное звучание приобретает хорошо известная формула о том, что каждый человек независимо от своей профессии создает в своей жизни хотя бы одно произведение искусства: самого себя как личность, свою жизнь как творческий процесс, как творческий продукт.

В своем качестве инструмента интегрального осмысления отношения человека и мира через сферу политического политософия базируется на диалектике трех взаимосвязанных, взаимообуслов-

ленных и противоречиво сосуществующих феноменов, которые можно условно назвать «святой троицей» политософии: **человек, власть, свобода** – триады, которая позволяет представить феномен политического в его предельной форме. Одновременно поновому опредмечивается перспективная возможность в рамках этих трех базовых оснований политософии сохранять в практической деятельности сущностные характеристики мира политического как неотъемлемого, фундаментального в жизни каждого конкретного человека.

Ключ для политософского измерения власти – это системная интерпретация идеи о «святой троице» политософии: человек – власть – свобода. Нельзя рассматривать феномен власти интегрально, с позиции всестороннего синтеза и при этом отвлекаться или оставлять на втором плане современные представления о сущности человека, о его природе, о базовых основаниях и фундаментальных предпосылках, о тех исходных жизненных ценностях, которые определяют смысл человеческой реальности. Мы не сможем ничего существенно развить в понятии феномена власти, если не будем опираться на представление о человеке как самозаконном, самоворческом субъекте, жизненные полномочия, жизненные права и жизненные перспективы которого определяются, прежде всего, осознанием того, что можно определить как «власть над самим собой». Очевидно, что эта демонстративно возвышенная трактовка единства человека и власти базируется на признании органичности в этом триединстве феномена свободы. Человек, власть и свобода – это ипостаси социальной реальности, которые неотрывны друг от друга, а интегральное понимание их взаимосвязи является основой политической мудрости и тем самым центральной идеей политософии.

* * *

Политософия – это мировоззренческий комплекс идей, переживаний, размышлений и мыслей, функционирующий как своеобразная психодуховная практика, актуальнейшим образом связанная с особенностями противостояния в начале XXI века системы гуманитарного знания и реальной практики в ее антропологических (в единстве локального и глобального) проявлениях.

Естественно, это пока лишь некий комплекс концептуально-тематических проблематизаций, выражающий определенную жизненную установку. Он содержит некоторые базовые проблемные

узлы, которые в совокупности стимулируют потребность в такой ценности, как мудрость, преодолевая тем самым фатальное недоверие современного человека к собственному бытию, и открывают возможность инициировать в системе научной практики крайне востребованную сегодня междисциплинарность – то есть то, что должно стать «новым синтезом».

Далее я предложу проблемные позиции, сознательно выраженные в метафорически-эвристической форме, которые задают концептуальные параметры политософского измерения феномена власти. Следуя нашему исходному тезису, комплекс таких проблематизаций обозначим следующим образом:

«Почему необходима и как возможна одухотворенная власть: истоки – жизненный смысл – перспективы»

I. Почему необходима одухотворенная власть: истоки и политософский ресурс.

1.1. Угрозы и надежды **глобализации**, или Об универсальности **«политической радиации»**.

1.2. Сова Минервы, **где ты?** или О практической пользе **мудрости**.

1.3. Человек в пространстве XXI века: экономика, политика, культура, или О метаморфозах государственно-политической власти в эпоху глобализации.

1.4. Лики власти: инфернальная бездна, каждодневная рутина, государева служба, одухотворенное служение... или О необходимости и возможности десакрализации и демифологизации власти.

1.5. Власть как символически-проективная реальность, или О том, как важно быть политически мудрыми.

1.6. Актуальные признаки «синдрома короля Лира»: метафизика власти? физика власти? мистика власти? социология власти? психология власти? психиатрия власти? этика власти? эстетика власти? анатомия власти?... или О дискурсе власти в политософском измерении.

1.7. Политическая власть в свете принципа разделения властей, «диктатура закона», или О том, где пристанище современного Левиафана.

II. Одухотворенная власть: жизненный смысл = политософский пафос.

2.1. Политософия (**политическая мудрость = мудрая политика**) как **социокультурная педагогика**, или О **способах сотрудничества** философии, науки, искусства, культуры, бизнеса,

права, политики, религии, образования, журналистики, медицины. . .

2.2. Политика как высший вид **творческой** деятельности, или О «**горизонтах смысла** в пространстве **возможностей**».

2.3. «Святая троица» политософии: человек – **власть** – свобода, или О способах духовного синтеза Истины, Добра, Красоты, Веры, Пользы.

2.4. Одухотворенная власть как «искусство жизни», или О политософских основаниях самотворчества человеком смысла жизни.

2.5. Политическая власть как одухотворенное служение, или О том, как политикам быть приятными, понятными и полезными людям.

III. Россия: пространство власти (идеи – люди – институты – смыслы).

3.1. «Россия – **страна миров**» (М. Гефтер), или О **метаморфозах** и парадоксах современного российского самосознания.

3.2. Экономика, политика, культура – антропологические особенности российского синтеза, или О судьбе России в XXI веке.

3.3. Софийные традиции российской политико-правовой культуры, или Цивилизационные иллюзии и реальные перспективы.

3.4. Современная Россия в свете политософии (человек – власть – свобода), или Мировоззренческое пространство диалога власти и общества.

3.5. Политическая власть и политический класс в современной России, или О симптомах имперского тоталитарного наследства.

IV. Как возможна одухотворенная власть: перспективы политософского вдохновения.

4.1. Политософия как социальное **творчество**, или О перспективах и трудностях гуманитарного (человеко-созидающего) **партнерства**.

4.2. Перспективы политософского **миропонимания**, или Об особенностях политического **пространства** и **времени**.

4.3. Воля к власти: жизнь как политософский проект, или О том, «что так и не сказал Заратустра».

4.4. «Свобода – собственность – законность» – системные основания одухотворенной власти, или Максимы политософии как принципы миропонимания и мироустройства.

4.5. Креативность и толерантность как неотъемлемые качества одухотворенного государя, или О том, как человеку достойно и Родину любить, и быть Гражданином Мира.

4.6. Политософия как духовно-практический **мост** от *reality politic* к *political wisdom*, или О том, как политикам научиться принимать **полезные** для людей и одновременно **мудрые** решения.

4.7. Каждый человек – политософ (политический мудрец = мудрый политик), или О том, как «научиться властвовать собой».

4.8. Политософская стратегия власти как синтез общественного блага, личностной самореализации и социального идеала, или О призвании и предназначении Человека.

Можно рассматривать этот вариант концептуальной проблематизации как программу-минимум для политософского синтеза.

В конечном счете, в этом синтезе должны «встретиться» три пока слабосвязанных между собой реальности. Первая – это система современного гуманитарного знания, неисчерпывающим образом отвечающего пока на фундаментальные изменения в жизнедеятельности современного человека, социума, человечества. Вторая реальность – это собственно «мир политического» с его эффектом всепроникающей политической радиации. Третья – это «святая троица «человек – власть – свобода»», интегрально выражающая все чаяния и надежды социальной реальности. Каждый из этих «миров» осмысливается сегодня в разных контекстах, в разных парадигмах. Думаю, что мы подошли к тому пределу, когда все знания, касающиеся природы и сущности человека, необходимо развернуть на адекватное понимание мира политического, и прежде всего – властно-политического, а все устремления, связанные с либеральным мировоззрением, с ценностью свободы, независимо от их модификаций постараться наполнить этими сущностными ипостасями человека.

* * *

Есть глубокое убеждение в том, что сотни и тысячи разного рода импульсов, которые сегодня получает мыслящий человек, независимо от их источника (будь то индивидуальная жизнь человека или жизнь корпоративного сообщества, в котором он себя реализует, или социально-культурное пространство, в котором он живет, или в конечном счете – планетарный масштаб человеческой жизни) сигналият о некоторых новациях, имеющих для него фундаментальные последствия. Логика жизненного процесса сегодня такова, что так называемые вызовы, риски и степень неопределенности, с которыми имеет дело каждый субъект и любая властная структура, обязанная принимать решения и их управленчески во-

площадь, существенным и конкретным образом проявляют себя в масштабах жизни одного поколения. Так называемый «бег истории» ускорился, историческое время существенно сжимается, и нельзя откладывать на завтра и послезавтра работу по пониманию того, что на самом деле происходит с человеком и миром, прежде всего в результате действия или бездействия системы государственного управления, т.е. властно-политической системы.

Следствием этого «нельзя» и настойчивого вопрошания, что же в этой связи можно и нужно делать, а точнее, чего нельзя не делать, поскольку предельно обнажилась эта особенность современного бытия, является то, что я понимаю под политософией. Политософская проблематизация осуществляется в рамках некоторых сквозных тенденций, жестко связанных между собой и получающих завершение в фундаментальной проблеме, которую можно обозначить так: большая политика и конкретный человек. Между ними исторически всегда существовал разрыв, и нужны серьезные совместные усилия, чтобы этот разрыв преодолеть, в первую очередь в плане мыследействия, проработки смыслов. Сегодня эта потребность, на мой взгляд, предельно обострилась.

Отсюда некоторые, с одной стороны, банальные, а с другой стороны, принципиальные вопросы. Где и когда может состояться плодотворная встреча того, что мы называем «духовной практикой современности», и того, что всегда понималось как учет интересов большинства в практике государственного управления? Где встречаются культурно-художественно-нравственная практика и интересы современного человека, каким может быть целенаправленно организованный процесс софийного осмысления этой практики? Сова Минервы, где ты? Где и почему скрывается политическая мудрость?

Самое интересное состоит, на мой взгляд, в том, что глобализация, изначально воспринимавшаяся как процесс омассовления, как поглощение индивидуальности, как агрессивное подчинение ее новым алгоритмам жизнедеятельности без культивирования осознанного, осмысленного их освоения, спровоцировала прямо противоположные процессы. Именно глобализация многократно обострила представление о человеке как о личности самосозидающей, самозаконной, самотворящей. Тем самым, фиксируется мнимый парадокс: глобальное мироустройство становится принципиально неустранимым и стратегически незаменимым личностным само-

творчеством. Этот созидательный парадокс наиболее зримо проявляется сегодня в процессе политософского измерения власти.

* * *

Политософия формируется как системный процесс в единстве ее практической, духовно-практической и теоретической составляющих, который характеризует жизнедеятельность конкретного социального субъекта, и прежде всего – каждой личности, сквозь призму его долговременных жизненных целей, коренных интересов и потребностей в том специфическом содержании базовых мировоззренческих ценностей и их целостном и жизненно-смысловом проявлении, которое системно обусловлено миром политического.

Политософия – это устремленность к мудрости. Скажем еще более определенно: это неизбывная любовь к мудрости как к жизненно-смысловой реальности, как к «ядру» культуры – к «инстанции», восстанавливающей человеческое в человеке. Именно такое понимание позволяет ориентироваться на мыслительный горизонт и практические действия политософа в реалиях, где исключены жесткие ограничения идейно-нравственных предпочтений личности, ее понимания добра, долга, блага и достоинства.

Реальный политический процесс и в целом политическая жизнь задают главное направление развития политософии: мудрого понимания требует анализ актуально-локальных и долговременно-глобальных последствий властных действий для людей, общества и человечества. Мудрого ответа требует вопрос: «Как жить достойно современному человеку?» В этом контексте задача политософского подхода состоит, прежде всего, в определении «правильной политики» – политики, в которой главным является не столько плюрализм интересов, сколько установление и преодоление различия между благим и дурным, между жизненно-гуманно оправданным и вредным, опасным, непредсказуемым. Здесь уместна наглядная аналогия с диспозициями «здоровье – болезнь» в медицине и «детство – зрелость» в педагогике. В качестве перспективного образа политософию можно рассматривать как востребованную и незаменимую форму социальной медицины или, что концептуально более точно, как социокультурную педагогику.

Коренной вопрос политософии – это вопрос о том, какой смысл, какое сущностное содержание имеет в жизни каждого конкретного человека политическая власть как социальная реальность. Политософия интересуется жизненно-смысловым содержанием полити-

ческой власти с точки зрения ее латентных или опосредованных взаимосвязей и взаимообусловленностей с социальным, т.е. с жизнью конкретного человека и общества в ту или иную историческую эпоху. В этом качестве политософия не обязательно должна быть представлена системой упорядоченных категорий и принципов, но она всегда укоренена в системе базовых интересов и потребностей деятельного субъекта и всегда оплодотворена подчас скрытыми формами целеполагания и целеустремленности, которые содержатся в тканях и в порах политического.

Теперь понятно, что здесь мы имеем дело с духовно-практической реальностью. Отстаивание специфического видения мира с точки зрения политософии предполагает постоянную взаимосвязь и взаимное перетекание концептов мыслительной деятельности (в виде четко сформулированных понятий, представлений, категорий и принципов) и «ферментов» мотивационной сферы, экзистенциально проявляемой в процессе жизнедеятельности социального субъекта, — той сферы внутреннего выбора, где менее выражены его предпочтения и позиционирование в вербальной форме, являющиеся для него жизненно значимыми.

Существеннейшим моментом для понимания смысла жизни представляется либо сознательно принимаемая, либо подсознательно ощущаемая зависимость жизнедеятельности каждого человека в ее социальной и профессиональной спецификации от того, как организована в данное историческое время в данном конкретном государстве сфера политических властных отношений. С учетом этого политософия ставит своей задачей, сохраняя и сберегая незаменимую значимость для функционирования личности всех других систем социального, культивировать в ней осознанное восприятие и осмысленное понимание связи и взаимозависимости своей жизнедеятельности и мира политического, мира власти.

Становление позиции политософа заключается в осознанной потребности понимать мир властно-политического как пронизывающий и просвечивающий все виды деятельности человека, все его профессиональные и социальные ипостаси, а тем самым — и как существенно деформирующий или, наоборот, стимулирующий их специальное проявление.

Специфика деятельности политософа в профессиональном плане заключается в том, что он всю свою жизненную основательность реализует с принципиальной позиции активного гражданина, в пределе — одухотворенного политика. Он — изначально заинтере-

сованная сторона и исходит из конкретных политических вопросов, которые ставятся реальной политической ситуацией и практикой. В этом качестве он всегда присягает духовно-практически служить сообществу и обществу.

С точки зрения универсального выражения этой позиции можно допустить, что каждый человек является политософом в такие предельные моменты своей жизни, когда он определяет свое отношение к тем фундаментальным социальным предпосылкам и условиям, в рамках которых его жизнедеятельность в принципе возможна — и по антропологическому воспроизводству, и по духовному становлению, и по социальному развитию, и по властному проявлению. Чтобы суметь адекватно политософски измерить систему властных отношений в пространстве XXI века, чтобы политософская стратегия одухотворенной власти как синтез общественного блага, личностной самореализации и социального идеала открывала реальные перспективы для политического вдохновения как коренного основания человеческого призвания и предназначения, оценим и с пониманием воспримем сокровенную формулу о том, что «...пафос всегда есть страсть, возжигаемая в душе человека идеею и всегда стремящаяся к идее, — следовательно, страсть чисто духовная, нравственная, небесная. Пафос простое умственное постижение идеи превращает в любовь к идее, полную энергии и страстного стремления. В философии идея является бесплотною; через пафос она превращается в дело, в действительный факт, в живое создание».

Виссарион Белинский.
Сочинения Александра Пушкина.

Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в Российских кризисах

Характеристики структурных компонентов происходящих в стране процессов остаются в фокусе исследовательского внимания и публичных дискуссий. Существует соблазн обобщенного анализа и оценки указанных компонентов, когда упреки (или надежды) адресуются какому-либо одному из них – «власти», «элите», «народу», а взаимосвязи этих феноменов как бы остаются в тени. «Морализаторская», нормативная трактовка таких связей («кто чего заслуживает») заведомо неплодотворна; более эффективной представляется анализ функциональной взаимообусловленности феноменов.

К *элитарным* компонентам общественных процессов правомерно относить более продвинутые (образованные, опытные, функционально дифференцированные, обладающие влиянием и властью) группы, организации, институты. За общим термином «элита» уже по определению не может стоять какая-то однородная и сплоченная общность – если, конечно, не иметь в виду варианты примитивных социальных организаций, для современной российской действительности давно не характерных. Элитарные слои и структуры в сферах (подсистемах) управления, культуры, бизнеса, просвещения, коммуникации, социальных услуг и т.д. специализированы и разобщены, это их «нормальное» состояние. В экстраординарных ситуациях общественной мобилизованности, возбуждения, эмоционального напряжения и т.п. формируются или активизируются консолидирующие механизмы (структуры), способные действовать «поверх» функциональных и «элитарных» барьеров.

Как известно, в ходе исторического развития многих обществ функции носителя нетрадиционных социокультурных образцов исполняли специфические (иностранцы в том или ином смысле, вплоть до пришельцев и завоевателей) группы. В России в такой роли с

* Юрий Александрович Левада – д-р филос. наук, профессор, директор аналитического центра «Левада-центр» (г. Москва).

XVIII в. выступала имперская бюрократия, а с середины XIX в. также и конкурировавшая с ней интеллигенция. С этими группами преимущественно связывались и представления об исторической (модернизационной, в сегодняшней терминологии – глобализаторской) «миссии» отечественной элиты. В советский период на такую миссию претендовала уже другая, государственно-организованная бюрократия, пользовавшаяся услугами всех элитарных структур, в том числе и бывшей интеллигенции.

Важнейшая характерная особенность всех российских элитарных групп – их *элитарная*, государствоцентристская ориентация, будь то позитивная (надежды на власть предрекающую) или негативная (демонстративно антигосударственная). Единственно значимой точкой отсчета оставалась государственная власть, причем более высокий («элитный») статус неизменно означал не столько более высокую профессиональную квалификацию и репутацию, сколько большую приближенность к власти и большую зависимость от нее, (притом, всестороннюю – от сохранения статуса до личной безопасности). В такой ситуации статус измеряется не удаленностью от «низших» ступеней профессиональной и т.п. специализированной иерархии, а приближенностью к условно-обобщенной неспециализированной «верхушке» социальной системы.

Ни социально-политические кризисы, ни смены режимов не внесли принципиальных изменений в такое положение вещей. Лишним подтверждением может служить довольно быстрое и практически беспроblemное восстановление государственного («корпоративного», в терминологии А. Илларионова) контроля над различными сферами экономической, административной, интеллектуальной и культурной деятельности в стране.

Отсюда и специфика кризисов российских социально-политических систем и режимов на протяжении сотни лет – с начала XX в. до начала XXI в. Ни один из них не может быть представлен как по хрестоматийным схемам раскола и противостояния между «массой» и «элитой» или «элитой» и «властью», «массой» и властью». Во всех ситуациях пережитых политических переломов и переходов главным действующим фактором оказывалась неспособность данной конфигурации правящих групп сохранять свое господство и порожденные такой ситуацией расколы и конфликты внутри самой конфигурации; «желания» или интересы ниже лежащих общественных слоев значимой роли не играли. В экстраординарных ситуациях социального возбуждения эмоциональный фон массовых

ожиданий и иллюзий мог служить лишь дополнительной поддержкой господствующих структур.

Консолидация: фантом и проблема. Изложенные соображения, как представляется, дают возможность подойти к часто возникающей в социально-политических дискуссиях последнего времени теме «консолидации» российского общества или его структурных компонентов.

Проблема консолидированности в зоне самих *властных структур* требует обращения к персонализированным и окказиональным факторам, а потому в ограниченной мере доступна социологическому анализу; пока оставим ее за рамками рассмотрения.

В «*элитарной*» зоне, как отмечено выше, наблюдается скорее *пониженная* (по сравнению с условно-«нормальными» образцами или «мировыми» стандартами) степень самоопределения и дифференциации специфических интересов отдельных групп. В то же время налицо *избыточная* (по сравнению с теми же стандартами) консолидированность элитарных и властных структур. В результате не может эффективно исполняться одна из важнейших функций элитарных структур – артикуляция различных общественных позиций и проблем. Получается, что и элита, и общество страдают не от недостаточной консолидированности, а от недостаточной определенности *различных* интересов и позиций. Доминирующей тем самым становится примитивная (по Э. Дюркгейму, «механическая») солидарность однородных, как бы извне, «сверху» организованных или «построенных» единиц. Между тем для развитых социальных систем характерно эффективное взаимодействие самостоятельных, разнообразных и взаимодополняющих субъектов действия («органическая солидарность»).

В зоне отношений между элитарными структурами и «массами» на протяжении уже не ста, а примерно последних трехсот лет можно было наблюдать смену привычных и (в переломные периоды) непривычных форм противостояния, причем элита практически неизменно выступала как опора и проводник влияния власти (протестующие элитарные течения в конце XIX в. или столетие спустя скорее действовали как «контрэлита»).

Приходится констатировать, что ситуация не изменилась и после политического перелома конца 80-х начала 90-х гг. прошлого века. Различные по глубине и долговременности перемены на властных и элитарных уровнях не привели к принципиальному пересмотру взаимоотношений и взаимных оценок элитарных и мас-

совых слоев. После недолгого всплеска «всеобщих» надежд реформы 1991–1992 гг. – а тем более их инициаторы – воспринимаются общественным мнением преимущественно негативно.

Древняя формула-требование «хлеба и зрелищ» в исторической прагматике давно расчленена на неравнозначные компоненты: одна часть общества нуждается в «хлебе насущном» (средствах удовлетворения повседневных массовых запросов), другая – в «зрелищах» (к которым у нас, как известно, относятся также свободы и демократия, допущенные в российскую обитель как предмет зрелища, а не реального массового участия...)

Небольшой пример. 76 % имеющих высшее образование и 78 % с образованием ниже среднего (т.е. практически «все» в равной мере) опасались, что в 2006 г. в России произойдет рост цен, падение благосостояния населения. А «закручивания гаек», ограничения прав и свобод опасались 15 % высокообразованных и 6 % низкообразованных – здесь уже опасения явно разделены. Примерно такую же картину получим, рассматривая суждения по статусным группам (10-ступенчатая шкала статусов сведена к трем группам): ростом цен обеспокоены в равной мере все (76–78 %), а «закручиванием гаек» 12 % в высшей статусной группе и только 5 % в низшей (январь 2006 г., N=1600).

Вряд ли можно допустить, что в ближайшем или обозримом будущем эти интересы сомкнутся на элитарных высотах. Более вероятен все же иной вариант «консолидации» интересов и сил, если возвышенно-либеральные ценности и демократические механизмы будут задействованы как средства обеспечения «хлеба насущного», т.е. достойного качества массовой жизни. Этого не произошло ни в годы переломных реформ, ни в месяцы подъема социальных протестов начала 2005 г.

Ограниченная в своих возможностях и претензиях сегодняшняя оппозиционная контр-элита заметной массовой поддержки не получила. Фатальной для нее оказалась неспособность (нерешительность и нежелание) артикулировать массовый протест против экономической политики власти начала 2005 г. Наличие «незаработанных» страной средств, оказавшихся в распоряжении власти, позволило ей в очередной раз использовать популистские настроения («восстание масс» на российский лад) для укрепления регрессивных тенденций в экономике и политической системе.

За все годы последних перемен и потрясений на отечественном социально-политическом поле сохраняется явное расхождение интересов и опасений «элитарного» и «массового» уровней.

Для российской социально-политической сцены ситуации массового, условно-«всеобщего» эмоционально-политического возбуждения оставались до сих пор редкими исключениями. Одна из них наблюдалась, видимо, весной 1917 г., вторая – в конце 80-х гг. Сходные признаки обеих ситуаций – крушение и дискредитация «старой» системы господства, взвинченные ожидания, неопределенность перспективы, неизбежно непрочная, рыхлая и кратковременная консолидация разнородных сил и интересов на основе общего отрицания «старого» строя (*«негативная консолидация»*).

В последнее время некоторые аналогии такой структуре социально-политических процессов дают перипетии «цветных» революций в ближнем зарубежье. *Позитивная* консолидация (т.е. консолидация «за») на массово-эмоциональной основе вряд ли могла складываться, для нее требуется некоторая определенность ориентации и организации действующих сил, а вместе с тем и разграничения между их активистами, сторонниками, «попутчиками» и т.п. Стоит заметить, что при отсутствии атмосферы массового возбуждения оппозиция действующей власти вынуждена искать способы «позитивной» консолидации своих потенциальных сторонников, выдвигая привлекательные программы, лозунги, фигуры лидеров.

Опросы последнего времени представляют существенные особенности массовых установок в отношении российской власти различных эпох. Ниже приводятся результаты однотипных опросов 1998, 2001 и 2005 гг.; в каждом из них респондентам предлагалось указать (в предложенном списке) черты, характерные для власти советской («застойного» периода) и современной российской.

Таблица 1

«Качества» власти

	Год и месяц опроса	Советской (70-90 гг.)			Нынешней		
		1998 январь	2001 январь	2005 ноябрь	1998 январь	2001 январь	2005 ноябрь
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Законная	32	22	28	12	10	9
2	Честная, открытая	14	11	13	3	3	3

Окончание таблицы см. на след. стр.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
3	Криминальная, коррумпированная	14	13	12	63	50	62
4	Близкая народу, людям	36	30	34	2	3	5
5	Сильная, прочная	27	25	30	2	4	7
6	Эффективная, компетентная	5	10	11	3	3	6
7	Недальновидная	23	14	21	28	17	25
8	Справедливая	16	16	11	3	3	3
9	Слабая, беспомощная	8	6	8	31	21	20
10	"Своя привычная"	32	24	26	3	2	4
11	Непоследовательная	8	6	9	32	25	29
12	"Келейная", закрытая	17	4	13	8	7	8
13	Прагматичная	2	2	5	4	5	6
14	Паразитическая	8	6	5	18	12	15
15	Ограниченная, неумная	9	7	8	12	4	8
16	Авторитетная, уважаемая	21	21	24	2	4	7
17	Компетентная	6	6	7	3	6	9
18	Незаконная	1	3	3	13	10	16
19	Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	13	7	12
20	Далекая от народа, "чужая"	8	8	10	41	34	42
21	Образованная, интеллигентная	8	12	13	6	12	13
22	Бюрократическая	30	26	30	22	24	39
23	Затрудились ответить	11	12	13	9	11	8
	Число опрошенных	1500	1600	1600	1500	1600	1600

Фактически по всем *позитивным* качествам (законность, честность, близость людям, прочность, справедливость и др.) показатели, приписываемые советской власти, значительно выше, чем соответствующие данные нынешних властей. А по *негативным* характеристикам (коррупционность, слабость, удаленность от народа и др.) нынешняя система правления в общественном мнении далеко опережает прошлую. Единственное, не очень значимое исключение – по уровню «образованности, интеллигентности» нынешняя власть не уступает старой.

Примечательны колебания некоторых оценок российской власти за последние годы. Так, распространенность представлений о коррупционности власти, о ее непрофессионализме, об удален-

ности от народа в 2001 г. заметно снизилась по сравнению с 1998 г. (скорее всего, это было связано с надеждами на новый порядок В. Путина), но к 2005 г. вернулась к прежнему уровню и даже превзошла его. По контрасту с современной властью ее советская предшественница стала казаться опрошенным более законной, сильной, компетентной, уважаемой. В то же время власть нынешняя части опрошенных стала представляться более привычной, авторитетной, сильной, хотя и менее законной. По представлениям о бюрократичности она догнала и перегнала советскую.

Для дальнейшего более подробного анализа ограничусь рассмотрением только тех позиций из списка качеств власти, которые привлекли наибольшее внимание респондентов.

Таблица 2

**«Качества» власти
(группы по возрасту)**

Возраст	Советской			Нынешней		
	Год опроса					
	1998**	2001	2005***	1998	2001	2005
1	2	3	4	5	6	7
Законная						
Все	32	22	28	12	10	9
18-24	18	9	14	8	8	10
25-39	28	15	26	13	11	9
40-54	35	24	28	11	10	8
55 и ст.	39	32	36	14	10	8
Криминальная, коррумпированная						
Все	14	13	12	63	50	62
18-24	12	12	10	59	34	59
25-39	20	19	11	65	54	63
40-54	12	11	15	66	55	63
55 и ст.	7	8	9	60	50	63
Близкая народу, людям						
Все	36	30	34	2	3	5
18-24	22	14	21	2	3	11
25-39	32	26	32	2	3	5
40-54	41	31	32	2	4	3
55 и ст.	43	40	44	3		5
Сильная, прочная						
Все	27	25	30	2	4	7

Продолжение таблицы см. на след. стр.

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Сильная, прочная						
18-24	15	14	21	6	3	9
25-39	30	25	30	2	5	7
40-54	18	29	28	2	4	7
55 и ст.	30	28	35	2	4	4
Справедливая						
Все	16	16	21	3	3	3
18-24	11	7	15	1	4	3
25-39	12	12	14	3	4	3
40-54	17	15	21	2	1	2
55 и ст.	22	25	29	3	2	3
Слабая, беспомощная						
Все	8	6	8	30	21	20
18-24	4	9	9	20	18	16
25-39	7	6	8	31	23	20
40-54	12	8	9	32	24	19
55 и ст.	7	2	7	34	17	23
"Своя, привычная"						
Все	32	24	26	3	2	4
18-24	21	18	14	5	4	8
25-39	34	24	28	5	2	5
40-54	40	26	26	3	3	4
55 и ст.	30	24	30	2	2	2
Авторитетная, уважаемая						
Все	21	21	24	2	4	7
18-24	23	13	22	5	5	10
25-39	19	20	26	1	4	8
40-54	23	21	21	2	4	5
55 и ст.	21	26	26	2	4	5
Незаконная						
Все	1	3	3	13	10	16
18-24	1	4	5	10	7	18
25-39	2	2	3	12	8	17
40-54	1	3	5	14	10	15
55 и ст.	1	1	2	13	12	14
Непрофессиональная, безграмотная						
Все	6	6	8	12	7	12
18-24	6	5	5	9	4	10

Окончание таблицы см. на след. стр.

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Непрофессиональная, безграмотная						
25-39	6	10	7	15	7	12
40-54	5	6	12	15	11	14
55 и ст.	7	3	5	10	7	11
Далекая от народа, "чужая"						
Все	8	8	10	41	34	42
18-24	10	6	9	32	29	38
25-39	9	8	9	39	31	44
40-54	8	7	11	50	38	38
55 и ст.	6	7	9	39	34	42
Образованная, интеллигентная						
Все	8	12	13	6	12	13
18-24	8	11	9	5	15	13
25-39	9	9	13	3	13	14
40-54	8	13	15	6	10	13
55 и ст.	7	15	13	10	9	12
Бюрократическая						
Все	30	26	30	22	24	39
18-24	27	19	24	16	21	35
25-39	33	34	38	21	25	42
40-54	37	30	33	27	24	42
55 и ст.	23	19	23	21	24	35

В глазах молодых людей (до 25 лет) образ советской власти несколько улучшился: она теперь кажется им более законной, прочной, справедливой, менее бюрократической, чем казалась им около 8 лет назад. А у старших возрастов, напротив, представления о достоинствах советского режима по ряду позиций ухудшились: он стал казаться более коррумпированным, менее привычным, более слабым и далеким от народа.

«Лояльные» и «нелояльные»: консолидация мнений? Оценки качеств советской власти в электоратах современных политических сил носят явно выраженный идеологический характер. Так, эту власть считают законной 43 % потенциальных избирателей КПРФ, 35 % электората «Родины», 27 % – «Единой России», а коррумпированной лишь 8 % сторонников КПРФ, 13 % избирателей «Единой России», 14 % «Родины». Близкой к народу видят советскую власть 62 % электората КПРФ, 30 % – «Единой России», 39 % ЛДПР, 26 % избирателей «Родины».

Пожалуй, более интересны данные об отношении тех же электоратов к *нынешней* власти. Ее законность отмечают всего 9 % коммунистического электората, что вполне объяснимо. Но и среди сторонников государственной «партии власти» на эту черту обращают внимание не более 14 %. Близкой к народу эту власть видят 2 % сторонников КПРФ и 6 % «единороссов». Точно так же распределяются в этих группах мнения о близости власти к народу (2 и 6 %). В то же время власть считают коррумпированной 73 % избирателей КПРФ и 61 % избирателей «Единой России», далекой от народа – 49 и 38 %, бюрократической – 36 и 38 %. Получается, что *суждения о власти избирателей непримиримой оппозиции и правящей партии не слишком отличаются друг от друга*. Это значит, что власть не имеет сколько-нибудь прочной «идейной» опоры в собственном электорате.

Если взять характеристики нынешней власти у групп, отличающихся мерой *надежд на правительство*, получим следующую картину. Законность нынешней власти отмечают 11 % среди тех, кто *надеется* на способность правительства улучшить положение в стране, и 4 % среди *не имеющих* такой надежды, справедливость власти усматривают, соответственно, 4 % и 3 %, коррумпированность – 57 % и 66 %, отдаленность от народа – 40 % и 46 %, бюрократичность – 40 % и 46 %.

Аналогичное распределение (точнее, почти полное однообразие) суждений о власти получается при сопоставлении мнений представителей разных мнений о том, как идут дела в сегодняшней России. Из считающих, что дела идут в «правильном направлении», на законность действующей власти обращают внимание 6 %, из тех, кто с этим не согласен, – 5 %. Называют эту власть близкой народу, соответственно, 4 % и 3 %, коррумпированной – 68 % и 58 %, «своей», привычной – 3 % и 2 %.

Наконец, обратимся к оценкам власти устами одобряющих и не одобряющих деятельность президента В. Путина.

Таблица 3

**Качества нынешней власти
(группы по отношению к В. Путину)**

Качества власти	Отношение к деятельности В. Путина в целом	
	Одобряют	Не одобряют
Законная	11	4
Коррумпированная	61	68

Окончание таблицы см. на след. стр.

Окончание таблицы 3

Качества власти	Отношение к деятельности В. Путина в целом	
	Одобрят	Не одобряют
Сильная, прочная	8	1
Справедливая	4	1
Слабая, беспомощная	19	24
Далекая от народа	40	46
Бюрократичная	38	40

Таким образом, уровень демонстративно критических оценок сегодняшней власти весьма мало связан с выражениями лояльности по отношению к ее институтам и носителям. Как можно объяснить столь странное, на первый взгляд, сочетание лояльности и критичности? Скорее всего, тем, что противоречивые оценки имеют разные основания и исполняют различные функции в структуре массового сознания. Показатели демонстративного «одобрения *в целом*» являются высокими только по отношению к деятельности президента – при том, что *полностью* одобряют его действия 16 % (январь 2006 г., N=2100) – и означают безальтернативность «последней надежды» населения. Негативные оценки *всех прочих* властных институтов в значительной мере *прагматичны*, т.е. обусловлены реальным жизненным опытом людей в обстановке неудовлетворенности и неуверенности в будущем. Как видно из ряда полученных ранее опросных данных, резко критические суждения о власти имущих перекладывают ответственность за все беды и трудности с высшего должностного лица на его окружение и нижестоящих исполнителей. Кроме того, в российском общественном мнении явно или скрыто присутствует противопоставление нынешних порядков – советским, преимущественно в пользу последних: в январе 2006 г. 43 % против 45 % (N=1600) предпочли бы сохранение положения, существовавшего до «перестройки».

Страх вместо доверия? В заключение темы обратимся к данным о доверии и страхе в отношении нынешней власти, полученным в одном из опросов декабря 2005 г. (N=1600). 8 % опрошенных сообщили, что они «определенно доверяют» нынешней власти, еще 38 % – что «скорее доверяют» ей, 49 % выразили недоверие (в том числе 16 % – «определенно»). Общее соотношение доверяющих и не доверяющих власти составило, таким образом, 46:49. Среди самых молодых, до 25 лет, уровень доверия власти наибольший (55:38), среди тех, кому 40–54 г., – наименьший (44:51).

«Боятся» власти, по собственному признанию, 14 % опрошенных (лишь 2 % «определенно» боятся), скорее и определенно не испытывают страха перед властью 80 %. Чаще всего отмечают страх перед властью в старшем возрасте, 55 лет и старше (16:76), реже всего подвержены ему 25–39-летние (11: 83). Процентные различия в данном случае не слишком значимы, подавляющее большинство очевидно страха перед властью не имеют. Согласно другому декабрьскому опросу, 58 % (против 30 %) сочло, что за последние годы в стране стало «больше страха». Но сам этот страх скорее всего можно понимать как неуверенность, как «опасения» (нежелательных событий, неверных действий и т.п.), а не как прямую «угрозу» жизни и безопасности людей со стороны власти. Этой характерной для тоталитарных режимов опоры российская власть в настоящее время не имеет.

В. И. Кашперский*

Политика, права человека и культурные перспективы цивилизации. Философско-антропологический анализ

Политическая деятельность как культурное явление сформировалась в период становления теоретического мышления в античности. Поэтому со своего рождения она несет на себе родовую печать стремления к универсальности, присущую классическому идеалу рациональности. Будучи оборотной стороной последнего («политической практикой», согласно убеждению античных философов), всякая реальная политика традиционно содержит в себе латентную и вместе с тем неустрашимую установку к поглощению и экспансии.

Развитие капитала и промышленности в Европе стало новой почвой для таких убеждений и питаемых ими действий. Индустриальная эпоха в развитии западной цивилизации сопровождалась мощным всплеском экономического и географического детерминизма. Господствовало убеждение о вытеснении этнических и религиозных особенностей традиционных обществ в результате их трансформации или поглощения политической борьбой между социальными группами, отстаивающими свои экономические интересы. В таком контексте политика предстает в качестве концентрированного выражения экономики и стержня глобализации. В системе этих ценностных предпочтений формировались политические установки и практика викторианской эпохи, роста колониальных империй. В ней же сформировалась марксистская концепция коммунизма как универсальной модели будущего и мировой революции как практического средства для осуществления этой концепции. Вне зависимости от различий между этими процессами и трактовками свободы и гуманизма в теоретические основания политики конца XIX века входило убеждение в необходимости отстаивать

* **В. И. Кашперский** – д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).

во всем мире права человека, утверждая и даже насаждая ценности гуманизма и индивидуальной свободы.

XX век мало что изменил в этом отношении. Мировые войны разрушили колониальные империи, но сформировали новую универсальную модель международных политических взаимодействий – противостояние двух систем. С различным, но тем не менее универсальным пониманием указанных ценностей. А главное – с их признанием. И только с разрушением Советского Союза стали происходить кардинальные и пока что теоретически недостаточно осмысленные изменения. Но прежде чем обсуждать эти изменения в современной политике, я хотел бы подробнее осветить проблемы прав человека и ценности индивидуальной свободы под углом зрения философской антропологии.

В традиционных обществах проблема прав человека решалась в контексте социально-этической, моральной риторики. Они были частью универсалистской правовой морали, норм и предписаний, установленных предками, как в мифологических обществах, либо властными элитами, правящей бюрократией, как в большинстве восточных культур постмифологического периода. В России права человека традиционно связывают с естественной правотой – православием и установлениями государства. Отсюда – наши трудности со становлением позитивного, то есть формального, права, равно как и гражданского общества. Нам легче говорить о политической экспансии Запада и смиряться с господством бюрократического аппарата, чем предпринимать сознательные усилия для преодоления традиции и того, что Антон Павлович Чехов называл «выдавливанием из себя по капле» раболепия перед властью.

Проблема действительно непростая. Потому что это – антропологическая проблема. Для правового субъекта различают три вида притязаний: *status negativus*, примером которого является личное право на свободу, *status activus* как право на действие, примером которого является право на притязание, или равенство возможностей, и *status positivus* как право на доступность и гарантию, скажем, в области образования, медицины или пенсионного обеспечения в старости. Ключевым для понимания трудностей с утверждением правового, то есть гражданского, общества является *status negativus*. Особенность западных обществ состоит в том, что сначала во французской Декларации прав человека и гражданина (1789), а позднее в Виргинском билле о правах была признана безусловность этого первого вида притязаний человека (замечу, независимо от собственности, вероисповедания и других различий).

Действительно, человек свободен от рождения и по определению, он рожден свободным, и в этом его глубочайшее, антропологически укорененное право. Это его антропологическая характеристика, то, что делает его человеком. Ведь не зря в местах заключения, где, как предполагается, человек должен быть лишен своего человеческого достоинства, у узников забирают все то, что могло бы дать им возможность осуществить свое последнее право на свободный выбор – жить или умереть (пояса, острые предметы и т.п.).

Действительная проблема утверждения универсальных прав человека в современном мире заключается в том, что их утверждение превратили во всеобщее требование, то есть требование, которому политики придали иллюзорную форму нивелирующей всеобщности и необходимости. Это неподходящий критерий для свободы, ощущение которой в различных культурах уникально. Тирания всеобщего сталкивается с этническим, религиозным и иным разнообразием, отчего требование прав человека воспринимается как диктатура и экспансия Запада или как претензия партикулярной идеи на мировое господство. Именно поэтому политикам незападного мира, скажем, лидерам исламского экстремизма в Иране и других странах, удается достаточно легко убедить свои народы, будто ценность формального права неприемлема или даже вредна для национальной или религиозной почвы.

Я полагаю, дело здесь состоит прежде всего в антропологическом заблуждении самих западных теоретиков. Антропологию вслед за Клодом Леви – Строссом привязали к исследованию национальных, религиозных и этнических различий в качестве самоудовлеющих, вместо того, чтобы увидеть в ней то, что делает всех людей людьми, – принципиальную экзистенциальную открытость каждого человека к свободе, любви и творческому действию. Подлинная философия как любовь к мудрости начинается с того, что лишает силы страх перед тиранией всеобщего, будь то диктатура законов природы или социальной власти. Конечно, в этом скрывается парадокс классической философии: вначале, в период ее становления как первой формы теоретического мышления и рационализации представлений о природной и социальной жизни, она сама же и создает представление о господстве всеобщего. Сегодня следует преодолеть заблуждение, согласно которому понятие универсальности есть выражение всеобщего, понимаемого как униформа, униформированность, выравнивание культурных различий по какому-либо шаблону. Антропологическая универсальность права на свободу означает как раз обратное, а именно – признание в каче-

стве нормы языкового, религиозного и культурного разнообразия, сосуществования различий. Всеобщность и универсальность в политике желательно понять как характеристики системной упорядоченности различий и множественности отношений.

Тонкость тут, как мне кажется, в понимании ответственности. Классическая мысль в своей ориентации на всеобщность и необходимость любых утверждений, претендующих на истинность, приучила нас считать, что свобода есть осознанная необходимость, проистекающая из внешней среды, что ответственность тем самым состоит в почтении к этой внешней необходимости. Иначе говоря, корни этой ответственности как необходимости находятся вне нас, то есть они не антропологичны. Потому и получается, что ответственность как внешняя необходимость, проистекающая из законов внешнего человеку природного и социального миров, воспринимается как репрессивная по отношению к свободе. Ведь свободу в любом случае мы в состоянии воспринимать только как нашу, а еще точнее – мою, личную свободу. Соответственно, с антропологической точки зрения, подлинная ответственность – только та, которую человек принимает сам и для себя; только тогда ответственность есть вместе с тем вменяемость. Вменять в вину человеку, рассчитывая на его согласие, можно лишь преступление, то есть то, что он переступил ту грань, которую он сам признает для себя непреодолимой гранью, и каждый из нас по личному опыту знает, что это действительно так. Исключение демократическое общество делает только для уголовных и административных преступлений, при совершении которых человек не осознает, что совершает преступление. Потому-то многие квалифицированные преступники, как говорят, «косят» под невменяемых, и поэтому же сталинские «запечных дел мастера» так упорно добивались от политических заключенных т.н. «признания».

Возвращаясь к политике. После разрушения модели противостояния двух систем наступил период сначала эйфории «конца истории» (в смысле, в котором о конце истории говорил Фрэнсис Фукуяма), а затем, особенно после 11 сентября 2002 г., теоретической растерянности политиков западного мира. Сегодня резко возросла популярность моделей культурного детерминизма, ставящего во главу угла ценности, культурные устои, установки разума. Согласно Родни Старку, например, не капиталистическое производство породило Запад и его ценности, а, напротив, Запад стал богатым и влиятельным потому, что изобрел капитализм. При этом, считает этот автор книги «Победа разума», изобрел его еще в

Средние века, опираясь на ценности христианства. Аргументация Старка представляется очень существенной для понимания и анализа перспектив современного мира. Можно, конечно, оставаясь в рамках экономического детерминизма, рассуждать о глобализации классово-борьбы, о превращении пролетариата во «всемирный пролетариат» исламского (и отчасти китайского, индийского) мира, противостоящего капиталу «золотого миллиарда» планеты. На мой взгляд, это малопродуктивный путь. Современный вызов радикального ислама, брошенный западной цивилизации, основан на отделившихся от традиционной политики этно-религиозных мотивах. Новые «экспроприаторы» стремятся к перераспределению центров власти, а не собственности, они ставят цель разрушения западной техногенной цивилизации и ее ценностей, включая права и свободы граждан, а также сложившиеся политические институты Запада. В этих условиях последние, включая ООН и другие международные пакты и организации, не в состоянии пока что предъявить миру новые жизненные импульсы, которые содействовали бы толерантному взаимодействию культур. Вызов, брошенный западной цивилизации, грозит разрушением политики, которая может уступить место либо архаичным и не имеющим рациональных внутренних механизмов сдерживания религиозно-этническим формам международного взаимодействия, либо формам прямого насилия, приводящим в итоге к хантингтоновской модели перманентной войны «севера» с «югом».

Как видим, без существенной коррекции ценностных оснований культуры для западной политики (и существующих демократически форм осуществления власти) возникают серьезные препятствия, вплоть до угрозы политического бесплодия и смерти многих существующих международных структур глобализации. Здесь имеется еще одно обстоятельство, которое, к сожалению, мало принимают во внимание современные теоретики: христианство содействовало рождению современной техногенной цивилизации Запада благодаря тем своим качествам (признанию разума и свободной воли, суверенности личности, возможности потенциального преодоления человеком собственной греховности в земной жизни), которые сегодня делают его уязвимым перед лицом религиозного экстремизма. Политический рационализм, упираясь в стену религиозного, этнического или националистического фанатизма, неизменно сталкивается с соблазном отказа от гуманистических ценностей, прав человека, идеалов разума и свободной воли, равно как и с угрозой перехода на позиции иррационализма, что означало бы вместе с тем и отказ от христианских ценностей.

Л. А. Закс*

Повсеместность власти: от метафизики к культурологии

Название нашей (культур- и социофилософской) секции формально восходит к названию книги поэта-обэриута А. Введенского «Кругом возможно бог», но по сути выражает признанную «истину», или идею современной социально-гуманитарной науки и философии. «Власть» – ключевое слово сегодняшнего языка этих наук, ключевой способ видеть, толковать и объяснять социальную реальность, в разных планах, аспектах и проявлениях которой «вдруг» проступили жесткие принудительные контуры повсеместных властных отношений. Как точно заметил Пьер Бурдьё, «повсюду видят власть, так же как в прежние времена отказывались признавать ее даже там, где она бросалась в глаза»¹. И, будучи одним из самых глубоких и ярких представителей такого «панкратического» («панкратологического») видения, Бурдьё в нескольких словах формулирует программно-методологическую его сердцевину: «власть – этот своего рода «круг, центр которого находится повсюду и нигде», который никогда специально не скрывался, достигая этого иными способами, – нужно уметь обнаружить там, где она менее всего заметна, где она совсем не узнана, следовательно – признана»².

За этой программой – весомая традиция, большой интеллектуальный опыт гуманитаристики от Ницше до Фуко. Но, пожалуй, еще более влиятельный исторический опыт человечества XX века, вобравший в себя открытые, весьма, в общем, небезуспешные, «фаустовские» притязания на подчинение («покорение») природы, и столь же откровенные и дорого стоившие роду человеческому

* *Лев Абрамович Закс* – д-р филос. наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, зав. кафедрой эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 87–88 (статья «О символической власти»).

² Там же. С. 88.

посягательства на мировое господство и тотальный социальный контроль, и гораздо менее афиширующая себя, но, тем не менее, повсюду в современном мире обнаруживаемая реальность неуклонного и как бы объективного «имплицитного» принуждения, подчинения, навязывания, контроля, словом, господства. «Парадигма свободы» во второй половине прошлого века явно уступила мировоззренческое лидерство «парадигме зависимости», жесткой логике разнообразных принудительных сил – от секса до языков (дискурсов) и образов, не говоря уже об экономике и политике. Терминология власти и властных отношений и выразила эти тенденции современности, акцентируя при этом не столько «власть субъектов», сколько «власть над субъектами».

Причем если у «запустившего процесс» Ницше биологическая в своей основе и потому в сущности объективно-иррациональная метафизика власти – это все же еще «метафизика субъекта» (пусть и прочитываемого весьма по-новому)³, то у многих современных мыслителей (в особенности постструктуралистской «формации») власть не только дисперсна и имперсональна, но и, совершенно по Кафке, мифологически первична, всесильна и репрессивна по отношению к «бывшему» субъекту, а ныне объекту ее манипуляций – человеку. Несомненно, что такому «бессубъектному» видению, помимо исторических причин, способствовало и применение к обществу и человеку результатов новых наук – теории систем, теории информации, теории программирования и информатики, дошедшее до степени «технично-технологического обоснования» образ человека как управляемого «продукта» системы, всех ее многочисленных «инструментов», или, по Фуко, «аппаратов».

Конечно, получившаяся в результате картина односторонняя и в своей надындивидуально-объективистской, рационально-иррациональной логике даже, повторю, мифологична в чем-то. Но, как часто бывает, в рамках этой концептуальной «крайности» и, по видимому, благодаря ей, М. Фуко и близким ему исследователям удалось существенно обогатить наши представления о власти, ее

³ Говоря так, я имею в виду, что при грандиозной ревизии «субъектных» понятий, редукции духовного к биологическому, витальному («породе животных») Ницше продолжает исходить из активистской трактовки человека, из принципа его собственного влечения и воли, из его жизненной борьбы за реальность, силы и, в конце концов и все-таки, – свободы. И власть – цель и результат активистского комплекса самоосуществления человека. См.: **Ницше Ф.** Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1910. Кн. 3.

логике и механизмах. К таким представлениям прежде всего следует отнести:

- понимание Фуко власти как, прежде всего, властных отношений (отношений силы);
- признание множественности этих отношений, их имманентности и конститутивности для других типов отношений, выступающих «областями их осуществления» («экономических процессов, отношений познания, сексуальных отношений»);
- дисперсность (многоточечность) и подвижность властных отношений, сопряженность их с борьбой, с «точками сопротивления», пронизывающими «социальные стратификации и индивидуальные единства»;
- органическую связь властных отношений с имманентными им стратегиями, «общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства»⁴.

Как бы то ни было, фукольдианское (и в целом постмодернистское) понимание власти с ее открытиями и пробелами, с ее парадоксальным обострением проблемы взаимоотношений власти (в любом ее проявлении) и человека вновь возвращают нас к фундаментальным вопросам о природе власти и ее отношении к сущности человека, общества, культуры – к вопросам метафизическим, философско-антропологическим и культурфилософским.

И первый вопрос, требующий ответа (М. Фуко на него не отвечает): почему власть (властные отношения)? Какова, иначе, необходимость и возможность власти, ее фундаментальные истоки и основания? Как связаны необходимость, возможность и действительность власти со спецификой человека? Ответы Ницше включают в себе много ценных моментов: включение власти (воли к ней, могуществу и превосходству) в разряд ключевых, сущностных определений человека и всего его существования и, отсюда, универсализация феномена власти; выведение ее из законов («императивов») биологической природы человека, что равносильно более широкой постановке проблемы власти, выходящей тем самым за пределы одного только социального и «человеческого»; связывание власти с потребностями и стремлением к их удовлетворению, следовательно, в основе своей реалистичное и «рациональное», в смысле: инструментально-функциональное объяснение власти. Но

⁴ **Фуко М.** Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 192, 197 и др.

сегодня, тем не менее, эти ответы нас не могут устроить, и вот почему.

Во-первых, и это самое главное, даже видя связь власти в человеческом мире с ее дочеловеческими (чисто биологическими) истоками и формами, мы никак не можем их отождествить. Не отрицая биологического в человеке, современная наука связывает его собственную, уникальную во всем мироздании специфику с его социокультурной сущностью. Для исследования властных отношений в мире людей это имеет по меньшей мере три важнейших следствия. Первое: биологические «импульсы» к власти существеннейшим образом опосредуются и преобразуются культурой, и даже если продолжать понимать человека, в духе Ницше, как «хищного зверя» (а ведь, как заметил Х. Плеснер, наряду с такой биологической трактовкой есть и другие: человек как «слабый» (больной или испуганный) зверь), то и в этом случае он и его властные отношения неизбежно оказываются – в силу принадлежности к культуре – другими, чем у «некультурных» хищников. Второе: культура создает (определяет) собственные, особенные во многих отношениях основания и необходимости власти. Власть «из» культуры (на ее основе), а не наоборот. И, отсюда, третье следствие: формы власти в социокультурных системах невыводимы из биологических оснований и существенно шире, чем в системах биологического типа. Так, кроме уровня индивидов («особей»), власть должна быть рассмотрена на социальном (надиндивидуальном) уровне возникновения, существования и функционирования (антропология власти должна быть дополнена и соединена с ее социологией). Кроме того, в социокультурных системах власть обнаруживает себя не только в субъектно-психологизированных (волевых) формах (как власть кого-то), но и в безличных объектно-системных формах (как власть чего-то, например, институтов, дискурсов, традиций). На языке Ницше все это не может быть даже репрезентировано – не то что объяснено.

Во-вторых, в силу тех же причин, и функциональное понимание власти и властных отношений не может быть сведено, как у Ницше, к витально-утилитарному (шире – материально-утилитарному) содержанию. Должно быть учтено и автономное духовное начало с его особой логикой и потребностями, что порождает специфические варианты власти (такие, как символическая власть образов, представлений, концептов и духовных ценностей).

Не претендуя ответить здесь на поставленные выше фундаментальные вопросы, включая исходный, ограничусь отдельными

наблюдениями и мыслями, уточняющими какие-то грани проблематики власти. Прежде всего уточним «феноменологию» власти.

Буду исходить из представления о власти как способе, или механизме, овладения (о-владения, за-владения) кем-то или чем-то для установления и поддержания (сохранения) отношений господства над ним как единства обладания им, контроля за ним, подчинения его.

Сущность (главная цель) власти при этом не зависит от особенностей различных способов (путей) установления господства. В пределе, типологически таких способов только два: 1. Господство устанавливается вопреки желанию (воле, намерениям) тех, на кого это господство распространяется, что, как правило, имеет своими следствиями сопротивление, противодействие (активное или пассивное) «подвластных» (подконтрольных, управляемых) явлений и, соответственно, применение к ним материального принуждения = насилия. 2. Господство устанавливается с согласия (одобрения) «адресатов» власти, т.е. при их добровольном, или органически совпадающем с «естественной» логикой их бытия, самоподчинении, самоотдаче некоей властной силе, властному началу. Эти противоположные типы власти объединены общим для них и, таким образом, ключевым для любой власти признаком – достижением и удержанием господства. Само же господство (всегда означающее «господство над») можно определить как бытийное превосходство одной из сторон (агентов) некоей системы отношений, реализуемое ею как подчинение других сторон и управление ими.

Другой атрибутивный признак власти (и давний предмет метафизических истолкований-объяснений) – силовой ее характер. Рождение и осуществление любой власти: и как особых властных отношений, и как специального образования – «системы», некоего, говоря языком физиологов и психологов, функционального органа, способного совершать известную работу, и как самой этой работы – деятельности властвования-овладения, сопряженной с преодолением множества препятствий, сопротивлением, борьбой и, несмотря на все это, утверждением желаемого (необходимого) status quo, обретением превосходства и достижением господства – связано с наличием и обнаружением некоей силы, или мощи (о близости и нераздельности власти и силы свидетельствует тот факт, что в ряде европейских языков власть и сила обозначаются одинаковым словом: «power» (англ.), «Macht» (немец.), «force» (франц.), «pater» (испанск.); правда, для обозначения власти есть

и специальные слова: «власть», «pouvoir» (франц., происходящее, к слову, от силового глагола «pouvoir» – «мочь»).

У силы и власти двойная, амбивалентная связь. С одной стороны, сила (мощь, могущество) – предпосылка, порождающее начало и основание всего комплекса («механизма») власти: на почве слабости (и тут Ницше прав) не может быть власти и господства, хотя сама сила отнюдь не обязательно есть сила материальная (физическая или биологическая, витальная). Речь идет в данном случае о силе (мощи) как внутреннем свойстве системы – ее энергетическом и деятельностном потенциале, обеспечивающем возможности практического превосходства и господства, обещающем и гарантирующем их и побуждающем к ним. С другой стороны, сила – непосредственное обнаружение и реализация власти, ее внутренняя «пружина» и орудие, воплощаемое и объективируемое, в свою очередь, как в собственных, самопорождаемых властью, так и в активно заимствуемых-захватываемых ею в окружающей среде материальных и ментальных ресурсах. Очевидно, что в данном случае сила как энергетически-деятельностный стержень власти, т.е. властная сила, сила властвования, синонимична или, по крайней мере, имеет главным своим содержанием то, что привычно именуют принудительной силой как осуществляемой способностью созидать и/или разрушать, сохранять (удерживать) и/или отправлять на свалку, организовывать или вносить беспорядок (хаос), опираясь на практику принуждения, подчинения = актуализированного на протяжении всего времени «работы власти» и заполняющего все значимое для нее пространство усилия «давления», «подталкивания», «дисциплинаризации», контроля и управления (регулирования), ведущего к овладению и господству.

Что это за сила (силы), откуда они – отдельный и весьма важный для метафизики, но и для социальной функционалистики власти вопрос. Во всяком случае здесь имеет место «эстафетный» процесс силовых трансформаций и переходов одних сил в другие, опредмечивания и распредмечивания, потенцирования и актуализации сил, вначале рождающих и структурирующих власть (ведущих к власти), а затем – уже существенно другими – рождаемых и структурируемых этой властью. Власть в этой двуединой обусловленности силой и обусловливании силы напоминает знаменитый ныне габитус П. Бурдьё. С какой-то, а именно с энергично-дисциплинарной, «практически-принудительной» своей стороны власть и есть (может быть определена как) бытийно универсальный и, в то же время, функционально (кумулятивно) конкретный силовой

габитус, имманентный социокультурному телу общества, запрограммированный и сам программирующий практику (практики) принуждающего воздействия.

Вернусь к проблеме, обозначенной выше в связи с критической реакцией на позицию Ницше, – проблеме принципиально различных бытийно-функциональных «модусов» власти. Является ли условием власти как особого социокультурного феномена наличие субъективного намерения (замысла) и желания (воли) властвовать? Если да, то власть – это нечто, обязательно имеющее субъекта, выступающее плодом его целеполагания и планомерных (силовых) действий. «Схема» власти в этом случае огрубленно может быть представлена так: потребность, «желание» субъекта (материальная или духовная необходимость человека или социальной группы, общности) → интерес к возможной сфере ее удовлетворения → воля к удовлетворению потребности через обретение превосходства, подчинения и управления данной сферой (т.е. воля к власти) ↔ «сила (мощь) как потенциал принудительного подчиняющего воздействия субъекта на значимые для его целей объекты»⁵ → власть над объектами (= актуальная принудительная сила + социокультурные («искусственные») средства ее осуществления, действенной реализации) → практическое господство (удовлетворение исходных потребностей) посредством власти.

Из этой схемы, между прочим, хорошо видно, насколько тесно связана тема власти (в ее, по крайней мере, «волюнтаристском», субъектном модусе) с другой, популярной в постструктуралистском сознании темой желания. Но эту связь не стоит абсолютизировать и ницшеански психологизировать, поскольку, как уже было сказано, наряду с субъектно-деятельностной (еще раз скажу – «волюнтаристской»), в социокультурном мире мы встречаемся с другой, по видимости противоположной первой, модификацией власти: власти бессубъектной, которую получают – над субъектами! – его объективные «структуры», материальные и ментальные, предметно-вещные, социально-организационные и информационные.

Я бы не торопился говорить применительно к данному случаю о метафорическом значении термина «власть», ведь в нем налицо ключевые признаки власти: основанное на принудительной силе

⁵ Знак «между волей и силой» фиксирует их взаимосвязь и взаимообусловленность: нет «человеческой», субъектной формы власти как без желания ее, так и без возможности.

овладение и господство над субъектами, их сознанием, бессознательным психическим и практиками (социальным поведением). Такова власть (принудительная управляющая сила) социальных (материальных) институтов, структур и «предметов»: собственности и денег, политических и сексуальных отношений, социальных ролей (статусов) и техники, ритуалов и языков. Такова же и власть ментально-информационных, включая духовные, феноменов: традиций и норм, знаний и ценностей, символов и художественных образов.

Эта бессубъектная власть гораздо более всеохватна и безоговорочна, чем власть конкретных людей над другими; ее принудительная сила носит много более изощренный, часто завуалированный характер, осуществляется с согласия и одобрения «управляемых» ею и потому не воспринимается (или не обязательно воспринимается) как навязанная и насильственная. Ее всеохватность и безоговорочность обнаруживается и в способности в любых сферах жизни органически соединяться с субъектными формами власти, подчинять их себе и действовать через них. С одной стороны, социокультурные структуры не только действуют «напрямую», подчиняя себе тело, душу и дух подвластного им «адресата», практически каждого из нас, конструируя и конституируя его вместе со всей реальностью, всем пространством и временем общественной жизни, – они в то же время создают для своего существования и особых человеческих агентов, подчиненных им и следующих их имманентной логике (не «желанию» и «воле», конечно, которых они лишены). Эти люди – «жрецы», служители словно ниспосланной им «свыше» и овладевшей ими властью: политики, менеджеры, педагоги, священники, журналисты, ученые и художники. Объективная властная логика их социокультурной сферы трансформируется в их собственную, внутреннюю потребность, с которой начинается их личная властная «цепочка» (см. описанную выше схему) – линия деятельностного самоосуществления, ведущая к господству (их собственному, а более того – подчинившей их надличной силы) над желаниями, помыслами, чувствами, волей и поступками других людей. Ахматова описала исток этой цепочки – трансформацию надличной властной силы в личностную, как это происходит у поэтов: «Когда я ночью жду ее прихода, / Жизнь, кажется, висит на волоске. / Что почести, что юность, что свобода / Пред милой гостьей с дудочкой в руке».

С другой стороны, социокультурные властные структуры «всплывают» и внутри любой субъектной властной схемы: они ста-

новятся средствами-орудиями объективации и осуществления личностных властных импульсов – институциональными, технико-технологическими, дискурсивными, ценностно-смысловыми (ориентационными). При этом они не только обеспечивают способность властвовать – становятся реальным телом власти, но и наполняют эту способность собственной – программирующей – объективной логикой, придающей любой человеческой власти, любому ее конкретному акту и жесту независимое от желаний и разумений субъектов содержание (впрочем, и сами желания и разумения, как ясно из сказанного, определяются – определяются, можно сказать, дважды – этой объективной социокультурной логикой: вначале, когда она программирует, «конструирует» субъекта властной воли, и потом, когда этот субъект вооружается наличествующими средствами для свершения властных процедур).

Здесь тоже возникает множество вопросов о природе взаимосвязей и зависимостей объективного и субъективного, надлично-всеобщего и конкретно-личностного в системе всеохватных властных отношений, стратегий и практик (например, вопрос об истоках и основаниях властной силы социокультурных структур, амбивалентной функциональности и самооценности, скажем, духовных ценностей или многочисленных образов и нарративов, продуцируемых идеологиями и массовой культурой). Возникает интереснейший вопрос о необходимости и возможности контроля над властными отношениями, т.е. власти на властью. И здесь, в конце концов логически приходя к теме «высшей власти», мы найдем ту же фундаментальную для мира людей диалектику свободной воли и социокультурной необходимости, которая, как и многие другие человеческие темы, не побоюсь тавтологии, в который раз приводит к «исчерпанной», как казалось постмодернистской мысли, проблеме абсолютов: без них «высшая власть», как и «высшая», человечески полноценная свобода, невозможна. И последнее, уже поверх всех бесчисленных вопросов. Очерченная здесь (возможно, слабо и невнятно) картина приводит к совсем не оригинальному, но, думается, неизбежному выводу: как и для всех иных явлений «мира человека», истоком, основанием и способом властных отношений выступает культура. Власть в обществе (любая власть в любом обществе) есть прежде всего власть культуры, какой бы (развитой или примитивной, прогрессивной или реакционной, высокой или низкой, хорошей или дурной) она ни была. Или, совсем уже спрямляя: культура и есть власть.

Б. В. Орлов*

Эстетические опыты властвования или неудовольствие от власти

Прежде всего, задача состоит в том, чтобы понять слабость (горечь) властвования, то есть удовольствия (неудовольствия) как основного эстетического смысла ценности власти – экзистенциальное своеобразие чувства удовольствия (неудовольствия) от власти. Более того – в каких пределах возможен катарсис власти (и возможен ли он вообще)? Существует ли как таковое «эстетическое событие бытия» власти, аутентичное природе эстетического феномена или это симулякр по преимуществу? В какой мере выразительность, с одной стороны, как объект, а вкус, с другой, как эстетический субъект влияют на возникновение эстетического феномена во власти? Власть под вопросом философско-эстетической рефлексии в ее специфическом ответствовании собственной «эстетикой» – вот что, в общем, имеется в виду.

Власть производна от владения. Персонально – это индивидуальный или групповой (совместный, коллективный) субъект владения, то есть владелец (обладатель) в той или иной степени институционализированный и узаконенный (легитимизированный) социумом (социальной общностью), а потому имеющий право на властвование – на владение и управление в соответствии с этим правом в рамках той или иной конвенции. С этих позиций, власть, рассмотренная в субъект-объектной парадигме, – прежде всего и всегда господство властвующего субъекта над подвластным объектом или субъектом, превращенным в объект, его подчинение себе (например, «власть над природой» или «власть над собой»).

Смысл, вкладываемый в понятия «власть случая», «власть тьмы», «власть дискурса», «власть искусства» и т.п., также подчеркивает доминанту господства применительно к, казалось бы, безличным, объективным процессам, субъективируя их и превра-

* **Борис Викторович Орлов** – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

щая в «субъективированные объекты» как ценностные феномены. Значимость случая, невежества и т.д. понимается как такое релевантное отношение, когда ценным становится именно полное подчинение обстоятельствам как квази-субъекту, то есть потеря своей собственной субъектности и, следовательно, самой возможности властвования в разных формах: от экстремума насилия вплоть до экстремума бессилия.

В целом, «принцип власти» предстает как квинтэссенция и определение на этой основе деятельностного модуса человеческого бытия – актуализации субъектно-объектного отношения к миру – как о-владения миром (то есть как «мирового господства»). Властный предел целеполагания значимых результатов и их достижения как специфики деятельности – это не что иное, как владение вещами, информацией и людьми в сферах Праксиса, Логоса и Эроса, то есть властвование – господство в символических реальностях с помощью артефактов, знаков и законов (норм), институционализирующих и регулирующих властные отношения.

Власть в прогрессии стремится к все-властию, то есть к полному подчинению всего и вся, становясь самоцельной и самоценной (теоретически это убедительно показано Ницше на примере «воли к власти», а в искусстве достаточно ярко и репрезентативно, например, Ф. Копполой в фильме «Апокалипсис сегодня»). На этой основе и создаются исходные эстетические симулякры ее ценностного господства в виде практицизма, логицизма и эротизма власти, доставляющие максимум удовольствия от власти – самое полное предельное удовлетворение ее интенций.

Однако по своему сложному онтическому статусу власть противоречива, амбивалентна. Прежде всего, это проявляется в ее посредническом характере. Власть, как процедура посредничества, по В. Тодорову, предстает в нескольких взаимосвязанных аспектах:

1. Власть есть принцип вычленения и опознавания любого социального акта как эффективного/дефективного.

2. Посредник – это тело власти. Оно вполне анонимно и бес-субъектно и предстает капиталом, деньгами, либидо, волей или самим языком. Только в связи с его движениями и собственными принципами возрастания возникают квазисубъектные/объективные стороны любых отношений.

3. Посредник есть порождающее. Стороны эпифеноменальны и возможны только в связи с действием посредника.

4. Эпифеномен есть актуализация фантомов, образов, форм рациональности, модусов чувственности, возникающих в ходе саморазрастания какого-либо без-образного посредника.

5. Само глобальное противоречие между продуктом и продуктивностью становится иррелевантным. Релевантен только посредник, который создает всю ситуацию противоречия.

6. Проект изменения мира как чего-то целого, собранного бесмыслен, поскольку сам проект есть эпифеномен. Его осуществление есть его ликвидация.

7. Идея Революции замещается идеей Перестраивания, или смена миров замещается самоизменением посредников.

8. Революция предполагает чистое волевое действие на мир как собранный. Воля действует как иномирное.

Посредник самосвершается в плоти волевых действий своих агентов.

9. «Вся власть посредникам, а не произвольным проектантам!» (В. Тодоров. Иносказание без иного или о статусе философствования как иницирующего говорения. – Инфра_философия / <http://klinamen.com>).

Можно еще более усилить пафос теоретизирования в этом направлении, если подойти к власти как посреднику через символизм имени – бренда, в котором сконцентрированы и символизированы его основные властные потенции. «Вся власть брендам!» – сегодня по преимуществу именно так маркируется и «окрещается» власть посредников. (Подробнее об этом см.: Б.В. Орлов. Гипотеза власти внутрикорпоративного бренда / Тезисы выступления).

Более того, трагикомический парадокс феномена власти состоит в самоотрицании собственного господства и в полном подчинении символической реальности, то есть – в самоотчуждении и саморастворении в симулякрах (то есть, по Ж. Бодрийяру, в смерти, умерщвлении ценности власти благодаря феномену символического обмена, создающего тотальную реальность дискурса симулякров). Симулякры при этом становятся подлинной реальностью, власть – квазифеноменом, квазисубъект-объектным отношением иллюзорного овладения и господства.

Именно на этом фоне и возможна более точная спецификация эстетической ценности властвования. В противоположность практической ценности, когда значима предельная польза мощи к власти, эстетическое удовольствие от властвования как его бескорыстный результат – развенчание симулякра ее полезности. Эстетизис власти,

в отличие от ее Праксиса, основывается, следовательно, на чувстве неудовольствия от власти как господства, то есть представляет собой сложный случай удовольствия от неудовольствия, что, по всей видимости, и может быть названо катарсисом власти. Власть, по большому счету, нравится тогда, когда ее нет, то есть не своим присутствием, а своим отсутствием – видимым безвластием. Эстетически значим не Эрос власти, а ее Танатос. Власть, умирающая как господство субъекта и демонстрирующая себя в акте самоотрицания, вот то, что оказывается «эстетическим событием бытия», наполненным экзистенциально-эстетическими смыслами, наибольшей выразительностью, драматизмом и настоящим вкусом. Эстетическое схватывание и о-смысление власти как безвластия – это трансгрессия к свободе как к одному из важнейших культурно-экзистенциальных смыслов человеческого бытия, противостоящая прогрессии захвата, овладения и подчинения.

Достаточно «чистым случаем» именно такой трансгрессии может быть «странный случай», творчески блестяще – через Поэзис, Мифос и Танатос – представленный В. Ерофеевым в поэме «Москва – Петушки», которая может быть названа достаточно убедительным примером эстетико-художественной феноменологии власти. Необходимость трансгрессии цинизма власти весьма репрезентативно представлена и в докладе С. Жижека «Власть и цинизм», в котором проведенный эстетический психоанализ приводит автора к близкой мысли о значимости иронии как адекватной, то есть обеспечивающей трансгрессию к свободе, эстетической позиции-реакции в отношении власти. «Ирония, в противоположность цинизму, способна служить, идентифицировать через высвобождающе отчужденное безразличие. ... Легко сделать циничный жест, жест демистификации, разоблачения, выведения на чистую воду, говоря, мол, ты идентифицируешься с грязными властными мотивами, или, мол, за возвышенными фразами скрывается похоть. Проблема, по-моему, в другом. За поверхностным циничным отношением обычно скрывается глубокая, даже фанатичная, привязанность» (Кабинет: Картины мира I. СПб.: Инапресс, 1998. С. 171). Проективная философско-эстетическая концепция освобождения от симулякров власти, рассматриваемая в контексте «шизоэстетики» – ризоматики», предложена Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Основным экзистенциальным принципом ризоматической культуры, обеспечивающей «бегство вперед» – трансгрессию, становится такая точная «формула» эстетического неудовольствия от власти: «Не буди в себе Генерала!».

Е. В. Ишменев*

Власть в контексте теоретической проблематики: тождество классики против идентичности постмодерна

1. Общее определение идентичности можно представить как соотношенность чего-либо с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости. Особое значение в данном случае имеет связь понятия идентичности с понятием «индивидуального», характеризующим отличность в своей единичности. Это соотношение двух понятий стало особенно важным после того, как в философии постмодернизма понятие идентичности стало определяться в связи со сферой власти. В этом случае необходимо выяснить, какое место индивидуальное занимает во власти?

2. В рамках классического понимания, важным условием идентичности является установление отношений равенства. Это отношение предполагает выявление сходства, то есть наличия хотя бы одного общего признака у изучаемых предметов, с последующим анализом их свойств и различий. В свою очередь, последние выступают как признаки, присутствующие у одних и отсутствующие у других сравниваемых объектов, а значит, позволяющие различать и отождествлять изучаемые вещи и явления. Идентичность в таком случае *всегда неразрывно связана с понятием тождества*. Так в Новое время, усилиями Декарта, Шеллинга и т.д., оформляется понимание идентичности как непосредственно данной и самоочевидной в непосредственности познающего сознания прозрачности мира для познающего субъекта и прозрачности последнего для самого себя.

3. При исследовании власти в рамках философии постмодернизма власть рассматривается как некоторый процесс коммуникации. Власть здесь отождествляется не с какой-то структурой,

* **Евгений Васильевич Ишменев** – студент 4-го курса факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

вроде правительства, а с языком, усваивая который человек становится участником властных отношений.

4. Но на каком основании происходит переход с уровня рассмотрения власти как формальной структуры на уровень языка? В этой связи М. Фуко обращает внимание на то, что в основании власти всегда лежит определенное стремление к истине. Рассмотрение власти невозможно без ее соотношения со сферой знания. Знание при этом следует рассматривать как формализованную сферу, в которой происходит постоянное уточнение происходящих отношений власти. Поэтому по отношению к власти знание выполняет интегрирующую функцию. Наиболее эффективной в современном обществе оказывается не та власть, которая достигается посредством использования силы и устрашения, а та, которая устанавливается за счет создания необходимого познающего субъекта.

5. Создание познающего субъекта и навязывание ему определенного языка предполагает воздействие на сознание этого субъекта, что требует приближения власти к человеку. Сегодня это достигается за счет реализации таких практик, которые оказывают воздействие за счет своей сопричастности к человеку (психоанализ, медицина и т.д.).

6. Однако если власть создает определенного человека, которому предписываются позиция и место, которое он может занимать в обществе, то это не означает, что человек вынужден смириться с этим. Так, исследовательница Дж. Батлер обращает внимание на уязвимость языка как со стороны психических изменений, так и со стороны изменений исторических. В случае психических изменений имеется в виду индивидуальная психика каждого человека, в силу которой обнаруживается отличие в усвоении языка. В разговоре об исторических изменениях следует учитывать изменяющуюся действительность, с которой язык постоянно соотносится. Поэтому, когда индивид подвергается воздействию власти, он также испытывает потребность в восстановлении этой власти и сопротивлении ей.

7. Рассмотрение власти не просто как множества центров власти, но как определенных практик, связанных с этими центрами, где помимо навязывания языка имеет место и сопротивление, дает возможность говорить о власти как о «диффузном» отношении, которое не поддается описанию в виде каких-то целостных рядов. Властные отношения следует рассматривать по отношению

к знанию как внешнее поле, которое является условием для проявления новых проблем, трансформирующих знание.

8. При рассмотрении власти как языка последний предстает как множественность. Язык состоит из лексики, опыта, воображения, бессознательного автора, а также тех исторических условий, в которых он существует. В языке могут быть представлены как глубинные, так и осадочные структуры, которые создают проблему «псевдоочевидности», таящую угрозу подавления.

9. Посредством погружения индивида в сферу власти им уснаивается саморефлексия. Человек, идентифицирующий себя как некоторую целостность, возможен только в диалогово-коммуникативном пространстве. Идентичность в этой связи трактуется как практика означивания и самообозначения индивидуальности. Человек в рамках такого подхода конституирует свое «Я» через ограничение выбора из многообразия возможного. Идентичность здесь уже не может рассматриваться как некоторая фиксированная реальность. *Идентичность в данном случае всегда предстает как нечто незавершенное, а следовательно, открытое в будущее. Тождественность же в связи с этим является тем, что обращает наше внимание к прошлому.* Категория тождества, которая была неразрывно связана с идентичностью в классической философии, утрачивает свой прежний статус. Современное понимание идентичности все чаще проявляет себе через *различие*. Обращаясь к рассмотрению современного коммуникативного процесса, мы обнаруживаем множество субъектов, идентификация которых происходит через признание их отличия. В связи с таким пониманием идентичности происходит отказ от классического понимания прозрачности сознания для самого себя, а мира для человеческого сознания. Сознание и мир являются скрытыми в исторических дискурсивных практиках, индивидуальное же, в свою очередь, должно выражаться в обнаружении оснований этих дискурсивных практик.

В. А. Панпурин*

Методологическая несостоятельность индивидуалистического сознания: к критике оснований постмодернистской абсолютизации власти

Постмодернистские авторы превратили в общее место беспредельно расширительное и исключительно негативное толкование Власти. Оказывается, она гнездится во всех формах культуры, даже в самом языке, и через них обрушивает на человека принуждение, обрекает на подневольное существование. Человек – раб культуры. Возникает вопрос, как могли возникнуть столь экстравагантные суждения. По существу, налицо протест против социальных, нравственных, эстетических установлений, непримиримая альтернатива ответственности, обязательности как таковым. А это мировоззренческая позиция, характерная для индивидуалистического сознания, решительно противопоставляющего себя социуму.

Индивидуализм – отклонение от подлинного человеческого бытия, явление глубоко порочное. В практической жизни он несёт с собой эгоистические поступки, своекорыстные решения, предательство, семейные конфликты, лицемерие. Но он порочен, недееспособен и в гносеологическом плане, в области постижения мира, творчества в сфере гуманитарной культуры. Дело в том, что социально-психологическая сущность индивидуализма не позволяет соответствующему сознанию видеть явления мира в качестве сложного, взаимопроникающего единства противоположностей, во-первых, и, во-вторых, как имеющих упорядоченную организованность, сущностную определённую или стремящихся к ней. Отсюда исповедование бескрайнего релятивизма, отрицание диалектики абсолютного и относительного. В соответствии с этим постмодернизм как порождение сугубо индивидуалистического созна-

* *Вольфрам Александрович Панпурин* – д-р филос. наук, профессор УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ния видит спасение от Культуры-Власти в том, чтобы или перехитрить её беззаботной семиотической игрой, жонглированием случайными цитатами, или избавиться от неё через всеобщую деконструкцию, отказ от всякой иерархии, центрации, идеалов, погружение в хаос. Апелляция при этом к синергетике безосновательна.

Синергетика не отрицает внутреннюю заряженность любой системы на обретение в ходе самоорганизации устойчивости, обеспечивающей её жизнеспособность. Она как раз занята обнаружением универсальных закономерностей возникновения именно порядка из хаоса, не исключая при этом детерминизма. Да, случайное отклонение доминирует в точке бифуркации, выступает источником нелинейных преобразований. В ходе же начавшегося процесса качественных изменений выходят на первый план механизмы детерминации. Разумеется, обретенный вариант устойчивости стареет, теряет жизненную энергию, разрушается и требует новой системной организации, которая возникает линейным или нелинейным путём. Одним словом, по крайней мере в масштабе человеческой истории хаос выступает не как конечное, а как переходное состояние, способное дать основание для новых типов организации. Нет и не может быть единиц сущего, не имеющих родовых признаков, сущностных качеств, при этом непременно движущихся, меняющихся в своей конкретной явленности. Потеря идентифицирующих особенностей означает исчезновение данного явления. Кроме того, само обнаружение неповторимости, индивидуальности возможно только в контексте закономерного, выражающего динамику родовой сущности.

Индивидуалистическое сознание не только не способно видеть взаимопроникновение противоположностей. Для него характерно стремление абсолютизировать одну из них, подчинив ей другую, разрушая при этом единую целостность и проявляя удивительную непоследовательность. Так, индивидуалистическое сознание, отрицая любую Власть над собой, в то же время демонстрирует неограниченную волю к личной власти, стремится осуществлять принуждение во имя своих целей. И постмодернизм, манифестируя децентрацию, рассеивание, неопределённость, в то же время отличается активным, наступательным рекламированием себя, своего превосходства, агрессивным отрицанием оппонентов. Получается, что бескрайний релятивизм приводит себя к фельетонному самоопровержению, к абсолютизации относительности, к утверждению устойчивости бессистемной мешанины частных.

Индивидуалистическое сознание непременно выпячивает из противоречивого единства противоположностей сторону, выражающую единичное, конкретное, явленное, и резко противопоставляет ее родовому, сущностному, что приводит к непоправимой аберрации мировидения, ложной трактовке многих кардинальных философско-антропологических и социокультурных проблем. Так, неадекватен и по существу псевдогуманен неолиберальный тезис об абсолютной первичности личности и вторичности социума, его государственной формы. Это следствие непонимания того, что личность изначально, имманентно внутри себя несёт социальность, будучи не чем иным, как единичным, конкретно-историческим бытием человеческой сущности. Да, из этой же родовой сути проистекает непреложное требование, объективная нужда – личность должна быть индивидуальной, своеобразной. Ибо именно личность оригинальная, нестандартная, способная выйти за пределы общепринятого, устоявшегося к новым горизонтам, неожиданным решениям, бесстрашно ломающая стереотипы, непосредственно осуществляет творческий поиск, без чего нет динамического самосохранения социума. Но в то же время творчество не превращается в бесцельную игру, безответственное любование своей непохожестью, если оно опирается на предшествующий совокупный опыт, развивая или отталкиваясь от него, и служит благу сограждан. Последнее как ничто иное вдохновляет, окрыляет творческую личность, даёт ей дополнительные силы, зовёт к новым свершениям и спасает от тщеславия, амбициозности, жажды личной славы и власти. Одним словом, индивидуально неповторимое и репрезентативно социальное в личности представляет собой органическую, диалектическую целостность, обеспечивающую подлинность и счастье личного человеческого существования и служащую непреходящим источником поступательного развития общества. Индивидуализм же неизбежно ведёт к обеднению, уплощению личности.

Кстати, не менее ошибочной, абсолютизирующей другую сторону неразрывной целостности является формула тоталитарного сознания о необходимости подчинения личных интересов общественным. Дело не в подчинении. Социальная гармония, не нуждающаяся во властных отношениях, в том и заключается, что общественный интерес становится для человека глубоко и непосредственно личным, что он вдохновляет на индивидуальное самосовершенствование и творческое служение общему благу. Это и есть нравственная форма социального, подлинность человеческого бы-

тия. В достижении такого уровня гуманитарного развития и заключается нравственная задача и общества, и каждого человека.

Квазигуманистичен тезис о том, что человек должен надеяться только на себя, что конкурентная борьба независимых, автономных субъектов является самым эффективным способом социального развития. Действительно, энергичная сила конкуренции велика и объясняется тем, что она включает в себя в качестве определяющего мотива частнохозяйский интерес, который прост, примитивен, сродни животному инстинкту, общедоступен. Конкуренция неизбежна в определённых исторических условиях. Но нельзя не видеть, что она подчиняет творчество достижению корыстных, меркантильных целей, сужает, приземляет его, развивает в людях расчётливый эгоизм и безжалостность, игнорирует общепланетарные, экологические проблемы. Конкуренция ничто перед удалым соревнованием умов и рук мастеров-соратников, объединённых нравственно-творческими побуждениями реализовать свои способности ради счастья своих сограждан.

Отмеченные особенности индивидуалистического сознания отрицательно сказываются на трактовке сути творческого процесса. В применении к искусству это выражается в превращении новизны самой по себе в самоценную, единственную задачу художественного поиска и, как следствие, в стремлении решительно и всесторонне отмежеваться от предшествующего художественного опыта. В результате для «современного искусства» характерна всё большая утрата смысловой связи с действительным бытием и интересами воспринимающей аудитории. Начинает безраздельно доминировать неконформистская боязнь оказаться банальным и торопливое стремление самоутвердиться в своей оригинальности за счёт парадоксальной игры изобретаемых форм. Происходит быстрая смена стремительно возникающих и мгновенно пропадающих групп, направлений, течений. «Концептуализм» созревает до утверждения: главное не произведение, а процесс его создания. Он документируется, воспроизводится с помощью фотографий, магнитофонных и видеозаписей, графиков, диаграмм, авторских комментариев. Они призваны втянуть реципиента в некую семантическую самоцельную игру. Так творцы становятся создателями всевозможных шарад, ребусов, загадок для посвящённых. Это арт-игра, имеющая своё право на существование, но не искусство, которое всегда было и будет способом сохранения и обогащения, развития опыта человеческого смыслопереживания внутреннего и внешнего миров, сокровенной, духовно-душевной стороны бытия.

Г. А. Борисова*

Властные отношения человека и природы, или Генезис социальной деструкции (на примере концепции «Диалектики Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно)

На фоне всевозможных кризисных явлений переходного постсоветского общества актуализируется проблема социальной деструкции. Для анализа этого феномена необходимо рассмотреть его возможные источники. Однако в отечественной социально-гуманитарной мысли наблюдается значительная асимметрия: с одной стороны, теоретические проработки этой проблемы единичны¹, зато, с другой стороны, существует множество практических описаний социальной деструкции. В этих условиях одним из возможных путей разработки отечественной версии проблемы социальной деструкции может стать обращение к работе видных представителей Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения».

1. Благодаря смещению акцента с межклассового конфликта на сферу взаимодействия человека и природы, Т. Адорно и М. Хоркхаймер видят причины социальной деструкции в особенностях отношения человека и природы, а именно в претензии человека на власть над окружающим миром. По мнению немецких философов, человек – самое деструктивное существо, противопоставляющее себя окружающему миру. Эта разрушительность имеет не только интенсивные, но и экстенсивные аспекты, которые ведут к само-

* *Галина Александровна Борисова* – аспирант Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Среди немногочисленных серьезных работ на эту тему следует отметить доклад *А. А. Трошина* «Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX века)», сделанный в 1997 г. (см.: <http://scd.centro.ru/18.htm>), а также его спецкурс «Социальная деструкция» (см.: <http://peter1.culture.mipt.ru/troshin.htm>).

деструкции на уровне отдельных индивидов, общества и человечества как вида: «Его способность к уничтожению обещает стать столь непомерной, что – если когда-нибудь этот вид исчерпает себя – дело дойдет до *tabula rasa*. Он либо растерзает сам себя, либо загубит всю фауну и флору на Земле вместе с собой»².

Выделение человека из природы и противопоставление ей явилось поворотным пунктом всей истории человечества. Произошло распадение изначальной цельности природы на субъект и объект. Отношение человека к природе из непосредственного отношения природы к самой себе превратилось в насильственную установку, что стало решающим в определении вектора развития: цивилизация пошла по деструктивному пути прогресса. Таким образом, получается, что *источник социальной деструкции – властное отношение человека к подавленной природе*.

2. Из одухотворенной субстанции природа превратилась в вещественный объект манипуляции человека. Однако происходит и обратная реакция. Вытеснение духовности телесностью, наличие деструкции – это ответ природы человеку за ее подавление. Природа заставляет человека быть деструктивным. Тем самым *в новом аспекте, при этом положительно, решается традиционный философский вопрос о том, может ли природа быть субъектом*.

3. Вследствие всеохватности деструкции происходит системное подчинение человека. Степень освобождения от природы компенсируется еще большим подчинением индивида обществу. Само общество, поработанное господством, предстает для Хоркхаймера и Адорно «всего-навсего обманчивой поверхностью, под которой таятся силы, манипулирующие им как инстанцией насилия»³. Власть маскируется под тайные силы, управляющие социумом как деструктивным принципом. Эти тайные силы являются проекцией принципа господства над природой, который воспроизводится в человеческом сообществе. Так у франкфуртцев появляется *новое теоретическое обоснование конспиративизма, то есть различных концепций заговора*.

4. История покорения природы вылилась в историю рациональности, в историю поработки человека человеком. Рациональное

² Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. С. 274.

³ Там же. С. 45.

мышление по законам логики, игравшее первоначально прогрессивную роль в борьбе человека за существование, становится инструментом контроля над мыслями и чувствами со стороны воли к власти. Властно-потребительское отношение к миру, отсутствие способности к творчеству и стремление уничтожить все то, что не удастся подчинить, – все это приводит к предельной рационализации Просвещения, называемой авторами безумием: «ныне позорно извращается то понятие, при помощи которого оправдывалось все и вся: понятие человека как личности, как носителя разума. Диалектика Просвещения объективно оборачивается безумием»⁴.

Цель становится средством, материалом. Просвещение не интересуют индивиды, главное – это господство и насилие. «Единый человек перед лицом экономических сил полностью аннулируется. При этом насилие общества над природой доводится им до неслышанного уровня»⁵. Человек, ради которого подавлялась природа, также становится объектом репрессии. Феномен господства действует деструктивно и на раба (природу, в том числе и на человека как часть природы) и на господина (общество). С развитием цивилизации и разделения труда человек становится все более примитивным в антропологическом смысле при техническом облегчении существования, т.е. регрессирует. В связи с примитивизацией человека «фантазия чахнет». Человек из господина обращается в раба «машинерии господства». Таким образом, *в качестве объектов социальной деструкции выступают ее же субъекты*.

5. Деструктивность общества репрезентируется Просвещением на индивидуальность через массовую культуру. Общество как деструктивный принцип производит и деструктивную «культуру», а именно, массовая культура манипулирует индивидуальностью, втягивает индивида в потребительский гедонизм. Хоркхаймер и Адорно ставят под вопрос положительность индивидуальности, так как ее развитие сопровождалось увеличением насилия и деструкции окружающего мира. *Распадающаяся личность – примета технологической цивилизации, причем это не действует деструктивно на данный тип социума, а, напротив, укрепляет его*.

⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Указ. соч. С. 251–252.

⁵ Там же. С. 12.

6. Таким образом, в «Диалектике Просвещения» можно выделить относительно самостоятельную линию разработки проблемы социальной деструкции: она рассматривается как объективный процесс, сопровождающий любую динамику социума. Полнота социологических описаний и философского анализа феномена социальной деструкции в работах Т. Адорно и М. Хоркхаймера сочетается с глубоким анализом механизмов ее воспроизводства. В любом случае, данные теоретические разработки приобретают особую значимость для постсоветского общества, находящегося в процессе трансформации и пытающегося определить пути выхода из глубинного исторического кризиса. В новых исторических условиях идеи выдающихся представителей Франкфуртской школы должны быть заново переосмыслены и актуализированы.

В. А. Летова*

Власть вещей и власть идей

Пожалуй, нет более многогранного и сложного явления, чем власть. Власть по природе противоречива: это и необходимое условие существования общества, обеспечения в нем порядка, регулирования отношения человека и общества, но, с другой стороны, власть, как правило, основана на принуждении, приказе, а иногда и насилии. Признавая необходимость власти, человек стремится избавиться от ее давления, обрести свободу, независимость.

Двойственное отношение к власти существует в христианстве. Ф.М. Достоевский в «Легенде о великом инквизиторе» рассматривает католичество как воплощение властного начала, вспоминая об искушении Христа властью над миром. В то же время власть обладает необычайной притягательностью: стремление к власти, «воля к власти» имеют чуть ли не всеобщий характер.

В понимании власти как социального феномена, безусловно, важна иерархия ценностей; цели и задачи власти: служит ли она добру или злу, справедливости или личным целям и выгодам. Но власть обладает и самостоятельным значением, при этом может превращаться в высшую ценность, принцип устройства мира, абсолют.

К проблеме абсолютизации государственной власти, государственного абсолютизма обращались А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский. Власть, как высшее начало, придает обществу стабильность, могущество, обеспечивает порядок, но при этом подавляет человеческую личность, упрощает её, разрушает ее внутренний мир, ценности, приводит к ощущению трагизма бытия и даже гибели. Стремясь к осуществлению благородных целей, власть, как абсолют, приводит к разрушению и злу.

Но власть противоречива: власть тирании, рассматриваемая как зло, может приводить к обожествлению власти (власть вообще часто имеет сакральный характер). И чем могущественнее власть,

* *Вера Анатольевна Летова* – ст. преподаватель кафедры культуры и дизайна УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

чем больше в ней насилия и жестокости, тем больше уважения и преклонения заслуживает власть и правитель.

«Наиболее зримый образ власти человека – правитель и полководец. Своеволье и обычная необузданность людей ведут к появлению тирана, который подчиняет всех своей власти. Тот, кто не повинуется закону свободно, принуждается к послушанию. Тогда происходит поразительное. Тиран, это орудие зла для подавления, становится предметом обожествления»¹.

Можно также говорить о власти вещей, материального, и власти идей. В современном мире власть мира вещей, техники изменяет духовный мир человека, ставит его в зависимость от безличного начала. «Так будет ли человек отдан во власть неуправляемых сил техники, неизмеримо превосходящих его силы, растерянным и безликим? Это и произойдет, если человек окончательно откажется от того, чтобы решительно противопоставить калькуляции осмысляющее мышление»².

Поиски смысла возвращают человека к определенной иерархии ценностей, необходимости высшего духовного начала, абсолюта. «Мы впустим технические приспособления в нашу повседневную жизнь и в то же время оставим их снаружи, т.е. оставим их как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Я бы назвал это отношение одновременно «да» и «нет» миру техники старым словом – «отрешенность от вещей»³.

В то же время власть техники – это стремление к власти над миром, над природой и людьми, власть, ставящая человека наравне с Богом. Но такая власть должна вести к усилению ответственности, в том числе ответственности перед человечеством. Сейчас много говорится об изменении характера свободы человека перед лицом неопределенности (И. Пригожин). Но наряду с ситуативной свободой должна быть и другая свобода, и иной масштаб ответственности.

Стремление к власти, безграничная свобода и отсутствие всяких рамок усиливают противоречивость и опасность власти. «Это означает, что непрерывно возрастает возможность злоупотребления властью. Поскольку подлинной и действительной этики рас-

¹ *Ясперс К.* Философия и нефилософия // Феномен человека. М., 1993. С. 196.

² *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 108.

³ Там же. С. 109.

поряжения властью до сих пор нет, усиливается склонность рассматривать такое распоряжение как своего рода приводной процесс, для которого нет норм свободы, а существуют лишь некие требования пользы и безопасности, считающиеся необходимыми»⁴.

Существенное влияние на формирование человека, его поведение оказывает власть идей. Идея является абсолютом, высшим началом, принципом, определяющим систему ценностей общества и парадигму поведения человека. Здесь власть основывается уже не на подчинении, внешнем влиянии, а коренится во внутреннем мире человека, его убеждениях, связана с переживанием и осмыслением. Духовная власть, власть идей, принятая осознанно или стихийно, оказывается необычайно действенной.

Идеи К. Маркса, Ф. Ницше, Г.В.Ф. Гегеля, образы Дон Кихота и Дон Жуана, Гамлета и Фауста, превращаясь в своеобразные абсолюты, создают определенный тип человека, вдохновляют человека на поступки, а значит, и формируют его судьбу. (См. «Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни». СПб., 2003.)

Власть абсолюта духовного также определяет зависимость человека, но важно, от чего и от кого зависит человек, какие идеи определяют его существование. «Зависимость от иерархически высшего, стоящего надо мною, от “Всевышнего”, от Отца. Эта зависимость совсем новая, не похожая ни на какую зависимость от мира, от вселенной, от астрономической бесконечности, от ценностей, от закона, от государства, от власти»⁵.

Духовная власть, власть духа, формируя внутренний мир человека, его структуру, определяя сокровенные смыслы, дает человеку возможность управлять своим поведением, властвовать над самим собой. Власть идеи определяет целостность человека, его индивидуальность и своеобразие (хотя духовная власть может также служить как добру, так и злу). Власть идеи даёт человеку внутреннюю свободу, ответственность, строит его судьбу.

«Он (человек) имеет свою духовную линию: сложившийся образ мысли, прочное настроение чувств, твердое направление воли... Она есть своего рода власть, которую он сам не воспринимает как свою личную и отнюдь не приписывает себе, но которая в нем

⁴ *Гвардини Р.* Конец нового времени // Феномен человека. М., 1993. С. 280.

⁵ *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 125.

живет и его строит. Отсюда – та внутренняя сила, которой другие извне нередко изумляются ... Эта власть духа, не посягающая на внешнее властвование и не ищущая его...»⁶.

Можно исследовать также власть красоты, любви, искусства, хотя здесь понятие власти имеет, скорее, условный характер и лишней раз доказывает всеобъемлющее значение власти. Понятие власти многогранно, часто неопределенно, противоречиво, но проникновение власти во все сферы человеческой жизни определяет необходимость исследования этого феномена.

⁶ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 424.

Е. Ю. Погорельская*

Власть и порядок

Власть в самом общем виде определяется как господство над чем-либо, а сама властная позиция предполагает иерархическое устройство. Если что-то стоит «над», то нечто находится «под». Но власть может реализовываться различным способом в зависимости от того порядка, в котором она действует. Я предлагаю рассмотреть некоторые из таковых.

1. Механический порядок. Это самый жесткий тип порядка, который выражен во власти динамических законов. Всякий динамический закон фиксирует объективную причинно-следственную связь между явлениями, характеризующуюся устойчивостью и постоянством. Власть механического закона велика, для материалиста и деиста она абсолютна. «Попробуйте отменить закон Всемирного тяготения», – скажут они, отвергнув всякое чудо.

Механистический порядок утверждает ценность тотального контроля, который есть выражение силы и власти. Механистическая антиутопия Гоббса, его всемогущий Левиафан, которого создают по договору люди, отдав свою свободу взамен на порядок человеческих взаимодействий, пример такой безапелляционной силы, получившей власть, которая действует как закон природы: она на вас влияет, вы на нее – нет.

Наивно думать, что механицизм остался в Новом времени. Например, в советский период механический порядок и власть, с ним связанную, можно рассматривать как основные организующие парадигмы советской идеологии. Человек здесь является винтиком государственной машины и носит образ «простого советского человека», идейно прекрасного, смотрящего с плаката: винтик производства. «Сегодня не личное – главное, а сводки рабочего дня». Строитель коммунизма обладал партийной сознательностью и идеологической бдительностью, но действовал и мыслил при этом в

* Елена Юрьевна Погорельская – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

рамках идеологических стандартов, поддерживая порядок и власть своего государства.

Современная действительность также не лишена этого механистического обаяния: несмотря на потерю централизации, механистическая власть не утратила своей силы, она стала умнее, обращена к каждому индивидуально. Это власть «рекламной истины». Вспомним, что основными признаками истинного знания, по Декарту, является очевидность и несомненность. Кто же будет сомневаться, что «будущее зависит от тебя» (Мегафон), что «Я этого достойна» (L'Oreal), что «все к лучшему» (кофе), что «когда Вы отдыхаете, она работает» (Indesit), что «себе в удовольствии не откажешь» (мороженое) и т.д. Чувство собственной значимости не позволяет сомневаться в таких «позитивных мыслях», а потому логично их иметь и в материальном варианте. Как справедливо замечает О. Николаева, слоган претендует на универсальность и характеризуется отказом от объяснений, то есть ему придается статус природного явления, данность которого не подвергают сомнению и с которым не дискутируют. Кто же будет спорить с ураганом¹? Его воспримут как непреложный факт.

Всякий рекламный посыл действует на вас только как на потребителя, и потому реальная личность с ее реальной значимостью никого не интересует: важно вызвать у индивида стойкий мотив «мне хочется», чтобы потом он уже действовал по знакомой схеме «шопинга». Человеку бывает сложно самому себя упорядочить, поэтому он отдает себя во власть рекламных клише и стандартов типа «все так делают». Знакомый бихевиоризм: поведение рассматривается как совокупность реакций в ответ на стимулы внешней среды. Многие люди выбирают такой тип порядка, он, несомненно, существует, но подлинно свободного человеческого в нем нет.

2. Порядок живых систем. Жизнь характеризуется такой степенью порядка, где воля к власти является свойством самой системы, ее сущностным выражением. Вспомним Ницше: «Сама жизнь ценится мною, как инстинкт роста, устойчивости, накопления сил, власти: где недостает воли к власти, там упадок»². Жизнь можно рассматривать как саморазвитие, саморазвитие через возрастание, поддержание собственной упорядоченности через пос-

¹ *Николаева О.* Православие и свобода. М.: Изд-во московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2002. С. 296.

² *Ницше Ф.* Антихрист: Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т 2. С. 635.

тоянное расширение. Всякий живой вид имеет способность к неограниченному размножению, то есть к увеличению численности. С увеличением численности реализуется потребность в расширении ареала. Но живое сбалансировано: власть одной популяции ограничивается властью других, их желанием жить, питаться, размножаться. Власть может реализовываться и через количество власти.

Казалось бы, должна быть только межвидовая агрессия, связанная с защитой территории, гнезда, детенышей. Но природе не обойтись и без внутривидовой агрессии: она поддерживает внутривидовую иерархию, это качество власти. Большинство животных образуют иерархические пирамиды, во главе них не обязательно тот кто сильнее: победа достается тому, кто более агрессивен, кто умеет навязывать свою волю, кто много и убедительно угрожает и кто в этом своем желании властвовать ненасытен. Остальные качества могут быть любыми: доминант может быть умным и не очень, сильным и сравнительно слабым, мстительным и равнодушным. Но ему всегда принадлежит лучшее: пища, место, самка. Этологи давно заметили, что эта воля к власти, выраженная в агрессивности, не имеет никаких внешних причин, агрессивность возрастает сама собой, накапливается и вырывается без всякого повода. Воля к власти – основа поддержания порядка в природе. Когда изучаешь поведение высших животных, сами собой приходят аналогии с человеком. У В. Дольника в его знаменитой книге «Непослушное дитя биосферы»³ масса таких убедительных аналогий. К примеру, иерархичность в строении человеческих коллективов и стремление человека к властным позициям напрямую выводится из его биологического прошлого. Словосочетание «биологическое прошлое», при всей его привычности, на самом деле базируется на философской идее эволюции видов. Трудности этой идеи можно найти в учебниках «Концепции современного естествознания», а также в работе Н.Я. Данилевского «Дарвинизм»⁴.

Конечно, человек в своем биологическом естестве испытывает власть инстинктов, но не детерминирован ею. Определять жизнь человеческого духа бессознательным, средой, наследственностью, как это сделано в ряде психологических школ, значит отрицать

³ *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы. СПб.: Паритет, 2003.

⁴ *Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1885. Т. 1. Ч. 1.

свободу воли и самовластие человека. Человеческое «Я» принадлежит другому уровню бытия и потому встроено в иной порядок.

3. Нравственный порядок. В мире природы царствует необходимость. Необходимость проявляет себя через детерминизм физических законов и детерминизм природных инстинктов. Власть проявляет себя безапелляционно. Человек – существо свободное, степень свободы он выбирает сам, можно и горами двигать, а можно всю жизнь «как свинья пролежать в калу»⁵.

Экзистенциалисты, в особенности Ж.-П. Сартр, слугавили, отведя роль создания «своей сущности» самому человеку. Получается, что бы ни создавал, все равно создашь свободу. Свобода как сущность, это принципиальный дар, другое дело ее степень. Можно ее свести до выбора между Pepsi и Coca-cola, что сегодня и делается.

Свобода – не пустое понятие и не просто возможность выбирать, в свободном поступке человек обнаруживает свои ценности, поэтому свобода логически связана с его нравственностью. У Сартра⁶ всякий поступок предполагает выбор «человека вообще» и действует на человечество в целом, то есть свобода проявляется через нашу власть над другими людьми, через определение их судьбы тоже. Поэтому у всякого нормального человека должна быть «тревога» за правильность своих поступков. Но на что ориентироваться атеисту? Где «правильное» для него? Чем надо руководствоваться: желанием быть счастливым, успешным, удовлетворенным в своих потребностях разного рода, а может просто осчастливить кого-нибудь, например, насильно? Атеизм логически приходит к коммунизму, поскольку собственное сытое и мирное благополучие интуитивно аморально, особенно когда рядом есть больные и нищие. Душа требует всеобщего благоденствия, всеобщей свободы и равенства. Хочется действовать, меняя мир, не меняясь самому, уже проясненному и осветленному великой целью. Святой Серафим Саровский говорит обратное – спасись сам и сотни людей спасутся рядом с тобой. У старца Паисия Святогорца описывается такой случай. В одной семье муж вел блудную жизнь, а жена терпела и оберегала от дурных помыслов детей.

⁵ Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. Православный молитвослов. М.: Издание московской патриархии, 1995. С. 246.

⁶ *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Издательство политической литературы, 1989.

Муж приезжал домой с любовницами, женщина принимала их радушно, говоря детям, что это их старые знакомые. Этот кошмар продолжался несколько лет. Муж, в который раз обуреваемый страстью, опьяненный, разбился на машине, остался калекой. В итоге: никому, кроме своей доброй жены, он не был нужен. Это его потрясло и изменило духовно. Дети этого человека всегда жили очень дружно, потому что унаследовали от матери добрые принципы. Эта мать, пишет отец Паисий, «спасла своих детей от горькой печали, она выпила их горькие чаши сама. Она удержала семью от распада, спасла своего мужа и сама заработала небесную мзду»⁷.

Свобода проявляется как власть человека в определении своей глобальной судьбы, а если стоять на религиозной позиции – в выборе своего «образа Вечности».

Подведу итог: этика может быть только религиозной. Всякая другая – безжизненна и вредна. Безжизненна потому, что не работает, формальна; вредна, поскольку создает фантомы, забирающие у человека силы. Примерами таких этик может быть этика либеральных свобод, этика строителя коммунизма, различные виды оккультных этик.

Нравственный порядок реализуется через личные отношения человека и Бога. Этот порядок неформален: человек возвращается к Богу через церковную жизнь: молитву и пост, праздники и таинства. Но в основном, конечно, через покаяние, осознание своей греховности. Это трудно, трудно потому, что добро надо стяжать, над ним надо работать; зло возникает само собой на том месте, где нет добра. Это место, прежде всего, Человеческая Душа. Отсюда – самая сложная реализация власти – это власть над собой.

⁷ Старец Паисий Святогорец Семейная жизнь // Слова. М.: Издательский дом «Святая гора», 2005. Т 4. С. 58–59.

К. М. Ольховиков*, С. В. Ольховикова**

Параллелизм властных и моральных отношений в современном мире

Власть означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан... Понятие власти социологически аморфно.

Макс Вебер

Власть склонна к мистификациям. Любая религиозная система веры вынуждена как-то решать тему страдания от власти. Интеллектуализм неизбежно прибегает к морали как средству объяснения социального. В итоге, господство реальных нравов и действительность социального института нравственности утверждаются в качестве фрейма любых возможных разговоров о власти. Вместе с тем, эта взаимозависимость – не более чем интеллектуальная иллюзия – власть и мораль практически параллельны. Но сюжет этой автономности не исчерпан.

Глобализация мира соединяет структуры потребительства с регулятивными тавтологиями допустимости. Знаковыми фигурами стали идолы массовизации. Тотальная фальсификация девиантных намерений создает пространство деструкции объективного социального смысла. Социальные действия препарированы по линии распада образа жизни, да и самой жизнедеятельности – на технологию и предпочтения. Становятся очевидными принципиальные

* **Константин Михайлович Ольховиков** – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления УрГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

** **Светлана Валерьевна Ольховикова** – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления УрГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

эквики прагматизма: 1) вырождение самоприменения в рецептурное мышление, 2) дальнейшая дифференциация статусно-ролевых наборов, приводящая к дисфункциональности личности, 3) тавтологизация масскульты и рудиментаризация классики.

Иллюзия повседневного присутствия власти основана на превращении СМИ в природное явление. Житейский здравый смысл становится для обывателя недостижимой роскошью, воспринимается непрактичным излишеством, но именно с ним связан шанс выживания человеческого, поскольку это исходная точка роста взаимоотношений власти и морали. Однако вместо подлинного взаимопроникновения на уровне личности мы имеем дело с навязанными переплетениями публичного доминирования над индивидуальностью. Религиоподобный морализм власти – самый яркий симптом дня сегодняшнего.

Как никогда ранее, мы живем в мире названий. Происходит интенсивная торговля брендами, а самые совершенные технологии употребляются для простых и доступных донаучному мышлению устремлений и вопрошаний. Количество готовых ответов продолжает отставать от количества новых вопросов и способов спрашивания, но и то, что имеется в открытом доступе, уже отмечено печатью излишества.

Будучи переплетенными до неузнаваемости в новейших формулах потребительства, мораль и власть получают в глазах массового потребителя железное алиби взаимной непричастности. Мораль и власть параллельны, но это уходит в тень появления всё более новых видов комфорта. Человеческие массы оправданы в своём бездумном нищезанстве. Собственное Я, собственная телесность стали уделом рецептов на шкале изменчивых рыночных маркеров. Повседневность не даёт индивиду шанса ощущения недоступности самоуважения, которое вытеснено навязанностью комфорта.

Срывание масок сегодня также стало обычным занятием, слабо щекочущим нервы. Бессмысленность самоуважения проецируется на любые возможные социальные и культурные статусы человека. Личность, вслушивающаяся в голос бытия, не маргинальна, а просто бессмысленна. Нет надобности игнорировать индивида, хронически не успевшего за модой, когда массовый человек уже соединил в себе хроническое неуспевание с несомненным преуспеванием в навязанных самоощущениях.

И всё-таки современное распадение личностного сопряжения морали и власти – это безусловное проявление человеческого. Несомненно признание дефицита фундаментальных классических предпосылок на уровне принципиально доступных артефактов. «От великого до смешного – одна экранизация», но такова же неотвратимость присутствия великого где бы то ни было, а не только в наши дни, и технические возможности репродуцирования не меняют сути дела. Никакие исправления не меняют величия классических творений. Сегодня классика непобедима и востребована, будучи явлена в расщеплённых фрагментах целостности.

Никто не может предложить более самого себя, но даже будучи усечённой, классика формулирует актуальные сверхзадачи современности. А дело всё в том же способе самопредложения. Размах человеческих коллизий – от позиционирования до искупления. Первое несомненно, второе абсолютно в своей неустрашимости. Судьба власти неотделима от судеб классики. Сегодня мораль недоступна не только в силу повседневной массовости власти, но по причинам неподлинности наличной власти как таковой.

Сегодняшняя власть – территория максимальной несвободы, поскольку власть посттоталитаризма внутренне приемлет наследие тоталитаризма. Внешние проявления тоталитарной власти, связанные с вторжением в частную жизнь граждан, стали внутренним условием власти после таких вторжений. Внешняя несомненность и безусловная комфортность оплачены безмерной готовностью сгибаться под гнѐтом необходимости и не принадлежать себе в ситуациях собственного властвования, лишь бы не испытывать диктата морали. И это не победа макиавеллизма и нищезанятия, по-прежнему составляющих багаж классического наследования, – власть демократично разделяет с массовым человеком недоступность морали как совершенно излишней роскоши. При этом сущность происходящего замаскирована симулякрами востребованности прикладных доктрин и рецептов этического, культурного, психологического. Не должно возникнуть и тени сомнения в нашей изощренности на фоне этической виртуозности интеллектуальной традиции.

Власть и мораль ещё не окончательно разошлись, и в этом изъян современности. В изящных переплетениях подлинности и неподлинности ещё слишком много фальши. Неприрученность классики слишком тяжела для цивилизационного доминирования – требуется многократный рост технологических и социально-тех-

нологических (лицемерных) ресурсов. Подлинное торжество цинизма ещё впереди.

Пока власть и мораль не разошлись окончательно, трудно говорить о каких-либо современных критериях и образцах научности, творчества, порядочности. Разумеется, уже есть общее и непосредственное представление о дисциплине, исполнительности, персональной и партийной преданности, но всё это – неподлинны маскировки бессилия власти перед моралью. Продолжается поиск, который трудно назвать поиском подлинности, покуда он лишь избирательно связан с осознанием неукоренённости человеческого в современном мире. И у России, как всегда, особый путь.

Специфика России связана не только с отсутствием канонического права, значительно более существенна амбивалентность имперских основ: модернизация этнокультурного вопреки социально-историческим потребностям развития страны. Химера марксистского интернационализма с национальным самоопределением породила своеобразную идеологию «классового примордиализма», некий «пролетарский расизм». Сегодняшний постсоветизм вполне наследует эти смысловые предпосылки разговора о власти, властных конфликтах и субъектах их осуществления.

Мы увязли в бессмысленной чеченской (фактически, российской) войне, оппонируя и подыгрывая романтической мстительности Запада, восторжествовавшего в холодной войне и прибегающего к романтизации любых этнокультурных остатков «несоветского». Удалённость цивилизованного мира от непосредственных интересов человеческого существования в его подлинности приобрела новые грани в противостоянии с терроризмом, сохраняющим инструментальный статус в отношениях Запада с Россией. Но мораль и власть ещё не окончательно разошлись, и возникают неоднозначные ситуации долга в борьбе, не имеющей морального оправдания.

Последним бастионом неподлинности является карикатурная религиозность современного мира, представленная во всех общностях, субъектах, на всех уровнях власти и в доминирующих моральных сознаниях. Но час религиозной классики ещё только приходит. И ничто не освободит нас от науки как религии факта, поскольку все люди грешны.

В. О. Лобовиков*

**Власть, право, сила, насилие
и ненасилие как унарные морально-
правовые операции в алгебре поступков
(Разделение власти, анархия, хаос, порядок
и демократия как морально-правовые
ценностные функции от одной переменной
в алгебре естественного права)**

Слова «власть» и «право» суть омонимы. Наряду с прочими существуют аксиологические (ценностные) значения этих слов. Для слова «власть» в качестве таковых выступают, например, различные *ценностные функции* «власть (чего, кого, чья) а» и «власть над (чем, кем) а», где буква а обозначает *аксиологическую переменную*, для которой областью допустимых значений является множество {х (хорошо), п (плохо)}. Это же множество служит областью изменения (значений) обсуждаемых ценностных функций. Элементы указанного множества называются морально-правовыми значениями поступков. На множестве поступков строится алгебра (ригористического) естественного права.

Рассматриваемый в данной работе фрагмент искусственного языка этой алгебры содержит следующие обозначения. Символ Ва означает ценностную функцию «власть (чего, кого, чья) а». Символ Wa – «власть над (чем, кем) а». Па – «право (чего, кого, чья) а». Ra – «право против (чего, кого) а». Ка – «сила, применяемая к чему, кому) а». Ca – «сила (чего, кого, чья) а». Ба – «слабость (чья) а». Юа – «слабость перед (чем, кем) а». Ва – «насилие над (чем, кем) а». Эа – «насилие (чье) а». Та – «разрушение, уничтожение (чего) а». На – «отсутствие, небытие (чего) а». Ба – «бытие (чего) а». Уа – «управление (чем, кем) а». Га – «управление (чье, кого) а». За – «изменение, преобразование (чего, кого) а». Иа – «изменение, преобразование (чье) а». Уа – «господство над (чем)

* *Владимир Олегович Лобовиков* – д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФиП УрО РАН (г. Екатеринбург).

а». Га – «господство (чье) а». Ча – «подчинение (чего, кого) а». Ла – «подчинение (чему, кому) а». Ха – «хаос (чего) а». Яа – «порядок (чего, чей) а». Аа – «анархия над (чем, кем) а». Уа – «анархия (чего) а». Да – «демократия (чего) а». Дд – «демократия над (чем, кем) а». На – «народная (народ) а». Жа – «суверенитет (чего, чей) а». Са – «суверенитет над а». Ла – «свобода (для) а». Фа – «свобода от а». Ма – «причина («мать»), порождающее условие (чего) а». Жа – «противоположность (для) а». За – «разделение (чего) а». Еа – «единение, единство (чего) а». Перечисленные выше ценностные функции определяются следующей таблицей, разделенной на части.

Часть 1

а	Ва	Wa	Па	Ra	Ка	Ca	Ба	Юа	Va	Эа	Та	Na
х	х	п	х	п	п	х	п	х	п	х	п	п
п	п	х	п	х	х	п	х	п	х	п	х	х

Часть 2

а	Ба	Уа	Ga	Za	Иа	Ua	Га	Ча	la	Ха	Яа	Aa
х	х	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х	п
п	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х

Часть 3

а	Ya	Da	Дa	Ha	Ja	Sa	La	Fa	Ma	Жa	За	Ea
х	п	х	п	х	х	п	х	п	х	п	п	х
п	х	п	х	п	п	х	п	х	п	х	х	п

В алгебре формальной аксиологии *отношение формально-аксиологической эквивалентности* обозначается символом « $\Leftarrow\Rightarrow$ » и определяется следующим образом. Любые аксиологические формы (ценностные функции) а и в формально-аксиологически эквивалентны (это обозначается символом « $a\Leftarrow\Rightarrow b$ »), если и только если они принимают одинаковые аксиологические значения (из множества {х, п}) при любой возможной комбинации аксиологических значений переменных, входящих в эти формы (функции). В естественном языке отношение « $\Leftarrow\Rightarrow$ » выражается словами «есть», «значит» и т.п., нередко заменяемыми тире. Но эти же самые слова используются в естественном языке для обозначения соответствующих логических связей и отношений. Поскольку логические и аксиологические структуры не абсолютно тождест-

венны, постольку слова «есть», «значит» (а также и тире) суть омонимы. Использовать их на стыке логики и аксиологии нужно очень осторожно, оговаривая всякий раз то, в каком значении (формально-логическом или формально-аксиологическом) используется слово «есть» (тире) в том или ином случае. Используя данные выше дефиниции, можно получить следующие формально-аксиологические уравнения. Слово «есть» (тире) здесь используется для обозначения не логической связки, а отношения « \equiv ».

1. $Va \equiv Ca$: власть (чего, кого, чья) a – сила (чего, кого, чья) a.
2. $Wa \equiv Va$: власть над (чем, кем) a – насилие над (чем, кем) a.
3. $Ca \equiv JVa$: сила (чего, кого, чья) a – противоположность (для) насилия над (чем, кем) a.
4. $Ca \equiv VVa$: сила (чего, кого, чья) a – ненасилие над насилием над (чем, кем) a.
5. $Ca \equiv NVa$: сила (чего, кого, чья) a – ненасилие над (чем, кем) a.
6. $VVa \equiv NVa$: ненасилие над насилием над (чем, кем) a – ненасилие над (чем, кем) a.
7. $Va \equiv Ga$: власть (чего, кого, чья) a – управление (чье) a.
8. $Wa \equiv Ya$: власть над (чем, кем) a – управление (чем, кем) a.
9. $Ga \equiv JYa$: управление (чье) a – противоположность (для) управления (чем, кем) a.
10. $Va \equiv JWa$: власть (чего, кого, чья) a – противоположность (для) власти над (чем, кем) a.
11. $Va \equiv NWa$: власть (чего, кого, чья) a – небытие власти над (чем, кем) a.
12. $Wa \equiv NBa$: власть над (чем, кем) a – небытие власти (чего, кого, чьей) a.
13. $Va \equiv Pa$: власть (чего, кого, чья) a – право (чего, кого, чье) a.
14. $Wa \equiv Ra$: власть над (чем, кем) a – право против (чего, кого) a.
15. $Pa \equiv JRa$: право (чего, чье) a – противоположность (для) права против (чего, кого) a.
16. $Pa \equiv NRA$: право (чего, чье) a – небытие права против (чего, кого) a.

17. $Ra \equiv NPa$: право против (чего, кого) a – небытие права (чего, кого, чьего) a.
 18. $Za \equiv Ta$: разделение (чего, кого) a – разрушение, уничтожение (чего, кого) a.
 19. $Za \equiv Na$: разделение (чего, кого) a – небытие (чего, кого) a.
 20. $ZBa \equiv TBa$: разделение власти (чьей) a – разрушение, уничтожение власти (чьей) a.
 21. $NBa \equiv Ya \equiv NYa$: небытие власти a – анархия (чего) a, небытие порядка (чего, кого) a.
 22. $NWa \equiv Aa \equiv Ya$: небытие власти над a – анархия над a, порядок (чего, кого) a.
 23. $Ya \equiv JJa$: анархия (чего) a – противоположность (для) анархии над (чем, кем) a.
 24. $Aa \equiv MYa$: анархия над (чем, кем) a – причина, порождающее условие порядка (чего) a.
 25. $ZWa \equiv NWa$: разделение власти над a – небытие власти над a.
 26. $ZWa \equiv Aa \equiv Ya$: разделение власти над a – анархия над a, порядок (чего, кого) a.
 27. $Da \equiv BHa$: демократия a – власть (чьа) народа a.
 28. $BHa \equiv NWHa$: власть (чьа) народа a – небытие власти над народом a.
 29. $NWHa \equiv ZWHa$: небытие власти над народом a – разделение власти над народом a.
 30. $Da \equiv ZWHa$: демократия a – разделение власти над народом a.
 31. $EWHa \equiv NDa$: единство власти над народом a – отсутствие демократии a.
 32. $TZWHa \equiv TDa$: уничтожение разделения власти над народом a – уничтожение демократии a.
- Омонимия слов естественного языка – источник многочисленных недоразумений, логико-лингвистических иллюзий диалога, дискуссии (как понимания, так и противоречия). Так, например, в рассуждениях анархистов аксиологическими значениями слов «власть» и «анархия» являются, соответственно, ценностные функции Wa и Aa, а в рассуждениях противников анархизма аксиологическими значениями этих слов являются, соответственно, ценностные функции Va и Ya. Вопросы «Является ли власть (сила) правом?», «Не является ли право насилием?», «Совместимы ли поря-

док и анархия?» – бессмысленные словосочетания, если (и только если) не определено, в каком из значений используются слова-омонимы «власть», «сила», «право», «насилие», «анархия». Эти ценностные функции являются математически самодвойственными. Следовательно, они будут принимать противоположные значения в аксиологически противоположных системах, т.е. в таких системах, где аксиологические переменные принимают противоположные значения. Отсюда вытекает необходимость амбивалентности рассмотренных ценностных функций.

А. Г. Мясников*

Право на ложь как условие политического господства (кантовская провокация современности)

1 «Право на ложь» – правомочие лица использовать заведомо ложные высказывания, не неся за это никакой социальной ответственности (ни юридической, ни моральной). Это морально-правовое понятие выражает одно из важных условий существования политического господства одних людей над другими и является камнем преткновения для большинства современных этических и правовых теорий.

Ложь недопустима в человеческой коммуникации – этого требуют почти все религиозные и моральные учения. Вместе с тем, когда речь заходит о существовании государства и системы власти, то указанное требование теряет свою безусловность и превращается в жалкое посмешище. Инстинкт самосохранения и чувственного удовольствия всегда осилит нравственное побуждение – такова истина политического господства, в котором, по-видимому, заинтересована сама природа. С этим утверждением могли бы согласиться и Кант, и Ницше.

2. Если природа заинтересована в сохранении политического господства, то можно ли считать, что *право на ложь является необходимым условием этого сохранения*. Скорее всего, нет, ибо правомерное использование неправдивых высказываний противоречит естественной целесообразности в применении языка. По мнению Канта, лгущий человек превращается в «говорящую машину», отказывающуюся от своего человеческого достоинства. Но ссылка на отсутствие достоинства не играет решающей роли в борьбе за власть, так как сильнейший будет оправдан собственными законами.

* **Андрей Геннадьевич Мясников** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, председатель Пензенского отделения РФО (г. Пенза).

3. Логика политического господства запутана и иррациональна, так как сильнейший не может рассчитать все последствия своих властолюбивых деяний, несмотря на то, что стремится к их совершенной рационализации. Но язык становится чужим, если его начинают использовать только в качестве «инструмента». Язык господства? Серьезным искушением для него будет использование права на ложь. Будет ли долговременной эта стратегия? Будет ли она действительно полезной? Ведет ли она к развитию и совершенствованию общественных отношений?

4. Запутавшись в лабиринтах общественного сознания, мы вынуждены искать путеводную нить, которая была бы понятна и властителям, и их подданным. Будьте правдивы – вызывающе говорит нам Кант. Зачем он провоцирует нас?

К. С. Павлов*

Определения феномена власти с позиции теории управления: взаимосвязь понятий власть и управление

С точки зрения разработанного на сегодняшний день теоретического материала, представленного в основном в трудах зарубежных авторов, использование понятия власти в современном представлении осуществляется на следующих основаниях: (1) происходит воздействие – власть есть влияние как процесс; (2) используется определенный метод по ограничению сопротивления – власть как контроль; (3) вполне применимы скрытые формы воздействия – власть «в отсутствии» конфликта; (4) возможно, все дело в социальном неравенстве – власть как проявление экономической зависимости; (5) потенциал в качестве реализованного – власть как возможные санкции; (6) власть возникает в коммуникации, где субъекты определяют носителя власти, выражающего «совместный» интерес.

Власть как воздействие.

Здесь власть осуществляется (и существует) лишь тогда, когда субъект власти предпринимает успешную, намеренную, наблюдаемую попытку заставить объект делать что-то, что последний не стал бы делать в ином случае.

Управление как воздействие.

Для характеристики управления обычно применяют термин «воздействие», указывающий на реальное влияние управления на сознание, поведение и деятельность людей. Воздействие понимается как воздействие субъекта на объект с целью перевода его в желаемое состояние.

Власть ограничивается только воздействием подавляющим, воздействием, которое никак не может быть ориентировано на

* *Кирилл Сергеевич Павлов* – студент очного отделения 5-го курса факультета подготовки ГМС, кафедра теории и практики управления УрАГС (г. Ревда).

какую-то определенную сферу человеческого существа. Субъекту власти безразлично, каким образом объект понимает это воздействие. Главное – это выполнение объектом заданных действий. При этом воздействие власти мыслится как единичный акт субъект-объектного отношения, вследствие которого наступает реакция (повиновение) объекта.

Управляющее воздействие – это воздействие, которое почти всегда содержит в себе как минимум три элемента: это цель, организация и регуляция (контроль). Здесь управление понимается как процесс. Процесс воздействия субъекта управления на объект с непосредственным разграничением во времени трех его составляющих: вначале объект получает цель, далее определяются задачи, которые он должен выполнить, двигаясь к поставленной цели (организация взаимодействия с субъектом), затем контроль и, при необходимости, регулирование его действий. Главное – это деятельность субъекта, степень правильности и рациональности производимого им управленческого воздействия, а выполнение объектом каких-то определенных при этом действий – лишь одна из составляющих цели управления.

Власть как форма контроля.

Власть есть особая форма контроля, возникающая когда: (а) между субъектом и объектом есть конфликт в отношении ценностей или целей; (б) объект подчиняется желаниям субъекта; (в) он делает это потому, что не имеет достоверной информации о том, каковы реальные интересы субъекта (и поэтому считает, что подчинение – это и выражение его собственных интересов). То есть власть существует благодаря тому, что субъект ограничивает сферу вопросов, решение которых дало бы объекту возможность понять свое место во властных отношениях.

Организирующее свойство управления: контрольная функция.

Если в отношениях власти их непосредственная реализация достигалась недопущением объекта в сферу интересов субъекта власти, то есть – контролем за возможными действиями объекта в этом направлении, то в ситуации управления все обстоит иначе. Если выразить схематично: субъект управления, после определения цели, представляет объекту способы и методы, согласно выполнению и/или соблюдению рамок которых будет выполнено главное условие достижения цели. Для субъекта (здесь мы не можем однозначно говорить об интересах объекта) – это исполнение объектом заданных действий, то есть его подчинение. При этом под-

чинение рассматривается не как безальтернативное (в случае власти), а как сознательно определенное и выбранное объектом «состояние». Главное для управления – организовать совместную деятельность объекта и субъекта, что может быть достигнуто открытым контролем за текущими параметрами этой деятельности и ее результатами.

Власть как скрытое влияние и управление в форме манипуляции.

Различие между властью и управлением в данном рассмотрении очевидно. Власть может возникать и осуществляться без ведома о ней объекта. Управление же невозможно без сознательного участия в нем последнего.

Власть и управление как функции экономической зависимости.

Здесь мы не вправе отделять друг от друга власть и управление.

Для понимания того, на чем строятся властные и управленческие отношения, нам необходимо выявить причины, вследствие которых возникают субъект-объектные отношения. А именно, в чем заключается подчиняющее право субъекта? Ясно, что в обладании властью. Обладание властью превращает одних людей в субъекты управления, а других – по отношению к ним, в конкретных взаимосвязях – в объекты. В современных условиях обладание властью все чаще связывается с фактором экономической зависимости одних людей от других. Поэтому власть и управление вполне правомерно рассматривать как результат неравенства людей в обеспеченности ресурсами и материальными благами.

Очевидно, что управление с точки зрения его функционирования в организации рассматривается как процесс. А именно – процесс достижения субъектом определенных целей. Тогда с необходимостью мы говорим о том, что способность субъекта управлять зависит от его способности заставить других людей (объект) действовать в соответствии с его намерениями, то есть от власти над этими людьми.

Власть в этом случае является необходимым условием управления людьми, его основой. Без этой способности направлять и изменять действия людей управления нет: тот, кто выполняет управленческие функции, должен иметь власть над своими подчиненными, то есть управляющий субъект всегда должен быть субъектом власти.

Т. Л. Лихачёва*

Социальная классификация властно-управленческих типов

Вопрос управления окружающим нас обществом как процесс организации и координации его положительного, в самом широком смысле этого слова, функционирования является актуальным и важным на протяжении последних тысячелетий. В конечном итоге не раз и не два в истории нашего мира не один человек спрашивал сам себя: как сделать так, чтобы моя воля была исполнена быстро, точно и эффективно. А именно аспект практической реализации воли субъекта власти в деятельности объекта и является целью, содержанием и результатом социально-политического управления. Таким образом, рассмотрение социальной специфики, выраженной в конкретной типологии управленцев, существующих в современной отечественной властно-политической среде, и составит содержание данной работы.

Исторически первым осознанно дать классификацию властно-управленческих типов попытался Николо Макиавелли в своём трактате «Государь». Именно там он впервые ещё в XV веке выделил два типа государей – «львов» и «лис», которые, по его мнению, отличались друг от друга кардинально. Правители «львы» обладали и успешно применяли во власти силу и свирепость, делая ставку именно на эти качества. С другой стороны, правители – «лисы», не обладая, по разным причинам, силой и свирепостью «львов», делали ставку на хитрость и обходной манёвр, которому практически всегда придавали вид компромисса.

Особого развития и высокой популярности данные модельные и классификационные технологии достигли в XX веке. Именно в прошлом веке на ниве классификации и моделирования особенностей во взаимодействиях субъекта и объекта управления в социуме «отметились» практически все учёные или публицисты. На-

* *Татьяна Львовна Лихачева* – канд. соц. наук, доцент кафедры естественных дисциплин Тульского института экономики и информатики (г. Тула).

иболее широкое развитие данные проблемы получили в американской науке и публицистике. Рассмотрим кратко наиболее достойные в научном отношении книги. При этом следует сказать, что автор, безусловно, не ставит себе целью проведение библиографического обзора или описания, а выявляет всего лишь наиболее интересные и практически оправданные подходы. Условно их можно разделить на: *физиологические* – проводящие зависимость от конституции человеческого организма и габитуса, и *психологические* – помещающие в основу именно психологические факторы и особенности, которые называются определяющими.

Первыми наиболее полно физиологические параметры специфики психических проявлений в социальном контексте исследовали немецкий психолог Эрнст Кречмер и американский психолог Шелдон, автор нашумевших в своё время книг: «Изучение классификации человеческих типов» и «Изучение классификации человеческих характеров». Именно в этих весьма популярных в первой трети и середине XX века книгах автор сделал попытку выделить типы телосложения человека, имеющие непосредственное отношение к его типу характера и темперамента, проявляющихся именно в социальном поведенческом контексте.

Итак, Шелдон выделил три основных человеческих типа: соматотонический, висцеротонический и церебротонический, которые в современной физиологической трактовке звучат как эктоморфный, мезоморфный и эндоморфный типы соответственно. В зависимости от телосложения, то есть высокий, худой эктоморф, приземистый, широкоплечий, склонный к полноте эндоморф и мезоморф, представляющий собой нечто среднее между двумя этими типами. В зависимости от этого формировались и комплексные характеристики психологии характеров соответствующих типов.

С другой стороны подошёл к рассмотрению поставленного нами вопроса известнейший немецкий психолог Карл Леонгардт, автор нашумевшей в научных кругах книги «Акцентуированные личности». В ней автор выводит и проводит анализ типологии человеческих личностей, которая основана на категории их психологической и социальной акцентуации, при этом, с точки зрения К. Леонгардта, собственно физиологические показатели, которые ставили во главу угла Кречмер и Шелдон, здесь совершенно не важны. С его точки зрения, врождённые психологические наклонности, развивающиеся по ходу взросления и роста, проявляются именно в социальном плане и могут при использовании специализированных приёмов без большого труда быть диагностированы.

Не меньший интерес в контексте проводимых исследований приобретают и сами научные публицистические работы, посвящённые распознаванию психосоциальных типов начальников и подчинённых или в межполовом общении. Наибольшую известность в этом плане получили работы известной американской писательницы Линды Гудман «Характеры» и Дж. Лэндона «How to get a Boss?!» (в неофициальном русском переводе «Как уделать Шефа!?»).

Автор первой книги американский психолог и телеведущая Линда Гудман оттолкнулась от широкой обобщительной практики, проведённой такой полунаучной дисциплиной, как астропсихология, весьма популярной в США в 1960–1970-х гг. Именно она смогла обобщить собственно астрологические данные и психологические характеристики различных типов и предложила практическую методику учёта данных особенностей в повседневной жизни и работе, выраженную в конкретных рекомендациях.

Джон Лэндон – малоизвестный журналист, разбогатевший после издания указанной выше книги, быстро ставшей бестселлером. В ней он, как утверждает, базируясь на собственном опыте, произвёл классификацию типов начальников. Для наибольшей убедительности каждому типу он присвоил конкретное наименование, широко известное более или менее образованному американцу и отражающее содержание типологической характеристики. Среди его типологии можно встретить такие наименования, как Бальзак, Драйзер, Достоевский, Дон Кихот, Наполеон, Джеймс Бонд и другие. Приведенные им типы снабжены обширными психосоциальными характеристиками, при этом они отнюдь не такие благожелательные, как у Л. Гудман. При этом Лэндон снабжает свои характеристики конкретным комплексом применения, в его составе:

- комплекс распознавания психологического типа руководителя по внешним признакам;
- комплекс характеристик: чего можно ожидать от каждого типа руководителей;
- комплекс рекомендаций по противодействию каждому типу.

Перейдём теперь к собственно авторской классификации, выстроенной на обобщении приведённых в данной работе и иных источников, прошедшей практическую апробацию в полевых условиях. В её основе лежит анализ практического поведения различных типов управленцев в условиях конкретного прикладного процесса социально-политического управления. С практической точки

зрения все указанные в литературе и встречающиеся на практике типы управленцев можно, по принципу «воронки», свести к трём нижеследующим:

- **Агрессор.**
- **Нейтрал.**
- **Аморф.**

Охарактеризуем представленные типы. Итак, **агрессор.** в основу осуществления управленческих процессов и процедур помещает столкновение противоположностей, в котором, являясь одной из сторон, побеждает за счёт физического, психического или социального превосходства, вынуждая другую сторону подчиниться. **Нейтрал.** ставит во главу угла разведение противоположностей, что на практике чаще всего выражается в убеждении подчинения другой стороны в целях недопущения конфликта, действуя по принципу: «Страх опасности в сотню раз страшнее самой опасности!». Наконец, **аморф.** направлен на удерживание крайностей от каких-либо действий (столкновений и другого в этом понимании – Т. Л.) обоснованно находится на позициях другого известного принципа: «Делай – что должен, и будь – что будет».

А. А. Колдушко*

Властный дискурс в модернизационном процессе

Концепция модернизации описывает переходное состояние общества от традиционного к современному. По определению американского социолога Р. Бендикса, модернизация представляет собой «тип социальных перемен, корнями уходящих в английскую промышленную революцию... 1760–1830 гг. и политическую французскую революцию 1789–1794 гг.» [Bendix R. *Modernisierung in internationalen Perspektive// Theorien des sozialen Wandels*. Koeln, 1969. S. 506].

О.Л. Лейбович отмечает, что «понять теорию модернизации можно только в контексте дихотомии «традиционное – индустриальное» общество. Эти понятия, как и модернизация, принадлежат к категории идеально-культурных типов и характеризуются высоким уровнем абстракции от конкретных форм существования и развития человечества. Традиционное общество описывается как аграрное, сословное, сохраняющее себя в виде иерархии локальных общин, где поведение человека регулируется жесткими нормами, опирающимися на обычай. <...> Индустриальное общество – общество, способное к саморазвитию на основе использования промышленных технологий, рациональной культуры и личной инициативы» [Лейбович О.Л. *Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории*. Пермь, 1996. С. 23–24].

Процесс модернизации предполагает не только кардинальное обновление общественных структур, но и сопряжен с ломкой структур традиционного общества, элементов старого порядка. Модернизационный процесс содержит в себе внутренний конфликт. Общество теряет прежнюю целостность, распадаясь на сектора по степени приобщения к новой реальности. За каждым из секторов

* *Анна Анатольевна Колдушко* – ассистент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета (г. Пермь).

стоят определенные социальные силы. Так, традиционалистские группы «выражают большую тревогу по поводу исчезновения старых эталонов поведения, что фокусируется в крахе религиозной определенности, разрушения простоты и ясности в межлических отношениях, исчезновения экономической стабильности» [Alexander J. *12 Lectures. Sociological Theory since World War II*. N.-Y. 1987. P. 70]. На другой стороне также формируется образ врага – упрямого реакционера, мешающего прогрессу. Результатом может стать не просто нарушение социального равновесия, но и силовые действия по его восстановлению в пользу одной из противоборствующих групп [Лейбович О.Л. *Реформа и модернизация в 1953–1964 гг.* Пермь, 1993. С.7].

Таким образом, модернизация включает в себя не только конструктивные элементы, но и некие элементы разрушительного свойства. При этом процесс модернизации сочетает в себе как спонтанные процессы, так и управляемые организованные действия. Властные отношения в этой системе играют значительную, а в некоторых случаях ведущую роль, придавая, с одной стороны, стимулирующий направляющий импульс процессу модернизации, а с другой – используя для реализации поставленных целей в качестве инструмента террор.

В связи с этим возникает проблема роли насильственных методов, применяемых властью в ходе модернизации. Разрушительный аспект модернизации также включает в себя и спонтанные, и управляемые действия.

В период, когда происходят резкие социальные перемены, а вместе с тем ломка прежних структур, старые институты, принадлежащие к традиционному обществу, как правило, отказываются работать в новых условиях. Перестают действовать традиционные правовые нормы, нормы морали и др. Таким образом, происходит «огрубление» нравов, выражающееся в таких негативных проявлениях, как хулиганство, пьянство и т.п. Это формирует соответствующую общественную атмосферу, в которой жесткие действия власти становятся оправданными.

Другой аспект проблемы заключается в применении насильственных методов непосредственно в реализации модернизационной политики. В целом, общемировой процесс модернизации до конца XIX–начала XX вв. носил спонтанный характер, и лишь в XX веке мы можем в нем наблюдать рационально организованные моменты. Безусловно, эту миссию берет на себя власть. Сущность

власти в руководстве модернизационными процессами заключается в проведении запланированного курса любым путем: даже с помощью насильственных методов.

Обоснование террора как необходимой составляющей компоненты модернизационного процесса осуществлялось не только в традиционных обществах с сильной государственной властью, но и в западном мире. Первые попытки оправдания террора мы видим уже у историков, освещающих события Французской революции. Франсуа Фюре отмечает, что «республиканская историография, вынужденная защищаться от прокуроров истории контрреволюционной и вообще слишком гуманистическая, чтобы спокойно относиться к кровавым жертвам якобинского периода, выработала для объяснения этого теорию, заставляющую вспомнить то, что наше право называет «смягчающими обстоятельствами» [Фюре Ф. Постыжение Французской революции. СПб., 1998. С. 69–70]. Политика террора, таким образом, оправдывалась объективными условиями борьбы за революцию.

Однако наиболее масштабно политика террора была развернута в советском варианте модернизации, когда террор был возведен в ранг государственной политики.

Движение к социализму в советском обществе понималось новыми властителями, в первую очередь, как процесс откалывания от него чужеродных частей – классовых врагов (сначала «буржуазных элементов», потом «кулаков», «троцкистов» и пр.). На рубеже XIX–XX вв. сложились определенные матрицы социального мышления, которые определяли поступки людей, ревностно охраняющих революционные идеи. Еще П.Л. Лавров утверждал, что «всякая неограниченная власть, всякая диктатура портит самых лучших людей. <...> Всякая диктатура должна окружать себя принудительной силою, слепо повинующимися орудиями; всякой диктатуре приходилось насильственно давить не только реакционеров, но и людей, просто не согласных с ее способами действия; всякой захваченной диктатуре пришлось истратить более времени, усилий, энергии на борьбу за власть с ее соперниками, чем на осуществление ее программы с помощью этой власти» [Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 311–312]. Еще в начале века провозглашалась особая революционная законность, особая мораль, ставившая превыше всего «успех революции». Н.И. Бухарин на VII съезде в 1918 г. говорил: «В случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десят-

ками тысяч рабочих» [Седьмой Экстренный съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 33].

Однако стремление к насилию являлось не только властным импульсом: стихийные факторы, создающие соответствующую общественную атмосферу, также оказывали серьезное влияние на формирование взаимоотношений власти и общества. «Озлобление» общества, «обыденность» применения насилия были связаны в начале века и с первой мировой войной, и с гражданской войной, которая полностью разрушила устоявшиеся правовые и моральные нормы. При этом, как отмечает А.С. Цыпко, характер сталинской форсированной модернизации был связан, прежде всего, с ускоренной, поверхностной урбанизацией: «Урбанизация в 30-е годы вылилась в стремительный и неоправданно резкий разрыв с прошлым, при котором уничтожение старых традиций и старых устоев далеко обгоняло складывание новой морали и новых форм быта, жизни. Возникал своего рода культурно-нравственный вакуум, и уровень бытовой морали масс в некоторых отношениях снижался» [Цыпко А.С. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 206–207]. Такой моральный вакуум в сложившихся обстоятельствах не мог противостоять насилию.

Таким образом, властное насилие в процессе модернизации является сложным феноменом. В нем аккумулируются разнородные факторы. Властные элиты прибегают к организованному насилию в той мере, в которой оно разрешено прогрессистскими доктринами (революционными или реформистскими утопиями) и оправдано в их глазах историческими обстоятельствами, в том числе и инерцией масс. Сами же массы, освобожденные от традиционной морали, сами прибегают к плебейским формам борьбы, тем самым создавая культурную среду, в которой властное насилие становится допустимым.

*Т. И. Грицкевич**

Власть как организационное и регулятивно-контрольное начало политики реформирования в России

Понятие власти включает в себя понятие отношения, основанного на наличии субъекта и объекта, особого волевого отношения субъекта к объекту этого отношения. Оно состоит в побуждении к действию, которое второй субъект должен совершить по желанию первого. Поэтому **власть** возникает в отношениях между людьми, общественными группами, обществом и его частями. **Власть** – идеальное, волевое или эмоциональное и иное отношение – не может сама производить какое-либо действие. Это действие производят две стороны этого отношения: одна – побуждающая к действию, другая – производящая его.

Отношения власти, как и политические отношения, характеризуются их универсальностью (присутствием во всех видах отношений в обществе) и включенностью, инклюзивностью, предельно малым (власть личности) и предельно большим (государственная власть) пространством. Картина власти в обществе представляет собой систему пространств (полей). Власть, как целостное начало, служит организационным и регулятивно-контролирующим способом существования государственной политики. Власть определяется ее свойством служить средством осуществления замысла, намерения, быть отношением между субъектами политики, связывать их. Выраженная в законах, нормах, правилах, запретах, предписаниях, волевых и эмоциональных воздействиях, власть существует в двух формах: потенциальной и реальной. Потенциальная не менее существенна, чем реализованная. Понимание наличной власти оказывает на ее потенциальные объекты (общество, общественные группы) огромное организационное воздействие.

* *Татьяна Игоревна Грицкевич* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии ГОУ ВПО Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

© Т. И. Грицкевич, 2006

Реформаторская деятельность в XX веке уже характеризуется **одновременным доступом к власти и степенью владения производственными силами через административный аппарат государственного управления**¹. Решающую роль в этом процессе играют научно-технические достижения. С дифференциацией сфер жизнедеятельности социума усложняются способы его реформирования. Если до первой трети XX в. социальные преобразования носят преимущественно эволюционный или революционный характер, то историческая реальность XX в. акцентирует своё внимание на утверждении, что научно обоснованный и контролируемый процесс проведения реформ служит социально-экономическому и политическому прогрессу общества². Если для XVIII–XIX вв. было характерно проведение реформ во всех сферах жизни человеческого общества одной яркой личностью, то в XX в. в обществе с многофункциональной и сложной социально-экономической и политической структурой личность реформатора нивелируется за процессом реализации реформ в одной или нескольких областях жизни социума.

Реформы не персонифицированы, названы по ключевым преобразованиям в сферах социума (как, например, в России: Новая экономическая политика, реформа образования 1961г., «Перестройка», политические реформы первой половины 90-х годов и т.п.). Общество как бы присваивает идейные разработки реформ себе, и кажется, что процесс приобретает автономный характер. Социальные институты выполняют функции самосохранения и воспроизведения, используя процесс реформирования своей структуры и социальных связей. Личность здесь выступает как генератор идей, движущая сила, контролирующая свои действия в соответствии с запросами и потребностями социальных институтов. Это определяет специфику механизма и контроля реформ.

Так как социальной опорой процесса реформирования выступают собственники средств производства, то **представители структур власти чаще апеллируют к крупным производственным магнатам**. Интеллектуальный потенциал представите-

¹ См.: *Абдеев Р. Ф.* Процессы управления в социально-экономической сфере / Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 223–235.

² См.: *Белл Д.* Параметры знания и технологии: новая классовая структура постиндустриального общества // Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 289–315.

лей крупных корпораций и их заинтересованность в социально-экономических преобразованиях с целью совершенствования и процветания бизнеса и расширения сфер влияния в обществе способствуют его прогрессу. Взаимные уступки между интеллектуальной гуманитарной элитой общества, ратующей за либеральные реформы, и технической интеллигенцией, сферой влияния которой является создание совершенной технико-технологической базы общества, осуществляются путём договора.

В условиях формирования будущего постиндустриального информационного типа общества к началу XXI века происходит **деформация в технологии осуществления реформ структурами исполнительной власти**. Несмотря на то, что реформаторское творчество личности в социуме не теряет своих сущностных черт, появляется синтез эволюционных и революционных реформ, что ведет к формированию нового типа реформ, степень осуществления которых зависит от степени владения информацией и максимальным контролем за социальными процессами, источниками которых явились реформы.

Реформаторское творчество личности характеризуется **доступом к власти**, но по выборному принципу, степенью воздействия на экономическую сферу, прямым доступом к СМИ и действующими механизмами контроля за реформами. Здесь приветствуются личностные отношения свободных индивидуальностей, которые позволяют раскрыть свой творческий потенциал и применить его на благо общества. Проявляется зависимость социального статуса реформатора от его социальной активности³. Меняется и технология осуществления реформ. Они целенаправленно готовятся узкими специалистами в области экономики, политики, права, науки и т.д.⁴ Процесс осуществления реформ прямо пропорционально зависит от доступа к власти группы лиц, поддерживающих социальные преобразования. Сама структура власти предъявляет определённые требования по умению реформировать к личности, входящей в неё. Формируется модель конкурентной борьбы за право осуществлять реформы и иметь доступ к власти. Социальная реальность представлена сложной самоорганизующейся системой с осмысленным выбором направленности социального процесса.

³ Подробнее о социальном статусе в работе: *Ануфриев Е. А.* Социальный статус и активность личности. М., 1984.

⁴ См.: *Белл Д.* Указ. соч. С. 253–255.

Социальная система в недрах своих «надстроечных структур» создает образ-идеал реформатора. На основе философского, политологического, социологического и культурологического анализа создаются определённые технологии осуществления реформ. В соответствии с этим реформы конца XX в. носят узкоспециализированный, целенаправленный характер. Причём всегда более или менее можно отследить динамику реформ, пользуясь научно разработанными средствами социальных измерений.

Процесс осуществления реформ обеспечивается социальной поддержкой при помощи технологий воздействия средств массовой информации, государственной идеологической доктрины и учета специфики социальной психологии и менталитета. Личность реформатора как бы вплетается в сложную структуру механизма воздействия на социум. И сама творческая деятельность личности реформатора становится результатом ее креативности, социальной поддержки, **места во властной структуре, отлаженности механизма государственной власти и воздействия ее на социальные процессы**, а также огромной самоотдачи и слаженности команды реформатора, обеспечивающей осуществление курса реформ. Это как бы система взаимосвязанных элементов, жизнедеятельность которой зависит от всех входящих в нее элементов. Опираясь на научные исследования, выявляются тенденции общего развития процесса осуществления реформ, который помогает предвосхитить результаты реформаторской деятельности, реализовать планомерное управление социальными процессами⁵.

⁵ Процессу воздействия на личность общественных ценностей уделяется особое внимание в работе: *Бакирова В. С.* Ценностное сознание и активизация человеческого фактора. Харьков, 1988.

И. А. Оглоблина*

Социальные границы редукционистских технологий власти

Многочисленные вызовы, переживаемые российской властью в начале XXI века, – феномен общецивилизационный, подчиняющийся процессам объективным, системным, происходящим на фоне геополитических, геоэкономических, культурных, демографических, экологических, климатических изменений мира и вызванных ими социальных потрясений. Рассуждая о современных коллизиях государственной власти, обратимся к текущим обсуждениям перспективы развития российского общества в авторских телевизионных программах – таких, как «Проект будущего» А. Гордона, «Тем временем» А. Архангельского, «Культурная революция» М. Швыдкого, «Версты» Л. Млечина, «Школа Злословия». Наиболее актуальными для «властной» тематики представляются:

1. Проблема конфедеративного устройства власти, обсуждаемая в дискуссиях о судьбе либерального проекта в России. Ее ядром является вопрос о формировании властной идеологии на основе рефлексии по отношению к тем ценностям, которые могли бы быть положены в основу будущей российской цивилизации, – такой, чьим основанием стала бы не единая идея, а консолидирующие смыслы, необходимые для конфедеративного устройства власти, а значит – требующие пересмотра существующих поведенческих норм и уходящих культурных традиций. На каких ценностях должна строиться российская цивилизация? Соборных? Индивидуалистических? Может ли быть сформулирована духовная концепция, отражающая синтетические идеологические ориентиры власти? Связано ли появление таковой с вопросом о степени религиозности российского и западного общества, с рассуждениями об эксклюзивной российской спиритуальности (А. Проханов), с вы-

* **И. А. Оглоблина** – ассистент кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

яснением того, насколько успех либерализма в США обеспечивался массовой религиозностью и ценностями протестанской этики (А. Генис)?

Думается, что требования массового духовного преобразования так же плодотворны, как и попытки задать ценностные ориентиры теми, для которых духовность – по-разному интерпретируемое ментальное представление о возвышенном состоянии человеческого бытия. Задумывается ли российская интеллигенция, призывающая к духовности (Л. Нарочницкая), о сути процесса, обозначаемого этим термином, и о том, какие ограничения налагает его переживание на повседневную человеческую жизнь? О том, что в любой стране лишь 2–3 % населения могут быть отнесены к числу реально практикующих духовных подвижников и что именно их безвестный во времени подвиг перевел Россию в ипостась святой Руси? В прошлом веке Чижевский строил графики солнечной активности и выводил соответствия ее пиков землетрясениям, войнам, эпидемиям и прочим катаклизмам. Понимают ли любители духовной терминологии, что в трудах «Агни-Йога» Н. Рериха высшее состояние человеческого духа отнюдь не метафорически определяется как огонь души, напрямую связанный с солнечной активностью, и что тонкие огненные энергии самой жизни, ввиду высокой частоты их вибрации (особенно в условиях нынешних скачков светимости солнца), способен выдерживать не каждый человеческий организм? И только поэтому, из соображений безопасного приобщения к энергии «Ци», тысячелетиями воспроизводится традиция соблюдения ограничений христианского поста. По свидетельствам тибетских мудрецов, нервная система должна быть приспособлена к психофизиологическим перегрузкам, обычно сопровождающим качественный рост того, что по бездумной привычке по-прежнему обозначается термином «духовность».

2. Проблема оппозиции власти и общества, власти и индивидуального человека. Поставленные вопросы: каким образом власть отстает от развития общества и личности современного человека; как позиционировать эту личность (как модификацию «советского человека»), механический инструмент власти или как хозяина и управителя собственной житейской ситуации).

Ориентация властных технологий на постсоветский тип личности побуждает власть выстраивать стратегии мобилизационной готовности общества [1], питаемые страхом подмены цивильных радостей свободной жизни произволом разгула махновской «воль-

ницы». Между тем мало кто усматривает редуционистский парадокс властной мобилизационной стратегии, чьи технологии основаны на инстинктивно-биологическом инстинкте родового выживания, со свойственными ему воинствующей агрессией и праведной ненавистью. Идеологическая же доктрина христианства требует обратного: пренебречь зовом могучего инстинкта и, «смертью смерть поправ», перевести волю-к-жизни уровнем выше – в тот край, где она уступает место любви и воле божьей. Следовательно, у народа-богоносца святой Руси мобилизационные рычаги инстинктивного самосохранения уживаются с православным императивом духовного преображения путем реального прохождения «каждым-в-отдельности» границы «жизнь-смерть», что в пределе своем предполагает не усилия канонизированных одиночек, а единый порыв всех-вместе. Но готова ли к нему Россия в общенациональном масштабе? Особенно сегодня, когда в отечественной современности налицо «вращенность» индивидуального сознания в массовое, не дожившее до главной «неголовной» вещи – способности «знать» (Ю. Левада).

На чем же должна сосредоточиться власть, чтобы свершилась духовная перемена ума, мышления индивидуумов в направлении движения к творческой личности? Предпочтет ли либеральная личность эту переменную, или останется вооруженной эгоистическими наклонностями, характерными для крайнего индивидуализма, без каких бы то ни было этических ограничений – в числе которых, например, ответственность за себя самого (по меньшей мере, перед близкими и обществом)? В какой степени главное «неголовное» свойство либерального эгоиста (способность «знать») способствует творческому некалькулируемому жизненному процессу? Можно ли преодолеть вирус разрушения государства, не преодолев разрушение в себе? Почему рефлексия над происходящим идет медленно и каковы сроки изменения массового сознания мутировавшего «советского человека»?

Вышеперечисленные проблемы с их нескончаемыми вопросами, обращенными к власти, восходят к единому истоку – формированию гетерогенной целостности российского общества. Данный процесс сопровождается разрушением единого тоннеля реальности [2], имманентного гомогенной целостности социума.

Формирование гетерогенной целостности российского общества дает основание говорить о наличии в обществе неоднородного личностного самосознания российских граждан. Различия, имею-

щие место в структуре российской личности, могут быть выделены на основании обращения к факту включенности сознания современного человека в экономические отношения редуционистского и антиредуционистского типа [3]. Редуционистский тип экономики характерен для хозяйств с экстенсивным типом экономического роста с линейными формами накопления, в его границах развивается одномерная социальность, работающая с количественным производством овеществленных социальных форм. Антиредуционистский тип экономики характерен для хозяйств с интенсивным типом экономического роста, в его границах развивается многомерная социальность, работающая с воспроизводством разных форм кооперации живой деятельности людей, имеющая дело с синтезом новых качеств человеческого бытия, новых форм выгоды, богатства, власти. Многомерная социальность развивается в условиях повышенной системной сложности национального хозяйства, при дополнении общегосударственного организационного процесса «сверху» процессом самоорганизации «снизу», реально осуществимым в сетевых децентрализованных экономических организациях, где вертикаль властной иерархии уступает место горизонтальным связям. В таком обществе «экономическая жизнь имеет больше отношения к статусу, а не к материальным благам» [4]. Задействованные в ней личности высокопрофессиональны, постоянно вводят новшества и принимают рискованные решения.

Представляется, что государственное и корпоративное властное устройство многомерного общества, как и имманентная ему антиредуционистская экономия, обладает системностью высокого уровня сложности, а с ней и неделимым элементом, способным к самостоятельному существованию (сохраняющим свои свойства вне системы) и ответственным за социальную самоорганизацию людей. Таковым представляется психологический (ментально-сверхэмоциональный) фактор идеологической компоненты власти, обладающий энергоинформационными характеристиками.

Системообразующий элемент власти формируется в сети межперсональных взаимодействий, в процессе установления субъект-субъектных отношений внутри и между добровольными сообществами – там, где власть государства заменяется неформальными нормами и внутренними ограничениями. Неформальные нормы истоком своим восходят не к иерархии доминирующих в общественном сознании величин и ценностей, а к саморефлексии как

возможному способу в-себе-самом познать образ Христа или, например, путь Дао. Рациональное же познание мира, к которому сводится весь пафос просветительского проекта эпохи модерна, подменяет чувственно-эмоциональные образы некогда христианского бытия овеществленной товарно-денежной предметностью «превращенных форм», понятийных обозначений, ценностных формулировок. Именно эта подмена видится предметом философской рефлексии Ф. Ницше и предтечей постмодернистских исканий Ж. Деррида.

На определенном витке повышения системной сложности человеческого общежития внутреннее детерминирует внешнее: бытие-внутри-нас, вычлененное из бессознательного, формирует бытие-вне-нас. Огненный дух индивидуальной творческой энергии, дифференцирующий массовое сознание, и есть системообразующее ядро психологической компоненты антиредукционистской властной идеологии.

Литература

1. **Прохоров А. П.** Русская модель управления. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2003. – С. 134–160.
2. **Петрова Н.** Творческие решения в бизнесе. – СПб.: Речь, 2004. – С. 145.
3. **Кемеров В. Е.** Социальная философия: учебник для высшей школы. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – С. 280–295.
4. **Фукуяма Ф.** Великий разрыв. – М.: Ермак, 2004. – С. 312.

А. Н. Бетев*

Свободная Россия: другая власть

В настоящее время философское исследование проблемы власти имеет устойчивую тенденцию исходить из её неочевидности, сокрытости, ввиду её рассеянности по всей ширине социального пространства. Она выражает себя в самом способе существования общества, в характере социальных отношений и в границах, задаваемых сложившимся порядком совместного бытия. В связи с этим говорят о её «таинственности», диффузности, нелокализуемости; вопрос субъектности власти отходит на второй план, освобождая место для изучения способа её осуществления, техники подчинения человека некой предданной системе, которой он вынужден соответствовать с целью продвижения и реализации себя в рамках существующего объективированного *символического универсума*. И уже в самом факте человеческого развития заложена некая господствующая логика, которой индивид не может не руководствоваться. Таким образом, «заботясь о себе», решая свои задачи, удовлетворяя собственные потребности, осуществляя самые сокровенные, казалось бы, желания, человек вместе с тем поддерживает тот порядок, который формирует и воспроизводит определённую систему нужд, потребностей и целей.

Безусловно, подобные размышления уместны, обоснованны и важны, однако не всегда следует игнорировать конкретную, телесную, отнюдь не *микрофизическую*, а вполне цельную, осязаемую и видимую невооружённым взглядом власть. Здесь хотелось бы коснуться темы власти в современных российских реалиях, ввиду её кардинального изменения за последние 10–15 лет. Это представляется интересным, прежде всего, по причине казусной парадоксальности характера её преобразования со времён падения Советского Союза, а именно – полным несоответствием артикулируемого дискурса её действительному воплощению.

* **Антон Николаевич Бетев** – аспирант кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

В связи с разрушением страны, в которой мы родились, принято считать, что мы расстались с «тоталитарным прошлым», с бесчеловечным «полицейским режимом», всеми возможными способами подавлявшим любые проявления свободы и независимости суверенной личности, в целом, действовавшим репрессивными, тираническими методами. И перед нами не стоит задача подтвердить или опровергнуть это мнение, хотя ко всяким штампам философия *a priori* должна относиться с особо пристальным *деконструктивным* интересом. Наша задача – в свете подобного образа власти выявить её современное обличье. А оно весьма своеобразно. Действительно, централизованный властный механизм, который на протяжении десятилетий контролировал практически все жизненно важные сферы развития общества, начиная от воспитания и образования и заканчивая обороной и безопасностью, настолько разрушился и ослабил своё влияние, что у многих людей возникают сомнения в способности выживания страны в случае глобальных катаклизмов. Да, КГБ больше не существует, и дело не в том, что аббревиатура, приказав долго жить, канула в историю, или что памятник Дзержинскому покинул Лубянскую площадь, а в том, что всевозможные раздробленные государственные преемницы этой структуры (ФСБ, ФАПСИ, СВР и т.д., хотя здесь речь не идёт исключительно о силовых ведомствах – проблема куда шире, чем КГБ и МВД: это и культура, и образование) в целом пока что продолжают отсутствовать реальной влиятельной власти, которая затрагивала бы насущные интересы жизни общества и той самой «свободной личности», во имя которой и была низвергнута «империя зла», главным символом которой выступала вышеупомянутая структура. Эта власть *ограничивается* правом свободного проезда *избранных* по московским улицам «с голубым огоньком», *безграничными* привилегиями и правом *выборочного* «наезда» на строптивых, не желающих *делиться*. Она не способна бороться с терроризмом и предотвращать чудовищные акты насилия, влекущие гибель сотен невинных людей, не способна контролировать рост преступности, не в состоянии обуздать наркоманию и не может умерить коррупционные аппетиты высшего чиновничества, которое на своих постах «в заботе об интересах государственной важности» решает исключительно свои локальные, внутрисемейные, задачи, в то время как страна умственно, нравственно и физически разлагается и деградирует. И реакция на подобные упреки вполне цинична и предсказуема: уж лучше «Беслан», «Норд Ост», повальная

безграмотность и бандитизм, чем цензура и контроль. Т.е. центральная власть фактически снимает с себя ответственность за управление страной и безопасность граждан. И на первый взгляд, это вполне согласуется с теми либеральными ценностями, что правозащитники на заре перестройки и до сих пор составляют ядро господствующего ныне властного дискурса: *людьми никто не должен управлять, каждый сам себе хозяин, в свободной стране недопустим контроль за гражданами и их действиями, каждый человек должен сам заботиться о себе и собственной безопасности* и т.д. Однако в нашей повседневности вырисовывается несколько иная картина.

Начало 90-х ознаменовалось тем, что граждане, наконец-то избавившиеся от «полицейского государства», в массовом и срочном порядке стали ставить в дома дополнительную, *железную*, дверь. Один низложенный «железный занавес» сменился сотней миллионов железных дверей – сегодня это часть нашего обихода, и мы даже не сознаём всей чудовищности этого повседневного атрибута, того символического смысла, который в нём сокрыт. Другой яркий полицейский символ, ставший настолько привычным, что мы этого не замечаем, – охранник. Трудно представить себе место, которое бы не находилось под его взором. Не мог КГБ всё контролировать, хотя бы в силу ограниченности штата. Теперь же всё под контролем: колоссальный объём охранной силы (сегодня в нашей стране едва ли не каждый десятый – охранник) – залог того, что мечта Бенгама о Паноптиконе осуществима; только теперь речь идёт не об отдельных категориях людей, за поведением которых должно следить с особым вниманием, а о целом обществе. Мы заходим в обычный продуктовый магазин, и нас обязуют сдать вещи в камеру хранения, а дальше нас радушно встречают предупредительные надписи: «Внимание! Зал находится под видеонаблюдением». Но это, скорее, не наблюдение, а прицел: на нас нацелен взор как на возможных преступников; *все мы* – это потенциально «неблагонадёжные». И выходим оттуда через детекторную раму, подобно заключённым во время «шмона». Некогда КПП были частью учреждений государственного, военного и оборонного характера, а сегодня это присуще любому заведению от больницы и музея до детского сада и университета. Если раньше студент при входе в институт в худшем случае предъявлял студенческий билет дедушке-пенсионеру, страдающему возрастной дальностью, то сегодня – ребятам в камуфляже с дубинкой, наручни-

ками и оружием. И нас уверяют, что мы живём не в концлагере, а в свободной стране. Если даже в аптеках и библиотеках наши действия контролируются бдительными охранниками и всевидящими камерами, то что же говорить о более *эсклюзивных* заведениях, корпорациях, финансовых группах и предприятиях. Там дело не ограничивается рамами, видеонаблюдением, турникетами, охранниками и т.д. Речь уже идёт о собственной службе безопасности, мини-КГБ, образуемой зачастую вчерашними чекистами, мощь и влияние которой напрямую связано с экономическим потенциалом хозяина. И цель всех этих служб, ЧОПов, вполне понятна, логична и обоснованна – защищать интересы магазина, сети, корпорации, заказчика и т.д. Однако из всего этого следует вопросительный вывод: мы окружены службами, защищающими чьи-то корпоративные интересы; повсюду камуфлированные (или в штатском) охранники с пистолетами; строятся корпоративные дома с повышенными мерами безопасности, корпоративные дачные посёлки с КПП, высокими заборами, колючей проволокой и цепными дрессированными псами (ещё два ярких символа нашей современной «свободы»); а чувствует ли общество среди всего этого «камуфляжа» себя защищённым? Оно обложено со всех сторон властью, с которой свыклось, оно подчиняется множеству корпоративных дискурсов, вполне осязаемых, оно контролируется и сортируется в соответствии с интересами конкретных (*несокрытых*) группировок с целью их благополучия и безопасности. Но игнорируются *его* онтологические, базисные, интересы и пренебрегаются *его* безопасностью. И не надо тешить себя иллюзией, что мы защищены, так как являемся частью какой-нибудь корпорации: наша жизнь не ограничивается её рамками – мы живём в Стране, в Мире; и если власть имущие, кроме своих локальных, не решают более перспективных, *зорких*, задач, то обрекают нас и себя на закрытое, казарменное, существование за «железной дверью» дома или корпорации, с охраной у подушки.

М. П. Шубина*

Повседневность и власть

Эдмунд Гуссерль обратил внимание научного сообщества на то, что обычная эмпирическая жизнь людей, их до-предикативный жизненный мир первичен, все остальные миры – мир науки, философии, поэзии, права, политики, морали – вырастают из жизненного, а не наоборот. Следовательно, повседневный жизненный мир служит фундаментом всей культуры. Границы, разделяющие всё на плохое и хорошее, доброе и злое, красивое и безобразное, справедливое и несправедливое, формируются в повседневных взаимодействиях и образуют почву всех порядков социума – морали, права, политики, власти.

Ни человека, ни общества, ни повседневности нет без коммуникации. Влиятельнейший современный немецкий исследователь Никлас Луман подчеркивает, что социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации, он предлагает рассматривать власть как особый коммуникативный код.

«Общество же состоит из коммуникаций – событий, сменяющих друг друга во времени. Структура общества представлена учреждениями, способными связывать эти мимолетные события, а принцип структурирования заключается в дифференцировании коммуникаций. В современном обществе дифференцируются не группы людей, а типы коммуникаций, в которых человек участвует, играя роли избирателя, ученика, покупателя etc.»¹ Всякая роль и ролевая коммуникация управляется своим собственным кодом – парадоксальным единством различного: власти-безвластия, собственности-несобственности, любви-нелюбви. Луманова так называемая теория дифференциации генерализованных средств коммуникации призвана охватить весь социальный универсум и всю

* *Марина Петровна Шубина* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии философского факультета Омского Государственного Педагогического университета (г. Омск-24).

¹ *Антоновский А. Ю.* Социальные системы Никласа Лумана // Луман Никлас. Власть. М.: Практика, 2001. С. 225.

его эволюцию. Власть, истина, деньги (собственность), право, религия, искусство, любовь суть коммуникативные коды, то есть принципы упорядочивания (редукции) необъятного в своей комплексности социального и психического мира. Этот мир регулируется смыслом (последним обобщением коммуникативных кодов), неким началом, не имеющим под собой никакого основания, онтического субстрата, субъекта. Он – носитель самого себя, процесс самореференциального воспроизводства – автопойесиса. С помощью смысла социальным системам и сознанию личности удается сделать для себя осязаемой дифференциацию между ними и их внешним миром, а тем самым воспринять свою собственную селективность². Посредством генерализованных кодов сознание субъекта не только определяет для себя ситуацию и, соответственно, схему действий в ней, и таким образом реализует единственную возможность из всего горизонта возможностей, но и, в конечном счете, конституирует социальную систему.

Социальные системы возникают прежде всего из необходимости выбора и согласования действий³. Важнейшим коммуникативным средством выступает власть. Но было время, когда не было ни власти, ни истины, ни собственности, ни права. Как же тогда происходил отбор действий и переживаний? По-видимому, участники интеракций исходили из конкретных многообразных ситуативных контекстов. С точки зрения Лумана, в эволюции и происхождения процесса отбора и закрепления генерализованных кодов, одним из которых является власть. Природа власти в независимости от субъективного и объективного контекста, её влияние теряет свою ситуативную основу, выходит за пределы её конкретности. Отныне в любой ситуации, в которой бы ни находился действующий, он ориентируется на генерализованный код – власть.

С самого начала любые коммуникативные средства развиваются при наличии фактического человеческого общежития, социального жизненного мира. Практическое общежитие людей в повседневных интеракциях протекает на основе очевидной уверенности в существовании реалий мира. Основания социального общежития и условия его долговременного существования в нормальном случае не нуждаются в осмыслении, обусловленное им поведение не требует оправдания, а мотивы такого поведения – специ-

² См.: Антоновский А. Ю. Указ. соч. С. 230.

³ См.: Луман Никлас. Власть. С. 13.

ального рассмотрения и демонстрации. В простых обществах эта функция выполняется преимущественно благодаря «конструкциям реальности», которые являются общими для жизненного мира образующих эти общества индивидов. Эти конструкции, лежащие в основе всех процессов коммуникации, являются в простых обществах чем-то само собой разумеющимся. Язык в основном и служит для удостоверения подобных само собой разумеющихся естественных оснований. Лишь в более развитых обществах формируется потребность в функциональной дифференциации как языкового кода в целом, так и символически генерализованных коммуникативных средств, таких, как власть или истина. Социальные системы возникают из необходимости согласования действий. Действия могут не согласовываться. Посредством языка уже, например, сказав «нет», мы можем отвергать действия, не соответствующие данной коммуникации. В ходе эволюции в каждом обществе помимо языка формируются учреждения, которые обеспечивают необходимое согласование, и потребность в этих учреждениях возрастает. На возникновение особых символизированных средств коммуникации очень повлияло изобретение письменности, которая необъятно расширила коммуникативный потенциал общества и вывела его за пределы интеракции непосредственно присутствующих.

Таким образом, на основе само собой разумеющихся повседневных ситуаций и схем взаимодействий, присущих этим ситуациям, как результат их обобщения происходит формирование особых генерализованных коммуникативных кодов – власть, истина, деньги, любовь. Благодаря этому становится возможным возрастание эффективности общения. Социологически понимаемая технизация позволяет разгрузить смыслообразующие процессы переживания и действия от необходимости каждый раз воспринимать и эксплицитировать все вытекающие из данной коммуникативной ситуации смысловые отношения. Возможности технизации позволяют схематизировать процессы, первоначально протекающие в случайной форме. Кодирование и символизация разгружают сознание и благодаря этому усиливают способность ориентироваться в различных контингенциях⁴.

Итак, мы видим, что, с точки зрения Лумана, социальная система, власть берут свое начало в интеракциях повседневного жиз-

⁴ См.: Луман Никлас. Указ. соч. С. 113.

ненно мира, с его очевидной уверенностью в существовании реальных мира. Усложнение процессов коммуникации в ходе истории ведет к формированию символически генерализованных коммуникативных средств – таких, как власть.

Хотелось бы подчеркнуть, что взаимоотношения повседневности и власти противоречивы. С одной стороны, повседневность, с её уникальностью, с её мелочами и частностями, подробностями, противостоит официозу анонимно-безличной системы и, соответственно, власти, она есть зона свободы, позволяющая ускользать от власти. Повседневность – сфера сохранения и воспроизводства человека, «спасение», по словам Э. Левинаса. Она спасает жизнь от разложения её на секции и рубрики управляющими инстанциями, спасает человека от тотальной стандартизации и полного подчинения в качестве элемента-винтика. Формирование повседневности из разнородных индивидуализированных порядков в ходе коммуникации приводит к образованию новых особенных, присущих именно повседневности типов рациональности, более гибких и варируемых, что также позволяет повседневности ускользать от давления односторонней технологической рациональности системы власти.

С другой стороны, приватность и свобода, отличающие повседневность, не являются абсолютными. Определяющую роль в механизме формирования порядка повседневности играет пространство. Важнейшие структурные элементы повседневности – уклад, порядок действия и ментальность – задаются дисциплинарными пространствами, организованными властями. Власть опирается на такие особенности повседневности, как неосознаваемость, нерелексивность, повторяемость, принудительность уклада повседневной жизни. Как это показал ещё М. Фуко, власть путем воздействия на телесность, вырабатывая необходимые ей телесные привычки, побуждая испытывать лишь ей угодные желания, формирует нужных людей. Нет необходимости во множестве тюрем, когда страх нарушения норм и запретов держит человека во внутренней тюрьме.

*Е. В. Ускова**

К анализу ментальных оснований властных отношений

Власть и подчинение ей, свобода и необходимость поступков и действий, рациональный выбор и произвол. Разные названия – один смысл. Осознание того, какова природа власти и в чем она проявляется, возможна ли жизнь за пределами контроля и наблюдения, – это не праздные вопросы. Размышления над ними приводят нас к размышлениям о той власти, объектами воздействия которой являемся все мы. В современном мире эта власть рядится в демократическое платье и считает хорошим тоном разговор о всем понятном и близком: свободном волеизъявлении граждан, демократических свободах, правах и обязанностях гражданина и т.д. Идеология и ее реальное существование, провозглашаемые лозунги и действия чиновников: какова связь между ними?

Мы полагаем, что направления решения данного вопроса лежат в следующих возможных плоскостях. Во-первых, необходимо обратиться к описанию человека как субъекта политики, а во-вторых, следует обратить внимание на основания политической теории. В этом нам помогут Р. Рорти и Х. Альберт. Первый из них является ярким представителем американского прагматизма, выросшего из критики аналитической традиции, а второй – немецкий последователь К. Поппера, рассмотревший его принцип критики с точки зрения основания наших теорий и точек зрения.

Итак, если обратиться к идеям Р. Рорти, то он, как известно, исходит из отрицания классических философских понятий и причинно-следственных связей, ими обусловленных. В частности, он полагает, что человек – это такое существо, которое наделено не разумом, волей и эмоциями, как это видел Платон, а всего лишь обладает верованиями и желаниями, в силу которых у людей развиваются социальные добродетели вроде справедливости, бескорыстия, сотрудничества и других. Рорти полагает, что правила поведения в обществе, «мораль» – это не результат действия че-

* *Екатерина Викторовна Ускова* – ст. преподаватель кафедры философии УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

ловеческого разума, а просто результат взаимного сосуществования множества человеческих особей, действия и поступки которых оказываются обусловленными желанием жить хорошо и счастливо, то есть «разумно», если сформулировать это в терминах классической философии. Если же от уровня межличностного общения подняться на уровень взаимодействия различных общественных групп, то тут будет действовать, по сути дела, тот же определяющий принцип: люди ищут пути к уменьшению человеческого страдания и к увеличению человеческого равенства. Однако здесь Рорти полагает необходимым постулировать права как тот институт, который дает всем равные шансы, потому что «в противном случае человеческая жизнь отдается во власть эмоций и насилия»¹.

Эти утверждения имеют непосредственное отношение к политике и власти. Классическая политическая философия заставляет нас говорить о субъекте или субъектах политической воли, которой подчиняются действия членов общества. Если же смотреть на людей как на обладающих верованиями и желаниями, то они и становятся определяющими и объясняющими наши поступки в сфере политики. Тогда оказывается, что предельные инстинкты, к которым апеллирует власть, – это вовсе не наш разум или воля, а именно верования и желания. Грубо говоря, мы голосуем за этого кандидата не потому, что он соответствует нашим личным критериям, предъявляемым к подобного рода людям или иными соображениями, нет – мы делаем выбор во многом бессознательно: может быть, он внешне похож на человека, которого мы знаем и испытываем к нему симпатию, может быть он учился в зарекомендовавшем себя вузе или родился в том городе, где живем мы сами. То есть мы руководствуемся в нашем выборе именно верованиями и желаниями: мы верим, что он оправдает наши надежды и исполнит наши желания. Сущность политической власти в современном обществе как раз и состоит в том, чтобы скрыть себя за многообразными выражениями «близкого», «понятного» и «родного». А прикрывшись этой прекрасной ширмой, можно уже совершать практически любые действия, от подтасовки результатов выборов до уничтожения неугодных.

Вопрос о сущности власти и определяющих стимулах политического выбора можно рассмотреть и с другой стороны. Человек, как рациональное существо, обычно (но не всегда) может дать отчет о причинах своих поступков или убеждений. Чем же будут

¹ Рорти Р. «Релятивизм: найденное и сделанное» // Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст / Отв. ред. А. В. Рубцов. М.: Традиция, 1997. С. 40.

эти причины и можно ли их вообще выявить? На этот вопрос пытался ответить Х. Альберт в своей книге «Трактат о критическом разуме»². Он, в частности, вводит понятие трилеммы Мюнхгаузена. Это обозначение для возможных способов обоснования наших теорий о чем-либо. То есть люди традиционно пользуются разного рода теориями, от обыденных до научных, для обоснования своих взглядов и поступков. Но такого рода обоснование всегда проблематично, потому что оно сталкивается с 1) регрессом в бесконечность – мы обосновываем одно – другим, а другое – третьим и так далее; 2) логическим кругом в дедукции – мы обосновываем одно через другое, а другое через первое; 3) прерывом процесса обоснования – мы произвольно прерываем наш процесс обоснования. Эту трилемму Альберт объясняет проблематичностью самого индуктивного вывода.

Если обратиться к сфере политики и власти, то тут обнаруживаются интереснейшие следствия данной трилеммы. Альберт полагает, что политическую власть можно охарактеризовать как, во-первых, политическую теологию, каковой она была с момента своего появления и до падения абсолютной монархии, и, во-вторых, как демократическую идеологию, каковой она предстает сегодня. Несмотря на изменения названия и принципов действия, политическая власть по-прежнему нуждается в обосновании. Если раньше такое обоснование передавалось в руки бога, то теперь им служит «общественное благо», непосредственное участие в создании которого принимает каждый. Проблема индуктивного обоснования проявляется и здесь: существует непреодолимая пропасть между благом общества и частным интересом гражданина. Как это благо, так и частные интересы являются рукотворными, всегда есть те, кто определяет то самое светлое будущее и объявляет волю народа. В этом смысле демократия отличается от монархии лишь тем, что мы сами себе выбираем правителей, но эти правители знают, как запрограммировать нас на нужный им выбор.

Может ли служить нам утешением осознание демократии как наименьшего зла из возможного, я не знаю. Но важно понимать весь кажущийся характер тех самых «свобод», тогда и не будет неизбежного разочарования в последствиях сделанного выбора. Ведь выбор всегда остается за тем, кто его делает, и не важно, будем ли при этом считать человека наделенным разумом, волей или эмоциями, в духе классической философии, либо наделим верованиями и желаниями, следуя призывам прагматизма.

² Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. И. З. Шишкова. М.: Едиториал УРСС, 2003.

*Н. Р. Калимуллина**

Язык власти

Самым знаменательным событием в философии XX века явился так называемый «лингвистический поворот». Как отмечает Р. Рорти: «Лингвистический поворот был второй попыткой найти некое общее основание для естествознания и истории... «Язык» заменил для философа XX века «опыт» [1.123]. Особое внимание современной философии к языковой реальности основано на выявлении того факта, что язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира. Представления, формирующие картину мира, входят в сознание человека через грамматические структуры, значения слов в неявном для него виде. Рациональное осмысление этой зависимости высвечивает особенности человеческой коммуникации, а именно, использование этой способности языка для достижения своих целей в общении. Открытие способности влияния посредством языка на социальную реальность сделало явным один из механизмов власти и повлияло на стремление изучить и усовершенствовать данную технологию.

Современное общество интересно как пример рационального осмысления и сознательного использования скрытых возможностей языка в политической пропаганде и рекламе, представленных в средствах массовой информации. Утверждение, пусть и номинальное: в современных обществах ценность личности требует изменения методов социального контроля, которые предполагают более сложные механизмы. Властные отношения в современном социуме строятся на основе СМИ, которые, в свою очередь, опираются на открытый в лингвистике и философии факт, описываемый Э. Кассирером как: «Для взрослого объективный мир всегда имеет определённую форму в результате речевой деятельности, которая в известном смысле определяет все другие виды деятельности» [2.596]. Для того чтобы внедрить выгодную для власти модель поведения людей в социуме, она должна формировать определен-

* *Нейля Рафаэльевна Калимуллина* – студентка 5-го курса философского факультета Томского Государственного Университета (г. Томск).

ные средства языкового общения, чтобы через них влиять на поведение людей. И она это делает. Пример подобного воздействия власти на язык явлен в попытках властей многонациональных империй ввести единый обязательный язык для всех народов, проживающих в империи. Язык есть средство, с помощью которого «те формы социальной жизни, которые мы находим в органической природе, доходят в своем развитии до нового состояния – стадии общественного сознания» [2.703].

Однако не так легко изменить язык, потому что важным фактором здесь является время: «Язык – одна из наиболее консервативных сил в человеческой культуре. Ведь без такого консерватизма он не мог бы обеспечить выполнение своей главной задачи – общения... Тем не менее ... изменения в развитии языка имеют не только случайный характер: они неотъемлемые и необходимые условия этого развития» [2.706]. Хотя и есть примеры изменения самого языка, чаще всего власть оперирует существующим языком, используя его потенциал.

Язык формирует механизм легитимации власти. Ответ на вопрос, обращенный к власти: «На каком основании?» – сводится к искусству аргументации. В то же время, как замечает А. Ицхокин, эффективность аргументации «здесь больше связана с экспрессивным талантом и мастерством оратора, чем с настоящей содержательной убедительностью» [3.122], то есть она не должна быть рационально обоснована, а лишь определенным образом представлена в языке.

У. Эко, анализируя язык как средство и оружие власти, проясняет, каким образом власть использует его: «Главное её (власти – прим. Н.К.) оружие – намеренное затемнение смысла высказывания, поскольку идея состоит не в том, чтобы снабжать информацией, ... а в том, чтобы направлять тайные сигналы другим властным группировкам» [4.49]. В этом смысле то, что проговаривается властью в обществе, не является реальным планом ее действия, и видимое апеллирование к рациональному не является реальным каналом осуществления власти. Большая часть ее функций выполняется именно благодаря затемнению смысла и воздействию на иррациональные структуры индивидов в обществе.

Это не является отрицательной характеристикой власти и даже необходимо не только для самой власти, но и для общества, о чем говорит П. Слотердаик, также замечая особенность использования языка властью: «В той мере, в какой власть посредством благого

её использования легитимирует себя, она преодолевает свой изначально насильственный характер... Там, где власть реально легитимирует себя, она сама привлекает к себе повышенный и всеобщий интерес, посвящая себя служению жизни и её реалиям. Поэтому мир, справедливость и защита слабых – это священные слова политики... Однако здесь нужно ещё более внимательно, чем обычно, сопоставлять слова и реальность. Как правило, язык власти подменяет смысл слов; он именуется миром оттягивание войны, наведением порядка – подавление волнений, ... говорит о справедливости, безжалостно применяя законы» [5.263]. Власть осуществляет себя через язык, но это не значит, что она выполняет то, что обещает, а значит, она повелевает и создает модели поведения, используя язык как средство осуществления своих социальных проектов. Она их не показывает в форме нарисованного плана, а навязывает через ту информацию, которая, казалось бы, совсем ничего не говорит о том, что от нас ожидает власть.

Литература

1. **Рорти Р.** Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. – С. 121–133.
2. **Кассирер Э.** Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с.
3. **Ицхокин А.** Смысл и бессмыслица ценностей // Россия XXI. – 2004. – № 4. – С. 102–134.
4. **Эко У.** Пять эссе на темы этики. – СПб.: Symposium, 2000. – 93 с.
5. **Слотердайк П.** Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. – 584 с.

Д. В. Лебедев*

Ритуал власти и власть ритуала: к проблеме социальной инновации

Сущность власти – в стремлении к еще большей власти. Само по себе стремление к чему-либо есть желание. «Желание – это отсутствие»¹. Это «некая лакуна, «дыра» в Пространстве, пустота, ничто»², которое обязательно должно быть заполнено чем-то (желаемым объектом), ассимилировано, разрушено, подчинено. Желание власти есть желание желания, или, как полагал Гегель, сугубо человеческое желание.

Стремление к власти – это жест, соотносимый с конкретной социальной практикой. Жест неотделим от того, кто его совершает, и от того, на что он направлен. Иными словами, он является элементом социальной практики. В качестве примера такой практики можно использовать ритуал, и в особенности ритуалы власти или сопутствующие осуществлению власти церемонии.

Ритуал наследования титула жреца в Неми, описанный Дж. Фрейзером в «Золотой ветви», – типичный пример ритуала власти. Убийство жреца и занятие его места не является значением ритуала. Смысл ритуал в жесте, ломающем Золотую ветвь. Другой пример ритуала власти описан М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать»: ритуал публичной казни преступника, через который, как полагал автор, власть проявляет свое могущество. Смысл ритуала публичной казни заключается не в устрашении подданных и не в умертвлении преступника, а в жесте отрубания головы или переламывании шеи в момент повешения. Ритуал власти посвящения во дворянство и дарование земли заключается в жесте отделения части имущества короны в пользу дворянина, а наделение дворянским титулом – это также жест отделения от прежнего социального статуса. Примеры можно множить, но достаточно и этих,

* **Дмитрий Валерьевич Лебедев** – аспирант кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ **Кожев А.** Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С. 214.

² Там же. С. 459.

чтобы сделать общий вывод. Жест власти – отделение, разъединение или проведение различий. Там, где есть различия, есть место и власти. В то же время, власть – в жесте различения.

Различие обретает свой смысл лишь в системе различий³. Такой системой различий, в которой жест власти обретает свой смысл и свое символическое значение, как раз и является ритуал. Целью ритуала, по мнению П. Бурдьё, является символическое овладение и «воздействие на природные и социальные миры»⁴. Именно поэтому представляется возможным говорить о ритуале как о сугубо властной технологии, т.е. о властном жесте.

Будучи системой различий, ритуал является социальной стратегией с определенной, свойственной только ему спецификой. Смысл этой стратегии опять же обнаруживается в отношении к другим стратегиям. Рассмотрим в качестве примера отношение ритуала к инновации.

Ритуал и инновация – две актуальные социальные стратегии, характеризующие современную социальность. Однако нас интересует не само по себе это отношение, а то, что социальная реальность может быть описана через различие этих двух стратегий. В современной социальной теории (Бергер, Лукман, Луман, Бхаскар) прослеживается тенденция рассматривать традицию, и ритуал в частности, не в качестве преграды на пути к инновации, а в качестве «условия и источника инновации»⁵. Иными словами, решается задача преодоления оппозиции между старым и новым, конкретным выражением которой является ритуал и инновация. Как заметил К.А. Свасьян в своей публичной лекции «Конец истории философии», прочитанной им на IV Российском философском конгрессе: «В лице Платона философия совершила «грехопадение»: дух бесплотен, плоть бездуховна». И вся последующая история философии – это путь преодоления свершившегося «грехопадения», т.е. преодоление различия. Но этот путь бесплоден, так как стремление преодоления различия приводит к поиску неких общих черт, знаменателей, иными словами, онтологизирует различие, выводит его на уровень метафизической рефлексии, лишает различие его собственного голоса.

³ См.: *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 35.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ *Калайков С. Ю.* Общество: между «государством» и «индивидом».

// Гуманитаризация образования. Екатеринбург, 2004. С. 117.

Наш подход к ритуалу и инновации не заключается в поиске неких общих точек соприкосновения, а сосредоточен на исследовании взаимодействия двух социальных стратегий: ритуала и инновации, в различии между которыми и имеет место социальность. В общих чертах этот подход можно охарактеризовать следующими положениями:

1). Ритуал есть практика «состаривания» и удержания «старого» в границах настоящего, реализация которой происходит в жесте различения между «старым» и «новым». Таким ритуальным жестом может быть жест посвящения, жест венчания. Порог, требующий перехода, также является материализованным жестом различия между «старым» и «новым» и т.д.

2). Инновация есть практика порождения нового, новизны. Новое бесосновно и непредставимо и приходит в наш повседневный опыт как нехватка (новая вещь есть нехватка навыка обращения с ней). Нехватка, отсутствие, требует присутствия. Таким присутствием является ритуал.

3). Новая вещь утрачивает свою новизну в ходе рутинного взаимодействия с ней. Ритуал обращения с вещью включает ее в социальный процесс, делает ее неотъемлемой частью. В процессе обращения с вещью она «состаривается», утрачивает свою новизну. Состариваясь, вещь открывает путь для новой вещи. В этом процессе выходит на поверхность конститутивная роль ритуала в порождении нового. Новое порождается в ритуале, вернее задается сама его возможность (это само по себе уже парадоксально, так как новое невозможно в качестве предполагаемой альтернативы).

В заявленном парадоксе и реализуется процесс социального воспроизводства. Энергия парадокса, неснимаемого различия делает процесс социального воспроизводства необратимым и неразрешимым для теоретического разума.

А. С. Попов*, М. Н. Просекова**

Информационный контроль в аспекте манипуляции сознанием

Контроль информации имеет глобальную значимость для осуществления манипулятивного воздействия на сознание и поведение человека. Под информационным контролем мы понимаем возможность первичного обладания значимой по отношению к социально-массовым группам информацией при условии, что впоследствии такая информация может быть широко освещена обладателем в той форме, восприятие которой реципиентами позволяет информатору извлечь для себя определенную выгоду. Таким образом, сама информация может интерпретироваться в соответствии с личностными особенностями ее обладателя, что, в свою очередь, предопределяет восприятие данного информационного блока реципиентом. В соответствии с формой подачи информации реципиент составляет не собственное объективное, а навязываемое субъективное представление об услышанном (увиденном, прочтенном и пр.)

Здесь четко определяется взаимосвязь между способом подачи информации и формированием мнения о ней у реципиента. Следовательно, меняя способы подачи информации о нужном предмете, мы можем менять отношение индивида к этому предмету. Переходя от частного к общему, мы логически сталкиваемся с вопросом: разве не посредством познания окружающего мира, составляющими которого и являются подобные «предметы» в их многообразии, формируется наше мировоззрение? Интуитивно предполагая положительный ответ, мы приходим к выводу, что контролирование информации дает возможность ее обладателю при выборе тех или иных средств подачи формировать определенные

* *Алексей Сергеевич Попов* – аспирант гуманитарного факультета ТюмГНГУ (г. Тюмень).

***Марина Николаевна Просекова* – д-р филос. наук, профессор (ВАК РФ), академик РАЕН, декан гуманитарного факультета ТюмГНГУ (г. Тюмень).

представления об окружающей действительности и, как следствие, осознание некой реальности.

Подобный вывод позволяет уверенно говорить об имеющей в данном случае место манипуляции сознанием. Манипуляция сознанием определяется здесь формированием некоего мировоззрения реципиента, что, в свою очередь, гарантирует предсказуемость его дальнейшего поведения, выгодного для манипулятора. Следует, на наш взгляд, отметить, что манипуляция – это всегда сокрытое воздействие. При манипуляции скрывается как само воздействие, так и его результаты, а также намерения манипулятора. Существуют различные техники сокрытия воздействия, такие, как, например, направленное создание «мифа», «легенды», при помощи которых затушевывается цель и факт воздействия; использование специально организованных ритуалов, процедур, маскирующих информацию, под них зашифрованную; использование техники «наивной искренности», «естественной спонтанности» и пр.

Исследованием способов подачи информации в манипулятивном аспекте занимаются многие исследователи (Е.Л. Доценко, К.Х. Каландаров, С.Г. Кара-Мурза, Ф. Клозе, Г.Н. Почепцов, Т. Руди-ноу, О. Йокояма). В их работах представляются различные классификации и критерии подачи информации для оказания манипулятивного воздействия. Однако важной проблемой исследований является обобщение вопроса контроля информации в его взаимосвязи с манипуляцией сознанием.

Каким же образом можно определить основную цель контролирования информации? Рассмотрим три основных момента (этапа) процедуры контроля: получение информации, обработка информации и ее подача. **Получение информации** обусловлено вполне конкретными условиями, такими, как, например, социальный статус получателя либо его личные качества и амбиции. Данный момент не имеет прямого отношения к манипуляции, он находится как бы «вне» процесса, предопределяя, однако, его качество и особенности. Ключевыми, по нашему мнению, являются этапы обработки и подачи информации, именно эти стадии определяют то, ЧТО является целью манипулятора и КАК он ее добивается, то есть влияют на содержание процесса манипуляции.

Обратимся к процессу обработки информации. В работах П. Бурдые введено понятие кодификация информации. **Кодификация** информации – это ее структурирование, изменение ее статуса, создание информационных схем. Кодификация является сво-

его рода средством объективации информации, которая обеспечивает возможность обеспечения контроля как над личностью в частности, так и над социальной группой. Кодификация дает возможность предопределять восприятие той или иной информации еще до того, как индивид полностью осознает ее смысл. Таким образом достигается эффект «эксплицитной нормативности» действительности. Кодификация информации формализует сознание человека и ориентирует его на строго определенные цели, превращая разрозненную индивидуальность в строго регламентированную общность.

Можно сказать, что кодификация связана с приведением в символический порядок хаоса действительности. Это связано с унификацией и гомогенизацией реальности, с созданием упрощенной картины мира, с формированием «воображаемых миров», поведение в которых должно быть предсказуемо и программируемо. Каждое явление действительности приобретает символический характер. Соответственно, символизация любого явления ведет к изменению, формализации, упрощению практик, с ним связанных. Она сопряжена с созданием системы иллюзий, претендующих на статус реальности, но связанных лишь с ее конструированием.

Кодификация информации минимизирует конфликтность именно благодаря процессам формализации и унификации, предопределяющими общественный порядок. При этом в контексте рассматриваемых вопросов результаты кодификации информации не могут не быть публичными. Публичность связана с приданием им официального характера, с легитимизацией и легализацией ранее скрытых и непроявленных смыслов, носящих изначально корпоративный, элитный характер. Публичность – не только создание иллюзии общезначимости, но и воспроизведение статуса социального консенсуса, которого на самом деле может и не быть. Кроме того, связанная с формализацией кодификация ограничивает вариативность, она упрощает свои объекты, делая их прозрачными и понятными для людей с любым уровнем развития.

В результате кодификации мир становится рационально объяснимым, упрощенным, подконтрольным, по-настоящему «коммуникабельным». Всеми участниками этого процесса ему придается единый смысл. Именно на основании «диктата кода» и можно добиться консенсуса, соподчиненности субъектов в социуме. Даже отрицательные, угрожающие новации, институты, нормы в результате проведенной кодификации могут выступать как нейтральные.

Мир, как и сам человек, становится прогнозируемым, стабильным, рациональным, «оформленным». Такая «оформленность» предполагает следование правилам: если их не придерживаться, можно остаться вне системы, стать «чужим», «другим», а по отношению к «чужому» возможно любое насилие, недопустимое к «своему». Кодификация информации символизирует саму личность, лишая ее вариативности поведения, творчества и универсальности. В этом случае «частное» претендует на «всеобщее», обретая его силу и легитимность.

Таким образом, принимая во внимание основную цель манипулятивного воздействия, заключающуюся в стремлении сформировать именно тот характер восприятия реальности и поведение, являющееся выгодным для манипулятора, мы можем с уверенностью сказать, что контроль информации представляет собой исключительно эффективное средство для достижения данной цели. Именно с помощью контролирования информации манипулятор может выстроить символично-схематические модели, с помощью которых он сможет блестяще контролировать деятельность любой сферы человеческой жизни. Следовательно, живя в обществе постоянного взаимодействия, мы не можем не осознавать исключительную ценность изучения данного вопроса.

О власти и философии XXI века: киберкультура или традиция?

Власть XXI века не может существовать вне пространства философии. Сложные властные отношения все глубже познаются современной наукой, преодолевшей многие традиционные схемы и попытки осмысления социальной реальности. Классическая научная парадигма с ее экономическими, политическими, технократическими понятиями в условиях информационной эпохи обнаруживает свою узость и недостаточность. Монопарадигмальная рационалистическая установка требует своего дополнения антициентистскими подходами. В начале 3-го тысячелетия в модернизационных и реформаторских «социал-реконструкторских проектах», предлагаемых все новыми и новыми «архитекторами социальной реальности», важно не только создание теоретической, логически выстроенной конструкции мироздания и «райских перспектив» для каждого отдельно взятого «жителя планеты», но и постижение смыслов духовного бытия конкретного человека и социально-экономических общностей, нравственных и религиозных оснований «бытия в культуре» (М. Мамардашвили), осознанных многовековой практикой духовной традиции.

Особую актуальность обращение власти как субъекта общественных отношений к философской нравственно-духовной рефлексии к постижению глубинных смыслов и ментальных «мега-матриц» культуры того или иного государства приобретает в условиях информационного общества, где СМИ, Интернет – «метафора свободы и творчества как образа жизни» при неспособности индивида к освоению культуры, которое, в первую очередь, есть рефлексивное отношение к себе самому, к своей деятельности в формах духовной культуры, к другому человеку, к миру (осмысле-

* *Ольга Романовна Сигнаевская* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии УрГУ им. А. М. Горького, соискатель и участник докторантского семинара при кафедре философии ИППК при УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ние бытия), делает из последнего объект фактически безграничной социальной и интеллектуальной манипуляции («все обо всем», «пустое зеркало» потом). Человеку не принадлежит ни его сознание, ни его тело, он свободен в проявлении (какие только может вообразить его толерантная фантазия) своих самых низменных биологических и рационально-прагматических потребностей, он может получать информацию в любых количествах и по любым вопросам. Только какими могут быть эти вопросы и какие ответы он жаждет на них получить, чтобы не разгневаться, от неполученного удовольствия и неосчитанной прибыли, от разрывающего его нетерпения?

Можно согласиться как с М. Эпштейном – «человек стал отставать от человечества», так и с А.С. Ваторопиным и О.В. Бобровой – «Lex Satanius» – информационное общество с законами джунглей для социального взаимодействия, что есть «секуляризованный неосатанизм XXI века», в основе которого философский постмодернизм (Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, М. Фуко и др.), предельная смысловая нагрузка которого не только «замена реальности симулякром», но – демонтаж любой традиции и целостности, любого смысла в силу принципиальной убежденности в невозможности их существования в новой социальной реальности высоких технологий. «Максимы» культуры (концепция И.Я. Лойфмана), как многовековой культурный и духовный опыт становления Человека в человеке, «народа в толпе», лишь «игра моего воображения», «иллюзия», «ортодоксальное препятствие», влекущее меня к рабству и серости, не дающее возможности реализации моему возвышенному гуманизму моей «новой свободы, моего равенства, моего прогресса во имя нового свободного человечества без границ», новый человек «сектант или космополит» испытывает потребность и жажду «новой истины». А потребности, как известно, в потребительском «массовом обществе» с маркетинговой идеологией во главе необходимо оперативно удовлетворять.

Сам феномен киберкультуры как синтеза трех сфер: философии виртуальности, виртуальной психологии, виртуальной компьютерной технологии без духовной и интеллектуальной способности индивида к осмыслению предельных оснований своего бытия и со-бытия с другими (Л.А. Мясникова), в итоге необратимо приведет к возникновению людей новой информационной эры – кибергов, в сознании которых произойдет полное сопряжение психологической и компьютерной реальности на некоей фундаментальной, то есть

вполне философски оформленной, основе (Н.А. Носов). Что это за основа? Какие философские ценности она в себе сакрализует? Каковы ее истинные желания и цели по существу (может быть, это тотальная власть и контроль над сознанием, а через него и телом человека, или реализация личностного начала в каждой этнической и культурной общности, в каждом человеке)? На каких философских основаниях должны выстраиваться властные отношения? Какова их природа? Эти и многие подобные вопросы, требующие философской рефлексии, то есть глубокого интеллектуального уровня и богатого жизненного и духовного опыта для своего смыслового разрешения, и должна незамедлительно задать себе власть III тысячелетия. Решение тактических вопросов и проблем должно проходить в контексте разрешенных стратегических линий развития, определенных и осознанных перспектив. В каком направлении идет движение, кто на борту и куда смотрит государственный парус? Какие ценности привносятся в национальную систему образования как определяющей вектор будущего любого государства?

Попытки ответа на обозначенные ранее вопросы в российской действительности пытается найти новое интегральное направление научных исследований – философия управления. Российская философия управления может рассматриваться как коэволюционный синтез американской, японской, немецкой философий управления, но в качестве базовой основы должна выступать ментальная матрица культурных смыслов, адекватная историческим, культурным и духовным формам бытия России как самостоятельного государства. В методологическом плане новое научное направление должно быть адекватным новым тенденциям в философии науки. В частности, в качестве новой философско-методологической формы может рассматриваться коэволюционная концепция адаптивного культурно-исторического топоса, представляющая собой коэволюционный синтез парадигм управленческих теорий, образов человека в современных социокультурных и экономических реалиях и универсалий (максим) культуры.

Литература

1. *Эпштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. – 1999. – № 1.
2. *Ваторопин А. С., Боброва О. В.* Неосатанизм как «постмодернистская религия» // Информационная эпоха. – Мир – Россия

– Урал: Материалы VII международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (12–13 мая 2004 года). – Т. 1. – С. 149–152.

3. *Лойфман И. Я.* Мировоззренческие штудии / Избр. работы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.

4. *Мясникова Л. А.* Проблема многомерности индивида: предельные основания индивидуального бытия // Проблемы философской антропологии и философии культуры: Альманах. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 61–71.

5. *Носов Н. А.* Виртуальная цивилизация // Труды лаборатории виртуалистики. – Вып. 1: Виртуальные реальности в психологии и психопрактике / Под. ред. Н. А. Носова и О. И. Генисаретского. – М.: Ин-т человека РАН, 1995.

6. *Сигнаевская О. Р.* Философия организационных практик: восхождение к человеку. Философия и методология менеджмента организации XX века: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004.

Власть и властные отношения в пространстве памяти

Пространство памяти – это не просто хранилище прошлого, это всегда интенциональная или адресная актуализация прошлого: «память не следует понимать как хранилище для прошлых состояний или событий. Напротив, речь идет о постоянной дискриминации забвения и воспоминания»¹. Что это означает? Память, если рассматривать ее в отношении к настоящему, не есть только ситуативная актуализация прошлых событий. *Anamnesis* (разыскивание в памяти) осуществляет беспрестанное смещение границ забвения и воспоминания: это всегда трансформация, разрыв; подавление, вытеснение одних фактов и отбор других.

По мнению М. Фуко, который одним из первых указал на риторический контекст, в рамках которого может рассматриваться политика памяти, прошлое постоянно меняет свою форму в дискурсе настоящего. Таким образом, то, что помнится о прошлом, зависит от способа его репрезентации. Каждая историческая эпоха не столько отбирает образы прошлого из сохранившихся коллективных воспоминаний, сколько реконструирует его в соответствии с текущими потребностями. Обращение к истории дискурса, которую французский мыслитель противопоставлял истории идей, позволило выйти на новый уровень осмысления отношений «память – власть – история»: помимо памяти-архива вводится понятие «контр-памяти», переживаемой как разрыв, дисконтинуальность. Разрыв между памятью и историей породил проблему отношения власти и памяти.

Пространство коллективной памяти оказывается организованным и конструированным властью. Отношения памяти и власти в социальном плане порождают причудливые феномены «памяти, подвергнутой манипуляциям», «управляемого забвения» (П. Рикер),

* *Галина Викторовна Лебедева* – ассистент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005. С. 64.

«контр-памяти» (М. Фуко). Власть высвечивает, подобно прожектору, те или иные «места памяти» (П. Нора), оставляя в забвении те факты и события, которые не востребованы в настоящий момент, то есть власть в данном случае можно понимать как способ различия. Она создает упорядоченность, согласованность между тем, что, по определению, не может быть согласовано.

Власть, посредством массмедиа, всегда придает особый оттенок тому, о чем сообщает, и тому, при помощи каких технологий она это делает. В результате решается важная стратегическая задача: что должно получить лишь ситуативную значимость, уйти в забвение / «кануть в Лету», а что остаться в коллективной памяти. Хорошим примером подобных манипуляций власти с исторической памятью, оказывающих влияние на формирование коллективной идентичности россиян, является введение «новой», но «хорошо забытой» праздничной даты – 4 ноября. Мотивы, по которым был выбран этот день, вполне очевидны. С одной стороны, наблюдается соответствие привычке отдыха в первую неделю ноября (поэтому переход от празднования 7 ноября к более ранней дате не воспринимается столь травматичным). С другой стороны, основания этого выбора восходят к «мифологии национального единства, которая создавалась в первые годы XIX века: Пожарский, Минин, Авраамий Палицын, да еще выгнанный из болот Иван Сусанин были тогдашними изобретениями, замечательно приспособленными к стававшим в то время идеологическим задачам»². Почему возникла у власти необходимость обращения к указанной дате в современной ситуации? При ответе на вопрос возникают аналогии со Смутным временем, с борьбой против «польских интервентов» – внешних врагов-иноверцев. Примечательно, что многие профессиональные историки (Янин В.Л.) скептически отнеслись к мифологизации указанных событий и героев. На основании рассмотренного примера можно утверждать, что отношения «власть – память» нередко носят конфликтный характер, порождая противоречивые версии прошлого в рамках: 1) «официальной памяти», репрезентирующей себя в «общепризнанных» версиях прошлого (история), 2) «контр- или «противо-памяти», выносящей на поверхность голоса безмолвствующего большинства.

На основании приведенного примера, можно предположить, что властные отношения направлены на поддержание стабильности существующей социальной организации и являются способом

² *Живов В.* Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 30.

контроля над памятью. Более того, речь может идти не только и не столько о контроле, но и о различных способах манипуляции памятью: от принудительного запоминания основополагающих для общей (коллективной, национальной) идентичности событий до переписывания учебных текстов по истории страны. Подобные техники манипулирования с прошлым принимают вид «утаивания», «симуляции» (Н. Луман) со стороны власти и являются, по мнению Ц. Тодорова, «уделом всех, кто жаждет славы»³.

Поскольку существует опасность злоупотребления памятью со стороны власти, то вполне возможно говорить и о злоупотреблении забвением. В этом случае мы имеем дело со стратегиями «уклонения», «избегания», скрытым мотивом которых является желание забыть травматический опыт. Как писал Х. Вельцер: «Холокост... приобрел свою нынешнюю значимость только в конце 1970-х годов. После того, как на протяжении четверти века о нем предпочитали не говорить...»⁴. Воспоминание о травмах, их переработка напрямую зависят от того, каким образом эти воспоминания используются в настоящем. То, как будет истолковано то или иное событие, зависит не столько от самого события, сколько от того, какое значение ему будут приписывать впоследствии: в результате, оно может принять или форму одержимости прошлым, или продуктивной «проработки» травматического опыта.

Таким образом, можно утверждать, что специфика отношений «власть – память» тесно переплетается с проблематикой идентичности – как коллективной, так и индивидуальной. Властные отношения, направленные на контролирование коллективной памяти, нередко принимают вид манипулятивных практик или способов «злоупотребления памятью» (Ц. Тодоров) и забвением. Потребность в ре-конструировании пространства коллективной памяти со стороны власти возрастает в ситуации повышенной нестабильности, динамичности культуры, в ситуации возрастающей установки на культурную инновацию. Посредством трансформаций памяти, функционирующей как стирание следов, как подавление или торжование воспоминаний об источнике или контексте произошедших в прошлом событий, новое (инновационное) и традиционное входят в динамический сплав, порождая представления о калейдоскопическом прошло-настоящем.

³ Цит. по: *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 125.

⁴ *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 6.

*Л. М. Карпова**

Сновидческий характер форм властных манипуляций

Властные отношения, особенно в сфере политики, всегда основывались на техниках манипуляции сознанием масс. Развитие средств массовой коммуникации и информации необычайно расширило сферу этого влияния, поскольку в современном обществе на первый план выдвигаются технологии манипуляции бессознательным, роль их возрастает, появляются новые, более тонкие и более эффективные по характеру своего воздействия их формы. Причем, эти формы не являются результатом специальных разработок, они уже существуют, будучи продуктом современной визуальной культуры: кино, телевидения, рекламы, компьютерных технологий. Именно они оказываются приспособленными «для надписывания знаков власти», говоря словами Мишеля Фуко, в сфере бессознательного. Наиболее адекватной формой репрезентации бессознательного, как известно, является сновидение (Фрейд именует его «царской дорогой в бессознательное», Лакан – «дискурсом Другого»).

Образы и механизмы воздействия современной визуальной культуры обнаруживают свой сновидческий (онейрический) характер. Этот характер проявился уже в истоках современной визуальной культуры: образы только что появившегося кинематографа были, «с легкой руки» А. Блока, названы «электрическими снами наяву». Можно сказать, что произошло своеобразное «удвоение» сновидений индивида: к его собственным сновидениям добавились искусственно созданные «чужие» кино-сны наяву, затем к ним прибавились телевизионные и компьютерные. Чаще всего они выдают себя за реальность, но это оказывается даже и необязательным, так как человек оказывается просто «втянутым» в искусственно созданную реальность, где, подобно сну, вопрос об истине даже не

* *Лариса Михайловна Карпова* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета (г. Омск).

возникает. Повторяющиеся сны чаще всего тревожат нас, заставляют наяву возвращаться к их образам снова и снова. Повторяемость является важнейшей стратегической линией рекламы, будь то реклама товаров и услуг или политическая реклама. Повторяясь бесчисленное множество раз, телереклама, подобно сну, раздражает, тревожит, оставляя в нашей памяти неосознаваемые эмоциональные образы. Этот механизм повторения свойственен и всей прочей «теле-продукции» (сериалы, реалити- и ток-шоу, музыкальные клипы, информационные и новостные программы).

Фрейд, как известно, главной функцией сновидения считал иллюзорное исполнение вытесненных желаний человека. Значительная часть образов и сюжетов современной визуальной культуры демонстрирует нам исполнение этой функции.

Характерной чертой «работы сновидения» Фрейд считал «драматизацию», то есть превращение скрытых мыслей сновидения в явное его содержание, в «ситуацию». Этот процесс, по его мнению, происходит в результате сложных ассоциаций разных элементов сновидений, поскольку каждая скрытая мысль сновидения выражается несколькими элементами. Подобная «работа» характеризует и механизмы современной визуальной культуры, которые наиболее явно представлены в телерекламе. Фрейдом был выделен такой прием сновидения, как «сгущение», или концентрация элементов: ее образы накладываются друг на друга, сближаются то, что находилось отдаленным в пространстве и времени, исчезает альтернатива «или-или», отождествляются кажущиеся на первый взгляд совершенно несовместимыми представления и понятия, в результате чего возникают «странные смешанные образы», как называл их Фрейд, и неожиданные композиции. В современных кино- и теле-образах обнаруживается такой прием сновидения, как «смещение»: выдвигание на первый план второстепенных элементов. В сновидениях этот прием направлен на то, чтобы скрыть, исказить, вытеснить тот или иной нежелательный смысл. В современной визуальной культуре он приобретает даже большее значение: он придает, новые смыслы тем вещам, предметам, сторонам человеческой жизни, которые до сего момента считались второстепенными. Общей чертой сновидений и современных визуальных образов и механизмов является также символизация.

Сравнительный анализ сновидений и образов современной визуальной культуры необходим для понимания, по крайней мере, двух

моментов: во-первых, того, что современные визуальные образы (искусственно созданные, «чужие сны») абсолютно органично включаются в индивидуальное сновидение, в интимный мир значимых переживаний человека, дополняя тем самым содержание фрейдовского «сверх-Я», образуя прямой канал для установления в субъекте любых властных программ, в результате чего из внешних эти программы превращаются во внутренние, происходит то, что Фромм назвал «символическим инкорпорированием» или «интроецированием» власти.

Вторым моментом является вывод о том, что для того, чтобы противостоять подобным формам властных манипуляций, быть способным превратиться «из жертвы в творца» (Фромм), необходимо включить сновидение в сферу философской рефлексии, не ограничиваясь методами как классического, так и современного психоанализа. Дело в том, что сновидение, используя различные символы, создавая сюжетные, связанные картины или, напротив, поражая человека абсурдностью, фантазмагоричностью своих образов, иногда непосредственно, почти буквально, иногда опосредованно, через сложную цепь ассоциаций в чувственно-образной форме представляет материал для экспликации смыслов жизни и смерти, добра и зла, любви, страха, одиночества. Таким образом, смыслы, постигаемые в бодрствовании, дополняясь сновидческими, становятся более уникальными, более неповторимыми, интросубъективными, что позволяет человеку противостоять одним (чуждым ему) властным программам и сознательно принимать другие.

Есть ли отличия власти Армии от армии Власти?

Думается, что есть. Конкретизируем наши представления до сути этих понятий.

Власть Армии – это право и возможность особого социального института в условиях специфического социума влиять на условия существования, мировоззрение, систему ценностей включенного в него человека.

Специфичность здесь выражается в узкой направленности профессиональной деятельности на вооруженную защиту государства и общества, в относительной изолированности членов социума от окружающей социальной среды, как на уровне ценностей, так и на уровне конституционных прав человека и гражданина. Это связано с обязанностью военнослужащих отказываться от вступления в политические общественные организации и объединения, открыто выражать свое мнение «за» и «против» любых политизированных лозунгов и призывов, с изоляцией повседневной жизни и быта от «гражданской» свободы как в выборе места, режима и поля жизнедеятельности, так и социального окружения. Особая специфика определяется регламентом применения табельного оружия и т.д.

Как меняет личность гражданина служба в Армии, то есть, как отражается на нем власть Армии?

На уровне военнослужащего срочной службы (ВСС) имеются различия в подобной трансформации.

Наши исследования показали, что человек, выросший в условиях полной и недевиантной семьи, имеющий среднее специальное и высшее профессиональное образование, умения и навыки, применимые в армейских условиях, неженатый и в возрасте от 22 лет, более приспособлен к личностным трансформациям под воздействием условий военной службы.

* *Анастасия Юрьевна Бажина* – психолог в/ч 81418, капитан железнодорожных войск (г. Екатеринбург).

Как оказалось, все перечисленные выше признаки позволяют ВСС относительно безболезненно принять новые социальные условия, приспособиться к ним, искать индивидуальную выгоду в сложившейся ситуации для самоактуализации.

Воспитание в неполной семье, как правило, оставляет потребность зависимости ВСС от женщины-матери, принимающей на себя всю ответственность за принятые для обеспечения жизнедеятельности молодого человека решения. Это формирует стремление и в армейской жизни искать того, кто продолжит подобную социальную традицию, что в армейской среде нереально.

Отсутствие профессии, совместимой с потребностями армейской жизни, отражается на социальной трансформации двояко.

С одной стороны, профессия, если она совместима и востребована условиями Армии, позволяет человеку ощущать себя менее социально уязвимым, быстро актуализироваться в новом социуме.

С другой стороны, при отсутствии профессии, совместимой с армейскими потребностями, ведущую роль начинают играть индивидуальные умения и навыки, связанные с практикой самоутверждения, аргументированной защиты собственного мнения, использования лидерских качеств. И именно эти характеристики личности, как выяснилось, формируются системой учебы в высшем учебном заведении. Здесь развиваются умение подчиняться регламенту, самодисциплина, креативность и толерантность. То есть высшее образование становится особым этапом приспособления личности к последующим этапам жизни в социуме, формирования характера, организаторских навыков. Что далеко не всегда развито у выпускников общеобразовательных учреждений.

Возрастная «планка» выше 22 лет и развитые в соответствии с ней личностные параметры позволяют и без специализированного и востребованного армейской службой образования становиться лидером.

Среди офицерского состава армейские трансформации отражаются также неоднозначно.

С одной стороны, из попавших на службу в Армию около 80 % выпускников военных вузов – дети военнослужащих. Здесь востребованные Армией индивидуальные качества – своеобразный личностный генетико-социальный код. Сегодня стало общеизвестным, что мужчины – армейские офицеры – после увольнения из рядов ВС РФ без особых усилий попадают на руководящие должности в государственные и негосударственные структуры. Здесь

начинает играть особую роль государственная служба переподготовки кадров бывших военнослужащих. Именно сюда перспективные работодатели обращаются в поисках кадров, обладающих совершенно конкретными качествами и опытом: умением подчиняться и подчинять других своей воле, умением убеждать и принуждать, умением быть «представительным», поддерживая представления работодателя о респектабельности его собственной власти.

То есть можно констатировать, что должность офицера за последние 5 лет перестала быть социально бесперспективной, чего нельзя было сказать еще 7–10 лет назад.

Армия Власти может быть также представлена как особый социальный институт. Его специфические характеристики выражаются в политическом господстве и жесткой подчиненности политическим воззрениям «власть предержащих», кастовости, связанной с индивидуальной рентой от реализации государственных административных полномочий.

Армия Власти на «безличностном» уровне предъявляет к своим служащим похожие с властью Армии требования: беспрекословное подчинение и выполнение приказов вышестоящих должностных лиц, корпоративность жизнедеятельности и общность интересов (от спортивных до «тусовочных»), стандарт имиджа. Казалось бы, похожего много. Но о реальных ли военнослужащих здесь идет речь? Тем более что есть и различия в условиях вступления во власть Армии и в армию Власти. Например, в требованиях к образовательному цензу.

Для того, чтобы стать офицером, высшее образование обязательно. Для того, чтобы вступить в армию Власти, – далеко нет. Что мы и видим по результативности законотворчества: законов много, но почему-то их все время приходится переделывать, пересматривать, дорабатывать, дополнять, исключать правовые коллизии, которые оказываются структурными и системными.

Или очень хотелось бы получить ответ на вопрос: почему армия Власти лишила в процессе укрепления своей вертикали власть Армии права на реализацию 47 льгот и привилегий, действовавших ранее, при этом практически ничем не компенсировав утраченные социальные гарантии? Какова цель? Думается, для того, чтобы власть Армии не была слишком опасной для армии Власти.

Хотелось бы ошибиться.

А. Я. Пучков*

Метафизический бунт и культурный ответ

Можно утверждать, что культура родилась на границе внешнего и внутреннего как протест, усиливающий противостояние человеческого сообщества непонятной враждебной природе вне и внутри нас. Библия утверждает бунт как начало истории. Последующие теологические тексты определяют бунт в качестве условия свободы, являющей природу человека. Там, где есть бытие, необходимо существует протест. Свобода лучше, чем ничто, поэтому бунт неизбежен. Начало культуры – бунт переносится на ее собственное существование. В условиях цивилизации бунтуют в рамках культуры и против культуры.

Гегель утверждает в «Науке логики», что нет ничего ни на небе, ни на земле, что не содержало бы в себе и бытие, и ничто. Если Гегель, исследуя диалектику отрицания, сосредоточивается на бытии, а небытие предстает как момент в диалектическом отрицании, то Сартр обращает особое внимание на небытие, наличие которого в нашем сознании дает человеку возможность отвечать «нет» на вопросы, которые он задает бытию-в-мире. Г. Маркузе начинает свое исследование негативного мышления и протеста с утверждения о том, что мир, в котором мы приходим к сознанию собственного существования, должно постичь, изменить, даже ниспровергнуть для того, чтобы он явился тем, что он есть на самом деле. Мир человека представлен культурой, поэтому любой протест направлен против культуры и одновременно ею обусловлен и управляем. Даже если человек желает просто раствориться в потоке внешних впечатлений, подобно животному, он с необходимостью создает вокруг этого некоторую культурную конструкцию – религию или философию. Культура есть нечто, против чего возможно протестовать, что можно даже попробовать уничтожить, поскольку невозможно уничтожить ничто, и мы не хотим уничтожить человека.

* *Александр Яковлевич Пучков* – канд. филос. наук, доцент кафедры рекламы Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Естественная природа человека не изменяется на протяжении истории. Мы живем повторением одних и тех же страстей, среди которых наиболее мотивированная – страсть воспроизводства. С эволюцией связаны, в конечном счете, революции и войны, неизбежные в человеческом сообществе. Революцию можно представить как более или менее целенаправленное, т.е. искусственно сконструированное, явление. Революция предстает как феномен культуры, приобретая свои лозунги, идеологов, изменяя близкие составляющие культуры. В то же время, любая революция есть результат естественной природы homo sapiens. Будь это Западная сексуальная революция или социалистическая революция в России. Культура имеет основанием животные инстинкты и включает в сферу своего влияния образованные в результате общественного существования страсти.

Г. Маркузе утверждал, что рациональность современного общества является результатом господства, когда подчинение следует уже не грубой силе, а представляется как естественный порядок вещей. Революция в таком обществе возможна только через задействование антропологической структуры человеческих потребностей – голода, воли к власти, сексуального влечения. Но в итоге, после соразмерных жертвоприношений, инстинкты подчиняются насилию культуры. Ж. Бодрийяр говорит о целенаправленном смещении индивида и его сексуального статуса, где, по его словам, скрывается вся иллюзия сексуальной Революции: нельзя разбить, разделить, подорвать общество, апеллируя к некоему полу или телу, чье выведение на сцену современности как раз и подразумевает идеологическую функцию утаивания разделения и подрыва субъекта. Естественные, агрессивные проявления противоборствующих сторон, их борьба за существование или война всех против всех выливаются в культурные формы в иерархии подчинения.

Протесту обязательно сопутствует более или менее жесткое разделение культуры по принципу «хорошее подчинение – плохое подчинение» и противопоставление выделенных составляющих. Так, нигилисты, согласно И. Тургеневу, разделяли духовную и материальную культуру и выступали против первой. Какая польза от того, что человек играет на виолончели? Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник. П.А. Кропоткин пишет, что нигилизм объявил войну условной лжи культурной жизни. Нигилисты признавали лишь авторитет разума, наличие которого делает всех

людей равными. Обращение к разумным основаниям человеческого бытия должно избавить жизнь цивилизованных людей от наполняющей ее лжи, как то: брак без любви; разговоры об искусстве, прикрывающие пошлый разврат; внешняя вежливость ненавидящих друг друга людей и т.п. Кропоткин называет нигилистов настоящей революционной силой, направленной против отвратительных своим лицемерием обычаев, унаследованных современным им обществом от прошлых веков.

Согласно Ф. Ницше, нигилизм есть проявление реактивной силы воли к власти, отрицающей некоторую создавшуюся избыточность. Нигилизм есть абсолютная победа отрицающей стороны воли к власти, и он, безусловно, вреден, но это путь нашей истории, приведший человечество к смерти Бога. Скажем, что нигилисты – это потомки и продолжатели дела Прометея и Иова, восставших, каждый в свое время, против Бога ради любви к человечеству. История Иова, рассказанная древним автором, наглядно представляет, как человек осознает бессмысленность своих иллюзий. «Да сгинет день, в который я родился, и ночь, что сказала: «Зачат мальчик». (Иов. 3:2) Нигилизм – это смена иллюзий. Ги Дебор отмечает, что в подлинном анархизме постоянно поддерживалась иллюзия близости революции, которая должна была оправдать их идеологию и действия.

Общее противоречие эгоистической природы человека и общественного требования альтруизма определяет противоречивость существования морали в обществе. Сам П.А. Кропоткин признает, что данное внутреннее противоречие есть смертный приговор для всякой этики. Сегодня мы не столь категоричны и диалектичны, понимая это противоречие как элемент более сложной системы взаимодействия понятия и реальности, человеческой культуры и природы. Невозможность полного охвата всех связей и отношений указанных феноменов заставляет нас говорить об иллюзии морали. Устанавливаемые людьми цивилизованные правила игры, к сожалению, мало чего стоят без жертв, смерти. Так естественное пробивает себе дорогу, а культура создает обслуживающие иллюзии, предназначенные, прежде всего, для подрастающего поколения.

Идеолог и практик социалистической революции в России, профессиональный революционер В.И. Ленин утверждал, что в классовом обществе культура носит классовый характер. Ленин определял существование двух культур: пролетарской, или социалистической, и буржуазной, капиталистической. Первая, без вопросов,

отражает понимание культуры как достоинства человечества и служит мощнейшим фактором прогресса человечества. Вторая наделялась, опять же без вопросов, противоположными характеристиками и служила порабощению производящего класса, тормозя социальный прогресс. Подобная жесткая идеологизация культуры служила и служит попыткой поддержки отмирающей ценности традиционной культуры. Ленин стремился очистить культуру от подчинения, но на практике это привело к подчинению идеологии и еще большей идеологизации общества. Коммунисты понимали – только уничтожив Бога, человек станет свободным, в то же время, Ленин отмечал, что без фантазии революцию в этой стране нельзя было начинать.

В истории, кроме нигилизма, известны периоды, когда на уровне целого социума дети отказываются подражать отцам. Это конфликт поколений и молодежная революция, с которыми связывается понятие контркультуры. Л. Фойер утверждал, что история всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы поколений. С.Н. Айзенштадт вслед за З. Фрейдом определял конфликт поколений как самое глубокое общественное противоречие, корнящееся в естественной биологической природе человека. Но биологизаторский подход в анализе преемственности поколений был вскоре преодолен, когда в качестве основного показателя поколения стало использоваться понятие стиля мышления. Вслед за Маннгеймом, Колеманом и др. в рассуждениях о социализации молодого поколения на первый план выходят термины молодежной культуры, субкультуры, контркультуры, о содержании которых до сих пор не могут договориться специалисты. Сегодня эта иллюзия «стиля мышления» уже не актуальна. После молодежной проблематики западная социология переключилась на анализ маргиналов как потенциально конфликтной среды. Совсем недавно особую популярность приобрели вопросы борьбы с международным терроризмом, который уже сейчас осознается многими людьми в качестве некоей специально сконструированной глобальной иллюзии, позволяющей решать совершенно конкретные политические задачи.

Любая власть напрямую заинтересована в иллюзии, создающей возможность конструирования идеологии и манипуляции представлениями и действиями людей. Россия не является демократической страной, и никогда ею не была. Российская Федерация – государство исполнительной власти, а демократические институты представляют собой полную иллюзию в стране тотального под-

чинения. Сегодня для анализа ситуации российского общества подходит теория П.Ж. Прудона, созданная им в середине XIX века. Анархист Прудон говорит о иллюзии богатства – безумии стремления к всеобщему комфорту в условиях, когда сама природа призвала человека к умеренности по причине ограниченности ресурсов. Стремление к обогащению, несправедливость распределения приводят к пауперизму и нравственному разложению. Ложное распределение, по Прудону, проявляется в следующих фактах:

а) *размножение должностей-синекур, развитие тунеядства;*

б) *возрастание непроизводительных предприятий.* Прудон упоминает в этом пункте искусства, являющиеся орудиями роскоши;

в) *излишек правительственного элемента.* Здесь нужно оценить многократное умножение российского чиновничества по сравнению с СССР, а также общеизвестный огромный масштаб коррупции;

г) *обогащение столиц и больших городов.* Сегодня в России, впрочем, как и в СССР, несоизмеримо лучше других городов существует Москва, далее следуют большие города-миллионники. Большинство малых городов испытывают сильные затруднения, деревня погибает;

д) *преобладание финансовой составляющей в общественных отношениях, когда даже общественно полезная деятельность, предполагающая доверие и почет, используется как средство получения доходов;*

е) *инфляция, вывоз денег за границу;*

ж) *снижение уровня жизни,* которое только и может быть логическим следствием всего вышеуказанного.

Возможен ли новый русский бунт? Существует мнение, что система научного подчинения человека отлажена сегодня абсолютно, так, что уже не существует различий между протестом и конформизмом. И это происходит именно благодаря иллюзии. Однако такое утверждение справедливо, скорее, для передовых стран, где разница между правыми и левыми политическими партиями едва ощутима. Россия к advanced countries не относится. Современное российское общество не может стабилизироваться через технологию и потребление, несмотря на то, что США, как образцово-показательное общество потребления, активно способствуют созданию подобной иллюзии путем различного рода культурной

экспансии. По-видимому, глобальное управление в России должно осуществляться, согласно традиции, путем отнесения цели общественного развития за пределы жизни поколения (коммунизм) и/или жизни вообще (христианство). Интериоризация подобной русской идеи – дело идеологии.

Внедрение менеджмента как современного аналога научного коммунизма в России слабо воздействует на ее бедное население. В этом смысле благо, что наркотики, распространяемые в среде молодежи, не ведут к просветлению и не несут в нашей стране той революционной составляющей, как это было в 60-е на Западе. Во избежание бунта необходима более кондовая идеология, или манипуляция, создающая некоторую иллюзию для той части населения, кому нет места в обществе потребления. Свободное общество не может существовать без протестных потрясений, но мы к ним совершенно не готовы, и на наших глазах происходит откат к авторитаризму.

Своего рода черту под дискуссией о природе бунта подводит А. Камю, рассматривающий любой бунт как абсурд. Так, метафизический бунтарь протестует против своей смертной природы и отказывается принять силу, вынуждающую людей жить в подобных условиях. Тем самым он признает существование этой силы как реальности, тут же оспаривая ее. Взбунтовавшийся раб, отрицая иерархию подчинения, так или иначе, утверждает свое право на господство или подчинение, но до определенного предела. Если это бунт против ценностей, то он сам необходимо утверждает себя в качестве таковой. В то же время, Камю признает реальность бунта. В протесте становится сознание человека, формируются ценности как переход от желаемого к желательному. По словам Камю, на индивидуальном уровне абсурд проявляется как страдание, а в бунтарском порыве приобретает характер коллективного существования. Здесь подключаются все источники имитационной реальности, о которых речь шла выше, и мы можем утверждать, что бунт представляет собой иллюзию освобождения или спасения.

Метафизический бунт может закончиться христианским смирением (мы отбрасываем самоубийство). Бунт разума – безумием (Иван Карамазов), преступлением (Родион Раскольников), извращением (де Сад, Мазох), утверждением, отрицанием ценностей, или возвышением над ними в искусстве и философии. Социальный бунт может привести к революции и террору, конфликту рас, поколений. В любом случае последнего Царства не наступит, и убийству

бунта может противостоять только иллюзия любви коллективного бога.

Понимание иллюзорности культуры предполагает осознание ее скорее рекомендательного, чем обязательного характера. Когда личность начинает воспринимать культуру как собственное отражение, которому она может высказать всю правду прямо в лицо. Так рождается кризис, а затем возникает протест как средство его преодоления. Окончательное разоблачение иллюзии происходит с легитимизацией того факта, что все культурные построения, в том числе разнообразные формы протеста, являются на деле манипулированием, спасением реальности в интересах эволюции. В основе иллюзии культуры лежит имитация, способная не только включать в орбиту человеческого восприятия новые объекты, но и творить целые миры. Сегодня все более проявляется имитационный мир, одним из свойств которого является способность радикально снижать в общей массе возможность метафизического и иных форм протеста через манипуляцию общественным сознанием.

Социальное недоверие как необходимость и регресс

1 Любое общество характеризуется определенной мерой доверия и недоверия в социальной жизни, экономике, политике, культуре. Процессы трансформации общества, и особенно разного рода кризисы, сопровождаются резким повышением недоверия к существующим политическим и экономическим социальным институтам, культурным нормам и ценностям. Происходившие с середины 1980-х гг. в российском обществе изменения заставляют поставить несколько теоретических проблем. Это, во-первых, общая проблема определения роли социального недоверия в развитии и функционировании общества, во-вторых, региональная проблема выяснения соотношения доверия и недоверия в советском и постсоветском обществах.

2. Социальное недоверие не может рассматриваться как некий вторичный и однозначно отрицательный феномен. Без определенной степени недоверия невозможны ни процессы социализации (например, выработка определенного отношения к «своим» и «чужим»), ни процессы социального взаимодействия (в виде многообразных систем социального контроля), ни любые формы экономического сотрудничества (не говоря уже о конкуренции). Наконец, в сфере политики без недоверия не обходится ни один политический институт, и многие политические процессы ярко окрашены присутствием этого феномена.

3. Недоверие может рассматриваться в когнитивном аспекте – как знание о ненадежности партнера по взаимодействию, в эмоциональном аспекте – как определенное чувство подозрительности, в поведенческом аспекте – как осторожное, избегающее риска действие. Существование недоверия может быть вызвано различными потребностями индивидов и социальных групп, среди которых,

* *Сергей Евгеньевич Вершинин* – доктор филос. наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

прежде всего, потребность в безопасности. Следует отметить определенную противоречивость трактовки феномена недоверия: если при психологическом подходе недоверие оценивается в основном негативно (например, в концепции «базового доверия» Э. Эриксона), то при социологическом и политическом подходах оно может рассматриваться как определенный социальный институт, выполняющий важные функции и в силу этого являющийся необходимостью.

4. Среди функций недоверия можно выделить следующие. **Историческая.** Недоверие выполняет функцию связи времен. Существующий негативный опыт, то есть опыт, связанный с прошлым, диктует определенные формы поведения в настоящем. Поэтому недоверие связывает, прежде всего, прошлое и настоящее. Недоверие не полагается на надежду, будущее выглядит здесь непредсказуемым и опасным. Поэтому акцент в ситуациях недоверия делается на настоящем. **Познавательная.** Всякое недоверие сводит реальное или возможное многообразие мотивов поведения к нескольким реальным или воображаемым. Это приводит к определенному упрощению в процессе познания мотивов другой стороны. Но здесь возникает своеобразная ситуация, на которую указал Н. Луман и которую можно назвать *парадоксом недоверия*: тот, кто не доверяет, должен собирать больше информации, чем тот, кто доверяет. Однако и среди собранной информации недоверчивый человек должен выбрать ту, которая заслуживает наибольшего доверия. В этом смысле он становится более субъективным и уязвимым. **Контрольная.** Если взаимодействующие индивиды не могут полагаться друг на друга, то им необходимо все время отслеживать ситуацию и быть готовыми к оперативному вмешательству. Это требует как напряжения сил, так и все более усложняющихся систем надзора и проверки. **Интегративная.** Один из традиционных способов социальной и особенно политической внутригрупповой интеграции – это объединение индивидов на основе недоверия к каким-либо группам или социальным институтам. Солидарность, прежде всего на основе недоверия, становится одной из причин возникновения постсоветской «негативной идентичности» (Л. Гудков).

5. Отметим несколько общих тенденций формирования недоверия в постсоветском обществе. Если следовать логике Э. Гидденса, то переход к современному обществу (модерну) означает возникновение доверия к абстрактным системам, то есть симво-

лическим знакам и экспертным системам, и в этом смысле пред-модерновые контексты порождения доверия – родственные отношения, локальные сообщества, религиозные космологии и традиции – постепенно теряют свою связывающую силу. Эта тенденция была заметна уже в советском обществе, характерной чертой которого было культивирование доверия к обществу, то есть трудовому коллективу, коммунистической партии, профсоюзу, школе и т.д. Соответственно, доверие к себе, к родственникам и друзьям/знакомым оказывалось производной от доверия к какой-либо социальной (под)системе. Доверять следовало больше другим, чем себе, то есть доверие к обществу и группе сопровождалось недоверием к себе. «Большая семья» в различных вариантах была важнее, чем своя собственная, малая. Кроме того, эти круги доверия всегда находились в так называемом «враждебном окружении», в роли которого выступали внешние и внутренние классовые враги. В результате доверие всегда находилось под угрозой, и его надо было постоянно завоевывать и доказывать.

6. Постсоветское общество характеризуется, во-первых, постепенным растрчиванием символического капитала доверия к власти и различным социальным институтам. Симметрия доверия к системе и недоверия к себе сменилась недоверием к системе и доверием к себе. При этом недоверие к российскому государству сопровождается – после недолгого перерыва в 1990-х гг. – возрастанием недоверия к «Западу». Во-вторых, при становлении постсоветского общества многие деловые инициативы опирались на помощь родственников, а экономическая и социальная роль семьи возросла. В результате сложившаяся ситуация может быть истолкована как откат – притом не всегда эффективный – к традициям домодернового общества. В-третьих, производимое, прежде всего, в политической сфере (властных структурах) недоверие имеет тенденцию распространяться на другие сферы общественной жизни, создавая тем самым ситуацию идеологического и исторического тупика. Выход из него возможен только при нахождении и достижении качественно нового соотношения социального и политического недоверия и доверия.

М. Н. Просекова*, С. С. Швейбельман**

Гражданское общество в системе экономических связей

В XX веке понятие гражданского общества обрело новое рождение, прежде всего, в ходе борьбы демократических оппозиций в странах Восточной Европы против авторитарных социалистических однопартийных государств. Несмотря на различия экономической и геополитической точек зрения, это понятие также применимо к «переходам от авторитарного правления» в Южной Европе и Латинской Америке – главным образом потому, что они имели общую с восточноевропейскими государствами задачу: установление новых стабильных демократий.

Исследование данной темы требует уточнения понятийного аппарата. Понятие *«гражданское общество»* допускает целый ряд определений и может употребляться в различных значениях. Это понятие стало весьма востребованным благодаря той борьбе, которая ведется во многих частях света с тоталитарными режимами. В то же время статус этого понятия применительно к условиям *либеральных демократий* остается весьма неопределенным. Одни отождествляют гражданское общество с фактическими достижениями Запада, исключая тем самым всякую возможность использовать концепцию гражданского общества для критического исследования дисфункций и несправедливостей, присущих сложившемуся на Западе типу обществ. Другие видят в ней разновидность современной политической философии, совершенно не соответствующую многосложным реалиям нынешнего общества. Джин Л. Коэн и Эндрю Арато, авторы монографии «Гражданское общество и политическая теория», утверждают, что «само понятие граждан-

* *Марина Николаевна Просекова* – д-р филос. наук, профессор (ВАК РФ), академик РАЕН, декан гуманитарного факультета ТюмГНГУ (г. Тюмень).

** *Семен Самуилович Швейбельман* – аспирант гуманитарного факультета ТюмГНГУ (г. Тюмень).

данского общества обозначает как раз ту область современной жизни Запада, для которой логика административных и экономических механизмов создает наибольшие опасности; но вместе с тем именно в этой «зоне» заложен потенциал дальнейшего развития демократии в условиях реальных либерально-демократических режимов» [Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 6]. Развивая этот тезис, ученые обосновывают на большом историко-фактическом материале актуальность концепции гражданского общества, а также применимость его нормативно-критического инструментария ко всем типам нынешних обществ.

Многие исследования по социологии выявляют тот факт, что нет четкого представления о том, как соотносятся между собой понятия «гражданское» и «буржуазное» общество. Так, например, в немецком словосочетании *bürgerliche Gesellschaft* и в некоторых восточноевропейских языках эти термины неразличимы. Это не просто терминологическая проблема, так как программа, построенная на провозглашении бинарной оппозиции «гражданское общество – государство» и нацеленная на противодействие этатистским (от фр. *l'état* – государство) диктатурам, которые проникают во все сферы экономики и независимой социальной жизни, подчиняя их себе, отстаивает автономию и гражданского, и буржуазного.

Демократические движения Восточной Европы уповают на силу нового гражданского общества, но при этом они не разграничивают в достаточной степени задачу установления жизнеспособной рыночной экономики (безотносительно к тому, какая именно форма собственности заменяет государственную собственность и государственный контроль) и проект укрепления гражданского общества по отношению к государству и высвободившимся рыночным силам. В то время как из истории стран Запада известно, что стихийные силы капиталистической рыночной экономики представляют собой не меньшую угрозу для социальной солидарности, социальной справедливости, чем административная власть современного государства.

Современные социологи полагают, что в обществах, где функционирование рыночной экономики уже обрело или обретает собственную независимую логику, только концепция гражданского общества, надлежащим образом дифференцированного от экономических структур (а значит и от «буржуазного общества»), способна составить ядро критической политической и социальной теории. В

противном случае может случиться так, – полагают Д.Л. Коэн и Э. Арато, – «что после успешного перехода от диктатуры к демократии недифференцированное представление о гражданском обществе (воплощенное в лозунге «общество против государства») быстро утратит свой критический потенциал» [Коэн, Арато. С. 7].

Таким образом, только реконструкция понятия гражданского общества в рамках трехчастной модели (отделяющей гражданское общество как от государства, так и от экономических структур) позволяет этому понятию не только играть оппозиционную роль в условиях авторитарных режимов, но и возродить свой критический потенциал в условиях либеральной демократии. В связи с этим *под «гражданским обществом» следует понимать сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семьи), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации.*

Современная социологическая наука все активнее разрабатывает тезис об ошибочности отождествления гражданского общества с социальной жизнью в целом, протекающей вне узкопонижаемых государственных и экономических процессов. Дифференциацию проводить необходимо, во-первых, потому, что надо отличать *гражданское общество от политического общества*, являющегося сферой жизни партий, политических организаций и органов публичной политики (парламенты), а также от *экономического общества*, состоящего из организаций, занятых производством и распределением. Как политическое, так и экономическое общество возникает на основе гражданского общества, и их объединяет с ним ряд общих организационных и коммуникативных форм; они институционализируются посредством прав (политических прав и прав собственности), являющихся органичным продолжением тех прав, которые лежат в основе гражданского общества. Важно учитывать, что акторы политического и экономического обществ являются непосредственными участниками осуществления государственной власти и экономического производства, поскольку их задача – контролировать соответствующую сферу, управлять ею. Они не могут позволить себе поставить стратегические и инструментальные критерии в зависимость от характерных для гражданского общества типов нормативной интеграции и открытой коммуникации. Даже в своем парламентском вопло-

щении публичная сфера политического общества предполагает наличие важных формальных и временных ограничений, налагаемых на процесс коммуникации.

Было бы большой ошибкой считать гражданское общество противостоящим экономике и государству. Наши представления об экономическом и политическом обществах относятся к числу сфер-посредников, через которые гражданское общество способно влиять на политико-административные и экономические процессы. Отношение гражданского общества или его акторов к экономике или государству становится антагонистическим лишь тогда, когда эти последние не справляются с ролью посредников или когда институты экономического и политического общества начинают изолировать процессы принятия решений и тех, кто эти решения принимает, от воздействия со стороны социальных организаций, инициатив и публичного обсуждения.

С. И. Марайкин*

Философские основания правовой реальности

Мировоззренческая ситуация в современной России имеет чрезвычайно сложный и не поддающийся однозначной оценке характер. Медленное, но неуклонное фактическое уничтожение старых ценностных систем, нередко насильственное внедрение новых взглядов на ключевые проблемы общественной жизни необходимо порождают ситуацию, когда философия вынуждена временно отказаться от академической беспристрастности и обратиться к *критическому* анализу наиболее значимых общественных проблем. Среди последних, как нам думается, проблема построения правового государства занимает одно из первых мест и по сложности, и по актуальности, поскольку именно нерешенность этой проблемы сыграла далеко не последнюю роль в тех процессах, что происходят в нашем Отечестве в последние десятилетия. Но собственно вопрос о правовом государстве явно лежит вне области онто-гносеологического анализа, оставаясь в сфере интересов других научных дисциплин. Осознавая это обстоятельство, мы считаем необходимой и своевременной более узкую постановку проблемы, которую возможно определить как проблему правовой реальности.

Актуальность подобного поворота темы определяются тем, что в нашей стране идет формирование нового для нас типа правовой реальности; необходимость же становится очевидной именно с учетом данного обстоятельства, поскольку говорить о полноценном философском осмыслении этого феномена явно преждевременно, в то время как объективное положение дел требует возможно более глубокого философского анализа.

* **Станислав Иванович Марайкин** – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры истории, теории государства и права и социологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск).

Понятие «реальность» равно присуще всем философским направлениям, что позволяет на первом этапе осмысления говорить о типологическом родстве трактовок этого понятия представителями идеализма и материализма и дает достаточное основание для проведения корректного сопоставительного анализа на уровне связей генетических. Исследовав становление понятие реальности в данном аспекте, мы установили выраженную тенденцию к гносеологизации онтологической проблематики, в результате чего реальность начинает выступать не просто в качестве некой данности или области бытия, но как необходимый элемент познания;

Категория «право» в различных областях философского знания, в том числе и в философии права, как правило, не выступает в роли самодостаточного абсолютного объекта. Наиболее распространенным является соотнесение «права» с рядом других категорий и понятий, вводящих право в систему морально-этических норм и онто-гносеологической проблематики. В то же время необходимый характер связи права и воли признается представителями всех систем, естественно, с поправкой на соответствующие приоритеты.

На основании полученных данных можно выявить философские основания правовой реальности и характер ее генетического родства с другими видами реальности, а именно:

- правовая реальность как сфера актуализации «воли-права» не являет собой область актуализации *исключительно одного* права, будь то право естественное или право положительное;

- правовая реальность, пересекаясь и взаимодействуя с различными областями бытия, не может быть однозначно соотнесена, ни с одним из известных нам видов реальности, будь то реальность объективная, субъективная, духовная, символическая либо виртуальная;

- правовая реальность равно относится как к материальной, так и к идеальной сфере бытия, одновременно являя собой оппозицию виртуальной и символической реальностям;

- правовая реальность необходимо включает в себя субъекта, который, в свою очередь, находится в необходимом практическом отношении к природе, являясь и творцом условий, и объектом, который творит эти условия, одновременно изменяемые его деятельностью.

В иерархической структуре правовой реальности воля занимает высшую ступень, являя собой, с одной стороны, свободу, а с

другой – необходимость, равно актуализирующиеся в правовой реальности.

В морально-этической сфере правовой реальности воля выступает как основание правовой морали, включая последнюю в сложную систему отношений с системами ценностей, присущими другим видам реальности.

Воля и субъект правовой реальности представляют оппозицию, где противоположности находятся в отношениях взаимодополнительности.

На основании этих данных онтологический статус воли в правовой реальности не может быть определен однозначно: с одной стороны, воля аналогична сущему в реальности духовной, выступающей как порождающая реальность по отношению к реальности предметной; с другой стороны, она есть субъект правовой реальности, включенный в сложную систему субъект-субъектных связей.

Таким образом, правовая реальность в наиболее общем виде может быть определена как вид объективной реальности, возникающий в той области действительности, где реализуются правовые отношения между индивидуумами, индивидуумом и обществом, индивидуумом и государством. А поскольку право как базисный элемент в системе правовой реальности являет собой сложный феномен, в равной степени принадлежащий сфере материального и идеального, природа правовой реальности должна рассматриваться как сочетание материального и идеального. При этом нельзя говорить об изолированном существовании правовой реальности, поскольку она несомненно взаимодействует и с виртуальной реальностью, и с символической реальностью, являя собой оппозицию как той, так и другой. Одновременно правовая реальность пересекается с духовной реальностью, социальной реальностью, реальностью субъективной и т.д.

Правовая реальность необходимо включает в себя волю, актуализация которой происходит сложным образом, поскольку в праве, а значит – и в правовой реальности, связь сущего и должного представляет собой не просто диалог, в ходе которого одно переходит в другое, но диалог, в ходе которого воля не утрачивает своего первичного характера.

С учетом последнего обстоятельства определено, что основной формой взаимодействия воли и правовой реальности является непосредственная реализация (либо не–реализация) в этой реальности свободы воли.

При этом воля выступает как организующий центр, поскольку правовая реальность не является сферой прямой актуализации воли вообще, но сферой актуализации права, которое, в свою очередь, необходимо связано с волей и различными проявлениями последней.

Субъект в правовой реальности являет собой субъекта разумного и волящего и реализующего свои воления в практической деятельности, направленной как во вне, так и на себя. Именно этот субъект оказывается включен в сложную систему взаимоотношений с волей, которая, как уже говорилось, занимает в иерархической структуре правовой реальности высшую ступень, являя собой, с одной стороны, свободу, а с другой, необходимость, равно актуализирующиеся в правовой реальности. При этом наличие самодетерминирующей составляющей воли не дает возможности уравнивать и то, и другое. С учетом последнего обстоятельства мы приходим к заключению, что воля в правовой реальности может выступать как *свобода необходимости*.

Проявление этой особенности воли в правовой реальности достаточно четко выявляется при соотнесении «деятельности» воли с системой соответствующих морально-этических норм, поскольку в этом случае выступает не просто основанием правовой морали, но по сути является моралью правовой реальности. Субъект же правовой реальности выступает в двуединстве носителя воли и актуализации воли, осуществляя, таким образом, связь правовой реальности с другими областями бытия.

И. Б. Фан*

Институциональное и ментальное в модели гражданина

Задача определения реального политико-правового статуса личности в России предполагает предварительный выбор исходной методологии. В отечественной науке в понимании феномена гражданина доминирует институциональный подход, базирующийся на позитивистской парадигме. Он связан со структурно-функциональным и системным подходами, в юридических науках – с институционализмом. Преобладание институционального подхода в социальных науках приводит к редукции социальной реальности к ее статичным формам. В результате гражданин рассматривается как нечто производное от государства. Методология социокультурного подхода открывает возможность для целостного исследования феномена гражданина, поскольку включает в себя принцип дополненности, позволяющий институциональные аспекты рассмотрения дополнить ментальными, объективистское исследование явлений – анализом сквозь призму субъекта, который посредством деятельности, мотивируемой культурой, воспроизводит и изменяет социальные отношения и институты.

Наиболее адекватно суть данного феномена отражена в следующем определении: «Гражданин – социальная роль правоспособной личности, занимающей позицию медиатора между сторонами бинарной оппозиции «государство – гражданское общество» [Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000. С.71–72]. Роль гражданина предполагает необходимость участия каждого индивида в публичной сфере гражданского общества и государства, обладание свободами, правами и обязанностями, моральным, правовым и политическим сознанием, ответственностью за свои поступки перед гражданами, государством и его законами. Статус гражданина позволяет самосознанию отдельной личности возвыситься с уровня частного лица до уровня

* **Ирина Борисовна Фан** – канд. филос. наук, науч. сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

«государственного человека». Роль медиатора – это вынужденная роль, исходящая из необходимости удовлетворения повседневных потребностей гражданина как частного лица посредством его объединения с другими частными лицами через участие в функционировании политической системы ради реализации всего объема прав и свобод гражданина. Гражданин выступает не только как элемент одной из подсистем общества, но и как порождающее начало, источник социальных образований, в том числе общества и государства. Он одновременно является членом гражданского общества и государства, частным и публичным лицом. Роль гражданина – это политико-правовая ипостась личности индивида и в то же время определенная функция политической и правовой систем общества. Попытаемся сконструировать инвариантную модель гражданина.

Феномен гражданина с позиций социокультурного подхода имеет два равномоощных измерения: социальное, фиксирующее синхронический аспект социальной реальности – структуру, упорядоченность, статичные формы, институциональные связи, и измерение со стороны культуры, акцентирующее внимание на диахроническом аспекте, на интенциональности культуры к направленной динамике ментальных форм. В результате феномен гражданина предстает как многомерное социокультурное образование. Институциональное измерение феномена представляет собой комплекс социальных условий бытия индивида – экономических, политических и правовых институтов, задающих его социально-экономический и политико-правовой статус. Ментальное измерение феномена составляет совокупность нормативно-ценностных форм культуры (религиозных, моральных, правовых, политических и т.д.), образующих этос, или духовный статус гражданина. Эти комплексные параметры находятся между собой в постоянном взаимодействии и взаимоотражении. Пересечение многообразных социальных институтов задает основы объективного статуса каждого индивида, признанного гражданином конкретного государства. Политическая, правовая и экономическая системы общества и их структурные элементы – конкретный тип организации соответствующих институтов, включающий особый способ их координации и субординации, особенности сочетания «горизонтальных» и «вертикальных» политических отношений, правовые и экономические отношения, объективированные нормы, ценности, идеалы экономической, политической и правовой культуры общества, существующие в виде

конституции, законов, уставов и программ партий, в виде обычаев, традиций и процедур регуляции социальных процессов, – все это составляет институциональный каркас экономического и политико-правового статуса гражданина.

Совокупность социальных институтов конкретного общества и государства можно рассматривать в качестве ожидаемых от гражданина сценариев его жизнедеятельности, его социальных функций или ролей. Функционирование политических институтов – устройства государства (конституции), избирательной системы, органов государственной власти всех уровней, взаимодействия ветвей власти, политических партий, оппозиции и т.д., предполагает определенный тип политического поведения гражданина. Сценарий такового предусматривает конкретное сочетание ожидаемых от него политических функций в зависимости от степени включенности индивида в те или иные политические институты – ролей избирателя, депутата, должностного лица, активиста политической партии, лидера и т.п. Между нормами функционирования любых социальных институтов и поведением гражданина устанавливается определенное соответствие, это является условием воспроизводства данных институтов. Система институтов права требует от граждан исполнения ролей истца, ответчика, судьи, прокурора, присяжного заседателя, подсудимого и т.д. Система экономических институтов – роли собственника, наемного работника, менеджера и т.д. Пересечение этих сценариев дает институциональную картину социального статуса гражданина. Данное измерение бытия гражданина содержит в себе противоречие между формальными и неформальными нормами функционирования социальных институтов. Это фундаментальное противоречие имеет конкретно-историческое выражение. Для гражданина имеет огромное значение возможность повседневного правового способа разрешения противоречия между формальными и неформальными сценариями его жизни.

Второе измерение модели гражданина – ментальное. Оно включает рациональный, чувственно-эмоциональный, ценностный и практический способы восприятия субъектом событий, явлений и процессов социальной реальности. В содержании ментальности гражданина входят основные компоненты политической, правовой, экономической, религиозной и нравственной культуры индивида в единстве их когнитивного, аффективного, аксиологического и поведенческого уровней. От этого компонента зависит уровень мо-

тивации индивидов в исполнении предписываемых им функций, качество исполнения индивидом той или иной социальной роли.

Третий параметр модели гражданина – личность. Именно личность способна осуществить акт медиации – синтез институциональных условий и ментальных представлений и схем деятельности, т.е. найти новый вариант решения тех или иных частных или общественных проблем и действовать в соответствии с ним. Как будет исполнять индивид предписываемые ему социальные роли, какие из них он выберет в качестве основных в рамках детерминирующих его условий – роль гражданина, подданного, частного лица (обывателя), маргинала, зависит от уровня личностного развития индивида. Исполнение каждой роли зависит от способности личности к осуществлению синтеза институционального и ментального измерений жизни в конкретной ситуации. Именно личность ежедневно решает сложные задачи разрешения противоречий в собственной структуре ролей, опираясь на собственное мнение или руководствуясь массовыми стереотипами. Значение имеет степень соответствия формальных, правовых, и неформальных норм жизни. Все параметры модели находятся в отношениях корреляции друг с другом. Данная модель гражданина наполняется конкретными содержательными характеристиками при разворачивании ее в разных исторических формах и вариациях.

А. В. Александрова*

Власть волеизъявления молодежи в России: кто активнее? (Контент-анализ Интернет-ресурсов)

Власть по своей природе явление социальное, вызвана необходимостью организации, регулирования, интеграции интересов во всех сферах жизни общества в отношениях различных социальных групп. Социальное содержание власти по своей природе неоднозначно, так как функция упорядочения социальных взаимосвязей должна выполняться через гармонизацию человеческих интересов и потребностей большинства населения, а не прямым подавлением интересов одной группы в пользу другой. Согласно социологическому подходу в ее основе лежат отношения господства/подчинения, ее сущность основывается на волевых отношениях. Источники общественной власти находятся в естественном (различие в талантах, психике, чертах характера, способностях) и социальном неравенстве.

Различные социальные группы современной российской молодежи могут рассматриваться как потенциальные социальные акторы, в том числе акторы волеизъявления. В этом контексте исследование позиционирования молодежных групп в поле культуры, политики и информационном пространстве может открыть понимание структуры социокультурной сцены, характер их активности, самих активных акторов. Молодежь является мобильной группой общества, на которую всегда возлагаются оптимистичные надежды конструктивного развития будущего. От того, какие молодежные группы выражают свою волю в сфере властных отношений и как они это делают, зависят тенденции развития процессов в будущем обществе. Молодежные группы можно рассматривать как группы неформальные и группы по интересам в своей соци-

* *Александра Валерьевна Александрова* – студентка 4-го курса факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

альной активности волеизъявления, направленной на решение задач, стоящих перед обществом, группой в различных сферах жизни общества. Первые – обычно небольшие и часто спонтанно образованные, не имеющие формально установленных правил, целей, лидеров; вторые – группы, стремящиеся обеспечить интересы определенной социальной категории путем давления на соответствующие институты. Реализация власти как способности выражения мнения молодежи всегда имела свою специфику, которая проявлялась в отношениях взаимодействия с государством и формировании гражданского общества страны, либо в пассивном принятии отношений господства-подчинения, либо в протестном диалоге, выражении антипатии. В России наблюдалась тенденция выражения молодежными группами на постсоветском пространстве своего мнения по поводу игнорирования гражданских прав, интолерантного отношения к этническим группам, как реакция на социальную ситуацию в форме выражения своей власти как возможности проведения внутри сложившихся отношений своей воли вопреки сопротивлению¹, несмотря на существующие основания возможностей. Сама ситуация стимулируется отношением государства к молодежи: молодежной политикой, законодательной базой, делающей недостижимой ее участие в государственной политике, принятии решений и ответственности за них.

Субкультурная структура молодежных групп в целом очень дифференцирована, соответственно дифференцированы и способы, возможности и желания выражать свое волеизъявление, идеологические и идейные направления. Зачастую радикальную активность волеизъявления проявляют экстремистские, националистские молодежные группы, организованные в молодежные движения, имеющие антисоциальную направленность, другие же молодежные группы пассивны или гуманистически ориентированы в социальной деятельности и не выражают активно свое мнение.

Сегодня динамика развития отношений молодежных организаций с государством начинает носить оптимистический характер². Существуют полярные молодежные движения и организации, офи-

¹ См.: Определение власти и властных отношений по *М. Веберу*.

² Координационный совет по вопросам взаимодействия с молодежными и детскими общественными объединениями при Минобразования России (приказ Минобразования России от 08.06.2001 г. № 2334 <http://gov.cap.ru>.)

циально незарегистрированные молодежные группы, выражающие свою волю и интересы различными действиями. Кто же все-таки активнее в своем волеизъявлении сегодня, каковы предпосылки и контекст манифеста волеизъявления?

Возвращаясь к власти молодежных групп как способности проводить свою волю, достигать поставленных целей, обратим внимание на информационное пространство общества. Иметь возможность изъяснять свою волю в современном обществе значит владеть не только информацией, но и создавать информационное коммуникативное пространство вокруг себя. Владение информационным пространством реализуется как субъект – владелец, так и объект – наблюдаемого и освещаемого в данном пространстве СМИ. Первый имеет возможности с помощью СМИ формировать идеологическое пространство, позиционировать имидж, транслировать свою волю. Второй имеет возможность стать актуальным и популярным в фокусе СМИ, что обеспечивается частотой и необходимостью действий в обществе. Первое – импульс, стимуляция аудитории, реакция аудитории. Обратим внимание на вторую способность волеизъявления молодежи: частота упоминания является количественной характеристикой, которую можно измерить в глобальном пространстве Интернет-ресурсов, сочетающем в себе несколько видов источников СМИ. С помощью данного измерения можно рассматривать и первую способность как позиционирование молодежных групп в информационном пространстве в контексте ре-альных событий.

Обратимся к контент-анализу вторичных данных Интернет ресурса – поисковиков Yandex и Rambler, которые предоставляют возможность автоматически и быстро искать заданные категории контент-анализа. Цель контент-анализа – объективно оценить, какие молодежные движения имеют власть волеизъявления, ресурсы, характер, причины по наличию у них власти в информационном коммуникативном пространстве общества как объекта, в первую очередь, и как субъекта, во вторую. Категории анализа: молодежные группы, молодежные движения, власть молодежных групп.

Итак, по частоте упоминаний лидируют молодежные движения как организации, партии как объекты и субъекты информационного пространства – частота освещения в прессе и трансляция идеологии через программы в своих СМИ и массовых. Упомятый контекст: проведение акций, призыв присоединения к проводимой идейной волне, новости и проекты движений, роли лидеров власти

в жизни молодежных движений, создании, позиционировании, реже о субкультурах. Масштаб деятельности – вся страна. Организации имеют четкую структуру, достаточно подготовленные управленческие кадры, стремление к конструктивному взаимодействию, социально значимые программы.

Молодежные группы идут вслед за движениями – экологические группы, группы за толерантность, молодежные группы Красного Креста, неформальные, музыкальные группы, христианские, правозащитные, не имеющие поддержки власти, либо находящиеся на государственном финансировании. Контекст: социально-правовая деятельность, духовно ориентированная, гуманистически направленная деятельность, иногда девиантное поведение. То есть выступающие только как объекты информационного пространства. Масштаб – чаще регионы.

Власть молодежи упоминается в контексте способности извлекать свое мнение, вести диалог с властью, готовности участвовать в формировании власти, готовности государства дать возможность молодежи влиять на решения, принимаемые властью, антипатии и активности в диалоге, чаще будущих перспектив развития диалога и надежд общества на получение властью молодежью. Наблюдается тенденция создания молодежных отделений при партиях – то есть привлечение молодежи во власть властью.

Устойчивые ниши в информационном пространстве. По частоте упоминания лидируют левые движения (РПК, Оборона, РНЕ, Молодежное единство, СКМ, НБП, РКСМ), молодежное крыло Яблока, Наши. Ресурс власти и причины – выборы, политическая дезориентация и социальная пассивность, внешняя политика США, захоронения отходов на территории России, система политической конкуренции. Далее Молодежная правозащитная группа, студенческие профсоюзы – защита гражданских прав. За ними идут молодежные группы Красного Креста и группы с различной направленностью социальной деятельности.

Молодежь активно осваивает власть волеизъявления на информационном пространстве социальных коммуникаций. Сохраняется приоритет за организованными, структурированными движениями, ведущими активный диалог с властью (часто оппозиционный), поддерживаемыми властными структурами, образованными в столице. Выступают как объект и субъект власти информационного пространства и деятельности. Остальные молодежные группы выступают фоном с гуманистически направленной, нефор-

мальной, иногда девиантной деятельностью в регионах, чаще объектом власти волеизъявления на информационном пространстве.

Таблица 1

Фрагменты таблиц контент-анализа

Категория контент-анализа	Количество сообщений и ссылок по заданной категории в поиске
1. Rambler: Молодежные группы	Страниц: 544 621 сайтов: 32 963
Молодежные движения	Страниц: 664 936 сайтов: 24 508
Власть молодежи	Страниц: 475 988 сайтов: 20 269
2. Yandex: Молодежные группы	Страниц: 170 924 сайтов: 2 223
Молодежные движения	Страниц: 365 748 сайтов: 1 727
Власть молодежных групп	Страниц: 125 220 сайтов: 1 825

Производство власти и гендерная асимметрия

Как известно, степень демократичности общества определяется невмешательством власти в частную жизнь граждан. Но что в данном случае подразумевается под властью? Скорее всего, это классическое понимание власти как идеологического, подконтрольного разуму феномена, которым обладает определенный субъект, в данном случае государство. Но не секрет, что уже со времен Ницше власть отстраняется от понятия субъекта и приобретает скорее волевой, иррациональный характер. В ряду теоретиков власти упоминают Фуко с его пониманием власти уже не на макро-, а на микроуровне социальной жизни, а также Р. Барта с его идеей укорененности власти в «самом начале языка»¹. В том же неклассическом ключе продолжает исследование власти и современная гендерная теория.

В данной статье мне хотелось бы затронуть лишь некоторые способы производства власти, ее осуществления на уровне семейных отношений, о которых говорят гендерные теоретики. Американская исследовательница *Джессика Беньямин* в книге «*Узы любви*» связывает психоанализ с социальной критикой доминирования и властной асимметрии, а также с гендерными отношениями. Джессика Беньямин объясняет, почему люди принимают отношения доминирования и подчинения как сами собой разумеющиеся, и обнаруживает, что доминирование – это сложный психологический процесс, который затрагивает обе стороны данного отношения (и субъекта, и объекта).

Беньямин полагает, что власть начинает осуществляться с того момента, когда мы принимаем отношения раба и господина, она показывает, что знаменитая диалектика Гегеля вполне пригодна для объяснения исторически сложившихся отношений между муж-

* *Инна Сергеевна Осипова* – преподаватель философии и культурологии УрГЮА, аспирант кафедры философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Новейший философский словарь. Минск, 2001.

чинами и женщинами. «Гегель анализирует ядро этой проблемы в своем обсуждении борьбы между независимым и зависимым самосознанием и ее кульминацией в отношениях раба и господина. Он показывает, как желание личности абсолютной независимости сталкивается с необходимостью индивида в признании. В дискуссии Гегеля встречаются две гипотетических личности (самосознание и другой, кто тоже является самосознанием). Движение между ними есть движение признания, каждый существует благодаря признанию другого, то есть будучи признанным. Но для Гегеля очевидно, что взаимность в признании друг друга, напряженность между признанием себя и признанием другого должна рухнуть, и она обречена провоцировать неизбежный конфликт. Разрушение этого напряжения ведет к доминированию»². Индивид переживает себя как абсолют, и потому ищет способ утверждения себя через другого. Эта абсолютность Эго служит базисом отношений раба и господина. Исторически сложилось так, что положение раба занимала женщина, а положение господина – мужчина. Следствие этого – ассоциирование женской роли с мазохизмом, а мужской – с садизмом.

Дело в том, что проблема отношений раба и господина накладывает отпечаток на *идентичность женщины*. Беньямин отмечает, что субъектом считается мужчина, а объектом женщина. «Дополнением к отказу мужчины признавать другого является принятие женщиной недостатка собственной субъективности, ее готовность предлагать признание, не получая того же взамен (Классический идеал материнства – это образец самоотречения). Затруднение женщин в дифференциации может быть описано почти как зеркальное отражение мужского: не отрицание Другого, но отрицание себя. Так, факт женского материнства объясняет не только мужской садизм, но также обнаруживает «ложную линию» в женском развитии, которая ведет женщину к мазохизму»³. Независимость женщины становится, таким образом, весьма проблематичной. Справедливо будет отметить, что и в процессе формирования идентичности мужчины производится власть. Об этом пишет *Нэнси Чодороу* в своей книге «*Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола*».

² *Jessica Benjamin*. The Bonds of Love, Psychoanalysis Feminism and the Problem of Domination. Pantheon books New-York, 1999. P. 110.

³ Там же. С. 80.

Чодороу утверждает, что «уже тот факт, что мужчину воспитывает женщина, становится причиной конфликта с маскулинностью, причиной психологии мужского доминирования и причиной необходимости быть в *превосходном* положении по отношению к женщине»⁴. В результате, мужчине, чтобы стать мужчиной, необходимо отринуть женственность, т.е. сформировать ее негативный образ, и усвоить роль отца. Чодороу считает, что первичная социализация ребенка *любого пола* связана с идентификацией с матерью и усвоением женских семейных ролей: «Поэтому становление мужчины сложнее, чем женщины, из-за тех сдвигов в идентификации, которые должен пройти мальчик для достижения ожидаемой половой идентификации и осуществления соответствующей полу роли»⁵.

Чодороу критикует неравное участие мужчин и женщин в воспитании детей и приходит к выводу, что исключительно женское материнство имеет своими последствиями как различие психики мужчин и женщин, так и воспроизводство структуры общества, в котором они обладают неравными статусами. Кроме воспроизводства материнства, большую роль в формировании гендерной асимметрии играет и сама культура, «власть знания», если сослаться на Фуко. Джейн Гэллоп в своей книге «*Думая телом*» («*Thinking through the body*»)»⁶ говорит о том, что для европейской мысли стала классической дихотомия разум-тело, где тело носит явно вторичный характер, что приводит к невротическому разрыву между миром науки, философии, активной политической деятельности и миром домашнего хозяйства, воспитания детей. В качестве подтверждения своей мысли Гэллоп приводит идеи маркиза Де Сада, которые он высказывает в своей «Философии в будуаре»: «Де Сад называет своих монстров (героев) философами. Его философы ненавидят матерей. По Де Саду, женщины могут быть философами. Женщины-«философы» предпочитают анальный секс, они являются экспертами по контрацепции и абортам, практикуют детоубийство, в книгах Де Сада *философ никогда не становится матерью*. «Философия в Будуаре» достигает апогея в сцене казни матери.

⁴ Чодороу Ненси. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 31.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Jane Gallop. Thinking Through The Body. Columbia University Press, 1988.

Прочитав «Философию в будуаре», Люси Иригарей предположила, что книга «разоблачает сексуальность, которая лежит в основе всего нашего социального порядка»⁷.

Вообще, расщепление на сознание и тело восходит к классическим европейским дихотомиям: разум-чувство, рациональное-иррациональное, мужское-женское, и является, как полагает Дж. Беньямин, продуктом мужской рациональности. Последствием мужской рациональности является исчезновение взаимопонимания в обществе, а это уничтожает «материнские» аспекты нашего социального существования, а именно заботу и сочувствие в наших коллективных ценностях, действиях и институтах. «Мы должны обнаружить чудовищность этой потери, если мы хотим когда-нибудь снова вернуться из лабиринта доминирования к *взаимному признанию* между людьми»⁸.

Таким образом, можно наблюдать явный переход власти из «семейных уз» в более широкий политический и социальный контекст. Читая гендерных теоретиков, ощущаешь убедительность аргументов в пользу того, что власть укоренена в самом сердце семейных отношений и осуществляется через самые «человечные», интимные связи: мужчина-женщина, мать-ребенок. Несмотря на «формальное» равенство мужчин и женщин, вопрос о том, будет ли трансформироваться гендерная асимметрия, остается открытым и требует значительных изменений в обществе.

⁷ Jane Gallop. Op. cit. P. 3.

⁸ Jessica Benjamin. Op. cit. P. 218.

Институциональный кризис и сексуальная микрополитика

Важнейший фактор, требующий концептуализации в терминах неклассической социальной теории для понимания происходящих изменений в способах протекания политических процессов обществ позднего капитализма, – фактор повсеместного разрушения дисциплинарных институтов. Институциональный ландшафт, сформированный эпохой индустриального развития и ориентированный на линейные схемы социальной адаптации, исчерпал конструирующий потенциал и в новом производительном контексте обнаружил свою несостоятельность. Ретерриториализирующие административно-бюрократические машины, построенные по вертикальному принципу, все более замыкаются в бессмысленном холостом функционировании паразитарного типа, теряя способность устанавливать связь с гетеротопической онтологией многомерного общественного творчества. Хронотопные и коммуникативные репертуары деятельности индивидов становятся настолько многомерными, что гегемонистские притязания со стороны каких бы то ни было структур, стремящихся опосредовать отношения между субъективностью и политическими эффектами ее работы, теряют всякий смысл. Поскольку сопротивление конститутивно и предшествует организованному господству реактивных институтов, мы могли бы сказать, что определение качественных характеристик социального бытия раскрывается сегодня, прежде всего, через такие движения кооперации, которые выражают новое измерение биополитики, избыточной по отношению к локалистским и сегментированным диспозитивам трансцендентной власти.

Описание особенностей институционального кризиса позволяет конкретизировать многие положения постструктуралистской теории общества, исходящие из анализа его диффузных, бесструктурных и децентрализованных силовых полей, важнейшие линии которых про-

* *Георгий Андреевич Шеметов* – студент 1-го курса магистратуры философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Полевской).

ходят по нашим телам и желаниям, реинтерпретированным в различных сексуальных дискурсах, антропологических и гендерных метаморфозах. Когда речь идет о порождении субъективности, неподвластной казарменной, фабричной или семейной нормализации, о постчеловеческих мутациях и переменах в практиках самосозидания жизненных энергий, можно утверждать, что последствия этих тенденций окажутся революционными для будущего культуры. Мы сталкиваемся со становлением альтернативной этико-онтологической матрицы, открывающей новые измерения для развертывания проектов открытой интимности и радикальной демократии в межличностных отношениях. Методологический каркас для обоснования этого утверждения возникает из исследования ментального и психофизического опыта постиндустриальной эпохи, которая снимает оппозицию между индивидуальными (подчиненными) и социальной (доминантной) историями в контексте того, что Э. Гидденс назвал динамичной «институциональной рефлексивностью». Институциональная рефлексивность означает отказ от субъектно-объектной познавательной доктрины и закат репрезентативной модели познания, поскольку понятия, вводимые для описания сложных социальных систем, мгновенно внедряются и трансформируют их параметры: «Непрерывное инкорпорирование знания... дает базовое побуждение для тех изменений, которые охватывают личные, равно как и глобальные контексты действий»¹. Иными словами, непосредственное взаимопроникновение власти и субъективности демонстрирует неограниченную во времени изменчивость события, а характер диалектического напряжения между «реализмом структуры» и «субъективизмом» дает возможность понять характер биополитического производства на том или ином отрезке общественного развития.

Классическая либеральная и марксистская феминистская теория на протяжении длительного периода европейской истории осуществляла критику правовых моделей, санкционирующих консервативный брачно-семейный институт, а также причины материальной эксплуатации, поддерживающие его существование. Однако когда женщины приобрели политические права и экономическую автономию, на руинах замкнутой патриархатной семьи получил актуальность вопрос о символической деконструкции культуры и

¹ *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. С. 56.

трансформации повседневности, где коды фаллократического контроля и механизмы принуждения оказались имманентными социальному полю, становясь внутренней сущностью самих субъектов. Как показал М. Фуко, общество контроля характеризуется интенсификацией и генерализацией аппаратов дисциплинарного управления, которые служат внутренней движущей силой повседневных практик, действуя посредством гибких и подвижных сетей и регулируя общественную жизнь изнутри, поглощая и заново артикулируя ее. Логика, когда-то действовавшая в основном в институциональных стенах, сейчас распространяется по всей социальной территории, а внутреннее и внешнее, публичное и приватное становятся неразличимы: по словам неомарксистов М. Хардта и А. Негри, в постсовременном обществе «производство субъективности стремится избежать привязки к какой-либо локальности и сопряженных с этим ограничений. Человек всегда все еще находится в семье, всегда все еще в школе, всегда все еще в тюрьме и так далее»². В этих условиях, когда микрополитические ставки делаются на производство и воспроизводство самой жизни, сфера сексуальных практик выступила в качестве первичного очага «воли к власти» и онтологического напряжения.

Сексуальная революция, проводниками которой во второй половине XX столетия оказались многообразные «новые левые», неформинистские и студенческие движения, была призвана, используя терминологию В. Райха, покончить с фашистскими инвестициями на уровне желания и деформированного, невротического характера. Она явилась эксплицитным выражением молекулярной трансгрессии, деиерархизирующей политику и ускользающей от оккупации со стороны метанарративных идеологий. Среди ее главных последствий мы должны отметить дифференциацию сексуальности от функции воспроизводства, усиление открытости сексуальной сферы, возрастание толерантности к детской сексуальности, queer-идентичности, гей- и лесбийским отношениям, а также плюрализацию сексуальных практик под воздействием биотехнологий, протезов и гибридизаций человеческой телесности с другими элементами природного универсума. Очевидно, что перечисленные феномены на новых основаниях включаются в микрополитическую экономию, способную стать эффективным инструментом эманси-

пации в той мере, в которой она поддерживает этику любви, солидарности и понимания.

Ключевая процедурная компонента для воплощения проекта демократической интимности в перспективе институциональной рефлексивности – расширенные габитусы, то есть психоэмоциональные и интеллектуальные горизонты, перманентно переопределяющие паттерны и аттитюды участников относительно биополитического контекста, то есть социальной жизни, подвергающейся эмоциональной реорганизации. Под демократией мы в данном случае понимаем принцип и инфраструктуру включения любых миноритарных идентичностей и языков в перформативный процесс коммуникации, блокирующий возможность использования политического авторитета и подавляющей власти, а также установления априорных и константных определений статусов партнеров ассоциации в пространстве и времени. Речь идет о стремлении к бесконечному преломлению желаний и переживаний, а также расщеплению всех метафизически-бинарных матриц символических представлений и их обоснований. Автономия индивидов подразумевает отказ от регрессивных психологических диспозиций, выстраивающих прямые и косвенные стратегии принуждения и овладения. Напротив, идеал чистых отношений – это участие каждого в определении и пересмотре условий своей кооперации, которые немыслимы без уважения, искренности, открытости и доверия. В данном случае предельным вариантом альтернативного способа организации интерсубъективного пространства социального структурирования является любовь как трансферная ризоматика и событие бескорыстного дара.

² Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 187.

Е. А. Рузанкина*

Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко как инструмент анализа гендерных отношений

Задачи современных гендерных исследований в отношении анализа социальных феноменов формулируются следующим образом: проанализировать «формирование и функционирование гендерных символов на уровне социальных структур, на индивидуальном уровне и в межличностных отношениях»¹. Исследователи гендера демонстрируют интерес к процедуре возникновения в обществе различных «категорий» социальных структур, а также стремятся объяснить причины их появления и воспроизводства.

Выполнение и даже постановка данных задач не были бы успешно осуществлены без усвоения гендерными исследованиями философских идей М. Фуко, давших гендерному анализу основное аналитическое орудие: «пол перешел из разряда категории, имеющей некий биологический референт – означаемое, в разряд категории дискурсивной, т.е. приобретающей свое значение в процессе коммуникативного, диалогического производства смыслов, или, говоря иначе, категории, собственного, изначального, внеконтекстуального смысла не имеющей; диалог же, в свою очередь, стал трактоваться в терминах воспроизводимой им системы ценностных и гносеологических иерархий»². В итоге, заключает С.А. Ушакин, сформировался замкнутый круг понятий «пол-дискурс-власть», а любые попытки говорить об отношениях между полами вне связи с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства отныне стали невозможны.

* *Елизавета Александровна Рузанкина* – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии и права Новосибирской государственной академии водного транспорта (г. Новосибирск)

¹ Введение в гендерные исследования. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 13.

² *Ушакин С. А.* Пол как идеологический продукт // Человек. 1997. № 2.

Механизм властных отношений вскрывается Фуко в концепции «дисциплинарной власти». В этой концепции формулируется новое понимание власти и властных отношений, которые не сводятся к государству и его функционированию. «Под властью, – пишет Фуко, – следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, имманентных области, где они осуществляются, образуя составную часть ее устройства; игру, которая путем непрестанной борьбы и стычек эти силы трансформирует, усиливает, пересекает, образуя цепи, системы – или же, напротив, разрывы, противоречия, которые их разъединяют... Власть – не в наличии некоей центральной точки, не в единственном очаге суверенности, из которого по нисходящей лучами расходятся производные формы. Власть – это подвижный цоколь силовых отношений, которые в силу своего неравенства постоянно индуцируют состояния власти, состояния всегда локальные и нестабильные. Вездесущность власти не в том, что у кого-то есть привилегия перегруппировать все в зависимости от ее неборимого единства, а в том, что она производится каждое мгновение, во всякой точке, точнее, в произвольном отношении одной точки к другой. Власть есть везде – не в том смысле, что она охватывает все, но в том, что она исходит отовсюду»³.

Таким образом, концепция «дисциплинарной власти» Фуко трактует власть как такой тип отношений, который пронизывает все другие типы отношений, играя продуктивную роль: «Власть продуктивна в той мере, в какой она не сводима к одной определенной властной инстанции, но пронизывает все дискурсы и виды деятельности в обществе, накладывая на них свою неизгладимую печать, развивая под определенным углом и тем самым обуславливая производимые ими продукты»⁴. Исследователи гендера восприняли и развили концепцию Фуко, определяя главной тенденцией анализа «саму технологию власти, производящую гендерное неравенство в обществе. Вслед за Фуко они предлагают анализировать и вскрывать новые властные стратегии манипуляции гендерным субъектом в современную эпоху, в том числе – различные механизмы нового гендерного производства субъективности как коллективной»⁵.

³ *Фуко М.* Говорящий пол (Сексуальность в системе микрофизики власти) // Современная философия. Харьков, 1995. № 1. С. 157

⁴ *Сокулер З. А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. С. 61.

⁵ *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 37.

Характеристики дисциплинарной власти, выявленные М. Фуко, неразрывно связывают данный тип власти со знанием. Такая «власть-знание» утверждает общеобязательность нормы, знание о которой и функционирует как власть в микросоциальных взаимодействиях.

Перспективы концепции «власть-знание» для анализа гендерных отношений открывает точка зрения на возможности развития гендерных исследований под влиянием идей постмодернизма, выраженная Джейн Флекс в работе «Конец невинности»⁶. Название фиксирует факт развенчания постмодернизмом одной из фундаментальных модернистских идей – веру в то, что существует и является достижимой некоторая форма *невинного знания*. Невинное знание, указывает Д. Флекс, есть «открытие такого сорта истины, что может сказать нам, как действовать в мире на пользу или во благо (хотя бы в итоге) всем. Тем, чьи действия базируются на такой истине или пронизаны ею, также гарантируется *их* невинность»⁷. Обладающие такой истиной могут действовать только во благо всем остальным, именно в силу того, что служат этой истине, т.е. чему-то высшему и большему, чем они сами.

Модернистская трактовка знания, отмечает Д. Флекс, придает ему двойственный характер – знание понимается одновременно и как нейтральное, и как социально полезное (действенное). Отсюда порождается главная надежда Просвещения, основанная на безусловной вере в авторитет Разума, воплощающего в себе Истину: «Надежда Просвещения состоит в том, что использование истинного знания на службе у законной власти гарантирует как свободу, так и прогресс»⁸.

Данные мировоззренческие установки разрушаются в XX веке. «Кризис невинности», порожденный постмодернистской критикой метанарративов эпохи Просвещения, приводит к отрицанию возможности существования трансцендентального Разума, обладающего Истиной. Разум, как и истина, для постмодернистов – лишь эффект дискурса. Такой взгляд на сущность истины позволяет рассматривать знание как тесно связанное с властными отношениями,

⁶ Флекс Д. Конец невинности // Гендерные исследования. № 2 (1/999): Харьковский центр гендерных исследований. М.: Человек&Карьера, 1999. С. 88–107.

⁷ Там же. С. 90.

⁸ Там же. С. 91.

которые одновременно предоставляют дискурсивные возможности и ограничивают их. Знание, вырабатываемое человеком, не должно обязательно соотноситься с Истиной как трансцендентальной реальностью, способной обеспечить познающему субъекту привилегированную позицию в мире. Истинное знание, в свою очередь, не должно больше отождествляться с универсальным и нейтральным благом для всех, служащим основой для «невинной» власти.

Вера в связь между истиной и знанием представляется Д. Флекс не только ошибочной, но и опасной: «Только лишь из того, что ложное знание может использоваться для оправдания или поддержки доминации, не следует, что истинное знание поможет избежать этого или что обладающий «менее ложным» знанием будет свободен от соучастия в доминировании над другими»⁹. Опасность подобных иллюзий в том, что их принятие может приводить к уклонению от ответственности за то знание, которое производит человек, и за те властные отношения, которые им воспроизводятся. Истина здесь не может служить оправданием конкретной позиции, в рамках которой производятся суждения о несправедливости гендерного порядка, потому что сама истина, как отмечалось выше, дискурсивно обусловлена, а значит, попытка подтвердить свою точку зрения ссылкой на истину будет всего лишь маскировкой желания утвердиться в позиции невинности.

Установление справедливого общественного порядка – это область политического, в котором невозможно уклониться от утверждения собственной позиции и отстаивания собственных интересов, что всегда означает борьбу за реальную власть, а не невинную истину. А для этого как раз и нужно перейти от обсуждения отношений между знанием и истиной к изучению отношений между знанием, желанием и властью. Осознание собственной ответственности, считает Д. Флекс, будет означать отказ от поисков невинного знания и признание различных позиций людей, стремящихся утвердить свою истину.

⁹ Флекс Д. Указ. соч. С. 102.

*Н. В. Турыгина**

Анализируя власть: гендерные и культурные исследования vs культурология

Гендерные исследования являются относительно новой на постсоветском пространстве междисциплинарной областью исследований, ориентированных на осмысление половых различий в контексте разнообразных культурных форм и практик. Невозможно охватить все теоретико-методологические подходы к изучению гендерных отношений в обществе. Тем не менее, можно выделить то общее, что характерно для исследователей, работающих в этой парадигме, а именно: гендерные исследования, в целом, сосредоточены на анализе многообразных властных отношений, реализующихся как на микросоциальном уровне (речь и язык), так и на макросоциальном (политические и общественные институты). В поле зрения исследователей, занимающихся гендерной проблематикой, попадают такие властные практики, как: производство знания о мужских и женских способностях и его общественные импликации; контроль над сексуальностью и социальное конструирование родительских отношений; формирование медицинского и этического дискурсов тела; технологии визуальной репрезентации в искусстве и масс-медиа и их роль в воспроизводстве социального неравенства; гендерные, расовые, национальные и иные аспекты формирования индивидуальной и коллективной идентичности и др.

Следует отметить, что гендерные исследования на протяжении последних десятилетий развивались в рамках общего кризиса классической рациональности в социальном познании. Идеалы позитивизма, ориентированные на объективную, не зависящую от ее осмысления реальность, с одной стороны, и правила объективности

* *Наталья Владиленовна Турыгина* – бакалавр философии, менеджер информационно-методических проектов Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

и нейтральности исследователя, с другой, постепенно уступали место парадигмам, ориентированным на конструктивистскую методологию. Существенной их стороной стало объяснение «местоположенности» исследователя и сконструированности любого знания – его опосредованности теми гендерными, культурными, классовыми, национальными и другими контекстами, в которых оно формируется.

Постсоветская культурология в целом оказалась невосприимчива к разработкам феминистских/гендерных теоретиков в области истории, философии, политики, истории искусств, литературной критики и психоанализа. Гендерная проблематика (насколько можно об этом судить по содержанию некоторых учебных пособий и аудиторных занятий в рамках курсов по культурологии) зачастую отсутствует по причине гендерной «нечувствительности» самого автора/преподавателя или, что не менее распространено, нежелания поднимать темы, которые могут вызвать непредсказуемую реакцию студентов (например, такие, как анализ канонов репрезентации женского обнаженного тела в истории искусств¹).

Кроме того, в рамках большинства отечественных курсов культурологии (и философии) крайне мало уделяется внимания современной культуре и актуальным культурным/общественным проблемам, которые предстоит решать именно молодому поколению. Невнимание авторов некоторых учебных пособий и курсов к феноменам современной культуры приводит к общеизвестному равнодушию со стороны студентов. А представление о культурологии как «строгой науке»², отвечающей требованиям объективнос-

¹ Образ обнаженной женщины фигурирует в истории искусства в качестве абстрактного «культы красоты человеческого тела», или – как вариант – «музы», «вдохновения», «символа Природы», или «неприкрытой Правды». См., например, интерпретацию известной картины Г. Курбе «Мастерская художника»: *Янсон Х. В., Янсон Э. Ф.* Основы истории искусств. СПб., 1996. С. 379.

² См., например, учебное пособие Б.С. Ерасова. Автор пишет: «Наука – требовательный культурный инструмент познания и изымает из своего обращения субъективные и эмоциональные допущения». Кроме того, он настаивает на неуместности «случайных, произвольных, метафорических или чужеродных терминов, которые ... несут информацию скорее о субъективных склонностях автора, чем о самом предмете. Такой характер, например, имеют термины, заимствованные из других наук: «мутация», «генотип», «иммунитет», «код», «алгоритм» и т.д. «Вполне допустимы и

ти и нейтральности исследования, вполне согласуется с традиционным представлением об образовании как *научении* студентов точно воспроизводить полученные знания (представленным в лекции или рекомендованном учебном пособии), но не в формировании навыков компаративного/критического анализа.

Понятие «культура», без сомнения, трудно поддается определению. Особенно тогда, когда пытаются охватить им то общее, что, как может показаться, является основой множества неповторимых форм и практик. КУЛЬТУРА, преподносимая как некоторая системная целостность (со своей структурой, видами, функциями и т.д.), представляет собой не более чем единство, *сконструированное* на основе определенных познавательных-ценностных приоритетов. В этом отношении наиболее эвристической кажется позиция социального конструктивизма, в рамках которого речь идет скорее о культурных нарративах, благодаря которым мир обретает свою структуру, а определенные события – культурную ценность. Иными словами, человек познает себя и окружающий мир, будучи «заброшенным» в сети разнообразных культурно-исторических нарративов – лингвистических, гендерных, национальных, научно-познавательных и т.д. Отсюда – его способность, как агента культуры, «ткать» историю, наделяя смыслом события и человеческие взаимоотношения. Делая вывод, можно сказать, что «культуры представляют собой совокупность элементов человеческой деятельности по осмыслению и репрезентации, организации и интерпретации {действительности}, которая раскалывается на части конфликтующими между собой нарративами». [1]

Не о КУЛЬТУРЕ, а о культурах во множественном числе идет речь и в рамках парадигмы культурных исследований (cultural studies). Инициировав изучение культуры рабочего класса, массовой культуры, культурные исследования стали той областью, где культуры стали пониматься как многообразные повседневные практики, реализующиеся в определенных социально-политических, экономических, идеологических контекстах. Беря за основу категорию

эффективны, – продолжает автор, – могут быть экспрессивные духовные термины при описании культурных явлений: «душа», «драма», «трагедия», «загадка», «ирония» и т.д. Однако строгость научного мышления требует преодоления этих экспрессивных соблазнов». См.: *Ерасов Б. С.* Социальная культурология: пос. для студентов высших учебных заведений: в 2 ч. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. Ч. I. С. 11.

опыта, культурные исследования стали политической трибуной для множества ранее маргинальных оппозиционных групп, ценности и практики которых считались если и «не культурой вовсе», то, по крайней мере, «не вполне культурой». Заслуги британских теоретиков и их последователей трудно переоценить. Проблематика власти и идеологии, репрезентации, идентичности стала главным вектором в исследовании множества культурных феноменов современного общества, которые, к сожалению, в отечественной культурологии не рассматриваются как заслуживающие исследовательского внимания и вытесняются на периферию КУЛЬТУРЫ (образы жизни маргинальных групп, реклама, «мыльные» сериалы, индустрия красоты и индустрия детских развлечений, торговля и практики потребления и многие другие)³.

Как отмечает А.Р. Усманова, оценивая возможности отечественной культурологии и культурных исследований, «за термином «культурология» скрывается совершенно определенная академическая традиция, социокультурная ситуация, идеология и даже политический фон. Деполитизированная, идеологически безопасная версия отечественной культурологии не готова предложить свою модель интерпретации наличного состояния культуры, поскольку в теоретическом плане она базируется на принципах единства, линейного характера и интеллигентности форм культуры прошлого, а в социальном – на академической замкнутости». [2]

Становление неклассической парадигмы мышления в XX в. связано с возникновением не только проблематики власти и пола в теории, но и трансформации самого учебного процесса обучения и преподавания. К числу наиболее широкомасштабных проектов по внедрению новых подходов в обучении можно отнести и гендерную педагогику, соединяющую воедино проблему *чему* учить и *как* учить. Среди ее приоритетов – формирование толерантности;

³ Примером крайне негативного отношения к массовой культуре могут быть рассуждения автора одного учебного пособия, которое рекомендовано не только студентам, но и преподавателям вузов. Автор характеризует массовую культуру, как «устремление к пошлости», «иллюзию, обманывающую не только потребителей, но и ее создателей», которую «недаром на родине называют псевдокультурой или контркультурой». (См.: *Быстрова А. Н.* Мир культуры. (Основы культурологии): учеб. пос. М.: ИВЦ «Маркетинг»; Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2000. С. 472.

подчеркивание важности собственного жизненного опыта; раскрытие личностной проблематики как преподавателя, так и студентов; интеграция теории и практики; акцент на сотрудничестве и взаимодействии всех участников учебного процесса и др. [3]

В этом отношении в рамках курса «Культурология» представляется наиболее эффективным и целесообразным перестановка акцентов:

- с изучения «сущности» КУЛЬТУРЫ на аналитику и углубленное понимание разнообразных культурных практик через призму власти, пола, языка, расы, класса, нации и др.;
- обращение к рассмотрению тех культурных феноменов и ситуаций, которые в большей степени переживаются студентами в повседневном опыте;
- развитие аналитического мышления достигается благодаря *полилогическому* характеру учебного процесса. Наиболее эффективным будет столкновение различных точек зрения на изучаемую проблему. Это имеет смысл как при фасилитировании (от англ. *facilitate* – содействовать, способствовать, помогать) дискуссии в аудитории, так и при составлении списка литературы для подготовки к семинару/зачету/экзамену.

Литература:

1. **Бенхабиб С.** Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.
2. **Усманова А. Р.** Гендерная проблематика в теории культуры // Введение в гендерные исследования. Часть I: учеб. пос. / Под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 433.
3. **Ярская-Смирнова Е.** Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Часть I: Хрестоматия / Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 36.

Г. А. Брандт*

Материнство как культурное предписание в русской классической литературе XIX века

Феномен материнства впервые был проблематизирован в феминистском дискурсе. Именно здесь материнство стало пониматься не только в режиме привычных отсылок к «святому предназначению» или/и «единственному оправданию», а как сложный, неизученный, по сути, феномен, где как минимум необходимо отрефлексировать, осмыслить и развести природное и социокультурное: *естественное* желание и *властное* предписание. Феноменология становится одним из ведущих методов феминистской мысли конца 70-х и 80-х годов, но затем все больше исследователей начинает опираться на иные методологические основания. Если пафос *феноменологии* состоял в разведении социокультурных представлений как вторичных и конкретно-чувственных переживаний как первичных, вторичные надо было «соскоблить», обнажив реальное переживание, в *постструктурализме* «первичное» и «вторичное» поменялись местами. Здесь речь идет не о разведении реального и символического, а о том, что, в действительности, «символическое» предшествует «реальному», что все человеческие переживания оказываются «сделанными»: «символическое» через «воображаемое» конструирует «реальное», а не наоборот, как это мыслилось традиционно. Иными словами, акцент исследования оказывался смещенным, не «раскапывание» подлинных ощущений, зарытых в теле, оказывалось в фокусе, а сам процесс институализации тела, тех стратегических технологий власти, тех сценарных разработок, которые и конструируют в конечном счете женские тела. В этом смысле несомненный интерес представляет рассмотрение материнства как продукта властных стратегий, как

* **Галина Андреевна Брандт** – канд. филос. наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

социокультурного предписания в российской культуре, поскольку очевидно, что дискурс материнства оказывается одной из ведущих технологий конструирования здесь природы женщины.

Можно сказать, что общим местом является мысль о том, что материнство в ценностной символике России играет особую роль. О том, что явление это не общеевропейского порядка, исследователи высказывались не раз¹. Зададимся же вопросом: *где* и *когда* выстраивается нарратив материнства, как один из базовых символических структур национального сознания? Логично предположить, что таким «местом» должна стать русская классическая литература XIX века. То, что именно литература представляет собой матрицу всех символических стратегий российской культуры, – также расхожая мысль в культурологическом знании². Здесь и следует прежде всего заняться поиском социокультурного сценария материнства, а точнее образов, конструирующих в российском сознании этот базовый женский нарратив.

Однако первый же пристрастный взгляд на идентифицирующие стратегии образа женщины в русской литературе заставляет «вспомнить» о природе непрямого, прихотливого функционирования властных стратегий в обществе, открытой еще М. Фуко. Поскольку выясняется, что образ этот выстраивается здесь, как это ни парадоксально, *вне* материнской парадигмы, точнее – вне открытого говорения о материнстве как конституирующем элементе женской природы. Блестящая вереница женских образов от Татьяны Лариной до трех сестер представляет собой один из самых мощных нарративов всей русской культуры. Жертвенность, готовность к духовному подвигу, глубина чувств, простота и ясность мысли, наконец, красота душевная, духовная, физическая – все это «русская женщина», но все эти замечательные качества проявляются в ней на литературном пространстве не как в матери, а как в любящей и/или страдающей в «отсутствие любви и смерти» женщине. Матери, конечно, в русском романе присутствуют, и в немалом количестве, но не этими образами фундирована символика «русской

¹ См., напр.: *Гачев Г.* Национальные образы мира // Национальные образы мира. М., 1995.

Древнеславянская мифология с ее «Матерью-сырой землей» и другими женскими cultами была скорее связана с культом рождением, плодородием, чем собственно с материнством.

² См., напр.: *Гачев Г.* Национальный Эрос в культуре. М., 1995. С. 12.

женщины». Вообще, грубо говоря, русских писателей относительно этой темы можно условно разделить на два лагеря: Л.Н.Толстой и все остальные.

В публицистике Лев Николаевич к материнству, как основному назначению женщины, апеллировал неоднократно. Но в самих романах Толстого это главное призвание женщины оказывается вытесненным на обочину авторского внимания. Из центральных образов матерей, может быть, самый «прописанный» – Долли, но он очевидно не стратегический, не обладает должной энергетикой. В трагической истории Анны Карениной материнство присутствует скорее как императив, в фокусе внимания отношения с двумя мужчинами. И вся прелесть Анны – автор буквально заражает читателя своим откровенным любованием ее блестящих глаз, черных завивающихся волос, полных рук – прелесть совсем не материнская. Про Наташу вряд ли стоит и говорить, очевидна стратегическая несоразмерность многочисленных, подробных описаний «тонкой, подвижной, ...непрестанно горевшей огнем оживления» девушки и той завершающей роман скороговорки (всего 4 страницы на всю «новую» Наташу) про «самку», у которой осталось «одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно». Причем интересно, что вся эта декларативно принимаемая Толстым перемена в Наташе также объясняется им не столько потребностью в материнстве – сколько потребностью в муже. Наташа «опустилась», убеждает автор, потому что «чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми поэтическими чувствами, которые привлекли его к ней, а держалась чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с телом».

Очевидно, что Горького его «мать» интересует по совсем другим – не материнским – причинам. У Островского «программные» мамочки – Кабаниха, Огудалова – тоже не повод для символизации. И даже героиня «Без вины виноватых» своим страданием по поводу потерянного сына не меняет общей картины. Катерина Ивановна – самый яркий материнский образ Достоевского – провоцирует читателя на очень сильные чувства, но, в контексте стратегических задач, «материнство» здесь считается прежде всего как страданье, как едва ли не кошмар, на который обречена женщина самой природой.

Наша гипотеза состоит в том, что материнский сценарий в русской литературе работает в режиме «по умолчанию». Данное событие жизни женщины почти не представлено в открытом «го-

ворении» классиков о женщине, оно – не *событие* для них, но оно проступает как архетипическая структура, проступает в отдельных замечаниях, сравнениях, метафорах, проступает в ситуациях ощущения героями сиротства, одиночества, бездомности (образ матери в сознании Паприщева, Чичикова, Обломова и др.). Материнство оказывается означающим тепло, дом, крышу, потребность в лоне, в защите героя и/или автора. Болезненно-обостренная потребность в этих экзистенциалах для русского человека может быть объяснена тем, что Н. Бердяев назвал болезнью нравственного сознания, нехваткой личностного начала в сознании русского человека (читай – мужчины). Нехватка этого начала, которая, начиная с психоанализа, традиционно связывается с «отцовским» вызовом, оборачивается обостренной потребностью в «материнской» защите и всепрощении.

При таком положении дел становится понятной природа патриархата в России. Она действительно причудлива здесь, поскольку, с одной стороны, очевидно, преобладает дискурс о силе, душевном, а часто и духовном превосходстве русской женщины, но с другой – сами социокультурные сценарии *предписывают* ей это превосходство, предписывают по сути *материнское* отношение к мужчине. Так властный императив материнства впечатывает в женские тела непреложность бесконечного терпения, прощенья, страдания, жертвенности не только по отношению к сыну, но и к сыну-мужу, и к сыну-любимому.

Н. М. Ершова*

Власть гендера и власть пола: организация процесса потребления современной женщины

Характеристика современного общества как общества потребляющей в превышении потребительской способности населения, когда для удовлетворения какой-либо насущной потребности индивиду предлагается товаров (услуг) в несколько раз больше, чем он может потребить. Поэтому производители и продавцы товаров (услуг) стремятся не только воздействовать на потенциальных покупателей с целью убедить приобрести именно «их» товар (услугу), но также сформировать у индивидов «завышенные» потребности, т.е. таким образом организовать потребительский интерес, чтобы товаров (услуг) приобреталось больше, чем это жизненно необходимо.

Среди различных способов организации процесса потребления (уровня доходов, развитости эстетического вкуса, ориентированности на моду и др.) гендерная дифференциация занимает одно из ведущих мест. Потребительский рынок, так же как общество в целом, находится во власти гендера, который и определяет, какие товары (услуги) и в каком количестве может потреблять каждый индивид. Гендерно детерминированный выбор товаров (услуг) осуществляется индивидом неосознанно, как следствие успешной социализации: «У папы *своя* «Пежо», а у мамы – *свои* «Пежо», – говорится в одной рекламе; то есть у мужчины – автомобиль, а у женщины – миксер, кофемолка, кухонный комбайн и т.д.»¹. Принцип гендерного различия выступает отправной и конечной точками процесса потребления.

Современная женщина-потребитель представляет собой сложное сочетание традиционных стереотипов женственности (мать, жена, хранительница домашнего очага) с образом независимого и

* *Надежда Михайловна Ершова* – канд. филос. наук (г. Москва).

¹ *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. С. 59.

самостоятельного субъекта. Именно значительное изменение гендерной нормы женственности делает женщин главной целевой аудиторией в расширении потребительского рынка. В этом случае процесс потребления женщиной типично «женских» товаров (моющие средства, малая бытовая техника, предметы быта, продукты, детские товары и медикаменты) дополняется ее экспансией в устоявшиеся «мужские» сферы – автомобили, компьютеры, сигареты, крепкие спиртные напитки и т.д. Женщина стремится не просто *водить* автомобиль, но и *владеть* им, т.е. происходит ее переход с пассивной, часто опосредованной мужчиной, потребительской позиции на активную.

Помимо гендера в организации процесса потребления активную роль играет пол. Пол, рассматриваясь неоднозначно как *пол-функция* и *пол-сущность*, формирует особые сферы и принципы потребительского интереса женщины. Пол-функция женщины выступает в качестве ее телесно-эмоционального бытия, что приводит к организации потребления через функционирование тела женщины именно как *женского*. Потребление, связанное с полом-функцией женщины, условно можно разделить на два направления: 1) потребление материальных товаров (услуг), удовлетворяющих специфически женские *телесные* потребности; 2) потребление как материальных, так и «идеальных», «душевных» товаров (услуг), служащих для удовлетворения ее телесно-эмоциональных потребностей.

В первом случае речь идет о потреблении, опирающемся на такие специфически женские явления тела, как менструация, беременность, роды, лактация, климакс. Для каждого проявления женского тела существует собственная потребительская сфера. Объединение этих сфер осуществляется через организацию потребления под знаком фармакологических товаров и медицинских услуг, так как в современном обществе все специфические женские проявления тела поставлены под строгий контроль медицины и фармакологии. Апеллирование к естественным потребностям женского тела создает огромный потребительский рынок «необходимых» для современной женщины товаров (услуг). Одновременно с продвижением этих товаров (услуг) происходит просвещение женщины об особенностях ее пола-функции и отношения к ним. Однако просвещение, инициированное необходимостью расширения рынка потребляемых женщиной товаров, является ограниченным, так как говорится об удобстве товара для телесной специфики жен-

щины в момент его потребления, но ничего не говорится о последствиях этого потребления.

Во втором случае процесс потребления формируется через потребность женщины адаптироваться к происходящим в(с) ее теле(ом) изменениям. Специфически телесные проявления женщины обладают временной последовательностью циклов и их изменчивостью. Появление очередного цикла телесного функционирования сопровождается трансформациями не только в физическом облике, но и эмоциональном самочувствии женщины. Многие женщины стремятся минимализировать свои негативные периодические реакции, и им на помощь приходит обширный список предложений, начиная от медикаментозных средств и заканчивая психотерапией и психотренингами по эмоциональному регулированию. Поэтому эмоциональное сопровождение специфически женских проявлений тела может напрямую зависеть от потребительской активности женщины.

Пол-сущность женщины есть архетип, исторически возникающий через взаимодействие ее телесного бытия (пола-функции) и социокультурных условий (гендера). Раскрываясь через гармоничное взаимодействие между гендером и полом-функцией, пол-сущность должна бы преодолевать неизбежность потребления через удовлетворение гендерных потребностей и потребностей пола-функции. Однако пол-сущность – самостоятельное образование, что приводит к существованию других, отличных от гендера и пола-функции потребностей. Потребности пола-сущности не столь явлены и не несут на себе печать культурно и физически необходимых, но без их удовлетворения жизнь женщины лишается полноты и смысла. Неудовлетворенность потребностей пола-сущности порождает многочисленные негативные ощущения, внутреннюю напряженность и тревогу.

Негативное самочувствие современной женщины при внешнем улучшении ее существования не могло остаться без маркетингового внимания. Многие рекламные кампании, направленные на женщину, начинают выстраиваться на апеллировании к их «природной» женственности и совершенству, которым чуть-чуть чего недостает (а именно: рекламируемого товара или услуги). Другое дело, что предлагаемые товары (услуги) в своем подавляющем большинстве являются квазиудовлетворением этих потребностей. Квазиудовлетворение призвано создать у женщины иллюзию удовлетворения потребностей пола-сущности. Иллюзия удовлетворенности возни-

кает в результате их завуалированности более явными и поддающимися более четкой дифференциации потребностями пола-функции и гендера. Женщина, испытывающая внутреннюю неустроенность, выражает ее в формуле: «чего-то хочу, но сама не знаю, чего». Это ситуация абстрактного желания, когда привычное окружение вещей, к которому обращается женщина, не может удовлетворить смутно ощущаемые ею потребности пола-сущности. Приобретая желаемый товар (услугу), женщина какое-то время может испытывать чувство удовлетворения и успокоенности. Но как только товар (услуга) входят в круг повседневных вещей, неудовлетворенность потребностей пола-сущности возобновляется. Кратковременность квазидовольствования может привести к бесконечной погоне женщины за новыми для нее товарами (услугами), создавая безграничный потребительский спрос. Таким образом, потребности пола-сущности, служа неисчерпаемым источником потребительской активности женщины, чаще всего остаются неудовлетворенными.

Г. М. Абрамов*

Власть тела и его взаимоотношения с властью разума

Дано мне тело, что мне делать с ним?
О. Манделъштам.

Каждый из нас рано или поздно, вольно или непроизвольно сталкивается с проблемами взаимоотношений с собственным телом. Радуют те мгновения, когда ощущаешь власть над телом, его гибкую податливость разумным командам, его невероятно легкую мобильность, обеспечивающую перемещение в пространстве, наконец, его воистину артистическое изящество, которым оно спасает нас в непредсказуемых и безвыходных ситуациях. Наше тело способно удивлять своими могучими физическими возможностями и огорчать непредсказуемой ленью, которой оно способно парализовать разум. Как редко оно само выбрасывается из постели, полетным бегом рассекает пространство, преодолевая препятствия. Чаще приходится затрачивать немало усилий, чтобы заставить его проснуться, безучастно наблюдая его ленивые потягивания, тупо следуя за его неуклюжим перемещением, сетуя на необъяснимые боли в мышцах или суставах. Еще тяжелее осознавать в эти минуты беспомощность и неспособность проявить свою власть над ним, таким знакомым и до боли родным телом, которое еще вчера было послушным и поразительно гибким. Еще драматичней взаимоотношения с тренированным телом у спортсменов или танцоров. Необъяснимая послушность этих тел, заразная легкость, с которой они выполняют непостижимые для разума трюки, обрастают мифологией и мистикой в глазах зрителя, далекого от спортивной или танцевальной профессии. Наблюдая за профессионально тренированными мышцами, вряд ли задума-

Геннадий Михайлович Абрамов – профессор, дважды лауреат национальной театральной премии «Золотая маска», художественный руководитель факультета современного танца Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ешься над невероятно сложными проблемами, которые преследуют танцоров или спортсменов в работе с собственным телом. Вот уж где справедливо замечание, что истинный талант – это девяносто пять процентов пота и пять процентов природных данных.

Настоящий «пот» возникает не столько во время физической работы тела, сколько в решении главной проблемы – обретении власти над собственным телом. Неразрешимость этой проблемы осознаешь особенно четко, когда ощущаешь неограниченность власти тела над ограниченностью разума. Объяснить этот феномен теоретически совершенно несложно. Уже в далеком прошлом его пытались истолковать древние мыслители. Каждый по-своему, но не расходясь в мотивах этого феномена, они приходили к единому мнению – голова обладает властью анализа, а тело – властью синтеза. Ограниченность власти разума в том, что голова способна лишь разъединять на составные элементы то, что генетически синтезировано телом с момента своего существования от происхождения на молекулярном уровне и до настоящего момента. Неограниченную власть тела над разумом можно объяснить воистину вселенским пространством телесной памяти, которую невозможно постичь разумом, но в которой сознание способно открывать разнообразные и порой невероятные способы управления поведением тела.

В спортивном и танцевальном искусстве бытует термин «пластика», под которым многие и подразумевают «поведение форм тела». Жизнеспособность любого способа стилизации телодвижения, любой пластической формы тела можно продлить лишь в тех случаях, когда разумное управление хорошо информировано о законах естественного или неосознанного поведения тела. Действия этих законов мы испытываем на себе постоянно и во многих ситуациях отчетливо чувствуем их воздействие. Парадокс в том, что во многих случаях мы не только не разумеем законов тела, сознательно подменяя их собственными умозаключениями, но и навязываем телу условия, в которых оно теряет абсолютную свободу. Не оттого ли наши телодвижения, походка, бег, жесты, мимика теряют естественную функциональность, гибкость и грацию, становясь неуклюжими, до смешного нелепыми. Смеяться над карикатурными телодвижениями может быть и грешно, однако, в таких случаях, трудно сдерживать эмоции, наблюдая за человеком, теряющим достоинство в борьбе с собственным телом. Так и хочется шепнуть ему, убогому: «Федя, расслабься! Не терзай свое тело глупыми командами, от которых оно зажимается, теряя органику. Попробуй услышать внутри тела истинные мотивы действия, и ты поймешь, что любое движение тела фактически развитие этих мотивов в его пространстве».

Почему так изящна и разнообразна телесная жизнь животных, птиц или насекомых? Почему маленькие дети так функционально и экономно рассекают бегом пространство, а жесты их покоряют энергией и глубиной содержания? Подобные вопросы можно задавать бесконечно, хотя ответ на них прост и однозначен: чтобы властвовать над своим телом, надо чаще вслушиваться в его жизнь, которая является бесконечным или беспредельным развитием его элементарных потребностей к существованию. «Вслушиваться» в жизнь своего тела, «услышать» в нем мотивы последующего жеста помогают реакции, возбуждающие интуицию, которая, в свою очередь, приводит в действие весь механизм тела, возводя к абсолюту физические, психологические и энергетические потенциалы. Весь этот процесс так же прост, как и драматургия зубной боли. Разница лишь в том, что драму зубной боли мы ощущаем в мельчайших нюансах трагедий тела, а драматизм жеста, как события или шага, как кульминации, мы совершенно не чувствуем. Может быть, потому что в этом нет необходимости. А возможно, и потому, что за давностью лет и в связи с многочисленными повторами тело закрепило их в своей памяти автоматическими актами. Мы успешно и без особого труда используем эти штампы, даже не вспоминая труд, которым творили свой первый шаг, которым искали устойчивость еще неокрепшими ногами, которым чертили в ученической тетрадке первые палочки будущего почерка. Могли ли мы в те времена приказать что-либо своему телу? Нет. Скорее приходилось приручать себя к своему телу, чтобы осознать механическую простоту его действенных актов, которыми оно, наше тело, откликалось на все предложения и обстоятельства окружающей нас жизни. И весь этот процесс «приручения себя к своему телу», несмотря на трудности, обидные срывы и огорчения, мы проживали легко, как данность, данную нам в ощущениях.

Говорят, что тело – инструмент, а его обладатель – инструменталист. Сравнивают тело и с оркестром, почитая его хозяина – дирижером. Однако в любом сравнении или метафоре подчеркнута дистанция между телом и его хозяином. Суть дистанции – противостояние между рациональной властью разума и подсознательной властью тела над разумом. На вопрос – кто выигрывает в этом противостоянии, точнее всего отвечают спортсмены или танцоры, те, кто на протяжении всей своей профессиональной жизни мучительно пытается сократить противостояние между телом и разумом. Как ни странно, но лучших результатов добиваются те, кто, доверяясь власти тела, воспитывает в себе методы рационального управления телом.

Власть архетипических мотивов в повседневных образах телесности

Власть вызывает образы стихии, которой человек не может противопоставить собственные капризы. Человеческая телесность – это, во многом, арена и основание власти. Предпосылки восприятия собственной телесности вбирают в себя все аспекты власти и господства человека и над человеком. Вместе с тем, власть – это своего рода мифическое тело, прорывающееся к собственной телесности через ограниченные воплощения и артефакты человеческих типов и индивидуальностей. Телесность определяется отношением к телу, стремлением привести в определенное соответствие телесные импульсы и установки, господствующие в обществе. С помощью этих установок и формируется телесность, действие которой зависит от законов функционирования тела. Тело связывает человека с миром, непосредственный чувственный опыт, полученный с его помощью, является источником мироощущения и мировосприятия, определяющих картину мира. Телесности человека свойственно изменяться, так как изменяются представления о мире. В разных культурах и субкультурах поощряются различные сферы жизнедеятельности, а значит, и различные способы чувствования. Здесь главную роль играет оценка человеком своего тела, осмысление взаимосвязи телесного и духовного, природного и социального в структуре личности.

Именно факт разбиения человеческого существа на дух и тело послужил толчком для переоценки последнего в середине двадцатого века. Ведь дух может воплотиться только в теле, а душа расценивается как посредница между ними, поэтому она тесно связана с чувственно-эмоциональным началом. Изначальное единство человека – это единство тела, души и духа, а основные душевные импульсы – Эрос и Танатос – также и телесные импульсы. Постепенно наметился отход от рационалистических ориентаций в за-

* *Лариса Владимировна Зорина* – ст. преподаватель кафедры культурологии и дизайна УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

падном мышлении, для которого характерно отношение к телу с позиций господства: стремление подавить и подчинить его как нечто чуждое и неудобное. Безусловно, тело способно раздражать и даже угнетать человека: оно нарушает планы, диктуя свои потребности, оно подвержено болезням, старости и умиранию. В европейской культуре начиная с Нового времени было утрачено представление о смерти как природной закономерности. Современный человек во что бы то ни стало пытается сохранить себя молодым и здоровым, словно хочет законсервироваться. Нельзя расценивать это желание только отрицательно, однако в современном мире явления, связанные с ним, привели к опасной диссоциации тела и духа.

Известно, что представители примитивных культур обладают гораздо большим диапазоном ощущений, нежели современный западный человек. Это связано с направленностью таких культур на непосредственно чувственное познание мира. В цивилизованных обществах люди получают однобокое развитие, о чем писал, например, К.Г. Юнг в своих рассуждениях о четырех психических функциях. Рациональное начало здесь подавляет чувство, интуицию и ощущение, благодаря которым устанавливается непосредственный контакт с окружающим миром. Человек, способный прийти к гармонии с ним, имеет более развитые органы чувств и в этом смысле подобен животным. Недаром Юнг соотносил образы животных в волшебных сказках с архетипом Духа. Тема неприятия человеческого тела активно звучала в европейской культуре начиная со Средних веков, когда на первый план выдвигалась его подверженность разложению, поеданию червями и т.п. Аскетический образ жизни, подавление естественных потребностей были способами вырваться из под отвратительной власти тела. Конец Средневековья и эпоха Возрождения стали периодами развития алхимических учений, рассматривающих человека как микрокосм в гармоническом равновесии Духа, Души и Тела. По мнению Юнга, алхимия явилась попыткой реабилитировать материю, а значит, и тело. Напоминания о низменности естественного начала человека можно встретить в современной культуре, например, в балете Маги Марэн «Umwelt» («Окружающая среда»), показанном в августе 2005 г. на фестивале «Tanz im August». Человеческий мир представлен здесь как бесконечное удовлетворение естественных потребностей. Публика выразила протест, что не удивительно – настолько непригляден вид собственной изнанки. Но, возможно,

автор лишь хотел заострить внимание на обывательской алчности и тупости.

В каждом обществе складываются свои значимые образы и ценностные ориентиры, направляющие жизнь людей и оказывающие огромное влияние на естественную телесную часть человека. Они возникают на основе эмоционального отношения к социальным явлениям и заставляют нас стремиться к одному и избегать другого. Распространенные в наше время стереотипы основываются на таких ценностях, как здоровье, сила, красота. Эти ценности взаимосвязаны в сознании, кроме того, они являются по своей сути животными. Зависимость человека от собственного тела порождает множество видов целенаправленной деятельности. Это может быть, например, стремление к роскоши, сохранение и приобретение различных качеств. Люди живут в мире значимых объектов – артефактов. Создаваемые в обществе вещи, а также корреляты этих вещей – образы, используемые в рекламной индустрии или распространенные в среде различных субкультур, – помогают раскрыть смыслы, лежащие в основе ментальности и процессе социального взаимодействия. Артефакты дают повод к совместному переживанию и порождают чувство идентичности, необходимое каждому. Идентичность раскрывается при помощи знаков отличия, наиболее яркие из которых свойственны так называемым девиантным субкультурам. Идентичность это также способность владеть своим телом, т.е. противостоять нежелаемому – Иному. Со знаково-символической деятельностью человека связано выделение бинарных оппозиций, где старость, болезни, смерть всегда отождествлялись с нечеловеческим, потусторонним, короче говоря, Иным миром. Наши телесные ощущения, представления о приятном и неприятном осознаются при опосредовании их языком.

Некоторые люди склонны к чувственным наслаждениям – к утонченным и не очень. Другие превращают свою жизнь в праздник – «клубная культура». Это для них создаются игривые модели платьев и аксессуаров, яркость и блеск которых ассоциируются с бабочками, цветами – чем-то легким и недолговечным. Третьи считают человеческое тело олицетворением слабости и стремятся заглушить его чувствительность. Люди, подверженные таким устремлениям, обычно являются маргиналами, они не принимают окружающей действительности, а исключить для себя контакты с ней можно «убивая» себя – уничтожение объекта проявляется в форме частичного самоуничтожения. Способы сделать это – вжив-

ление металлических деталей, подвешивание на собственной коже с целью победить боль и т.п. Как показала М. Кляйн, на самоуничтожение способны даже грудные младенцы, инстинктивно чувствуя неблагоприятную обстановку (задержка дыхания, которое является аналогом социальных связей). Создатели образов, используемых в различных рекламных роликах, плакатах, артистических проектах, рассчитывают на силу проективных образов, т.е. таких, которые возникают у человека в случае сильного напряжения какой-либо потребности. Эмоциональное восприятие отсылает к архетипическим представлениям и фигурам. В рекламах таких товаров, как духи, меха, дорогое белье и т.п., наиболее распространены мотивы, в бессознательном связываемые с древнейшими культурами ночи, Луны, а в основе своей прибыванием и убыванием, началом жизни (сексом) и ее концом. Поэтому темы губительных красавиц свойственны искусству во все времена. Подобные образы являются типичными мотивами сновидений, фантазий, следовательно, они не могут не возникать там, где человека стремятся поразить, обольстить путем нагнетания определенного эмоционального оттенка. Процесс обольщения как ритуализированное поведение находят уже в мире животных, в частности у птиц. В человеческом мире эффект достигается при помощи фетишизации частей тела: глаз, губ, ног. Либо выразительность образа усиливается с помощью атрибутов: меха и драгоценности выступают традиционными символами власти. Подобные фигуры на журнальных иллюстрациях и экранах телевизоров легко соотнести с мифологическими персонажами: русалками, нимфами, корибантками и т.п. Демонические черты, вампирский грим проявляются в образах «готической» субкультуры, в стрипклубах, кафешантанах потому, что людям свойственно стремление к недоступному и опасному, пусть даже только в фантазиях. Зависимость человека от собственной сексуальности – это ограниченное выражение ощущения важности телесности как таковой. Власть пронизывает существование современного человека, эксплуатируя и подчиняя человеческую телесность, несущую в себе доисторические пласты и исторические символы самопредставлений человеческого рода.

Искусство и власть в современной России или *modern russian art-power*

Искусство, являясь посредником отношений культуры и личности, конечно, в своем существовании необходимо взаимодействует с властью, определяющей, регулирующей и контролирующей его социальное функционирование.

Характер властных отношений исторически выстраивался в зависимости от типа социума и, соответственно, типа власти, усложняясь в социокультурном развитии. Возможно выделение двух принципиальных исторических моделей взаимодействия искусства с властью. Если рассматривать развитие европейской культуры, начиная с Античности, то в качестве первой модели можно было бы определить полисно-демократический тип художественно-властных отношений, возникающих в классической Греции и освященных именем Перикла. Свободный гражданин полиса, благодаря усилиям демократического государства, воспринимал искусство как неотъемлемую часть своей жизни, столь же значимую, как и природный мир, столь же совершенную, как космические сферы. Приобщение гражданина полиса к искусству организуется правителем и является неотъемлемой частью его властной деятельности. Отношения искусство – общество основаны на авторитете власти и сохранении властью свободы искусства. Вторую исторически сформированную модель явила культура классицизма. Здесь отношения основаны на силе власти, определяющей ее авторитет. В этом случае характер взаимодействия власть – искусство – авторитарный, при котором сам художественный мир выстраивается по определенным правилам, утвержденным властными структурами, через созданные властью же Академии. Границы художественного мира строго определены нормативами, содер-

* *Ирина Митрофановна Лисовец* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького и кафедры социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

жательно художественный мир непременно включает идеальный образ власти (короля, королевы) и властных отношений. В этой связи вспоминается, конечно, театр французского классицизма и повороты творческой и человеческой судьбы его виднейших драматургов в зависимости от художественных и житейских отношений с властью. В такой модели свободное творческое волеизъявление невозможно и прямо препятствует социальному признанию художника. В данном случае не имеет значения, какой, светский или религиозный, вариант власти центрирует общество, – искусство, по определению, будет воплощать утвержденный идеал, норму. Эстетическими и художественными ценностями станут принятые образцы, под которые искусство будет выстраивать жизнь. Не случайна, по-видимому, эклектика как стилевая особенность искусства переходных эпох: искусство тем самым проявляет противоречивое изменение общества и культуры и, соответственно, смятение власти и властных отношений.

С возникновением буржуазного общества, где доминирует власть денег, ставших эквивалентом всех социокультурных ценностей, по отношению к искусству выстраивается новая властная доминанта. Буржуазное общество, кроме того, меняет характер, культуры, развивая ее публичность; искусство начинает взаимодействовать со все более широкими слоями публики, которая и формирует спрос на художественном рынке. В тех европейских странах, например в Голландии, где становление капитализма происходит быстрее, новый статус искусства как необходимого товара, входящего в повседневность культуры, проявляется вполне уже в XVII веке. С развитием новоевропейской культуры власть рынка в социальном функционировании искусства закрепляется институционально, и художественный рынок приобретает определенную независимость по отношению к политической власти.

Россия входит в новоевропейскую культуру, когда та уже перешла от авторитарной к рыночной модели управления искусством. Россия воспринимает исторически последовательно, конечно, первую из них. Если от истории совершить прыжок в современную российскую культуру с ее властно-художественными отношениями, то наблюдается сложная содержательная и функциональная зависимость искусства и власти, определенная историческими и актуальными особенностями российской культуры и общества.

Своеобразие актуального взаимодействия искусства и власти определяется переходным характером общества и культуры России

рубежа XX–XXI вв. Современный тип российского социума отличается взаимоналожением черт постсоциалистического и предбуржуазного общества, мучительным переплетением советской и формирующейся демократической системы власти. Соответствует такому социальному качеству и культурный статус современной России. Здесь то же переплетение массовой, постмодернистской, постсоциалистической и необуржуазной культуры. Сложность перехода в том, что берет верх то одна, то другая тенденция, его культурно-временная спрессованность воспроизводит историческую судьбу России.

Современная ситуация в ряде черт повторяет то обращение к европейской культуре, которое произошло в России XVIII века в эпоху Просвещения, когда культурная модернизация происходила не на своей основе и сочеталась с русской традицией сложно и драматично, и отменяя, и воспроизводя ее. Именно тогда в культуре и обществе соединилось несколько исторических эпох, которые пришлось освоить сразу и в кратчайшие, в сравнении с Европой, сроки. Такой социокультурный динамизм станет воспроизводиться в новейшей российской истории в дальнейшем.

Искусство сегодняшней России также являет собой прихотливый микст, где есть все, и это все не обязательно искусство. Конечно, отношения искусства и власти сегодня покоятся на советской модели культуры и общества и, в то же время, не могут не учитывать рыночную доминанту формирующегося капитализма в России. Модель управления искусством, принятая в тоталитарной России периода социализма, в чем-то воспроизводила классицистскую периода французского абсолютизма. Стремление сделать искусство идеологическим оружием в руках коммунистической партии однозначно определяло отношение искусства и власти. Была создана жесткая структура управления-соподчинения, регуляции подлежали все компоненты системы искусства. Художник последовательно формировался созданной системой государственного образования. Государственный заказ определял содержание художественного творчества и жанровую структуру искусства. На суд публики могло быть представлено искусство, отобранное худсоветом, выставкомом, куда обязательно входили представители партийной власти. Наконец, утвержденное для восприятия искусство представлялось публике через систему государственных галерей, театров, концертных залов. Для правильной оценки созданного художником произведения работала, тоже в соответствии с госзака-

зом, когорты художественных критиков. Сквозь такое сито пройти не скорректированным, в соответствии с идеологическими установками, искусству было практически невозможно. От этой структуры сейчас сохранилась вертикаль министерств культуры. В них, в свою очередь, система управления дифференцирована подразделениями по отдельным видам искусства. Фигуры «главных художников» (режиссеров театров, председателей творческих союзов и т.д.) по-прежнему утверждаются исполнительной властью, деятельность художественных подразделений заслушивается на коллегиях министерств. Но рынок отвоевал прежде не зависимое от него пространство российской художественной культуры, отменил госзаказ, работает исходя из потребностей публики, даже самых примитивных, и министерства культуры не могут оградить его от появившихся «фальшивомонетчиков от искусства». Не очень понимая, как жить в условиях арт-рынка и нестабильной духовной ситуации России, администраторы пытаются зарабатывать на искусстве внехудожественными способами: по большей части предоставлением в аренду для торговых целей площадей, прежде принадлежащих учреждениям искусства. Нельзя не отметить стремления и власти, и института арт-менеджеров вдумчиво, на основе западного опыта подойти к управлению искусством. На региональном уровне такие попытки были представлены семинарами по различным аспектам арт-бизнеса, правда, трехгодичной давности, при нашем Доме Актера. Успешная деятельность Филармонии по дифференцированному подходу к публике, сегментированию ее, выражаясь языком арт-менеджеров, положительно оценена любителями музыки. Министерства культуры областного и городского уровней привлекают ученых-гуманитариев для экспертизы и создания проектов развития художественной культуры региона. Но, пожалуй, власть находится в таком же смятении в отношении к искусству, как и в определении способов управления современным российским обществом. И, добываясь эффективности властного администрирования, уповая на неразвитость экономической, правовой, культурной базы современной России, нелишне вспомнить, что искусство, являясь самосознанием культуры, в определенной степени саморегулирующаяся система и полная власть над ним – невозможна.

Т. А. Круглова*

Советский художник в плену административной системы

«Писателям шапки дают».
В. Войнович

По отношению к проблеме «власть и художник в условиях тоталитаризма» в позднем советском и постсоветском обществе накопилось множество мифов. Важнейший из них: политическая власть, обладающая некой демонической силой, присвоила себе право распоряжаться сознанием, процессом и продуктами деятельности художника. Целый ряд современных гуманитарных исследований показывает, что власть и рядовой советский человек вовсе не находились в параллельных мирах, сталинская власть не только опиралась на многочисленные социальные группы, но и формировалась под их воздействием, в том числе и под влиянием определенной части интеллигенции. На протяжении жизни целого поколения шел непрерывный процесс заключения своеобразных договоров между государством и социальными группами, постоянная ротация во все уровни властной пирамиды все новых и новых агентов: начиная с пионерской организации, через комсомол, профсоюз и другие общественные, профессиональные и политические организации население обучалось навыкам контроля, принуждения, управления и воспитания. В системе, использующей возможности демократии, провести раз и навсегда установленную границу между представителем власти и его подопечным не представляется возможным: председатель совета отряда, уполномоченный, директор школы – это все разные варианты начальства, они же, в конечном счете, – проводники воли партии. В этом процессе постепенно и незаметным для участников образом складываются многообразные формы сделок, компромиссов, уклонений – приспособ-

* *Татьяна Анатольевна Круглова* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, истории и теории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ление людей к системе и формирование их представлений о цене этих действий.

Место встречи человека и власти – не только «политическое возвышенное», но и приземленное повседневное, где идеологическая власть сталкивается с другой властью – властью прагматических интересов индивида. Огромная сила влияния мелочей быта на творческий выбор, духовно-содержательные приоритеты советских художников пока совершенно теоретически не осмыслена. Почему акцентирование этой проблемы так важно для понимания творческих стратегий советских художников? На наш взгляд, исток проблемы уходит в эпоху Нового времени, когда происходит существенная трансформация отношений сакрального и профанного, высокого и низкого уровней культуры. Всеобщее «разволшебствование мира» (М. Вебер), начатое Просвещением, с одной стороны, привело к снижению авторитета духовных абсолютов, а с другой, к выявлению самостоятельной ценности повседневности, ее мощного присутствия в жизни человека. Эта новая ценность стала, прежде всего, предметом художественного реализма, что хорошо известно, но как она определила особенности творческого процесса, поведение художника, институциональную систему искусства, пока в гуманитарной науке остается белым пятном. Утилитарное и бескорыстно-духовное оказались противопоставлены одно другому не только в философии Канта и эстетике Романтизма, но и в самой действительности. Несмотря на то, что художник, как и любой человек, во все эпохи был включен в систему материальных отношений, в развитом буржуазном обществе бытовые условия его жизни встали в прямую зависимость от количества и качества его продукции. Но еще весь XIX век художникам удавалось удерживаться в сфере возвышенного, и тогда содержание художественной деятельности могло сохранять автономию от власти прагматики (например, в виде рыночной зависимости).

В советской культуре, провозгласившей антибуржуазную систему ценностей, обосновывалось новое понимание свободы творчества как свободы от власти рынка. Существует распространенное мнение, что в странах с тоталитарным режимом власть рынка была заменена властью идеологии. Более внимательный взгляд опровергает эту дихотомию. Власть идеологии осуществлялась через многоуровневую административно-бюрократическую систему, представляющую собой своего рода разветвленные «ловушки» для художников, удерживающие их внутри, под присмот-

ром, благодаря материальному стимулированию. Давление именно административной системы художники испытывали на себе самым непосредственным образом. Если прямому политико-идеологическому воздействию можно было как-то противостоять самыми разными путями (советское общество никогда не было тотально идеологизированным и эстетически-однородным), уклоняясь от участия в наиболее одиозных проектах и заказах власти, то выживать, не будучи включенным в систему художественных институтов, которые, в свою очередь, были сращены и с политико-идеологическим, и с административным аппаратом, было невозможно. Уровень жизни, а значит, и относительной творческой свободы, напрямую зависел от встроенности художников в советский «мир искусства». Чтобы заниматься, например, любой литературной работой, даже в качестве «халтуры» (инсценировки на радио, переводы, литературные обработки и т.п.), необходимо было быть членом Союза советских писателей. Только членский билет давал право публиковать свои произведения, получать гонорары и командировки, решать проблемы жилья, образования, отдыха и здоровья. Не только «любовная лодка», но и многие смелые художественные замыслы «разбились о быт». Если человек хотел быть профессиональным писателем, он автоматически становился объектом управления и руководства. Таким образом, возникала система первичных зависимостей, на которую уже наслаивались идеологические требования.

Художник становился подобием государственного служащего, полностью зависимого, прежде всего, от распределительной системы. Давно доказано, что особенностью власти при социализме является полное присвоение и контролирование процесса распределения. В такой ситуации институты советского «мира искусства» занимались не столько выработкой эстетических ориентиров и художественных критериев, сколько административно-бюрократическим опутыванием авторов, удерживанием их внутри системы через распределение заказов и элементарных жизненных благ (Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1959-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005). Хотя формально функции Литфонда, отвечающего только за материальные условия жизни писателей, были отделены от творческих функций Союза советских писателей, на практике деятельность Литфонда полностью определялась правлением ССП, а оно, в свою очередь, непосредственно контролировалось ЦК партии. Тоталитарная система – система с

низким творческим КПД, причиной этого является не столько власть идеологии, сколько сращенность всех элементов и структур, отсутствие опосредствованных связей, дистанций и различий. Как следствие, художник был вынужден продавать не только рукопись, но и вдохновение, и «продажа» таланта была неизбежной и происходила независимым от мировоззренческих предпочтений автора образом. Системе сопутствовал непрерывный торг между управленческим аппаратом и художником: О. Ефремов, чтобы ему разрешили поставить «Старый Новый год», должен был выпустить «Сталеваров», Г. Товстоногов редко, но регулярно ставил спектакли к официальным государственным датам, и поэтому ни одна его постановка не была запрещена. Подобных примеров можно привести множество из жизни и других людей творческих профессий. Не участвовать совсем в этом торге было невозможно, однако «цена» оставалась прерогативой морального и художественного выбора автора.

Если художник превращался в государственного служащего, то в общественном мнении складывалось представление о том, что быть писателем выгодно, так как это гарантирует как приличный материальный уровень, так и высокий социальный статус, при этом этот вид труда требует минимума сил приложения и легко поддается профессиональной подготовке. Одним из масштабных следствий культурной революции был огромный наплыв графоманов и начинающих авторов во всех видах искусства. Своими представлениями о специфике художественной деятельности они оказывали сильное давление на все поле искусства. Производственники, военные, моряки были убеждены, что наличие у них большого жизненного опыта нуждается только в некоторой художественной обработке, требовали помощи литературных работников и последующего издания. Главное, что бросается в глаза в подобных ходатайствах и просьбах о ссудах, – уверенность в том, что писательский труд – это просто работа. Подобного рода представления характерны и для художественной культуры XX века в целом, так как в условиях масштабного расширения процессов культуриндустрии действительно происходит перераспределение между автономным и гетеронормным полями культуры. Но если в западном обществе, ориентированном на регуляторы рынка, доминирует уподобление многих видов художественного творчества производственной деятельности, активное влияние техники, постоянно побуждающее творцов развивать художественную технологию, то в со-

ветском обществе, с его гипертрофированной распределительной властью, художественный процесс тяготеет к модели любого вида труда по найму. Тогда художник вынужден просить работу у основного и единственного заказчика – государства, от него же ожидать организации условий своего труда и того вознаграждения, которое будет установлено. Художник обречен быть постоянным просителем, о чем свидетельствуют многочисленные документы архивов Литфонда и других организаций, занимающихся курированием искусства. Просят обо всем: мастерских, красках, бумаге, командировках, одежде, дачах. Господство плановой экономики, постоянный дефицит необходимого для жизни и творчества обрекают художников просить даже о мелочах, что, безусловно, сказывается на формировании определенного авторского психотипа, основными экзистенциальными состояниями которого стали: просить, ждать, терпеть.

Анализ советской системы организации художественных институтов свидетельствует о том, что творчество художника теряет ту духовно-содержательную ауру уникального и возвышенного, которая сложилась в предшествующие периоды развития искусства. Для художника, как и для многих рядовых совслужащих, становится нормой воспринимать работу как место получения гарантированной зарплаты независимо от потраченных усилий, а продукт своего труда – безразлично к вкусам конкретных потребителей. В тенденции это приводит к тому, что художественная личность вообще настолько отчуждается от процесса и результата своей деятельности, что перестает воспринимать ее как «свою», как выражение собственной субъективности. Произведение искусства помещается в контекст «производства для кого-то», приобретая черты абстрактной всеобщности, а потому сухости и рассудочной «деланности».

Другим следствием срастания художественных институтов с административными стало такое положение дел, при котором материальный уровень, пусть и довольно низкий, но достаточный для выживания, был обеспечен огромному количеству малоизвестных, а то и вовсе неизвестных писателей, годами не только ничего не публикующих, но и не пишущих. Ссуды, пособия и авансы, согласно документам, выдавались десяткам тысяч. Писатели разного художественного дарования оказывались, в конечном счете, уравнины одинаковым квалификационно-трудовым законодательством независимо от конкретного вклада в культуру. В целом, это не могло не

вести к снижению среднего уровня художественной продукции, но у этой практики была и обратная сторона. В судьбе художника при социализме есть странная для западной культуры особенность: несмотря на тяжелые, нищенские, унижительные, малопродуктивные условия творчества и жизни, большинство советских художников не уходило из профессии. Они могли годами не издаваться, их пьесы не ставились, по сценариям не снимались фильмы, картины редко брали на выставки, музыкальные произведения не исполнялись, но никто не «переквалифицировался в управдомы». Влача жалкое существование, перебиваясь околопрофессиональными подработками, они продолжали идентифицировать себя именно с художественной интеллигенцией, продолжая вести несколько виртуальную творческую работу, главным смыслом которой было самосохранение и сбережение художественного дара. В это же время их более благополучные западные коллеги совершенно иначе строили свои стратегии: если в условиях рынка книги не покупались, писатель менял профессию, впрочем, занятие только свободным художественным творчеством никогда и не было для среднего западного автора основным источником существования, необходимо было иметь и другую, более надежную профессию. Таким образом, советская административно-художественная система, минимально подкармливая, давая неопределенную надежду, удерживала художников внутри поля искусства, буквально делая их заложниками собственного таланта или амбиций.

Десакрализация власти в искусстве

А поверьте, ей-же Богу,
Если все шагают в ногу –
Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!
А. Галич

В самом общем виде власть понимается как способность оказывать воздействие. Сразу возникают вопросы: кто, что, на кого, какое воздействие, цели, характер и т.п., поэтому лишь на обыденном уровне власть получает прописку в социально-политической сфере, теоретический же анализ обозначенного феномена указывает на различные территории обитания власти – экономическую, психологическую, языковую, эстетическую, художественную, где она (власть) обретает символические формы. Графический образ власти един, это образ вертикального отрезка, меняются только его размеры и свое местоположение субъекта на отрезке. Топология определяет самочувствие, ибо спектр эмоций и чувств субъектов власти весьма разнообразен: страх, ужас, удовольствие, наслаждение. Привлекательность власти связана с особым режимом возможностей властного субъекта, отсюда и жажда, и опьянение, и иллюзорное чувство свободы, часто оборачивающееся трагедией. Вадим Абдрашитов когда-то показал это захватывающее чувство обладания властью в фильме «Слуга». «Частный» человек, водитель большого партийного босса, получивший неожиданно в подарок невероятную власть, попадает под ее мистическое обаяние. Искушение и соблазны таковы, что устоять перед ними невозможно. Визуальным воплощением этого зашкаливающего восторга становится парение над землей на парашюте, полет – как власть не только над людьми, но и над природой. Узнаваемая фактура фильма и одновременно метафорический сюжет позволяли придать истории характер притчи, притчи о суетности и

* *Лилия Михайловна Немченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького и кафедры социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

временности власти, о неистребимом рабском сознании, о жертвах и расплате за, казалось бы, безграничную власть. Удивительно схожи описания (изображения) психологических состояний ликования по поводу обладания властью, когда верны слова Л. Толстого об одинаково проживаемом счастье, здесь стираются и возрастные, и национальные особенности. Примером может служить голливудский фильм режиссера Люмета «Слуга», где внимательно исследуются процессы, происходящие за фасадом политической власти. Это доказывает положение об единых властных механизмах. Искусство здесь лишь задает дистанцию «фамильярной близости», тем самым переводит власть, в частности политическую, в режим прозрачности, разрушает таинственность – основу мифологизации власти. Понимая необходимость власти как организационно-системного принципа управления, мы оставляем право за анархическими настроениями (речь идет не только о протесте против политической власти, власти социальных институтов, отца и т.д.). Сама культура производит такие феномены и институты, которые призваны посмотреть на властные рисунки со стороны, критически, и если большинство из них связано с Новым и Новейшим временем, то искусство выполняло такую миссию практически всегда. Речь идет не просто об описании субъектов власти (Шекспир блистательно это сделал 4 века назад) и властных институтов, и не о парадных портретах, а о способности искусства воспроизводить семантику, технологии, формы власти, тем самым снимая с нее ею же любимый ореол таинственности. Конечно, далеко не всегда искусство полемизировало с властью, есть варианты политического искусства, напрямую воспроизводящие установки политической, да и любой другой социальной власти. Не только в политическом искусстве закреплялись властные ценности и установки, причем делалось это иногда очень изысканно, к примеру в классицизме, когда имя или воля короля давали возможность соединиться влюбленным, разоблачить мошенника. Немало можно назвать и вариантов противоположного, протестного искусства, в частности, это социально-политическая сатира, начиная со времен Аристофана, гротескная «Карьера Артуро Уи, которой могло и не быть» Б. Брехта и др. Так или иначе, искусство работало с проблемами власти и на прямом миметическом уровне, и опосредованно, причем в этом процессе оно само заняло властную позицию по отношению к нам, ждущим и любящим его. Попадая под власть Мишеля Фуко, можно представить себе художника как «интел-

лектуала-специалиста», который осуществляет первичную сокровенную сущность власти – установление правил воспроизводства истины. Поскольку искусство не работает готовыми результатами, и не дает прямых указаний (таково только маскультовское искусство), и в то же время выступает самосознанием культуры, оно прекрасно может передавать «войну языков» (Р. Барт). В одном случае – это язык, освещенный властью, «энкратический язык»¹, который, как правило, напоминает природный язык, язык быта (так, в языке сегодняшней политической элиты наблюдается явное тяготение к блатному жаргону), а с другой – «акратический»², выработанный вне или против власти. Так, в фильме О. Иоселиани «Разбойники» лексика царя, вора, обманщика, подзаборного клошара сходна, к тому же царя, революционера, воришку играет один и тот же актер. Разоблачение власти через языковые коды – не единственный путь ее репрезентации и одновременно десакрализации в искусстве. Если все властные структуры соблазняют и представляют лишь привлекательные стороны власти, то искусство провоцирует, сомневается, абсурдизирует жажду к власти и ее саму. Отар Иоселиани когда-то заметил, что самыми несчастными людьми являются главы государств и люди, на которых лежит обязанность чему-то подчиняться. Понимая условность этого высказывания, нельзя не заметить, что Иоселиани говорит о несвободе, связанной с обладанием власти. Власть не прибавляет счастья, если нет возможности для поступка. Все понимающий директор винкомбината в фильме «Листопад» обладает властью, но не способен совершить поступок, а безвластный Нико поступок совершает, доказывая тем самым, что свобода прямо противоположна власти, важнее власть внутренняя, называемая достоинством. И герой фильма «Утро понедельника» борется с властью, только не политической, а властью повседневности, и тоже совершает поступок – уезжает в Венецию, чтобы затем вернуться на круги своя. Для Иоселиани поступок всегда важнее власти. Скепсис по отношению к власти весьма характерен для определенного типа художественного сознания, тяготеющего к экзистенциальным проблемам бытия, отсюда и обращение к притче с ее вневременным пространством. Десакрализация власти может осуществляться и в сказочной форме, вспомним «Кроликов и удавов» Ф. Искандера,

¹ *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика, Поэтика. М., 1989. С. 536.

² Там же. С. 537.

где абсурдизируются такие черты властного сознания, как лицемерие, любовь к тайне, мистификация. Постоянная зависть к «допущенным к столу» выступает движущей силой сообщества. Эту же работу по десакрализации проделывают авторы, обращаясь к различным знаковым кодам эпохи. Так, в фильме «Разбойники» О. Иоселиани исполнение оперных партий указывает на приближающиеся репрессии. Большой имперский стиль, а опера именно так себя и позиционирует, как бы берет на себя ответственность за деяния режима. Аналогичное использование оперного материала было и в «Покаянии», ораторией дирижировал и герой Олега Борисова в «Слуге». У Зельдовича и Сорокина в фильме «Москва» экономическая власть репрезентирует себя балетом, и, казалось бы, сакральная по природе смерть балерины – конец власти – оборачивается сюжетом бандитской разборки. Искусство обращается с властью, как с любой другой темой, переживая и остроясь, детализируя и мистифицируя, тем самым указывая отнюдь не на сакральное положение власти в ряду человеческих ценностей.

Н. В. Курюмова*

Танцующее тело: попытка освобождения от власти дисциплинарных практик и власти языка

Проблематика «языка власти и власти языка», «логоцентризма европейской метафизики», подробно разработанная в штудиях представителей философии постструктурализма (в первую очередь, интеллектуального лидера 90-х Жака Деррида), так же как проблема драматической диалектики отношений между телом, знанием и властью в процессе исторического развития общества (рассмотренная в работах Мишеля Фуко), сохраняет свою актуальность для культурологического теоретизирования и по сей день. Опыт приложения выработанных здесь концепций и методик к сфере танца (понятого как специфический вид телесных практик), хореографического искусства (искусства невербального, но вырабатывающего собственные языки, подверженного, как любое искусство, идеологическим влияниям) может оказаться плодотворным. В частности, в аналитике и сравнении различных парадигм сценического танца (классической и целого спектра неклассических) с целью обнаружить новые возможности, во-первых, сравнения этих парадигм, во-вторых, понимания динамики происходящих здесь процессов.

Главным выразительным средством, условием существования и носителем языка в танце является обученное человеческое тело. Властные отношения могут разворачиваться здесь на уровне взаимодействия между разными «этажами» телесной структуры: биологическим, природным (танцовщик – живой организм); социальным (танцовщик – инструмент, механизм, подготовленный для определенной социальной функции, наделенный специфическими навыками и умениями); наконец, учитывая специфику деятельности,

* **Наталья Валерьевна Курюмова** – помощник ректора по связям с общественностью, преподаватель факультета современного танца Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

культурным (танцовщик – думающая индивидуальность, участвующая, при том, в выполнении определенной художественной задачи). Эти телесные уровни могут меняться местами в иерархии господства-подчинения, а эти перемены взаимозависимы от смены культурно-смысловых парадигм и художественных стилей.

Кроме того, танцующее тело может быть как инструментом означивания неких смыслов и сил, действующих на него извне или изнутри, так и само явиться, по выражению М. Мерло-Понти, «очагом смысла», «источником миметических значений». И тогда проблемы подчинения / власти возникают на уровне означаемого – означающего.

В одной из глав своей книги «Надзирать и наказывать» (1975) Мишель Фуко описывает в качестве примера одной из жестких «дисциплин контроля, подчинения сил [тела]», технологию муштры, используемой во французской армии для преобразования крестьянского тела в подтянутое, сегментированное, ритмичное и синхронное с другими телами, тело военного. В эту эпоху (речь идет о XVII и начале XVIII вв.), называемую Фуко «классической», когда, по его словам, «происходит открытие тела как объекта и мишени власти», подобные дисциплинарные практики активно формируются в разных сферах деятельности. В это время в европейском «благородном» танце, который развивается от форм дворцового этикета к профессиональным, сценическим, оформляются и приводятся в систему базовые элементы и нормы его техники (по существу – техники классического танца). Строгие регламентации для выполнения каждого движения и их координации; неперемещаемые требования размерности, изящества, правильной осанки, выворотности ног, округлости рук – все это было строгой дисциплиной, описанной в многочисленных учебниках ученых танцмейстеров той поры, сложившейся в придворном этикете, пышных придворных ритуалах, в том числе – в больших балетах короля. Сама композиция последних, пространственное размещение и перемещение тел танцующих, словно фигур на шахматной доске, последовательность выходов, завершаемых появлением центральной фигуры композиции – короля, являлась аллегорией строгой иерархичности государственного устройства времен абсолютистской монархии, расстановки властных сил в политической системе. На рубеже XVII–XVIII вв. указами Короля-Солнца, Людовика XIV, были созданы сначала «Королевская академия танца» (1671), институция, функцией которой стал отбор и приведение к единству средств благородного танца; а десять лет спустя – «Королевская академия

музыки». Здесь, на основе тренажа, составленного из строго регламентированных упражнений и практик, воспитывались, поддерживались в необходимой, безупречной и соответствующей необходимому стандарту форме тела профессиональных танцовщиков.

По мысли Фуко, с развитием общественных отношений воздействие власти на тела эволюционирует от грубых, физических посягательств – ко все более изощренным, нематериальным, дискурсивным, идеологическим проникновениям и воздействиям на психику, мышление, субъективность. (Собственно, эти компоненты личности и формируются в «теле» под влиянием этих проникновений и воздействий.) В «романтическую эпоху» тело танцовщика, разумеется, продолжает оставаться объектом жестких дисциплинарных методик (к примеру, в начале XIX в. в Школе танца при парижской Опера ноги юных воспитанников, пятка к пятке, с вывернутыми наружу коленями, на полчаса после урока заключали в особый ящик – для достижения идеальной выворотности). Но высшие художественные достижения эпохи позволяют обратить господство техники над телом – в возможности этого тела быть выразителем, означающим главные смыслы эпохи. Мария Тальони, о трудности и болезненности многочасового ежедневного тренинга которой ходят легенды, совершила художественный прорыв, представив на сцене образ бесплотной, парящей, словно в невесомости, Сильфиды (1832). И стала эмблемой эпохи романтизма, с его лиризмом, двоемирием, презрением к реальности, мечтой об идеальной возлюбленной, тягой к бесконечному... Романтический балет (как и далее, в последней трети XIX–начале XX вв. большой балетный стиль Мариуса Петипа) утверждает как высшее достижение абстрактный классический танец, в котором торжествует вертикаль, метафизика строгих геометрических поз и линий, безупречно симметричная композиция и демонстрируется независимость танцующих тел от законов физики (гравитации, инерции, бега времени). Язык балетной классики транслирует господство всеобщего – над частным; идеального – над повседневным, иллюзорного – над реальным: платонический идеал, «просвечивающий» сквозь косность материальных тел и земных страстей. Тело танцовщика является здесь посредником между миром тем и этим, совокупность представляемых им поз и движений – письмом, последовательностью таинственных знаков, иероглифов, внятных посвященному. Что же касается физики, материальности этого тела – они репрессированы, выносятся за скобки.

Развитие стратегий неклассического танца (зарождающегося в полумимовизиционных выступлениях исполнительниц «свободного танца» на рубеже XIX–XX вв.) не всегда однозначно и однонаправлено, но определяющей тенденцией становится стремление к освобождению тела от навязанных извне технических норм, языковых канонов, хореографических структур, наконец, «литературы» – пресловутой «логоцентричности» в построении танц-пьес и позже – танц-спектаклей. Идет поиск самоидентификации танцующего тела, исследования и репрезентации его собственного опыта. Тело теперь становится означающим импульсы и смыслы, идущие изнутри.

В свободном танце А. Дункан телом движет личная эмоция, память души (опосредованная эмоциональным восприятием используемой музыки). Немецкий экспрессионистский танец, так, как он представлен в творчестве Мари Вигман, и его американский аналог – танец модерн в варианте Марты Грэхэм, тесно связаны с учением о подсознательном З. Фрейда. В обоих случаях активно разрабатывается так называемая «телесность истерички» – конвульсии, падения, уродливые позы, моменты кататонического оцепенения, сменяемые резкими, быстрыми движениями. Тело, танцующее таким образом, словно представляет симптомы болезненных душевных процессов, результат ущемления природного «да» – социальным «нет». Марта Грэхэм вырабатывает собственный язык, способный выговорить неартикулируемое; на его основе она создает собственную технику, не менее сложную, систематизированную и не менее строгую по отношению к телу, чем классическая.

Еще более жесткому контролю и дисциплине подвергается тело танцующего в высокотехнических, скоростных постановках ученика Грэхэм, Мерса Каннингхэма. Он отрицает власть текста, психодраматических сюжетов. Будучи приверженцем абстрактных форм, Каннингхэм использует при сочинении своих композиций принцип алеаторики; телами танцовщиков, таким образом, управляет случай.

В 60-е годы прошлого века наиболее радикальные стратегии танца реализуются в экспериментах американских хореографов и танцовщиков, работавших в это время в здании Джадсон-церкви (на Манхэттене, Нью-Йорк). На повестке дня танца постмодерн был отказ от репрезентативности, театральности; взамен – спонтанность, существование в режиме online, постоянный эксперимент

с движением, работа в несценической среде, растворение художественных форм танца в разного рода средовых действиях, перформансах. Осуществляется попытка полной художественной свободы и анархии в соответствии с идеями контркультуры, в контексте которой и происходили эти процессы.

Техника контактной импровизации, разработанная американским танцовщиком Стивом Пакстоном в начале 70-х гг., предполагает возвращение к телу как «диффузному целому», неструктурированному, лишённому двигательных штампов и зажимов. Это проект, опирающийся на феноменологию тела, на слияние сознания/тела. Представить весь спектр человеческой телесности как сложное переплетение социальной, физиологической, пространственной, гормональной, интимной и биографической информации – к этому стремятся «контактники». Их «танец» рождается из вслушивания в тактильные и гравитационные ощущения собственного тела, из фиксирования импульсов и вибраций внутренней и внешней среды; из постоянного взаимодействия и «внимания» телу партнёра, отношения с которым находятся в постоянной, непротиворечивой смене функций господства/подчинения. Контактная импровизация, таким образом, представляет попытку ускользнуть от власти каких-либо предпосланных идеологий и смыслов и действует в логике дифферанса (различания) – понятия, разработанного Жаком Деррида. Это логика постоянной отсрочки полноты смысла, постоянного движения дополнения и замещения, возвращает в абстрактную схему «означаемое-означающее» процессуальность и чувственность, протяжённость и изменимость во времени/пространстве. В контактной импровизации смыслы рождаются здесь и сейчас, они физичны по своей природе, так как представляют развертывание возможностей человеческого тела в его взаимодействии с изначально пустым, но потенциально наполненным пространством, с телами других танцовщиков.

Возможно, к концу прошлого века в contemporary dance оказалась достигнутой наиболее полная степень искомой свободы тела. Но тогда возникает вопрос: а не выводит ли нас эта свобода за пределы искусства? Не происходит ли на наших глазах процесс растворения искусства танца в неких повседневных телесных практиках и, далее, в хаотичной разрозненности явлений и фактов эмпирической реальности? Или мы являемся свидетелями того, как на наших глазах закладываются основы нового искусства, а вместе с этим – наше новое понимание того, что же, собственно, есть искусство?

Н. К. Васютина*

Две концепции «Властитель и общество» в романе П. Акройда «Мильтон в Америке»

Произведения современного английского писателя Питера Акройда (р. 1949) посвящены главным образом проблеме жизни индивида в городской среде, и в ряде его романов эта тема раскрывается через мотив выбора, ведущего к формированию тех или иных властных отношений между героем и социумом.

Так, в утопическом романе «Мильтон в Америке», действие которого происходит в семнадцатом веке, в вымышленных новоанглийских поселениях Нью-Мильтон и Мэри-Маунт представлены два очень разных образа властителя – пуританин Джон Мильтон и католик Ральф Кемпис.

Джон Мильтон (английский поэт, который после реставрации Стюартов якобы бежал в Новый Свет), став правителем пуританского поселения, превращает Нью-Мильтон в место, где смысл жизни состоит не в веселье, но молитве, изучении Библии и труде, вводит крайне жестокие законы, преследует инакомыслящих и, в конечном итоге, вовлекает горожан в кровопролитную войну с жителями соседнего Мэри-Маунт, где живут католики.

Ральф Кемпис же устраивает жизнь в Мэри-Маунт как сплошной праздник бытия, где балаганным представлениям и маскарадным развлечениям отводится главенствующая роль, обеспечивает изобилие еды и удовольствий и создает атмосферу гражданского равноправия и религиозной терпимости: «Индейцы и англичане жили вместе на условиях полного равенства... некоторые англичане женились на индейских женщинах, и у них рождались многочисленные дети» [2; 181]. Такое же «перемешивание» наблюдается в религиозных обрядах. Коронация предводителя ка-

* *Надежда Касымовна Васютина* – ассистент кафедры иностранных языков регионов факультета международных отношений УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

толиков Ральфа Кемписа совмещает в себе как европейские языческие элементы, например Майское дерево, так и американские – чучела птиц и кожаные мешочки с благовониями. «Кемписа... несли на позолоченных носилках. Он был одет в рубашку, украшенную разноцветными перьями, а на шее у него висела массивная золотая цепь. За ним, напевая, шли... *иезуиты*, а местный *шаман* потряхивал сухим горохом в мешочке в такт их гулким голосам» [2; 239].

В данном случае очевидно, что автор детерминирует сложившийся у двух героев стиль управления их конфессиональной принадлежностью. Пуританизм традиционно понимается как индивидуалистическое направление в христианстве, как «вера индивида, возвышающегося над остальными; его религия проста и приватна, она обходится без зрелищности и массовых ритуалов» [3; 162]. Католицизм же заведомо карнавален по своей природе, по сравнению с пуританизмом его обрядовые практики гораздо более театрализованы и имеют ту же природу, что и любое представление (предназначенное для массы зрителей), и, следовательно, здесь личное уступает коллективному.

Оппозиция пуританизм/католицизм подразумевает, помимо противопоставления индивидуального коллективному, оппозицию предопределение/свобода воли. Иными словами, католик Кемпис и пуританин Мильтон соответственно по-разному видят путь к спасению души: для первого мир еще остается «нерасколдованным» [1; 143], и катарсический опыт прощения грехов и обретения благодати достигается им в близких театральному представлению религиозных обрядах. Второй же «единственным средством стать угодным Богу» считает «исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни» [1; 97], что предполагает неустанный усердный труд и аскезу как средство упорядочивания образа жизни [1; 155].

Мильтон, подобно паломнику Дж. Беньяна, готов отказаться от любых человеческих связей ради личного спасения души, поэтому, выполняя священный долг пастыря, он жертвует уважением и любовью своих соплеменников, дружбой своего помощника и секретаря Гузвилла и какой-либо надеждой на личное счастье ради того, чтобы выполнить то, в чем, как он полагает, состоит его призвание, обеспечивающее ему путь на небо.

Ральф Кемпис в своих отношениях с жителями Мэри-Маунт гораздо больше ценит возможность спокойного и мирного сосу-

ществования для всех горожан и активно вовлекает их в общественные практики, объединяя всех местных, независимо от расы или вероисповедания, в карнавальном веселье. (Так, в поселении, в отличие от пуританского Нью-Мильтона, устраиваются ярмарки и хороводы, проводимые с раблезианским размахом.) Зная, что его вера всегда оставляет надежду на спасение, Кемпис и сам оказывается более гуманным правителем.

Несмотря на диаметрально противоположные способы построения властных отношений с социумом своего города, для обоих героев оказывается невозможным создать идеальный мир. Нью-Мильтон становится безотрадным городом, так как Мильтон с изощренной жестокостью, практически помимо воли своей паствы, ведет ее к спасению и в итоге теряет большую часть людей в ходе религиозной войны; в битве погибает и Ральф Кемпис. Но если Мильтон, устроив вместо идеально управляемого города хаос, расплачивается за собственные заблуждения – религиозный фанатизм и гордыню, то Кемпис становится жертвой нарушенной мировой гармонии, и автор, несомненно, симпатизирует ему и его представлению об идеальном городе – не только потому, что, будучи католиком, П. Акرويد может быть благосклоннее к Мэри-Маунт, но и потому, что в этом городе гораздо больше терпимости и человеколюбия, чем где-либо в тогдашней Новой Англии.

Это противостояние двух религиозных традиций в вымышленных топосах Нового Света можно трактовать как имеющее реальный прототип в Англии периода Тюдоров (появление англиканской церкви, преследование протестантов Марией Кровавой и католиков – Елизаветой) и Реставрации. «Мильтон в Америке» восходит к теме исторического выбора, сделанного страной в определенный момент, и подчеркивает важное для П. Акроида наличие (по крайней мере) «латентного католицизма» [4] в современном английском обществе.

Итак, образы властителя-пуританина Джона Мильтона и правителя-католика Ральфа Кемписа в романе П. Акроида представляют собой отрицательный и положительный полюсы построения властных отношений человека и социума, художественно взаимодействующие наподобие системы оптических приборов, с разных точек зрения изображающих и преобразующих реальность. «Мильтон в Америке», предлагая читателю художественное воплощение приема «исторической развилки» – выбора индивидом или страной определенного пути развития, в то же время осущест-

влияет некую критическую переоценку феномена власти в реальной истории.

Литература

1. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер / Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
2. **Ackroyd P.** Milton in America. – London: Vintage, 1996. – 277 p.
3. **Gibson J., Wolfreys J.** Peter Ackroyd: The Ludic and Labyrinthine Text. – NY: St. Martin's Press, Inc., 2000. – 312 p.
4. **Onega S.** Interview with Peter Ackroyd [Electronic resource] // S. Onega / Twentieth-Century Literature. 42:2 (Summer). – 1996. – P. 208–220.

Л. Г. Ядрышникова*

Вырожденный фольклор¹: между государством и маскультом

В отечественной истории XX века особое место занимает советская эпоха. Под воздействием массовых процессов и притязаний новой власти подвергается изменениям народная культура (как, впрочем, и вся культура), в том числе отдельные её формы, такие как поздний и вырожденный фольклор, появившиеся в XVIII–XX вв.²

Поздний и вырожденный фольклор – основа современных форм народной культуры – хронологически находится между классическим крестьянским фольклором и профессиональной культурой. Его появление – результат усиления контактов деревни с промышленным городом, симптом разложения крестьянской цивилизации. В отличие от классического, это фольклор с ослабленным символизмом или вне-символический (поздний), который впоследствии утрачивает игровую развлекательную подоплеку а также начала игрового коллективного действия (вырожденный или «вторичный»). С одной стороны, это культура отдыха человека, занятого в производстве, с другой – обогащённая какими-то специализированными действиями, полученными в результате образования или профессионального навыка (прикладное искусство, примитив, любительство, салонное искусство, китч, графоманство и т.п.). Это деятельность, находящаяся между двумя разными временами –

* **Людмила Григорьевна Ядрышникова** – преподаватель Свердловского филиала НОУ «МИРБИС» (Институт), аспирант УрГУ им. А. М. Горького (г. Новоуральск).

¹ Классификация фольклора по: **Чередниченко Т.** Лекции по истории музыки. М., 1995.

² С точки зрения качественного изменения народной культуры Т. Чередниченко выделяет формы *архаического, классического, позднего и вырожденного* фольклора, которые обозначают этапы развития культуры в соответствии с тенденциями общественного развития. См.: **Чередниченко Т.** Указ. соч.

трудом и досугом (не дело, но и не «безделье»). Пионерами вырощенного фольклора, по мнению Чередниченко Т., были оторванные от социума группы, вырабатывающие свою систему опознавательных знаков. Автор исследования указывает, что вырожденный фольклор, представленный на современной эстраде, так же как и народная культура в целом, не имеет авторства: «Не коллектив стоит за куплетами о «Мурке» или шлягером В. Добрынина «Киса, киса, киса, Ты, моя Лариса», а стандартный член группы, унифицированный атом людской массы»³.

Вырожденный фольклор сегодня широко представлен в акциях типа современных народных праздников, гуляний, выставок, фестивалей, ярмарок и т.п.. Тяготение фольклора к коллективному позволило ему стать одной из важных опор в строительстве социалистической культуры, а вместе с тем занять своё особое место в массовой культуре.

Следует отметить, что понятие массовой культуры не является синонимом современной культуры, хотя это – её очень существенный элемент. Идея стандартного равенства подменяет в ней идею культурной иерархии. Влияние масскульты, следуя мысли М. Фуко⁴, «распространено повсюду, в нём уже ничего не детерминировано извне. В такой ситуации становится труднее разглядеть дихотомические основания» властных отношений в поле культуры.

Роль массовой культуры, как показала история XX века, резко возрастает в тоталитарных обществах. Важным для нас становится тот факт, что власть через механизмы массовой культуры и эксплуатируемые ею коллективные формы сознания (мифологию, религию, идеологию), оказывает мощное воздействие на общество, формируя тип, соответствующий целям и задачам правящих элит. Идеология появляется на границе между «старым» и «новым» миром в условиях утраты человеком традиционной социокультурной идентичности как искусственное волевое усилие власти, направленное на создание новой общности (в нашем примере – «советский народ») и как путь идентификации индивидов «сверху»⁵. Для такого масштабного преобразования молодому социалистическому

³ Чередниченко Т. Указ. соч.

⁴ Цит. по: Шабурова О. В. К проблеме классического/постклассического в развитии политической философии // Социемы. № 6.

⁵ См.: Круглова Т. Советская художественность или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005. С. 81–85.

государству понадобился внушительный аппарат, располагающий разветвлённой сетью управленческих структур во всех сферах, в том числе и в культуре (Наркомпрос, Культпросвет, всевозможные комиссии и комитеты, советы, съезды и т.п.). Само государство делает попытку создания единой культуры, целью которой должен был стать новый человек. Вместе с тем процесс модернизации культуры становится одновременно и процессом её омассовления.

Одним из мифов и одной из главных целей нарождающейся культуры стала так называемая «культурная революция», задачей которой явилось преодоление противоположности между городом и деревней, между «передовым» пролетариатом и «отсталым» крестьянином. В качестве средства создания новой культуры предполагался синтез профессионального и фольклорного, искусства и ремесла, художественности и утилитарности для придания культуре максимальной простоты и ясности для народа. В рамках культурного преобразования происходила профессионализация и институционализация фольклора: в 1933 году был образован Народный университет искусств при Всесоюзном Доме народного творчества; организуются изостудии, кружки, в которых с самостоятельными художниками работали признанные профессионалы, нередко студийцы продолжали обучение в профессиональных ВУЗах или сами становились руководителями кружков. Занятия в таких кружках и студиях носили массовый характер, им отводилось по несколько часов после напряжённого рабочего дня при совершенно неразвитом быте. Можно лишь согласиться с исследователями⁶ самостоятельного творчества, что энтузиазмом народа двигала вера в идеалы коммунизма, в мощь страны.

«Прагматический в своей основе подход к фольклору как “сырью” для чего-то иного, более высокого, современного и культурного, приводил к деформации его как целостного явления, к включению его на правах элемента в систему “синтетических”, “общенародных”, общераспространённых городских культурных форм»⁷. При этом зрелища «народного творчества» стали важным элементом в диалоге власти и народа.

⁶ См., например: Богемская К. Г. Понять примитив. Самодеятельное, наивное и аутсайдерское искусство в XX веке. СПб., 2001; Зоркая Н. Миф об октябре как венце истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм. Культурологические записки. Вып. 2. М., 1996.

⁷ Румянцева С. Ю., Шульгин А. П. Самодеятельное творчество и «государственная культура» // Цит. по: Богемская К. Указ. соч.

Взаимодействуя с массовой культурой в её «социалистическом» варианте фольклор приобретает специфические черты. Характерна в этом плане советская массовая песня: синтез фольклорного и нового – советского – предстаёт в ней как стремление «простого человека» к тотальному разрастанию, превращаясь в коллективное тело⁸. При этом устанавливается мистическое тождество коллектива и его жизненного пространства «от Москвы до самых до окраин». «Огромное пространство равновелико уютному кругу света от домашнего очага, «грандиозное как доместифицированное, великое как малое – таково музыкально-семантическое «уравнение» советского мифа, главная задача которого – обосновать способ существования новой общности»⁹.

Наряду с упоминавшимися в качестве вторичного фольклора в середине века возникает уникальный феномен советского периода – «художественная самодеятельность», породившая несколько поколений «художественно одарённых» людей, из которых затем выделяется целая плеяда деятелей культуры – музыкальных групп (ВИА) и отдельных исполнителей, авторов-исполнителей «самодеятельной песни», киноактёров, телеведущих, конференсье, мастеров разговорного жанра и пр. За всем этим скрывается новая культурная традиция, связанная с характерным жизненным укладом, жизнеустройством советского человека, его представлениями и идеалами.

Так, вступая во взаимодействие с государством и массовой культурой, вырожденный фольклор трансформируется, становясь, с одной стороны, узнаваемыми образами масскульта, с другой – само-деятельностью субъекта в культуре и средством его приобщения к культуре, способом воссоздания гармоничной целостной картины мира.

Литература

1. Современный философский словарь. – М.: Академический проект, 2004.
2. Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб., 1998.

⁸ См.: *Чередниченко Т.* Россия 90-х в слоганах, имиджах, рейтингах (актуальный лексикон истории культуры). М.: Новое литературное обозрение, 1999.

⁹ Там же.

Е. В. Рубцова*

Власть языка как условие существования искусства

Запутавшись в сетях бесконечных определений, дававшихся как художниками, так и теоретиками начиная со второй половины XX века, искусство все настойчивее поднимает вопрос о самоидентификации. Дж. Кошут – один из основоположников концептуализма – в своей программной статье назвал это направление «искусством после философии». Кардинальную перемену в художественном мышлении он связывает с деятельностью М. Дюшана, который сакцентировал внимание на проблеме функционирования искусства и направил деятельность художника в область значимых художественных «жестов», служащих для определения самого понятия «искусство». По словам Кошута, состояние искусства (после Дюшана) – это концептуальное состояние.

Сложившись под непосредственным воздействием актуальных для второй половины XX века философских, эстетических, социологических течений, концептуализм опирался на трактовку языка как явления, формирующего всю человеческую деятельность и являющегося основанием, в том числе, и художественного процесса. Язык оказывается неустрашимым опосредующим звеном любых высказываний, именно он предопределяет структуры понимания и восприятия. Отсюда вытекает невозможность как непосредственного высказывания со стороны художника, так и непосредственного восприятия со стороны зрителя. Вместе с тем концептуализм не ограничивается простой констатацией и демонстрацией власти языка. Путем различных отстраняющих действий, очерчивающих и описывающих языковой базис искусства, концептуалисты стремятся преодолеть гегемонию языка, выйти за его пределы. Тексты, в виде которых реализуются многие работы кон-

* *Елена Валерьевна Рубцова* – ассистент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

цептуалистов, служат средством определения границ языка и одновременно попыткой ограничения его претензий на власть.

«Постфилософская деятельность» направила основное внимание на процесс создания и восприятия произведения искусства, на процесс функционирования искусства, на процесс возникновения смысла и на связь с контекстом (от конкретного экспозиционного до общекультурного). В соответствии с этими установками, произведения концептуального искусства могут реализовываться и как чистый художественный жест, свободный от какой-либо пластической формы. И даже само творчество в концептуализме интерпретируется часто как «недеяние» или как минимальное деяние.

Существенное значение для концептуализма имеет и установка на те формы восприятия, которые не поддаются языковому выражению и не могут быть названы. Эта проблема формулируется, по словам критика Д. Бернхейма, в виде парадокса: может ли искусство освободиться от языкового способа существования, если само примет эту языковую форму? Насколько тотальна власть языка?

С одной стороны, концептуальное произведение выявляет языковую природу искусства. С другой, демонстрируя, что означаемым является только сам язык, оно использует механизм «опустошения». Приемом, позволяющим концептуальному произведению максимально нейтрализовать претензию языка на власть, становится игра. Именно она освобождает произведения от статуса исключительности. Столь излюбленные художниками-концептуалистами логичность, рациональность, научность, аналитизм и т.п. «разыгрываются», обнажая механику игры, строящуюся на парадоксах и абсурде, освобождающую художника от скованности любыми нормами (в том числе и языковыми).

О. Ю. Азева*

Диктатура визуальности в современной культуре

Властные отношения исторически предопределяют множественность подходов для их рассмотрения. Можно обратить внимание на такие интересные преломления властных отношений (в том смысле, который им придается, чаще всего – социально-политическом) в культурном сознании как, например, виртуально удвоенный ВВП – персонаж сайта <http://vladimir.vladimirovich.ru>, плавно шагнувший и на вполне реальные бумажные страницы. Но можно отойти от настойчиво проникающей в сознание из разных СМИ «главной» персоны ежедневных новостных реалити-шоу и взглянуть на властные отношения, отсекая «глаз власти» – то есть рассматривать не социально-политический, а социально-культурный аспект.

Последние десятилетия продемонстрировали очередную смену акцентов в исследованиях, часто фиксируемую как поворот «визуальный» в противовес предшествующему «лингвистическому». Это многочисленные исследования видео-арта, рекламы, форм дизайна, фотографии, кино, телевидения и массовой культуры в целом. На основании теории массовых коммуникаций, концепции «общества спектакля», обсуждающих проблемы репрезентации, симуляции etc, и рассматриваются перечисленные феномены; что в результате приводит к созданию новой междисциплинарной исследовательской сети, нередко даже в отечественных источниках определяемой на латинице как «visual studies». (Хотя сомнения в исключительной современности такого подхода преследуют автора, подсказывая с диска генетической памяти, что «лучше один раз увидеть» было сказано очень давно, а «хлеба и зрелищ», вероятно, еще раньше. Таким образом, опора на видимое как изначально самое достоверное, а зрелищное как успешно потребляемое исторически и лингвистически уже вполне освоена.)

* *Ольга Юрьевна Азева* – аспирант кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Усталость на концептуальном уровне от размножающейся бесконечности смыслов и очевидный коммерческий успех механизмов массового искусства, накладываясь друг на друга, привели в современной ситуации к диктатуре визуальности как наиболее лаконичному и удобному для восприятия выразительному варианту. Визуализация социальных, политических и культурных процессов теперь настолько всеобъемлюща, что фактически можно приравнять визуальную культуру и повседневность.

Так, с одной стороны, визуальный ряд дает возможность передать информацию – выйти к уровню восприятия без стадии вербального языка, но с другой стороны, можно говорить об изначальной понятийной детерминации восприятия именно вследствие языка. Сам язык не может уйти от видимого: письмо основано на том, что мы видим буквы, а речь часто идет в комплексе с невербальной информацией. Зазор здесь остается в виде нерешенного вопроса о том, возможно ли выразить пережитый опыт визуального без вербальных средств.

Стоит отметить, что успешное применение визуализации в повседневных практиках (как, например, навигация по различным заведениям/учреждениям с использованием на указателях символических изображений вместо слов) на более сложных уровнях культуры – в искусстве – функционирует не столь однозначно и вряд ли может считаться универсальным.

Что дает доминирование визуальности в современном искусстве и к чему оно приводит?

В качестве моделей, на которых можно примерить данную концепцию, используем два фильма прошедшего года: «Cache» («Скрытое») М. Ханеке и «Sin city» («Город грехов») Р. Родригеса. Картины с очень разной стилистикой, разным происхождением, разной, вероятно, аудиторией, но выражающие одну и ту же тенденцию.

В «Скрытом» важно видимое и не существенно все остальное. Этот принцип работает в пределах фильма, и на нем же основано восприятие зрителя. Герои получают видеокассеты, где снята их жизнь и странные открытки, которые главный герой связывает со своим детством. Суть в том, что герои, вследствие замысла режиссера, не могут оставить видимое только видимым, но начинают реагировать на свое понимание воспринятой информации. Для зрителя происходит смещение в рамках фильма первой и второй реальности, когда нельзя точно отделить увиденное в настоящем или снятое на камеру (для чего фильм полностью был снят циф-

ровой камерой) и воспроизведенное на кассете. Явное и скрытое здесь как визуальное и смысловое, зритель не узнает (утрата ключевого момента классического триллера), кто вел съемку и не получит готовую оценку событий, он получит только форму, которую при желании сможет трактовать и заполнять.

Любопытно, что «cache» – также кинематографический термин, обозначающий способ съемки, когда рамку кадра искусственно ограничивают таким образом, чтобы действие на экране происходило как бы сквозь замочную скважину. Вместе с достаточно минималистской эстетикой фильма это позволяет сделать вывод о практически однозначной принадлежности его к нетеатральному или вуайеристскому¹ типу кино.

Для контраста – тип кино эксгибиционистского или театрального, в котором визуальная компонента доминирует традиционно. В современном варианте это экранизация комиксов, т.е. сама основа это уже картинки с подписями, а не текст с иллюстрациями, «Город грехов». Удивительное графичное изображение, черно-белое с всплесками цвета – зеленые глаза или красные кеды, Желтый Ублюдок, который действительно желтый – заставляет рассматривать все пространство экрана в точности как комикс, пиршество для визуальных гурманов. Технический уровень, необходимый для современных решений (съемки на зеленом экране, многочисленные наложения, специфический компьютерный монтаж, морфинг, etc), не достаточное основание для «лепки» новых форм. Основное – это моральная и интеллектуальная готовность к созданию подобных произведений. И именно сейчас цифровые техники кино освоены практически в полной мере и функционируют как инструмент и средство, а не забавная игрушка и самоцель.

Главным здесь оказывается не понятийное знание, а визуальный опыт.

Визуальное действует как провокация (конкретные принципы воздействия могут быть разными – это и четко ощущаемая психологическая «подкладка» сюжета, и жесткий визуальный ряд, не важно, какого цвета там будет кровь – красного или белого) и таким образом частично берет на себя функции смыслового, заставляя героев – действовать, а зрителей – сопереживать. Вследствие та-

¹ Опираясь на используемую в западном киноведении концепцию разделения фильмов на театральные как эксгибиционистские и нетеатральные как вуайеристские.

кого давления визуального ряда при непосредственном восприятии одновременная оценка и осмысленное переживание происходящего становятся практически невозможными. Но и после восприятия, а искусство практически всегда предполагало и более глубокую отложенную во времени оценку, обнаружение смысла не гарантировано.

Вторичность и необязательность смысла утверждается в новейшей культуре с диктатурой визуальности. Нечто подобное высказал еще В. Беньямин, отмечая, что «камера открыла нам область визуально-бессознательного». Соответственно, на зрителя обрушивается сам поток визуальной информации, внешней выразительности. Современное искусство, как самосознание современной культуры, дает максимум визуального, смещает акцент с точки зрения, олицетворяющей однозначное понимание, на точку съемки. И следующий возможный шаг, то есть систематизация и осмысление, находится полностью во власти зрителя.

Л. С. Чернов*

Влияние фотографии

В самом общем виде я попытаюсь рассмотреть феномен фотографии и его «властность» в современной культуре. Фотография, в силу своей массовой распространённости и общности, скрывает своё влияние на современного человека, а между тем, оно, это влияние, очень существенно...

В тридцать первом году, тогда же, когда Вальтер Беньямин публикует «Краткую историю фотографии», Осип Мандельштам пишет:

«Не разбирайся, щёлкай милый кодак,
Покуда глаз – хрусталик кравчей птицы,
А не стекляшка!

Больше светотени –
Ещё, ещё! Сеччатка голодна!»

В тех же отрывках «Уничтоженных стихов» читаем:

«В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет – читай: насильно
Был возвращён в буддийскую Москву».

И опять в этом же «тридцать первом» поэт вновь подчёркивает:

«Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой
На молоко с буддийской синевой».

И вновь:

«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»¹.

* **Леонид Сергеевич Чернов** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии УрАГС (г. Екатеринбург).

¹ **Осип Мандельштам**. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 173, 177, 178.

Связка «фотография (щёлкай милый кодак) – буддийское лето, буддийская Москва» указывает нам на то, что Мандельштам не может вынести ужаса той настоящей и подлинной реальности, которая господствовала в то время в Москве. Это была реальность массовых репрессий, ночных телефонных звонков, нищеты, «века-волкодава», «хрипа», «неправды», всего того, что тоталитарная власть предлагала поэту в качестве материала для стихов и, что самое важное, – в качестве реальности его личной жизни.

«Уж я люблю московские законы,
Уж не скучаю по воде Арзни.
В Москве черёмухи да телефоны,
И казнями там знамениты дни».

Для того, чтобы выжить в той реальности ночных звонков и казней, поэту необходимо представить её, эту реальность, в виде иллюзии. Иначе невозможно, буквально воспринимать реальность «тридцать первого» года нельзя, а вот по-буддистски, отстранённо, в виде набора множества фотоснимков, при этом улыбаясь, так, пожалуй, и можно. Более того – Мандельштам наделяет человеческий глаз инстинктом фотографирования: «Ещё, ещё, сетчатка голодна!» Как будто увидеть одного раза недостаточно. Поэт с одной стороны убеждает самого себя в том, что он не боится окружающего мира и готов посмотреть на него прямо и пристально («Держу пари, что я ещё не умер...»), а с другой стороны – фотоснимок поможет в будущем восстановить реальность тоталитарного кошмара.

Философски этот «инстинкт фотографирования» опишет позднее Ролан Барт². Действительно, современный человек всякое событие своей жизни стремится сопроводить видео- и фотосъёмкой: свадьбу, отпуск на море, юбилей, день рождения, встречу старых друзей, поездку за город и так далее. Как будто фотография придаёт событию действительную, окончательную объективность и юридически удостоверяет будущих её зрителей в том, что это в действительности происходило.

В мире мелких происшествий, обыденного потока каждодневной рутины (сансары) фотография путём копии, через дублирование

² *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии / Пер., послесловие и комментарий М. Рыклина. Ad Marginem, 1997.

и тиражирование изображений придаёт прошлому статус высшей объективности. Повторюсь: эта объективность породила новый, культурный, «фотографический инстинкт». И современная культура без этого инстинкта, «голода сетчатки», обойтись уже не может.

Говорить сегодня о виртуализации современного мира, значит повторять уже многократно сказанное. Между тем именно фотография сделала на этом пути принципиальный шаг. «Фотография стоит у истоков дереализации мира, пределы которой пока не определились (если это вообще возможно)»³.

Теоретик фотографии Сьюзен Зонтаг конкретно указывает на зависимость общества потребления от возможности тиражирования в нём громадного потока фотокарточек: «Производство фотографий воспроизводит господствующую идеологию. Социальное изменение подменяется изменением изображений. Сужение свободы политического выбора до свободы экономического потребления нуждается в неограниченном производстве и потреблении фотоснимков»⁴. Выводы из подобного рода глобальных заявлений достаточно прозрачны и целиком мною разделяются.

Власть фотографического изображения, которое присутствует в рекламе, официальных документах, паспортах, удостоверениях, газетах, юридических процедурах, массовой глянцевой продукции, семейных фотоальбомах, музейных хрониках, – уничтожает время, уничтожает миф, способность вообразить прошлое (О ужас: существуют фотографии Шопенгауэра и Шеллинга!) Невозможно представить, что бы случилось, если бы обнаружилась фотография Сократа, – и это при том, что существует масса описаний сократовского лица в мельчайших подробностях.

Однако неужели власть фотографии ограничивается только тем негативным, что было перечислено и упомянуто выше и что можно описывать до бесконечного, впадая в раж разоблачения? Думается, что не так.

У Барта мы находим очень, на мой взгляд, существенную мысль о том, что фотография возвращает «культуре смерть». Смерть, «ушедшая» из религии, архаики, ритуала настигает современного человека через фотографию. Близкий человек ушёл, умер, ребёнок повзрослел, событие осталось в прошлом, умерло, а вот факт его объективной достоверности – фотоснимок – остался.

³ *Барт Р.* Указ. соч. С. 205.

⁴ *Зонтаг С.* О фотографии / *Р. Барт.* Указ. соч. С. 180.

Мы видим то, чего нет. Мёртвое как живое, и живое (смеющееся лицо) как мёртвое (зная, что такого лица мы не увидим никогда).

Такая двойственность фотографии близка тому, как Августин понимал время, исходя сугубо из настоящего: настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Конечно, мгновение Вечности, которое Августин подразумевал, далеко от того мгновения, которое запечатлевает фотография, но маленький «кусочек» Вечного фотоснимок всё-таки захватывает. Хотя бы тем, что повторяет: этого ты больше никогда не увидишь!

И вот это «никогда», это единожды пойманное мгновение, эта умершая реальность, пусть тихо, без катарсиса (М. Рыклин), без пафоса, – напоминает человеку о смерти, бренности, суетности, о том, что есть вещи, исправить которые уже невозможно, что есть нечто, что выше человека и до сих пор ему неподвластно.

К. В. Архангельская*

Символическая власть брендов в социокультурном пространстве современности

Современная социокультурная ситуация, по мнению теоретиков постклассической философии власти М. Фуко, Р. Барта и П. Бурдьё, характеризуется появлением нового типа власти – нелокализуемой в традиционных институтах государства и права, универсальной силы, интегрирующей и моделирующей реальность на всех ее уровнях. Это неинституциональная власть, присутствие которой тотально, но при этом анонимно и скрыто, поскольку ее стратегии реализуются на микроуровнях социальной и культурной жизни посредством практик, не воспринимаемых обыденным мышлением как субинституты власти. «Символическая власть и есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что поддерживает ее или даже ее осуществляет» (1. С. 88), поэтому исследователь должен «уметь обнаружить власть там, где она совсем не узнана, следовательно, признана» (1. С. 88), полагает П. Бурдьё.

Любой вид капитала (экономический, социальный, культурный) будучи признан в качестве легитимного, становится «символическим капиталом» (1), наделяя своего носителя символической властью – «властью производить и вводить классификацию» (2. С. 34), «властью заставляя видеть и верить, утверждать или изменять виденье мира, ... а значит сам мир» (1. С. 89). Одной из привилегированных форм осуществления символической власти в социокультурном пространстве современности становятся бренды, «символический капитал» которых состоит «в обладании символическими ресурсами, основанными на знании и признании имиджа марки и верности марке» (3. С. 139).

* **Ксения Вячеславовна Архангельская** – аспирант кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры, ассистент кафедры культурологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Исследование, проведенное в Великобритании, показало, что брэнды пользуются у британцев значительно большим доверием, чем такие традиционные властные институты, как парламент, полиция и правовая система (4. С. 21–22). Этот факт не случаен, так как создание и приумножение «символического капитала» брэнда, посредством увеличения осведомленности о нем и лояльности к нему является базовым условием существования брэнда. Брэнд в данном случае понимается нами как образ торговой марки товара, услуги или организации, формируемый в массовом сознании посредством внедрения в него сложного комплекса уникальных марочных ассоциаций – идентичности брэнда. Идентичность брэнда включает в себя ассоциации в отношении: сущности брэнда – его основной идеи и социокультурной миссии; характеристик индивидуальности брэнда, уподобляющих его «личности», «персоне» (что способствует установлению эмоционально-доверительной связи с потребителями); ценностей брэнда, обеспечивающих удовлетворение не только и не столько «базовых» потребностей индивида (А. Маслоу), сколько его эмоциональных, социальных, культурных и даже духовных потребностей; а также ассоциации с определенным стилем жизни, «проповедуемым» брэндом и образом его «идеального» потребителя. В результате потребление брэндов приобретает статус акта символического приобщения к стилю жизни «по брэнду» и его ценностям, а лояльность к брэндам становится актом признания и разделения его убеждений. Признавая и разделяя ценности и убеждения брэнда, индивид предоставляет ему ресурсы для реализации символической власти и тем самым, по сути, санкционирует «легитимное символическое насилие» (1) брэнда.

Одним из путей реализации «легитимного символического насилия» брэндов является «социальная классификация» индивидов. Закрепленные в массовом сознании представления об образе жизни «идеального» потребителя каждого брэнда делают брэнды своеобразными «различительными знаками» (2. С. 25), социальными маркерами, указывающими на социальный статус лояльных к ним потребителей, превращая потребление брэндов в «практику, производящую социальные различия» (5. С. 130). Реклама брэндов в этом контексте становится «специфическим учебником по социальной семантике» (6. С. 13), позволяющим каждому индивиду легко ориентироваться в социальном пространстве. В этой ситуации индивиды, потребляющие небрэндированную продукцию, исключаются из системы «брэндовой социальной иерархии» и становятся

«маргиналами», лишенными «символической прибыли», предоставляемой брэндами.

Символическая власть брэндов эффективно реализует свои стратегии не только в социальном пространстве, но и во «внутреннем пространстве» личности человека, ориентированной на обретения самоидентичности. Современные брэнды становятся 4-мерными, приобретая, помимо «функционального и социального измерений, ментальное и духовное измерения» (7). Брэнды внушают индивидам, что потребление брэндированной продукции поможет им обрести покой и душевную гармонию, счастье и любовь близких, сделает их заботливыми детьми и любящими родителями, позволит им повлиять на социальные, экономические, политические и культурные реалии – то есть поспособствует их самореализации. В итоге, экзистенциальный поиск подменяется потребительским выбором, а самореализация индивида, посредством лояльности к брэнду, оборачивается клишированной идентичностью.

Символическая власть брэндов проявляется в символическом присвоении времени и физического пространства с целью встраивания брэндов в «картину мира». Так, швейцарский производитель часов компания Swatch Group разделила сутки на тысячу Swatch-мигов и теперь убеждает пользователей Интернет отказаться от традиционного времени и перейти на их новое, свободное от часовых поясов, «фирменное» время. (8. С. 58). Глобальный брэнд Coca-Cola символически присваивает физическое пространство, объявляя землю «родиной Coca-Cola». Символическое присвоение физического пространства в Disney – городе Селебрейшн перерастает в реальное, здесь «брэнд становится самой жизнью» (8. С. 209).

В пространстве культуры символическая власть брэндов превращает свои атрибуты (логотипы, в частности) в культурные знаки, подобные религиозным или магическим символам. Здесь брэнды окончательно освобождается от своей материальной составляющей («продукта») и превращаются в «чистый» знак, в «икону».

Апофеозом символической власти брэндов в будущем, по мнению некоторых исследователей (9), может стать создание, посредством консолидации маркетинговых усилий владельцев глобальных брэндов, «супербрэндов» – нескольких целостных концепций стили жизни (нескольких жизненных философий), материальным воплощением и подкреплением которых станут товары и услуги, способные удовлетворить весь спектр человеческих потребностей, а также обеспечить весь жизненный цикл индивида от рождения до

смерти (9). Подобные «супербренды» способны стать новыми «религиями» или «культами», требующими от своих последователей веры, поклонения и покорности.

Но это – будущее, а на сегодняшний день можно констатировать, что символическая власть брендов постепенно проникает на все уровни современной социокультурной реальности, интегрируя и моделируя ее.

Литература

1. **Бурдые П.** О символической власти // П. Бурдые. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
2. **Бурдые П.** Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
3. **Бурдые П.** Поле экономики // П. Бурдые. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
4. **Эллвуд Я.** 100 приемов эффективного брендинга. – СПб.: Питер, 2002.
5. **Бодрийяр Ж.** К критике политической экономии знака. – М., 2003.
6. Анатомия рекламного образа. – СПб.: Питер, 2004.
7. **Гэд Т.** 4D-брендинг: взламывая код сетевой экономики. – М.: Изд-во Bookhaus Publishing, 2000.
8. **Кляйн Н.** NO LOGO. Люди против брендов. – М.: ООО «Добрая книга», 2003.
9. **Крылов А., Зуенкова О.** Бренд и общество – разделение ценностей (прошлое и будущее взаимовлияние)//<http://www.advertology.ru>

А. В. Костарева*

Властные отношения в системе моды

Рассуждая о моде, трудно удержаться от метафор. Тирания моды, власть моды, модное влияние... Насколько использование подобных оборотов симптоматично и оправданно? Так как в самом общем виде понятия «власть» и «мода» призваны отражать различные формы социальных связей, представляется возможным рассмотрение функционирования системы моды (на примере частной составляющей – моды в одежде) в кратологических терминах, через призму содержательной специфики конструкта «власть».

При множестве определений власти за базовое может быть принято следующее: власть есть сравнительно устойчивое отношение между субъектом власти – агентом, выступающим причиной возможного изменения действий другого агента (объекта), и объектом власти – агентом, изменение деятельности (сознания) которого есть следствие воздействия со стороны субъекта. Тем самым подчеркивается, что власть не может существовать в форме безликой силы, подчиняющей людей вне зависимости от ее носителей. Представляется, что и выражение «власть моды» практически лишено патетики стихийного, деперсонифицированного начала, по крайней мере, применительно к современной социокультурной и социально-экономической ситуации, характеризующейся, по словам Бодрийяра, «новым гуманизмом потребления», при котором мода становится управляемой мотивацией, заменяющей пуританскую мораль гедонистической. Требуется определить субъекта, персонифицированного в виде индивида, группы или организации, чьи целенаправленные усилия регулярно конкретизируют или меняют наше представление о модных тенденциях, чей вкус общество готово принимать в качестве эталона. Как указывает Бурдые, при выработке объективной классификации и иерархии цен-

* **Анна Викторовна Костарева** – ст. преподаватель, зам. декана факультета конструирования и моделирования одежды Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ностей, предписываемых индивидам или группам, все суждения имеют разный вес, и власть внедрять старое или новое видение ценностно-значимого зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе, от накопленного символического капитала. Власть действовать от имени «Ее Величества Моды», сохранять или конструировать новые представления в терминах актуального, эстетически-значимого, модного/немодного может быть получена лишь в результате длительного процесса институционализации, в итоге которого учреждается доверенное лицо, чья точка зрения устанавливается как легитимная в границах данного общества. Логично предположить, что социальным институтом, обладающим властью производить и навязывать легитимное видение в области моды, будет исторически сложившийся институт *hote couture*. Властные отношения с объектом, персонафицированным в виде индивида или потребительских групп, реализуются через деятельность его официальных представителей – именитых кутюрье, собственными суждениями и творениями предписывающих модную шкалу ценностей. За самим званием «кутюрье» скрывается официально санкционированный символический капитал, подтвержденный и гарантированный в результате официальной номинации – вступления в Палату *hote couture*. Этой когда-то сугубо профессиональной организации сегодня принадлежит власть присваивать дизайнеру высшую социальную признанную квалификацию в области моды. Кутюрье, знаменитых дизайнеров прет-а-порте и дизайнерские группы, работающие для известных марок, даже называют законодателями моды, подразумевая, что подобное звание наделяет своего обладателя законотворческими правами установления модных стандартов и предоставляет безграничную свободу, ограждая от сомнений и критики, поскольку, как известно, Юпитеру позволено и прощается многое... И в то же время данное определение обладает некоторой льстивой неточностью: в современной ситуации за креативным беспределом кутюрье и символической знаковостью известных брендов предумышленно скрываются те, кто незримо управляет их деятельностью. Управление есть функция любой организованной системы, обеспечивающая сохранение структуры, поддержку деятельности и достижение целей данной системы, а субъект управления выступает одновременно субъектом властных отношений (власть есть необходимое условие управления). Речь идет о мощных корпорациях, таких как LWMH, Prada или Gucci-group, поделивших

сферы влияния в модной индустрии и контролирующих практически все дома «От кутюр» и марки прет-а-порте. Это не означает, что кутюрье и дизайнерским группам отводится пассивная роль инструментария. Они – полноправные субъекты власти, обладающие относительной свободой действий, способные своим творчеством оказывать воздействие на сознание объекта и ответственные за изменения в его модном поведении. Деятельность законодателей моды – это, по сути, всегда «творческое разрушение», поскольку в борьбе за власть они создают новые, или хотя бы иные, отличные от предыдущих, образы, формы, силуэты, пропорции и т.д., отменяя предложенное ранее. Ими непосредственно создаются объекты, обозначаемые как модные, которые впоследствии актуализируются через действия представления, индивидуальные или коллективные. Субъектами исполнительной власти хочется назвать тех, кто сидит в первых рядах на подобных представлениях: не зрителей, но судей, наделенных правом выносить вердикт, высказывать официальную точку зрения, публиковать ее в официальных источниках, ведь, как известно, пока принятый закон не будет опубликован, он не вступит в силу. Это немногочисленная группа редакторов наиболее престижных модных журналов, за спинами которых разнобразный арсенал СМИ. Власть этих слуг модного закона чуть ли не более весома, а выносимые ими суждения не менее легитимны. Модные редакторы – как толкователи снов, разъясняют суть происходящего, и от качества перевода во многом зависит итоговое содержание. Через санкционированные ими публикации на страницах модных изданий происходит диагностика, «узнавание» широкой общественностью, что некая персона или вещь обозначены как модные; объекты получают признание и подтверждение. От них во многом зависит продвижение новых стандартов, а главное – вытеснение с рынка старых объектов, официальное признание их немодными. Глянцевая периодика осуществляет фактически функцию администрирования, при помощи директив, предписаний указывая людям, что именно они могут носить, чем именно обладать, чтобы считаться модными. Непосредственным результатом («выходом») власти признается подчинение объекта субъекту, и для его достижения в системе моды используются разные приемы. Кажется очевидным, что власть моды по определению заключает в себе конфликт предпочтений, порождающий конфликт между субъектом и объектом, что, в свою очередь, ассоциируется с сопротивлением, принуждением, угрозой, применением негативных санк-

ций и т.п. Но эти, если так можно выразиться, крайние меры обычно свидетельствуют о кризисе власти, тогда как успешная реализация властных отношений предполагает более тонкие методы (побуждение, убеждение, авторитет, манипуляция). Воздействие оказывается на сознание объекта с целью изменить его представления о значимом, привлекательном, сформировать у него желание по отношению к конкретным формам, а не заставлять объект действовать против его воли. Используя стремление объекта подражать и отличаться, идентифицировать и позиционировать себя как члена определенной группы, обозначенные выше субъекты модной власти работают над формированием нужного для них общественного мнения, поскольку поощрения, как и негативные санкции, в системе моды носят чаще всего символический характер, выражаясь в положительной или отрицательной оценке объекта со стороны остальных участников социума. И, опять же, главным инструментом воздействия становятся СМИ: убедительная сила печатного слова, яркость видеоформата, ссылка на законодателей стиля, констатация «объективных» фактов, подтвержденная отчетами и репортажами о том, что носят известные люди (певцы, актеры, спортсмены, миллионеры и т.п.— все те, кого социум наделил определенной престижной значимостью), позволяют широкой общественности доверчиво присваивать подобные суждения, изменяя собственное модное поведение в соответствии с вновь утвержденными канонами.

Таким образом, модное воздействие осуществляется через принятие предписываемой точки зрения, установленной в качестве легитимной, т. е. такой, которую должны признавать все, по крайней мере, в границах данного определенного общества. Естественно, всегда найдутся те, кто преступает или игнорирует закон. Как и любая власть, власть моды не безгранична. Ее эффективность зависит от степени, в которой предлагаемая мода опирается на реальность социокультурной ситуации. И все же, перефразируя Бурдьё, так и хочется прибегнуть к метафоре: власть моды есть власть творить вещи при помощи слов.

И. В. Янков*

Мифология казино

«Весь мир театр», «что наша жизнь – игра», «искусство требует жертв» – это типичный набор метафор, определяющих содержание искусства и его отношение к жизни. В современных условиях эти метафоры приобретают специфическое наполнение. Одним из показательных дрейфов современной реальности является актуализация метафоры «казино», отражающей характерные трансформации социума.

Казино – это пространство игры, в которой делаются ставки и крутится колесо фортуны, осуществляются траты и инвестиции в случай и удачу. Это пересечение вероятностных тенденций и значимых жестов, за которые необходимо платить.

Симптоматичной приметой современного состояния социальности является размывание границ сакрального и профанного, общественного и частного, созерцательного и действенного. В этих условиях храм искусства включается в рыночную борьбу, а утилитарные инструменты превращаются в эстетические объекты. Игра как незаинтересованная во внешних основаниях деятельность, служащая основанием культурных форм (Хейзинга), выходит за пределы игрового мира и становится всеохватывающим полем. Однако вместо порождения живительных сил искусства такая игра становится источником симуляции жизни. Симуляция связана с тем, что в современной культурной практике оборачиваемость символического обмена (Бодрийяр) замещается функционированием знаков. Символический обмен связан с архаическим феноменом *жертвы, вызова и смерти*, а торжествующее функционирование знаков просто вытесняет смерть и вызов за пределы «нормальной» жизни. Искусство играющее вытесняется искусством играющим. Однако вытесненные феномены проявляют себя в неканализованном и поэтому неприрученном насилии, в маниях и коллективных неврозах и психозах.

* *Игорь Викторович Янков* – канд. филос. наук, доцент кафедры связи с общественностью УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Одной из форм трансформированной архаической игровой практики в условиях цивилизации является казино и весь мир игрового бизнеса. Мир казино – это стилизованное, эстетически выдержанное пространство, с подчеркнутой ритуальностью действия, с жертвой и вызовом судьбе как структурообразующим началом. Казино выполняет мифоритуальные амбивалентные функции смерти и нового рождения, погружения в хаос и становления нового космоса. Казино традиционно своим стилем и местом расположения маркировались как иной мир, отделенный от обычной жизни. Отношения казино и пространства города маркировались так же, как в календаре праздничные даты противостояли обыденности будней. Однако в современных условиях отношения праздника и будней и их внутреннее содержание подверглись серьезным трансформациям. Количество праздников увеличивается, но ощущение праздничности «улетучивается», Государственные, национальные, городские и корпоративные праздники идут сплошной чередой. Но большинство этих праздников лишено живой мифологии и силы жертвенного обновления. Праздник «опускается» в будни, банализируется, а будни претендуют быть «праздником, который всегда с тобой», но с выхолощенной жертвенностью. Праздник и будни смешались.

Стирание границы праздника и будней, сакральности и профанности ярко проявляется в сфере распространения азартных игр. «Однорукие бандиты» соблазняют обывателя во всех углах социального пространства, телевизионные викторины обращают в псевдопраздник простое пребывание у телевизора. Лотереи с каждого угла вызывают испытать удачу и соблазняют *беспроегрышной* игрой. Праздник всегда с тобой, но у праздника нет содержания. Естественной стратегией пребывания в таком мире становится постоянная стимуляция пребывания в подобном состоянии. Лудомания (форма зависимости) поражает игроков казино сильнее любого наркотика, а социум также погружается в подобное лудоманское состояние. Казино становится метафорой современной жизни и современного искусства. В этом пространстве и развертывается мифология казино. Проблема состоит в способах прочтения и толкования мифа.

Миф – это смыслообразующий базовый текст. «Весь мир театр», «что наша жизнь – игра», «искусство требует жертв» – это традиционный набор мифологических, смыслообразующих высказываний. Как и любой миф, их можно читать буквально и симво-

лично. Вытеснение буквального смысла приводит к инверсии содержания. Однако доминирование буквального прочтения становится основанием для фундаменталистских и радикальных социальных течений. Фундаменталисты – это не только религиозные фанатики, это и те, кто «ставит жизнь на карту», буквально проживая метафору жизни как игру. Символическое прочтение мифа является прочтением, ориентированным на многообразие смыслов задаваемого полем символа. Символизм подразумевает не условное, произвольное значение знака, но диалог с традицией и архаическими основаниями. Отношение с мифологическим основанием – это постоянный процесс интерпретаций,двигающихся в поле буквального символического и условного прочтения символа.

По отношению к казино и азартным играм стратегия интерпретации предполагает не обличение их как «дьявольского соблазна» или сведение разговора о специфике их функций к утилитарной экономической составляющей, но учет их мифоритуальной роли. Речь идет о фиксации определенного пространства и времени для подобной деятельности. И в физическом пространстве времени города, и в телевизионном, и т.п. Однако подлинная проблема лежит не в регламентации этой деятельности, проблема состоит в том, что современный социум находится в поиски новых моделей, образцов, которые могли бы не деструктивно, а продуктивно выполнять функцию жертвенного обмена и канализации культурной энергии.

Продуктивное существование искусства и жизненных форм требует действенного диалога с архаическими (архе) началами.

Империализм английского языка в глобализирующемся мире

Теория лингвистического империализма, главным теоретиком которой является Р. Филлипсон, представляет собой критику теории нейтрального распространения английского языка, полагая, что в ней основной акцент делается не на его симбиозе с прогрессом, нейтральной, естественной, благотворной роли (на которой настаивают представители данной теории, например, Д. Кристал [2]), которую играет английский язык в глобализирующемся мире, а на его триумфальности, имперскости при анализе (взаимо)отношений доминирующей и притесненной культур, и особенно способа, содействующего распространению изучения английского языка.

Р. Филлипсон [6] отмечает, что в глобальных масштабах наблюдается ситуация, в которой английский язык как заменяет другие языки (приводя пример А.А. Мазруи о возможно большем количестве в мире к 2000 году афро-американцев, говорящих на английском языке как их родном, чем англичан), так и вытесняет (пример Скандинавии). Подобное вытеснение происходит в специфических областях, например таких, как компьютерная сфера или сфера досуга. Во многих странах, бывших колониях, наблюдается двойственная ситуация, когда колониальный язык до сих пор используется в деятельности, которой придают высокий статус, а доминирующий локальный язык – для менее престижных функций и локальные языки – для других целей, дистанцированных от символической элиты.

Это можно связать с утверждением Д. Граддола [3] относительно неравенства языков в их политическом и социальном статусах, что особенно проявляется в мультилингвальном контексте. Полное осознание роли английского языка в мире, в котором боль-

* **Виктория Валерьевна Ларченко** – преподаватель кафедры общественных наук, украиноведения и латинского языка Национального фармацевтического университета (г. Харьков, Украина).

шинство говорящих на нем субъектов не являются носителями его как первого/родного языка, требует понимания, как данный язык связан с другими, используемыми рядом с ним языками. Многие билингвальные/мультилингвальные субъекты взаимодействуют с другими мультилингвальными субъектами и используют каждый из своих языков для разных целей. Например, английский не употребляется просто по умолчанию, потому что он единственный язык, разделяемый с другим говорящим субъектом. По мнению Д. Граддола, он также часто используется, потому что на культурологическом уровне рассматривается как соответствующий язык, предназначенный для особого коммуникативного контекста.

Исследователь, подчеркивая, что языки в мультилингвальном пространстве часто находятся в статусном иерархическом порядке, утверждает, что в случаях употребления английского наряду с другими языками в языковой иерархии локального контекста их употребление различно. Например, в то время как первый/родной язык может выступать маркером сплоченности и близости, английский в ситуации билингвизма – подтекстом на социальную дистанцию, формальность и бюрократизм. Таким образом, субъекты, участвующие в процессе коммуникации и владеющие данными языками, могут переключаться в этом процессе с одного языка на другой что является неотъемлемой частью условия их отношений. К. Крамч [5] называет подобную языковую стратегию «языковым пересечением» (*language crossing*) (что можно было бы охарактеризовать как пересечение текстов), включающую также и вербальную стратегию переключения лингвистических кодов в одном речевом событии (*code-switching*), знаменующем собой как культурную солидарность, так и дистанцию. Согласно К. Крамч, при пересечении языков говорящими субъектами осуществляются акты (культурной) идентичности (*acts of (cultural) identity*), т.е. способ, которым говорящие субъекты показывают свое отношение относительно их принадлежности к определенной культуре (т.е. дискурсивному сообществу) и к культуре Другого через использование языка. В данном социолингвокультурологическом контексте реализуется схема иерархической структуры общества, которая, по словам Т.А. ван Дейка, позволяет «установить, какие из единиц и отношений (например, установления, роли, действия) определяются единицами более высокого уровня. Чтобы вычислить, является ли речевой акт приемлемым, мы в первую очередь должны представлять, каковы наиболее общие свойства социальных ус-

ловий (settings), в которых осуществляется взаимодействие, а уже затем обращать внимание на более специфичные для данной ситуации детали, например на характерные особенности участников коммуникации» [1, с. 22]. Ситуация, описанная Д. Градолом, отличается от той, которая описана Б. Качру [4], и связана с взаимоотношениями элита-массы/Чужой и локальный/английский язык в колониальную эпоху (когда символическая элита намеренно выбирала локальный язык, оппозиционируя себя, таким образом, колониатам), а также элита – Чужой/массы и английский/локальный язык в постколониальную эпоху (когда символическая элита выбирает английский язык для оппозиционирования себя массам).

Согласно Д. Градолу, в мировой иерархии языков английский и французский языки находятся на ее вершине, при этом наблюдается заметное снижение значимости последнего и все более полное осознание первого в качестве глобального *lingua franca*. Исследователь доказывает, что английский постоянно «колониализует» нижние уровни данной иерархии, аргументируя это тем, что большое количество говорящих субъектов как носителей конкретных языков в мире, вероятно, находятся в процессе исчезновения как носители именно данных языков, несмотря на то, что большая часть языков мира может быть найдена в основании иерархии. Из чего делает заключение: английский может взять на себя функции, которые выполняются другими языками, в конструировании социальной идентичности, создании и утверждении социальных отношений.

Как отмечает С. Зонтаг [7], английский язык – глобальная карта, которой играют в локальной борьбе за власть. Исследовательница определяет английский язык как часть глобализации: это – часть причины, процесса и продукта глобализации. Связь с глобализацией и является причиной того, что данный язык часто назван глобальным, привнося, таким образом, негативную коннотацию в содержащийся в нем культурный и политический контекст.

Таким образом, можно сделать вывод о роли, которую английский язык играет в глобализующемся мире. Данный язык связан с глобализацией, и, следовательно, цели процесса, направленного, в частности, на лингвокультурную гомогенизацию, также проецируются на данный язык. Несмотря на то, что термин «лингвистический империализм» часто критикуется как относящийся к левой идеологии, можно сказать, что как локальные, так и глобальные политики английского языка направлены на его верховен-

ство в статусной иерархии языков, что дает все основания утверждать о власти, которой обладает данный язык, а следовательно, и об империализме английского языка в условиях глобализирующегося мира.

Литература

1. **Дейк Т. А. ван.** Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 12–40.
2. **Crystal D.** English as a Global Language. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
3. **Graddol D.** The Future of English? A Guide to Forecasting the Popularity of the English Language in the 21st Century. – London: British Council, 2000. – 66 p.
4. **Kachru B.** The Alchemy of English: the Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. – New-York: Pergamon Press, 1986. – 200 p.
5. **Kramsch C.** Language and Culture. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 134 p.
6. **Phillipson R.** Linguistic Imperialism. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 365 p.
7. **Sonntag S. K.** The Local Politics of Global English: Case Studies in Linguistic Globalization. – New York: Lexington books, 2003. – 153 p.

А. С. Лоскутов*

Идеологические основания власти в России: исторический аспект

...государь во власти своей подобен Богу.
И. Волоцкий

В психологии толп вождь – это квадратура
круга.
С. Московичи

Возникновение отношения власти требует её субъективизации: существование власти предполагает наличие её носителя. В роли «тела власти» может выступать текст (закон), в этом случае процесс субъективизации имеет в качестве предела символ, языковой знак, и власть носит бессубъектный характер; а может – человек (в том числе и организации, создаваемые последним), в этом случае происходит пространственно-временное определение власти, ей подбирается подходящий «инкубатор». «Инкубатор» в зависимости от времени и места может носить различные названия: князь, вождь, понтифик, царь, король, президент, премьер-министр, парламент и др. Однако определяющим моментом в процессе наделения власти является её идеологическое основание, т.е. та парадигма, в рамках которой происходит легитимация в лице субъекта.

Власть в России пережила пять идеологических трансформаций, а значит, с этой точки зрения, историю России можно разделить на шесть этапов:

- 1) До 988 года.
- 2) 988 год – конец XVII века.
- 3) Конец XVII века – 1812 год.
- 4) 1812–1917 годы.
- 5) 1917 – начало 1990-х годов.

* *Александр Сергеевич Лоскутов* – студент 4-го курса факультета государственных и муниципальных служащих УрАГС (г. Екатеринбург).

6) С начала 1990-х годов до наших дней.

Конечно, нас больше интересует современный этап, но его анализ невозможен без рассмотрения истории вопроса.

На **первом этапе** одним из ключевых моментов мифологии власти является отсутствие веры в божественное происхождение княжеской власти. Причиной этого стал пантеистический монизм, свойственный на данном этапе развития всей индоевропейской группе. Отсюда логично вытекает, что подчинение населения князю изначально не имело религиозной мотивации. Княжеская власть, по представлению восточных славян, – сугубо земной институт. Сакральной являлась не должность князя, а общественные отношения (т.е. институт веча). Дело в том, что природу власти славяне объясняли, опираясь на свой религиозный натурализм, когда в живых ликах природы им виделись образы божества или божеств, и, как следствие, в деятельности вечаевой власти они усматривали воплощение воли сакральной божественной силы. Вечаевая власть воспринималась как субстанционально тождественная божественной, т.е. налицо феномен природной сакрализации первой. Отсутствие какой-либо иерархии в религиозной системе культа предков и возможность «непосредственного» общения с божеством, а также представление о том, что все славяне, вне зависимости от социального положения, имеют божественное происхождение («Дажь-божьи внуки»), препятствовали появлению корпоративно организованной жреческой касты как особого класса посредников между миром сакрального и миром профанного¹.

Основной функцией князя была защита, поэтому он воспринимался как наёмник, который получает за выполнение своих обязанностей плату, причём данные отношения имели определённый правовой статус: в случае нарушения условий договора, который по своей сути являлся прообразом общественного договора, одной из сторон, другая сторона имело право расторгнуть договор. Ярким примером реализации данного права является история с князем Игорем: древляне исполнили свои обязательства перед князем, а он решил изменить условия договора, причём в одностороннем порядке, за что и был убит. Но развитие экономических и социальных отношений стало катализатором изменений и в сфере политического. Возникла проблема *principal agent* – столкновение интересов князя и общины было неизбежно ввиду различий в систе-

¹ См.: *Андреева Л. А.* Религия и власть в России. М.: Ладомир, 2001.

мах ценностных координат. Ко второй половине X века стало очевидным наличие у князя желания отчуждения власти в свою пользу. Возведение пантеона Богов в Киеве во главе с Перуном не выглядит случайным, так как Перун – это Бог войны, следовательно, покровитель князя и его дружины, а значит, проведение религиозной реформы было направлено на приближение князя к Богу, что может быть расценено как первая, пробная попытка сакрализации власти, которая априори была обречена на провал. Ошибка крылась в том, что князь не обладал властью, он являлся лишь носителем функции, поэтому сакрализировать и присваивать ему было нечего.

Принятие православия есть слом существующей религиозной структуры общества и, как следствие, основанной на ней социальной структуры, что, в свою очередь, является первопричиной захвата власти путём уничтожения легитимного права обладания ею прежним субъектом. С точки зрения сакрализации власти, выбор православия обусловлен двумя факторами: во-первых, абсолютным единовластием князя (в отличие, например, от католичества, где властью приходится делиться с Папой Римским); во-вторых, стремлением упрочить отношения с Византией (по сути, решение Владимира I предопределило возникновение теории «Третий Рим в будущем»).

Переход к монотеизму ознаменовал собой первую идеологическую революцию в России (по методам распространения новой веры это действительно была революция: «Путята крестил огнем, а Добрыня мечем») и наступление **второго этапа**.

Русь выбрала ветхозаветный вариант православия с жестоким Богом Яхве. Но жестокий Бог позволяет быть жестоким и своему помазаннику. Христианство дало мировоззренческое обоснование самодержавию – отныне власть может принадлежать только одному князю: причиной феодальной раздробленности стало эксклюзивное право обладать властью. На этом фоне и канонизация первых святых выглядит как политическая акция: Борис и Глеб не были мучениками, подчинившись воле старшего брата, они признали его право на власть.

Сакрализация княжеской власти почти повсеместно уничтожила институт вече на Руси, а там, где удалось его сохранить, этот орган потерял возможность контролировать действия князя, теперь князь сам отвечал за все свои деяния перед своей совестью и Богом. Задача возведения князя в ранг земного «заместителя Христа» требовала глобальной переориентации народного само-

сознания. Этот процесс протекал несколько веков, и только к концу XV века православие стало государственной религией, чему способствовало появление теории о Третьем Риме, а вместе с ней и национальной идеи, благодаря которой удалось избежать духовного кризиса нации. Однако состояние идеологического равновесия между властью и народом было нарушено реформаторской деятельностью Петра I (**третий этап**). Новый государь не мог опираться на прежнюю мифологию власти. Введение им в русскую политологическую мысль понятия государства (теория естественного права) как стоящего над монархом явилось началом крушения христианской мифологии власти. Знаменательны в этом отношении слова, сказанные Петром перед Полтавской битвой: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное ... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние её»². В самой постановке вопроса о приоритете чисто земной инстанции – государства – над монархом заключена оппозиция христианскому пониманию власти: Бог = «наместник Христа». Кроме того, Пётр отказался и от христианского провиденциализма в пользу языческой концепции круговорота. Таким образом, можно констатировать, что политические реформы Петра I имели архаико-русофильские корни³.

Возвращение к христианской парадигме произойдёт в правление Александра I (**четвёртый этап**), но мы не будем останавливаться на нём подробно, заметим только, что моделью идеологической истории России можно считать гегелевскую спираль, т. е. периодически происходил возврат к прошлому, но уже на качественно новом уровне.

Революция 1917 года (**пятый этап**) «легализовала» процесс дехристианизации. Крах самодержавия стал и крахом государственной религии, поскольку прежний социальный строй оказался нерасторжимо связанным в народном сознании с православием. Массовое отпадение от веры с первых дней революционных событий 1917 года привело к тому, что образовавшийся вакуум был заполнен коммунистической идеологией, являвшейся своеобразной формой квазирелигиозности со всеми внешними признаками религии, кроме веры в Бога как в сверхъестественную силу и сущность. Успеху коммунизма как квазирелигии способствовал процесс дехристиа-

² *Андреева Л. А.* Указ. соч.

³ См.: Там же.

низации, который у большинства населения не был связан с отказом от ориентации на сверхъестественное на уровне сознания.

В начале 1990-х годов произошла на данный момент последняя идеологическая революция (**шестой этап**). Её итогом стало крушение квазирелигиозного мифа, который создавался на протяжении 70 лет. Парадокс заключается в том, что он рухнул в одночасье и почти никто не встал на его защиту. В сознании людей образовалась пустота, в результате чего люди стали объектом различного рода манипуляций (тоталитарные секты, реклама и т.д.). Современная российская власть не спешит заполнить эту пустоту, она не может пока найти интеграционный метод, который стал бы основой нового мифа. Новый миф необходим как власти, так и обществу: первая нуждается в нём, чтобы быть эффективной; второе – чтобы сформировать новую базу ценностей.

Сегодня власть пытается синтезировать существовавшие ранее мифы: президент определяет свою деятельность как деятельность наёмного менеджера (языческий компонент нового мифа), количество верующих в Бога в верхних эшелонах власти стремительно растёт (религиозная составляющая), происходит переоценка опыта СССР (квазирелигиозный компонент). Однако процесс мифотворчества явно затягивается, и власть не имеет под собой идеологической основы, а значит, её позиции очень шаткие. Но не выигрывает от такого положения дел обыватель: общество без мифа разорвано на куски и представляет организм, у которого ослаблен иммунитет, т.е. отдельные его части представляют собой объект поражения для идеологических вирусов.

Е. В. Яковлева*

Власть прошлого и будущего в русской культурной традиции

Феномен власти может быть исследован с разных позиций. Одним из наиболее интересных теоретических подходов является его рассмотрение в темпоральном контексте, что позволяет обнаружить новые горизонты и формы властных отношений. Можно говорить о темпоральности как особой форме влияния на индивидуальное и коллективное сознание и поведение. Временные ориентации в виде совокупности темпоральных модусов – настоящего, прошлого и будущего – определяют модели поведения социальных субъектов и формируют тем самым желаемый образ социальной реальности.

Одной из тенденций развития современного российского общества стало становление т.н. презентистского типа сознания. Презентизм можно определить как особое состояние индивидуального и коллективного сознания, характерными чертами которого становятся возрастание ценности настоящего и максимальное сокращение исторической перспективы, вплоть до ограничения её рамками актуального бытия. По словам И.М. Поповой, презентизм – это «порождение нестабильности и бедствий, присущих обществу переходного периода, когда люди живут сегодняшним днём, не принимая во внимание минувший социальный и личностный опыт, не ставя перед собой сколько-нибудь значимые цели»¹. Сегодня презентизм описывает не только особенности индивидуального переживания времени, но и становится своеобразным мировоззренческим принципом, отражающим и организующим образ жизни целого общества. При этом формирование презентистского типа сознания оказывается напрямую связанным с особенностями развития современного социума.

* **Елена Владимировна Яковлева** – аспирант института философии и права Уральского Отделения РАН (г. Екатеринбург).

¹ **Попова И. М.** Представления о настоящем, прошлом и будущем как переживание социального времени // Социс. 1999.

Динамика цивилизационных изменений, превращая достижения предыдущих эпох в невостребованный информационный резерв, дискредитирует авторитет исторического опыта, преемственности и «музейфицирует» (Г. Люббе) прошлое. Будущее тоже утрачивает свою социальную значимость, более того, из недостижимого горизонта оно превращается в ближайшую, достижимую цель, вписанную в рутинный контекст повседневности. Кроме того, социальный опыт предыдущих поколений заставляет постсоветского человека настороженно относиться к каким-либо долгосрочным целям и жизненным программам. К тому же на фоне возрастающей динамики научно-технического прогресса и социальных изменений все труднее прогнозировать грядущие перемены. Поэтому попытки утверждения отдаленных перспектив воспринимаются в постсоветском обществе как иллюзии и утопии.

При этом значительно меняется временная структура современного социума. Настоящее, выступая точкой пересечения прошлого и будущего, не обладает консолидирующей энергией. Погружая субъекта в поток взаимодействий, оно лишает его возможности рефлексировать над происходящим и тем самым адекватно оценивать текущий момент. Поэтому в настоящем непрерывно нарушается временное единство социума – одни из субъектов освоили новые формы мышления и поведения, другие, наоборот, задерживаются в прежней ментальной парадигме. Презентизм современного общества обернулся проблематизацией образа времени и погружением социума в состояние неодновременности. Феномен неодновременности представляет собой состояние социальной системы, когда её структурные уровни обретают относительно автономную динамику функционирования, не совпадающую с динамикой и принципами функционирования системы. Проявлениями обозначенного феномена становится существование в рамках одной исторической эпохи социальных субъектов, сознание времени, ритмы и темпы бытия которых могут значительно отличаться друг от друга. При этом возрастающая социальная амбивалентность нередко сопровождается противоречиями и борьбой временных сегментов, что определяет необходимость контролировать и управлять неодновременностью. Признание и допущение существования субкультурного многообразия не решает проблему гармонизации общественных отношений, а, наоборот, заостряет необходимость социальной синхронизации и ставит вопрос о путях достижения временной упорядоченности.

Можно полагать, что проблема поисков новых глубинных оснований социальной синхронизации, выходящих за пределы формального, временного регулирования, связана с новой расстановкой смысловых акцентов в темпоральной триаде прошлое – настоящее – будущее. Однако возникает проблема верной расстановки приоритетов, адекватных сегодняшнему дню и при этом вписывающихся в культурные традиции. Поэтому одним из условий позитивного решения обозначенной проблемы становится выяснение типов темпоральных ориентиров, укоренённых в национальном сознании.

Обращение к национальному философскому наследию позволяет выявить характерную черту российской культурной традиции – футуристическую направленность. Её истоки можно обнаружить еще в онтологических представлениях, определивших особенности древнерусского сознания и переживания времени. Основанием христианской онтологии была идея, что мир не имеет причины в себе, а возник благодаря некоей Надмировой Силе. Поэтому согласно христианской логике все мировые феномены и процессы в силу своей онтологической неукоренённости в сфере профанного бытия находятся под Божественным контролем и управлением. Мысль о том, что всё находится в «вышней и (...) всемогущей, все в себе содержащей деснице Божьей»², определял не только пространственный аспект бытия, но и временной. Мотив послушания Богу, выступающий центральной темой практически всех древнерусских произведений, демонстрирует доминанту темпорального сознания той эпохи – созерцание настоящего и ожидание грядущего. Время в христианской традиции не мыслилось как нечто абстрактное, а было конкретизировано как процесс реализации замысла Божьего о человеке. Принадлежность мирового времени Богу и одновременно участие в нем человека обретали в православии форму концепта «спасения человечества, (...) данное в Откровении о человеке и его грядущей судьбе»³. Поэтому в православии жизнь развивалась под знаком будущего – ведь именно в будущем человечество достигало полноты бытия, то есть Царствия Божия. Прошлое, омраченное адамовым грехом, осмыслялось как этап, кото-

² *Филофей*. Послание Великому князю Василию // Хрестоматия по истории философии. М., 2001. С. 41.

³ *Емельянов Б. В., Орехов С. И.* Грани русской философии: поиски смыслов. Екатеринбург, 2005. С. 105.

рый необходимо преодолеть. Однако культурно-исторически конкретизированное прошлое, например святоотеческий период, имело для православия непреходящую ценность, но его значимость определялась не местом в хронологии человечества, а потенциалом мудрости, необходимой для движения в будущее – восхождения к Богу. Идея наследования в русской традиции именно как сохранения заветов и примеров святости постоянно звучит в творениях, посланиях, поучениях духовных лидеров Руси: «не просто и не случайно подобает нам действовать, но по Божественному Писанию и по преданию святых отцов. И следуй по стопам святых отцов, или повинуйся такому человеку, который будет свидетельствован, как муж духовный, в слове и деле и разумении, по слову Великого Василия»⁴, – пишет св. Нил Сорский.

Признание спасения смыслом жизни наделяло будущее максимальным влиянием на настоящее. Власть будущего, основанная на идее мировой теургии, проявлялась в его синхронизирующей функции, которая сводила в единую перспективу разрозненный социальный опыт настоящего.

⁴ *Св. преп. Нил Сорский*. Послание того же великого старца Нила к брату, попросившему написать ему для пользы души // Послания преподобного Нила Сорского. См.: <http://stnil.narod.ru/posl123.htm>

М. В. Быховец*

Феномен верховной власти в русском консерватизме

Понятие консерватизм в настоящее время вызывает пристальный интерес, во многом это обусловлено тем, что 80-е годы XX века стали, по выражению А.М. Миграняна: «триумфальными для политических партий консервативной ориентации во всех ведущих странах Запада»¹, и влияние консервативных политических партий и социально-философских идей продолжает сохраняться до настоящего времени. В том числе и вследствие эскалации терроризма и растущего стремления к обеспечению безопасности и стабильности общества, что является одной из основополагающих консервативных ориентаций. В отечественной мысли интерес к консерватизму связан, прежде всего, с процессом переосмысления устоявшейся парадигмы социально-философских оснований и ценностей, начавшийся на рубеже 80–90-х годов, а впоследствии с разочарованием в западном варианте либерализма вследствие малоуспешного реформирования в последние десятилетия. Поэтому на протяжении последних десяти лет тема консерватизма разрабатывается достаточно активно в отечественной науке. Главным итогом развернувшихся дискуссий был отказ рассматривать консерватизм как исключительно отрицательное, прежде всего охранительное, тормозящее общественный прогресс явление.

В настоящее время консерватизм принято рассматривать как социокультурный феномен, представленный в следующих измерениях. Во-первых, как психологические качества индивида, находящие выражение в установке «раньше было лучше» и характеризующиеся порой бессознательным обращением к прошлому как

* *Марина Владимировна Быховец* – ст. преподаватель кафедры философии и права Новосибирской государственной академии водного транспорта (г. Новосибирск).

¹ *Мигранян А. М.* Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11.

источнику определенных жизненных ценностей и ориентаций, стремлением к стабильности и покою. Во-вторых, как комплекс социально-философских идей, возникающих в результате реакции на идеи Просвещения и Великую Французскую революцию и ориентирующихся на признание роли религии в жизни общества; необходимость исключительно эволюционных изменений, опираясь на принципы благоразумия и рассудительности; понимание значимости иерархии для развития общества и др., а также развивающихся в полемике с двумя другими так называемыми «великими идеологиями» – либерализмом и социализмом. В-третьих, консерватизм выступает в качестве определенных социально-политических институтов, представленных деятельностью политических партий и общественно-политических движений. Первоначально это партия «тори» в Великобритании, ставшая впоследствии официально консервативной партией. В России рубежа XIX–XX веков это политические деятели охранительного направления, в частности Победоносцев, Катков и т.д., а после 1905 года и в наши дни это ряд политических партий, заявляющих о своих консервативных ориентациях.

Общим для всех предложенных измерений консерватизма является обращение и стремление к сохранению традиции. Именно это определяет и национальную специфику консерватизма, так как в каждом конкретном случае речь идет об определенной культурной традиции со своей системой ценностных ориентаций. Русский консерватизм, получивший наиболее глубокое социально-философское обоснование во второй половине XIX начале XX века, ориентируется на следующие принципы: следование России по собственному пути национально-культурного развития, сформировавшегося под влиянием восточного-православного христианства; признание значимости сильной верховной власти для поддержания стабильности и порядка; сохранение единого государства – «империи», определяющей исторические пути России и сферу социального бытия личности и др.²

² Характеристику основополагающих черт русского консерватизма можно найти, в частности, в следующих работах: *Данишевская Г. А.* Россия между традиционализмом и модернизмом // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. 1994. № 1. С. 82; *Репников А. В.* Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 201–202.

Таким образом, одной из центральных проблем русского консерватизма всегда являлась необходимость обоснования сильной верховной, а для периода возникновения данного направления, прежде всего, монархической власти. Можно выделить ряд основных аргументов, предлагаемых русскими консерваторами и представленных в той или иной степени в наши дни. Во-первых, это религиозно-мифологическое обоснование. Для отечественных консервативных мыслителей развитие русской культуры было немыслимо вне православия. Принятие восточного христианства по воле великого князя Владимира на века определило тесную связь верховной власти и института Церкви. И постепенно княжеская, а затем и царская власть приобретает статус сакральной, богоданной власти. «Мистика русского самодержавия всецело вытекает из учения православной Церкви о власти, – отмечает Н. Черняев, – и из народных воззрений на царя как на “Божьего пристава”. Русский монархизм как народное чувство и народный инстинкт коренится в той глубокой и таинственной области бессознательного, которое дает начало и опору всем великим проявлениям человеческого духа»³. Монарх воспринимается выше всех членов общества, он выше личных интересов и пристрастий. Его главная задача обеспечение процветания и благополучия вверенного ему Богом государства. Связь божественной и царской власти, а также особое восприятие личности царя порождают и такой мифологический мотив, как ответственность «всей земли» за греховные действия царя. Отсюда особый интерес к проблемам морального сознания власти у русских консерваторов.

Вторым типом обоснования необходимости сильной верховной, в частности монархической, власти стало обращение к исторической преемственности. Такие факты, как создание единого государства, принятие православия, преодоление Смуты и даже освобождение крестьян по воле монарха, неоднократно отмечают в своих работах консервативно ориентированные мыслители, в частности Н. Карамзин, К. Победоносцев, К. Леонтьев, Н. Черняев и др. К тому же огромность и разбросанность территории, суровые климатические условия, постоянная внешняя угроза создают все предпосылки для ослабления связей внутри государства, и практически единственным условием сохранения его мощи и единства

³ *Черняев Н. И.* О русском самодержавии // Н. И. Черняев. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С. 19.

признаётся сильная верховная власть, находящаяся выше национальных, территориальных и религиозных отличий.

Третий тип аргументов можно определить как обращение к представлениям русского народа, согласно которым верховная власть является авторитетной только в лице «батюшки-царя», которому приписываются такие качества, как справедливость, мудрость, доброта, забота о своём народе и стремление его защитить, в том числе и от сильных мира сего («Где Царь, там и правда», «Бог милостив, а царь жалостлив», «На сильного Бог, да государь»)⁴, но вместе с тем и суровость, и даже жестокость, преимущественно к обидчикам и врагам народа⁵ («Где Царь, тут и страх», «Где Царь, тут и гроза»). Неоднократно подчеркивалось, что одним из характерных проявлений авторитета царской власти, была ее большая значимость, по сравнению с другими формами власти, в частности закона, а позднее и парламента.

Как видим, архетип власти, представленный и обоснованный в русской консервативной мысли, является чрезвычайно устойчивым для отечественного сознания, и на протяжении истории России он неоднократно был актуализирован, порой в весьма неоднозначных формах (достаточно вспомнить феномен вожизма и «отца народов» советского периода). Поэтому в настоящее время, когда консервативные идеалы привлекает всё больше и больше сторонников, необходимость рефлексии по поводу данного социокультурного феномена, и в частности восприятия власти в рамках данного понимания, становится всё актуальнее и значимее.

⁴ Здесь и далее цит. по: **Черняев Н. И.** Необходимость самодержавия // Мистика, поэзия и идеалы русского самодержавия. М., 1998. С. 133–138.

⁵ Здесь можно отметить, что в своё время Сталин и его окружение «верно» выбрали термин, который опирался на устойчивые архетипы русского сознания и нашёл «отклик и понимание» у народа. В наши же дни существует опасность, что, например, с призывом борьбы с террористами мы вполне можем получить очередных «врагов народа», к сожалению, выступающих одним из значимых факторов консолидации и осознания единства русским народом.

К. М. Товбин*

Онтология империи: евразийский взгляд

Единственными представителями русской философии, положительно оценившими Октябрь 1917 года, были русские евразийцы. Они приветствовали в большевизме его народность¹, всесильность объединительной Идеи², антизападничество (антибуржуазность)³, стремление вырвать Россию из пут западной экономики и чуждого пространства мысли⁴. И это большевикам в целом удалось. Но изначальная антирелигиозность⁵ и западной природы «пролетарский интернационализм», по мнению евразийцев, могли полностью нивелировать все достижения⁶. Однако пробудившуюся Евразию было уже не усыпить. Евразийцы оценивали Сталина преобразователем-евразийцем, восстановителем Евразийской России, Руси Монгольской. «*Полуазиатское лицо России – Евразии больше, чем когда-либо, проступает наружу*» (Н.С. Трубецкой)⁷.

Сталин переворачивает коммунистическую партийность, возрождает государственность и патриотизм, но в новом звучании – советском – сшивает лоскутки бывшей Российской Империи в единое евразийское одеяло. Все структуры общественной, политической и экономической сфер покоряются одной идее – евразийцы наз-

* **Кирилл Михайлович Товбин** – ассистент Балаковского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета (г. Балаково).

¹ **Сувчинский П. П.** Сила слабых // Мир России – Евразия: Антология. М.: Выс.шк., 1995. С. 55.

² **Савицкий П. Н.** Подданство идеи // Там же. С. 67.

³ **Трубецкой Н. С.** Мы и другие // Там же. С. 109.

⁴ **Алексеев Н. Н.** Евразийцы и государство // Библиотека евразийской литературы // <http://evraz-info.narod.ru/142.htm>

⁵ **Трубецкой Н. С.** Мы и другие // Мир России – Евразия: ... С. 109.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ **Трубецкой Н. С.** Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. // Классика геополитики, XX век: сборник. М.: АСТ, 2003. С. 201.

вали это *идеократией*⁸. Идеократия сталинского СССР безбожна, бесчеловечна, но она сращивает общество в единое целое, делает его органичным и гармоничным. И самым важным здесь представляются не столько политические и экономические преобразования сталинистов, сколько **имперское состояние ума**. Власть становится единой с народом – об этом мечтали имперские идеологи начиная с Погодина и Уварова. «*При Сталине исчезла оппозиция между организованной имперской материей и свободным народным духом,*» – пишет Г. Джемаль⁹.

Идейность западной политики принципиально иная. Она держится на множественности. Гегель говорит о «развёртывании Духа», о воплощении Идеи в каждом отдельном индивидуе, что символизирует прогресс и социальную гармонию. Предоставление человеку всё большей свободы – сила Запада. Свобода – политическая, экономическая, культурная, сексуальная – главная стратегия западной цивилизации. Манипулируя стремлением человека к освобождению, можно эффективно управлять страной. Это отмечали и Локк, и Вольтер, и Монтескьё. Создавая иллюзии равенства и реализации, можно создать иллюзию духовного и интеллектуального развития. Но при вседозволенности у человека нет полноценного стимула к развитию. Обретая беспрепятственность выражения форм, лишь единицы продолжают стремиться к развитию духовности и интеллектуальности. XXI век успешно вооружился идейностью философии, зовущей к освобождению различных сфер жизни. Такие революционные концепции, как позитивизм, марксизм, психоанализ, экзистенциализм и даже деконструктивизм, стали неотъемлемыми элементами современной западной духовности¹⁰. И получив полную свободу наружности, современный человек Запада получил дегенерацию духовности и неприкладной интеллектуальности. Свобода стала «поведенческим автоматизмом» (Д. Иванов)¹¹. Обогащение мира внешнего опустошило мир внутренний¹². «Тело без органов» – сильнейший символ эпохи. Ф.И. Ги-

⁸ *Савицкий П. Н.* Указ. соч. С. 66.

⁹ *Джемаль Г.* Евразийство – будущее России (тезисы) // http://www.kontrudar.ru/speech_1.html

¹⁰ См.: *Корнев С.* Трансгрессивная революция: Посвящение в постмодерн-фундаментализм // http://kitezhe.onego.ru/trans_re.htm

¹¹ *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 68.

¹² См.: *Зиновьев А. А.* Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000. С. 35.

ренок называет инструменты западной политики «дизайном поверхностей»¹³. Абсолютизм свободы форм приводит к нивелированию содержания. Гиренок называет идейность Запада тоталитаризмом быта¹⁴: всё бытийствование современного человека абсолютно смыкается с функционированием социально-экономической системы; в «эпоху постмодерна» человек уже нужен власти целиком: с его волей, воображением, сообразительностью, хитростью и оригинальностью. «Тотальный релятивизм» (А. Панарин)¹⁵. Гиренок говорит, что, имея политическую свободу, цивилизованный человек не имеет свободы бытовой.

Империя – кардинально противоположное действие. Империя как принцип отрицает множественность. Империя – это коллективная воля, соборное начало, сосредоточенность, собранность, устремлённость к цели. Для укрепления имперского духа необходимо урезание свободы внешней, это объективно. Ф.И. Гиренок пишет: «*Отказ от плюрализма – плата за рациональность дальнего мышления, расколовшего мир на две части. На субъект и объект. На центр и окраину*»¹⁶. Для созидания империи нужно разрушить противоположность личности обществу, субъекта – объекту. Русский человек не мыслит жизни вне государства; для европейца государство – враждебная машина, аппарат. Оно «координирует функции общественной системы» (Т. Парсонс)¹⁷. Для евразийца государство – живое существо. Государство забирает у человека власть и политику. У человека остаётся самая сердцевина его жизни – быт, повседневность. Дихотомия «внутреннее – внешнее» (содержание – форма) решается империей. Государство забирает внешнюю активность человека, оставляя ему простор внутренний. Империя порождает быт, «репрессируя чувственность и телесность» (Панарин)¹⁸. Сила империи – в богатстве бытовом, бытийственном, которое, в свою очередь, порождает духовную цветущую сложность. Здесь уместен парадоксальный тезис евразийца Л.Н. Гумилёва о том, что духовность Евразии –

¹³ *Гиренок Ф. И.* Пато-логия русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. С. 253.

¹⁴ Там же. С. 292.

¹⁵ *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2002. С. 199.

¹⁶ *Гиренок Ф. И.* Указ. соч. С. 231.

¹⁷ *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 20.

¹⁸ *Панарин А. С.* Указ. соч. С. 316.

основа её целостности, и наоборот¹⁹. Запад внеположен Империи. Запад даёт человеку свободу политическую, чтобы тот лишился свободы внутренней. Духовно убогим человеком управлять легче и лучше, манипулируя его потребностью в телесном удовольствии²⁰. Ему говоришь – он подчиняется, считая исполнение приказа своим творчеством.

Быт – спасение от абсолюта власти. Это диалектический ответ. Гиренок говорит: «От тоталитаризма власти спасает быт. От тоталитаризма повседневного властвования спасает политика. Иными словами, расширение свободы возможно не заменяет другое»²¹. Сталин строит евразийское пространство чистой власти. И выстраивает его. Абсолютная власть отобрала человеческие воли, оставив человеку быт. В Европе в поисках абсолютной эффективности власть отобрала у человека сознание, дав ему волю. Западническая власть интенсивна.

Таким образом, подстраиваясь под западные образцы политики и управления мы идём к полному духовному и интеллектуальному выхолащиванию. Перспектива возрождения Евразии как Империи – перспектива духовного возрождения России, на котором единственно может основываться стремление стоять на собственных ногах в глобализирующемся (европеизирующемся) мире. Видение России как Евразии возможно только при восстановлении Империи не только как социально-политического устройства, но и как собственной, традиционно русской сферы духовности, мышления и этики.

¹⁹ Гумилев Л. Н. Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // <http://evraz-inf@narod.ru/116.htm>

²⁰ См.: Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 307.

²¹ Гиренок Ф. И. Указ. соч. С. 292.

А. Д. Боронников*, О. Л. Лейбович**

Маленький человек в сталинской мифологии

Сталинская мифология создала бинарную социальную реальность. В ней имплицитно существовали бараки и дворцы, покорение полюса и коммуналки. Двоичность социальных кодов рождала своеобразную социальную энергетику – энергетику непредсказуемости человеческой судьбы. Миф был многослоен, амбивалентен и переменчив во всех своих проявлениях. Так, советский народ – монолит, наделенный антропоморфными чертами: справедливый, мудрый, великий. Народ – хозяин страны – говорилось и пелось на все лады, однако, в ином контексте он мог превратиться в инертные, тяжелые массы, приводимые в движение вождем при помощи особой упряжи, называемой приводными ремнями, или вообще в рабочую или живую силу, используемую и расходующую по мере надобности. И тогда хозяином страны становился вождь, олицетворяющий народ, от его имени властвующий над духом и материей, побеждающий пространство и время.

Да и сама монолитность советского народа была конвенциональной. В сталинских текстах он предстает в виде пирамиды, составленной из разнородного людского материала. Ее подножье образуют *простые люди*. «Имя им легион, – говорил Сталин, – потому что это десятки миллионов людей, <...> которые держат нас, как основание держит вершину» [Сталин И. Выступление на приеме в Кремле в честь участников Парада победы // Правда 27. 06. 1945]. Выше стоят *знатные люди* – стахановцы, орденосцы, депутаты, герои. Над ними возвышаются *большие люди* – партийные, советские и хозяйственные руководители, отмечен-

* Александр Дмитриевич Боронников – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета (г. Пермь).

** Олег Леонидович Лейбович – д-р истор. наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета (г. Пермь).

ные заслугами и сталинским доверием. Лучшие из них входят в центральный комитет, по сталинским словам – в ареопаг – собрание мудрейших. На вершине пирамиды расположились *великие люди*, титаны, во всем подобные богам. Они бессмертны, всемогущи, прозорливы. Судьба, время, жизнь и смерть над ними не властны. Великий человек вездесущ. Он и прост и сложен одновременно. Он пребывает в один и тот же миг и в Кремле, и в горной сакле. Он творит мир и спасает его. И говорить о нем возможно лишь на языке эпической поэзии: На дубу зеленом, / Да над тем простором / Два сокола ясных / Вели разговоры. / А соколов этих / Люди все узнали: / Первый сокол — Ленин / Второй сокол — Сталин.

В этом расчисленном и устойчивом мире появляется странный персонаж, названный Сталиным маленьким человеком. Это неутомимый барабанщик, происходящий из самых низов; он напрямую обращается к великим людям, предостерегает их об опасности, исходящей от больших людей, нарушивших клятву, свернувших с праведного пути. Он простец, далекий от книжной мудрости; он не все понимает, иной раз не находит нужных слов, преувеличивает, выпрямляет, додумывает. Именно в этих чертах проступает его искренность, незамутненность веры и самоотверженность. Он прав, даже когда сочиняет. «10 % правды — это уже правда, это уже требует от нас решительных действий, и мы платимся, если не будем так действовать», — наставлял Сталин своего украинского полпреда» [Хрущев Н.С. *Время. Люди. Власть.* (Воспоминания). В четырех книгах. Книга 1. М.: Информационно-издательская компания «Московские Новости», 1999. С. 122].

Маленький человек полностью растворяет собственное «Я» в большом «Мы». Он выстраивает жесткую оппозицию между личным интересом и общественным долгом.

Чтобы стать маленьким человеком, нужно проявить себя: подвергнуться риску, разоблачить служебные преступления или враждебную деятельность большого человека, снискать признание и получить на какое-то время охранную грамоту от московских властей — в виде упоминания в речи, произнесенной с высокой трибуны, или в газетной публикации. Главная привилегия маленького человека — это право обращаться лично к первым руководителям. На партийную карьеру эти люди рассчитывать, конечно, не могли. Их общественный статус оставался зыбким. Главное заключалось в том, что инверсией этого мифологического персонажа была отталкивающая фигура матерого клеветника, стремящегося истре-

бить партийные кадры. И границы между ними были открытыми. Партийные чиновники этих барабанщиков ненавидели.

Маленький человек, иначе говоря, настойчивый и бесстрашный доносчик, мог разом погубить дело, карьеру и саму жизнь кому бы то ни было. Областной руководитель не чувствовал себя в безопасности, поскольку постоянно в своей практической деятельности нарушал все и всяческие уставы, директивы и узаконения. Он был кругом виноват: перед партией, поскольку не соблюдал аскетические большевистские заповеди, выработанные в эпоху подполья и эмиграции; перед государством, поскольку обходил или разрешал обходить многочисленные и противоречащие друг другу запреты и ограничения в хозяйственной деятельности. До поры до времени власть закрывала глаза на все эти нарушения. Маленький человек настойчиво пытался их открыть. И если конъюнктура складывалась для секретаря обкома неблагоприятно, не было никаких возможностей избежать наказания.

Итак, маленький человек — это вовсе не синоним человека простого. Простота в сталинском мифе являлась универсальной чертой человека советского, на какой бы ступеньке социальной лестнице тот ни находился. Великий человек прост бесконечно. Не прост враг — двурушник, что-то скрывающий от людей. Не прост перепуганный интеллигентик, культивирующий для себя старую отжившую мораль, не прост мещанин, живущий двойной жизнью. Все эти люди, конечно же, не являются частью советского народа. Они его антиподы.

Маленький человек есть антитеза человека большого. Только в такой связке приобретает смысл указание на его незначительную величину. Иначе говоря, средой обитания маленького человека является государственная машина. Именно в ней социальная иерархия представляется оправданной, необходимой и функциональной. Генералы командуют офицерами. Те отдают приказы унтер-офицерам. Последние ведут в бой массы. Так вот, маленький человек — это рядовой, или сержант, который замечает в поведении командира подозрительные черты и, вопреки субординации, обращается к верховному главнокомандующему. Он вдвойне рискует, поскольку нарушает государственную дисциплину и навлекает на себя гнев непосредственного начальника, особенно если тот встал на враждебный путь и не стесняется в средствах. Самоотверженность маленького человека вознаграждается тем, что он ценой собственного благополучия вскрывает злоупотребления и преступления

больших людей, тем самым помогая вождю, а с ним и всему народу, пресечь вражью происки, выкорчевать заговорщические гнезда.

В социальной организации маленькому человеку отводилась роль челнока, в своем неустанном движении соединяющего вершину пирамиды с ее основанием прямыми и непосредственными связями, дополняющими и поправляющими бюрократические структурно выстроенные механизмы контроля и подчинения. В символическом пространстве сталинского мифа маленький человек олицетворял живую связь между вождем и рядовым советским гражданином. Более того, само наличие такого социального персонажа ставило великого человека над государственной машиной, выводя последнего из системы расписанных координат, регламентирующих повседневную жизнь советских людей, иначе говоря, делало его вождем, не зависимым от бюрократии. И в этом смысле маленький человек, советский аналог неумолимого разгребателя грязи, являлся необходимым элементом сталинской системы господства и управления.

Ю. С. Мельчакова*

Власть религии

«Власть – в самом общем смысле есть способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии...»¹. Но все ли социальные субъекты прибегают к использованию власти? С государственными структурами все ясно, а как обстоит дело, например с искусством, религией? Рассмотрению последней мы и посвящаем свою работу. Для наглядности примера возьмем конкретное направление религии, в котором, по нашему мнению, проявление власти нашло свое яркое отражение (хотя об этом в большей или меньшей степени можно говорить относительно всех религий). Рассмотрим католицизм, (от греческого *katholikos* – всеобщий) – одно из основных направлений христианской религии, которое наряду с общими христианскими положениями – верой в божественную триицу, в истинность Библии, изложенную в ней систему мифов и т.д., имеет свои особенности в догматике, культе, церковной организации. Уже в названии католицизм претендует на то, что лишь он один является истинным и полным воплощением христианства.

Здесь мы видим отражение свойственного ему диктата. Это одна из основных характеристик католической религии – убежденность в том, что она «во главе планеты всей» и, соответственно, имеет право распоряжаться умами и жизнями людей. Эта убежденность имела под собой концептуальную основу.

Глава церкви – римский епископ, папа, считался наместником Христа на земле и преемником апостола Петра. Это легенда о том, что с самого начала римские епископы являлись прямыми преемниками апостола Петра. Так как последний представляется главой апостолов, который учредил епископство в Риме и являлся первым епископом этого города, то все последующие епископы

* *Юлия Сергеевна Мельчакова* – аспирант кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемеров. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск, 1998. С. 141.

Рима (папы) – его преемники – объявляются первыми среди остальных епископов и тем самым приобретают власть над всей церковью. Этот основополагающий тезис с теми или иными модификациями и сегодня занимает важное место в католической догматике. В этом утверждении мы опять видим претензию церкви на всемогущество, вседозволенность, ее безграничную власть, и все бы было хорошо, если бы речь шла действительно только о власти над церковью.

Вообще, социально-догматической основой католицизма является идея власти духовенства, сопряженная с учением о подвластности всего сущего Богу. В доказательство приведем средневековую концепцию «двух мечей», в которой нашли свое выражение отношения церковной и светской власти, сложившиеся на Западе. Ее церковная версия гласит, что бог вложил в руки церкви меч духовный, а в руки императора – меч светский. Но и светский меч также должен служить интересам церкви. Светская же версия, отражающая точку зрения императоров, конечно, не предполагала церковной санкции на власть. Принцип доминирования церковной власти над государственной был утвержден еще святым Амвросием, одним из так называемых «докторов церкви». Императрица Юстина, правившая в то время, являлась арианкой. Она потребовала предоставить арианам одну из церквей, что Амвросий решительно отказался исполнять, заявив, что принадлежащее себе он отдаст в любое время, но принадлежащее Богу он отдавать не вправе. В результате императорские солдаты отступили. Так, Амвросий продемонстрировал, что есть вопросы, в которых государство должно склоняться перед волей церкви, и этим утвердил новый принцип, имеющий огромное значение в католицизме до сих пор. Его размышления далее были продолжены другим «доктором церкви» Августином Блаженным, на чье учение, изложенное в произведении «О Граде Божьем», опирается католицизм. Там говорится, что град божий – это сообщество избранников. Познание Бога возможно только через Христа. «Влиянием своим книга была обязана идее о делении церкви и государства, ясно подразумевавшей, что государство может стать частью града божьего, лишь подчинившись церкви во всех религиозных вопросах»². Поэтому католицизм всегда озабочен проблемами власти, политическими задачами, рас-

² *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 1997. С. 197.

ширением роли папской власти и привилегий духовенства. Это является одной из причин называть его религией власти.

Католическая церковь распространяет свою власть на все без исключения сферы жизни, она старается встать во главе всего, быть и распорядительницей душ, и распорядительницей материальных благ этих душ. И ради этих целей она может действовать любыми методами, в том числе и силовыми. «Истинная религиозная мораль является, в сущности, агрессивной, завоевательской»³. Речь идет о том, что пассивный индивид ничего не хочет, кроме сохранения своей жизни, кроме желаний, чтобы его никто не трогал, никто не лез к нему в душу, взамен же он тоже никого не трогает, ни в ком не оставляет свой след. Но, с точки зрения католицизма, это жалкое существование. Человек же, осознающий себя в Боге, благодаря своему инстинкту увековечения (так как религия есть желание бессмертия), стремится увековечить себя в других, сделаться бессмертным. Отсюда и рождается завоевательский, беспрекословный характер католицизма, его нетерпимость, которые получают свое выражение в создании института инквизиции.

В отличие от православия католицизм признает «исхождение» духа святого не только от Бога отца, но и от Бога сына. Тем самым он приписывает равную значимость и отцу, и сыну. Т.е. в символ веры был добавлен *FILIOQUE* (от латинского – и от сына). Догадок, почему возникло такое расхождение, безусловно, может быть множество, но нам представляется более достоверной следующая: раз Папа является наместником Иисуса Христа, согласно католической догматике, то, по всей видимости, его власть нуждается в освещении божественной благодатью, чтобы быть еще более непогрешимой перед государством и перед всем миром. Тем более что к тому времени очень распространяются ереси, оспаривающие божественную природу Иисуса Христа, а тем самым, следовательно, сомневающиеся во всемогущей власти Папы (например, арианство, несторианство, пелагианство и т.д.).

С позиции католицизма в целом, видимо, такое решение принимается также для того, чтобы быть ближе к народу, ведь Христос имеет и человеческую природу, он – вочеловеченный Бог, это дух во плоти.

Но католицизму было мало и этого: он хочет править не только в рамках окружающей действительности, но и за ее пределами:

³ *М. Де Унамуну.* О трагическом чувстве жизни. М., 1997. С. 260

церковь как бы начинает существовать на пересечении двух миров: она вершит суд среди людей, ссылаясь на то, что может распознать, видеть и трактовать реальности Бога и дьявола. Например, в XI–XV веке западное христианство разрабатывает и догматизирует учение о спасении на основе концепции сверхдолжных заслуг. Важными его составляющими являются понятия «чистилища» и «индальгенции», которые были отвергнуты восточным христианством: некоторые души не могут непосредственно попасть в рай, а должны предварительно пройти огненное очищение. При этом церковь своей властью может сократить время очищения или даже вовсе избавить от него за счет избытка заслуг праведников перед богом, помочь она может и помимо воли нуждающегося в ее заступничестве, при условии внесения определенной суммы в церковную кассу родственниками или друзьями.

Все эти принципы вновь и вновь свидетельствуют о превосходстве церкви, ее стремлении стать еще могущественнее, распространить свою власть как можно дальше, и сделать она может это любыми способами. Как мы видим, католицизм является многократно, на всех своих уровнях – институциональном, обрядовом, догматическом – культивированием и обоснованием волевого, властного, экспансионистки направленного типа личности, претендующего на право обладания истины и возможности сделать других приближенными к ней, даже используя силу. Непогрешимая католическая церковь могла позволить себе во имя веры пытаться, сжигать на кострах миллионы еретиков, колдунов и ведьм, причем вне зависимости от их пола, возраста, социального положения и т.д. Все это доказывает, что средневековая Европа насквозь была пронизана властью католической церкви, ее силой и агрессией, приведшими к истреблению миллионов человеческих жизней. В наше время, конечно, не существует инквизиции, но, думаю, никто не поспорит с тем, что у католицизма появились другие, менее заметные человеческому глазу, проявления власти.

*Е. Л. Павлова**

К вопросу о будущем государства: модель сакрализации власти (историко-философский взгляд)

Вопрос о будущем государства теснейшим образом связан с проблемой власти.

Классическим определением власти можно считать выражение М. Вебера: «Власть – возможность для одного деятеля в разных социальных условиях проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению». Если использовать градацию Дж. Гэлбрейта, которую он приводит в своей книге «The anatomy of power», то из трех предложенных им позиций и размышлений на тему о том, какой может быть власть (а именно: вознаграждающей, наказывающей и условной), с очевидностью вытекает, что к теме нашей работы более всего подходит последний вид гэлбрейтовской власти. Условная власть – это власть, при которой подчиненные верят в естественность подчинения власти другого.

Итак, **сакрализация власти** – это подчинение индивида, народа или государства воле одного человека, основанное на вере этого народа или государства в то, что правитель является законным носителем своих полномочий и прав в силу того, что представляет некие высшие трансцендентальные силы, дающие ему эти права. В свою очередь, десакрализация власти означает утрату веры народа в то, что его правитель обладает некими сверхъестественными и надчеловеческими правами над жизнью и деятельностью своих подданных.

У нас есть определенная концепция относительно становления и развития сакральной власти в обществе и в сознании отдельного человека. Ее суть выражается в следующем.

* *Елена Леонидовна Павлова* – преподаватель факультета философии и культурологии, кафедры истории философии и философской антропологии Ростовского государственного университета (г. Ростов-на-Дону).

Феномен сакрализации власти имеет возникновение, становление и развитие. Мы считаем, что можно выявить определенные закономерности в эволюции этого явления.

Мы считаем, что обожествление фигуры верховного правителя – далеко не случайные зигзаги истории, а вполне закономерное явление. Человек слаб. У него всегда было, есть и будет (правда, у кого-то в большей, у кого-то в меньшей степени) стремление переложить часть ответственности за свою жизнь на чужие плечи. Так возникают первые религии. Фейербах верно заметил, что между желаниями человека и его возможностями осуществить эти желания лежит пропасть. И чтобы заполнить эту пропасть, люди создают некоего посредника, к которому они смогут обращаться за помощью. Древние общества дают нам пример таких посредников. Это колдуны, знахари, шаманы. Считалось, что эти люди обладают тайными (сакральными) знаниями, они общаются с духами и трактуют различные события жизни племени.

Первым элементом сакральной власти можно считать тайное, сокровенное знание, доступное не всем, зачастую непонятное, а потому вызывающее благоговейный страх.

Второй элемент – это определенная «харизма» конкретного человека (удачливость в делах, личный магнетизм и обаяние).

Если «окинуть взглядом» пройденный путь человечества, то нетрудно обратить внимание на тот факт, что фигура человека, облеченного тайным знанием, появляется уже на раннем этапе развития общества. В самом первом приближении – это жрец/вождь (знахарь/шаман) в потестарной организации. Затем идет Восток, где за верховным правителем официально закрепляется священный статус. Определенным «отклонением» от нормы обычно считается античная цивилизация, где впервые происходит так называемый «срыв социальности» и утверждается рациональный подход к обществу и его правителям. После упадка греческой цивилизации развитие человеческой истории пойдет по двум основным путям развития – западному и восточному. Так, знаменитое римское право, представляющее собой венец антично-эллинистической правовой культуры, в течение долгого времени было пронизано символическими и сакральными элементами, практически полностью регулировавшими семейные и наследственные отношения.

В период классического **папоцезаризма** (ситуации, когда Папа Римский сосредотачивал в своих руках как духовную, так и светскую власть) светские монархи будут признавать главенство Папы, являясь, по существу, его вассалами, которых он, при случае, легко мог лишить короны.

И если эпоха Средневековья (Западно-Римской империи) пройдет под знаком борьбы между светскими и духовными правителями Европы за абсолютную власть, то для Византии (Восточно-Римской империи) такой проблемы не существовало вообще. Басилевс изначально наделялся как светской, так и духовной властью. В политической модели восточного **цезаропапизма** император с самого начала приобретал священнические функции.

Эпоха Нового времени, в контексте интересующей нас проблематики, занимает совершенно особое положение. Именно в эту эпоху происходит подлинный переворот во взаимоотношениях религии и власти, сакрального и светского элементов.

В теоретической сфере можно выделить по меньшей мере три направления, разработавших концепции десакрализованной власти.

1. Морально-этический вектор, представленный Жаном Боденом.

2. Утилитаристское направление, репрезентантом которого явился итальянский историк и политический мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли.

3. Рациональный аспект десакрализации власти. Основателем этого течения вполне можно считать Томаса Гоббса.

В целом, основываясь на примате человеческого разума, представители эпохи Нового времени отвергают средневековые представления о божественном происхождении королевской власти. Вместо этого они выдвигают (продолжая гоббсовскую традицию), ставшую впоследствии знаменитой, теорию «общественного договора», согласно которой государство возникло на основе добровольного соглашения между людьми, заключенного в глубокой древности, причем это соглашение могло быть расторгнуто в любой момент.

Время, в котором мы находимся сейчас, – эпоха информационной цивилизации. Именно в это время, на наш взгляд, происходит возвращение на круги своя: властью обладает тот, кто обладает информацией, закрытым, тайным знанием.

Таким образом, в соответствии с нашей концепцией, будущее государство будет тесно связано с сакральной властью верховного правителя, но властью качественно нового уровня. Если воспользоваться термином Гегеля «снятие», то новая власть будет представлять собой именно «снятую» сакральность предшествующих исторических эпох, содержащую в себе, как в зерне, все ее сущностные аспекты, но являющуюся принципиально новым образованием с другими акцентами и принципами.

В. Б. Белолугов*

Государство, «человек с ружьем» и патриотическое воспитание: как узел проблем (к постановке вопроса)

«К сословию «свободных людей» принадлежало семь десятых незакрепощенного населения страны: мелкие «независимые» фермеры, ремесленники и т.д.; иными словами, именно это и был народ, подлинная нация; это сословие включало в себя все то, что было в нации полезного и достойного уважения; исключите его из нации, и у вас останутся лишь подонки и отбросы, вроде короля, знати и дворянства, – ленивые, бесполезные, умеющие только разрушать и не представляющие никакой ценности для разумно устроенного общества. А между тем благодаря своим хитрым козням это позолоченное меньшинство, вместо того чтобы плестись в хвосте, где было его настоящее место, шествовало впереди с развевающимися знаменами; оно только себя считало нацией, и бесчисленные труженики терпели это безобразие до тех пор, пока сами в него не уверовали; они уверовали, что такое положение справедливо и что так и должно быть. Попы говорили их отцам и им самим, что это издевательство изобретено богом; и они, не подумав, что богу вряд ли свойственно развлекаться шутками, да еще такими жалкими и глупыми, верили попам и вели себя почтительно и смиренно».

М. Твен «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»

«Почему государство вспоминает о наших сыновьях только тогда, когда им исполняется 18 лет и их надо забирать в армию, и почему оно не думает о том, каких трудов и денег стоит вырастить, воспитать и обучить ребенка?»

«Почему наши военные, говоря о нежелании служить, все время упирают на нарушение уклонистами конституции и почему они

* **Вадим Борисович Белолугов** – историк, директор Центра военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ничего не говорят, в том числе, о нарушении самим государством и военным руководством многих статей той же конституции?»

«Почему Министр обороны, говоря о необходимости призыва, все время ссылается на то, что призывные армии существуют во многих цивилизованных странах мира, и почему он ни разу не сказал, о том, какие условия службы и жизни солдат и офицеров в этих цивилизованных странах? Пусть он скажет, сколько раз в год бегают, например, французские солдаты с оружием из частей и сколько в год происходит убийств и самоубийств в армии Нидерландов по причине дедовщины».

Из вопросов автору во время выступлений и лекций

Проблема патриотизма двояка. Патриотизм условно можно разделить на две составляющие: любовь к Родине и уважение к государству. Любовь – чувство иррациональное и эмоциональное, таковым оно является и по отношению к Родине. Любовь к Родине проявляется через любовь к родителям и родственникам, к друзьям, к месту рождения, к воспоминаниям детства и т.д. Уважение – рационально и прагматично. Таковым оно является и по отношению к государству.

Когда речь идет о государстве, подразумевается не строго машина. Сама по себе система, состоящая из конкретных механизмов управления, есть конструкция совершенно безобидная, до тех пор, пока за рычаги или за руль не сели люди, сообщество этих водителей – мы и имеем в виду власть.

Уважение к государству проявляется в выполнении людьми гражданского долга: в своевременной и честной выплате налогов, соблюдении правил общежития, службе в Вооруженных силах – все это и многое другое часто собирательно принято называть законопослушанием. Уважение к государству может быть выражено в сознательной готовности в критической обстановке пожертвовать своей жизнью за свободу, независимость и целостность государства. Последнее иногда называют высшим проявлением патриотизма, в котором воедино сливаются любовь к Родине и уважение к государству.

Уважение к государству со стороны граждан не может быть односторонним, оно может быть только обоюдным, и государство должно постоянно его заслуживать. Гражданин не обязан уважать государство просто потому, что оно существует. В нашей стране, увы, население всегда относилось к государству как к неизбежному злу – когда-то боялось, когда-то презирало (часто эти чувства со-

седствовали), но при этом, как правило, не уважало. Государство же, в свою очередь, относилось к населению крайне потребительски. При сохранении подобных отношений последствия могут быть катастрофическими.

Отечественная военная история, как, впрочем, социально-экономическая и общественно-политическая, с одной стороны, является одним большим негативным примером отношения политического и военного руководства к человеку как к расходному материалу, а с другой, позволяет сделать вывод о необходимости отделения понятий Родина и Отечество от государства и власти как условия успешности военно-патриотического в частности и патриотического воспитания в целом в России. В противном случае мы обречены наталкиваться на непонимание не только взрослых людей, повидавших виды, но и на отторжение патриотического воспитания подрастающим поколением – школьниками и студенчеством.

Российская и советская военная история богата как примерами «тихого» забвения погибших и выживших в войнах солдат и офицеров; семей, оставшихся без кормильцев; ветеранов, один на один борющихся с бедами и безысходностью инвалидности и болезнями, так и примерами открытого или тайного гонения политической властью полководцев и военачальников, выигрывавших войны и сражения, или сваливания политиками вины за военные провалы со своих больных голов на головы военспецов. Отношение со стороны нашей власти к Солдату после службы и войны как к использованному и ненужному материалу имеет глубокие исторические корни и может классифицироваться как одна из самых устойчивых российских традиций. На сей счет существует печальная офицерская шутка «Родина нас не забудет, но и не вспомнит».

Уже хрестоматийными стали судьбы руководителя и героя Псковской обороны 1581 года Ивана Петровича Шуйского, попавшего в опалу и удушенного в бане «огнем и дымом» в 1588 году; воеводы Михаила Борисовича Шеина с честью вышедшего из сложнейшей ситуации под Смоленском во время Русско-польской войны (Смоленской) 1632–1634 гг., казненного якобы за измену в 1634 гг.; многочисленные опалы Александра Васильевича Суворова, чьи боевые заслуги находятся вне конкуренции, а также не менее трагичные судьбы других военных деятелей досоветской эпохи.

В советское и постсоветское время цинизм власти гипертрофировался – гражданская война, межвоенный период, Великая Оте-

чественная война, локальные войны СССР, Первая и Вторая чеченские кампании ярко иллюстрируют усиливающееся пренебрежение власти интересами «человека с ружьем» и его семьи.

В советской пропаганде любили упоминать факт объявления Гитлером трехдневного траура по окруженным войскам в Сталинграде (130 000 человек), но ни разу ничего подобного не было сделано в нашей стране по отношению к миллионам, оказавшимся в 1941 и 1942 годах в различных котлах, по более чем четырем миллионам советских солдат и офицеров, плененных к концу 1941 года. Более того, военнопленных, невзирая на обстоятельства пленения, оптом объявили предателями и подвергли различным репрессиям их семьи, а десятки тысяч советских солдат и офицеров – узников фашистских концлагерей – сменили немецкие лагеря на советские.

Тысячи человеческих трагедий современных чеченских кампаний, к которым власть остается глуха, и увеличение небоевых потерь российской армии, по сравнению с потерями большей по численности Советской армии, систематическая болтовня и милицейско-военкоматовские облавы на призывников взамен реальной военной реформы – все это говорит о закреплении вышеобозначенной пагубной традиции.

В сложившейся ситуации при условии отождествления Родины и государства (власти) любые усилия по военно-патриотическому воспитанию будут, в лучшем случае, уходить в песок, а в худшем – приведут к прямо противоположным результатам.

Мне запали в память слова солдата, раненного в Первой чеченской кампании, весьма красноречиво ответившего на вопрос о том, любит ли он Родину после всего случившегося, – «Родину я люблю, а государство ненавижу!». Не менее ярко эта мысль высказана одним из героев сериала «Мужская работа» – «Глупо обижаться на Родину, если тебя обидела власть». Эти слова являются своеобразной формулой поведения, руководствуясь которой можно жить и работать в России, в том числе и на ниве патриотического и военно-патриотического воспитания.

Ну а власти, если она хочет, чтобы граждане России перестали делить отношение к своей стране на любовь к Родине и неприязнь или даже ненависть к государству, необходимо менять отношение к чаяниям и проблемам россиян.

Хотелось бы, чтобы стали реальностью замечательные строки гимна России:

*Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.*

Раздел второй

Трансформация властно-политических систем в современном мире

Ю. В. Запарий*

Мировое правительство или глобальное управление? Перспективы реформирования Организации Объединенных Наций

Процесс глобализации во многом определяет современную действительность. Демократизация, исчезновение границ, сдерживающих обмен информацией и идеями, свободное обращение капиталов и товаров в мировом масштабе, появление транснациональных корпораций позволили многим ученым утверждать, что национальные государства теряют свое значение и влияние. Возможно именно теперь, когда благодаря развитию современных технологий и глобализации мир стал настолько взаимозависимым, в нем, наконец-то, появились все предпосылки для создания эффективной надгосударственной системы управления? Возможно ли адаптировать уже существующие международные механизмы к требованиям времени, или необходимо создавать новые?

С момента окончания эпохи «холодной войны» и до сих пор широко обсуждаются различные варианты реформирования Организации Объединенных Наций (ООН) – универсальной всемирной организации, созданной великими державами на заключительном этапе Второй мировой войны. В ходе дискуссии высказывались различные предложения. Наиболее смелые инициативы исходят от сторонников движения за всемирную федерацию, выступающих за трансформацию ООН в мировое правительство, призванное объединить руководство отдельных стран в наднациональный представительный орган. Радикально настроенные критики предлагают распустить Организацию, представляющую лишь интересы западных стран, а взамен создать региональные ассоциации, спо-

* Юлия Владимировна Запарий – канд. истор. наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

собные более эффективно решать задачи¹. Более умеренные проекты предусматривают создание механизма, отражающего реальную расстановку сил в мире путем введения системы взвешенного голосования в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее².

В России в настоящий момент обсуждение реформ ООН не находит столь широкого общественного отклика, как на Западе, и представляет интерес в основном для научной общественности. Официальная позиция российской дипломатии по данному вопросу отражена в выступлениях и статьях Е. Примакова и нынешнего министра иностранных дел С. Лаврова³. Ее суть сводится к следующему: ООН является уникальной организацией, доказавшей свою эффективность, ее реформирование необходимо проводить постепенно. Россия, в целом поддерживая курс, проводимый Секретариатом в области реформирования Организации, настаивает на сохранении ведущей роли Совета Безопасности.

Среди российских международников есть сторонники и более радикальных преобразований. Так, некоторые исследователи считают, что «передовые нации должны... навязать неблагоприятным государствам элементарный порядок...», поскольку ООН действует неэффективно⁴. Для этого демократические государства должны заключить между собой ряд соглашений, определяющих их общую позицию в отношении глобальных проблем безопасности, а затем создать в рамках ООН объединенные вооруженные силы. С их помощью коалиция развитых стран и должна поддерживать стабильность в системе международных отношений.

¹ *Inayatullah S.* World Government, Globalization and UN Reform // *Pro-utWorld*. 1999. Интернет-ресурс: <http://www.globalpolicy.org/reform/topics/general/1999/worldgov.htm>.

² *Schwartzberger J.* Entitlement Quotients as a Vehicle for United Nations Reform // *Global Governance*. 2003. № 9; *Schwartzberger J.* Reitalizing the United Nations. Reform Through Weighted Voting. NY., 2004.

³ См. например: *Лавров С.* ООН: итоги 2003 г. // Россия в глобальной политике. 2003. № 4; Он же. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. № 6; Он же. Внешнеполитические итоги 2005 г.: размышления и выводы // Дипломатический ежегодник–2005; *Примаков Е.* ООН и вызовы времени // Россия в глобальной политике. № 5. 2004.

⁴ *Иноземцев В. Л., Караганов С. А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. Интернет-ресурс: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/12/3632.html>

Таким образом, в настоящий момент сформировалось три основных подхода. Согласно первому, международное сообщество должно принять меры, направленные на обновление ООН, наделение ее адекватными ресурсами для выполнения целей Устава. Второе направление призывает к переосмыслению структуры и задач ООН, а сторонники третьего подхода выступают за трансформацию Организации в мировое правительство⁵. Очевидно, что дебаты по реформе ООН – это продолжение политической борьбы между государствами, которое отражает борьбу мнений о будущем современного миропорядка. Так, Дж. Пол считает, что реформа ООН – «это битва между неокейнсианством и неолиберализмом»⁶, между представлениями об Организации как центре, способном регулировать международные отношения, и убеждением, что глобальные правила должны устанавливать капиталы и международные рынки.

Каков будет исход этой битвы – предсказать сложно. Думается, что идея мирового правительства продолжит воодушевлять идеалистические настроения общественности, но вряд ли будет в ближайшее время осуществлена. В то же время учреждение Международного Уголовного суда (2002 г.), а также создание под эгидой ООН системы международного права, регулирующей важнейшие аспекты деятельности, свидетельствуют о том, что некоторые элементы «проекта» мирового правительства воплотились в жизнь.

Наиболее реалистичным представляется предложение о проведении умеренных реформ с сохранением ведущей роли Совета Безопасности, которое в разной степени поддерживают Великобритания, Канада, Франция и Россия. Анализ истории ООН показывает, что, хотя страны-члены обычно обсуждают «пакет» реформ, вся программа преобразований целиком никогда не принимается, так как государства хотят сохранить пространство для политического маневра⁷.

Если наиболее влиятельные страны априори не стремятся к осуществлению значительных перемен в Организации, каковы же перспективы ее развития? Ряд исследователей считает, что ООН

⁵ *Inayatullah S.* Op.cit.

⁶ *Paul J.* UN Reform: An Analysis. Интернет-ресурс: <http://www.globalpolicy.org/reform/analysis.htm>.

⁷ *Luck E.* How Not to Reform the United Nations // *Global Governance*. № 11. 2005. P. 411.

в тесном сотрудничестве с международным гражданским обществом может стать центром системы глобального управления⁸. Действительно, в 1990-е гг. Организация очень много сделала в этом направлении. ООН провела ряд мега-конференций по правам человека, окружающей среде, народонаселению и др., наладила связи с неправительственными организациями, создала международно-правовые режимы в области защиты окружающей среды и прав человека.

Однако надежды на превращение ООН в центр механизма глобального регулирования весьма призрачны; став частью «глобального дискурса, ООН превратилась в арену глобального противостояния»⁹. Оставаясь в зависимости от воли великих держав – постоянных членов Совета Безопасности, ООН не может эффективно реализовать разработанные нормы на практике. Множество неправительственных, региональных организаций конкурируют с ООН, распыляя ресурсы. Вряд ли можно ожидать, что ООН станет играть ведущую роль в мире, в то время как система регулирования мировой экономической системы фактически находится вне ее рамок и контроля.

⁸ Термин «глобальное управление» (global governance) определяется как регулирование глобальных процессов при отсутствии всемирного правительства (Adil Najam) или комплекс мер, предпринимаемых государствами, гражданами и организациями как на меж-, так и на негосударственном уровне для решения общих проблем и удовлетворения общих интересов в глобальном масштабе (Thoms Weiss, Ramesh Thakur).

⁹ *Tehrani M.* Globalization and Governance // *Democratizing Global Governance*. NY., 2002. P. 19.

*Л. А. Ярошенко**

Трансформация международных структур обеспечения безопасности: роль НАТО после событий «11 сентября»

Безусловно, события 11 сентября 2001 года изменили динамику международных процессов в Европе и на американском континенте, по-новому обозначив роль тех или иных структур, вовлеченных в процесс формирования адекватной современным реалиям системы международной безопасности. В данном случае помимо ООН, традиционно несущей главную ответственность за поддержание международного мира и порядка, в качестве одного из мощных рычагов в решении вопросов евроатлантической безопасности, особенно в свете террористической угрозы, можно выделить НАТО – военно-политический союз стран Западной Европы и Северной Америки.

Это далеко не случайно. Концепция Национальной Безопасности США от 17 сентября 2002 года четко и ясно определила глобальную ответственность США в борьбе с международным терроризмом, причем в качестве приоритетной составляющей в этой борьбе выступают силовые операции. НАТО, в свою очередь, является организацией, где доминирование США наиболее ярко отражается в военной структуре Североатлантического альянса. Военная компонента НАТО базируется главным образом на военном потенциале США, в первую очередь стратегическом. Готовы ли США в рамках НАТО привести в действие военно-силовой инструментарий в борьбе с терроризмом, или все же НАТО, будучи организацией коллективной обороны стран-членов, скорее арена согласования политической воли США и ее европейских союзников в противодействии «асимметрическим угрозам», а значит, фактор ограничения свободы действий США?

* *Любовь Анатольевна Ярошенко* – аспирантка кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им П. Г. Демидова (г. Ярославль).

11 сентября 2001 года стало не только переломным моментом, изменившим характер внешней и внутренней политики многих государств, но и потребовало от международных структур обоснования собственного предназначения и идентичности в меняющемся мире. Подобный вопрос возник и перед НАТО. США предложили европейским членам НАТО свою концепцию развития блока в будущем, она была озвучена заместителем министра обороны США Полом Вулфовицем на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене 2 февраля 2002 года: «Борьба с терроризмом, которая столь явно связана с оружием массового поражения, является основной частью в описании основного предназначения НАТО- коллективной обороны»¹. Исходя из этого заявления, можно сделать вывод, что если Североатлантический альянс не перестроится для противодействия терроризму и распространению оружия массового поражения, то он может оказаться бесполезным и утратить былую поддержку США. В свою очередь, принятие НАТО функции по борьбе с международным терроризмом может потребовать решения таких проблем, как: сокращение количества средств, направляемых на оборонную политику со стороны европейских государств, разрыв в военном арсенале США и Европы. Как показали кампании в Афганистане и Ираке, многие союзники США по НАТО выразили желание начать борьбу против терроризма, и многие сделали это, но ограниченные возможности по развертыванию сил и средств не позволили превратить это участие в полноценное.

С другой стороны, даже если европейские страны примут на себя ощутимые обязательства в плане военных расходов Североатлантического альянса, вопрос о сдерживающем факторе в случае односторонних действий остается открытым, так как само содержание восприятия террористической угрозы в США на основе речей президента Дж. Буша за период с 2001 по 2004 год отражает типичную для этой страны уверенность в собственном лидерстве, превосходстве западных ценностей и выбранных методов и форм борьбы с новой угрозой безопасности, нейтрализация которой вполне возможна и коллективными действиями, но лишь при ведущей роли США².

¹ Евразийский вестник // Журнал теории и практики Евразийства. № 20 // www.e-journal.ru

² The National Security Strategy. The White House. 2002.

Пражский и Стамбульский саммиты НАТО, состоявшиеся после 11 сентября 2001 года, отчасти были призваны разрешить эти назревшие вопросы и показать другим членам мирового сообщества, что в современном мире Североатлантический пакт – мощный блок, обладающий потенциалом реорганизации. Так, в принятой на саммите Стамбульской декларации «Наша безопасность в новом столетии» страны-члены НАТО подчеркнули, что будут вести борьбу с терроризмом, укреплять безопасность и стабильность «во многих регионах мира».

Поможет ли данная трансформация НАТО в военно-политическую организацию с глобальной зоной ответственности, охватывающей Ближний Восток и Азию, особенно в свете террористической угрозы, сделать решения этого блока более взвешенными, а реализацию таких целей, как борьба с терроризмом, укрепление режима нераспространения оружия массового поражения, более согласованной – это вопрос времени.

Однако слабым местом такого сценария является то, что минимизацию современных вызовов безопасности нельзя свести к чисто военным методам. Конкретные действия в политической сфере также могут быть эффективными, возможная трансформация НАТО в политико-военную организацию с глобальными целями потребует не только изменения административной структуры, но и процесса принятия решений в нем. Уровень доверия к НАТО и степень его эффективности в решении проблем безопасности напрямую будет зависеть от готовности европейских стран и США взять на себя ответственность за подобную трансформацию.

*Е. В. Барсук**

Социальное законодательство Германской империи 1871–1907 годов: проблемы введения и реализации

Новая история социального обеспечения берет свое начало в XIX веке, когда активно развивалось промышленное производство и были основаны крупные предприятия наемного труда, что повлекло за собой существенную трансформацию экономической и политической роли отдельных классов. Приоритетом в основании системы социального обеспечения обладает Германия, где, с одной стороны, получили наибольшее развитие идеи социал-демократии, а с другой стороны, как противовес рабочему движению, – социальное законодательство канцлера О. Бисмарка.

Целью данного исследования является изучение процесса формирования и осуществления социального законодательства в Германской империи 1871–1907 годов.

Нельзя сказать, что данная проблема не нашла своего отражения в историографии. Так, уже в процессе ее формирования свет увидели работы ученых-юристов З. Хоффмана [11], А. Лемкуля [12], А. Стадхагена [15]. В дальнейшем проблематику, связанную с отдельными вопросами социальной политики, и в частности законодательства, рассматривали главным образом отечественные ученые-историки: С.И. Бобылева [1; 2], А.Б. Вебер [3] и К.Д. Петряев [9]. Следует особо отметить работы деятелей рабочего движения Германии: Ф. Лассалья [8], М. Шиппеля [14], М. Кварка [13] и представителей кафедр-социализма В. Зомбарта [6], Г. Геркнера [4] и Ф. Тенниса [10], которые представляли противоположные точки зрения на осуществление и главные принципы социальной политики государства.

В результате реализации поставленной цели нами были сделаны следующие выводы:

* *Е. В. Барсук* – Днепропетровский национальный университет (Украина).

1. В процессе формирования законодательной базы социальной политики Германской империи можно выделить следующие периоды:

1871–1877 годы – введение и унификация законодательства в различных землях, сформировавших Германскую империю, распространение действия Промышленного Устава 1869 года на всей территории государства;

1878–1890 годы – период социального законодательства канцлера О. Бисмарка, ознаменовавшийся введением основных законодательных актов социальной направленности: 1883 г. – страхование по болезни, 1884 г. – страхование от несчастных случаев, 1889 г. – страхование по старости и инвалидности. Этому периоду присущи противоречивые черты – угнетение рабочего движения с помощью Исключительного закона против социал-демократов, но вместе с тем введение социальных актов.

1891–1907 годы – период социального законодательства Вильгельма II, ознаменовавшийся введением большого числа дополнений и переработкой уже имеющихся законов, а также введением серии новых. Несмотря на то, что они вводились при правлении различных канцлеров, акты носили ярковыраженный либеральный характер по отношению к рабочему классу и ужесточали контроль над фабриками.

2. Осуществление государственной политики и выработка законодательства по охране труда в Германии шли при активном участии ученых, которые определили развитие всего социального законодательства и решение социальных вопросов вплоть до Ноябрьской революции. Так, они отстаивали введение поэтапных реформ с одновременным прогнозированием возможных последствий их осуществления, а не прямое вмешательство государства в дела отдельных промышленников.

3. Взгляды деятелей социал-демократического движения на процесс осуществления социального законодательства разделились. Практики профсоюзного движения, такие, как М. Шиппель и К. Легин, стремились к сотрудничеству с предпринимателями и к минимализации силовых воздействий на принятие решений в виде стачек и забастовок; теоретики движения – не воспринимали никакого сотрудничества с властями и промышленниками.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют создать более целостную картину социальной истории Германской империи. Впервые была сделана попытка осуществить

типологизацию социального законодательства по хронологическому принципу, что дает нам возможность выявить характерные черты для каждого из периодов. И наконец, исследование процесса развития данного вида законодательства позволило углубить представление о взаимоотношениях государственных структур с рабочим классом, осуществляемых посредством введения такого законодательства в действие.

Литература

1. **Бобылева С. И.** К вопросу о положении рабочего класса Германии в 1900–1914 гг. // Вопросы германской истории и историографии. Вып. 1. – Днепропетровск, 1973. – С. 35–45.
2. **Бобылева С. И.** Катедер-социализм и профсоюзное движение в Германии // Вопросы германской истории. Политическое развитие: неизученные проблемы: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. А. С. Завьялова. – Дн-ск: ДГУ, 1990. – С. 20–32.
3. **Вебер А. Б.** Классовая борьба и капитализм. Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX–XX вв. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
4. **Геркнер Г.** Рабочий труд в Западной Европе. – СПб.: Тип. А. Лейферта, 1899. – 512 с.
5. Законодательная охрана труда / Пер. с нем. под ред. М. Туган-Барановского. – СПб.: Изд-во М. И. Водовозов, 1901. – 320 с.
6. **Зомбарт В.** Промышленный рабочий вопрос / Пер. с нем. Ю. Д. Филипова. – СПб., 1906. – 96 с.
7. **Кучинский Ю.** История условий труда в Германии. – М.: Изд-во ин. лит., 1949. – 532 с.
8. **Лассаль Ф.** Принципы труда в современном обществе: пер. с нем. – СПб.: Тип. «Труд», 1905. – 39 с.
9. **Петряев К. Д., Матвеев С. А.** Законы о социальном страховании в германском рейхстаге в 1881–1884 гг. // Ежегодник германской истории. 1971. – М.: Наука, 1973. – С. 51–72.
10. **Теннис Ф.** Эволюция социального вопроса: пер. с нем. – СПб.: Изд-во Вестника Знания, 1908. – 82 с.
11. **Hoffmann S.** Die Arbeiterversicherungsgesetze des Deutschen Reiches. – Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1902.
12. **Lemkuhl A.** Die sociale Frage und die staatliche Gewalt. – Freiburg im Wreisgan, 1893.

13. **Quarck M.** Die Arbeiterschutzgesetzgebung im Deutschen Reiche. Eine sozialpolitische Studie für die weitesten Kreise. – Stuttgart: Verlag von J.H.M.Dietz, 1886.

14. **Schippel M.** Gewerkschaften und Koalitionsrecht der Arbeiter. – Berlin, 1899. – 48 s.

15. **Stadthagen A.** Das Arbeiterrecht. Rechte und Pflichten des Arbeiters in Deutschland aus dem gewerblichen Arbeitsvertrag und aus den Unfall-, Kranken- und Invalidenversicherungs-Gesetzen unter besonderer Berücksichtigung des Bürgerlichen Gesetzbuchs. – Stuttgart: Verlag von J.H.W.Dietz. – 1904. – 616 s.

П. А. Решетникова*

Японский император как «центральная пустота» и как «внутреннее лицо» нации

Генерал Макатур: «И что, вот такие правят миром?»
(из фильма А. Сокурова «Солнце»)

Различают множество видов и форм власти в зависимости от предмета исследования и области знания. Одним из возможных способов рассмотрения проблемы власти является выделение и описание ее региональных типов.

В отношении своего политического устройства Япония уникальна даже для Дальнего Востока. В других государствах региона монархии прекратили свое существование еще в начале XX века, тогда как в Японии вопрос о ее существовании даже не ставится под сомнение. Это объясняется не столько различиями в политическом становлении истории этих стран, сколько обусловлено принятыми ими монархическими концепциями. Во всех других странах Восточной Азии идейной основой монархии была китайская теория «мандата Неба», по которой право на власть давалось каждой очередной династии временно и условно. По мере накопления у императорского рода политических промахов и личных проступков его право на власть исчерпывалось и передавалось более достойным на данный момент кандидатам.

Несмотря на то, что японская монархия по своему внешнему, ритуальному оформлению практически копировала китайский оригинал, саму концепцию «мандата Неба» в Японии не признавали. Главная особенность японской монархии заключается в ее неизменности и принципиальной несменяемости. Согласно синтоистским источникам императорская династия была основана в 660 г. до н.э. богиней Солнца Аматэрасу, которая лично передала своему внуку Дзимму императорские регалии (зеркало, меч и яшму). Со-

* **Полина Александровна Решетникова** – аспирантка кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

гласно этой версии японские императоры являлись прямыми потомками божеств и богами.

Безусловно, положение императора как наследника богов по прямой линии способствовало стабильности династии. С другой стороны, статус императора как своеобразного верховного жреца традиционной японской религии синто отнюдь не предусматривал, что он должен обладать реальной политической властью, и делал его номинальным правителем страны. С XII века в Японии установилась система двоевластия. Реальная политическая власть принадлежала верховным главнокомандующим (сёгунам). Именно династии сёгунов и играли в Японии роль «обычных», сменяемых династий. Сёгуна можно было свергнуть, заставить отречься от престола, разгромить в бою. Император был выше этого. Никогда ни у одного из вельмож не возникала мысль о том, чтобы заменить царствующий род и захватить трон.

Японские императоры традиционно вели чрезвычайно изолированный образ жизни и практически не покидали пределов дворца. В этом отношении интересно провести семиотический анализ расположения императорского дворца в японском культурном пространстве. Поскольку культурное пространство не дано, а производимо, организуемо, каждая культура по-своему организует «свое» пространство, тем самым как бы экстериоризируя, овеществляя свое национальное видение мира. Императорский дворец расположен в центре столицы Японии, но, в отличие от организации городского пространства европейских городов, он не возвышается над городом, а построен таким образом, что его практически не видно. Императорский дворец централен, священен, «пуст» и, следовательно, неприкосновенен. «Весь город вращается вокруг места, одновременно безликого и запретного, оно скрыто зеленью, огорожено рвами с водой и управляется императором, которого никогда не видно, т.е. в прямом смысле неизвестно кем. День за днем такси... избегают этого круга, низкий гребень которого – зримая форма самой незримости – скрывает священное «ничто». Таким образом, один из двух наиболее влиятельных городов современности выстроен вокруг непроницаемого кольца стен, вод, крыш и деревьев; его центр – не более, чем испарившаяся идея, существующая здесь не для того, чтоб излучать власть, но чтобы обеспечить всякому городскому движению опору на ее центральную пустоту...» (Барт Р. Империя знаков. М.: Праксис, 2004. С. 45).

Если Администрация Президента России располагается в самом центре Москвы, в Кремле, который принципиально публичен и демонстрируем как «своим», так и иностранцам, поскольку ни одна экскурсия по Москве не представляется без посещения Кремля и Красной площади, то императорский дворец в Японии – это совершенно не экскурсионный объект, поскольку даже с самой близкой точки он практически непросматриваем, а доступ к императорскому дворцу открыт лишь один день в году. Император, как синтоистские божества, никогда не становился предметом живописного или словесного изображения. Первым императором, который представил народу свой фотоснимок, был император Мэйдзи в 1973 г. До этого были известны только два портретных изображения императоров, которые не являются портретами в западном понимании, поскольку, во-первых, они были написаны не с натуры, а по прошествии нескольких десятков лет после их смерти а, во-вторых, подчеркивали не личностные черты императора, а его религиозность и статус.

Тема японского типа власти затрагивается в третьем фильме тетралогии Александра Сокурова «Солнце» (2005 г.). Серия его фильмов рассказывает о людях, наделенных властью: «Молох» – о Гитлере, «Телец» – о Ленине, «Солнце» – о предпоследнем 124-ом японском императоре Хирохито во время принятия им решения о капитуляции Японии во Второй мировой войне. Хирохито (1901–1989), в отличие от первых двух вождей не тиран и не диктатор, обладал такой властью над своими подданными, о которой не мечтала ни одна военная диктатура.

Хирохито является в японской истории фигурой неоднозначной. Одни считают его преступником мирового масштаба, развязавшим Вторую мировую войну, другие – человеком, благодаря которому Япония вышла на современный экономический и технический уровень. В любом случае, традиционно император является «фигурой умолчания», поэтому многие моменты, связанные с его жизнью, в японском обществе табуированы. Фильм Сокурова в Японии считается чересчур откровенным, даже где-то бестактным. Производство подобной киноленты в самой Японии было бы невозможным. Любой натурализм или ирония по отношению к императорской власти считается в Японии богоотступничеством. Огромное удивление у японцев вызывает смелость японского актера, который согласился сыграть роль императора, поскольку никто не имеет права изображать потомка Аматоэрасу.

Номинальных правителей принято называть марионетками, и фильм Сокурова недвусмысленно и неоднократно вызывает такую ассоциацию. Но применительно к японской культуре наиболее подходящим является образ лица/маски, который является, на мой взгляд, ключевым для понимания японской культуры. Японцы различают внешнее лицо, маску (татэмаэ), и внутреннее, истинное, сокрытое лицо (хоннэ), которое можно открывать только в кругу самых близких людей. «Сохранить лицо» – одна из самых важных и непререкаемых норм поведения для японцев. На людях следует вести себя сдержанно, скрывать свои чувства, демонстрируя невозмутимость и дружелюбие в любой ситуации. Публичное проявление эмоций считается невежливым по отношению к окружающим. В театре Но актеру, чтобы нарисовать себе маску, свое лицо нужно плотно забелить, освободить от всех смыслов, доведя его до состояния белого листа или «пустой натяженности». Внутреннее лицо оказывается чистым и означающим, оно не умышленно скрывается за маской, а просто отсутствует. Как зеркало (которое, кстати, символизирует присутствие божества в синтоистском святилище и является одной из императорских регалий), сохраняющее известную непричастность к происходящему, император не воздействовал напрямую на события, не наделял все существующее именами, но аккумулировал в себе его смыслы.

Сталкиваясь с явлениями чужой культуры, не имеющими аналогов и соответствующего понятийного аппарата в нашей традиции, при их типизации приходится прибегать к описанию через наглядные образы и метафоры, которые, тем не менее, никогда полностью не определяют явление во всей его многослойности, но дают представление о нем в каком-то определенном аспекте. Японский император в этом отношении – истинное, внутреннее лицо нации. Традиционно императоры не показывались народу, не изображались и не покидали пределов столицы, поскольку главная функция императора – пребывание в сакральном центре Японии, во дворце. (Первым императором, совершившим поездку за границу, был Хирохито после Второй мировой войны). Сам факт нахождения императора в стране является залогом благополучия Японии. Божественно-человеческая природа японского правителя, в отличие, например, от христианского Иисуса, не содержит в себе никакой антиномии и трагизма, не ставит его носителя перед выбором. Его сущность двояка, но непротиворечива.

Власть западного типа носит конвенциональный характер: это власть делегированная, власть завоеванная, а значит, власть, которую можно поставить под сомнение. На Западе человек, чтобы завоевать власть, должен быть экстраординарной личностью и постоянно доказывать своим подчиненным ее законную ему принадлежность. Как ветхозаветный бог, западный правитель должен себя обнаруживать в мире, быть публичным, требовать, награждать и наказывать. Западная власть – это власть явленная, деятельная и обуславливающая себя через продукты своей деятельности.

Власть японского императора изначально и безусловна. Она предельно дистанцирована от общества, никому ничего не доказывает и никак себя не обнаруживает. Своеобразие человеческой личности японского правителя не имеет никакого значения: его положительные или отрицательные качества никак не изменяют глубины символизма его власти. Он не нуждается в том, чтобы утверждаться и доказывать ее легитимность. Японский император являлся одновременно и центром системы и был вне ее: вне политики, вне экономики, вне пространства, вне времени (японская система летоисчисления оформляется периодами правления императоров, поэтому можно сказать, что время им обусловлено) и, соответственно, вне критики и вне конкуренции. Подобный статус абсолютности и уникальности императорской династии не нуждается даже в фамилии, поскольку не подразумевает различия. Власть недеятельная, власть сокрытого, власть абсурдная по сути и потому вызывающая безусловную веру и благоговение.

Е. Е. Эпштейн*

Образование государства Израиль и ближневосточная дипломатия США

Образование государства Израиль стало весьма значительным событием на Ближнем Востоке, повлиявшим не только на политику данного региона, но и на международные отношения второй половины XX века, а также на политику сверхдержав, в том числе на ближневосточную дипломатию США. Именно поэтому весьма важно исследовать данную проблему на основе источников, классических исследований и новых монографий. Несмотря на имеющиеся исследования, проблема изучения процесса образования государства Израиль и политика США в этот период требует дальнейшего рассмотрения, что и будет проделано в данном докладе.

В июле 1945 года, через два месяца после окончания войны, в Великобритании прошли выборы верховной власти – и когда новое британское правительство стало разрабатывать свою ближневосточную политику в свете послевоенной действительности, руководству сионистского движения стало ясно, что премьер-министр Клемент Эттли решил продолжать политику Белой книги 1939 года в отношении палестинской проблемы, иммиграции евреев, то есть ограничения её 1500 разрешениями в месяц на въезд для евреев, переживших Катастрофу. Такое же количество разрешений рекомендовалось оставить и после окончания срока действия Белой книги¹.

Таким образом, отказ англичан от своих обещаний сионистскому движению, запрет на покупку земли, ограничение еврейской

* **Ефим Евгеньевич Эпштейн** – магистр полит. наук (СПбГУ), аспирант кафедры международных политических процессов, философский факультет СПбГУ, преподаватель политологии и современной еврейской истории в ПИИ (г. Санкт-Петербург).

¹ См.: **Сакер Г. М.** История Израиля. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990–1993. Т. 2. С. 112. См. также: **Эттингер Ш.** Очерк истории еврейского народа. Иерусалим: Библиотека Алия, 1979. Т. 2. С. 278.

иммиграции и ужасное положение еврейских беженцев в лагерях для «перемещенных лиц» привели руководителей ишува (еврейского населения Палестины) к убеждению, что нужно усилить борьбу с английскими властями. В итоге еврейско-английского противостояния в Палестине было сосредоточено около 80 тысяч британских солдат (как во время арабского восстания 1936–1939 гг.), а вся страна, как пишет Г. Сакер, «была похожа на лагерь в осаде из-за пропускных пунктов, колючей проволоки, патрулей и броневиков»².

Став председателем Всемирного сионистского движения после начала Второй мировой войны, Д. Бен-Гурион оттеснил Х. Вейцмана, делавшего ставку на сотрудничество с Великобританией, с ведущих позиций в сионистском движении и переориентировал внешнюю политику сионистского движения на США. «Английская карта больше не была. Она играла против евреев. В противоположность этому, американская карта оказалась козырной», – указывал Г. Сакер³. Сионистские лидеры, в первую очередь Д. Бен-Гурион, своевременно распознали преимущество переориентации внешней политики Израиля с Великобритании на США. Решающую роль в этом сыграли такие факторы, как мощь США и влияние еврейской общины. Помогая сионистскому движению и Израилю, США постоянно пытались оставаться нейтральными и по отношению к арабским странам, и это им удавалось, несмотря на многочисленные срывы⁴.

До Второй мировой войны американцы практически не вмешивались в дела Ближнего Востока. Этот район целиком находился в сфере влияния европейских стран. Однако в ходе войны США все больше и больше интересовались Ближним Востоком как по причинам стратегическим, так и из-за интересов американских нефтяных компаний, действующих в этом регионе. Вмешательство президента США Гарри Трумэна в ближневосточные дела было связано с проблемой «перемещенных лиц» в Европе. Кроме того,

² **Сакер Г. М.** Указ. соч. С. 115. См. также: **Zadka S.** Blood in Zion: How the Jewish Guerrillas Drove the British Out of Palestine. Washington, DC: Brassey's, 1995. P. 65–67; **Begin M.** The Revolt. Los Angeles: Nash publishing, 1972. P. 245–247.

³ **Сакер Г. М.** Указ. соч. С. 98.

⁴ См.: **Hurewitz J. C.** Diplomacy in the Near and Middle East. Princeton: D. Van Nostrand, 1956. P. 117.

Гарри Трумэн был южным баптистом и питал некоторую религиозную симпатию к евреям. Специальный посланник американского президента, который изучил состояние дел на местах, представил доклад, свидетельствующий об ужасающем положении бывших узников в лагерях для «перемещенных лиц». Кроме того, около 1000 евреев переселенцев было убито в Восточной Европе в послевоенный период. Еврейские общины США требовали от правительства немедленного вмешательства. Трумэн направил Эттли письмо, в котором настаивал на том, чтобы 100 тысяч евреев из лагерей для «перемещенных лиц» были немедленно впущены в Палестину. Но британское правительство отвергло предложение Трумэна предоставить возможность иммиграции 100 тысячам еврейских беженцев в Палестину⁵.

Однако, тяжелое экономическое положение и потребность в срочной американской помощи заставили правительство Великобритании повременить с официальным объявлением своего нового внешнеполитического курса и предложить создать смешанную англо-американскую комиссию, которая изучит положение на местах и представит свои рекомендации. На приеме, устроенном английским министром иностранных дел Эрнстом Бевинем для членов комиссии, Бевин заявил, что если комиссия примет свои предложения единогласно, то английское правительство возражать не будет⁶.

В апреле 1946 года объединенная британско-американская комиссия рекомендовала принять в Палестину 100 тысяч беженцев и отменить ограничение на приобретение земли. Комиссия единогласно приняла следующие рекомендации:

«Палестина не будет только еврейским или только арабским государством. Необходимо отменить существующие ограничения на покупку земли и выдать 100 тысяч разрешений на въезд бывшим узникам нацистских лагерей смерти. Мандат Англии на управление Палестиной должен быть продлен до тех пор, пока между евреями и арабами не будет достигнута договоренность о создании единого арабо-еврейского государства»⁷.

⁵ См.: *Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East, 1914–1956. London: Chatto and Windus, 1963. P. 178.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Цит. по: *Сакер Г. М.* Указ. соч. С. 124.

Однако эти предложения не были приняты всерьез ни евреями, ни арабами. Арабы полностью отвергли все рекомендации комиссии и вернулись к своим требованиям создать на территории Палестины арабское палестинское государство. Еврейское агентство положительно отнеслось лишь к рекомендациям отменить запрет на покупку земли и разрешить въезд 100 тысячам беженцев. Президент Трумэн приветствовал предложение комиссии и просил немедленно выдать разрешение на въезд 100 тысяч евреев. В отношении других предложений он дал понять, что воплощение их в жизнь потребует длительных политических усилий. Но правительство Великобритании, в частности Эттли и Бевин, отвергли даже предложение о въезде в Палестину 100 тысяч беженцев⁸.

Тем временем компромиссное решение смешанной англо-американской комиссии накалило обстановку в регионе. В июне 1946 года, после публикации рекомендаций англо-американской комиссии, Совет Лиги арабских стран собрался в Ливане. Среди различных решений по палестинскому вопросу было предложено создать особые арабские вооруженные силы для освобождения Палестины от англичан. Но эта резолюция не прошла. Вместе с тем Лига отвергла рекомендации англо-американской комиссии и постановила ужесточить борьбу против еврейского ишува и даже взвесить возможность объявить ему открытую войну⁹.

В этой накаленной атмосфере Бевин собрал в январе 1947 года в Лондоне совещание представителей всех сторон, замешанных в ближневосточный конфликт: евреев, арабов и англичан. Но последняя попытка выработать приемлемое решение провалилась, и 18 февраля Бевин объявил, что Великобритания передает решение вопроса о будущем Палестины на рассмотрение Организации Объединенных Наций (как правопреемнице Лиги Наций)¹⁰. Вопрос о Палестине был рассмотрен на II сессии ГА ООН. В напряженной обстановке 29 ноября 1947 года состоялось голосование по вопросу о Палестине на Генеральной Ассамблее ООН. Большинство в 33 голоса против 13 при 10 воздержавшихся резолюция 181/11 от

⁸ См.: *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 98.

⁹ См.: *Эммулгер Ш.* Указ. соч. С. 254.

¹⁰ См.: *Monroe E.* Op. cit. P. 129.

¹¹ Резолюция ГА ООН от 181/11 от 29 ноября 1947 о разделе Палестины // Г. М. Сакер. История Израиля. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990–1993. Т. 2.

29 ноября 1947 о разделе Палестины¹¹ прошла. Среди проголосовавших «за» были СССР и страны Восточной Европы, США, страны Латинской Америки и многие государства Запада¹². 1 августа 1948 года предусматривался вывод английских войск с территории Палестины. Провозглашение независимости двух государств – арабского и еврейского – предполагалось 1 октября 1948 года¹³.

Тем не менее, правительство Великобритании решило вывести войска досрочно и с приближением 15 мая 1948 года, дня окончания британского мандата, представители Госдепартамента США усилили давление на еврейских руководителей, чтобы заставить их отказаться от провозглашения еврейского государства и согласиться на режим опеки, предложенной американцами. Джон Маршалл, госсекретарь США, предупредил представителя сионистского движения (будущего министра иностранных дел Израиля) Моше Шарета, что необходимо отложить провозглашение еврейского государства и согласиться на трехмесячное перемирие, в течение которого будет решено политическое будущее Палестины¹⁴.

Однако на специальном заседании еврейского Народного правления (временного исполнительного органа, созданного в преддверии провозглашения независимости) под председательством Д. Бен-Гуриона было обсуждено это предупреждение, а также военное и экономическое положение еврейского населения Палестины (ишува). Всем было ясно, что сразу же после провозглашения еврейского государства арабские армии попытаются его уничтожить. После продолжительных дебатов шестью голосами против четырех было решено не откладывать провозглашение независимости¹⁵. Затем, 14 мая 1948 года, в пятницу, в 4 часа дня члены Народного совета (временного законодательного органа ишува) и приглашенные представители общественности собрались в Музее

¹² См.: *Бойцов М. А., Хромова И. С.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955. М., 1998. С. 136; *Говрин И.* Израильско-советские отношения. М., 1994. С. 54.

¹³ См.: *Кредер А. А.* Новейшая история. М., 1994. Ч. 2. С. 211.

¹⁴ См.: *Сергеев Е. Ю.* Новейшая история. Подробности 1945–1999 гг. М.: Изд-во «АСТ», 2000. С. 113; *Эвен А.* Рождение Израиля / Время и мы // Международный журнал литературы и общественных проблем. 1988. № 100. С. 225–226.

¹⁵ См.: *Корнилов А. А.* Между войной и миром: о процессе принятия внешнеполитических решений в государстве Израиль (1948–1993 гг.). М.: Культура, 1994. С. 15.

Тель-Авива¹⁶. Председатель собрания, Давид Бен-Гурион, огласил Декларацию независимости Израиля¹⁷.

Несмотря на противодействие провозглашению независимости, США стали первой страной, признавшей государство Израиль сразу же после окончания срока действия британского мандата. Через считанные дни Израиль признали также Советский Союз и многие другие страны, но вопрос о дальнейшем существовании еврейского государства решался не в кабинетах дипломатов, а на поле боя – к середине дня, 15 мая 1948 года, началось вторжение регулярных арабских сил Иордании, Сирии, Египта, Ирака и Ливана в Палестину – так началась первая арабо-израильская война¹⁸.

Итак, рассматривая политику США по отношению к образованию государства Израиль, можно сделать следующие выводы: после Второй мировой войны, оказавшись перед лицом растущей враждебности и подрыва своих позиций в Палестине, британская политика снова изменилась: Великобритания предлагала би-национальное государство. Когда и арабы, и евреи отвергли это предложение, Великобритания передала рассмотрение палестинской проблемы в Организацию Объединенных Наций, рассчитывая, наверняка, что ООН вернет Палестину под контроль Великобритании. Однако надежды Лондона на разрешение этого конфликта в своих собственных интересах были разрушены. США приняли решение занять место Великобритании в качестве господствующей державы на богатом нефтью Ближнем Востоке и взять под свой контроль споры по вопросу о Палестине.

Поскольку в 1947 году США отказались принять существенное число еврейских беженцев на свою территорию, то создание еврейского государства казалось единственным решением. Во время обсуждения палестинского вопроса в ООН ни еврейское, ни арабское давление на Генеральную Ассамблею не сыграло решающей роли. Более того, у Генеральной Ассамблеи не было серьезной альтернативы разделу – и арабы, и евреи заявляли, что не согласятся на федеративное государство, а в пользу раздела высказывались евреи. Также, в ходе обсуждения будущего Палестины при-

¹⁶ См.: *Эвен А.* Указ. соч. С. 251.

¹⁷ Декларация Независимости государства Израиль // Г. М. Сакер. История Израиля. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990–1993. Т 2.

¹⁸ См.: *Эттингер Ш.* Указ. соч. С. 312. См. также: *Pappe I.* The Making of the Arab Israeli Conflict 1947–1951. NY.: B Tauris & Co Ltd, 1999. P. 78.

нятию плана раздела способствовало сотрудничество США и СССР в этом вопросе.

Учреждение еврейского государства было встречено с симпатией миллионами людей во всем мире, которые были утрачены Катастрофой, постигшей европейское еврейство. Ведущие державы, в том числе США и Советский Союз (но не Великобритания), активно поддерживали создание этого государства, но каждая из них действовала в своих собственных интересах – они рассматривали это новое государство как способ блокирования британских позиций на Ближнем Востоке.

А. А. Романовский*

Модернизация политической системы Франции при Пятой республике

В 1958 г. вследствие мощнейшего политического кризиса произошла трансформация политической системы во Франции, выразившаяся в отказе от парламентской республики и существенном перераспределении властных полномочий в пользу главы государства. Несмотря на то, что по новой конституции Франции полномочия президента были существенно расширены, политическая практика пошла еще дальше, прибегая к своеобразному толкованию основного закона, что приводило к полному отходу от первоначального смысла некоторых его статей. Возникали прецеденты, которые, повторяясь, стали обычаями, и реальность сделалась далекой от буквы закона [1].

В период правления Шарля де Голля утвердилось понятие области, зарезервированной за президентом. Так, только за ним были закреплены вопросы международных отношений, обороны и Общества. Подразумевалось, что президент воплощает постоянство, преемственность республиканских институтов, тогда как премьер-министр отвечает за текущее управление государственными делами [2]. Однако впоследствии и этот баланс был нарушен. Как считает французский юрист Ф. Ардан, не существует резервированной сферы деятельности президента, «так как все сферы для него открыты» [3].

Таким образом, одним из самых сложных вопросов развития французского государства явилось распределение полномочий между избираемым всеобщим голосованием президентом и теоретически опирающимся на большинство в Национальном собрании премьер-министром.

Лояльность премьер-министра президенту во многом была основана на политической практике первых лет существования Пя-

* *Александр Андреевич Романовский* – аспирант кафедры социологии и политологии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования ВГУ (г. Воронеж).

той республики, ведь большинство мест в парламенте принадлежало пропрезидентской партии. Рассматривая проблему взаимоотношений президента и главы правительства, несложно обнаружить и явные расхождения между действующими юридическими нормами и сложившейся политической практикой. Статья 8 конституции Франции гласит: «Президент Республики назначает Премьер-министра» [4]. Юридически он полностью свободен от каких-либо условий, в том числе и от обязанности запрашивать мнение парламентариев. Первый президент Пятой республики и его преемники истолковывали свою прерогативу назначения премьер-министра как необходимость не столько считаться с мнением большинства депутатов, сколько влиять на парламент, чтобы привести его мнение в соответствие с позицией главы государства, выражающего «общие интересы».

В то же время конституция Франции предусматривает целый ряд механизмов, позволяющих Национальному собранию влиять на политику правительства, вплоть до выражения ему вотума недоверия. Однако практика Пятой республики пошла по совершенно иному пути: основной формой ответственности правительства стала на деле его политическая ответственность не перед парламентом, а перед главой государства. Отставка, поданная премьер-министром по требованию или по желанию президента и без какого-либо участия парламента, стала основной формой увольнения членов правительства. То есть фактически возник новый институт – институт политической ответственности правительства перед главой государства. «Все знают и согласны с тем, что правительство назначается по моему выбору и действует только при условии, если оно пользуется моим доверием», – писал Ш. де Голль в «Мемуарах надежд» [5].

Политическая практика показала, что полномочия главы французского государства оказались во многом сильнее, чем даже в классических президентских республиках (например, США). Президент фактически стал главой правительства. В то же время, исходя из специфики организации системы управления государством, он может в нужный для него момент дистанцироваться от решений совета министров, перекладывая весь груз ответственности за непопулярные действия на плечи премьер-министра. В связи с этим известный политолог М. Дюверже охарактеризовал политический режим Франции как «республиканскую монархию» [6].

Однако если президент формально обладает единоличным правом назначения премьер-министра, то на практике он учитывает расстановку сил в законодательном органе власти. Более того, в Пятой республике сложилась традиция, следуя которой премьер-министр объявляет об отставке своего правительства не только на следующий день после президентских, но также и после парламентских выборов [7]. Заметим, что президент Республики может назначить главой правительства своего политического оппонента, что, например, пока представляется совершенно немислимым в России. Особенно следует отметить тот факт, что в случае, когда глава государства и премьер-министр выражают интересы полярных политических сил, это не приводит к существенным конфликтам [8]. Такая ситуация как бы вгоняет конституционные нормы в нужную колею – реальность максимально приближается к смыслу текста конституции. При этом реализуется необходимая для истинно демократического государства ротация правящей элиты, чего пока еще не было в нашей стране. В новейшей истории Франции такая ситуация имела место трижды: в 1986–1988 гг., когда при «левом» президенте Ф. Миттеране действовало «правое» правительство Ж. Ширака; в 1993–1995 гг. вновь при «левом» Ф. Миттеране – «правое» правительство Э. Балладюра; в 1997–2002 гг. уже при «правом» президенте Ж. Шираке работало «левое» правительство во главе с социалистом Л. Жоспеном.

То есть правительство и парламент, с одной стороны, а президент – с другой, корректируют деятельность друг друга. Вместе с тем и общество, голосуя на выборах, дает руководству страны определенный сигнал. Если избирателей устраивает проводимая президентом политика, то они одобряют ее с помощью парламентского голосования и этим развязывают руки руководителю страны для более решительных действий.

Более того, на состав правительства оказывают влияние и другие электоральные процессы, например выборы президента (в данном случае речь не идет о смене главы государства). Так, например, произошло в 2002 году, когда на выборах президента действующий тогда премьер-министр Лионель Жоспен уже в первом туре значительно уступил не только главе государства Жаку Шираку, но и националисту Жану-Мари Ле Пену. В итоге лидер социалистической партии добровольно ушел не только с поста главы правительства, но и навсегда покинул политику [9].

Таким образом, трансформация политической системы во Франции, которая произошла с момента установления Пятой республики генералом де Голлем, не стала конечной точкой в амбивалентном процессе изменения характера организации политической власти. Режим, установленный конституцией 1958 г., эволюционировал на протяжении XX века. Правовое положение политических институтов страны определялось не только писаной конституцией, но и политической практикой. Тем самым, можно говорить о модернизации политической системы современной Франции, подразумеваемая под этим понятием изменения, направленные в сторону ее совершенствования, которые диктуются реалиями политической жизни страны.

Литература

1. См.: **Крутоголов М. А.** Президент Французской республики. – М.: Наука, 1980. – С. 38.
2. См.: *L'organisation du travail gouvernemental en France*, 1993. – Р. 6.
3. Цит. по: **Ардан Ф.** Франция: государственная система: пер. с франц. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 93.
4. Цит. по: Конституция Французской Республики // Конституции зарубежных государств. – М.: БЕК, 1997. – С. 110.
5. Цит. по: **Ш. де Голль.** Мемуары надежд. 1958–1962. – М.: Прогресс, 2000. – С. 246.
6. Цит. по: **Пилипенко А. Н.** Конституционный порядок разрешения конфликтов между законодательной и исполнительной властью во Франции // Парламент и президент (опыт зарубежных стран). – М., 1995. – С. 87.
7. **Ардан Ф.** Указ. соч. – С. 75.
8. **Vonnard M.** Le President de la Republique // *Institutions et vie politique*, 1997. – Р. 33.
9. См.: **Гусейнов Э.** Политическая карьера Лионеля Жоспена закончилась // Известия. – (<http://main.izvestia.ru/world/article17470>).

В. Н. Земцов*

Бонапартизм, голлизм и современная Франция

29 мая 2005 г. во Франции состоялся референдум по поводу принятия Европейской конституции. Результаты референдума развеяли надежды евроэнтузиастов в отношении блистательных перспектив обретения единой Европой контуров федеративного государства, в котором демократические народы могли бы насладиться плодами политической и экономической гармонии. 31 мая президент Франции Жак Ширак назначил новым премьер-министром Доминика де Вильпена, занимавшего ранее пост министра внутренних дел, а еще ранее – министра иностранных дел. Пройдет несколько месяцев, и де Вильпен столкнется с новым вызовом европейской стабильности – разнузданными погромами в городах, организованными молодежью арабского и африканского происхождения. На экранах телевизоров замелькает беспомощное лицо Ширака, умоляющего погромщиков остановиться, зазвучит резкая речь министра внутренних дел Николя Саркози, появятся интервью с лидером Национального фронта Ле Пенем... Как провал европейской конституции, так и погромы французских городов совершенно определенно развеяли надежды части элиты Франции на быстрые похороны режима Пятой республики, созданной Шарлем де Голлем в 1958 г., и переход к новой демократической Франции, процветающей в рамках единой, гармоничной Европы.

Аналитики и пресса стали взвешивать шансы действующих политиков на предмет победы на будущих президентских выборах. Предпочтение неизбежно отдается тем, кто готов проявить большую, чем Ширак, твердость в сохранении французской национальной и исторической идентичности. Поразительно, но среди кандидатов на роль «твердого лидера» не столь уж редко мелькает и имя Саркози, сына венгерского эмигранта еврейского происхож-

* **Владимир Николаевич Земцов** – д-р истор. наук, зав. каф. всеобщей истории УрГПУ, профессор кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

дения. И все же фигура де Вильпена кажется наиболее предпочтительной. Де Вильпен исповедует и воплощает в себе то, за что французы хватались как за спасательный круг в течение 200 лет, – бонапартизм и голлизм. Сын влиятельного политика и дипломата, родившийся в 1953 г. в Марокко, где его отец был на дипломатической службе, он в молодости не избежал увлечения радикальными идеями. Однако душевная искренность была впоследствии уравновешена шлифовкой в Институте политических наук и Высшей школе администрации. Его работа на ключевых государственных постах, в том числе министра иностранных дел и министра внутренних дел, выявила в нем те качества, в которых французы не раз в своей истории находили спасение от буржуазной рутины, эгоизма и крайностей демократии.

Свою жизненную философию де Вильпен блестяще изложил в нашумевшей совсем недавно книге «Сто дней, или дух самопожертвования», изданной в Париже в 2001 г., когда автор занял пост министра иностранных дел. Книга была посвящена кумиру де Вильпена – Наполеону, возвратившемуся в 1815 г. к власти на «сто дней». «Сто дней» являются своеобразной притчей, ибо этот период, смычка между двумя мирами, двумя эпохами и двумя режимами, представляет собой выразительный сгусток наполеоновской эпопеи. За очень краткий период времени в своеобразной «лаборатории человеческой комедии» смешиваются и сталкиваются идеалы и доктрины, характеры и убеждения, и начинает вырисовываться облик современной Франции». И далее: «Не было дня, когда бы я не ощущал слабый запах фиалки...» Фиалка, цветок «тайной любви», была символом верности Наполеону.

Пытаясь понять, что произошло с Францией после падения Первой империи, де Вильпен пишет, что с 1815 г. «великодушный порыв века Просвещения уступает место буржуазному эгоизму, этому классовому катехизису, который игнорирует нарождающуюся социальную революцию». Власть, «становясь внешне более умеренной и сбалансированной, теряет свою прозрачность и эффективность», и «ослабление верхушки власти не идет на пользу нации». Между тем идеи и опыт времен Первой империи не были забыты – создание новой, не замкнутой в себе аристократии, «модернизация континента» (создание «большой европейской семьи»), освобождение колоний, предсказанное Наполеоном усиление позиций Америки – все это проявилось в XX в. Франция в течение 200 лет продолжала испытывать на себе влияние гения Наполеона.

«Его деяния вдохновляют дух сопротивления: Гамбетты – в 1870 г., Клемансо и Жоффра – в 1914–1918 гг., Шарля де Голля – в 1940...». Ровно через 100 лет после возвращения праха императора во Францию другой француз (де Голль) «поднимет перчатку и вступится за французскую честь». «Деголлевская эпопея, развиваясь в русле традиций Консульства, восстанавливает сильную исполнительную власть и авторитет государства, а ее герой проявляет такое же презрение к партиям и компромиссам, такое же умение действовать, такую же озабоченность интересами Франции и ее величием»¹.

О том, что бонапартистский режим эпохи Консульства и Первой империи удивительно схож с механизмами власти де Голля, писали многие (от французов М. Дюверже и Р. Ремона до отечественного автора Д.М. Туган-Барановского). В 1962 г. председатель французского Сената Монервиль даже заявил об эволюционирующем режиме Пятой республики как о «просвещенном бонапартизме». Да и сам де Голль не скрывал своих симпатий как к Наполеону, так и к властным институтам, им созданным. «Объединитель нации», «сверхчеловеческий гений», – так отзывался де Голль о своем великом предшественнике.

Между тем с 70-х гг. XX в. стало казаться, что наполеоновские идеалы, столько раз вдохновлявшие и спасавшие французов, отжили свой век. Президенты Валерии Жискара д'Эстен, лидер Союза за французскую демократию, затем социалист Франсуа Миттеран, а главное – Жак Ширак, во многом отошедший от «классического» голлизма, попытались помочь Франции обрести новые идеалы. Референдумом 2000 г. о сроке президентских полномочий, идею проведения которого предложил Жискара д'Эстен и которую поддержал Ширак, была сделана попытка фактически завершить период существования Пятой республики. Однако президентские выборы 2002 г., когда в первом туре Ширак набрал 19,8 % голосов, в то время как лидер Национального фронта Ле Пен – 17,4 %, стали первым сигналом о провальности избранного действующим президентом курса. 2005 год это подтвердил. После провала референдума о Европейской конституции и последовавших вскоре погромов возвращение к идеям рафинированной демократии и по-

¹ Цит. по: *Вильпен Д. де*. Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003. С. 15, 620–621, 623–624, 636, 639.

литкорректности уже вряд ли возможно. Маловероятно также, что французы предпочтут Ле Пена, чьи убеждения выглядят сегодня одиозными и провокационно-опасными. Выбор, как представляется, фактически один – в пользу линии «бонапартизм – голлизм», несколько сдобренной демократией и иллюзиями по поводу общеевропейской гармонии. Не исключено, что и место будущего президента займет французский аристократ, «государственник», поклонник Наполеона и де Голля Доминик де Вильпен.

О. Куликова*

Партии в политической системе Великобритании: история и современность

Конституции современных демократических государств гарантируют право гражданина избирать и быть избранным. Таким образом, современному человеку остается только выбрать: воспользоваться ли своим активным правом и каждый раз, опуская бюллетень в избирательную урну, надеяться, что теперь жизнь изменится к лучшему, или же принимать активное участие в политической жизни государства и реализовывать себя в качестве политика. Для этого и создаются партии, состоящие из граждан, сделавших свой выбор в пользу политики. В настоящее время существует широкий спектр политических партий: от крайних правых до крайних левых, но так было не всегда.

С момента своего возникновения в XVII в. партии прошли длительный путь развития, совершенствуя свою внутреннюю структуру. Сейчас, являясь частью политической структуры государства, партии выполняют ряд важных функций, посредством которых раскрывается их роль в обществе:

1. Выражение и объединение политических интересов.
2. Борьба за власть.
3. Идеологическая функция.
4. Формирование политических кадров.
5. Осуществление контроля над властью.

Обычно партия имеет трехчастную внутреннюю структуру: низовый уровень (рядовые члены партии в городах, селах), промежуточный уровень (костяк партии – конференции, комитеты), высший уровень (правление партии). С одной стороны, такая структура наиболее оптимальна, так как способствует доскональной проработке вопроса всеми членами партии. С другой стороны, верти-

* *Олеся Куликова* – студентка 4-го курса факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

кальная структура партии позволяет выделить четкую иерархию среди ее членов, и на каких бы демократических принципах партия ни строилась, все равно выделяются члены партии, которые обладают большими полномочиями по сравнению с другими, и, конечно же, лидер, благодаря которому партия приобретает «лицо» на политической арене. Таким образом, партия – это не сплошная серая масса людей-единомышленников, а структурированная организация.

Чтобы существовать и развиваться, партии ориентируют политику на «своих» избирателей. Импульсы из общества партия получает через СМИ, социологические опросы, общение с избирателями во время избирательной кампании.

XIX век можно по праву назвать веком партий, так как в этот период происходило становление партий в странах Западной Европы. Партии, способные отстаивать интересы своих сторонников на законодательном уровне, являлись средством мирного урегулирования противоречий между различными социальными слоями. В истории становления партий немецкий социолог М. Вебер выделял три этапа: аристократическая группировка, политический клуб, массовая партия. М. Вебер считал, что эту классическую схему прошли только две английские партии: либеральная (виги) и консервативная (тори).

Виги и тори – это первые протопартии, которые появились в Англии в XVII веке. Тори стояли на позиции сохранения аграрной Англии. Они выражали интересы крупной земельной аристократии, которая вместе с верхушкой англиканского духовенства составляла ядро партии. Виги отстаивали интересы землевладельцев, тесно связанных с коммерсантами (пуритане промышленных и коммерческих районов), и выступали за ограничение власти короля, усиление позиций парламента. Позиции тори были сильнее всего в сельских районах и городах, наиболее удаленных от столицы. Глубокие экономические перемены, произошедшие в промышленных городах, способствовали тому, что торговцы и промышленники по своим политическим взглядам тяготели к вигам, которые поощряли развитие торговли и невмешательство короля в этот процесс. Виги, с целью расширения торговых связей с другими государствами, выступали за активную внешнюю политику Англии. Противоборствуя друг с другом, тори и виги постоянно совершенствовали своё политическое мастерство. Так, постепенно из слабых и неустойчивых образований, которые периодически совсем распадались,

они становились значимыми элементами в парламенте. Результатом длительного соперничества тори и вигов стало создание двухпартийной системы, которая существует в Великобритании до настоящего времени.

В первой половине XIX в. наметилась тенденция к усилению статуса тори и вигов. Преобразования внутри партий начались в связи с расширением избирательного права. Первая избирательная реформа была проведена в 1832 г. По ее итогам избирательное право получили представители торгово-промышленного класса, началась организационная перестройка партий. Их внутренняя структура усложнилась: появились местные отделения партий, постоянные члены получили членские билеты. Была централизована предвыборная деятельность партий, упорядочена процедура выдвижения кандидатов, усилена партийная дисциплина голосования в парламенте, а сами тори и виги все чаще стали называть себя консерваторами и либералами. Следующая избирательная реформа прошла в 1867 г. Акт о реформе 1867 г. создал новую ситуацию на политической арене: количество избирателей увеличилось примерно в 2 раза. «Новыми» избирателями в основном являлись представители трудящихся слоев населения. Прежние программные документы, методы предвыборной работы, организационные структуры консервативной и либеральной партий не соответствовали качественным и количественным изменениям электората. Обеим партиям предстояло определить их отношение к рабочему классу и отразить это в программных документах. Кроме того, необходимо было реорганизовать внутреннюю структуру партийных организаций, освоить новые формы работы, ориентированные на массового избирателя.

Ни консерваторам во главе с талантливым политиком Б. Дизраэли, ни либералам под руководством Р. Чемберлена не удалось представить рабочему классу такой программы, которая бы полностью отвечала их интересам. Это привело к созданию отдельной рабочей партии в период с 1892 по 1894 г. Новая партия образовалась на базе тред-юнионов и первоначально называлась «Независимая рабочая партия», которая в начале XX в. превратилась в лейбористскую партию Великобритании. С момента своего образования и до 30-х гг. XX в. лейбористы значительно расширили свой электорат за счет либеральной партии и стали второй по значимости после консерваторов в рамках двухпартийной системы. В 1924 г. лейбористы сформировали первое правительство.

Во время Второй мировой войны партии достигли соглашения и у власти находилось коалиционное правительство во главе с У. Черчиллем. В этот период их политика, прежде всего, была направлена на преодоление отставания британской экономики от других стран развитого капитализма. Лейбористы подошли к решению этой проблемы по-своему. Их попытки наладить сотрудничество с большим бизнесом привели к потере значительной части избирателей. Консерваторы, в свою очередь, провели обновление партийного аппарата, привлекая консервативную молодёжь, более свободную от традиционных предрассудков, более активную и решительную. Вместе с тем, консервативная партия стала обращать больше внимания на свою работу в профсоюзах. Консерваторам удалось объединить свои силы под лозунгом «нового консерватизма», в основе которого лежит гармоничное сочетание интересов предпринимателей и рабочих. Главной целью консерваторов в период «холодной войны» была цель сопротивления мировому коммунизму.

С момента формирования консервативного правительства М. Тэтчер начался современный этап развития партийной системы Великобритании. Примерно до конца 1970-х гг. во взаимоотношении консерваторов и лейбористов преобладал консенсус, а с 1980-х гг. разногласия между ними начали обостряться. Консерваторы перешли к политике тэтчеризма, основными приоритетами которой были: поощрение частного предпринимательства и ориентация на развитие самостоятельности и ответственности у населения. Избиратели пригородных и сельских районов на юге Англии оказывали поддержку консервативной партии. Основная поддержка лейбористов исходила от больших городов и районов, связанных с тяжёлой индустрией. Либерал-демократы, которые образовались в 1970-е гг. на базе либеральной партии, были традиционно сильны в юго-западной Англии. Кроме того, они завоевали дополнительную поддержку от Большого Лондона и юго-востока Англии.

В конце XX века на политическую арену вышел Т. Блэр и обновлённая лейбористская партия. Изменения коснулись не просто внутренней структуры, партия сменила приоритеты в политике. Он попытался соединить лучшие черты капитализма и социализма в единую политику под названием «третий путь».

Таким образом, в своём развитии партии прошли длительный путь, на всём протяжении которого партийная система постоянно развивалась и совершенствовалась. На раннем этапе (XVII–

XVIII вв.) партии просто пытались выжить. В XIX в. они усложнили свою структуру, усовершенствовали идеологию, пересмотрели свои программные документы. Они начали борьбу за расширение избирательных прав с целью заручиться поддержкой избирателей и тем самым упрочить своё положение в обществе. На современном этапе партии стали главными действующими фигурами на политической арене.

Теория модернизации: итоги и перспективы применения в историческом исследовании

Проблема социальных изменений принадлежит к числу центральных, ключевых в современном обществоведении. Как и почему изменяются общества, является ли процесс социальных изменений неизбежным – эти и многие другие вопросы, связанные с проблематикой социальной динамики, широко обсуждаются специалистами в области социальных и гуманитарных наук. Поскольку само социальное изменение в высшей степени многозначно, многосторонне – ответы на поставленные вопросы могут даваться в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснять характер и направленность изменений.

Особое внимание привлекают широкие исторические трансформации (которые, не ограничиваясь лишь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации самих этих параметров, к изменению способов организации общества), составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие, как становление человека, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации. Модернизация – протяженный, охватывающий несколько столетий исторический процесс, в ходе которого совершался переход от традиционного, преимущественно аграрного общества (данное общество функционировало на основе традиций; люди добывали пропитание

* *Игорь Васильевич Побережников* – канд. ист. наук, зав. отделом Института истории и археологии УрО РАН, препод. факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

так, как это делали их отцы и деды; традиционные регуляторы играли огромную роль в организации общественной и частной жизни) к современному, индустриальному обществу.

Начало процесса модернизации обыкновенно относят к XV–XVII вв. Именно тогда Западная Европа становится ареной кардинальных преобразований. Под влиянием Возрождения и Реформации в обществе утверждаются новые идеалы и ценности, происходит поворот в человеческом мироощущении к материальным, земным интересам, развивается индивидуализм. Протестантская религия и этика способствовали становлению и упрочению капиталистической системы хозяйствования, основанной на предпринимательстве и получении прибыли. В это время были заложены основы для современной модели экономического роста. Во второй половине XVIII в. в Великобритании началась индустриальная революция, в результате которой зародилась «современная» крупная машинная промышленность, значительно ускорившая процесс перехода от традиционного к современному обществу. На протяжении XIX столетия индустриальная система осуществила «мирное завоевание» [1], по терминологии С. Полларда, континентальной Западной Европы и Северной Америки. Становление «индустриальной цивилизации» сопровождалось институциональной перестройкой, социальной мобилизацией, ускоренной урбанизацией, трансформацией образа жизни.

В XX веке опыт развития стал более разнообразным. Определенные успехи продемонстрировали социалистические страны. Молодые нации, возникшие в середине столетия в результате распада колониальных империй, столкнулись с проблемой выбора путей развития. Экологические последствия колоссального роста производительных сил заставили в значительной степени откорректировать ориентиры дальнейшей эволюции. Видимые трансформации в Юго-Восточной Азии – ускоренная модернизация стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации» в рамках мировой капиталистической системы в 1970–1980-е гг. – привели к появлению новых серьезных конкурентов (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) для наиболее развитых стран мира. Другим важным сдвигом, произошедшим в конце XX в., стала трансформация СССР, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовали объединение Германии, падение коммунистических режимов в СССР и странах Цент-

ральной-Восточной Европы (ЦВЕ). Итак, конец XX в. ознаменовался новыми колоссальными сдвигами, в результате которых изменился мировой порядок, бывшие страны социалистического лагеря занялись переосмыслением перспектив своего развития. Таким образом, проблемы развития сохраняют прежнюю актуальность и в начале XXI столетия [2].

Именно с целью объяснения процессов перехода от традиционного к современному обществу в середине XX в. была разработана теория (теории) модернизации (из последней иногда выделяют так называемую школу развития или девелопментализма, ориентированную на изучение преимущественно экономических аспектов модернизации), которая изначально носила мультидисциплинарный характер, объединившая социологов, экономистов, политологов, историков, антропологов, культурологов, философов, психологов и др. В рамках модернизационной школы глубокую теоретическую разработку получили вопросы движущих сил, источников, механизмов, этапов модернизации; национально-страновых вариантов перехода от традиционного к современному обществу. На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом.

Конечно, теория модернизации ориентирована в первую очередь на решение проблем, связанных со становлением индустриального, современного общества. Теории постиндустриального, информационного общества в определенной степени суживают исследовательское пространство модернизационной перспективы в современном мире. Однако необходимо признать, что постиндустриальный сектор, охватывающий наиболее развитые страны, существенно уступает индустриальному и даже доиндустриальному секторам, в которых по-прежнему проживает большая часть человечества и для которых теории модернизации сохраняют свою актуальность. Можно допустить, что проблема модернизации сохраняет определенную значимость и для наиболее развитых обществ мира, поскольку индустриальный сектор экономики в них по-прежнему играет немаловажную роль, а информационные технологии в значительной степени призваны его обслуживать. Необходимо также учитывать дискуссионный характер теорий, идентифицирующих

природу общества второй половины XX в. как постиндустриальную. Целый ряд современных социальных мыслителей (например, Э. Гидденс, У. Бек, Ю. Хабермас, Й. Форнюс) выступает против преувеличения различий между характеристиками общества первой и второй половины XX в., настаивая на преемственности тенденций развития на протяжении всего столетия [3].

Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т.д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений. При этом понятие модернизация сегодня употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого процесса перехода от традиционности к современности; для характеристики преобразований, совершенствований, которые осуществляются в современных современных обществах; для объяснения усилий, предпринимаемых странами Третьего мира с целью включения в орбиту наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами [4].

Активное освоение модернизационной макротехники отечественными обществоведами началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. Интерес к модернизационной парадигме во многом объяснялся возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической и институционально-экономической трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х гг. Теория модернизация казалась более прагматической и более «осязаемой» при соотнесении ее с современными российскими реалиями в сравнении с другими влиятельными макротехниками – общественно-экономических формаций и цивилизаций [5].

В отечественном формате модернизационный подход сохранил свой мультидисциплинарный характер, найдя отражение в российской социально-философской, экономической, политологической, исторической литературе. Опубликовано уже немало работ, в которых даются обзоры теорий и концепций модернизации зарубежных авторов; модернизационный подход применяется с целью объяснения российского исторического процесса [6]. Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в

частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель», модели «консервативной», «рецидивирующей» модернизации, «псевдомодернизации», «контрмодернизации», «деархаизации» и т.д.); доказывается волнообразный, циклический характер российских модернизаций; получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории, пространственно-региональные аспекты модернизации, трансформации функций модернизации в условиях глобализации и т.д. [7]. Широкое распространение получили оценки российской модернизации как неорганичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Исследователи российской модернизации отмечают, что ритмы модернизационных субпроцессов в технико-технологической, хозяйственно-экономической, политико-правовой, социокультурной и других сферах не были синхронными; задавались они как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями (в том числе, за счет сложных взаимодействий между ними). Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура. Достаточно широко отечественными исследователями применяется модернизационный подход при изучении стран Востока, развивающихся стран [8].

При этом наиболее востребованными оказались модернизационные исследования классической поры, выполненные преимущественно в 1960-е гг. Чаще всего цитируются авторы того периода – С. Блэк, Д. Лернер, М. Леви, Д. Эптер, Ш. Эйзенштадт и др., – создавшие работы на основе использования эволюционистских и функционалистских постулатов, позднее подвергнутых критике. Почти не нашла применения модель парциальной (частичной) модернизации, сторонники которой акцентируют внимание на длительности перехода от традиционности к современности, на симбиозе традиционных и модернистских элементов, на возможности «застывания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Между тем, возможно, именно данная модель в наибольшей степени отвечает потребностям исследования отечественного варианта перехода от традиционного к современному обществу. Слабое внимание уделяется работам 1980–1990-х гг., методология которых

подверглась существенному обновлению. Данное обстоятельство актуализирует обращение к теоретико-методологическим проблемам модернизационной перспективы, потенциал которой, как нам представляется, еще далек от исчерпания.

Примечания

1. См.: *Pollard S.* Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe 1760–1970. Oxford: Oxford University Press, 1995.
2. Применительно к постиндустриальной эпохе ставится и проблема пределов модернизации. См., напр.: *Иноземцев В. Л.* Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; *Красильщиков В. А.* Пределы догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху (опыт индустриальных стран Азии и Латинской Америки) // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 352–373.
3. См.: *Побережников И. В.* Постмодерн или поздний модерн (социологические интерпретации настоящего) // Просвещение – базовая ценность информационного общества: Материалы Российской научно-практической конференции. Дни науки УрГИ (Екатеринбург, 13 сентября 2004 г.). Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2004. С. 57–76.
4. См.: *Цанф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я.* Германия: трансформация через объединение // Социс. 2002. № 5. С. 19–37; *Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социс. 2002. № 9. С. 67–82; *Цанф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; *Grancelli B.* (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; *Therborn G.* European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London; New Delhi: Sage Publications, 1995; *Piirainen T.* Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life. University of Helsinki, 1997.
5. *Согрин В. В.* Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 127.
6. Определенные историографические итоги в этом плане подведены в недавно опубликованной статье Н. А. Проскуряковой. См.: *Проскурякова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
7. *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; *Алексеев В. В.* Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 27–33; *Вишневский А. Г.* Серп и

рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; *Дорожкин А. Г.* Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германо-язычных историков XX в. М., 2004; *Зарубина Н. Н.* Самобытный вариант модернизации // Социс. 1995. № 3; *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; *Он же.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; *Каспэ С.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; *Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; *Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р.* и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; *Красильщиков В. А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56; *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; *Лейбович О. Л.* Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1, 2; Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Модернизация и национальная культура. М., 1995; *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000; *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51; *Пантин В. И.* Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000; *Поляков Л. В.* Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3; *Он же.* Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998; *Поткина И. В.* Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; *Поткина И. В., Селунская Н. Б.* Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39; Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах-2001. М., 2003. С. 9–55, 130–180; *Сенявский А. С.* Урбанизация России в веке: Роль в истори-

ческом процессе. М., 2003; *Он же.* Индустриальная модернизация, урбанизация и демографические процессы в России в XX веке: соотношение и взаимосвязи // Индустриальное наследие... С. 398–406; *Согрин В. В.* Теоретические подходы к российской истории конца XX века... ; *Он же.* Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3–18; *Он же.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; *Травин Д., Марганя О.* Европейская модернизация. М.; СПб., 2004; Урал в контексте российской модернизации. Сборник статей. Челябинск, 2005; Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. Вып. 5, 6; Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений; *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997; *Она же.* Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27; *Она же.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–21.

8. *Аванесова Г. А.* Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 2. С. 41–56; Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997; *Зарин В. А.* Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). М., 1991; *Зарубина Н. Н.* Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 4. С. 25–37; *Окунева Л. С.* На путях модернизации: Опыт Бразилии для России. М., 1992; Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997; *Старостин Б.* Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1989.

Отношения «центр – периферия» в исторической динамике

Центр и периферия – взаимосвязанные понятия, в своем единстве и взаимодействии характеризующие общесоциологический механизм инициирования и трансляции исторических изменений во времени и пространстве. Наличие центра и периферии можно отнести к неотъемлемым свойствам развития социальных систем во всех аспектах их существования – пространственно-географическом, политическом, экономическом, социально-институциональном, культурном; они выражают как спонтанную способность этих систем к самоорганизации, так и применяемые в них и сознательно утверждаемые способы управления.

Парадигма анализа социальных систем через призму отношений «центр – периферия» нашла в последние десятилетия весьма широкое применение в методологии исторических исследований. Этот подход с успехом использован при изучении механизмов формирования и динамики развития цивилизаций (Э. Шилз), в структуре которых выделяется «культурное ядро» («центральная зона», «центральная система ценностей»), составленное из наиболее стабильных, «сверхпрочных», устойчиво воспроизводимых элементов социальной жизнедеятельности, и «периферия», представляющая собой совокупность «быстропреходящих» элементов, локальных по отношению к «ядру» (региональных, этнических, конфессиональных, сословных и др.) особенностей, а также поисково-инновационных элементов, обеспечивающих адаптацию цивилизационной системы к изменяющимся условиям существования и развития. Определяющие цивилизацию составные элементы «ядра» (мировоззренческие принципы, образцы мышления, жизненные смыслы и т.п.), по Э.Шилзу, имеют свойство утрачивать черты соотносимо с ними конкретного исторического времени, становясь, в конечном счете, признаками ее «вневременной» сущности. Перифе-

* *Константин Иванович Зубков* – канд. истор. наук, доцент, зав. каф. регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

рийные элементы, напротив, краткосрочны: они могут исчезать из культурного оборота в течение одного-двух поколений, но образуя в высшей степени динамичную «орбитальную» оболочку «ядра», они могут захватываться последним и переходить в его структуру.

Данная концепция, по существу, является удачным социологическим обобщением многочисленных наблюдений за жизнью великих цивилизаций прошлого, подмечая ту огромную адаптивную роль, которую «периферийные» элементы способны играть в продлении их существования на стадии системного кризиса. Можно вывести и обратное наблюдение: чем более интенсивным, ускоряющимся становится процесс втягивания «периферийных» элементов в структуру цивилизационного «ядра», тем больше вероятность того, что данная цивилизация пребывает в состоянии кризиса.

Несколько иная модель взаимодействия «центра» и «периферии» предлагается Д. Шоном, которую он использует для обоснования «диффузионной» интерпретации механизмов исторической динамики. В его концепции подчеркивается роль «центра» социальной системы как источника инноваций; эффективность же усвоения последних обществом, в свою очередь, зависит от способности «центра» эффективно контролировать обратные связи с «периферией» в интересах развития системы в целом. При этом процесс распространения инноваций в социальной системе допускает два основных варианта, обеспечивающих ее сбалансированное развитие: собственно «центр-периферийные» отношения и «пролиферацию» (размножение) локальных центров, берущих на себя частичные функции управления процессом диффузии. «Диффузионная» концепция трактует отношения «центра» и «периферии» в более традиционном смысле, подчеркивая активную инновационную роль первого и пассивно-отражательную позицию второй. В реальном историческом процессе можно обнаружить по крайней мере два существенных «возмущающих» момента, которые уточняют эту модель «центр-периферийных» отношений. В частности, отмечено, что инновационные импульсы, транслируемые из «центра» на «периферию», во-первых, зачастую подвергаются там принципиально новой «сборке», усиливая тем самым внутрисистемное разнообразие; во-вторых, как показал еще в конце XIX в. Ф. Дж. Тернер на примере роли «фронта» в формировании американской политической культуры, «периферия» сама постоянно транслирует в «центр» преобразованные элементы нового соци-

ального опыта. Если «центр» системы в должной мере открыт для таких влияний, то вся система получает мощный заряд развития.

Это наблюдение в полной мере использует теория социально-институциональной динамики цивилизаций Ш. Эйзенштадта, который предлагает считать систему «центр-периферийных» отношений одним из важнейших параметров, определяющих успех общественных преобразований. Сбалансирование и когерентность процессов, протекающих в «центре» и на «периферии» («коалесцентность»), определяет единственно надежную базу развертывания системных реформ в обществе. Концепция «миров-экономик» Ф. Броделя и миросистемный анализ И. Валлерстайна в качестве базовых структурных компонентов также обращаются к изучению взаимодействия «центра» и «периферии», перенося их динамику на структуру мировых отношений.

Таким образом, в обобщенном виде «центр» социальной системы можно представить как средоточие ее нормативной регуляции, из которого в направлении «периферии» следуют определяющие импульсы исторических изменений; «периферия» в этом же контексте предстает как объект регулятивного воздействия центра и – в той мере, в какой она утрачивает в силу этого воздействия свою самобытность и автономность – как прямой продукт этого воздействия. Но нормативно-регулирующая роль «центра» при этом не уничтожает самостоятельной жизнедеятельности «периферии» и ее самостоятельного значения как субъекта социально-исторического действия. «Центр» не только черпает с «периферии» материальные и интеллектуальные ресурсы, которые укрепляют его монопольное положение, но и осуществляет с нею сложный информационный обмен, результатом которого становятся преобразование прежних инструментов и механизмов регуляции, их адаптация к задачам управления «периферией». Таким образом, можно говорить и об обратном воздействии «периферии» на «центр», подразумевая, конечно, что это воздействие, как правило, не приобретает форму принудительного давления и не ведет к утрате «центром» решающего контроля над «периферией».

Постоянно сохраняющаяся дистанция между «центром» и «периферией» выражается не только в их пространственно-географической разобщенности, но и в исторической «разновременности», или в «дистанции отсталости». То, что для «центра» в данный момент является уже пройденной стадией развития, на «периферии» часто только утверждается в качестве реальности настоящего.

Можно сказать, что эта дистанция, влияя на глубину и скорость проникновения «центра» на «периферию», характеризует реальное положение всего общества на «шкале» исторического прогресса. Каким бы «прогрессивным» в потенции ни был «центр», круг его политических задач, а следовательно и сущность его политики, в подавляющей степени определяется реальным состоянием дел на «периферии».

Понятия «центр» и «периферия» между тем выявляют значительную долю условности как в определении физических границ между ними, так и в самих критериях их реальной идентификации. Для каждой социальной системы можно констатировать – в соответствии с разделением сфер общественной жизни – наличие нескольких качественно своеобразных порядков, или подсистем, каждая из которых воссоздает свою собственную конфигурацию «центра» и «периферии», а также характер взаимодействия между ними, не говоря уже о выраженности самих качеств «центральнойности» и «периферийности». Так, например, даже при полной монополии «центра» в политической сфере и отчасти в социальной (как это традиционно имело место в России) экономическая и культурная сферы могли долгое время оставаться гораздо менее централизованными и потому в меру автономными по отношению к «центру». Степень «центрированности» каждой подсистемы, таким образом, может быть довольно различной, а их конкретные сочетания уже в силу этого придают каждому историческому обществу неповторимое цивилизационное (или субцивилизационное) своеобразие, основанное на разном диапазоне исторических возможностей.

Проблема взаимоотношений центра и периферии не может рассматриваться в плоскости однозначных выводов о благотворности возрастающей идентификации «периферии» с «центром». Упорно поддерживаемая автономность «периферии» может характеризовать не только степень исторической «отсталости» общества, но и новые перспективные возможности его развития. При соответствующих сочетаниях исторических условий и факторов развития автономные социальные и политические порядки, сложившиеся на «периферии», могут трансформироваться из атрибутов отсталости в зачатки новых социальных отношений и политических форм, которые «центр» сам выработать не в состоянии. По-видимому, механизм исторического развития общества имеет гораздо более сложную природу, чем это традиционно представляется: он включает в себя не только эволюционное развитие отношений, склады-

вающихся в «центре», но и возникновение новых, более жизнеспособных «центров», в которые «перемещается» историческая активность. Особенно наглядно это представлено на этапах смены государственно-политических форм в истории ряда европейских стран и России (прогрессивная и главенствующая роль «периферийных» государств Пьемонта и Пруссии в процессах объединения Италии и Германии, перемещение центра объединения русских земель в Москву, смена «московского» периода русской истории «петербургским» и т.п.).

Можно предвзятительно констатировать, что стабильность и динамизм общественных систем имеют своим источником сбалансированное взаимодействие их «центра» и «периферии», позволяющее оптимально сочетать прочное государственно-общественное единство и ту разумную меру автономии, которая придает «периферийным» элементам (региональным, этническим, социально-сословным и т.п.) роль мощного фактора инновационного развития. Весь опыт исторического развития России показывает, что нарушение этого баланса приводило либо к стагнации общественного развития, либо к катастрофическим процессам распада общественной системы (Смута начала XVII в. и крушение Советского Союза на рубеже 1980–1990-х гг. могут служить наиболее яркими примерами исторических деструкций, связанных с нарушением такого баланса). Все это делает проблему взаимодействия «центра» и «периферии» не только важной темой научного исследования, но и политически актуальным вопросом, значимым для будущего развития страны. Ряд современных авторов вполне справедливо считают, что одной из угрожающих тенденций нынешнего этапа развития России является произошедшее за годы рыночных реформ усиление несбалансированности ее пространственной структуры, проявляющееся, прежде всего, в углубляющейся деградаци и депривации окраинных территорий страны, лишении их сколько-нибудь существенных источников и перспектив развития на фоне гипертрофированной роли столиц, что создает очень неустойчивую и ненадежную базу для дальнейшего развития страны.

М. А. Фельдман*

«Загадка Лукинского», или к вопросу об общеобразовательном уровне рабочих СССР к 1941 г.

Выход в свет в 1980 г. статьи новосибирского историка Ф. А. Лукинского «Повышение уровня образования рабочих Сибири (1938–1941 гг.)»¹ не мог не вызвать изумления у историков, занимающихся предвоенным периодом. Мало того, что автор спокойно оперировал данными по «засекреченной» в то время Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ф. А. Лукинский вводил в научный оборот данные о распределении рабочих Сибири по уровню образования. Этим не мог похвалиться ни один исследователь, изучавший региональный или общесоюзный аспект состояния культуры рабочих в 1930-е гг.

Такие показатели, как уровень неграмотности рабочих – 22,1 % от всех рабочих Сибири в январе 1939 г., (в том числе 30 % в Новосибирской области!); удельный вес рабочих грамотных, но без школьного образования – 62,3 %, выглядели ошеломляюще². Получалось, что «после победы социализма» в СССР 84,4 % рабочих гигантского региона не имели школьной подготовки. Только 4,8 % рабочих Сибири имели 7 классов образования и выше. Уровень образования у остальных 11,8 % рабочих колебался от 1 до 6 классов школьного обучения³. Впечатление от смелости сибирского исследователя усиливалось при знакомстве с хорошим, динамичным стилем изложения.

Традиционный вопрос историков – где автор смог достать такие материалы? – соседствовал с не менее значимым: как удалось

* *Михаил Аркадьевич Фельдман* – д-р истор. наук, УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Культура и быт рабочих Сибири в период развитого социализма. 1938–1958 гг. Новосибирск, 1980. С. 5–22.

² Там же. С. 30–31.

³ Там же.

Ф.А. Лукинскому опубликовать такое? Однако осознание какой-то таинственной поддержки Ф.А. Лукинского сверху присутствовало и удерживало историков от интересующих их вопросов как до 1991 г., так и после.

Четверть века цифры Ф.А. Лукинского не давали мне покоя. Попытка в 1999 г. найти соответствующие данные по Уралу в материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. (при помощи крупнейшего специалиста-демографа В.Б. Жиромской) в РГАЭ (Российском государственном архиве экономики) не увенчалась успехом. Только в апреле 2005 г., во время командировки в Москву, я смог продолжить поиск. Стало ясно, что необходимо, во-первых, найти указанные Ф.А. Лукинским дела (ЦГАНХ, ныне – РГАЭ, Фонд Отдела статистики населения СССР, опись 2) и проверить подлинность информации. Во-вторых, необходима квалифицированная помощь специалистов РГАЭ. В-третьих, следует сопоставить сведения Ф.А. Лукинского с уже имеющимися данными по численности и составу рабочих Сибири перед войной.

Скажу сразу, что без активной и бескорыстной помощи работников РГАЭ (зам. директора архива С.И. Брилева и зав. отделом хранения Т.С. Амелиной) вряд ли удалось бы просмотреть огромный пласт дел переписи населения 1939 г. и сопутствующих материалов, сопоставляя их с инструментарием обработки. В связи с указанием Лукинского на использование им дел текущего архива ЦСУ (ЦА ЦСУ СССР, Отдел переписи населения, опись 2. Ч. 2. Д. 691/284; Д. 304–305) к поиску были привлечены и работники архива Росгосстата. Последние сообщили, что основные дела переписи населения 1939 г. текущего архива ЦСУ были переданы в РГАЭ. Отдельные дела, возможно, были уничтожены как не представляющие ценности.

Оставалось сравнить имеющиеся сведения с данными Лукинского. Что же выяснилось? В 1940 г. во всей промышленности Сибири насчитывалось 770 136 рабочих⁴. Однако во *всем народном хозяйстве Сибири*, действительно, указанная Лукинским численность рабочих Сибири в январе 1939 г., (2904,9 тыс.) была близка к сведениям, имевшимся в литературе⁵. Инструментарий переписи

⁴ Подсчитано по: РГАЭ.Ф.1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 12.

⁵ См.: История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984. Т. 3. С. 109. Текст на приведенной странице сообщает, что в промышленности Сибири работало от 26 до 32 % рабочих народного хозяйства.

1939 г. не содержал указания на распределение *рабочих* в зависимости от образования (с разбивкой по количеству классов школьной подготовки) по областям, ограничиваясь данными по уровню грамотности. Согласно инструментарию такое распределение касалось *всего населения*.

Однако материалы дела № 1336 (РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д. 1136), содержащие сведения по общеобразовательному уровню рабочих народного хозяйства СССР, содержали тот принцип распределения рабочих в зависимости от образования, на который ссылался Ф.А. Лукинский. Обращала на себя внимание и нарочитая усложненность подсчета: в деле приводились интересные данные по образованию рабочих отдельных профессий, но отсутствовали сводные расчеты по промышленности. Складывается впечатление, что с помощью высокопоставленного покровителя⁶ Ф.А. Лукинский в конце 1970-х гг. получил доступ к тем делам, которые либо были уничтожены, либо скрыты, и место их хранения известно сегодня только компетентным органам. Я надеюсь, что общими усилиями корпорация историков разгадает эту загадку, отдав должное сибирскому первопроходцу.

В литературе давно известны и широко используются сведения об удельном весе рабочих *ряда профессий* по материалам переписи населения СССР 1939 г.⁷ Однако материалы уже упомянутого дела № 1136 несут куда более обширную и не введенную в научный оборот информацию. Попробуем систематизировать и обобщить сведения этого дела.

⁶ Осведомленные коллеги отмечали давнюю дружбу Ф. А. Лукинского и Е. К. Лигачева.

⁷ См.: История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984. Т. 3. С. 117; Изменение социальной структуры советского общества: (1921 – середина 30-х гг.) М., 1979. С. 209.

Таблица
Общеобразовательный уровень рабочих
народного хозяйства СССР по материалам Всесоюзной
переписи населения 1939 г.*

Категория рабочих	Всего рабочих (в тыс.)	Доля рабочих (в %) :					
		неграмотных	с образованием 7 классов и выше	с высшим образованием	обуч. в школах взрослых	обуч. в техникумах	обуч. в вузах
металлисты	3800	2	15,2	0,04	0,2	0,3	0,06
горняки	569	10,4	4,4	0,3	0,1	0,9	0,01
деревообработчики	671	5,5	6,2	0,03	0,1	0,2	0,01
текстильщики	749	9,5	5,6	0,013	0,1	0,1	0,01
швейники	397	5	7,6	0,14			
кожевники	104	7,5	4,5	0,01	0,2	0,1	
рабочие лесозаготовок и лесосплава	582	15,7	3,7	0,16	0,1	0,1	-
сельскохозяйственные рабочие	2394	14,3	1,7	0,038	0,14	0,006	0,002

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1136. Л. 9–11.

В январе 1939 г. среди всех рабочих народного хозяйства СССР 8,4 % имели образование от 7 классов и выше⁸. Как видно из таблицы, профессиональный диапазон рабочих с образованием 7 классов и выше был велик: от 1,7 до 15,2 %. Практически таким же (от 2 до 15 %) был диапазон удельного веса неграмотных рабочих, отражая обратную пропорциональность двух рядов цифр. И та и другая образовательная категория рабочих были в меньшинстве, значительно уступая доминирующей группе советских рабочих с

⁸ См.: История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984. Т. 3. С. 117; Изменение социальной структуры советского общества: (1921 – середина 30-х гг.) М., 1979. С. 209.

образованием 1–6 классов. Наличие в 1939 г. рабочих с высшим образованием, по нашему мнению, объясняется практикой учета в составе рабочих коллективов работников комсомольских профсоюзных и партийных органов.

Ряд позиций в таблице порождает вопросы. Вызывает недоумение большее количество рабочих с высшим образованием у горняков, нежели у металлургов, в 6 раз превосходящих горняков по численности. Невелик был отряд рабочих, обучавшихся в техникумах и вузах. Но, возможно, учитывались только рабочие – студенты вечерних отделений. Статистический справочник «Культурное строительство СССР» (М.; Л., 1940) показывает наличие на 15 сентября 1938 г. в СССР 582 663 студентов вузов, а также 246 941 студента заочных институтов и заочных отделений, *не входящих в состав студенчества*⁹. Об этом же свидетельствует, например, сопоставление численности студентов Урала по справочнику «Культурное строительство СССР» на январь 1939 г. (27 957) и по архивным данным (46 208)¹⁰.

Как свидетельствуют материалы таблицы, после 7-го класса обучались от 0,1 до 1,3 % рабочих. Для промышленных рабочих был более характерен второй показатель (т.е. 1,3 %). Сдвиги в образовательном уровне рабочих СССР были налицо, но вряд ли их можно было называть революционными.

⁹ Культурное строительство СССР. М.; Л., 1940. С. 118.

¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 36, 71, 92–93, 114, 149, 170, 210.

*М. В. Котляров**

Проблема формирования руководящих кадров КПСС в период «перестройки» (1985–1991 гг.)

К середине 1980-х годов номенклатурная система рекрутирования партийной элиты приобрела множество пороков и недостатков. Анкетный подход в подборе кадров, в соответствии с которым учитывалось социальное происхождение, партийный стаж, образование, профессия, возраст и опыт руководящей работы, слишком формализовал систему и лишил ее необходимой гибкости. Вместе с этим определяющую роль в выдвижении кадров играли неформальные связи, протекционизм, угодничество в отношении кандидата на ответственную должность и вышестоящего партийного руководителя, что лишь формально легитимировалось избранием кандидата на партийных конференциях и пленумах партийных организаций соответствующего уровня. Подобная система обусловила то, что идейно-политические качества и потенциал работоспособности выдвигаемых кадров были не высокими. Партийные комитеты в основном возглавляли пожилые люди, озабоченные тем, как удержаться на занимаемой должности, так как возраст не позволял им надеяться на дальнейшее продвижение по карьерной лестнице. Все это подрывало политический авторитет не только партийных лидеров, но и КПСС в целом.

Новый этап социально-экономической модернизации страны, объявленный М.С. Горбачевым, поставил перед партией вопрос о том, как оптимизировать систему и избавить ее от пороков и недостатков. Определяющим принципом кадровой политики была провозглашена прямая зависимость положения партийного руководителя на занимаемой должности от результатов его непосредственной деятельности.

* *Максим Васильевич Котляров* – студент 5-го курса отделения истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

Субъективным поводом для изменения системы послужило то, что у Генерального секретаря ЦК КПСС на протяжении 1985–1986 гг. зрело недовольство в отношении партийных руководителей регионального и местного уровня. М.С. Горбачев оценил их работу по реализации «перестройки» как неэффективную и саботирующую его начинания. В то же время М.С. Горбачев имел опыт весьма масштабной смены руководителей в «ставропольский период» своей политической карьеры, когда на руководящие должности в партийные комитеты пришли молодые, инициативные кадры. Этот опыт, по его мнению, был весьма продуктивен для практики политического управления.

Однако новые требования к кадрам не были четко сформулированы и оформлены в соответствующие инструкции. Лидер партии требовал, чтобы нижестоящие руководители были «поближе к народу», подняли общий уровень политической работы на качественно новую ступень, действовали более рационально, обдуманно, использовали научный подход. Секретари партийных комитетов должны были избавиться от целого ряда «вредных привычек», в частности ограничить употребление спиртных напитков. Кроме того, было заявлено о необходимости выдвигать более молодых, квалифицированных, инициативных работников.

На январском пленуме ЦК КПСС 1987 г. М.С. Горбачев выказал важную идею о том, что необходимо внедрить процедуру альтернативного голосования при избрании секретарей райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК республиканских компартий. Потенциально это нововведение должно было избавить систему от пронизавших ее неформальных связей, протекционизма и сделать партийных лидеров более легитимными. При этом альтернативные выборы не предусматривались при комплектовании ЦК КПСС.

В результате была проведена кадровая ротация: с 1986 по 1990 г. сменилось около 55 % первых секретарей ЦК республиканских компартий, крайкомов и обкомов КПСС. В указанный период было также заменено три четверти первых секретарей райкомов и горкомов. В середине 1988 г. 120 секретарей горкомов и райкомов КПСС было избрано голосованием на альтернативной основе (из 909 выдвинутых на эти посты). Тем самым был прерван налаженный ранее номенклатурный процесс рекрутирования и распределения кадров. На руководящие должности в комитеты КПСС

были выдвинуты новые люди и введены выборы секретарского корпуса на основе альтернативного голосования.

Единственным положительным результатом этой новации стало то, что удалось остановить «старение» партийных кадров: в ходе ротации на должности пришло много молодых руководителей. Однако негативных последствий для партии было больше, поскольку возникла смешанная система подбора и расстановки кадров: на основе номенклатурных и демократических принципов, которые явно противоречили друг другу. Масштабная кадровая ротация внесла в настроение партийных «чиновников» неуверенность в своем положении, упал престиж партийной работы. К тому же кадровые перестановки только нарушили работу партийных комитетов, а с уходом прежних кадров парторганы не приобрели в руководстве людей с высокими идейно-политическими и профессиональными качествами. Воспользовавшись возникшей ситуацией, на руководящие должности пришло много конъюнктурщиков.

Принципы демократических выборов «не прижились» в партийных организациях, партийные функционеры сумели обойти их при помощи различных аппаратных ухищрений. В конце 1980 – начале 1990-гг. по-прежнему «у руля» стояли руководители технократического свойства, из-за чего сохранялся прежний стиль управления: 70–80 % секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов являлись специалистами народного хозяйства. Они не были способны организовать эффективную деятельность партийных комитетов в условиях политической нестабильности.

КПСС фактически не удалось решить основную кадровую проблему: соответствия качества партийных руководителей новым задачам времени. Партийные организации продолжали выдвигать руководителей, исходя из их умения осуществлять эффективное управление производственно-хозяйствующими структурами, тогда как актуальнее были способности ведения идейно-политической борьбы с политическими оппонентами, т. е. необходимо было рекрутировать настоящих политических лидеров, а не технократов.

И. Е. Левченко*

Парабола движения: от смуты к стабильности

Отчасти сбывается грустно-ироничное пророчество И. Валлерстайна, предположившего: «...не исключено, что мы переживаем конец модерна, что современный мир находится в заключительной фазе кризиса и вскоре социальная реальность станет похотей, вероятнее всего, на реальность XIV в.» [1]. Апологеты постмодернизма предлагают интерпретировать нынешний период как безвременье. Однако в социальных системах сама специфика социального времени детерминирует цикличность протекающих в них процессов. Отвергая «тиранию настоящего» (П. Вирильо), к прошлому и/или к будущему обращаются отдельные индивиды, группы и целые народы. При этом власти предрасположены иногда прибегают к введению новых календарей. Преобразуя систему счета дней недели, месяцев и лет, они (Петр Великий, якобинцы, большевики, Туркменбаши и др.) претендуют на радикальное изменение хода истории, «покорение» времени. К сожалению, значительная часть нашего социума склонна видеть в «розовом свете» итоги советской эпохи и недооценивать поставгустовские свершения для современности и будущего России.

Изучение социального опыта человечества показывает: хронологичность подвижна, поскольку ее «конфигурация» складывается в результате действий социальных субъектов, «преследующих свои цели». Очевидно, что спокойствие и благоденствие было и остается вожденной мечтой для большинства людей во все времена. Однако редкому обществу «повезло» пребывать в мирном и стабильном состоянии исторически продолжительный срок. Чаще всего оно нарушается единичными и массовыми общественными катаклизмами, являющимися следствиями действия тех или иных социальных факторов.

* *Илья Евгеньевич Левченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

«Смуты» выступают как типичные феномены общественно-политической жизни нашего Отечества. Часто случавшиеся на протяжении всего существования российского государства народные волнения, борьба за трон, самозванство и т.п. – тому подтверждение. Анализ многовекового развития страны позволяет сделать вывод о том, что среди «констант» ее политической культуры выделяются патернализм и клиентализм, «выключенность» широких народных масс из повседневного политического процесса, отсутствие цивилизованных форм взаимоотношений между «верхами» и «низами», конфронтационность, правовой нигилизм, удивительное сочетание футуризма и архаизма [2]. Такая «гремучая смесь» служит питательной средой для активизации не востребованной энергии россиян в кризисные дни «смутных времён». Податливость многих соотечественников политическим мифам, их готовность беспощадно уничтожать подлинных и мнимых врагов, идти до победного конца, не считаясь с потерями, – всё это и многое другое приводит к невосполнимым людским потерям.

Трагическая история России XX столетия (мировые, гражданская, «малые» и иные войны, революции 1905 и 1917 годов, сталинский термидор, крах СССР, октябрьские дни 1993 года) сформировала в обществе потребность в стабильности. Так, ещё в советский период получила распространение формула «лишь бы не было войны». Если перестройка и события августа 1991 года знаменовали общенародное стремление к переменам, к прорыву в новое состояние, то избрание и переизбрание на пост президента РФ В.В. Путина обусловлено «социальным заказом» на «твёрдую руку», предсказуемость тактики и стратегии национального лидера, великодержавный курс и т.п.

Постельцинская стабильность оказалась не такой, какой её ожидали увидеть многие. В государственной сфере выстраивание властной вертикали привело не только к ликвидации «феодалной раздробленности» регионов, но и к пролонгированию войны в Чечне, утрате Федеральным Собранием РФ самостоятельности по отношению к исполнительным органам, пересмотру муниципальной реформы. Партийное строительство обернулось оскудением политического ландшафта и ростом уровня политического абсентеизма россиян. Гражданское общество до сих пор «водят на помочах» (красноречивый пример тому – создание Общественной палаты).

Формирование единого правового пространства, судебная реформа, борьба с «оборотнями в погонах» и прочее – дела, не доведённые до завершения. «Вал» уличной преступности и квартирных

краж, коррупция в правоохранительных органах, «избирательность» судебных вердиктов по-прежнему означают лишь одно – государство не выполняет своей важнейшей функции по защите граждан. Безопасность россиян не может гарантировать в полной мере и армия. Служба в вооружённых силах дискредитирована в глазах общественного мнения из-за «дедовщины». Боеспособность войск и флота оставляет желать много лучшего, так же как и их обеспечение.

Заявленные темпы экономического развития страны постоянно корректируются в сторону «сдержанного оптимизма». При этом государство продолжает наращивать сырьевой экспорт, декларируя претензию на статус мировой топливно-энергетической державы. Очевидно, что форсированное вступление во Всемирную торговую организацию приведёт к «похоронам» ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства России.

Депопуляция, кризис института семьи и острая нехватка жилья свидетельствуют о провале социальной политики. В духовной сфере разворачиваются те же процессы, что и везде. Коммерциализация образования и падение его качества при чрезвычайно низкой оплате труда преподавателей, закрытие по политическим мотивам неудобных СМИ, вакханалия рекламы и пошлости на государственных телеканалах, «религиозное возрождение» при минимальном количестве воцерковлённых – нагляднее всего прочего указывают на то, что обретение «национальной идеи» пока не состоялось.

Таким образом, содержание и формы нынешней стабильности далеки от идеальных. Предстоит многое сделать для того, чтобы достигнуть устойчивого прогресса по всем направлениям. Ради этого следует не только критиковать власть, но и поддерживать её разумные шаги. Реализация конституционной нормы о «социальном государстве» выразилась в принятии Национальных проектов – это движение в правильном направлении. Вместе с тем залог успеха, на наш взгляд, заключается в укреплении основ гражданского общества – именно инициатива и ответственность россиян позволят быстрее решить стоящие перед страной проблемы.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 9.
2. Политическая культура: Теория и национальные модели. – М., 1994. – С. 320–328.

В поисках субъекта политики

В политическом дискурсе последних лет популярен тезис о моносубъектности политической системы России, об «умирании» политического и публичного, об имитационности действий власти, наконец. Отсутствие субъекта политики становится центральной проблемой не только практики, но и теории. Политология не формулирует более идеалы, предпочитая заниматься анализом эмпирического набора данных и выстраиванием абстрактных рассуждений. Политика более не имеет постоянно действующего лица. Однако, как замечает К. Лефор, «то, что называется «действием», не является действием, когда нет действующих лиц» [5; 70]. Бессубъектность политики – очередной вызов стремительно меняющегося мира. Идет ли речь о создании новой конструкции политики, или же об очередном кризисе – вопрос открытый.

Категория «субъект политики» встречается достаточно часто в научной литературе. Поисковая система Google.ru выдает 1060 ссылок по данному словосочетанию (на 01.10.2005.), однако 615 из них – «личность – субъект политики», 25 – «индивид – субъект политики» (распространено и «регион/ женщины/ международные организации как субъект политики»). Действительно, с развенчанием марксизма, где субъектом был класс, акцент сместился на вовлечённого в политику индивида, которого стали рассматривать как своеобразного homo politicus, мало чем отличимого по своим характеристикам от гражданина в трактовке европейских республиканцев. Но существует ли в современных условиях, особенно в России, гражданин (если понимать его не строго юридически)?

В западной литературе распространена точка зрения, что «триумф» экономизма «привёл к подмене роли гражданина ролью потребителя» [3; 42–43], а это не предполагает осознанной полити-

* *Дмитрий Евгеньевич Москвин* – ассистент кафедры истории политических учений, магистр политологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ческой активности. Для гражданина-потребителя определяющим фактором жизнедеятельности является «накопительство вещей», отсюда – ориентация на успех, что исключает политические отношения (ибо они всегда связаны с компромиссами, а иногда и самопожертвованием). Недаром, отмечает Ф. Захария, американцы пришли к выводу, что, «сделав свой вклад в жизнь общества путём уплаты налогов», они получают карт-бланш и могут более не участвовать в жизни общества, не служить ему [2; 245]. Граждане России помимо всего прочего ещё и не доверяют государству, предпочитая атомизированную жизнь. Это даже не индивидуализация, ибо индивид на что-то нацелен и что-то ищет, поэтому нуждается в контакте с окружающими. Атом же вращается сам по себе по заданной траектории, он автономен. Другими словами, рушатся социальные связи, а политическим тем более места нет.

К субъектам политики какое-то время относили толпы и массы, что сделало психологический аспект центральным при изучении данного феномена (Г. Тард, В. Райх, Э. Канетти, С. Московичи). Однако работы радикального постмодерниста Ж. Бодрийера и его последователей еще в 1970–1990 гг. поставили вопрос: где же субъект политики, если масса стала импловивной, «молчаливой», если вне этой массы индивид не существует? Не превратилась ли власть в «субъект-в-себе»? Не пора ли поставить точку, констатируя «смерть политического?» [1].

Проблема субъектности политического процесса, равно как и общественной жизни, не нова. Можно утверждать, что значительная часть политической философии обращена к выявлению субъекта политики, определению его места и роли в политической жизни. К примеру, в древнекитайской философии в качестве субъекта выделялся «благородный муж» (конфуцианство), правитель, следующий воле Неба (моизм); в античной политической мысли – определенный тип человека (Платон), различные формы общностей/ «общения» (Аристотель); в Средневековье, исходя из доктрины «двух мечей», – церковь и государь. Поднятый на пороге Нового времени Ж. Боденом вопрос о суверенитете напрямую был связан определением субъекта политического процесса – лица-носителя суверенитета. И только Ж.Ж. Руссо зафиксировал, что данная проблема вообще не может иметь места, ибо единственный носитель суверенитета – народ и его общая воля. Естественно, что логичным следствием данного вывода было начать исследования, какие

группы составляют народ и какие из них более влиятельны (чем и занялась социология в конечном итоге).

XIX век в теоретическом плане оказался решающим, поскольку, благодаря прежде всего Э. Дюркгейму и его последователям, была дана четкая интерпретация понятию «политический институт», которая «поглотила» и субъекта политики. Воспринимаемый как некие традиции, нормы, процедуры и в то же время «организационная форма объединения людей в особую ассоциацию» [4; 267], политический институт не оставил никому, кроме индивида, возможности быть реальным субъектом политики. Ален Турен в этой связи обозначил тупик «классической социологии», выведшей действующего субъекта из поля осмысления [7].

Семантическую перегруженность понятия «политический институт» снял неоинституциональный подход (Д. Норт, Дж. Бьюкенен, Э. Остром), произведший принципиальное разделение между институтами, понимаемыми как «правила игры» – «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [6; 17], и организациями, которые в этих рамках функционируют и стремятся к общей для объединенного человеческого коллектива цели. Этот подход позволяет вернуть в политическую науку субъекта как актора, который контролирует власть или стремится к контролю над нею, пытается оказать влияние на принятие конкретных властных решений. Подобных акторов достаточно много, степень их вовлеченности и влияния различна.

Одно из следствий подобного подхода заключается в возможности по-иному подойти к изменяющимся политическим системам: формальное воспроизведение политических субъектов не может означать перенос и последующую работоспособность определенной политической модели, поскольку для этого необходимо воссоздание институциональной структуры. Существование, например, в Китае 8 политических партий помимо КПК еще не дает оснований говорить о демократии и многопартийности в этой стране, поскольку института свободных и соревновательных выборов здесь не существует.

Завершая данное рассуждение, считаю необходимым подчеркнуть: только комплексный анализ происходящих политических изменений, определение степени адекватности трансформации России политическим вызовам глобализации позволит определить роль и место политического субъекта, задать должное, может быть, идеальное. Политика, воспринимаемая как деятельность, не может

существовать без субъекта – носителя деятельности. Постоянно воспроизводящаяся моносубъектность российского политического процесса и катаклизмы, которые периодически его сотрясают, есть ярчайшее свидетельство того, что данную проблему нельзя сбрасывать со счетов, даже когда кажется, что мир изменился до неузнаваемости и сама политика перестает существовать.

Литература

1. **Бодрийяр Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
2. **Закария Ф.** Будущее свободы: нелиберальные демократии в США и за их пределами. – М.: Ладомир, 2004.
3. **Зидендон Л.** Демократия в Европе. – М.: Логос, 2004.
4. Категории политической науки. Учебник. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002.
5. **Лефор К.** Политические очерки (XIX–XX века). – М.: РОССПЭН, 2000.
6. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
7. **Турен А.** Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.

Дискурс как показатель политической ситуации

Для анализа политических процессов, происходящих в настоящее время, когда значительный объем информации недоступен для исследования, единственным источником текущих политических данных в современном мире является политическая речь, которая включена в категорию дискурс. Дискурс – это речь в ситуации общения. Само понятие стало пристальным объектом для изучения совсем недавно, но рассматривается оно сразу с нескольких направлений гуманитарного знания. Термин «дискурс» впервые употребил в своей работе «Язык и дискурс», вышедшей в свет в 1943 г., бельгийский лингвист Э.Бюиссанс. Он обозначил дискурс в качестве механизма перевода языка как знаковой системы в живую речь. Таким образом, сущность данной категории представляет собой структурированную знаковую систему, которая пронизывает все сферы культуры. Дискурс активно изучается в философской и социально-политической науке, а также, конечно, в филологии и лингвистике.

Понятие «дискурс» отличается от категории «речь» прежде всего своей целевой направленностью – обеспечением коммуникации. Если речь только выражает мышление, то дискурс передает в речи содержательную компоненту мыслительных процессов от одного субъекта к другому. Для дискурса важен не столько процесс, сколько его результат – дешифровка языковых кодов. Речь тогда становится дискурсом, когда находится в коммуникативном процессе, то есть в ситуации общения. Правильно работающая, эффективная речь в ситуации общения всегда должна быть расшифрована, понята и усвоена и, соответственно, иметь обратную связь. Часть дискурсов пропадает, теряется в плотном языковом пространстве, не принимается или не воспринимается субъектом,

* Елена Николаевна Коваленко – студентка 4-го курса факультета политологии и регионоведения УрГУ им А. М. Горького (г. Екатеринбург).

на которого была ориентирована, часть – воспринимается и понимается ложно. Это происходит в силу ряда причин. Поэтому для обеспечения эффективности дискурсивного события необходимы определенные условия: субъект, отправляющий дискурс, сторона, его принимающая, отлаженные каналы коммуникации и понимание сторонами цели общения, а также высокая степень готовности к отправке и принятию текста. «Идеальную ситуацию общения» рассматривал один из представителей Франкфуртской школы Ю. Хабермас, который связан с изучением данной категории.

Дискурс – универсальное средство манипулирования, именно поэтому он широко используется в политике. Он выстраивается и продумывается заранее или становится спонтанным событием. Он характеризует отдельного политического деятеля, структуру, политический институт, систему, режим, культуру и государство в целом. В отличие от речи, дискурс отчасти воспринимается подсознательно, интуитивно, поэтому способен оставить яркие эмоциональные впечатления и воздействовать на психические компоненты личностной структуры как говорящего, так и воспринимающего (ярким примером может служить дискурс Гитлера).

Политический дискурс, как и дискурс вообще, имеет не только вербальные источники происхождения, но может выступать в любой знаковой системе. Молчание, жесты, мимика, интонация, цветовой фон, одежда, интерьер, предметное и субъектное окружение – все это представляет собой невербальный дискурс, который иногда более важен в коммуникативном процессе, чем живая речь или напечатанный текст. Правильно выдержанный политический дискурс в совокупности с эффективными каналами коммуникации способен достичь определенного необходимого результата и предотвратить или приостановить нежелательный политический процесс.

Дискурс обладает свойством преемственности. Он может менять отправляющего субъекта, но сохраниться во времени. Структурно он представляет собой совокупность отдельных текстов, объединенных общими характеристиками и идеями. В качестве примера следует привести такие языковые и политические явления, как дискурс тоталитаризма, дискурс либерализма, дискурс консерваторов, дискурс «новых левых» и т.д.

Дискурс и текст связаны отношениями реализации, то есть дискурс находит свое выражение и выявляется в тексте и через текст. При этом один текст может содержать в себе сразу нес-

колько дискурсов, иногда конкурирующих и противоречащих друг другу.

Каждый дискурс, кроме того, структурно содержит в себе следующие основные планы: интенциональный (стратегический), актуальный (реальный), виртуальный (идеальный), контекстуальный.

Интенциональный план дискурса тождествен своеобразной программной установке, которая включает в себя замысел, цель, намерения, мотивы, задачи, притязания участников коммуникативного процесса, их ожидания от прогнозируемого эффекта общения, сценарный проект коммуникации.

Актуальный план дискурса связан с процессуальным коммуникативным актом, непосредственной дискурсивной практикой, во время которой осуществляется видимый и невидимый контакт между участниками коммуникации, декодируются языковые знаки, представленные в самых различных материализованных формах (тексты, речи, символы, индексы, звуки, цвет, жесты и т.д.).

Актуальный план представляет собой реальное воплощение дискурсивного замысла; это его перформанс. Именно на этом этапе проявляются властно-энергетические свойства дискурса. В первую очередь, это вовлечение целевой аудитории в коммуникацию, овладение ее вниманием. Во-вторых, это заражение адресата идеями и чувствами, внушение, программирование (суггестивный эффект). И в-третьих, провоцирование ответной реакции.

Виртуальный план можно определить через ментальные пласты дискурса. В их основе находятся архетипы сознания, мифологемы, опыт поколений, «коллективная душа», креативность, пассионарность, иррациональные чувства и образы, волевые импульсы, подсознательные фобии, интуиция. Своими корнями ментальные структуры уходят в коллективный исторический, психологический и социальный опыт, культурные традиции. Они определяют глубину смыслов, вкладываемых участниками коммуникации в знаковую систему общения, степень их взаимопонимания, эффективность процедуры смыслового декодирования получаемых сообщений. В состав этого плана входит язык, на котором мыслят участники коммуникации и который характеризуется национальными, социокультурными и профессиональными особенностями.

Контекстуальный план включает в себя исторический, социокультурный, политический, ситуативный и прочие контексты дискурсивной практики¹.

Опираясь на представленную структуру понятия, можно провести дискурс-анализ любого политического субъекта, процесса и явления.

Дискурс-анализ позволяет выявить смысловую и содержательную сторону текста, расшифровать и декодировать переданный язык, что делает изучение политической сферы более доступным. Анализ дискурса способствует эффективному рассмотрению политической ситуации и помогает повысить степень объективности при проникновении в проблему.

Несомненно, категория политического дискурса превратилась в последнее время в центр интересов философских и социально-политических научных школ. Она стала основным объектом изучения не только с точки зрения теории, но находит свое применение и в практической политологической деятельности, политическом маркетинге, создании политического имиджа, в области связей с общественностью и т.п.

¹ См.: Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 26–27.

Институциональная устойчивость федеративной системы: методологический аспект

Природа федеративной формы правления и её реальные проявления в политической жизни до сих пор служат предметом дискуссий для представителей различных областей науки. Однако, несмотря на многообразие установок и разночтений в анализе данного вопроса, остаётся очевидным существование ряда принципов, которые определяют саму суть федеративной организации и в том или ином виде признаются всеми авторами.

Федерализм – это всегда вопрос согласования интересов, предполагающий постоянное взаимодействие между сотрудничающими правительствами нескольких уровней. Это взаимодействие неизбежно осуществляется на основе территориального распределения власти. Юридически закрепляемое разграничение полномочий между центром и регионами, именно оно определяет основное содержание функционирования государственного образования, использующего признаки федерализма. Однако баланс интересов между уровнями власти всегда неустойчив, что выражается в непременном возникновении противоречий относительно разделения компетенций, а также рассредоточения материальных благ и ресурсов. В этом смысле, процесс взаимодействия федерации и её составных частей регулируется куда более сложным набором «правил игры», чем просто юридические нормы. Роль таких правил выполняют институты, комплекс которых наряду с формальными ограничениями образуют и неформальные. Понимаемые через призму неинституционального подхода, институты в данном случае структурируют взаимодействие центра и субъектов, задавая его определённые границы. Устойчивость развития федеративной системы, таким образом, зависит от того, насколько эффективны

* *Михаил Сергеевич Ильченко* – студент 4-го курса факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

принятые формальные нормы, а также насколько успешно они действуют в конкретной ситуации. Однако неизбежное сосуществование формальных и неформальных институтов заставляет обращать внимание ещё на один фактор – проблему их сочетаемости. Стоит заметить, что уже сам факт разделения институтов на формальные и неформальные накладывает на проблему взаимовлияния институционального комплекса и устойчивости федеративной системы особый отпечаток. Речь идёт о неизбежном сочетании сознательно устанавливаемых человеком регуляторов взаимодействия в обществе со стихийно возникающими нормами. Во многом именно в соотношении этих двух начал организации социума кроется проблема политической стабильности. Таким образом, анализ сочетаемости формальных и неформальных ограничений в рамках единого институционального комплекса способен выявить целый ряд особенностей относительно устойчивого развития всей социально-политической системы.

Взаимовлияние институтов двух типов может принимать различные формы. Один из исследователей данной проблемы, Светозар Педжович, выделяет в своей статье четыре его варианта¹. Автор говорит, в частности, о подавлении формальными институтами неформальных (но при этом неспособности изменить последние), о состоянии прямого конфликта между ними, о независимом существовании неформальных ограничений, по сути игнорирующих формальные, и, наконец, о взаимодействии институтов обоих типов, дополняющих друг друга. Однако для того, чтобы показать сам характер проблемы влияния институционального комплекса на функционирование федеративных механизмов управления, достаточно остановиться на трёх наиболее общих и условно выделяемых вариантах такого соотношения.

Во-первых, на преобладании формальных институтов над неформальными, т. е. на доминирующем значении первых, что находит своё выражение в регулировании процесса взаимодействия центра и регионов преимущественно правовыми нормами. Традиционно этот тип является наиболее благоприятным для успешного развития государства и означает правление на основе «верховенства

¹ См.: *Pejovich S.* The Effects of the Interaction of Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development // *Journal of Markets & Morality* 2. № 2 (Fall 1999). P. 164–181.

права»². Однако стоит учитывать, что речь идёт лишь о преобладании формальных институтов, но никак не об отсутствии неформальных. Последние являются неотъемлемой составляющей любой социально-политической системы, и их воздействие на формальные юридические нормы неизбежно. Вопрос заключается в том, каким образом неформальные практики будут дополнять их, продолжая и развивая положения формальных актов. Ближайшим примером федеративной системы, отличающейся институциональным комплексом такого характера, может служить Германия. В ней частичные переплетение компетенций центра и субъектов, а также сложные формы взаимодействия бундесрата с другими федеральными органами послужили основанием для появления «федерализма сотрудничества». Его система, включающая в себя целую сеть переговоров, совещаний и комитетов, стала важнейшим неформальным институтом в регулировании отношений центра и земель. Однако постепенная трансформация германской федерации привела к тому, что все неформальные ограничения оказались органично вплетены в общую схему институциональных правил. Именно поэтому в современных условиях они играют роль дополнения юридических конституционных норм, являясь неотъемлемой составляющей системы федерализма Германии.

Второй вариант связан с сочетанием и взаимодополнением формальных ограничений неформальными. Значение институтов обоих типов представляется здесь равно значимым. Неформальные ограничения могут служить фактором адаптации всей федеративной системы к внешним и внутренним воздействиям, заполняя те возможные пустоты, которые оставляют после себя формальные институты. Тем самым, с одной стороны, обеспечивается свободное развитие формальных практик, а с другой стороны, происходит их дополнение, дающее большую прочность институциональному комплексу. Кроме того, неформальные институты на определённом этапе способны сыграть решающую роль в сохранении системой устойчивости, вызывая необходимость их юридического закрепления в дальнейшем. Так, в Канаде неформальные ограничения, значительно дополняя и развивая формальные институты, поддерживают в современных условиях баланс интересов центра

² *Гельман В. Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС (Политические исследования). 2003. № 4. С. 6–25.

и провинций, стараясь сохранять в допустимых границах центростремительные и центробежные тенденции.

Наконец, третий вариант соотношения формальных и неформальных институтов предполагает доминирование последних. Преобладание значения неформальных практик в регулировании социально-политических взаимоотношений традиционно считается симптомом неустойчивости данной системы. Что неудивительно, поскольку стихийно образующиеся в процессе развития общества нормы фактически отгесняют на второй план юридически закреплённые. А это, в первую очередь, говорит о недостатке политической воли у власти, неспособной обеспечить реальную эффективность действия формальных институтов. Примечательно, что в случае с федеративными системами, в институциональном комплексе которых преобладают неформальные регуляторы, становится очевидной тенденция неизбежного нарушения баланса между централизационными и децентрализационными тенденциями. Наиболее показательным примером служит опыт России. Как в период середины 90-х годов, когда в условиях слабости центра наблюдалось явное преобладание неформальных «правил игры» во взаимоотношениях федерации и регионов, так и на современном этапе, когда они оказываются завуалированными и не столь очевидными, но по-прежнему имеющими определяющее значение, отчётливо виден перегиб в ту или иную сторону. В период правления Ельцина – явный уклон к центробежным тенденциям, сейчас, напротив, к унификации и централизации.

Изучение институциональной устойчивости федеративной системы позволяет не только по-новому взглянуть на процесс развития государственно-территориальных отношений через призму неинституционального подхода, но и, самое главное, даёт возможность исследователю выявить глубинные тенденции во взаимоотношении центра и регионов в опоре на особенности структурирования человеческого взаимодействия в том или ином обществе.

В. П. Таскаев*

От партии-«доктрины» к партии-«корпорации»: эволюция подходов к исследованию института политической партии

Партийное строительство в современной России по праву рассматривается в качестве важнейшего направления создания модели эффективной, конкурентной и социально ответственной демократии, основанной на тесном, конструктивном взаимодействии государства и гражданского общества. В самом общем значении, политические партии представляют собой добровольные организованные объединения людей, придерживающихся общих политических взглядов и стремящихся к их реализации путем завоевания политической власти или по крайней мере осуществления перманентного контроля над правительствами, которые ее реализуют. Именно принадлежность системе формирования и функционирования политической власти определяет природу партий как политических институтов и подчеркивает их принципиальное отличие от других видов общественных организаций (объединений). Достижение власти – конечный смысл деятельности любой партии. Независимо от того, какие идеологические цели преследует партия (построение коммунизма, свобода торговли, защита окружающей среды), она добивается их с помощью власти (через формирование собственного правительства или участие в нем) или выступая в качестве оппозиции.

Предыстория партий как политических институтов яснее всего показывает, в каком отношении находятся партии к государству и обществу. В эпоху становления современных парламентских систем (XVII–XVIII вв.) большинством философов и политиков партии рассматривались как «политическое зло» (Генри Сент-

* *Владимир Павлович Таскаев* – депутат Свердловской Областной думы, соискатель кафедры социологии и управления общественными отношениями УрАГС (г. Екатеринбург).

Джон, виконт Болингброк), как институты, противопоставляющие особые групповые интересы публичным интересам (т.е. интересам всего общества или нации), искусственно разделяющие общество и затрудняющие тем самым поиски общего блага. Политическая философия Просвещения, в полном соответствии с этимологией понятия (от лат. *pars, p.n. partis* – часть), рассматривала партии в общем ряду с прежними придворными фракциями и кликами в монархической системе власти, отождествлявшимися с безответственным, своекорыстным и не до конца открытым обществу способом политического действия. Эдмунд Бёрк, пожалуй, первым из политических мыслителей Нового времени доказал необходимость существования политических партий как инструментов структурирования политического процесса. Задаваясь вопросом о том, как наличие в гражданском обществе различных групп интересов может сочетаться с необходимостью выработки единого для этого общества курса политики, Бёрк показал, что это достигается через открытую для общества, электоральную конкуренцию идейных платформ, которые претендуют в каждый данный момент на то, чтобы считаться наилучшим выражением и способом обслуживания общенациональных интересов. Этой функции наилучшим образом соответствует механизм политических партий, которые становятся необходимым институтом гибкой связи и согласования групповых интересов граждан с деятельностью институтов власти, призванных реализовать интегральные интересы всего общества.

Развитие индустриального капитализма, дальнейшее совершенствование технологий политического процесса, переход к всеобщему избирательному праву привели в XIX–XX вв. к формированию в демократических странах массовых политических партий. Это в существенной степени повлияло на трактовку самого института политической партии, который во все большей степени стал связываться с репрезентацией интересов и общественных позиций отчетливо выделяющихся в обществе социальных классов и групп. Наиболее яркими выражениями этой тенденции в осмыслении феномена политической партии стали либеральная концепция партии-«доктрины» (т.е. партии как идеологического объединения) и генетически связанная с ней Марксова концепция партии-«класса». В рамках этих концепций партия рассматривалась как политический репрезентант сначала объединения людей, разделяющих общие идеологические ценности, а затем осознающего свои интересы и

вырабатывающего свою идеологию социального класса («класс-для-себя»). В преемственности этих концепций наглядно отражены этапы эволюции института политической партии. Сами партии, борясь за формирование устойчивой электоральной базы, активно перестраивали свои организационные основы и уточняли идеологические доктрины, формировали каналы связи с массовыми общественными организациями своих избирателей.

Политическая наука довольно прочно усвоила этот подход к институту политической партии, рассматривая его происхождение, динамику развития и функции через упрощенно понимаемую систему детерминации политических доктрин и вытекающих из них правительственных политик теми или иными массовыми группами социальных интересов, выражающими себя преимущественно идеологически.

Вместе с тем, обогащение политической науки достижениями социологической теории, как и сам опыт эволюции политических партий, исподволь формировало иные исследовательские подходы к феномену политической партии, которые можно рассматривать как выражение, в сущности, одной концептуальной тенденции – в большей степени социологической, чем политологической. Уже Макс Вебер обратил внимание на символические по своей природе связи политических партий с широкими и достаточно произвольными констелляциями социально-групповых интересов и предпочтений – причем не только сугубо социальных или экономических, но и этнических, религиозных, профессиональных и др., часто не имеющих какой-либо отчетливо выраженной идеологии. По существу, веберовский подход лишал партии их специфической политической природы и трактовал их как непосредственно-социальные объединения, как один из элементов сложной, богатой оттенками социально-корпоративной структуры общества. В дальнейшем работы М. Острогорского, Р. Михельса, М. Дюверже уже в более или менее четком виде сформулировали взгляд на партии как на общности, консолидирующиеся не столько на основе общих социально-идеологических ценностей, сколько на базе определенной организационной структуры внутригруппового взаимодействия и, в тенденции, все больше приобретающие замкнуто-самодовлеющий («олигархический») характер. Иначе говоря, можно предполагать, что принадлежность к партии отнюдь не связана только с возможностью для индивида реализовать свои политические убеждения, но обладает самостоятельной ценностью, каковой является

для него включение в определенные группировки социальных связей. А поскольку перед другими видами социальных объединений партии обладают одним исключительным преимуществом – легальным доступом к системе политической власти, то их вполне можно трактовать как специализированные социальные объединения, чьей главной целью становятся коллективные выгоды, которые могут быть получены через прямой доступ к власти. В этом контексте, партия реализует в своей деятельности не столько то, что открыто манифестируется в ее идеологической доктрине и политической программе (борьба за интересы поддерживающих данную партию социальных групп), сколько то, что отражает неформальный смысл ее существования, – собственный групповой интерес. Очевидно, что эту сторону деятельности партий может адекватно отразить как раз не столько анализ их участия в открытом политическом процессе, сколько углубленный социологический анализ внутригрупповых отношений и практик.

Доминирование именно этого аспекта в жизнедеятельности политических партий наглядно подтверждает и необычайно бурный процесс партийного строительства в Российской Федерации в 1990-х гг.: основные политические партии сформировались здесь гораздо раньше, чем могла бы (даже гипотетически) возникнуть определяющая их политическое лицо новая социальная стратификация общества. Зато на этапе решающих структурных реформ (приватизация, либерализация экономики и т.п.) совершенно особую, гипертрофированную ценность приобретала возможность прямого доступа к политической власти, разрабатывающей новые законы, распределяющей бывшую государственную собственность и определяющей пути дальнейшего развития общества. В этих условиях партии не могли не формироваться, прежде всего, как обслуживающие интересы своих членов социально-корпоративные группировки.

Исходя из этого основная проблема современного этапа социологического изучения института политической партии может быть сформулирована следующим образом. В интересах перехода страны к цивилизованной, подлинно демократической модели политического развития необходимо выяснить объективную социальную сущность современных политических партий России, понять, в какой мере они воплощают в процессе своего развития и деятельности черты самодовлеющей социально-корпоративной ор-

ганизации, каковы социальный механизм их формирования и природа взаимодействия с властными структурами.

Представляется, что ответы на эти вопросы могут быть получены через анализ института политической партии посредством методологического синтеза институционального подхода (партия как социальная организация и нормативная система) и структурно-функционального подхода (место партий в социально-корпоративной структуре общества, функции партии в системе взаимодействия общества и государства). Эти два подхода, соответственно, выступают по отношению к самому феномену партии как «внутренний» и «внешний», а объединяющим их ключевым понятием является понятие социальной корпорации как специфической формы социального объединения.

М. А. Фадеичева*

Этнические вызовы и делегитимация власти

Существует целый ряд вечных политических проблем, которые любая власть вынуждена периодически решать, и решать по-новому, в зависимости от изменяющихся экономических, социальных, культурных, социально-психологических обстоятельств. Для современных государств особенно актуализируются две вечные проблемы. Первая проблема – это построение и укрепление сообщества, выработка общей гражданской идентичности, воспитание и поддержка чувства общности граждан государства. Без решения этой проблемы невозможно обеспечить экономическое, политическое и социальное развитие, очень трудно реализовать какие бы то ни было национальные проекты, а само существование целостного суверенного государства в такой ситуации может оказаться под угрозой. Вторая проблема – это проблема легитимации власти. В динамично трансформирующихся сообществах власть нуждается в своей перманентной легитимации, ей необходимо постоянно заботиться о своем общественном признании, о доверии и поддержке со стороны народа, укреплять свой имидж в его глазах.

Между этими двумя проблемами существует внутренняя взаимосвязь: легитимация власти происходит более успешно на фоне более развитой гражданской идентичности, а формирование общей гражданской идентичности возможно в государстве, если власть легитимна. Причем среди способов обретения признанной законности власти, выделенных М. Вебером, а именно: за счет длительности пребывания у власти, за счет порядка формирования органов власти, структуры и механизма правления, а также за счет успешного правления, в настоящее время самым надежным, но и самым сложным способом представляется последний. Успешность

* *Марианна Альфредовна Фадеичева* – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

правления определяется известными критериями экономической стабильности, социального благополучия, отсутствия внешних угроз и внутренних беспорядков.

В современных условиях эти критерии эффективности и полезности власти для народа требуется дополнить еще одним принципиально новым критерием – это отсутствие этнической напряженности и/или этнических конфликтов. Практически любое государство и общество испытывают в связи с процессами глобализации и миграции этнические вызовы. Эти вызовы заключаются в увеличении этнического разнообразия, в этнической конкуренции, охватывающей различные сферы, в росте количества этнических субкультур, в усилении кроссэтнической коммуникации, всё это может происходить на локальном, региональном и национальном уровне. Различные интересы отличающихся по численности этнических групп, этнического большинства и этнических меньшинств, как иммигрантских, так и автохтонных, могут приходиться в противоречие и сталкиваться в борьбе за власть, ресурсы и самоопределение. В свою очередь, этническая напряженность и этнические конфликты служат четким индикатором социального неблагополучия и нерешенных экономических проблем. Оказываясь не в состоянии ответить на этнические вызовы, снизить их остроту, минимизировать этническую напряженность и управлять этническими конфликтами, власть демонстрирует свою неэффективность. На этом фоне начинается разворачиваться процесс делегитимации власти как утраты чувства ее законности, а также доверия и поддержки со стороны граждан.

В ситуации этнических вызовов возможны три властные стратегии, по-разному влияющие на легитимацию и делегитимацию власти. Первая стратегия может быть условно обозначена как **стратегия этнополитического дистанцирования**. Власть не ставит задачу выработки и реализации определенной этнической политики, не управляет миграционными процессами, игнорирует дискриминацию этнических меньшинств, не решает социальные проблемы автохтонных и иммигрантских общин, что создает этническую напряженность и в результате приводит к этническим конфликтам, выражающимся в разнообразных формах, вплоть до вооруженных столкновений. Такая стратегия может быть оценена как слабость и неэффективность власти, что подрывает доверие к ней. Вторая стратегия, может быть названа **стратегией этнонационализма**, её сущность заключается в принятии дискрими-

национных законов и поощрении практической дискриминации этнических меньшинств, в установлении официальной идеологии «государствообразующей нации», в гласной поддержке и распространении негативных этнических стереотипов, расовых предрассудков и ксенофобских настроений. Данная стратегия, будучи, на первый взгляд, охранительной по отношению к государству и этнической идентичности его граждан, будто бы наиболее адекватно выражающей и наилучшим образом защищающей национальные интересы, рассчитывает на поддержку со стороны этнического большинства. В политологическом сообществе не вызывает сомнения и является общепризнанным тезис о том, что в современном мире в условиях этнических вызовов наблюдается рост этнонационалистических и ксенофобских настроений, которые зачастую становятся разделяемыми большинством. Власть может следовать за преобладающими настроениями, подыгрывая и поощряя их, стремясь представить себя по-настоящему «народной». Однако этнонационалистически ориентированная власть не способна ответить на этнические вызовы, не в состоянии конструктивно решить ни одну из социальных и экономических проблем, имеющих этнический аспект, что, в свою очередь, ведет к недовольству ее действиями и, следовательно, к ее делегитимации. Этнонационализм способен легитимно разрушить любое государство. Иначе говоря, поощряя этнонационализм и ксенофобию, власть «рубит сук, на котором сидит». Ибо «сук», на котором сидят все ветви власти (в случае их разделения) в полиэтнических государствах, это – этнический мир, который нуждается в постоянном культивировании, возможном только при решении проблемы построения общей гражданской идентичности и выработке чувства гражданской общности, независимо от этнической принадлежности. Здесь власть реально или номинально может быть проводником этнического согласия. Отсюда может последовать третья стратегия – **стратегия этнического согласия**, строящаяся на эффективной и конструктивной этнической политике. Под этнической политикой понимается деятельность государства в сфере отношений между различными народами/этносамы, проживающими в данном государстве, направленная на установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества народов, содействие удовлетворению их потребностей и реализации интересов, предотвращение и разрешение этнических противоречий и

конфликтов, преодоление этнической нетерпимости и препятствование разжиганию этнической розни.

Три смоделированные стратегии могут быть неоднозначно связаны с определенными идеологическими основаниями. Во-первых, в основе стратегии может быть идеология, систематизированно изложенная в виде утвержденных властью концепциях и законах. Так, например, в Российской Федерации существует Концепция государственной национальной политики, принятая в 1996 г., (попытка разработки новой Концепции была предпринята в 2005 г., но не была завершена), а также ряд Федеральных законов, предназначенных для урегулирования межэтнических отношений. Также в апреле-мае 2005 г. обсуждался Проект Федерального Закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», который также остался недоработанным. Во-вторых, стратегия может не иметь четко изложенной идеологии, но существовать на основе ее «дискурсивной практики» (Т.А. ван Дейк), проявляющейся в политической риторике, академическом дискурсе, средствах массовой информации, бытии повседневности. Причем официально существующая идеология может не совпадать с дискурсивными идеологическими практиками. Например, властная стратегия этнического согласия при господствующих дискурсивных практиках ксенофобии и этнонационализма может выглядеть как контридеология и контрдискурс, которые не поддерживаются ни элитами, ни большинством населения. Власть, пропагандирующая то, что не отвечает социальным ожиданиям, также оказывается под угрозой делегитимации. Из этого следует, что единственно возможный путь, препятствующий делегитимации власти, – это адекватный ответ на этнические вызовы в виде полезной и продуктивной этнической политики, обеспечивающей этническое согласие, а также в ограничении и вытеснении ксенофобских и этнонационалистических дискурсов из центра на политические и социальные окраины.

В. А. Евдокимов*

Роль регионального конфликта в политическом процессе

Роль конфликтов в региональном политическом процессе противоречива. С одной стороны, они побуждают субъекты ставить перед собой новые цели, совершенствовать собственную деятельность, а также взаимодействие с другими субъектами и объектами политики. С другой стороны, вследствие неоднородности развития субъектов Российской Федерации (экономика, цивилизационные контрасты), отсутствия институционализированных механизмов регулирования конфликтов субъекты часто тяготеют к разрешению конфликтных отношений не на основе компромисса, а в интересах одной из сторон. Сохраняется неравенство в распределении властных полномочий, ресурсов между субъектами политики в российских регионах.

На протяжении последних пятнадцати лет с разной степенью интенсивности развиваются взаимоотношения федеральных, региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления. Они осложняются тем, что одной из задач политической системы является сосредоточение ресурсов под контролем центра посредством перераспределения ресурсов, корректировки межбюджетных отношений.

В первые годы XXI века произошло укрепление позиций федерального центра. Во-первых, уделено серьезное внимание ходу губернаторских выборов в некоторых регионах страны (Смоленская, Курская области, Краснодарский край) с целью расширения влияния на региональную политику. Во-вторых, в 2004 году в целях обеспечения предсказуемости в политическом процессе Президентом России В.В. Путиным подписан Федеральный закон, в котором определен порядок наделения региональным законодательным органом государственной власти гражданина РФ по пред-

* *Владимир Анатольевич Евдокимов* – канд. полит. наук, зав. кафедрой информационных технологий в СМИ и PR Омского гуманитарного института (г. Екатеринбург).

ставлению президента страны полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ [1]. В-третьих, федеральный центр стал больше внимания уделять контролю за выполнением российского законодательства. Против ряда руководителей региональной исполнительной власти возбуждены уголовные дела в связи с превышением ими служебных полномочий (в Саратовской, Челябинской, Тверской областях). В-четвертых, федеральным центром стали шире использоваться теневые механизмы урегулирования конфликтных отношений, снизился уровень публичности региональных конфликтов.

Существенно трансформировалась и роль государственных органов власти в регионах. В свете приобретения субъектами Российской Федерации права принимать собственные законы, самостоятельности при решении значительного круга проблем социально-экономического развития территории усиливается влияние государственных органов власти регионов на политический процесс.

Несмотря на укрепление позиции федерального центра, возникают конфликты между федеральными органами власти и региональными органами государственной власти. Например, в канун принятия в 2004 году пакета законов о замене натуральных льгот денежными компенсациями только пять из 89 субъектов Российской Федерации представили в Государственную думу положительные отзывы на законопроект [2].

В условиях обретения органами местного самоуправления нового статуса и новых возможностей и в связи с утратой прямого административного подчинения возникают конфликты между региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления или группами интересов, между субъектами политики в ходе выборов и т.д. Так, органы местного самоуправления городов претендуют на корректировку межбюджетных отношений. Однако губернаторские кланы воспринимают их укрепление как фактор ослабления собственной власти, стремятся ограничить ресурсы, находящиеся под контролем городов-доноров. Политические конфликты между субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления городов имели место, в частности, в 90-х годах XX века в Свердловской, Новосибирской, Омской областях, в первые годы XXI века – в Краснодарском, Приморском краях, в Нижегородской, Самарской областях.

Политические конфликты возникают также между региональными отделениями политических партий, которые стремятся распространить собственные представления о социальном мире. Однако они редко вступают в конфликты с органами региональной государственной или муниципальной власти. Причина – в отсутствии у политических партий ресурсов, достаточных для участия в конкурентном взаимодействии.

Возникновению региональных политических конфликтов также способствует стихийность внедрения законов. Региональные органы власти часто не способны предвидеть последствия собственных действий. Так, на скоропалительное принятие Законодательным собранием Омской области в 2001 году закона «О едином налоге на вмененный доход» предприниматели ответили масштабной акцией протеста. В связи с этим заместитель губернатора Омской области В.А. Махнев, ответственный за разработку концепции развития малого предпринимательства, был отправлен в отставку.

Еще одним источником конфликтов в регионах является разрыв между законодательно провозглашенными ценностями и реальным отношением общества к ним. Хотя в обществе сильна тяга к демократии, верховенству права, граждане, принимая участие в демократических процедурах, не могут оказать сколько-нибудь заметного влияния на государственные структуры, не имеют равных ресурсов для участия в политическом процессе. Реально претендовать на избрание могут только кандидаты, которых поддерживает власть, финансово-промышленные группы. Использование региональными политическими кланами преимущественно силовых методов приводит к сокращению числа субъектов на политическом поле.

Факторами нестабильности, способствующими накоплению конфликтного потенциала в регионах, являются: углубляющееся неравенство субъектов политики; недостаточная поддержка населением усилий власти, инициирующей социальные изменения, в результате чего возможен рост противоречий в ее отношениях с обществом; рост отчуждения органов власти от граждан; низкий уровень жизни значительной части населения; отсутствие целостной идеологии и признанных обществом норм морали; низкий уровень политической культуры значительной части граждан и т.д.

Возможны три варианта развития политического процесса в регионах: консервативный, радикальный и экстремальный. Наи-

более вероятен первый вариант. Нынешний политический курс изменится в наименьшей степени, политическая ситуация в большинстве регионов останется стабильной. В Государственную думу РФ в 2005 году вынесена на обсуждение поправка к законодательству, не исключающая возможность избрания В.В. Путина президентом страны по окончании срока его полномочий в 2008 году в том случае, если не состоятся досрочные выборы главы государства.

Менее вероятен вариант радикального развития событий. Сохранение авторитарных тенденций укрепления власти почти исключает возможность существенных изменений политического курса. Однако сохраняются основы для возникновения политических конфликтов, связанных как с нехваткой ресурсов, так и поспешностью в проведении реформ. Велика вероятность возникновения конфликтов, инициированных политико-финансовыми кланами федерального и регионального значения и связанных с переделом собственности.

Третий вариант развития политического процесса маловероятен. Политическая оппозиция разобщена, аморфна, все более теряет способность к стратегически продуманным действиям и не представляет собой значимой силы, способной инициировать смену политического курса.

Примечания

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 277.

2. Монетизация льгот прошла первое чтение // Коммерсант. 2004. № 119.

И. Г. Яр-Мухамедов*

Метаморфозы демократии

Что называют демократией в современных развитых странах?

Экономическая власть принадлежит бизнесу, и прежде всего, крупному. Для защиты своих интересов бизнес организует партии и выдвигает своих представителей в органы власти. Однако этот процесс опосредуется гражданами страны – избирателями. Для продвижения кандидатов бизнес вынужден затрачивать определенные суммы. Кандидат, прошедший во власть, в дальнейшем лоббирует интересы бизнеса и, может быть, избирателей. Схема взаимодействия всех сторон изображена на диаграмме (Рис. 1).

Рис. 1. Структура демократии

Достоинства демократии в том, что экономическая власть определяет политическую. Властные структуры подконтрольны бизнесу. Бизнес, сам по себе, активен и склонен к развитию, он служит направляющей силой и, одновременно, ограничивает власть чиновничества.

В СССР структура власти была совершенно иной. Партия при поддержке народа определяла состав и политику всех ветвей государства. Но партия не представляла самостоятельных эконо-

* *Ильдар Гизаевич Яр-Мухамедов* – доцент Института интеграции международных образовательных программ Кыргызского национального университета (Кыргызстан).

мических агентов. Монополия партийной верхушки, естественно, породила тенденции стагнации и разрушения. В экономике преобладали докапиталистические общественно-экономические уклады. НКВД и ГУЛАГ – типичные государственно-рабовладельческие организации. В условиях, когда у людей подавляется всякий экономический интерес, принуждение становится единственным средством налаживания производства. Все, кто не были рабами, жили в условиях феодального уклада. Уже был запущен искусственный спутник земли, а крестьянство еще не имело паспортов. Рабочие были прикреплены к предприятиям. Конечно, определенные прогрессивные изменения происходили. В соответствии с международными нормами была укорочена рабочая неделя, но до самых последних дней советской власти на рабочих и служащих была наложена государственно-партийная барщина (сельхозработы, в том числе и по выходным дням).

В различные периоды предпринимались попытки изменить ситуацию в лучшую сторону. К их числу можно отнести новую экономическую политику. За два года НЭП вывел страну из кризиса. Но разве может партократия совмещаться с властью бизнеса? Вторая попытка развития рыночных отношений и введения хозяйственной самостоятельности предприятий была предпринята Н.С. Хрущевым. Но как только он покусился на монополию политбюро и централизованную «вертикаль» власти, которые были препятствием экономического развития страны, как был отстранен под всякими благовидными предлогами. Самый последний период советской власти в действительности не был попыткой модернизации страны. Фактически это была просто подготовка к разделу страны высшими эшелонами власти.

Институт прописки был и остается обязательным. Для властей каждый человек – потенциальный преступник. Нет места презумпции невиновности. Нет прав человека. Демократия партийной элиты есть партократия. Ее структура представлена на рис. 2.

Рис. 2. Структура партократии

После распада СССР власть, естественно, поменялась. Нет КПСС. Мечта чиновничества сбылась. Оно само распоряжается страной. Создана возможность ухватить от некогда общего пирога. Но чиновник не является хозяином в полном смысле слова. Он пользуется государственной собственностью, но не наделен правами собственности. Его интерес – в присвоении, а не в развитии. Чтобы и в перспективе быть у политической власти, чиновник должен получить и экономическую власть. А значит, он должен устранить экономических конкурентов. При этом чиновничество вынуждено имитировать демократию. Путь предельно прост. Чиновничество создает свою партию или свои партии. Само себя выдвигает, само правит, само себя контролирует и погоняет. И при этом использует, как и в период партократии, государственные ресурсы. Структура бюрократической формы демократии представлена на рис. 3.

Рис. 3. Структура бюрократии

Бюрократическое правление является наихудшей формой демократии. У нее чересчур много принципиальных и очень существенных недостатков, которые обусловлены, прежде всего, бесконтрольностью чиновничества, отсутствием прогрессивных сил в экономике, которые могли бы обеспечить прогресс, и принципиальной невозможностью их развития, так как это означало бы крах бюрократии. Можно перечислить следующие негативные моменты, сопутствующие бюрократии.

1. Замедление экономического развития и прогресса. Прежде всего, из-за низкого уровня инвестирования. Чиновничество не хочет, чтобы кто-то стал играть существенную роль в экономике, а потому препятствует капиталовложениям. Свои вложения требуется легализовать и защитить в будущем от популяризованных. А это лучше всего сделать за границей. Чиновники – самые большие «интернационалисты». По признанию одного из известных депу-

татов, которое он сделал на телевидении, у каждого из депутатов есть по пять паспортов. И это в стране, где запрещено двойное гражданство.

2. Ограничение прав и свобод. В свободной стране чиновник не властен над ситуацией. Реальные ограничения дают реальную власть, а значит и блага, чиновничеству.

3. Тенденции возникновения войн, национальной вражды, фашизма и т.п. Недовольство масс необходимо направлять в желаемое русло. Для этого должны существовать некоторые угрозы, для защиты от которых чиновничество может вводить желаемые для него ограничения.

Бюрократическая форма правления нестабильна и не может существовать долго, по крайней мере в исторических масштабах. Ее ждет либо крах, либо она должна переродиться. Нечто подобное, но удивительное, мы видим в современном Китае.

А. С. Ваторопин*

Проблема клерикализма в современной России

Анализ религиозной, социологической и политологической литературы показывает, что сегодня многие авторы уделяют проблеме клерикализма достаточно серьезное внимание. Они утверждают, что существует тенденция клерикализации современного российского общества в целом и отдельных его сфер.

На наш взгляд, можно выделить два аспекта данной проблемы: теоретический и практический. Теоретический аспект предполагает анализ сущности клерикализма, его классификацию, оценку и т.д., практический – процедуру операционализации этого понятия, выявление конкретных проблем, с ним связанных, предложение вариантов их решения и т.п.

Что касается сущности клерикализма, то здесь существуют разные подходы. Одни авторы рассматривают этот феномен с позиций угрозы, которую, по их мнению, представляет клерикализм для светского государства и секуляризованного общества. Примером здесь может служить следующая дефиниция М.Г. Писманика: «Клерикализм – стремление обеспечить главенствующую роль церкви и религии в общественно-политической и культурной жизни». Есть и другой подход, более умеренный: клерикализм – это общественно-политическое направление, которое пытается усилить позиции религии и церкви в различных сферах общественной жизни (И.Т. Фролов). Как нам кажется, оба подхода имеют право на существование. Тем не менее, второй подход позволяет более широко взглянуть на проблему клерикализма и, может быть, дать более объективную его характеристику, не ограничиваться стереотипными, традиционно-негативными оценками.

Указанные подходы к сущности клерикализма позволяют перейти к вопросу классификации этого феномена. Прежде всего,

* *Александр Сергеевич Ваторопин* – д-р социол. наук, доцент, зав. кафедрой политологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

можно выделить такие разновидности клерикализма, как *радикальный* и *умеренный* (критерий – степень и способы влияния религии в обществе). Далее, можно в основу классификации положить сферы, на которые делится общество; соответственно, клерикализм может быть *политическим, экономическим, культурным* и т.д. Наконец, классификация возможна на основе критерия «общее / частное», то есть можно говорить о *надконфессиональном* и *конфессиональном* (православном, исламском и др.) клерикализме.

Представляется, что клерикализм, в его *умеренной* трактовке, – это явление, которое в современном обществе имеет объективный характер. Дело в том, что секуляризованная модернистская модель социума уже давно не выглядит совершенно безупречной. Более того, чем дальше, тем больше она подвергается критике; сегодня уже стало штампом говорить о глубоком системном кризисе цивилизации. В социологической и культурологической теории отражением этого кризиса явилось появление постмодернистской парадигмы, основанной на идее деконструкции любого, в том числе социального, смысла. В целом перспективы человечества сегодня рассматриваются как довольно туманные.

В этих условиях обращение к религии кажется вполне уместным. Действительно, не совсем понятно, почему современное общество должно быть обязательно секуляризованным. Ведь с точки зрения гносеологии обе модели – секуляризованная и клерикальная – являются абсолютно равноценными. Современная научная картина мира также подвергается все большей ревизии со стороны многих ученых-естествоиспытателей, которые пытаются вписать в нее идею Бога. Считается, что в социально-политическом плане секуляризация обеспечивает свободу, соблюдение прав человека и другие демократические ценности. Однако, как нам кажется, ее роль здесь не следует переоценивать. Секуляризация, скорее, в значительной степени сняла нравственные барьеры на пути самовыражения человека, следствием чего является очевидная моральная деградация индивида и современного общества в целом. На наш взгляд, апелляция к религии (причем к религии вообще, а не к конкретной конфессии) не может подорвать политические свободы, а будет лишь способствовать появлению дополнительного социального института, который послужит препятствием на пути возникновения деконструированного (выражаясь в терминах постмодернизма) социума. При этом необходимо под-

черкнуть, что речь идет об *умеренном надконфессиональном* клерикализме, и ни в коем случае сказанное не относится к радикально-конфессиональным его разновидностям, таким, например, как клерикализм исламских фундаменталистов или реакционных представителей РПЦ.

Переходя к практическому аспекту рассматриваемой проблемы, сразу оговоримся, что в данном случае нас интересует *политическая* разновидность клерикализма.

Социологические исследования показывают, что население России при определении своих электоральных предпочтений религиозный фактор практически не учитывает. Тем не менее, среди экспертов существуют разные точки зрения о степени влияния религиозных организаций на выборный процесс. Некоторые из них считают, что эта роль возрастает, что представители этих организаций все более активно участвуют в избирательных кампаниях (А. Кудрявцев). В то же время сами представители религиозных конфессий, а также многие ведущие российские политологи (И. Бунин, С. Марков, А. Рябов, Д. Фурман и др.) убеждены, что религия никакого существенного влияния на выборы не оказывает. Судя по итогам последней избирательной кампании (выборы в Государственную Думу 2003 г.), вторая точка зрения вроде бы ближе к истине: действительно, апелляция к религиозным чувствам граждан реальными политическими дивидендов партиям не принесла. Однако интересен и показателен сам факт участия в выборах в Госдуму значительного числа партий, которые либо прямо являются клерикальными, либо в своей программе опираются на клерикальные идеи. В их числе: партия «За Русь святую», партия «Истинные патриоты России» (ислам), Народная партия Российской Федерации (православие), избирательный блок «Великая Россия – Евразийский Союз» (православие – ислам). Это говорит о том, что клерикализм востребован игроками на политическом поле России, хотя, следует заметить, «форс-идеей» он еще не стал.

Ни одна из названных партий не прошла в Думу, несмотря на то, что более половины граждан считают себя религиозными людьми, а религиозные организации пользуются значительным авторитетом в обществе. На наш взгляд, это объясняется тем, что общество не готово воспринять *конфессиональный* клерикализм в политической сфере. И это здоровая реакция граждан на возможную угрозу межконфессиональных столкновений в борьбе за власть. Возможно, что отношение к клерикальным партиям было

бы другое, если бы речь шла о *надконфессиональном* клерикализме. Имеется в виду, что избиратели, наверное, лояльнее относятся к партиям, в программах которых, с одной стороны, будут отражены идеи построения развитого в духовно-религиозном плане общества, в котором основные ценности, прежде всего моральные, будут религиозно легитимированы, с другой – будет отсутствовать конфессиональная ограниченность, несущая в себе угрозу конфликтов.

В какой-то мере образцом для политических партий может служить религиозная политика российского государства. При всех минусах и просчетах этой политики государство осознало необходимость изменения своей стратегии в области религиозных отношений. Политика равноудаленности от религий и религиозных организаций сменилась на политику их относительно равного притяжения. Конечно, государство не может игнорировать тот факт, что РПЦ является самой крупной и влиятельной религиозной организацией в России. Но при этом федеральным властям пока удается не допускать использования Московским Патриархатом своих особых с ними отношений в ущерб другим (по крайней мере, традиционным) религиям. Сегодня мы видим примеры того, как расширяется влияние различных конфессий в социальной сфере (уход за детьми, больными, престарелыми), в армии (военные священники), в системе исправительных учреждений и т.д. Очевидно, что это проявления процесса клерикализации российского общества. И в этом – положительный аспект клерикализма, который не вызывает возражений общественности. При этом следует подчеркнуть, что данный процесс не порождает и заметных межконфессиональных противоречий и конфликтов.

Таким образом, на наш взгляд, процесс клерикализации российского общества может развиваться в позитивном направлении, если он будет умеренным и надконфессиональным. Но этот процесс совершенно неприемлем в своей радикально-конфессиональной разновидности.

Р. В. Шилишпанов*

Завершение процесса складывания организационной структуры Свидетелей Иеговы при президенте М. Д. Хеншеле**

Религия, как сфера иррационального, духовной жизни человека, личных чувств, переживаний, и политика, как специфическая сфера организации жизни социума, управления обществом, государством и социальными группами, имея разные предназначения, цели, сферы деятельности, находятся в тесной взаимосвязи¹. На сегодняшний день в России действует ряд религиозных объединений, характеризующихся как тоталитарные секты. К подобным религиозным объединениям, по мнению известного учёного А.Л. Дворкина, относится религиозная организация Свидетелей Иеговы (Общество Сторожевой Башни, иеговисты, расселиты)². Завершение оформления Общества Сторожевой Башни в систему с чёткой иерархией и тотальным контролем личности происходило во время президентства в организации Мильтона Джона Хеншеля. На посту президента Общества Сторожевой Башни М.Д. Хеншель находился более 10 лет³.

Благодаря активной деятельности М.Д. Хеншеля международная организация Свидетелей Иеговы имеет в наше время многоуровневую иерархическую управленческую и финансовую струк-

* **Роман Владимирович Шилишпанов** – аспирант кафедры христианской истории и антропологии социально-теологического факультета БелГУ (Белгород).

** Статья выполнена при финансовой поддержке внутривузовского гранта БелГУ 2005 года для аспирантов и студентов по проведению приоритетных исследований науки, технологий и техники № ВКАС 015-05.

¹ См.: Религии народов современной России: Словарь / Редкол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. И. Аверьянов, В. Н. Басилов и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 2002. С. 330.

² См.: **Дворкин А. Л.** Сектоведение. Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2002.

³ См.: Сторожевая башня. 15 августа 2003. Vol. 124. № 16. P. 31.

туру. Административно-территориально «Исследователи Библии» (ещё одно самоназвание Свидетелей Иеговы) как всемирная организация сегодня, по мнению священника И. Ефимова, содержит сверху вниз «руководящую корпорацию» во всемирном главном отделе в Бруклине, ее «уполномоченных представителей в крупных зонах», на которые поделён мир⁴. «Глава зоны» контролирует по порядку «комитеты филиалов», «надзирателей в областях», «надзирателей в районах», старейшин в собраниях и рядовых адептов. По мнению иеговистов, самой «Руководящей корпорацией» управляет непосредственно Бог⁵. Также в небольших группах толкованием Священного Писания занимаются «евангелизаторы». Миссионеры на местах подразделяются на «благовестников, пионеров и странников или специальных пионеров»⁶. Таким образом, в Организации сложилась международная строго иерархичная структура управления адептами, что является одним из признаков тоталитарной секты.

Для наиболее полного контроля за адептом во всех звеньях Общества регулярно составляются подробные отчеты об их деятельности и передаются вверх по инстанции, а также составляются подробные отчёты о деятельности как рядовых, так и руководящих адептов. 1 января каждого года на основании данных отчётов в печатных органах Свидетелей Иеговы публикуются детальные сводные итоговые таблицы результатов функционирования Организации⁷, «Руководящей корпорацией» разработаны специальные анкеты и опросные листы, имеющие своё символическое обозначение, направленные на унификацию и систематизацию отчётности. Например, знаменитая «форма S-AB-303-U 5/99»⁸, содержащая отчёт о посещении местного собрания Свидетелей Иеговы «районным

⁴ См.: Священник Игорь Ефимов. Ложные свидетельства Свидетелей Иеговы (исторический очерк, критический разбор вероучения, положение в настоящее время) Вып. II. М., 1997.

⁵ Новые религиозные объединения России деструктивного и оккультного характера: Справочник / Миссионерский отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Информационно-аналитический вестник № 1. Белгород, 2002. С. 350.

⁶ Современные ереси и секты на Руси / Под ред. Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. Житомир: «Ни-ка», 2001. С. 130.

⁷ См.: *Жириновский В. В., Кривельская Н. В.* Псевдорелигиозные объединения России. М.: ЛДПР, 1997. С. 57.

⁸ См.: www.synergia.itn.ru/iegova/

надзирателем», отвечающим за эту «территорию». Данный опросный лист имеет графы, позволяющие узнавать количество встреч собрания, качество «полевого служения», а также в рассматриваемом документе «районный надзиратель», основываясь на «Карточках собрания для отчётов возвещателей», должен дать первичный анализ миссионерского состояния собрания. Из этого следует, что система контроля в Обществе носит всеобъемлющий характер, а это также является одним из признаков деструктивного религиозного объединения.

По уставу «корпорации» её «Правление» избирается на ежегодном собрании всеми членами, имеющими право голоса, после чего «Правление» выбирает администрацию Общества⁹. На практике президента и правление Организации из 40 кандидатов, подобранных «путём кооптации, избирает общий съезд»¹⁰. Два издаваемых расселителями журнала – «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!» – распространяются по всему миру, кроме них каких-либо других изданий Общества, независимых от «Бруклинского центра», не существует ни в одной стране мира. Так удерживается монополия Президента и «Руководящей корпорации» на толкование и понимание Библии, изобретение новых «пророчеств и откровений» Бога и Иисуса Христа. Все журнальные статьи, как, впрочем, и все книги, на сегодняшний день выходят без указания фамилии автора, что должно указывать на «боговдохновенность излагаемого и удаленность от мирского и человеческого»¹¹. То есть руководство Общества имеет контроль над адептами при помощи рафинирования и преподнесения членам Организации информации, выгодной верхушке расселитов. Стоит отметить, что за достоверность информации Исследователи Писания не несут никакой ответственности, так как практически все публикации иеговистов анонимны.

Во время президентства М.Д. Хеншеля в 1994 г. с целью успешной вербовки новых адептов появилось руководство для внутреннего пользования «Как завести и продолжить разговор на библейскую тему»¹². В данном пособии предлагаются примеры, как

⁹ См.: Священник Игорь Ефимов. Ложные свидетельства...

¹⁰ Современные ереси и секты на Руси...

¹¹ Священник Игорь Ефимов. Ложные свидетельства...

¹² См.: Как завести и продолжить разговор на библейскую тему. Brooklyn, New York, U. S. A.: Watchtower Bible and tract society of New York, inc. international Bible students association, 1994.

завязать беседу с жильцами, а также варианты ответов на следующие возражения граждан при попытке проповеди иеговизма: «Мы уже христиане», «Я – буддист», «Я – еврей», «Я – мусульманин», «Меня не интересуют «Свидетели Иеговы», «Зачем вы постоянно приходите?», «У нас нет денег» и тому подобное¹³. Издание Обществом данного пособия свидетельствует о том, что прозелитическая деятельность является одной из основных задач Организации. Рассматриваемое пособие позволяет рядовому адепту, используя разнообразные методы прозелитической деятельности, завербовать практически любого человека.

Таким образом, о влиянии религии на политическую сферу жизни общества можно говорить, исходя из того, что религия, являясь мировоззренческой системой, включающей в себя обязательные для своих адептов нравственные установки, влияет на их умонастроения, личностные ценности, социальное поведение и, как следствие, политические действия. В обществе Сторожевой Башни к концу президентства М. Д. Хеншеля сформировалась чётко иерархизированная, жёстко управляемая по пирамидальному принципу, с разветвлённой, разработанной до мелочей системой контроля и отчётности, международная финансово-религиозная корпорация, подчинившая себе миллионы людей по всему миру. В результате этого управленческая верхушка религиозной организации Свидетелей Иеговы в современном её варианте представляет себя как некий коллективный образ Иисуса Христа на нашей планете, диктующий «истинную божественную волю», обязательную для исполнения всеми адептами Исследователей Писания, в том числе и в политической жизни последователей.

¹³ См.: Как завести и продолжить разговор на библейскую тему. Brooklyn, New York, U. S. A.: Издательство: Watchtower Bible and tract society of New York, inc. international Bible students association, 1994.

А. Н. Курюкин*

Социально-историческая эволюция политической власти в России

Собственно говоря, идея описания и исследования истории политической власти в России далеко не нова. В конечном итоге, практически все исследования отечественной действительности, как в истории, так и в современности, или захватывают этот весьма интересный и важный вопрос напрямую, или к нему сводятся. С другой стороны, необходимо отметить, что на сегодняшний день, к сожалению, нет ни одного научного исследования, которое с фундаментальных позиций рациональной науки дало бы описание и расшифровку многих процессов именно в том контексте, который заявлен автором настоящей работы в её названии. Наоборот, нерациональных объяснений многих исторических, социальных и политических процессов как всего мира, так и нашей страны сегодня предостаточно. В качестве примера можно назвать лженаучный исторический ревизионизм, уже давно получивший наименование «*фоменковщина*», по фамилии создателя.

В сложившихся условиях тем более важно провести цельное и завершённое научное исследование, в рамках которого одной из важнейших целей, кроме собственно научных, будет стоять именно привитие читателю рационального, научно обоснованного взгляда на многие политические проблемы, где станет важным, в особенности для нашей страны, формирование реального, а не идеального образа осуществления власти в социуме на данном историческом этапе, то есть в наиболее примитивной форме – развенчание идей о потерянных «*золотых веках*» и ушедших «*добрых царях*».

Итак, рассмотрим научную основу исследования. Она будет включать в себя анализ темы, выраженной в объекте и предмете в трёх основных направлениях, которые заявлялись автором нас-

* **Андрей Николаевич Курюкин** – канд. полит. наук, доцент кафедры правовых дисциплин ТИЭИ, зав. кафедрой правовых дисциплин Тульского института экономики и информатики (г. Тула).

тоящей работы ранее. Это идеальный, реальный и кризисный аспекты.

Рассматривая содержание исследования в ракурсе названия, следует отметить, что им должен стать анализ института политической власти в нашей стране в контексте его исторической эволюции, через призму социальных процессов, то есть взаимодействие власти и общества (народа) и, что более важно, содержательное рассмотрение того общественного воздействия, в активном и реактивном плане, которое производит функционирование института политической власти.

Собственно о возникновении политической власти, а более обобщённо говоря, о политической антропологии нашей страны можно говорить примерно в идентичный промежуток времени, что и по отношению к другим историко-этническим общностям, которые были принесены в наш ареал великим переселением народов. Практически все эти просто народы, а тогда племенные общности, проходили в своём развитии идентичные этапы и фазы.

В мирное время принципиальные вопросы решал родовой, на более высоком уровне племенной сход, а военная власть осуществлялась только и исключительно главой племенной дружины. При этом существует и интереснейшее терминологическое объяснение возникновения такого термина, как князь. Некоторые исследователи считают, что это слово происходит от *конязь*, то есть тот, кто ездит на коне. А таковыми в войсках осёдлых, не степных народов были только воинские начальники, руководившие ведением боя всей дружиной и ополчением.

Здесь же необходимо отметить и ещё одну весьма важную деталь. Практически ни для кого не секрет, что данные племенные союзы с точки зрения своего социального и политического развития стояли на пороге возникновения государственной модели осуществления политической власти. Проще говоря, если бы в 882 году Рюрик со своим домом и верной дружиной не принёс на Русь готовые практические модели осуществления политической власти государственным образом, то что-то подобное, безусловно, возникло бы в этих племенных союзах и само по себе, без внешних воздействий, только на 100–120 лет позже.

Вокняжение князя Игоря после смерти Рюрика, и регентство Олега в Киеве, и более поздние периоды в истории Киевской Руси не принесли крупных изменений в описанную выше модель. За исключением свойственного тому периоду времени её политико-

правового обоснования и закрепления. Появившаяся в начале XI века Русская правда стояла наравне со сходными политико-правовыми документами Западной Европы – Соллическая правда и др.

Крупными изменениями в социальном аспекте осуществления политической власти в нашей стране знаменит период монголо-татарского ига. Основой оккупационной политики татаро-монгол, как было заведено Чингиз-ханом, являлось ограбление захваченных стран для содержания войска и пополнения ханской казны. Именно вопрос выплаты дани – ясака – и являлся центральным вопросом взаимодействия с покорёнными народами.

Основным её элементом являлись баскаки – сборщики дани. Однако в нашей стране они весьма быстро эволюционировали, превратясь в полномочных представителей хана, и имели право принимать в экстренных ситуациях на себя полную власть. Определённое место в этой системе занимали и местные властители покорённых народов. Фактически они и осуществляли текущее политическое и иное управление, взаимодействовали с басками и т.д. Не последнее место в этой системе занимали и специальные порученцы хана – обладатели пайцзы. Проанализировав эту систему, мы должны будем отметить, что в разных формах она существует в нашей стране и по сей день, без крупных содержательных изменений.

Третьим крупным социально-историческим концентром эволюции политической власти в нашей стране стало правление императора Петра I. В ракурсе представляемого исследования ему могут быть даны две оценки. С одной стороны, справедливости ради, необходимо отметить, что наиболее глубокие и существенные преобразования были произведены Петром не столько в политике или экономике, сколько, прежде всего, в ментальном и культурном мироощущении народа.

С другой стороны, все петровские деяния можно охарактеризовать одним словом – модернизация. При этом модернизация весьма жёсткая и размашистая. Однако необходимо отметить, что многие из своих преобразований Пётр проводил далеко не на «пустом месте». Так, например, первые регулярные полки русской армии, устроенные на иностранный манер, появились ещё в 1630 году. Такие же примеры могут быть приведены и в отношении ещё ряда моментов.

В общем и целом, следует учитывать, что все данные преобразования несколько не изменили принципиальных основ полити-

ческой власти в России, но, скорее, более их укрепили. Именно петровские преобразования дали возможность фактически окончательно законсервировать принципиальную основу функционирования института политической власти в нашей стране. И ведь совсем не важно, какова, собственно говоря, институциональная структура, то есть чем она представлена: коллегиями, присутствиями, министерствами или наркоматами. Суть её остаётся всё той же: **сохранение своего нынешнего состояния любыми путями, методами и средствами, повышение коэффициента энтропии.**

Говоря о перспективах развития политической власти в нашей стране в ракурсе её социально-исторической эволюции, следует отметить, что здесь существует весьма ограниченное количество прогностических сценариев, а конкретно, три.

Первый – ресурсный, в условиях которого практически все ресурсы, получаемые любыми путями, в том числе и за счёт огромной общественной экономии, будут направлены на поддержание максимально возможного коэффициента энтропии для системы власти.

Второй – инновационный, реализуя который стране предстоит пройти огромную модернизацию в ракурсе повышения эффективности функционирования властной системы и снижения затрат на таковое функционирование.

Третий – дезинтеграционный, с последующей аннигиляцией всей политической властной системы современного вида.

Осуществление первого сценария сейчас происходит на наших глазах. Второй сценарий либо может стать закономерным продолжением первого с определённой перспективой, либо не будет иметь места вообще, и тогда страну и общество ожидает третий сценарий.

Д. В. Суворов*

О сущности и типологии современной российской власти

В современной научной и публицистической литературе активно и, можно сказать, весьма эмоционально обсуждаются проблемы, связанные с характеристиками и сущностью современной российской власти всех уровней. Степень разброса мнений и оценок как всегда впечатляет – в России, как известно, центризм не в почёте. При этом, вне зависимости от принадлежности конкретного автора к той или иной научной или социально-политической парадигме, обычно констатируется как факт наличие в России той или иной формы демократии (хотя бы в виде некоей основы). Этот момент, естественно, оценивается «с разных сторон баррикады» диаметрально противоположно: если либералы оценивают эту ситуацию позитивно, то для сторонников традиционалистских, коммунистических или националистических концепций само слово «демократия» является бранным (достаточно вспомнить приснопамятный жупел «дерьмократы»).

Однако наличие в России хотя бы эмбриональной демократии является ли аксиомой? Этот вопрос сразу же порождает и другой: можно ли возлагать ответственность за сегодняшние российские проблемы на демократию как феномен (что всегда делают оппоненты либерализма)? Однозначного ответа на эти вопросы не существует, и для решения данной проблемы необходимо рассмотреть интересующее нас явление в нескольких ракурсах.

В своё время Брониславом Малиновским, с одной стороны, и Карлом Поланьи и Джорджем Далтоном – с другой, была создана теория о трёх основных формах обмена деятельностью и распределения произведённого продукта, существующих в обществе; на основании этой типологии К. Поланьи создал так называемое «субстантивистское» направление в экономической антропологии. Три

* *Дмитрий Владимирович Суворов* – ст. преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

основные формы, составляющие содержание данной теории, определяются как *реципрокация* (термин Б. Малиновского; от лат. *retiprocare* – возвращать назад), *редистрибуция* (термин К. Поланьи; от лат. *redistributere* – перераспределять) и *товарообмен*. Сущность этих феноменов современный российский исследователь Е. Стариков определяет так: «Реципрокация – наиболее ранний тип интеграции экономики, зародившийся ещё в эпоху присваивающего хозяйства. Это добровольный обмен материальными благами и услугами между равноправными членами общества на основе взаимных обязательств. Характерные признаки реципрокации – симметричность и горизонтальность. ... Отношения редистрибуции возникают, когда появляется избыточный продукт. Редистрибуция – натуральный неэквивалентный вертикальный продуктообмен в виде принудительного изъятия и концентрации центральной властью прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта с целью его последующего натурального перераспределения¹. Поскольку при редистрибуции не может быть симметрии и горизонтальности отношений, то есть равенства между партнёрами, то появление редистрибуции знаменует собой раскол общества на иерархически ранжированные статусные группы с неравенством в правах и обязанностях, с властью одних над другими, ... с отношениями эксплуатации и неравенства. ... Товарно-денежный обмен – это добровольный, горизонтальный (ибо товар – всеобщий левеллер), основанный на законе стоимости, то есть эквивалентный обмен между суверенными субъектами-товаровладельцами, облекающий отношения людей в безлично-вещную форму»².

Надо отметить, что К. Поланьи не придавал всем описанным выше формам социально-экономической интеграции характера исторической стадийности. Согласно мнению К. Поланьи, «формы интеграции не представляют собой необходимых «стадий развития». Несколько подчинённых форм могут присутствовать наряду с господствующей, которая сама может возникнуть снова после временного исчезновения»³. Этот момент необходимо отметить особо, так как (в противовес бытующим вульгарно-псев-

¹ Именно данный феномен определён у К. Маркса и Ф. Энгельса как «азиатский способ производства».

² *Стариков Е. Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 13–14.

³ *Polanyi K.* The Livelihood of Man. New York; San Francisco; London, 1977. Цит. по: *Стариков Е. Н.* Указ. соч. С. 14–15.

домарксистским представлениям) сущностно архаические формы социально-экономических отношений отнюдь не являются достоянием прошедших веков – эту истину «блестяще» подтвердили тоталитарные сообщества XX века.

Теперь впору задать вопрос: к какой из описанных К. Поланьи – Дж. Далтоном форм ближе всего стоит современная российская власть? Для ответа на этот вопрос достаточно вспомнить, что в современной России государство держит под непосредственным контролем до 80 % экономики – положение, немислимое в любом «нормальном» (то есть ориентированном на рынок) обществе⁴. Напомним: в западном мире не прекращаются споры между адептами либерализма (парадигма Ф.А.фон Хайека – М. Фридмана – С. Кузнецца), всецело доверяющими рынку как саморегулирующейся системе, и сторонниками кейнсианской модели, допускающими *ограниченное* вторжение государства в рыночные отношения (такова, например, позиция Дж. Гэлбрайта). Вне зависимости от принадлежности конкретных авторов к той или иной экономической модели (и от степени правоты той или иной модели) обе парадигмы основываются на *рыночных отношениях* и на принципиально «дозированной» роли государства в экономической системе (эта концепция нашла своё концентрированное выражение в теории «минимального государства» Роберта Нозика). Однако огромные масштабы вторжения российского этатизма в экономику имеют только одну, но весьма выразительную аналогию – доантичные (в частности, древневосточные) сообщества. Ведь такая концентрация мощных экономических рычагов в руках государственных структур – даже вне зависимости от субъективных намерений власти – объективно даёт редистрибутивный эффект: гигантское сосредоточение материальных ценностей в руках фактического властного монополиста просто провоцирует вертикальное перераспределение (да, собственно, ради возможности монопольного и

⁴ Концентрация экономических мощностей в руках группы или клана, стоящего у власти, в западном мире не часто, но встречается (достаточно вспомнить феномен семейства Берлускони в Италии, во многом напоминающий по стилистике семейство Ельциных или Маркосов). Однако даже в данном случае экономическая концентрация носит *приватный* характер (материальные ценности находятся во владении конкретной семьи, *временно* стоящей во главе страны) и не превращается в систему, типичную для современной России.

бесконтрольного перераспределения государство и проводит такую политику!). Редистрибуция же, как показывает даже поверхностный анализ истории, никогда не «сожительство» с либеральными тенденциями в социальной жизни. Стоит вспомнить, что определение социализма как государственного капитализма (знакомый признак!) принадлежит Ленину, а железобетонную формулу «В государстве – всё, вне государства – ничего» вывел Бенито Муссолини... Тем более что – если снова вспомнить Р. Нозика – современное российское государство явно выказывает тенденцию отнюдь не к «минимализации», а скорее к форсированной «максимализации», со всеми вытекающими отсюда футурологическими прогнозами.

Затем. Как уже отмечалось выше, редистрибуция классиками марксизма ассоциировалась с «азиатским способом производства» (по определению А. Ахиезера, с «потестарной формой»). Историк из США Д. Тредголд выделил пять основополагающих признаков подобного государственного и социально-экономического типа: политический монизм (сосредоточение власти в одном центре), социальный монизм (центральная власть определяет права и нормы собственности различных социальных групп), слабо выраженный принцип собственности (последняя не гарантирована верховной властью), господство произвола (властвует человек, а не закон), отсутствие понимания личности как абсолютной ценности. Е. Стариков добавляет к этому списку: полный примат вертикальных социальных связей над горизонтальными (и даже борьба с последними), социальную «механистичность» (все общественные связи и отношения предельно «сконструированы» и ритуализированы), матричность (способность самовоспроизводиться – впрочем, это фундаментальная особенность *всех* социальных систем, что хорошо известно современной социологии), крайнюю жёсткость и неспособность к оперативной гибкости (по словам Н. Эйдельмана, такие системы «либо не гнутся, либо сразу ломаются»). Имеют все приведённые характеристики отношение к современному модусу российской власти? Ответ очевиден: хотя бы частично де-факто всё вышесказанное есть повседневные реалии российской властной практики. Подчёркиваю: речь идёт не о декларациях и не об юридических установлениях, но единственно – о практической повседневности, которая пока предельно далека от либерально-демократического идеала. Достаточно привести убийственный факт: по уровню реализуемых прав человека (гаранти-

рованных Конституцией РФ!) наша страна занимает 133 или 134 место в мире, уступая по этим показателем Республике Тринидад и Тобаго...

Наконец. В современном менеджменте известна модель «континуум Р. Лайкерта» – непрерывная экспонента плавно перетекающих друг в друга стилей управления. По Лайкерту, таких стилей – 4:

- 1) **эксплуатационно-авторитарный** (чистая автократия);
- 2) **благожелательно-авторитарный** (от наказаний к поощрениям, ограниченное участие подчинённых в принятии решений);
- 3) **консультативно-демократический** (делегирование подчинённым малозначительных полномочий);
- 4) **чистая демократия** (участие подчинённых в принятии решений на всех уровнях).

С данной моделью перекликаются и иные – в частности, модель Д. МакГрегора о «стиле Х» (авторитаризм, опора на принуждение, наказания и контроль; предполагается, что люди прежде всего требуют *защищённости*) и «стиле Y» (опора на мотивационные механизмы, доверие к персоналу; предположение, что у человека высок творческий потенциал). В случае «Х» искомой целью власти является «укрепление властной вертикали» (что, как известно, *прямо* декларируется в РФ в качестве кардинальной стратегии и тактики), в случае «Y» – нечто прямо противоположное, преобладание горизонтальных двусторонних связей (что во властной практике сегодняшней России не только не доминирует – большинство власть предержащих искренне не понимает даже самого механизма функционирования подобной структуры, да и не видит в ней ни малейшей необходимости).

Широко известна и модель В. Вруума – Ф. Йеттона, где – также в виде непрерывной экспоненты – предлагается следующая схема управленческих стратегий:

- а) **A** (авторитаризм):
 - A1** – руководитель принимает решения *самостоятельно*, используя имеющуюся у него информацию;
 - A2** – руководитель получает информацию от *подчинённых*, но принимает решения *сам* (может даже не сообщать подчинённым, зачем у них «добывалась» информация);
- б) **K** (коллегальность):
 - K1** – руководитель сообщает о возникновении проблемы *соответствующим* подчинённым, слушает их мнения, каждого в

отдельности, индивидуально, затем принимает решение с учётом или без учёта мнения подчинённых;

К2 – руководитель сообщает о проблеме на собрании группы, выясняет её мнение, затем принимает решение, *учитывая или нет* мнение группы;

в) **Г** – групповой (партиципативный – т. е. соучаствующий) стиль:

Г – руководитель сообщает о проблеме подчинённым как группе, выступает в роли координатора, принимает предложенное группой решение.

Существуют также модели Ф. Фидлера – А. Лейстера, Р. Танненбаума – В. Шмидта, Д. Стинтона – С. Джонсона, Л. Херси – Р. Бланшара и ориентировочная анкета В. Смейкла – М. Кучера⁵: все они так или иначе перекликаются с моделью Р. Лайкерта. В любом случае, главным критерием присутствия или отсутствия хотя бы элементов демократии в системе интересующих нас моделей служит механизм *принятия управленческих решений*.

Если применить вышеприведённые модели к современной российской жизни, то диагноз будет прямым и недвусмысленным: в современной России имеет место *благожелательный авторитаризм*. Он существует в России как преобладающая тенденция – при том, что в каких-то конкретных своих проявлениях сегодняшняя власть сдвигается в сторону консультативной демократии, а в каких-то, увы, даже в сторону чистой автократии (достаточно вспомнить стилистику принятия нового – а на самом деле подновлённого старого – российского гимна). Самое главное здесь – механизм принятия управленческих решений: вне зависимости от произносимых деклараций этот механизм не только на стратегическом, но, в большинстве случаев, и на тактическом уровне носит откровенно авторитарный характер.

Таким образом, демократия в России на сегодняшний день – не результат социально-экономического развития, но единственно *цель*, причём более декларативная, нежели прагматическая. Какие-то отдельные (зачастую значительные) демократические тенденции и потенциалы в современном российском социуме безусловно присутствуют, но облик и семантику властных структур и даже властной традиции определяют не они.

⁵ См.: *Суворов Д. В.* Основы делового общения. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2004. С. 284–296.

Сказанное ни в коем случае не должно восприниматься как дезавуирование современной ситуации в нашем Отечестве – мы имеем счастье (или несчастье?) жить в переходном периоде российской цивилизации, и другого положения, наверное, ждать было бы наивно. Напомним, что в эпоху Горбачёва на страницах советской печати шли бурные споры – можно ли из тоталитарного строя сразу перескочить в демократию, минуя авторитарную стадию? Склонность к скачкообразности и даже апология последней – характерная черта российской ментальности... Как показала историческая практика, жизнь распорядилась иначе, и «прямого прыжка в демократию» не получилось: демократические ценности и навыки не могут быть трансплатированы мгновенно, им надо учиться. Вот только неясно, собирается ли нынешняя российская власть «учиться демократии» или же её вполне устраивает сегодняшняя авторитарная ситуация: самые поверхностные наблюдения над отечественной властной практикой и полная социальная пассивность россиян в деле защиты своих социальных прав не дают надежды на оптимистический вердикт в прогнозировании российского социально-политического будущего.

Политический режим в современной России

Сложившийся в последние годы в России политический режим вряд ли можно в чистом виде отнести к какой-то одной модели. Выйдя из недр тоталитаризма, политическая система России пытается обрести черты развитой демократии. Однако пока политический строй в нашей стране отягощен признаками и иных политических режимов.

Следует учитывать, что для России тоталитарная власть в XX в. представлялась в массовом сознании естественным явлением. И до сих пор определенная часть населения России воспринимает тоталитарную власть как нормальное явление. Вместе с тем в России появилось множество свидетельств, которые отличают нынешнюю политику от тоталитарной. Нет единой, навязываемой всем и жестко контролируемой идеологии, существует многопартийность, государство не вмешивается в личную жизнь граждан, осуществимы многие свободы, есть гласность.

В то же время власть еще больше отделилась от народа, нежели при тоталитаризме. Многие противоречия, возникшие еще в эпоху социализма, не разрешены. Идет очень жесткая борьба за статус в высших эшелонах власти. Ослабли контрольные функции власти, что позволяет элите решать свои корпоративные проблемы за счет общества. Неустойчивость этой ситуации и сложность социально-политической обстановки затрудняют процессы демократизации России и создают условия для усиления в стране авторитаризма.

С другой стороны, налицо **черты демократии**: строятся основы правовой государственности и создаются устои гражданского общества; власть на федеральном и местном уровнях выбираема и сменяема; действуют механизмы непосредственной демократии

* Александр Павлович Попов – аспирант каф. социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

(референдумы), существует система разделения властей в государстве (хотя существует определенный перекоп полномочий в сторону исполнительной ветви); гарантированы основные права человека (свобода совести, слова, собраний, организаций и пр.), реально действует политическая оппозиция, в том числе и «непримиримая»; формально судебные органы независимы от властных (хотя это и не всегда соблюдается, особенно на местах); в экономике складывается свободный и конкурентный рынок при многообразии форм собственности; есть признаки внешней независимости средств массовой информации и коммуникации (хотя налицо их фактическая связь с финансовыми «империями»).

В результате складывающийся демократический политический режим несет на себе четкие отпечатки экономической и политической олигархизации, что свидетельствует об усилении авторитарных тенденций в государстве.

Функционирующая в России общественно-политическая система во многом не отвечает общепринятым критериям демократии, важнейшие из которых – репрезентативность власти и ее ответственность перед обществом, наличие действенного общественного контроля за властью. Аналитики характеризуют эту систему терминами «авторитарная демократия», «режимная система», связывая ее возникновение со слабостью государства и незрелостью гражданского общества.

Существующая конфигурация политической власти создает специфическую ситуацию, при которой **легитимизируемые всенародным голосованием институты государства (президент и Дума), участвуя в формировании исполнительной власти, реально никакой ответственности за ее деятельность не несут**. Правительство, назначаемое президентом и только ему подотчетное, в любой момент может быть отправлено в отставку по соображениям политической целесообразности или вследствие «подковерной» борьбы.

Согласно Конституции Российской Федерации, Государственная Дума зависит от решений Совета Федерации, формирующегося на основе регионального представительства. При этом законодательная власть Федерального Собрания, в свою очередь, ограничена, во-первых, правом президента издавать указы, имеющие силу законов, и, во-вторых, практикой издания исполнительной властью многочисленных подзаконных актов, способных сорвать выполнение любых законов.

В рамках действующей системы партии практически не имеют возможности выполнять роль посредника между обществом и властью, что характерно для демократических государств.

Поскольку ни парламентское большинство, ни парламентские коалиции не обладают правом формировать правительство, **борьба партий на выборах и сами выборы лишены того смысла, которым они наделены в демократических государствах.** Победа партии на выборах не дает ей возможности проводить курс, заявленный в программе, а статус Думы не позволяет эффективно контролировать исполнительную власть. Поскольку ни одна партия не в состоянии реализовать свою предвыборную программу, граждане утрачивают главный стимул для участия в избирательных кампаниях.

У Российского государства отсутствует долговременная стратегия развития при обилии разного рода федеральных программ, слабо увязанных между собой и финансово необеспеченных. Государственная политика отражает компромиссы между различными группами разношерстной элиты и турбулентные движения внутри общества.

При отсутствии массового гражданского самосознания, фрагментарности общества и его отчужденности от власти правящая элита выработала определенный механизм поддержания относительной стабильности внутри себя и общества в целом. В этот механизм встроены парламентские партии, включая КПРФ, претендующую на роль выразителя протестных настроений населения. Став элементом политического режима, они, однако, не являются реальным противовесом корпоративным группам правящей элиты. По мере перераспределения власти между центром и региональными элитами в пользу последних роль общероссийских партий как политических акторов может еще более сократиться.

Неспособность партий выполнять функцию защиты групповых интересов, рост влияния корпораций и масштабов их лоббистской деятельности, распространение коррупции при пассивности и разобщенности населения делают реальной перспективу формирования клиентарного общества вместо общества гражданского. (Клиентела – совокупность клиентов какого-либо патрона; форма социальной зависимости, близкая к рабству).

Следует отметить, что **наряду с тенденцией к авторитаризму и олигархизации власти действует и противоположная тенденция — укоренения в общественном сознании об-**

щедеродемократических ценностей. По данным Института социологического анализа, от 67 до 98 % населения разделяют ценности, нехарактерные для традиционной этатистской политической культуры России: свобода необходима российским гражданам не меньше, чем людям Запада; жизнь человека является самой большой ценностью; закон обязателен для каждого – от президента до простого человека; частная собственность священна и неприкосновенна; государство тем сильнее, чем выше благосостояние населения.

Ввиду неэффективности российской власти растет число сторонников внесения в Конституцию таких изменений, которые позволяли бы реформировать политическую систему путем перераспределения полномочий в пользу Государственной Думы, правительства и премьера. Независимо от политических ориентаций многие из них выступают за предоставление парламентскому большинству права формирования правительства и контроля за его деятельностью.

Например, известные политологи Л.Ф. Шевцова и И.М. Клямкин считают оптимальной для современной России президентско-парламентскую модель организации власти с разделением её между избираемым населением главой государства и главой правительства, которое формируется парламентским большинством и опирается на его поддержку. В рамках этой модели они предлагают следующее разделение полномочий: президент должен осуществлять контроль за всеми ведомствами, имеющими отношение к безопасности и правопорядку, а премьер – нести ответственность только перед парламентом за положение дел в экономике и социальной сфере.

А. М. Боталов*

Варианты трансформации модели политической делегации в современной России

Сегодня в России необходимость именно эволюционного, а не революционного пути развития политических выборов как механизма политической делегации почти ни у кого не вызывает сомнения. Так, С.А. Ланцов подчеркивает, что становление современной демократической избирательной системы в странах Запада «происходило без революционных потрясений... Примером могут служить наиболее стабильные демократические государства Европы – скандинавские. В каждом из них для упрочения парламентских норм и формирования демократических избирательных систем потребовалось около ста лет»¹.

В нашей же стране любая очередная реформа занимает в лучшем случае годы (несмотря на то, что со стороны это может выглядеть даже комично). Причем эта практика была начата еще Петром I, который не гнушался даже тем, чтобы для осуществления в кратчайшие сроки реформы образования «выписывать» из-за границы не только преподавателей, но и студентов» (об этом пишет, например, Т.Г. Лебедева)².

Для быстрейшего перехода системы наделяния властью народных представителей с коммунистических рельсов на демократические новая избирательная система была сформирована настолько стремительно, что не только не была глубоко осознана избирателями, но даже породила в их сознании отторжение данной

* *Алексей Михайлович Боталов* – канд. полит. наук, директор Центра содействия социальному партнерству (г. Екатеринбург).

¹ *Ланцов С. А.* Российский исторический опыт в свете политической модернизации // Полис. 2001. № 3. С. 94.

² *Лебедева Т. П.* Религиозное измерение политической традиции: Запад и Россия // Вестник московского государственного университета (серия «Политическая наука»). 2002. № 1. С. 97.

системы. Простым примером такого отторжения могут служить многочисленные факты игнорирования избирателями политических выборов и отчаянные попытки властей придать результатам выборов легитимную окраску.

Если попытаться найти аналогию сегодняшнего положения системы политических выборов в России с положением, в котором оказалась петровская реформа образования, то можно сказать, что для успешного внедрения демократической модели политической делегации в форме политических выборов в России необходимо «выписать» с Запада не только саму модель, но и электорат.

Вполне обоснованным представляется сегодня и вопрос о необходимости выбора такого пути эволюции современной российской системы политической делегации в форме политических выборов, которая учитывала бы российскую политическую специфику и не обрекала бы внедряемую модель на то, чтобы стать одним из современных российских политических симулякров.

Вероятно, правильным будет выделить четыре основных варианта, которые предлагается сегодня рассматривать как возможные направления развития системы политической делегации в современной России.

Первый подход отражает официальную точку зрения действующей российской власти, которая активно использует перенесенную с западной почвы модель политической делегации в форме политических выборов для сохранения самой себя, одновременно разрабатывая и осуществляя ряд формальных мероприятий по совершенствованию системы политической делегации посредством политических выборов. Во главу угла здесь ставится тезис о «необходимости повышения политической культуры избирателей и организаторов выборов», последствиями которого должны стать «справедливая организация» выборов и осмысленное участие избирателей в них. При этом происходит плавное или резкое (в различных случаях по-разному) понижение планки, которая определяет легитимность выборов, например, на муниципальном уровне.

Вторым подходом можно назвать мнение тех ученых, которые настаивают на необходимости переноса на российскую политическую почву не отдельных элементов систем политической делегации, действующих в различных странах, а предельно точного копирования уже действующей в той или иной стране модели. В качестве возможного образца здесь приводится «смешанно-связанная» избирательная система, действующая на выборах в Гер-

манский парламент, которая «работает так же, как и пропорциональная, при этом обеспечивается тесный контакт между парламентарием и избирательным округом, в отсутствие которого часто упрекают пропорциональную систему»³.

Третьим подходом правомерно будет назвать мнение тех, кто рассматривает как реальную возможность внедрения на российской политической почве системы обязательного участия избирателей в политических выборах. Причем ссылка в рамках данного подхода осуществляется на мировой опыт развития демократии в таких странах, как Австралия, Новая Зеландия, Бельгия, Греция, Турция, Аргентина, где участие в политических выборах абсолютного большинства населения и, как следствие, повышение степени ответственности граждан за политический процесс в стране достиглось за счет создания системы обязательного участия граждан в голосовании на выборах (при одновременном выполнении всех демократических принципов проведения выборов). Причем возможность использования подобных технологий зондировалась российскими властями на самом высоком уровне (в лице председателя Центральной избирательной комиссии А.И. Вешнякова).

В качестве четвертого подхода можно отметить точку зрения тех ученых и общественных деятелей, которые говорят о серьезных проблемах, заложенных в тело российской политической системы, из-за серьезных недочетов, допущенных при конституировании такой новой социальной общности, как Российская Федерация образца 1993 года. Действительно, сегодня все громче звучат голоса тех, кто придерживается мнения о недостаточной легитимности действующей верховной (а значит и управительной) власти в России, по той причине, что «единственной легитимной властью в России является власть российского самодержца, дарованная ему Богом, но незаконно отобранная в результате революционных событий 1917 года». Об этом пишут, например, А.С. Зубов и В.А. Колосов, по мнению которых «в марте 1917 года произошло полное изменение источника власти от благодатного закона к противобожескому беззаконному насилию»⁴, и поэтому в новой России

³ *Голосов Г. В.* Пределы электоральной инженерии: «смешанные» и «несвязанные» электоральные системы в новых демократиях // *Полис*. 1997. № 3. С. 104.

⁴ *Зубов А. Б., Колосов В. А.* Что ищет Россия? Ценностные ориентации российских избирателей 12 декабря 1993 года // *Полис*. 1994. № 1. С. 88–95.

отсутствует социальный организм. В рамках такого подхода Конституция России образца 1993 года рассматривается как Основной Закон, который лишь возглавил пирамиду фиктивного законодательства.

Однако, какое бы из перечисленных направлений ни выбрали действующие российские власти, остается надеяться, что совершенствование современной российской системы политической делегации все-таки пойдет эволюционным путем и не будет связано с новыми потрясениями.

Снижение публичности российской политики в начале XXI века

Термин «публичность» используется в данном тексте в противовес понятиям «непубличность», «подковерность», «кулуарность». Публичная политика рассматривается с точки зрения возможности общества оказывать влияние на выработку и принятие решений, имеющих общегосударственное значение, дабы они, а также соответствующие программы действий, отвечали запросам различных групп населения. Публичная политика возможна только в условиях развитых коммуникаций между властными и общественными группами по поводу целей и задач государственной власти. Осуществление процессов взаимодействия происходит с помощью определенных каналов связи, причем многосторонних. Проанализируем наличие соответствующих связующих структур и их характеристики в современной России.

Классическая цепочка посредников между властью и обществом – это депутаты и политические партии. В самом названии депутатской власти – представительная власть – заключена их функция представления интересов населения при подготовке властных решений. Политические партии, в свою очередь, могут обеспечить корректное выявление реальных потребностей жителей и выражение этих потребностей и проблем в виде своих предвыборных программ. Представленность в парламенте различных групп населения определяется избирательной системой. Крайне важно, чтобы в представительных органах обеспечивалось присутствие меньшинств, так как от этого напрямую зависит представленность в парламенте различных точек зрения, а также то, насколько будут стимулироваться диалоговые процедуры и коалиционные механизмы. В России в 2005 году осуществлен переход от смешанной к пропорциональной избирательной системе, про-

* *Анна Сергеевна Заборенко* – главный специалист Департамента внутренней политики Губернатора Свердловской области (г. Екатеринбург).

ходной порог повышен до 7%. В условиях исключения граждан из процесса определения списков кандидатов от политических партий и наращивания потенциала единой «правлящей партии» существует риск превращения парламента в машину для штампования решений исполнительной власти. В сфере исполнительной власти на региональном уровне поле прямого участия общественности также сузилось. Избрание руководителей российских регионов напрямую гражданами отменено, принята система избрания Губернаторов через одобрение депутатами Законодательных Собраний регионов по представлению Президента РФ. Таким образом, представительство граждан во властных структурах носит теперь преимущественно опосредованный характер, прямое взаимодействие с органами власти и возможность влияния на государственные проекты через них отсутствуют (исключая пока муниципальный уровень).

В условиях сужения политических возможностей населения, традиционной цепочки посредников в лице представительных органов оказывается явно недостаточно. Участие граждан в жизни государства осуществляется через многочисленные общественные организации и различные консультативные и общественные советы при органах исполнительной власти. В России в отношении некоммерческих и общественных организаций можно говорить об усилении мер госконтроля. Согласно новому законодательству, российские чиновники получают возможность решать, какие проекты общественных организаций отвечают национальным интересам России, а какие нет, а также наделяются правом запрещать иностранным неправительственным организациям осуществлять проекты, не соответствующие целям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечению обороноспособности страны и безопасности государства. Следовательно, поле участия общественных организаций в формировании государственной политики также сужается.

Альтернативным вариантом призвана стать Общественная Палата, позиционируемая как экспертное сообщество. Создаваемый новый политический институт не предусмотрен Конституцией РФ, но в реальной политической ситуации, когда парламент, политические партии и другие институты представительства интересов граждан работают крайне слабо, Общественная Палата может создать новые каналы гражданского участия в формировании и реализации государственной политики.

В качестве связующих звеньев гражданско-властных отношений можно выделить средства массовой информации. Ситуация в российской медиасфере характеризуется не столько сокращением количества независимых от органов власти СМИ, сколько отсутствием нейтральной прессы. СМИ предоставляет обществу строго ограниченную по содержанию и насыщенности информацию. Расширяется практика использования специальной властной терминологии, начиная с «удвоения ВВП» и заканчивая «национальными проектами», усиливается единообразие в освещении государственных вопросов, не редки случаи давления на позицию журналистов в освещении «острых вопросов».

Огромное влияние на принятие политических решений оказывают предпринимательские структуры и финансово-промышленные группы. Посреднические цепочки в этом случае все чаще приобретают характер непубличных, нежели публичных, причем первые существенно более развиты и включают в себя различные механизмы влияния как на депутатов, так и на структуры исполнительной власти, результатом чего является развитие коррупции.

Таким образом, даже на основе поверхностного анализа можно говорить о сужении каналов взаимодействия власти и общества, а соответственно, и снижении такой характеристики российской политики, как публичность. Отсутствие коммуникации между властными структурами, планирующими и проводящими социально-экономические проекты, и непосредственно обществом порождает неэффективность всего политико-экономического курса и реализуемых в стране реформ. В качестве примера можно взять наиболее масштабные социальные проекты последних лет – реформу пенсионной системы и монетизацию льгот. Цели обеих реформ не только не были достигнуты, напротив, результат оказался обратным. На компенсации и исправление ошибок было выделено средств больше, чем планировалось сэкономить в ходе самих реформ.

В настоящее время новая система взаимоотношений власти и общества и, соответственно, каналов взаимодействия, определяющих публичность политической сферы, еще не устоялась. Определены только «условия игры». Каковы будут практические результаты и последствия такого расклада сил, покажут ближайшие выборы государственного уровня.

В. А. Вольхина*

Развитие института полномочных представителей президента РФ в федеральных округах

Федеральные округа и институт полномочных представителей президента в округах были созданы в 2000 г. для «укрепления вертикали власти». Задачи, поставленные перед полпредами, были прежде всего контрольно-политическими. Сейчас, когда законы на местах приводятся в соответствие с Конституцией РФ, когда практически снята с повестки дня угроза распада страны, когда нет противостояния (по крайней мере, открытого) глав регионов и федеральных властей, встал вопрос об уточнении и трансформации функций полпредов. Аналитики, обращающиеся к этой теме, приходят к выводу, что институт полпредов должен быть интегрирован в правовую ткань российской государственности, а сами они должны стать не только «государевым оком», но и активным субъектом преобразований в регионах.

Выделяются следующие основные направления деятельности полпредов:

- работа над реализацией судебной реформы;
- работа с политическими партиями и общественными организациями;
- приведение в соответствие с Конституцией нормативной базы органов местного самоуправления;
- продолжение работы по координации в регионах структур федеральных ведомств.

Из этого можно вывести две основные тенденции. Во-первых, президент хочет формально занять полпредов теми вопросами, ко-

* *Вероника Александровна Вольхина* – аспирантка 3-го года обучения кафедры политических наук ФПНиС, ассистент кафедры политических наук ФПНиС факультета политических наук и социологии (ФПНиС), кафедры политических наук Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

торые сейчас наиболее актуальны на федеральном уровне, – реформированием судебной системы и инвентаризацией региональных партийных структур. Но эти вопросы не находятся в непосредственной компетенции полпредов, и, в сущности, ими занимаются совершенно другие структуры. Очевидно, что институт полпредов не сможет стать приводным ремнем указанных программ.

Во-вторых, в ситуации, когда еще не отрегулировано законодательство в ряде «горячих точек», полпредам предлагают заниматься муниципальным нормотворчеством, что является крайне сложной задачей, решить которую без помощи других структур и тех же губернаторов полпреды не смогут: нормативная база многих тысяч муниципальных образований с трудом поддается систематизации.

Отсюда можно сделать вывод, что потенциал института полпредов в федеральных округах на самом деле начинает иссякать. О расширении полномочий речь уже не ведется. Такой ключевой вопрос, как контроль над расходованием в регионах бюджетных средств, пока остается за рамками компетенции полпредов. Но не делается и абсолютно необходимая вещь – уточнение полномочий и организационно-управленческой схемы (институт федерального инспектора, единая форма координационных органов при полпреде и т.п.). В этой ситуации усиливается критический настрой губернаторов в отношении полпредов.

В основе продолжающихся проявлений недовольства лежит тот факт, что многие руководители регионов не находят должного понимания ни на одном из уровней строящейся федеральной вертикали власти: ни в центре, ни среди представителей Президента. Глава государства предпочитает общаться со своими представителями. Те, в свою очередь, рассматривают руководителей регионов как вполне реальных конкурентов в борьбе за влияние на местные элиты. Все это ведет к дальнейшему снижению роли региональных лидеров, которые, естественно, пытаются сохранить свою автономию от президентских «наместников» и не согласны безропотно «встраиваться» в новую вертикаль исполнительной власти.

Что касается самих полпредов, то их действия вписывались в логику затянувшегося процесса создания разного рода координирующих структур окружного масштаба. Поскольку федеральная власть так и не определила, какие структуры создаются в округах, самим полпредам пришлось в меру сил и возможностей их создавать. Только сейчас на новый уровень выходит процесс консоли-

дации спикеров законодательных собраний. Полпреды стремятся координировать региональное законодательство, добиваясь соответствия новых региональных законов федеральному законодательству. Проблема же федерального Центра заключается в том, что на сей счет до сих пор нет ясной установки и данный процесс не отлажен для всех округов в едином формате.

Деятельность полпредов президента в федеральных округах сейчас крайне слабо связана с повседневной жизнью людей. В случае изменения функций полпредов, превращения их из контролирующей инстанции в реальное управленческое звено с большей ориентацией деятельности на проблемы социально-экономического развития регионов, заинтересованность деятельностью полпредов и, соответственно, информированность об этой деятельности, возможно, станут выше.

Прогнозируя развитие института полпредов, можно предположить следующее. В значительной степени все зависит от интереса президента и его администрации к этому институту. С тех пор как центр переключился на другие задачи, полпреды все в большей степени действуют сами по себе, причем налицо нехватка уточняющих решений президента и отсутствие координации действий между самими полпредами. Если такая ситуация сохранится, то каждый федеральный округ продолжит выработку собственной управленческой схемы, которую потом придется долго состыковывать, а каждый полпред превратится в «агента» групп влияния. Вероятно, полпреды будут уходить от прямого вмешательства в выборные процессы и в связи с уменьшением числа выборных кампаний. Более спокойной и благоприятной нишей для них станет координация нормотворчества и консолидация экономической элиты, через которую косвенно можно будет влиять и на экономические процессы в регионах. Однако здесь все зависит от личной инициативы и активности полпредов, а различия по этим параметрам просто огромны. При этом на фоне бездействия Центра велика вероятность использования структуры федеральных округов финансовыми группами в своих собственных интересах, что уже наблюдается на примере Сибири.

Одних волнует вопрос, как надолго установилась новая власть в федеральных округах, других интересует проблема, связанная с ролью представителя президента в федеральном округе в формировании федеральных программ, распределении трансфертов и привлечении инвестиций. Но когда федеральный Центр стал про-

изводить назначение прокуроров, судей, других фигур в иерархии региональной власти без учета мнения руководителей субъектов РФ, в кругах губернаторов произошло некоторое смятение. Активно возражать Центру, находясь у него в полной финансовой зависимости, нельзя, но и терять свое элитное положение многим губернаторам также не хотелось. Укрепление вертикали власти в России пока носит характер чрезвычайной меры для установления единого правового и экономического пространства, укрепления стабильности в регионах и России в целом. В этой связи полезным может оказаться опыт (в том числе негативный) Российской империи, имевшей в прошлом институт генерал-губернаторства.

За последние годы произошло значительное развитие и укрепление института представительств республик в Москве. Они стали надежным связующим звеном между органами государственной власти субъектов РФ и федеральным Центром. Представительства осуществляют свои задачи в рамках Конституции РФ, опираясь на положения своих конституций и уставов, а также двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами федеральной власти и органами власти субъектов РФ.

Взаимодействуя с федеральными органами исполнительной власти, представительства обеспечивают не только национальные и региональные, но прежде всего общероссийские интересы. Представители субъектов РФ, работающие в Москве, активно взаимодействуют с федеральными министерствами и ведомствами. Они участвуют в реализации долгосрочных и среднесрочных общероссийских и региональных программ в экономической, социальной и культурной сферах, содействуют развитию международных и внешнеэкономических связей своих регионов. Представительства вносят вклад в продвижение экономических реформ, достижение финансовой стабильности и уменьшение социальной напряженности в отдельных регионах.

Н. С. Боровиков*

Политический режим современной России

Анализируя политический режим современной России, следует отдавать отчет, в каких условиях он начинал складываться, какие задачи стояли и стоят перед главой нашего государства. Следует признать, что в момент прихода В.В. Путина к власти перед ним стояла (и остается до сих пор) одна сверхзадача – модернизация России. Но в тот период прежде всего требовалось сохранить Российскую Федерацию: во-первых, остановить ее распад; во-вторых, заставить т.н. «олигархов» заниматься в первую очередь экономикой, а не политикой, как они привыкли это делать в период ельцинского президентства. Олигархи, получившие из рук последнего крупную собственность и задумывавшиеся как социальная и экономическая поддержка режима Ельцина, постепенно смогли привести к власти в регионах и в центре своих людей и занялись активным отстаиванием частных интересов во власти. В силу этого одна из задач Президента – монополизация политической власти законными политическими институтами России. То есть, фактически, Президент одновременно боролся за власть с крупным частным капиталом и с центробежными тенденциями в субъектах Федерации (в первую очередь, созданных по национальному признаку). Естественно, что подобную деятельность невозможно осуществлять в классическом демократическом политическом режиме, да еще при условии, что в России не существовало (да и не существует) окончательно оформившейся и структурированной политической системы.

Одной из наиболее важных характеристик политического режима, с точки зрения политологии, является его *стабильность*, позволяющая добиваться повышения управляемости общественных процессов. Естественно, что анализировать указанный признак

* **Никита Сергеевич Боровиков** – аспирант, ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского государственного педагогического университета (г. Владимир).

надлежит в сравнении, в первую очередь, с режимом, существовавшим в рассматриваемом обществе ранее. Сюда входят такие параметры, как сохранение системы правления и ее легитимности, обеспечение эффективности управления, отсутствие в обществе нелегитимного насилия и доминирования непризнаваемых обществом сил. Сюда же наука относит и отсутствие войн и вооруженных конфликтов, степень адаптации правительства к социальным изменениям, его опору на партии (представленные в законодательных органах), срок нахождения правительства у власти.

Оглядываясь на историю России последнего десятилетия XX века, становится ясно, что ни о какой стабильности речи и быть не может.

К этому выводу несложно прийти, сравнивая количество отставок правительства и смены премьер-министров, рост ВВП на душу населения, взаимоотношения высшей исполнительной и законодательной властей (наиболее ярко характеризуют ситуацию, с одной стороны, коммунистическое большинство в Госдуме по итогам выборов 1995 г., когда принимались заведомо невыполнимые законы о бюджете. С другой – появление в 2002 г. «Единой России», которая, в союзе с объединениями депутатов-одномандатников «Народный депутат» и «Регионы России», способствовала проведению Правительством последовательной политики при законодательной поддержке Федерального Собрания). Естественно, что во многом нестабильность 90-х была обусловлена переходным периодом в истории государства (например, смена системы правления), но огромная «заслуга» в нестабильности 90-х принадлежит и правящему режиму (чего только стоят две чеченские кампании).

Заслугой режима Путина в стабилизации политической системы в Российской Федерации является значительное снижение влияния крупного частного капитала на власть. Один из ярких примеров здесь – уход от системы осуществления власти т.н. Семейей, обращение вспять процесса сращивания капитала и власти.

Конечно, нынешний режим не может быть отнесен к *стабильным*, (этого и не может быть в принципе, после *крайне нестабильного* «режима Ельцина»), но его можно твердо классифицировать как *среднестабильный*.

Естественно, что в настоящее время налицо некоторые признаки нестабильности политического режима. Но при этом следует осознавать, что именно нестабильность чаще всего сопровождается процессами качественного реформирования, принципиальных преоб-

разований в обществе и власти, какие происходят сейчас в Российской Федерации.

Достаточно интересно анализировать современный режим по классической характеристике: демократический – авторитарный – тоталитарный. Нередко слышны упреки в адрес Президента, после принятия им каких-либо непопулярных решений, связанных с ограничением тех или иных прав и свобод (что детерминировано во многом достаточно высоким рейтингом В.В. Путина, что, в свою очередь, дает ему большой «кредит доверия» граждан) и возможность скатывания в авторитарное государство. Здесь следует вспомнить такой тип авторитарного порядка, как *режим личной власти (РЛВ)*, когда все политические отношения персонализируются в глазах общественного мнения. Но в данном случае необходимо четко разделять РЛВ и *плебисцитарную вождистскую демократию (ПВД)*, при которой многие политические институты (в первую очередь выборы всех уровней) есть лишь форма выражения народом своего отношения к лидеру, когда в своем выборе люди ориентируются на его позицию. Основное и принципиальное отличие РЛВ и ПВД заключается в том, что при последней отсутствуют законные ограничения демократических институтов и процедур.

С общим развитием политической системы в России мы, может, и уйдем от системы «плебисцитарной вождистской демократии» (хотя сторонники идеи «Россия – восточное государство», считают ПВД единственно реальной формой демократии в России), но в настоящее время, в условиях переходного периода в системе власти, ослабления экономики, демографического кризиса и проч., любое изменение режима будет крайне вредно и повлечет за собой сильную социально-политическую нестабильность. Российское общество слишком «привыкло» к демократии со времени распада СССР, чтобы позволить смену курса (да и международные геополитические игроки используют подобные изменения как один из рычагов-поводов давления на наше государство, чего нельзя допустить), – в этом случае страну ждет, в лучшем случае, «холодная» гражданская война плюс усилившееся давление снаружи.

Уход от ПВД в сторону демократизации, по мнению некоторых политологов, невозможен во многом в силу психологических особенностей россиян. Но гораздо большее значение здесь имеет следующий факт: несмотря на то, что российская политическая система прошла три избирательных цикла, что в политической науке

является неким критерием стабильности, следует признать, что в настоящее время она (система) сформирована неокончательно (как минимум отсутствие системной оппозиции, общая «незрелость» политических партий и т.п.). В этой ситуации было бы ошибкой позволять оказывать сильное неконтролируемое влияние на развивающееся государство нестабильным политическим институтам. Модернизация государства, безусловно, должна осуществляться объединенными усилиями всех ветвей власти, политических и общественных организаций, но обязательно при общей скоординированности их действий, исключающих повторение политических кризисов предыдущего десятилетия. Под скоординированностью здесь следует понимать осознание и принятие участниками общей глобальной цели и соблюдение ими единых «правил игры». К сожалению, в настоящее время данные условия нехарактерны для всей политической системы России, что не позволяет говорить о сложившейся «политической общности», а следовательно, неизбежен и необходим политический институт, определяющий и направляющий развитие государства, а также несущий за это всю полноту ответственности. Единственно возможным подобным институтом в настоящий исторический период в Российской Федерации является Президент. Следует признать, что за оставшееся до президентских выборов время вряд ли политическая система России «дозреет», а значит, в ближайшие несколько лет демократизация режима в сторону более широкого участия иных политических институтов в осуществлении власти противопоказанаправляющемуся, но все еще не выздоровевшему пациенту по имени «Российская Федерация».

А. П. Швецова*

Место и роль региональных и центральных элит в политическом пространстве

Место региональных элит в социально-политическом пространстве страны в целом оказывается достаточно спорным. Интерес сегодня вызывает еще и то, что существуют различные подходы к соотношению элит в Центре и Регионе.

Первый из них связан с определяющей ролью Центра.

За последние полтора десятилетия отношения между федеральной и региональной элитами РФ претерпели глубокие изменения, несмотря на существенное изменение территориально-государственного устройства страны, федеральный центр сохранил приоритет в отношениях с региональными элитами. Основой этого приоритета выступают концентрация в федеральном центре финансовых ресурсов (или плотный контроль над материальными, природными и иными ресурсами регионов); исторические традиции страны, обусловившие преимущественно подданнический модус отношений не только между элитой и массами, но и в рамках властно-управленческой иерархии; особенности современной политической системы России; специфика участия элитарных групп в процессах приватизации и перераспределения собственности; слабая корпоративная консолидация региональных элит.

Для воздействия на региональную политику федеральный центр использует всю совокупность находящихся в его распоряжении инструментов – административных (система территориальных органов федеральной власти, прежде всего институт Полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе), политических (поддержка лояльных центру политиков и организаций, в т.ч. на выборах в федеральный и региональные парла-

* *Анна Петровна Швецова* – студентка 5-го курса факультета подготовки государственных и муниципальных служащих УрАГС (г. Екатеринбург).

менты) и экономических (финансово-бюджетных). Эффективным средством давления на региональных лидеров стала так называемая проблема «третьего срока». Как известно, главы регионов получили юридическое право баллотироваться на третий срок, однако возможность его реализации зависит от центра: именно он решает, кто из губернаторов действительно сможет переизбраться.

Расстановка политических сил в регионах зачастую является отражением московских конфликтов, а предвыборные комбинации в субъектах Федерации порой определяются политико-экономическими интересами московских групп.

Второй рассматриваемый нами подход, напротив, связан с усилением власти в регионах.

Даже к данному вопросу существуют неоднозначные подходы, некоторые оценивают становление сильных регионов как отрицательный фактор, другие – как положительный. Постараемся рассмотреть данные точки зрения.

Чем слабее власть Центра, тем сильнее власть региональных элит.

Дезинтеграционные процессы породили феномен регионализации как реакции региональных элит на слабость центральных властей, их неспособность выработать адекватную концепцию государственного и социально-экономического строительства. Российский центр ослаблен внутренними противоречиями и теряет способность эффективно управлять государством. Возрастание роли региональных и национальных элит привело к тому, что некоторые их лидеры становятся влиятельными общероссийскими политиками.

Стремительное повышение роли и статуса региональных элит, которые в советские времена были всего лишь послушными проводниками политики Центра, оказалось не подкрепленным организационно:

1. Российская провинция испытывает дефицит квалифицированной административной элиты.
2. «Масса» всецело зависит от «начальства», взятка играет еще большую роль, чем в Центре.
3. Региональные элиты не обошла «раковая опухоль» всей российской элиты — криминализация.

Таким образом, можно сказать, что негативный аспект региональной элиты заключается в том, что она пытается присвоить себе часть функций, осуществляемых Центром, используя при этом незаконные способы и механизмы, налицо принцип «вотчинности»,

т.е. использование ресурсов территории как своих собственных, подчинение власти личным интересам.

Иная точка зрения связана с тем, что постоянные реформы, изменения, происходящие во властных структурах, вызвали ослабление контроля со стороны центральных властей. С самого начала 90-х годов процесс регионализации был, в основном, вызван отсутствием у Москвы стратегии работы с регионами и её неспособностью выработать конструктивную региональную политику. Когда центральные институты власти ослаблены, они не могут проводить ни рецентрализацию, ни децентрализацию. Многие вопросы регионы вынуждены решать самостоятельно, искать средства на реализацию многих программ. Региональные элиты вынуждены непосредственно контролировать плохо подготовленную реорганизацию власти, поддерживать которую центральные органы не хотят, но и остановить не могут. Отношения между региональными и центральными управленческими структурами – это итог не только их борьбы за властные полномочия и прерогативы, но и плод взаимной зависимости и убывания материальных ресурсов...

Как показывает практика, региональным лидерам приходится решать много насущных политических, экономических и социальных проблем своей территории. На этом фоне, собственно, и происходит формирование их как руководителей и эффективных лидеров. В процессе своего профессионального и индивидуального становления они сталкиваются с определенной совокупностью проблем роста, от решения которых уже зависит возможность лидера стать важным фактором сбалансированности, устойчивости и стабильности региона.

Как мы убедились, подходы к рассмотрению вопроса Центр-Регион далеко не однородны, одни говорят о сильном Центре, другие склонны говорить об усилении власти в субъектах РФ.

И все же необходимо признать, что ведущую роль продолжают играть именно региональные «избранные»:

1) именно элита в субъектах более приближена к различным ресурсам, хотя Москва и аккумулирует огромные средства, но они поступают именно из регионов;

2) до сих пор идет ожесточенная борьба между центральными и региональными элитами, причем последние стремятся получить большую власть. Москва, опасаясь объединения элит даже в рамках одного региона, предпринимает возможные шаги: запрет создания региональных партий (существуют только представительства региональных), назначение губернаторов, когда неугодных

центральной власти просто не станет, стремление оставить меньше средств в регионе, чтобы последний стал искусственно зависим от Москвы, обладая, на самом деле, достаточными ресурсами, и т.д.);

3) элита сама теперь стремится к закрытости, чтобы не допустить новичков, устанавливаются специфические для региона образцы, модели поведения с Центром, именно из-за этого очень часто возникают проблемы, в силу закрытости ограничиваются и каналы политические, экономические, социальные, остается меньше шансов использовать новые возможности, механизмы взаимодействия. Хотя в рамках современной ситуации то, что региональная элита стремится к самосохранению, недопущению Центра, может быть и положительной тенденцией.

Таким образом, можно увидеть, что региональные элиты стремятся занять достойное место не только в рамках своей территории, но и страны в целом.

Е. А. Лиманский*

Тезисы доклада «Роль регионализации в развитии федерализма в России»

Современное развитие федерализма в России очень тесно связано с усилением процесса регионализации мирового пространства.

Россия не может остаться в стороне от воздействия таких глобальных процессов регионализации, как расширение ЕС, интенсивное развитие приграничного и межрегионального сотрудничества.

Вместе с тем, копирование в наших условиях ЕС-овской практики регионального развития может иметь больше деструктивных последствий (в том числе и дать толчок к развитию центробежных сил в стране и ее дезинтеграции), чем положительных, особенно в условиях экономического кризиса и наличия серьезных региональных проблем, свойственных современной России.

В этой связи перед Россией встают очень серьезные проблемы в плане создания эффективно действующей системы федеративного устройства. С одной стороны, необходимо интегрироваться в европейское и мировое сообщество через интенсивную регионализацию и децентрализацию. С другой, – нужно стремиться к единству и целостности государства через укрепление «вертикали власти» и высокой централизации.

Действия президента по укреплению вертикали власти противоречат общемировым стандартам, так как в эпоху регионализации происходит ослабление национальных государств. Согласно точке зрения, доминирующей на Западе (а также получившей широкое распространение в России), централизация влечет за собой снижение эффективности государственного управления.

Вместе с тем, централизация обусловлена кризисом в стране в результате попытки децентрализации, а также отсутствием в российской политической системе механизмов, обеспечивающих ко-

* *Евгений Александрович Лиманский* – аспирант Алтайского государственного технического университета (г. Барнаул).

операцию и сотрудничество между общественными и государственными структурами.

В результате получается замкнутый круг: жесткая централизация препятствует складыванию механизмов демократического контроля и уничтожает стимулы к развитию гражданского общества. А децентрализация в краткий период, в свою очередь, не сопровождается формированием эффективной системы демократического контроля и, как следствие, становится причиной снижения эффективности государственного управления, распространения коррупции и т.д. В итоге возникает необходимость в новой централизации.

Наиболее эффективной моделью развития отношений между Центром и регионами в России на данном этапе должна стать более значительная децентрализация в сочетании с сильной центральной властью, которая создает институциональную среду и способствует конкуренции между регионами. При этом процесс усиления центральной власти должен остановиться на том уровне, который обеспечивает эффективную децентрализацию.

Для того чтобы децентрализация была эффективной, необходимо выполнение следующих условий:

1) Ключевым моментом в формировании развитого регионализма в России можно назвать становление региональной и локальной идентичности и ее постепенной конкуренции с идентичностью общенациональной. Неразвитое региональное самосознание не позволяет рассматривать регион как эквивалент самостоятельного гражданского общества. Согласно популярной в Европе концепции регионы являются своего рода «мостом», который оптимально связывает гражданское общество с центральными властями в государстве.

2) Необходимо реформирование политико-правового устройства Российской Федерации, выраженного в различии статусов и прав субъектов. Вопрос равноправия субъектов РФ играет большую роль в процессе регионализации. Данный вопрос включает в себя проблему выбора между системами симметричного и асимметричного федерализма, целесообразность сохранения национально-территориального принципа построения субъектов Федерации, проблему сокращения численного состава субъектов Федерации за счет их слияния.

3) Необходимо существенное «сглаживание» экономических диспропорций между регионами. При этом социально-экономичес-

кие факторы являются одними из важнейших факторов развития регионализма в России.

Данные проблемы на пути эффективной децентрализации появлялись постепенно, одна за другой. Вовремя не разрешенные, они «наслоились» друг на друга, так что решать их сегодня можно только одновременно.

Таким образом, для установления тесных связей с внешним миром России, как показывает опыт европейской интеграции, необходимо создать децентрализованные и региональные политические структуры. Для этого необходимо обеспечить самостоятельность регионов, обезопасить их от произвольного вмешательства федеральных органов государственной власти.

Тенденция к регионализации, проявляющаяся как закономерность планетарного масштаба, нашла в России присущую ее специфике форму выражения. Данная тенденция раскрыла одновременно нерасторжимую связь с потребностями совершенствования федерализма в контексте отношений «Центр – регионы» в политической, экономической, территориальной, идеологической сферах.

К вопросу о взаимодействии власти и бизнеса на региональном уровне

Модернизация системы государственного управления, направленная на построение единой вертикали власти в стране, вносит серьезные коррективы в деятельность политической и экономической элит, как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. На современном этапе развития эффективности и результативность деятельности властных структур во многом зависит от конструктивности взаимодействия последних с представителями бизнес-элиты. Представляется интересным рассмотреть отдельные аспекты и перспективы построения диалога власти и бизнеса на региональном уровне.

На сегодняшний день бизнес на региональном уровне достиг той стадии, когда консенсус в отношениях властной и деловой элит необходим для представителей обеих групп. В силу этого предлагается рассмотреть идеальную теоретическую модель взаимодействия власти и бизнеса, которая является неким эталоном взаимоотношений указанных структур в условиях рыночной системы. В данной модели акторы, представляющие интересы бизнеса, договариваются с властью о правилах игры и поручают контроль над их соблюдением государству как гаранту экономической безопасности, которое обязуется обеспечивать нормативное и правовое регулирование поля деятельности бизнеса. В свою очередь, предприниматели обязуются платить налоги и обеспечивать воспроизводство экономических ресурсов. Однако в ходе практической реализации данная модель подвергается воздействию ряда традиционных факторов, обусловленных спецификой конкретной территории.

1. Власть:

- ставит административные барьеры, мешающие добросовестно выполнять установленные правила, а затем использует негати-

* *Евгений Михайлович Гурарий* – студент 4-го курса УрАГС (г. Екатеринбург).

тивные санкции к появившимся в результате этого нарушителям (следствие этого – усиливающаяся коррупция);

- стремится за счет финансовых ресурсов экономических структур реализовывать имиджевые социальные проекты на «подведомственной» территории (благотворительная деятельность, программы социальной поддержки и др.);

- формально и неформально влияет на экономическую политику организации путем активного участия в назначении или отставке топ-менеджмента предприятия, функционирующего на «подконтрольной» территории (передел собственности).

2. Бизнес:

- стремится максимизировать прибыль и масштаб деятельности, уходит от добросовестного выполнения правил игры (сокрытие доходов, неуплата налогов);

- предпринимает попытки изменить установленные правила в сторону их либерализации (лоббирование собственных интересов путем продвижения своих кандидатов в законодательные и представительные органы власти и местного самоуправления);

- ведет свою собственную «игру», партнером в которой выступают отдельные представители властной элиты (коррупция).

В результате реальная хозяйственная практика в настоящее время существенно отличается от нормативной картины хозяйственной жизни страны, причем, как показывает эта практика, первыми правила игры нарушают носители властных полномочий. Сохранение и развитие неформальных практик принуждения бизнеса властью к дополнительным расходам на поддержание территорий, на наш взгляд, связано со следующими факторами:

1. Во главе регионов и муниципалитетов остались руководители, имеющие опыт партийной, советской и хозяйственной работы в условиях советской экономики, которые считают использование решения проблем территорий с помощью обширного привлечения ресурсов предприятий данностью. Проработав в хозяйственной отрасли региона длительное время, данные акторы имеют большой опыт ведения неформального торга с представителями предпринимательского сектора и с успехом перемещают финансовые ресурсы бизнеса для прикрытия брешей в экономике региона. Руководители такого типа благодаря крепкой мобилизационной психологии активно используют ресурсы бизнес-структур для решения практических проблем.

2. «Институционализированное спонсорство», используемое региональными и местными администрациями для финансирования

различных проектов: социальных, культурных, благотворительных. Данная практика поборов ведет к росту бюрократии и коррупции.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что власть, особенно на региональном и местном уровне, не является гарантом соблюдения установленных правил игры и производства общественных благ, поскольку сама является игроком, действующим на одной стороне с отдельными предпринимательскими структурами либо конкурирующим с ними. При таком подходе региональный и местный бизнес рассматривается властью не как самостоятельная экономическая и социальная сила, а как структура, призванная решать производственные и социальные задачи, устанавливаемые властями в рамках основных направлений регионального развития.

Таким образом, реализация данной «системы взаимодействия» власти и бизнеса, с одной стороны, позволяет решать накопившиеся на территориях социально-экономические проблемы, а также улучшает внешнюю среду для ведения бизнеса через налаживание отношений с местной властью. С другой стороны, добровольно-принудительное финансирование территории бизнесом способствует закреплению на региональном и местном уровнях институциональных структур, препятствующих его собственному развитию. Все это вместе подрывает доверие между властью и бизнесом.

Выходом из этого порочного круга может стать реализация президентской инициативы назначения губернаторов. В данном случае бизнес будет воспринимать такого актора не как хозяина территории, а как профессионального менеджера-управленца, с которым можно взаимодействовать только в установленных законодательством рамках. Однако модернизация инструментария государственного управления посредством проведения административной реформы не даст результата в сочетании с социальными реформами, ориентированными на увеличение контроля над основными источниками доходов территории и снижение расходов региональных и местных бюджетов.

Изменить сформировавшуюся систему можно только при решении проблемы недофинансирования территорий, которое сводится не только к приведению в установленные законом нормы расходных полномочий и собственных финансовых ресурсов, но и к созданию благоприятного экономического климата для ведения бизнеса на региональном и местном уровнях.

О. Г. Бекшенев*, Н. М. Севальнева**

Эволюция принципов государственной региональной политики

Для России государственная региональная политика имеет исключительно важное значение. Это предопределяется географическим положением: огромная территория, значительные различия климатических условий, контрастный рельеф, неоднородность расселения населения.

Региональная политика является, особенно для России, важнейшей составной частью экономической, экологической, социальной политики государства. Изменение принципов региональной политики означает смену общественно значимых целей. Меняющиеся ситуации в стране всегда вызывают изменения содержания и целей региональной политики.

Региональная политика России до 1917 г. основывалась на принципах повышения эффективности экономики регионов, при этом допускалось существование регионального неравенства, т.е. наличия богатых и бедных регионов. Также всячески поощрялось освоение новых территорий и ресурсов.

В период плановой экономики в СССР региональная политика характеризовалась следующими основными принципами:

- выравниванием уровня экономического развития и качества жизни населения регионов;
- повышением эффективности экономики на региональном уровне;
- приоритетом централизованного управления над региональным;
- освоением новых территорий и ресурсов;
- стиранием различий между городом и деревней.

Переход к рыночным отношениям вызвал новую трансформацию принципов государственной региональной политики, которая

* *Олег Георгиевич Бекшенев* – канд. географических наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** *Севальнева Надежда Михайловна* – канд. географических наук, доцент кафедры экономики природопользования УрГЭУ (г. Екатеринбург).

теперь строится с учетом децентрализованной экономики, укрепления финансово-хозяйственной самостоятельности политических и административных единиц, перераспределения функций между центром, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления.

В настоящее время государственную региональную политику определяют следующие принципы:

- структурная перестройка экономики регионов;
- содействие развитию рыночной инфраструктуры;
- использование форм общественного и административного управления.

На этих принципах основываются главные цели региональной политики, связанные с обеспечением:

- основ федерализма;
- равных условий социально-экономического развития регионов;
- предотвращения загрязнения окружающей среды, а также ликвидации последствий ее загрязнения;
- приоритетного развития регионов, имеющих стратегическое значение;
- максимального использования природно-климатических особенностей регионов;
- гарантий местного самоуправления.

В условиях перехода к рыночной экономике происходит непрерывный процесс изменения производственных отношений, что требует видоизменения функций исполнительных органов власти. Но до сих пор структура органов управления экономикой региона сохраняет черты структуры управления централизованной плановой экономики. Это приводит к неадекватной реакции персонала на новое состояние общества, экономики, коренное изменение в формах собственности, преобладанию в деятельности разрешительной практики, недостаточному профессионализму, к неумению работать с негосударственными структурами и т.д.

Все это требует трансформации государственного аппарата в плане изменения его структуры, функций и способов регулирования деятельности.

Трансформация властных структур всех уровней в области региональной политики вызывает, соответственно, изменение отношения власти к вопросам охраны окружающей среды.

Для советского периода понятие «покорение природы» играло центральную роль в официальной идеологии. Утверждалось, что

главным противоречием социализма является противоречие между человеком и природой, и построение коммунизма связывалось с покорением, преобразованием природы. Наиболее крупные проекты завершились провально: в экономическом, военном, социальном и особенно в экологическом отношении. В первую очередь, это Беломоро-Балтийский канал (1931–1933 гг.), Волжские гидроэлектростанции (1930–1960 гг.), Великий сталинский план преобразования природы (1948–1953 гг.), Аральское море (1968–1988 гг.). Вопреки намерениям властных структур не были реализованы губительные для природы крупных регионов гигантские проекты типа Нижнеобского водохранилища и Сибиро-Аральской переброски стока.

С 1991 г. наблюдается резкий поворот власти к природе. Все выборные кампании проходят под экологическими, правильными лозунгами, возникают общественные организации «зеленого толка», появилась даже партия «Кедр», советником президента России становится известный ученый-эколог. Создаются государственные комитеты по охране природы, разрабатывается системы платежей за ресурсы, за загрязнение окружающей среды, за размещение отходов и т.д.

Но постепенно серьезный грамотный подход к природопользованию сменяется декларативным. Говорится много, красиво и правильно, природоохранные нормы и правила прописаны почти в 800 документах, но почти 80 % из них носит рекомендательный характер. И как результат этого, около, 20 % территории России, где проживает почти 20 % населения, находится в состоянии экологического неблагополучия. Выделены 13 регионов с острой экологической ситуацией. Расходы на охрану окружающей среды должны составлять как минимум 2–3 % от ВВП, в России эти расходы составляют 0,4 % от ВВП.

Переговоры политиков, дискуссии в обществе об антропогенном изменении климата (глобальное потепление на основе «парникового эффекта») ведутся на фоне глубокой неопределенности. Связь потепления климата с увеличением поступления в атмосферу диоксида углерода не доказана, но, тем не менее, почти все страны подписали и ратифицировали Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Направлять финансовые потоки на мероприятия по снижению выброса CO₂, исходя из принципа предосторожности, для страны с нерешенными социальными проблемами в ситуации затянувшегося перехода к рыночным от-

ношениям по меньшей мере неразумно. Так, США, исходя из принципа экономической целесообразности, отказались ратифицировать Киотский протокол.

Когда будет осуществлен переход к реальным рыночным отношениям, уровень демократизации и правовой защиты населения достигнет необходимой отметки, тогда можно будет ожидать нового этапа эволюции принципов государственной региональной политики.

К. В. Павлов*, А. С. Самохин**

Межрегиональные хозяйственные отношения: показатели и методы оценки

Межрегиональные социально-экономические отношения представляют собой один из наименее изученных аспектов теории региональной экономики. В частности, в настоящее время не приходится говорить о существовании достаточно полной системы показателей, на основе которой можно получить всестороннюю информацию о состоянии и динамике межрегиональных хозяйственных взаимодействий и связей. Во многом именно с этим обстоятельством связано отсутствие полной и достаточно достоверной статистической информации об эколого-экономических отношениях между разными регионами России в условиях формирования рыночных отношений. В связи с этим весьма актуально рассмотрение проблемы о системе показателей, характеризующих различные направления и формы межтерриториальных хозяйственных взаимосвязей.

В этой системе в особую группу следует выделить показатели, характеризующие межрегиональную торговлю. Целесообразно использовать показатели регионального экспорта и импорта, измеряемые как в стоимостной, так и в натуральной форме. Правда, в этой связи может возникнуть путаница из-за того, что многие регионы, особенно относящиеся к пограничным, непосредственно торгуют с другими государствами, и поэтому в этих случаях более правильным было бы под региональным импортом и экспортом понимать, соответственно, ввоз в регион и вывоз товаров и услуг из данного региона за границу, а для обозначения результатов собственно межрегиональной торговли использовать показатели меж-

* **Константин Викторович Павлов** – зав. кафедрой мировой экономики, д-р. экон. наук, профессор БелГУ (г. Белгород).

** **Андрей Сергеевич Самохин** – аспирант экономического факультета БелГУ (г. Белгород).

регионального ввоза и межрегионального вывоза. Такое разграничение понятий позволит осуществлять более точный учет торговых отношений определенного региона как с иными регионами страны, так и с другими государствами. Если же мы хотим получить общее представление о торговых отношениях определенного региона (т.е. вне зависимости от того, с каким субъектом хозяйствования осуществляются торговые операции – со страной или с другим регионом), то целесообразно, на наш взгляд, использовать показатели совокупного ввоза в данный регион и совокупного вывоза из региона.

Предложенный подход позволяет учитывать в статистике особенности торговых отношений региона в зависимости от специфики его торгового партнера (т.е. иного региона той же самой страны или другого государства). Таким образом, в соответствии с нашим подходом, применительно к конкретному региону под **региональным экспортом** понимаются товары или услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других странах. Под **региональным импортом** понимаются приобретенные в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под **межрегиональным вывозом** понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других регионах того же самого государства. Под **межрегиональным ввозом** понимаются приобретенные в других регионах страны и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под **совокупным вывозом из региона** понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям как в других странах, так и в других регионах того же самого государства. Поэтому совокупный вывоз из региона равен сумме между региональным экспортом и межрегиональным вывозом. Под **совокупным ввозом в регион** понимаются приобретенные, как в других регионах страны, так и в других государствах, и ввезенные в данный регион товары и услуги. Поэтому совокупный ввоз в регион равен сумме регионального импорта и межрегионального ввоза. В связи с необходимостью учета экологической составляющей в каждом из этих показателей следует выделить ту часть, которая приходится на экологически чистую продукцию (т.е. в статистическом учете следует использовать и такие показатели, как региональный экспорт и импорт экологически чистой продукции, межрегиональный ввоз и вывоз экологически чистой продукции и т.д.).

Как известно, в статистике международной торговли выделяют также показатели экспортной квоты и импортной квоты, под которыми понимаются установленные государственными организациями соответствующие объемы экспорта и импорта конкретных товаров. В определенном смысле эти понятия могут использоваться и на региональном уровне, ибо устанавливаемые в целом по стране количественные ограничения на экспорт и импорт определенных товаров далее распределяются по конкретным регионам. По аналогии, могут использоваться показатели квоты межрегионального ввоза или вывоза, а также квоты совокупного ввоза в регион или совокупного вывоза из региона (в том числе и экологически чистой продукции), причем такого рода квоты могут в принципе устанавливаться как на государственном уровне, так и самими региональными властными структурами. Последняя ситуация особенно часто встречается в условиях кризиса недопроизводства.

В статистике международной торговли выделяют также такой показатель, как чистый экспорт товаров и услуг, под которым понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом страны за год. Очевидно, что понятие чистого экспорта товаров и услуг может использоваться не только на национальном, но и на региональном уровне – в этом случае под **чистым экспортом региона** понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом региона за год. На наш взгляд, имеет смысл для более точной оценки объемов межрегиональной торговли ввести понятия чистого межрегионального вывоза и чистого совокупного вывоза из региона. При этом под чистым **межрегиональным вывозом** следует понимать разницу между межрегиональным вывозом и межрегиональным ввозом конкретного региона за определенный период времени (обычно за год). В свою очередь, под **чистым совокупным вывозом из региона** следует понимать разницу между совокупным вывозом из региона и совокупным ввозом в регион за год.

Учитывая высокую продуктивность использования аналогии между положениями теории международных экономических отношений и положениями теории межрегиональных экономических отношений, особое внимание следует уделить анализу такого важного показателя статистики международной торговли, как внешнеторговый оборот. Как известно, под внешнеторговым оборотом понимается сумма стоимостей экспорта и импорта за определенный период: месяц, квартал, год. По аналогии, можно ввести поня-

тие *внешнеторгового оборота региона*, под которым следует понимать сумму стоимостей регионального экспорта и регионального импорта за определенный период. Для более точной оценки объемов межрегиональной торговли целесообразно использовать показатели межрегионального оборота (или товарооборота), определенного для конкретного региона и совокупного внешнеторгового оборота региона. При этом под *межрегиональным оборотом региона* следует понимать сумму межрегионального ввоза и межрегионального вывоза региона за определенный период: месяц, квартал, год. Под *совокупным внешнеторговым оборотом региона* следует понимать сумму между совокупным ввозом в регион и совокупным вывозом из региона за определенный период. Все эти показатели можно использовать и для учета экологически чистой продукции.

Таким образом, группа статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, включает значительно больше показателей, чем аналогичная группа показателей, характеризующих международную торговлю. Это связано с тем, что регион, как объект хозяйствования в системе торговли, связан с большим числом разновидностей хозяйственных объектов, чем страна как объект хозяйствования в системе международной торговли. Поскольку регион, как правило, имеет торговые отношения не только с другими регионами, но и с другими государствами, поэтому в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю наряду с показателями экспорта, импорта, внешнеторгового оборота (то есть наряду с показателями, характеризующими также и международную торговлю), целесообразно включить и такие показатели, как межрегиональный оборот, совокупный внешнеторговый оборот региона и ряд других, специфичных именно для статистики межрегиональной торговли. При этом удельный вес такого рода специфичных показателей в общей группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, напрямую будет зависеть от той доли, какую во внешней торговле данного региона занимает межрегиональная торговля, а какую – торговля с другими государствами.

*Н. М. Севальнева**, *О. Г. Бекшенев***

Задачи регионального управления в процессе формирования экологического сознания

Модернизация российского общества сопровождается трансформацией властных структур, постановкой перед ними новых задач, расширением их полномочий. Одной из новых функций органов власти является деятельность по экологизации сознания населения. Федеральным Законом «Об охране окружающей среды» определены полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов власти субъектов Российской Федерации в организации и развитии системы экологического образования и формирования экологической культуры (Ст. 5, 6 закона).

Деятельность органов власти время по осуществлению своих полномочий в настоящее время реализуется лишь в информационной сфере. На уровне региональной политики не определены цели и промежуточные задачи по формированию экологического сознания.

Из практики научных исследований экологического сознания известны следующие положения.

1. Эффективным средством разрешения противоречий, возникающих в процессе природопользования, признано формирование экологического мировоззрения и привитие населению навыков рационального природопользования.

2. Обобщающей категорией, описывающей духовную сферу взаимодействия человека и природы, выступает экологическое сознание (ЭС). Под ним понимается «совокупность взглядов, теорий и эмоций, отражающих проблемы взаимоотношения общества и природы в плане оптимального их решения соответственно конкретным природным и социальным возможностям и условиям».

* *Надежда Михайловна Севальнева* – канд. геогр. наук, доцент кафедры экономики природопользования УрГЭУ (г. Екатеринбург).

** *Олег Георгиевич Бекшенев* – канд. геогр. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

3. Практика показывает, что наличное экологическое сознание населения не соответствует требованиям современного периода. Развивать все структуры ЭС призвана система экологического воспитания и образования. Эта система, действующая в нашей стране более двух десятилетий, по результатам малоэффективна. Большая часть активного населения пошла через эту систему, приобрела определенные экологические знания, но не восприняла их как императив личного поведения.

4. Сознание, как форма мыслительной деятельности, изначально обладает рядом противоречий (психологических, социальных, экономических, этнических, региональных и пр.), которые должны учитываться в программах по экологическому образованию. Региональный подход к формированию ЭС предполагает учет местных – территориальных – особенностей.

Экологическое сознание по своей сути – сознание социокультурное, отражающее не только особенности местной геоситуации, но и субъективную специфику территориальных общностей. В связи с этим можно говорить о региональных формах экологического сознания. Многообразие подобных форм связано с многообразием экологических условий и форм жизнедеятельности населения. В результате проведенного авторами исследования ЭС населения Свердловской и Тюменской областей была определена группа пространственно-временных факторов, детерминирующих ЭС. В этой группе наиболее значимыми факторами оказались следующие:

- *Территориальная мобильность* (число смен места жительства и их пространственная удаленность друг от друга). Повышение ее уровня сопровождается снижением беспокойности респондентов по всем параметрам окружающей природной среды, увеличением вероятности выбора утилитарных экологических ориентаций.

- *Длительность проживания в данном населенном пункте.* Влияние этого фактора менее однозначно. Высокий первоначальный уровень беспокойности связан с действием психологического механизма адаптации, высокой общей тревожностью новоселов. В ходе приспособления к среде повышается общая устойчивость, падает беспокойность состоянием параметров природной среды. В результате полной адаптации происходит смена установок индивида в отношении природной среды: из «чужой», «враждебной» она превращается в привычную «родную». Формирование такого отношения вызывает новое повышение экологической озабоченности.

- *Индекс совпадения природной среды места формирования экологического сознания и среды проживания.* Лица, чье детство прошло в условиях их нынешнего места жительства или в сходных природных условиях, проявляют большую беспокойность состоянием окружающей среды по сравнению с теми, кто поселился здесь в более старшем возрасте или прибыл из мест с «непохожими» природными условиями.

- *Место проживания.* Значительны различия в ЭС городского и сельского населения. Горожане демонстрируют более высокую беспокойность по всем параметрам состояния окружающей среды, большую адекватность оценок и большую критичность в отношении природоохранной деятельности как государственных, так и местных органов управления. Сельские жители проявляют меньшую информированность при определении возможных виновников ухудшения экологической обстановки, атрибуция ответственности носит абстрактный характер и направлена в большинстве случаев на «город» вообще (горожан, делающих политику, и горожан, собирающих ягоды и грибы). Несмотря на явную неадекватность многих представлений в сознании сельских жителей, можно отметить наличие у них высокого потенциала для развития ЭС. Это проявляется в готовности принимать личное участие в улучшении «своей» среды обитания в форме трудовой деятельности. Большая же часть горожан склоняется к пассивным формам деятельности: денежные взносы, участие в экологических акциях типа митингов, концертов, викторин, сбора подписей и пр.

Даже неполное перечисление выявленных особенностей ЭС свидетельствует о многообразии и противоречивости отдельных структур сознания. Эти структуры и различные уровни наличного экологического сознания являются той основой, на которой будет формироваться новое экологическое сознание. Игнорировать существующие различия бессмысленно и нерационально.

От программ экологического образования и воспитания в нынешнем их понимании необходимо перейти к программам, построенным по принципу программно-целевого подхода. Эти программы, несомненно, должны быть территориальными, как территориальны население, геоэкологические ситуации и природопользование.

Программы должны учитывать стартовый уровень экологического сознания населения, что потребует проведения мониторинга экологического сознания.

С содержательной точки зрения программы по экологическому образованию должны включать информацию об экологической обстановке на территории, о местной экологической политике, её направлениях и результатах. В программах необходимо наряду с основной целью, которой, естественно, является формирование экологического сознания, определить промежуточные цели, сроки и средства их выполнения.

А. С. Петрик*

Поиск вариантов взаимодействия и развития отношений между местной властью и населением

Местное самоуправление как общественный институт призвано связывать местную власть с народом. Современное законодательство определяет местное самоуправление как «признаваемую и гарантируемую Конституцией РФ самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций». Конституция Российской Федерации закрепляет три способа осуществления народом своей власти: на местном уровне. Население может осуществлять власть как непосредственно (местный референдум, муниципальные выборы, собрания, сходы), так и опосредованно (через органы местного самоуправления, через органы территориального общественного самоуправления, через различные объединения и ассоциации органов).

При этом процесс трансформации социально-политических установок в общественном сознании еще не завершился, и до сих пор сохраняются патерналистские представления о власти в целом. Патернализм (от лат. *pater* – отец) как принцип попечительства, опеки в советском варианте предполагал, что за все происходящее в стране в целом, в каждом регионе, в каждом населенном пункте отдельно отвечает государство (включая, разумеется, партию). Поэтому советские граждане понимали, что государство олицетворяет все институты общества. При таком устройстве не может быть речи о вопросах местного значения. Поскольку излишняя централизация власти приводила к параличу, государственные органы не могли эффективно решать проблемы на местном уровне.

* *Александр Сергеевич Петрик* – магистр политологии, аспирант кафедры социологии УрГЭУ (г. Екатеринбург).

Сейчас, когда постепенно создаются правовые, социальные и экономические условия для развития института местной власти, необходимо как можно скорее преодолеть барьер отчуждения и продолжать демократический процесс непрерывного взаимодействия всех субъектов отношений. В идеале местный уровень власти должен быть освобожден от политических вопросов, его главной целью должно являться повышение благосостояния своего населения. Пока местные органы власти не станут институтом услуг населению, а не институтом власти, тенденцию отчуждения власти от населения преодолеть будет невозможно.

В обществе, в котором местная власть ставит перед собой такие задачи и наделяется соответствующими им полномочиями, ликвидируется отчуждение. Политическая и общественная жизнь становится понятнее, доступнее, приближеннее к гражданину. Особенное внимание в данном процессе заслуживают следующие пути преодоления отрыва местной власти от населения:

- гласность в работе органов местной власти;
- открытость местной власти;
- доступность местной власти для всех категорий населения, территориальная близость власти для населения;
- усиление контроля за деятельностью органов местной власти со стороны населения и его общественных организаций;
- оптимальное сочетание экономических и социальных интересов развития населения муниципальных образований;
- сотрудничество со СМИ.

Образ муниципальной власти может персонифицироваться, формироваться на основе отношения населения к лидеру. Фигура политического лидера выступает как символическое олицетворение власти. Эту же роль могут играть заместители глав администраций, чиновники аппарата. Взаимодействие представителей власти и населения формирует образ власти, предопределяет электоральное поведение.

Результаты проведенных в 1998–2005 годах опросов общественного мнения говорят о том, что в обществе до сих пор отсутствует единое и адекватное понимание сущности местного самоуправления. В массовом сознании преобладает тенденция «смещения государственной и негосударственной местной власти», характеристика местного самоуправления как независимого от государственной власти народного управления не является преобладающей.

Таким образом, прогрессирует в своем развитии противоречивая ситуация. Формально местное самоуправление в нашей стране уверенно выходит на передний план в предпринимающихся организационных и политических усилиях в сфере государственного строительства, становится важнейшей составной частью системы управления в России. В то же время не учитывается тот факт, что говорить о значимом и скором успехе активной роли населения, становления института власти, института услуг населения в обозримом будущем еще рано. Искать пути преодоления муниципального отчуждения – задача самого ближайшего времени.

Корпоративный ресурс на выборах в представительный орган власти северного города

Данные социологических опросов, проводившихся лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета среди горожан в период предвыборных кампаний в городскую Думу, показывают, что основным мотивом электоральных предпочтений является отраслевая профессиональная принадлежность кандидатов. Проведенный нами сравнительный анализ профессионального состава Думы города Сургута подтверждает этот вывод. Анализ позволил установить следующее: если различия половозрастные, демографические почти незаметны, то профессиональный состав принципиально изменился. По итогам голосования в 1994 г. (I созыв) в городскую Думу избрано 13 депутатов, из них 11 мужчин и 2 женщины. Из 13 депутатов 6 человек в возрастном промежутке 30–45 лет, 7 человек в возрасте старше 45 лет. По итогам голосования в 1996 г. (II созыв) в городскую Думу прошло также 13 депутатов, из них 10 мужчин и 3 женщины. Из них 2 человека в возрасте до 30 лет, 6 человек в возрастном промежутке 30–45 лет, 5 человек старше 45 лет. По итогам голосования в 2001 г. (городская Дума, III созыв) избрано 15 кандидатов, из них 12 мужчин и 3 женщины. Из 15 депутатов 8 человек в возрастном промежутке 30–45 лет, 7 человек – старше 45 лет. Очевидно, что большого разброса по полу и возрасту не наблюдается.

Посмотрим, как меняется профессиональный состав депутатского корпуса трех созывов. Из 13 депутатов Сургутской городской Думы I созыва 4 человека являлись представителями ведущих производственных компаний (2 человека от АООТ «Сургутнефтегаз», 1 человек от АООТ «Сургутгазпром», 1 человек АООТ «Сур-

гутгазстрой»), 3 человека представляли врачевный корпус медико-санитарной части «Сургутнефтегаз», 2 человека представляли сферу бизнеса, и далее по одному человеку: профсоюз железнодорожников, муниципальное предприятие жилищно-коммунального хозяйства, АООТ «Сургуттелекомсеть», Сургутский речной порт. Заметно, что профессиональный состав представлен достаточно широко. Из 13 депутатов Сургутской городской Думы II созыва самая большая группа была представлена представителями бюджетной сферы – 4 человека, далее производство – 3 человека, бизнес – 2 человека, территориальное общественное самоуправление – 2 человека, и далее по одному: средства массовой информации и жилищно-коммунальное хозяйство. Из 15 депутатов Сургутской городской Думы III созыва самую большую группу представляют представители производства (ОАО «Сургутнефтегаз») – 10 человек. Хотя надо учитывать, что 2 человека из этого числа не являются представителями сугубо технических профессий, а представляют отрасль медицины (заведующая поликлиникой «Нефтяник») и социальную сферу (директор универсальной библиотеки ОАО «Сургутнефтегаз»). Далее идут снова представители крупных производственных компаний: ООО «Сургутгазпром», ОАО «Сургутгазстрой», ОАО «Сургуттел», ОАО «Тюменьэнерго».

Итак, если в Думе второго созыва бюджетники численно даже превосходили производственников, то в сегодняшней Думе третьего созыва производственники составляют явное большинство. Причем состав Думы достаточно точно отражает именно профессиональную структуру города, а не иную структуру, например – политических ориентаций, или демографическую.

Это вполне объяснимо. Основным принципом социальной стратификации, связанным с самоидентификацией населения в качестве членов местного сообщества, в европейской цивилизации выступала частная собственность. В России этот институт заменялся сословным делением общества. После революции основным принципом социальной стратификации стала профессиональная принадлежность. В эпоху социализма основным принципом расселения, в силу известных причин, являлся производственный, профессиональный, а не имущественный. Более того, именно принадлежность к профессии, отрасли являлась главным признаком социальной самоидентификации. Можно утверждать, что за прошедшее время положение мало изменилось. Конечно, люди называют себя жителями того или иного города, поселка и т.д., но основным, генерали-

* Елена Владимировна Сахарова – Сургутский государственный университет (г. Сургут).

зирующим принципом самоидентификации по-прежнему остается отраслевой, производственный. Человек, в первую очередь, называет себя нефтяником, машиностроителем, крестьянином, служащим, «бюджетником» и т.д., и лишь во вторую – идентифицирует себя в качестве жителя данной местности (1).

Ситуацию, объясняющую большинство нефтяников в Сургутской городской Думе, характеризует ряд тенденций:

1. Все проводившиеся в последнее время исследования показывали, что в обществе сложился запрос на стабильность. И если в нашей стране символом стабильности является Президент РФ В.В. Путин, то сургутяне гарантом стабильной жизни видят президента ОАО «Сургутнефтегаз» В.Л. Богданова. Также, согласно исследованиям, приоритетными для большинства россиян выступают такие категории, как социальная справедливость и социальные гарантии. Относительно этого следует сказать, что компания «Сургутнефтегаз» предлагает для своих сотрудников «завидный» пакет социальных льгот и гарантий, служащий не только предметом желаемого для многих горожан, но и неким образцом и примером проведения внутренней социальной политики для других компаний.

2. Сегодня к имиджу политического лидера добавились интеллигентность, солидность, демократичность. Выбирая нефтяников, сургутяне, вероятно, увидели в них эти черты. При этом немаловажную роль при выборе депутатов сыграл и такой фактор, как материальный ресурс, которым, безусловно, они обладают и могут использовать для влияния.

3. Другой причиной «большинства нефтяников в Сургутской городской Думе» можно назвать использование внутрикорпоративного административного ресурса – иными словами, четкую, подконтрольную систему организации голосования всеми (большинством) работниками этого предприятия.

Подтверждением обозначенных тенденций после выборов депутатов в городскую Думу г. Сургута в 2001 г. являются выводы, сделанные экспертами по итогам выборов в Государственную Думу в 2003 г.

1. Итоги выборов показали, что время правления В.В. Путина было положительно оценено обществом. Голосование за партию «Единая Россия» – это поддержка избирателями и В.В. Путина, его курса и власти в целом. Эта поддержка была обусловлена как конформистскими, так и рациональными соображениями. За «партию власти» голосовали как «покорные избиратели», так и «средний

класс», увидевший в ней более солидного, чем либералы, выразителя своих интересов.

2. Главным инструментом достижения успеха на выборах выступил административный ресурс. Власть полностью ассоциировалась с «Единой Россией». Президент дважды публично высказался в ее поддержку, почти 30 губернаторов были в ее списке. Далее, по степени убывания ресурсов электорального успеха, располагаются финансовый, медийный, политико-технологический (2).

3. На смену программам как предметной основе коммуникации между партиями и избирателями приходят имиджи лидеров. В структуре имиджей добившихся электорального успеха политиков и партий преобладают виртуальные, а не реальные достоинства¹.

Многие эксперты говорят о тенденции укрепления моноцентризма в российской политике. Тенденция моноцентризма исключает две очень важные вещи, являющиеся обязательными для развития демократии: политический плюрализм и оппозиционную функцию противовеса власти.

Литература

1. *Мартынов М. Ю.* Местное самоуправление в политической системе России. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2003. – С. 152.

2. *Макаренко Б. И.* Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы // Полис. – 2004. – № 1. – С. 58.

¹ См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // Полис. 2004. № 1. С. 22.

Раздел третий

Имидж власти и власть имиджа

Имидж власти и власть имиджа: типологический подход

Власть в общем смысле как «способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия (родительская власть, государственная, экономическая и др.)»¹ является частью диады «власть-подчинение».

Власть-подчинение представляет собой особый социальный феномен, имеющий в своей основе глубокие биологические корни. Все рациональные и спекулятивные (псевдорациональные) объяснения феномена власти-подчинения только прикрывают её глубинные иррациональные основы.

С точки зрения биологической власть-подчинение, а точнее, её активный психологический эквивалент (т.н. волевая сенсорика), служит сохранению видов, обеспечивая естественную среду существования стадных животных – структурированную стаю, обладающую единой волей вожака и позволяющую выживать максимальному количеству особей, в т.ч. и слабо приспособленных к выживанию. Власть-подчинение является основой существования биологических структур иерархического вида.

С позиций этногенеза, как основы существования вида *Homo sapiens*, власть-подчинение является внешним проявлением пассионарности этноса, а рассогласование этой связки – признаком фазы обскурации, когда происходит разлад общественных отношений с потерей воли к сопротивлению воздействиям извне.

С точки зрения психологии личности власть в виде её психологического эквивалента «силовой (волевой) сенсорики» (способности к невербальному психологическому подавлению) является

* *Владимир Михайлович Танаев* – магистр частного права, старший преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2002. С. 212.

врождённым свойством, обеспечивающим одну из базовых мотиваций – «статус (власть)», а также играющим важную (вторичную) роль в реализации второй базовой мотивации – «достижение материального благополучия (деньги)».

Имидж, понимаемый как «целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.»² и будучи своеобразной публичной оболочкой какого-либо явления или человека, проявляющейся в социуме, – является неотъемлемой чертой власти.

Наибольшее значение имеет имидж власти в демократических обществах, когда он становится дополнительным (и очень важным) средством в политической борьбе. Наибольшее значение имидж имеет для власти в ситуации «правового сдвига маятника демократии», когда нужно принимать непопулярные экономические и политические решения, а также для ситуаций военного противостояния или массовых общественных бедствий.

Для анализа проблем эффективности имиджа власти в политической жизни общества мы применяем типологический подход, основанный на взглядах К.Г. Юнга («Психологические типы», 1921) и его последователей.

Исходя из этого подхода нами сформулирована модель «публичного политика», которая основана на совпадении имиджа политика и типологического ядра его личности.

Наибольший эффект этого подхода демонстрирует феномен «публичного политика властного типа» в кризисных ситуациях.

Психотипы «Маршал» (ESTP) и «Политик» (ESFP) обладают наибольшей силой волевой (силовой) сенсорики. Причём, если психотип «Маршал» (ESTP) проявляет свои властные качества в любой обстановке – от «вора в законе» до тотального лидера (Сталин), то психотип «Политик» (ESFP) наиболее полно раскрывается в условиях «кризиса демократии» (Уинстон Черчилль, Джон Кеннеди). Когда же сама демократия формируется и существует в полувовенных условиях, то кардинальные силовые решения лучше даются «Маршалу» (Ариэль Шарон). Особенно драматичные коллизии складываются, если с другой стороны находится «Политик» (Ясир Арафат).

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2002. С. 443.

Зрелые же демократические общества в стабильных условиях, а также при «левом сдвиге маятника демократии» не нуждаются в силовых харизматиках (проигрыш Уинстона Черчилля на первых послевоенных выборах), довольствуясь руководством политической машины со стороны людей демократических психотипов – «Искатель» (ENTP – Джордж Буш - младший) или «Инициатор» (ENFP – Билл Клинтон, Тони Блэр).

И только незрелые общества без демократических традиций нуждаются в чисто харизматическом управлении, когда нужен особый психологический механизм, объединяющий его членов – «Наставник» (ENFJ – Гитлер, Лукашенко) или «Предприниматель» (ENTJ – Петр I, Ленин).

В чём заключается власть самого имиджа? В его роли и необходимости для публичной политики демократического образца, когда он представляет собой особый канал невербальной коммуникации, тиражируемый телевидением и СМИ и вызывающий эффект психологического доверия и подчинения, реализуемый в процедурах выборов или «референдума» (в том числе и невербального – «молчаливое большинство»).

Имидж и является своеобразным оселком публичности – именно реакция на него и говорит о том, «попал» или «не попал» публичный политик в камертон общественной жизни, совпадает или не совпадает он с его личностью, действует или не действует он на волю и выбор избирателей.

К. С. Романова*

Психологический аспект власти и властных отношений

Слово «власть» достаточно часто употребляется в речи. Мы часто пользуемся им, не особенно задумываясь над его смыслом. Содержание власти многомерно, так же как и многообразны властные отношения, в которых она возникает. Жизнедеятельность общества обеспечивается иерархией общественных институтов и общественных субъектов. Каждый структурный уровень этой иерархии находится в организационной системе, которая отражает характер властных отношений, существующих в данном обществе. Власть здесь реализуется через содержание социальной функции системы и её элемента. Социальная функция трансформируется в социальных ролях личности, отсюда власть всегда персонифицирована и несёт в себе в снятом виде психологические свойства человека. Люди обладают определенными личностными особенностями. А именно из особенностей их личности проистекают их решения, поступки, которые потом сказываются на судьбе страны, нации, партии и т.д.

Универсальное, обыденное понятие власти сводится к следующему: «Власть – это способность и возможность осуществить свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение людей с помощью каких-либо средств – авторитета, права, насилия или др.». В этом определении заложены два аспекта: социальный, характеризующий возможность реализации власти; психологический, характеризующий способность осуществить волю. Маркс утверждал, что история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией.

* *Кира Степановна Романова* – канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

Совершенно ясно, что в некоторых областях человеческой коллективной деятельности властный принцип является наиболее простым и выступает экономическим началом объединения. Начало власти в жизни человеческих объединений есть не что иное, как одна из форм разделения труда, где властвование выступает как определенный вид деятельности, самодостаточный и автономный. «Всякая непосредственная общественная или совместная работа, – говорил Маркс, – в больших размерах требует большего или меньшего руководства, которое устанавливает гармонию индивидуальных действий и выполняет общие функции, вытекающие из движения совокупного производительного организма, поскольку оно отлично от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам дирижирует собой; оркестр же нуждается в капельмейстере».

Научный подход к определению власти требует учёта множественности её проявления в обществе и, следовательно, выяснения специфических особенностей не только её отдельных видов (политическая, государственная, экономическая, семейная и т.д.), но и особенностей по социальному субъекту (классовая, групповая, личная).

При рассмотрении ныне существующих концепций власти прежде всего бросается в глаза их многочисленность и разнообразие, а также различные источники их формирования. Развивая мысль о вышеобозначенных социальном и психологическом аспектах власти, можно для первого аспекта выделить модель «подчинения» и модель «интереса», а для второго – поведенческую модель, включающую в себя теорию конфликта, теорию плюрализма и теорию гегемонии. Модель подчинения идёт от классической философии Томаса Гоббса. Власть – это средство достичь Блага в будущем, и сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся лишь со смертью. Другое направление в развитии этой модели принадлежит Ж.-Ж. Руссо. Он развивал идею общественного договора, где «под внешнее руководство общей воли отдельные индивиды ставят свою личность». Модель интереса, идущая от идей А. Смита, Г. Спенсера и др., предлагает более опосредованные отношения индивида и власти. Социально-политический порядок рассматривается как естественный результат сочетания личных интересов. Нужна поэтому не сила подчинения, а рациональное осознание индивидами личных выгод от общих усилий. Согласование интересов не означает, что

властные отношения носят характер диалога, а участники властных отношений равноправны. Органическая связь политики с насущными интересами отмечалась ещё К. Марксом и Ф. Энгельсом: «... «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»...» В политике реальные, прагматичные интересы всегда стоят на первом плане, оправдывая хитрость, ложь, убийства и другие безнравственные поступки и даже преступления. Власть и собственность исторически взаимосвязаны и взаимозависимы. Безграничная власть денег, собственности, религиозных и политических мифов порождает фетишистское, отчуждённое сознание. Культурные ценности и идеалы, задуманные их творцами как средства преобразования природы и человеческого совершенствования в обществе, где господствует капитал, утрачивают свою истинность, становятся орудиями насилия, уничтожения самого человека, формируя у него подчинение в виде зависимости от «власти» вещей – денег, алкоголя, наркотиков и др.

Как говорил Лев Толстой, «лучшее общество то, в котором возможно осуществление великих истин». Однако истины бесполезны, когда нет власти для осуществления их на практике. Они остаются чисто теоретическими. Как пишет Вильгельм Райх, с одной стороны, любая, не опирающаяся на истину власть представляет собой некую диктатуру, поскольку в её основе всегда лежит страх человека перед социальной ответственностью и бременем «свободы». С другой стороны, диктаторская власть и истина не могут сосуществовать. Они представляют собой взаимоисключающие явления. История показала, что истина умирает, когда её поборники приходят к власти. «Власть и истина не сочетаются. Это горькая правда». Для достижения власти необходимо питать миллионы иллюзиями. В общественной жизни существуют степени власти и степени лжи. Чем крепче народные массы держатся за истину, тем слабее их стремление к власти. Чем больше проникают иррациональные иллюзии в среду народных масс, тем шире распространяется и непригляднее проявляется индивидуальное стремление к власти.

Власть всегда означает подчинение других, даже тогда, когда речь идет об убеждении в системе властных отношений. Любопытен факт, отмеченный политологами: понятие «власть» в словарях, издаваемых в России, переводится как сила (power), а в словарях, издаваемых за рубежом, – как авторитет (authority). В этих подходах как бы имманентно присутствует моральная оценка

ценности власти. Власть выступает политическим источником прав и свобод, средством осуществления политики, постоянно находится в центре борьбы за неё, как открытой, так и латентной. Категории «власть» противостоит категория «свобода». Власть может существовать «для» достижения каких-то целей, решения каких-то задач, а может существовать «над» кем-то или чем-то. Свобода тоже существует как бы в двух проявлениях: свобода «для» и свобода «от». Когда власть и свобода совпадают в своей направленности, можно говорить об устойчивых властных отношениях, когда они разнонаправленны, могут проявляться различные формы социальных противоречий вплоть до социальных конфликтов, связанных с насилием, получившим название «беспредел».

Властные отношения между людьми – это такие, в которых каждый из членов занимает неравное, неодинаковое положение. Иерархия требует субординации, координации и подчинения. Однако специфика социальных отношений заключается в том, что в них участвуют субъекты, наделенные сознанием и волей, поэтому представить властные отношения как однонаправленную зависимость было бы неверно. Кроме того, властные отношения – это системные отношения, поэтому они имеют как вертикальные, так и горизонтальные связи. Поскольку властные отношения выступают как отношения и как социальные связи, они носят характер взаимодействия, взаимовлияния субъектов. При этом сохраняется доминирование одной стороны, которое обуславливает определенное поведение другой. Властный статус, как всякое социальное отношение, динамично, то есть является собой подвижную устойчивость, основанную на живом и актуальном доминировании. Об этом, например, свидетельствуют публикации рейтинговых списков влиятельных политиков, которые отражают отношение к ним граждан в зависимости от той или иной политической ситуации или факта. Властные отношения формируют у «подвластного» субъекта некоторое психическое молчание или согласие «следовать за ...», которого он признаёт в качестве лидера, руководителя, начальника и т.д., хотя при этом он может не лишиться своей индивидуальной рефлексии и критического отношения к происходящему. Однако если властные отношения, представляющие некоторую организацию порядка, превращаются в хаотический разброд отдельных индивидуальных деяний, то властный статус расшатывается, единица власти разрушается.

Как говорил И.А. Ильин – русский религиозный философ, юрист по образованию, «народ, не умеющий уважать своё духовное достоинство, создаёт недугующую власть, вынашивает большое самочувствие и болезненную идеологию. Создавая свою власть, такой народ не умеет передать ей ни чувства собственного достоинства, ни уважения к себе».

Для современного российского общества за последние два десятилетия характерно, что в высшей политической элите, формирующей властные отношения, осуществляющей властное социально-экономическое преобразование общества, преобладают люди, чьи интересы не имеют ничего общего с общенациональными. Чего стоит анекдотический пример Романа Абрамовича – губернатора Чукотки, постоянно проживающего с семьёй в Англии, исполняющего управленческие и властные функции по региону России из-за рубежа. Властная элита использует всевозможные социальные институты и различные материальные средства, чтобы разрушить существующие социально-психологические связи, моральные ценности и социальные завоевания социализма, дважды ограбив народ («шоковая терапия» и «дефолт»), лишив его средств к существованию. По данным экономистов, минимальная заработная плата примерно равняется сумме жизненных благ, необходимых для воспроизводства рабочей силы в данных социально-исторических условиях. В России минимальная заработная плата примерно в 40 раз ниже этой суммы. Ясно, что это влечёт за собой деградацию образа жизни, запредельное сокращение рождаемости и раннюю патологическую смертность от болезней и бытового перенапряжения. Кроме того, в духовной жизни целенаправленно разрушается национальная культура, подвергаются осмеянию национальные ценности и святыни, при этом насильственно навязываются нелучшие образцы западной культуры в качестве повседневной нормы. Униженный и обнищавший народ, находящийся в социальной апатии, утратил главное своё качество – быть субъектом истории, то есть обладать созидательной волей. Он превратился в электорат, которым манипулируют и который используют политики для удовлетворения своих властных амбиций. Однако исторический процесс не лишён диалектики, и наступит историческое время, когда народ вновь станет полноценным субъектом, в том числе оказывающим влияние на формирование власти и властных отношений.

Проблемы формирования имиджа Российской Федерации на постсоветском пространстве

Одним из самых сложных направлений внешней политики России выступает постсоветское пространство. Конкуренция за влияние на процессы в стратегически значимом регионе между Россией и международными игроками, прежде всего Западом, предопределяют общеполитическую напряженность в СНГ. При этом стратегия Запада в отношении СНГ зачастую оказывается более эффективной. Внешнеполитические провалы Москвы в отношениях с постсоветскими республиками ведут к снижению ее авторитета в международном сообществе. В то же время каждая новая неудача обусловлена низким уровнем влияния РФ на ход международных событий за счет приобретенных негативных имиджевых характеристик.

Особо следует отметить такую опасную тенденцию на постсоветском пространстве, как последовательная смена республиканских элит на прозападно ориентированные, выразившаяся в феномене «цветных революций». Опасный «революционный» тренд имеет явный потенциал к продолжению и представляет угрозу не только внешним позициям Москвы на постсоветском пространстве, но и внутренней безопасности самой России, где «цветная революция» в среднесрочной перспективе также не исключена. На данный момент однозначно эффективных инструментов подавления «революционного синдрома» на постсоветском пространстве у российского руководства нет. В свете такой ситуации вопрос об улучшении восприятия России за рубежом актуален как никогда.

Целью настоящего исследования явилось изучение способов формирования благоприятного внешнеполитического имиджа Рос-

* Елена Александровна Ворожцова – аспирант III года обучения философского факультета кафедры теоретической политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

сийской Федерации. Позитивный имидж государства является неотъемлемой частью эффективной внешнеполитической стратегии. Более того, формирование положительного образа государства на международной арене (горизонтальные связи) и в глазах общественности – своего государства и иностранного (вертикальные связи) можно считать одновременно важными целью и следствием внешнеполитической оптимизации.

В этом смысле внешняя политика в современном виртуализированном обществе приобретает особое значение. Процесс формирования имиджа не предполагает полноты информации. Напротив, существование недосказанности, определенной ауры вокруг акторов и явлений позволяет придавать им несуществующие черты, которые находят отклик в массовом сознании. Принципиальная закрытость информации, свойственная области внешней политики (в противном случае под угрозу были бы поставлены национальные интересы государства), позволяет российской элите оперировать чувственными виртуальными образами.

Конкуренция нескольких политических группировок в окружении президента приводит к отсутствию единого стратегического взгляда на формирование внешней политики России и, в итоге, к ее непоследовательности. В последнее время свое влияние на определение политического курса страны значительно укрепляет группировка «петербургских силовиков», основная сентенция взгляда которых на российскую внешнюю политику такова: Россия – потенциально великая мировая держава, нуждающаяся в восстановлении своего подлинного статуса, прежде всего на постсоветском пространстве. Исходя из этого «силовики» склонны к международной изоляции России, замыкании на присущей ей самоценности. Выход вовне возможен только с позиции силы, причем как в отношении ближайших соседей, так и остального мира, прежде всего западного сообщества. Нападки со стороны Запада или игнорируются, или получают достойный отпор.

Правительственные «либералы» не приемлют стратегии грубого силового давления в установлении дипотношений и придерживается принципиально иной позиции. Позиционируя Россию как часть западного мира, «либералы» настаивают на необходимости ее полноценной интеграции в западные структуры. Таким образом, сталкиваются две, во многом мифологические, установки: «Россия – уникальная и единственная в своем роде великая держава» (нуждается в укреплении позиций на постсоветском пространстве)

и «Россия – часть западного мира» (по большому счету, готова повторить судьбу развитых демократий Запада за счет определенных уступок на постсоветском пространстве). Во внешнеполитической практике обе установки усилиями президента РФ, балансирующего между интересами основных политических группировок, превращаются в реальную политику, однако противоположность этих установок предопределяет отсутствие системного подхода к построению внешней стратегии России.

Для достижения оптимального политического результата, который на данный момент заключался бы в улучшении имиджевых характеристик РФ в СНГ и усилении российского влияния в регионе, необходимо планомерное длительное взаимодействие с региональными элитами, учет всех национально-культурных и политических особенностей каждой конкретной ситуации в отдельно взятой республике. На фоне нарастающей угрозы «цветных революций» в СНГ российскому руководству следует пересмотреть существующую практику вмешательства в ситуацию в потенциально «революционных» республиках на самом последнем, предвыборном, этапе.

Следует отказаться от порочной практики ситуативного реагирования при помощи шаблонных приемов и осуществить переход к более долговременным технологиям культурно-идеологической экспансии в СНГ. Эффективность таких технологий не проявляется сиюминутно, однако по прошествии некоторого периода времени они могут оказаться весьма действенными. Для этого необходимо постоянное участие России в политических процессах в той или иной республике, доскональное знание текущих и потенциальных внутривнутриполитических раскладов. Следует поддерживать практику контактов с оппозицией, чтобы при любом, даже негативном, раскладе иметь возможность для политического маневра.

В целях улучшения внешнеполитического имиджа РФ необходима всеохватная культурная экспансия России в СНГ, воспитание пророссийских настроений среди постсоветских элит и населения. В частности, следует формировать пророссийски ориентированные сетевые структуры, в основном в молодежной среде, как ответ на аналогичные шаги США, имеющих разветвленные организованные прозападно ориентированные сети. Кроме того, необходима последовательная пропаганда позитивного имиджа Кремля в ближнем и дальнем зарубежье, попытки проведения которой уже имеются. Вместе с тем нужно соблюдать умеренность, поскольку

превращение подобных информационно-пропагандистских каналов в «рупор Кремля» незамедлительно вызовет отторжение у целевой аудитории.

В целом, для оптимизации внешнеполитической модели требуется переход к стратегическому видению внешнеполитической линии РФ и отказ от ситуативных практик реагирования на глобальные угрозы и вызовы. Необходимо повышать авторитет РФ в глазах республиканских элит и Запада, прежде всего за счет проведения последовательной, убедительной политики, без политической суеты и невзвешенных решений. Стратегический подход к внешнеполитической деятельности, последовательная реализация поставленных задач позволили бы изменить существующий расклад сил на постсоветском пространстве в пользу России.

И. Т. Шатохин*

Имидж власти накануне первой русской революции

Одним из зримых проявлений назревания революционной ситуации в начале XX в. являлось снижение авторитета власти на всех ее статусных уровнях. В условиях постоянно усложнявшегося и набиравшего темпы модернизационного развития страны существовавшая система управления переставала отвечать вызовам времени. Это выражалось в непоследовательности правительственной политики, что было обусловлено, с одной стороны отсутствием единства правительства как коллегиального административно-распорядительного органа, а с другой стороны – слабостью и недальновидностью правящего монарха. Уже в середине 1901 г. товарищ министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский метко охарактеризовал несогласованность политики правительства: «У нас нет в министерствах одного направления... все министерства изображают из себя кто Францию, кто Германию и т.д., а не единую Россию...»¹ Ведомственные противоречия зачастую были обусловлены сугубо субъективными обстоятельствами и психологическими особенностями деятельности верховной власти, и это понимали многие администраторы начала XX в. Например, генерал В.А. Сухомлинов указал на субъективные составляющие непоследовательности правительственного курса: «Петербургские клики, вражда великих князей между собой, их ревнивые выходы против высших должностных лиц, междуведомственные трения, хозяйничанье временщиков – все это вело к тому, что накануне государственной катастрофы (*первой русской революции*. – Ш.И.) ... не только не было никакой согласованности в деле управления страной, но отдельные ведомства явно шли друг

* **Иван Тихонович Шатохин** – канд. истор. наук, доцент кафедры Российской истории БелГУ (г. Белгород).

¹ **Богданович А. В.** Три последних самодержца. М., 1990. С. 270.

против друга». Автор приведенных строк при этом особо указывает, что обострение «межведомственной отчужденности» началось при Николае II².

В этой связи следует отметить и такую особенность российского законодательства начала XX в., как наличие в законах, регламентировавших конкретные управленческие механизмы, общих формулировок, отсылочных положений, в сочетании с отсутствием четкого разделения властных полномочий между уровнями и органами управления и строго очерченных границ «свободного усмотрения администрации». Это создавало широкий простор для административного произвола, который в свою очередь подрывал имидж не только конкретных представителей коронной власти, но власти, как таковой, в глазах населения страны.

Серьезные изменения, приводившие к подрыву имиджа власти, происходили в самом корпусе «государевых слуг». К началу XX в. большинство чиновников местных учреждений всех министерств, кроме МВД, напрямую не зависели от губернатора. Он мог повлиять на назначение, отстранение, перемещение, награждение чиновников других ведомств, однако руководители местных учреждений всегда имели возможность отстоять таких сотрудников перед своим министром. А министры, в пику губернатору и министру внутренних дел, демонстрируя свою независимость и поддерживая корпоративную ведомственную солидарность, защищали их. Губернатор являлся временным «хозяином губернии», поэтому чиновники строили карьерную стратегию через взаимодействие со своим непосредственным начальством. Чиновник, попавший в немилость к губернатору, имел защиту своего начальства, мог просить перевода в другую губернию или же дожидаться отъезда губернатора. Такое положение создавало чиновнику в обычное время определенную гарантию независимости и свободы суждений по общественно-политическим вопросам, а в предреволюционную эпоху психологически открывало дорогу для проявления большей оппозиционности. Иногда такие оппозиционеры действовали открыто, демонстрируя обществу и революционному лагерю отсутствие единства власти, тем самым расшатывая ее устои. Дочь саратовского губернатора П.А. Столыпина приводит интересный пример подоб-

² В. А. Сухомлинов в воспоминаниях дочерей. Мемуары / Редакция, предисловие, комментарии А. М. Лукашевича. Минск, 2005. С. 161–162.

ной ситуации во взаимоотношениях отца с местными чиновными оппозиционерами накануне первой русской революции³.

Не способствовало росту и укреплению позитивного имиджа коронной власти затаенная вражда практически всех общественных сил России рубежа XIX–XX веков к российской бюрократии. Это негативное, порой агрессивно враждебное, отношение укоренилось в умах и душах представителей либерального лагеря, радикально-революционных групп, консервативно настроенного неслужилого дворянства. Следует обратить внимание на то, что арена прямого противостояния поместного дворянства и бюрократии находилась в уездах и губерниях, где основная масса коронного чиновничества была представлена служащими XIV–VI классов, многие из которых были выходцами из недворянских слоев и из обедневших, разорившихся поместных дворян. Поэтому любой промах, любое неловкое движение власти в отношении поместного дворянства воспринималось с обидой и раздражением.

Усиливала враждебное отношение к чиновничеству зависимость дворянской корпорации от губернатора как в части организационной (необходимость испрашивать разрешение на проведение своих собраний), так и в содержательной части своей деятельности (утверждение повестки дня собраний). Ущербность своего самоуправления дворянство ощущало в порядке выборов своих руководителей. Дворяне губернии могли избрать из своих рядов не самого предводителя, а двух кандидатов, окончательный выбор одного из которых был за монархом. Последний под влиянием губернатора, министра внутренних дел или иных сил мог утвердить второго по числу голосов кандидата, проигнорировав мнение большинства. По той же схеме происходили выборы уездных предводителей, только здесь выбор делал губернатор. Поэтому иногда дворянство шло на хитрость, пытаясь в пару к желанному лидеру избрать заведомо непроходного для монарха или губернатора кандидата. Пренебрежительное отношение дворянства к чиновничеству иногда выливалось в жестокие конфликты, доходившие до суда. Элемент недоверия коронной власти к дворянской корпорации в сочетании с неприязненным отношением дворянства к чиновничеству создали такую политическую и психологическую ситуацию, которая не способствовала укреплению авторитета органов госу-

³ *Столыпин П. А.* В воспоминаниях дочерей. М., 2003. С. 197.

дарственного управления, слаженной работе всех институтов власти на местах.

Фактором, способствовавшим снижению авторитета власти, была «разруха в головах» местной бюрократии, которая зримо проявила себя накануне первой русской революции. «Разруха в головах» российского чиновничества создавал шатающийся без определенных закономерностей правительственный курс, обусловленный непоследовательностью действий самого монарха. Парадоксальным, на первый взгляд, является разлагающее влияние на чиновничество материалов официальных изданий. Может быть, самые значительные удары по бюрократии – как по представителям ее высшего эшелона, так и в целом по институту чиновничества, наносил своей публицистикой князь В.П. Мещерский. Говоря, что чиновники обладают властью «не для притеснения подвластных, а для блага народа», он всю вину за возмущение народа своим положением перекладывал с политики самодержавия на плечи бюрократии⁴. Такие заявления приближенного к монарху общественного деятеля не могли не посеять растерянность и неуверенность в душах верноподданных государевых слуг.

Понимание ими того, что коронная власть не в состоянии разрешить многие серьезные социально-экономические проблемы, низкий уровень жизни подавляющего числа самих чиновников, а с началом революции – полное неведение о пределах отступления верховной власти перед революционной стихией, ее неспособность защитить своих слуг от насилия и террора, сформировали благоприятные условия для кризиса верноподданнического сознания государственных служащих в российской провинции. Таким образом, сложившаяся к началу 1905 года обстановка в стране прямо указывала на то, что имидж власти стал приобретать явно выраженный негативный оттенок. При этом самым существенным показателем падения авторитета власти было недоверие части государевых слуг к монарху и правительству.

⁴ *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 392.

Е. А. Шуклина*

«Soft power» сетевого сообщества

Проблема сетевой Internet-коммуникации из технической трансформировалась в социальную и обрела в настоящее время особую значимость и для личности и для общества. Сеть как динамично развивающаяся форма социальной коммуникации постепенно обретает доминирующие позиции, трансформирует традиционно сложившиеся социальные структуры, имеет тенденцию к вытеснению других типов отношений, тем самым вступая в противоречие с системой распределения власти в обществе.

Сетевая Internet-коммуникация как тип социального взаимодействия порождает новые социальные образования – сетевые сообщества, основной организационный принцип формирования которых – свободный выбор личностью коммуникативного пространства, а также возможность конструирования новых коммуникативных связей и отношений в зависимости от потребностей субъектов коммуникации. Сетевые сообщества не являются классическими социальными общностями, существование которых обусловлено системой устойчивых социальных связей и отношений в социуме. Они отличаются также от традиционных гетерогенных, ситуативно возникающих массовых общностей (аудиторий СМИ и массовых зрелищ, носителей общественного мнения), поскольку их представители чаще всего демонстрируют не просто совместное, а групповое поведение.

Критерий принадлежности личности сетевому сообществу – общие ценности, интересы, виды деятельности. Члены сообщества «netizens» (англ. net – сеть, citizens – граждане) представляют собой массовидную стихийно складывающуюся общность, которую характеризует нелокализованность в пространстве, временная неопределенность, анонимность, специфичность ценностно-нормативной системы взаимодействия. Включенность в сообщество обус-

ловливает такой уровень свободы личности, при котором политическая власть перестает быть соучастником коммуникации, определяющим ее содержание и форму, имеющим возможность формировать в сознании людей выгодную ей картину мира, в соответствии с которой они выстраивают свое поведение. Самовоспроизводство сетевого сообщества обусловлено только его адекватностью потребностям социальной и личностной коммуникации.

Сетевые сообщества задают широкий спектр отношений с социальной реальностью: пространство сетевой коммуникации либо свободно встраивается в систему социальных отношений, обслуживая ее организационные структуры, либо вступает с ними в противоречия, активно противодействуя их давлению, либо индифферентно социальным структурам, надстраивается над ними, удовлетворяя исключительно индивидуально-личностные потребности субъектов коммуникации.

Специфика функционирования сетевого сообщества обусловлена ценностно-нормативными системами Internet как социального мега-института (*мега* – поскольку он обслуживает широкое разнообразие видов деятельности, *института* – поскольку он обладает собственной нормативной системой, регулирующей данные виды деятельности). Internet задает такую ценностно-нормативную основу сетевого взаимодействия (ценности свободы поиска, выбора контактов; диалогичность; неформализованность общения и др.), которая зачастую обостряет нормативный конфликт с другими социальными институтами, прежде всего с государством (поскольку Internet стирает грани между государствами), т.е. вступает в противоречие с традиционно сложившейся системой норм и властных отношений.

Проблема изучения нормативности информационно-коммуникативной среды Internet актуальна, поскольку в настоящее время он воспринимается как «параллельный мир», где дублируются все виды деятельности, все виды коммуникации, присутствуют все сферы реальности (экономика, политика, культура, религия, криминал...), «живущие» по своим законам в рамках социальной организации иного типа, где формируется своя сетевая «ноосферная» политика. Взаимопересечение виртуальной и «действительной» реальностей – широкая область конфликта, консенсуса, перераспределения власти, поскольку Internet представляет собой значимое средство влияния на социально-экономические, социально-политические и социокультурные процессы, условие формирования об-

* **Елена Анатольевна Шуклина** – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии, директор Центра социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

щественного сознания, фактор инноваций и неопределенности в развитии социума.

«Мягкая власть» (концепция «Soft power») Internet-коммуникации в настоящее время определяется афоризмом «Если Вас нет в Internet, Вы просто не существуете». Вхождение в сетевое сообщество обусловлено правилами доступа, в основе которых объективные критерии: компетентность, т.е. практическая включенность в определенный вид деятельности, практический опыт участия в решении той или иной проблемы; активность и стабильное пребывание в Сети. А также субъективные критерии: потребности и интеллектуальные возможности освоить предоставляемую информацию; творческий потенциал, необходимый для реализации предлагаемых проектов; и, наконец, коммуникативная компетентность, предполагающая возможности реализации коммуникативных ресурсов, прежде всего в освоении языка коммуникации и ценностно-нормативных ограничений конкретного сообщества. Эти ограничения представляют собой критерии формирования своего рода социальной структуры Сети. Важно отметить, что идея общедоступности Internet относится к разряду мифологических, на пути вхождения в сетевое сообщество оказываются, прежде всего, интеллектуальные барьеры.

Данные критерии свидетельствуют о том, что появление сетевого сообщества представляет собой создание микросоциума, нового социального целого, характеризующегося определенными видами деятельности, социальными отношениями, смыслами и ценностями. Данные виртуальные социумы могут быть бесконечно разнообразны.

Становление сетевых сообществ показывает, что принцип «владеющий информацией владеет миром» не является доминирующим фактором их развития. Информационная функция, столь явно заявившая о себе на заре их становления (электронные доски объявлений – bulletin board system, сокращенно BBS), сменилась другими. Так, принадлежность сетевому сообществу обуславливает процессы социализации личности, осваивающей свои сетевые статусы, формирующей множественные идентичности. «Мягкая власть» сетевых сообществ распространяется в целом на формирование образа жизни субъекта, стимулирует становление новых аспектов взаимодействия между людьми, развивает межличностную коммуникацию. Сетевые сообщества являются способом самореализации личности, условием ее свободы, средством легити-

мации самых различных ее потребностей, интересов, ценностей, видов деятельности как нормативно приемлемых большинством, так и отвергаемых либо не нашедших широкого распространения. Сетевые сообщества – это персонифицированные структуры, индивидуализация является базовым элементом их идеологии.

Сообщество подчиняет себе личность в первую очередь через механизмы социализации в рамках неформальных контактов, расширяющих границы ее свободы и степень влияния на социальное окружение, создающих условия для саморазвития. Неформальность взаимодействия членов сообщества – условие развития их творческого потенциала, креативности в осмыслении реальности и осуществлении деятельности. Сетевые «неформалы», в каком-то смысле, – альтернатива развитию массовой культуры.

Власть в информационной сфере реализуется через механизмы управления, манипуляции. Появление любого сетевого сообщества – социальная инновация, которая обусловлена как технико-технологическими, так и социальными факторами. Она выступает в качестве социальной технологии, является своего рода социоинженерным проектом. Позволяет ли архитектура Сети манипулировать общественным сознанием и каково манипулятивное влияние Internet-коммуникации на личность? Вопрос дискуссионный. Вместе с тем базовые принципы организации Internet, и в первую очередь принцип самоорганизации сетевого сообщества, позволяют сделать однозначные выводы о границах свободы его функционирования.

Власть лидерства и лидерство власти

Лидерство – одна из важнейших проблем современного менеджмента, которая не получила еще окончательного объяснения. Лидерство трактуется большинством авторов как способность индивида воздействовать на мотивы и убеждения других людей для достижения групповых целей.

Так, по мнению М. Мескона, М. Альберта, Ф. Хедоури, «лидерство – это способность влиять на индивидуумов и группы людей, чтобы побудить их работать для достижения целей». Подобное определение лидерства мы встречаем и у Р. Дафта. При этом обращается внимание на то, что лидерство, в отличие от собственно управления, предполагает наличие в организации последователей, а не только подчиненных. Отношения лидерства – это прежде всего отношения «лидер – последователь», а не «начальник – подчиненный».

Лидерство не является всеобщей способностью людей, одни индивиды обладают ею, другие – нет. Поскольку отмеченная способность повышает мотивацию исполнителей, а стало быть, качество управления, то естественно, что теоретики и практики менеджмента пытаются выяснить, на чем же она основывается. Объяснение лидерства позволило бы подбирать менеджеров, обладающих такой способностью.

Попытки выяснения природы лидерства к настоящему времени оформились в три теории:

- лидерских качеств;
- лидерского поведения;
- ситуации, в которой действует лидер.

Согласно личностной теории лидерства, также известной под названием теории великих людей, лидеры обладают определенным набором достаточно устойчивых качеств, отличающих их

* *Татьяна Валентиновна Костина* – канд. социол. наук, преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарно-го университета (г. Екатеринбург).

от всех остальных людей. Некоторые из этих изученных черт – высокий уровень интеллекта, впечатляющая внешность, честность, здравый смысл, инициативность, высокая уверенность в себе. Однако в разных ситуациях эффективные руководители обнаруживают разные личные качества, на этом основании делается вывод о том, что не существует такого набора личных качеств, который присутствует у всех эффективных руководителей. В связи с этим возникает сомнение в том, что лидерство обусловлено особым набором качеств людей.

В поведенческой теории лидерства происходит смещение акцентов с изучения характерных черт руководителей на поведение добившихся успеха лидеров. В этом случае эффективность руководства определяется, скорее, поведением руководителя по отношению к подчиненным, а не его личностными качествами.

Ситуационные подходы к лидерству основываются на поведенческой концепции, конкретизированной в определенном направлении, а именно: существует не один, а множество видов поведения, обеспечивающих лидерство, причем виды лидерского поведения обусловлены ситуацией. В рамках ситуационного подхода к лидерству осуществляется разработка моделей лидерства в различных обстоятельствах. Поэтому руководитель, желающий стать лидером, должен выбрать тот стиль поведения, который наиболее адекватен конкретным обстоятельствам.

На наш взгляд, существующие трактовки лидерства и власти являются неточными и неполными и нуждаются в конкретизации. Власть трактуется большинством авторов как возможность влиять на поведение других, а влияние – любое поведение индивида, которое вносит изменения в поведение, отношения, ощущения и т.п. другого индивида.

Нам представляется, что власть в самом общем виде можно определить как отношения неравных и связанных друг с другом лиц. Связанность людей и неравенство их отношений в этих связях создают основу для различных форм власти и представляют собой содержание властных отношений. Так, связанность субъектов и неравенство их полномочий выступают основой для должностной власти. В данном случае за одними людьми признается право на принятие решений, а за другими – на их исполнение. В других случаях неравенство индивидов по таким основаниям, как способности, возможности, создает основу других властных отношений. Выделение оснований власти позволяет сделать вывод о том, что

властные отношения не сводятся к волевым свойствам личности. Власть – это не свойство личности, а форма отношений связанных друг с другом субъектов, которая проявляется и через их волю.

В связи с этим объяснение лидерства требует изменения ряда методологических предпосылок, с позиций которых этот феномен осмысливался. К числу таких не оправдавших себя предпосылок следует отнести следующие:

- лидерство – это одностороннее воздействие одного человека на других людей;
- мотивы – это только чувственные побуждения.

В реальности лидерство – это отношение людей, связанное с формированием не всяких мотивов, а лишь определенных, которые можно назвать смысловыми. Традиционные подходы к стимулированию выделяют административные, материальные, психологические средства воздействия. Однако этот перечень не является полным, потому что в нем не учитываются смысловые мотивы. Последние же, по нашему мнению, – это оценка программ и планов деятельности, реализацией которых занимается человек, как перспективных, правильных. Следовательно, смысловые мотивы – это вид рациональных побуждений, которые оказывают влияние на поведение многих людей. Действительно, если работник занимается деятельностью, которая не приведет к позитивным результатам, не ведет к решению проблем, то она теряет смысл, а всякая бессмысленная деятельность, осознанная исполнителем как таковая, воспринимается им как наказание.

Можно утверждать, что лидеры – это те, кто способен влиять на формирование смысловых мотивов, убеждать, что идеи, программы, планы имеют смысл, способны реализоваться, привести к реализации глубинных целей. Однако человеку недостаточно обладать какими-то особыми свойствами, чтобы он смог убедить в позитивности предлагаемых им идей или действий.

На наш взгляд, свойства человека становятся лидерскими только в том случае, если они признаны последователями. Это признание означает, что последователи признают человека лидером, то есть превосходящим их по каким-то качествам, умениям, знаниям. Тем самым последователями лидера признается его влияние, неравенство между ними, причем это признание добровольное. Это выбор последователей, а не навязывание сверху.

Признание одним человеком другого стоящим выше себя, в свою очередь, влечет за собой целый ряд последствий. Главное

из них состоит в том, что у последователей формируется вера в правильность идей и действий лидера. Вера возникает из интеллектуального неравенства, неравенства опыта. Равные индивиды стремятся понять партнеров рационально, они критично относятся к их идеям и действиям. Признание неравенства между последователем и лидером означает одновременно и признание неспособности последователя встать над лидером, критично его судить, остается только вера в то, что лучший знает лучше. Все сказанное подтверждает теорию лидерских качеств, однако не только ее. Дело в том, что качества должны проявляться в поведении. Если они не проявляются в признанных и понятных формах поведения, то они и не существуют для окружающих, остаются «вещью для себя», но не для других.

Властолюбие

1 О властолюбии первым стал писать Платон. Он (вслед за Эмпедоклом и в противоположность Гераклиту) считал любовь тем созидательным началом, что превращает двуногое животное без перьев в человека, который, благодаря своей влюблённости в прекрасное, поднимается над естественными потребностями и создаёт человеческий искусственный мир. Платона прежде всего интересовала любовь к мудрости, особенности которой он выявлял не только описывая признаки философии и философов, но и сравнивая её с другими видами любви. Какие-то из них (например, эротическую любовь) он описывал подробно, на другие же только указывал, полагая их в отличие от философии¹ общеизвестными. Наряду со сребролюбием и честолюбием Платон выделял и властолюбие – достаточно новое явление в эллинском мире, но уже хорошо известное в те времена благодаря многочисленным тиранам и соискателям власти. Возможно, в силу кажущейся очевидности, Платон не исследовал специально того, как объединяются в единое целое – любовь и власть, но если использовать его терминологию, то по аналогии с философами по природе можно говорить и о природных сребролюбцах, честолюбцах и властолюбцах.

2. Русское слово «любовь» многозначно: русские могут любить невесту и кисель, но не любить политиков и лживость. У ан-

* *Геннадий Васильевич Болдыгин* – канд. филос. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Легенда приписывает изобретение слова философия Пифагору, которому в античности приписывались мыслимые и немыслимые умения и изобретения. Первым письменным источником, в котором 2 раза встречается это слово, была одна из речей Исократ, старшего современника Платона, входившего в месте с ним в кружок Сократа, где, видимо, и зародилось слово «философия» как объяснение, почему среди чрезвычайно прагматичных эллинов появились и те, кто не заботился о выгоде, славе, власти, но отдавал всё своё время и силы решению практически бесполезных вопросов – о соревновании Ахилла с черепахой или первоначалах вещей.

гличан, например, так не получится: для обозначения любви к людям употребляется одно слово, а для любви к вещам или процедурам – другое. С греческого языка на русский одним и тем же словом любовь переводят и эрос, и агапе, и филия, и строге, – слова достаточно разные и греками не спутываемые, хотя все они обозначают бескорыстные влечения к предметам своих симпатий. Подобное влечение и имел в виду Платон, говоря о властолюбии. Во всех европейских языках вслед за греками выработалось понятие «властолюбие», для обозначения которого используются сложные слова, корни которых этимологически в разных языках могут и не совпадать. Тем не менее при переводах на другие языки эти слова не вызывают особых затруднений: каждый из нас хотя бы раз в жизни сталкивался с властолюбцами, каждый примерно знает, что такое властолюбие. Не так просто обстоит дело с входящей в слово «властолюбие» властью.

3. Для советского читателя понятие «власть» вполне соответствовало картезианскому идеалу ясности и отчётливости. В предперестроечном 1983 году «Философский энциклопедический словарь» определял её как «способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия...»². Примерно такое же понимание власти предлагали её дефиниции в других специальных и толковых словарях, в которых обязательно подчёркивалась её связь с волевыми актами властвующего индивида или органа, влияющими на поведение людей. В постсоветской России философская и социально-политическая мысль потеряла чёткие ориентиры в виде согласованных с соответствующими инстанциями интерпретаций ключевых цитат Маркса, Энгельса, Ленина. Она до сих пор находится в состоянии неопределённости, усугубляемой доступностью оригинальной и переводной литературы по любым темам и, как следствие этого, поиском новых авторитетов, на которые мог бы опереться измученный свободой интеллект бывших советских мыслителей. Новые дефиниции и формулировки не имеют прежней чеканности, они стали осторожно нечёткими. Пример тому – толкование в «Новой философской энциклопедии» власти как «возможности оказать воздействие на что-то и на кого-то», которое беспредельно рас-

² Власть // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

ширяет круг значений этого слова. В число объектов, на которые способна воздействовать власть, оказались включенными не только люди, но и вещи и всё, что подразумевается под неопределённым местоимением «что-то». Связь воли с властью оказывается теперь необязательной, присущей лишь её «волонтаристской модели», которая сосуществует с такими же односторонними «герменевтической, или коммуникативной», «структуралистской» и «постмодернистской» «моделями», что «делает исследование власти крайне сложным и противоречивым»³.

4. Однако трудности исследования власти – не в принуждении к свободному выбору наиболее предпочтительной из моделей, которые отличаются друг от друга вовсе не пониманием её сути, а воззрениями на средства её достижения и сохранения – волю, приёмы коммуникации, структуру общественных отношений, патриархальные традиции и т.п. Неясен сам феномен, который обозначается словом «власть». За века существования круг значений этого слова чрезвычайно расширился. Основные его смыслы стали нечёткими из-за многочисленных метафор и других иносказаний, таких, как вершина и коридоры власти (здесь власть вполне телесна – пространственно локализована и исчислима), власть тьмы, денег, авторитета (здесь она – атрибутивное качество некоторых телесных вещей), аристократия, демократия, монархия (а здесь – свойство, не обязательное для его носителей). И всё же при всех её толкованиях ясно одно: власть загадочна, с трудом поддаётся рациональным дефинициям и именно поэтому вызывает поток иносказаний.

5. Загадочность власти для исследователей, политиков и обычных людей заключается прежде всего в том, что нет универсальных средств для её достижения, как бы ни уверяли своих клиентов в обратном политтехнологи. Одним она даётся без каких-либо усилий с их стороны (иногда одним только фактом своего рождения); другие завоёвывают её с помощью силы (во многих языках сила и власть – синонимы), богатства, коварства, умелого использования приёмов убеждения, основанных на апелляции к традициям или сознательного отрицания их и т.п.; усилия третьих во что бы то ни стало войти в круг власть имущих оказываются тщетными, хотя они и используют те же самые средства. Нет также и одинаково

³ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 418–419.

подходящих всем и каждому способов удержания власти, что является даже более трудоёмкой задачей, чем её приобретение. Те приёмы, которые ещё недавно держали в повиновении подвластных индивидов, в какой-то момент времени перестают на них воздействовать. Бывают времена и ситуации, когда даже тотальный государственный террор не способен пересилить равнодушие большинства населения к недавним страхам (крушение карьеры, нищенство, бедствия родственников, своя и их смерть) и безграничная власть покидает своего, теперь уже прежнего, владельца.

6. Видимо, трудности и затрачиваемые силы при завоевании и сохранении власти настолько велики, что политики и многие социологи рассматривают её достижение и удержание как основную цель политики, отводя второстепенную и даже третьестепенную роль использованию её как средства для других декларируемых целей – например, предвыборных лозунгов и обещаний. Тот же Философский словарь 1983 г., например, «ядром политики» считает «проблему завоевания, удержания» и лишь потом «использования государственной власти»⁴. Лишь в редчайших случаях и в самой малой мере власть используется как средство для реализации декларируемых целей. XX в. дал всего только два таких случая, когда завоевавшие власть идеологи и творцы социалистической революции в России и национал-социалистической в Германии достаточно ревностно использовали её для достижения программных целей.

8. М. Вебер, писавший в подражание Платону о «политике», полагал, что это тот, кто «всегда стремится к власти», иногда рассматривая её в качестве «средства», для достижения «идеальных или эгоистических» целей, но по большей части «ради неё самой»⁵. Если программные лозунги большевиков и национал-социалистов рассматривать как осуществлявшиеся ими «идеальные цели», то всё же основные усилия направлялись ими на цели эгоистические: создав мощнейшие вооружённые силы и небывало большие контролирующие и репрессивные органы, они стремились к расширению своей власти и её удержанию. Иными словами, власть использовалась ими прежде всего ради неё самой. Но чем же привлекательна власть? Почему множество людей добиваются её?

⁴ Политика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

⁵ См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

9. Что касается политиков, то, по Веберу, власть им нужна не ради неё самой, для них она не *causa finalis*, которая уже не может служить ступенью при достижении более важных ценностей. Власть для них остаётся средством для того, «чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она даёт»⁶. Однако престижной может быть не только власть, но и ценимые в разных сообществах редкие умения. Если же внимательнее приглядеться к формулировкам Вебера, то оказывается, что вовсе не престиж, а наслаждение им является истинной целью политика, являющегося в таком случае тривиальным гедонистом. Впрочем, гедонизм не является отличительной чертой лишь политиков. Стремление к наслаждению естественно для каждого человека и даже животного. Тогда особенность политика, если следовать Веберу, – всего лишь неспособность по-настоящему наслаждаться чем-либо иным, кроме того престижа, который даёт исключительно власть. Возможно, для людей вообще не может быть безусловных целей, а всякий их поступок всегда только средство, используемое ими для достижения каких-то следующих целей, сразу же становящихся, в свою очередь, полезными средствами для чего-то ещё, и так до бесконечности. В таком случае вообще не найти никого, а не только политика, для кого власть может быть желанна ради неё самой, кто был бы властолюбцем по природе.

10. Выделение целей и средств, с точки зрения их полезности и вредности, – это рациональное обоснование мотивов человеческих поступков, причём предполагается, что сами мотивы разумны, т.е. предварительно критически осмыслены и свободно выбраны. Однако человек не является исключительно *homo sapiens*. Он так же ещё и человек эмоциональный, а значит – иррациональный. Эмоции (страсти, аффекты) исходят не из разума и зачастую не поддаются разумному контролю, нередко побуждая людей к неразумным поступкам. И закон – это воплощение разума – вынужден подчас признавать своё бессилие перед иррациональными эмоциями, смягчая, а то и вовсе отменяя наказание за преступление, совершённое в состоянии аффекта. Сильнейшим неразумным мотивом многих великих человеческих свершений, а также преступлений и просто глупостей, является любовь, которую (как и ненависть) наш разум оправдывает лишь *ad hoc*, предмет же её выби-

рает не он. Как и прочие виды любви, властолюбие иррационально. Современные домашний деспот и пламенная феминистка, тоталитарный диктатор и демократический политик, заявляя о власти как всего лишь средстве для осуществления благородных целей, не всегда осознают, что они охвачены властолюбием и их стремление к власти далеко не так рационально, как им это представляется. Без этой любви, без постоянной заботы об укреплении и сохранении власти даже путём частичного выполнения декларируемых целей, они теряют то, что любят больше эроса, почестей, мудрости и богатства. Тот же, для кого власть – средство, кому она нужна исключительно для приобретения богатства, эротических наслаждений, престижа, не заботится любовно о ней и рискует легко её потерять. Властолюбие не является достаточным условием для приобретения и удержания власти, оно всего лишь необходимое условие, т.е. такое, без которого не достичь и не сохранить доминантного положения в семье, обществе, государстве и его институтах. Но что же манит властолюбцев во власти? Что боятся потерять они вместе с властью? Что может дать только власть и ничто другое? Что же такое власть?

11. Слово «власть» во всех европейских языках этимологически близко владению, а иногда и воле. В русском языке это родство очевидно, и указывает на то, что имеющий власть, владыка, может распоряжаться лицами (т.е. разумными и свободными людьми), как вещами, которыми он владеет. Иными словами, в моменты властвования владыка лишает разумной воли лиц, превращая их в рабов, и его душа начинает управлять их телами, что является, по Канту, наиболее отвратительным в рабстве. Видимо, подавление воли и разума свободного до этого человека и есть то, что больше всего прельщает властолюбцев и наслаждение чем почти незнакомо тому, кто предпочитает эрос, богатство, почести или бескорыстную мудрость.

⁶ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

*Л. В. Тарасова**

Профессиональная компетентность как ресурс власти

В отношении содержания понятия компетентности в современной научной литературе нет единства. Наиболее широко используется определение компетентности как доскопального знания своего дела, существа выполнения работы, сложных связей, явлений и процессов, возможных способов и средств достижения намеченных целей.

В отечественной социальной психологии термин «компетентность» используется с пояснительными определениями: компетентность общения, коммуникативная компетентность, межличностная компетентность и пр. В 80–90-х гг. появился ряд работ, связывающий этот термин с деятельностью руководителя, предпринимателя. В этих исследованиях компетентность включает в себя кроме общей совокупности знаний, еще и знание возможных последствий конкретного способа воздействия, то есть имеются в виду коммуникативные способности.

В настоящее время не существует единого определения компетентности, неоднозначно рассматривается ее природа. Кроме того, не существует единого подхода к определению структуры компетентности. Состав структурных компонентов зависит от того, какой ее вид анализируется. В зависимости от этого делается акцент на тех или иных структурных компонентах. В целом компетентность изучается как сложное образование, включающее в себя разнообразные компоненты: знания, умения, навыки, способности, личностные качества.

Понятие профессиональной компетентности является более узким, и, тем не менее, оно также используется в различных значениях. Категория «профессиональная компетентность» в общепринятом понимании означает высокий уровень специальных про-

* *Людмила Владимировна Тарасова* – аспирант, преподаватель факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

фессиональных знаний и овладение разными сферами служебной деятельности, глубокое понимание насущных профессиональных проблем, деловую надежность и способность успешно и безошибочно решать широкий круг профессиональных задач.

Всего в литературе представлено более 30 видов компетентности, среди них различные виды профессиональной компетентности, обеспечивающие профессиональную деятельность. Исследователи всевозможных видов компетенции сходятся, во-первых, в понимании ее как внутреннего ресурса, обеспечивающего деятельность, влияющего на ее результативность, во-вторых, инвариантным компонентом в структуре рассматриваемых видов компетентности является совокупность знаний.

Знания и умения профессионалов, их профессиональная компетентность представляют собой существенную базу для профессиональных полномочий и власти. Это объясняется необходимостью и незаменимостью тех знаний и информации, которыми они обладают. Знания и профессиональный опыт во многом формируют авторитет руководителя, его имидж среди подчиненных.

Но профессиональный и психологический потенциал не только руководителя, но и сотрудника организации является существенным ресурсом для получения власти в организации. Пути приобретения власти могут быть различными. К их числу можно отнести официальные – продвижение по иерархии управления, получение дополнительных полномочий, – а также неофициальные, не связанные напрямую с изменением позиции в организации. В этом случае речь идет о получении дополнительных возможностей принимать решения, не входящие в официальную компетенцию, облегчение в получении различных услуг, в том числе информационных, влияние на протекание различных организационных процессов.

Однако профессиональная компетентность не только выступает ресурсом власти, но и делает власть дополнительным ресурсом компетентности. Действительно, профессиональная компетентность меняет структуру власти в организации, сотрудники, ею обладающие, получают больше возможностей для влияния и изменения своего окружения. При этом профессиональное развитие и опыт, а особенно культура, позволяют не только получить и обладать властью, но и направить ее в нужное русло – на достижение целей организации и развитие самого субъекта власти.

Таким образом, профессиональная компетентность развивает культуру, выступает основой творческого развития как самого носителя этих ресурсов, так и всей системы власти.

Имидж власти как феномен организационной культуры

Понятие «корпоративный имидж» прочно утвердилось в российском бизнесе и менеджменте. Забота об имидже – признак современных развивающихся организаций, стремящихся обрести свое лицо, ищущих оптимальные направления своего движения, пытающихся найти гармоничные способы сосуществования с социумом.

Имиджмейкерский подход, в основе которого лежит формирование корпоративной философии и культуры, делает упор на разработку средств, которые позволяют идентифицировать организацию или предприятие с декларируемыми ими ценностями. К таким средствам относятся: система маркетинга и рекламная стратегия; корпоративный дизайн; организация связей с общественностью (PR) и организационная культура.

Особое внимание уделяется формированию организационной культуры.

М. Кубр выделил ряд составляющих организационной культуры, где, помимо работы и дисциплины, характера процессов принятия решений, путей урегулирования конфликтов, особое место занимает старшинство и власть (2. С. 394).

В процессах управления, в каких бы масштабах оно ни осуществлялось, всегда возникает проблема власти. Обладание властью – это возможность влияния на удовлетворение потребностей. Власть пронизывает всю жизнь организации, поддерживает ее структуру. Без власти нет организации (10. С. 190).

В конце пятидесятых годов Джон Фрэнч и Бертрам Рэйвен идентифицировали пять типов основ власти (1. С. 200):

- власть награждать – возможность даровать награды;
- власть принуждения – возможность наказывать других;

* *Марина Владимировна Мужева* – зам. декана по организационно-воспитательной работе факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

- законную власть – власть, дарованную законом или другим сводом правил;
- власть переданную – «харизму», которая заставляет других либо подражать вам, либо вас почитать;
- власть специалиста, происходящую из конкретного уровня знаний или навыков.

Д. Фрэнч и Б. Рэйвен предположили, что чем шире основа власти, тем более влиятельным может быть данный человек.

В разные моменты люди могут стремиться использовать разные виды власти. Член группы, обладающий малой властью награждать, может ухватиться за возможность влиять на команду как эксперт. Руководитель группы, которому недостает харизмы или уважения, может попробовать проявить свои полномочия, взымая к законной власти или к власти принуждения.

Характер и содержание организационной культуры зависят от множества факторов, среди которых важнейшее место занимает ее типология. Классификация А.А. и К.А. Радугиных дает представление о четырех типах организационных культур (2. С. 395):

1. Культура власти. При этом типе культуры особую роль в организации играет лидер, его личностные качества и способности. Источником власти выступают ресурсы, которые находятся в распоряжении руководителя. Организация имеет жесткую иерархическую структуру. Набор персонала производится по принципу личной преданности, продвижение по службе слабо зависит от уровня компетентности. Положительные аспекты этого типа лидерства заключаются в быстром реагировании на ситуации, принятии решений, высокой организации их исполнения.

2. Ролевая культура. Она характеризуется распределением ролей, жестко регламентированным функционалом, специализацией участников деятельности. Организация работает в системе правил, процедур, стандартов, соблюдение которых гарантирует ее эффективность. Основной источник власти – положение, занимаемое в иерархической структуре. Такая организация продуктивно работает в режиме функционирования и ограничена в развитии.

3. Культура задачи или дела. Данный тип культуры сориентирован на достижение целей в реализации проектов. Эффективность обеспечивается высоким профессионализмом сотрудников и корпоративной сплоченностью – это командный тип. Большими властными полномочиями наделен тот, кто в данный момент является экспертом в ведущей области деятельности и обладает максимумом

мом информации. Такая организация успешна при ситуативных требованиях рынка.

4. Культура личности. Организация с подобным типом культуры объединяет людей не для решения общих задач, а для достижения личностно значимых целей. Характеризуется высокой продуктивностью. Власть основана на профессионализме, способности договариваться, близости к ресурсам. Власть и контроль в организации носят координирующий характер.

Таким образом, от характера власти зависит характер и содержание организационной культуры – важнейшего показателя и рычага управления внутрикорпоративным имиджем.

Не секрет, что любое управление опирается на психологические факторы. Трудно осознается руководителем тот факт, что он сам является инструментом воспитания и обучения, показателем организационной культуры, а вместе с тем, и корпоративного имиджа организации.

В управленческой литературе власть руководителя понимается как возможность действовать или способность воздействовать на ситуацию или поведение подчиненных.

Особое место занимает власть примера. Она связана со способностью руководителя влиять на поведение подчиненных благодаря его привлекательности, наличию у него харизмы – власти, основанной на силе личных качеств.

Выделяются следующие качества харизматической личности (10. С. 192):

- свойство заряжать своей энергией окружающих;
- внушительная внешность;
- независимость характера;
- уверенная манера держаться;
- хорошие риторические способности.

Власть примера нередко формируется по мере отождествления подчиненными себя со своим руководителем, вплоть до подражания ему во всем. Это стремление незаметно подводит подражателя под влияние того, кому он подражает. Чем больше руководитель является для кого-то идеалом, тем больше его уважают, подкрепляя тем самым личностную основу его власти.

Поведенческие проявления руководителя Э. Шейн отнес к первичным механизмам, способствующим установлению культурных основ (4. С. 211).

Интересно замечание Дж. У. Ханта, который считает, что при формировании определенной культуры своей организации или подразделения руководитель должен создавать информационные поводы, фиксируя внимание своих подчиненных на определенных поступках и высказываниях и обеспечивая возможность их обсуждения в среде подчиненных. О такой роли поведения руководителя и лиц, наделенных полномочиями, содержится в трактате Ли Гоу «План успокоения народа»: «Народ подчиняется не правителю, а его указу. Поэтому правителю, прежде чем охранять государство, следует соблюдать собственный указ», «...кандидаты в чиновники – это те, на кого толпа взирает с уважением. Если же они носят одежды конфунцианцев и читают конфунцианские книги, а ведут себя словно низкие люди, то это делает народ невосприимчивым к наставлению» (4. С. 212).

Наконец, следует отметить: влияние власти проявляется как со стороны руководителя, так и со стороны подчиненных. Любой руководитель также в той или иной мере зависит от подчиненных. Например, директор торговой фирмы зависит от обслуживающего персонала, в частности при получении текущей информации о снабжении, продаже товара. Все это определяет успешность деятельности, за которую личную ответственность несет директор. В той мере, в какой руководитель зависит от подчиненных, они имеют над ним власть.

Рационально действующий руководитель старается поддерживать разумный баланс властей. Используемая им власть должна быть необходимой и достаточной для достижения целей, но не вызывать у подчиненных ощущения, что ими манипулируют, и не провоцировать их на проявление непокорности.

Итак, одним из базовых аспектов существования организационной культуры, а вместе с тем и корпоративного имиджа, является представление об источниках власти и ее основаниях (традиции, наследование властных полномочий, закон, харизма и т.д.). Разумное сочетание видов власти, представление ее возможностей для окружающих предопределяет успех всего предприятия.

Такой подход является новым для российской практики, особенно считается инновационным и справедливо находится в зоне особого внимания руководителей организаций, видящих в этом подходе мощный рычаг для развития и формирования положительного имиджа организации.

Литература

1. *Кабаченко Т. С.* Психология в управлении человеческими ресурсами. – СПб.: Питер, 2003. – 400 с.
2. *Перелыгина Е. Б.* Психология имиджа. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.
3. Психология менеджмента: учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 639 с.
4. *Ромашов О. В., Ромашова Л. О.* Социология и психология управления. – М.: Издательство «Экзамен», 2002. – 512 с.

В. П. Беляев*, А. В. Дроздова**

Имидж политического лидера как фактор достижения политической власти

Проблема политического имиджа приобретает особую актуальность в связи с предельно персонифицированным характером современной политики.

По мысли П. Бурдьё, «поле политики – это рынок, в котором существует спрос, производство и предложение продукта особого сорта – политических программ, мнений, позиций». На этом рынке успех или неудача того или иного претендента на властную позицию обусловлена многими факторами, и в первую очередь – имиджем политического лидера.

Конструирование и продвижение имиджа (его прагматика) в борьбе за власть определяется стремлением политика соответствовать социальным ожиданиям масс, их ценностям. Политический капитал, по П. Бурдьё, является делегированной формой символического капитала, кредитом, основанным на ожиданиях социальных групп. При помощи этого капитала политик наделяется той самой властью, которую они за ним признают в дальнейшем.

Лидерство неразрывно связано с феноменом власти, то есть со способностью и возможностью социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии. Лидерство подразумевает продолжительное, а не спорадическое осуществление власти, как правило, сопряженное с личностными характеристиками субъекта.

Каждая культурно-историческая эпоха фокусировала внимание на присущих только ей характеристиках имиджа политика. Так, египтяне величали своего царя как «ветер дуновения сладостного»; фараон для них был воплощением бога на земле, повелевающий

* *Владислав Петрович Беляев* – канд. филос. наук, доцент УГГГУ (г. Екатеринбург).

** *Дроздова Алла Владимировна* – канд. филос. наук, доцент кафедры связей с общественностью Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

«властным словом» движением планет и звезд. Греческие же цари (архонты) были лишены божественного статуса, они «первые среди равных», такими их делали необходимые для правителя качества: справедливость, мудрость, хитрость, доблесть. По Лао-цзы, лучший вождь – тот, которого «народ не замечает», на втором месте – тот, которого «народ обожает», на третьем месте – тот, которого «народ боится» и на последнем – тот, которого «ненавидят».

Впрочем, и сегодня теории «героев и черт» продолжают множить число своих сторонников и список необходимых лидерам качеств. Так, например, отечественные исследователи (Р. Ромашкина, Г. Горин, И. Ирхин) связывают личные черты политика с архетипами русского народа, полагая, что россиянам нужен лидер – борец, способный строго наказывать чиновника, пожуришь народ и позаботиться о нем.

Имидж политика во власти оценивается не только по позитивным чертам. Негативные черты тоже принимаются во внимание: жажда власти, слабость, вовлечение в ненужную войну, нестабильность, эгоизм, опрометчивость. Р. Такер отмечает, что среди факторов, определяющих успех или провал лидеров, является не только способность лидера отражать интересы определенных социальных групп, но в большей степени жить заботами людей и воспринимать их как свои собственные. Американский исследователь Ф. Хайдер отмечает, что «если лидер воспринимается как человек, способный достичь благоприятного результата, но не делающий этого из-за очевидного безволия или нежелания, то он имеет больше шансов потерять последователей по сравнению с лидером, не способным достичь желаемого, но предпринимающего явные усилия для достижения цели».

По Веберу, любое политическое действие предполагает трех участников – это массы, вождь, управленческий аппарат. Сам демон, не являющийся профессиональным в политике, не способен, по Веберу, действовать рационально в этой сфере, то есть осознанно и самостоятельно ставить политические цели, сознательно избирать адекватные им средства. С точки зрения Вебера, действительная борьба за власть разворачивается не между лидером и массами, а между лидером и бюрократическим аппаратом.

Например, К. Лёвенштейн полагает, что в современном рациональном, массовом обществе вера в сверхъестественные способности лидера (его харизму) исчезла. Поэтому харизма возможна только в ранние эпохи, «века площадей и митингов», а место ис-

тинных харизматических политиков заняли «псевдохаризматики», созданные имиджмейкерами, манипуляторами современными массовыми коммуникациями. Й. Бенсман, М. Гайвант, авторы понятия «псевдохаризма», полагают, что всемогуществу бюрократических структур невыгодно появление или усиление неподконтрольных личностей, а значит, и подлинного харизматического лидера. Согласно данной точке зрения, харизма выступает всего лишь ширмой для других, скрытых идеологических целей определенных властных групп. Имидж политического лидера оборачивается своей «управляемой», искусственной стороной – псевдохаризмой.

Современные подходы к проблеме имиджа политического лидера отличаются интегративностью и главный акцент делают на функциональном взаимодействии лидера и социальной группы. В информационном, массовом обществе имидж политика – это «особого рода единица коммуникации», сообщение, которое создается политиком и транслируется по каналам массовой коммуникации, чтобы повлиять на целевые аудитории. Поэтому интерес вызывают механизмы формирования имиджа лидера, то есть система специально спроектированных воздействий на сознание избирателей посредством размещения в СМИ информационных материалов, политической рекламы. Современная власть инсценирует себя не при помощи триумфальных арок, статуй, медалей, а посредством фото- и кинопродукции, прессы, радио, ТВ.

Новые возможности СМИ заставили всех участников политических кампаний играть по правилам политического маркетинга. По удачному замечанию Т. Майера, сегодня место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Сходные идеи формулировал и американский исследователь Х. Данкан, писавший о том, что «величайшая социальная революция XX века имела место именно в коммуникациях, средствах, с помощью которых власть предрежащие создают и контролируют образы или наименования и легитимизируют тем самым свою власть».

В основе манипуляции сознанием масс, с точки зрения М. Хоркхаймера и Т. Адорно, лежит техника расщепления социальной реальности «на фотографическое воспроизведение своего равного бытия», и при этом «вместо хлеба опыта» аудитории предлагаются «камни стереотипа». Конечно, «производство стереотипов» блокирует способность субъектов самим классифицировать реальность, но имидж как раз и должен отличаться стереотипностью, то есть быть не сложным и многогранным, а простым и доступ-

ным, соответствующим представлениям, сложившимся у большинства. Имидж лидера, как правило, строится вокруг известной максимальному числу избирателей черты, которая имеется у претендента. Вместе с тем имидж политика должен быть реалистичным, разработанным в соответствии со стратегией и тактикой, адресной направленностью, методами внедрения в сознание; только тогда он будет воспринят и понят массовой аудиторией.

Однако здесь и возникает «парадокс лидера», который отмечает Д. Ольшанский. Став лидером большой общности, политик получает «специфический капитал» в виде доверительной ценности от группы, с которой он соединен «магической связью идентификации» (Бурдые). Но затем он вынужден отделиться от нее, действовать не в соответствии с ее интересами, для того чтобы подчинить себе. Отсюда и необходимость коррекции имиджа, его оперативный мониторинг и техники утаивания, умалчивания и предосторожности. Последнее особенно важно, чтобы не допустить того, что известный специалист по имиджу американских президентов Д. Герген называл «моментами обнажения в политике», когда жизнь пробивается сквозь театральное шоу, показывая реального человека.

Необходимо отметить, что на уровне «большой политики» имеют значение не только личностные качества лидера, интеллект, умение ясно выражать свои мысли, но также и способность улавливать настроения людей, умение формировать общие политические требования и добиваться политической легитимности. Под легитимацией в данном случае понимается процесс добровольного, независимого признания и доверия власти, но в то же время можно сказать, что этот процесс инициируется самой властью. Легитимация политического лидера в каком-то смысле представляет собой игру с обязательной поддержкой масс, и результат зависит от того или иного политического сценария. Политика все больше принимает характер ремесла, предполагающего определенные знания, опыт, наличие различных технологий воздействия на массовое сознание.

Л. С. Полякова*

Искусство создания образа политика с помощью языковых средств

Долгие годы в нашем обществе политика и процессы в области языка находились достаточно далеко друг от друга, но с политизацией жизни в середине 80-х годов ситуация изменилась. Это связано с тем, что власть реализуется через общение. Внимание ученых еще с 70–90-х гг. привлекает вопрос о том, какую роль играет язык в постоянной борьбе за власть и как отражается эта борьба между людьми на особенностях языка, на специфике речи, на текстах, которые отражают эту борьбу. Появляется понятие политического языка, политического дискурса, публикуются исследования лингвистов, которые выявляют особенности языка политики. Эти исследования приобретают значимость в связи с возрастанием роли политиков, политических выборов в современном обществе.

Первым отличительные особенности языка политики отметил английский писатель Дж. Оруэлл. В статье «Политика и английский язык» (1946) Дж. Оруэлл пишет, что «устная и письменная речь политиков оправдывает то, что невозможно оправдать... Язык политики, таким образом, должен состоять из эвфемизмов, голословных фраз и туманной неопределенности» [G. Orwell 1946]. Идеи Дж. Оруэлла применительно к современному английскому языку развивает американский исследователь У. Лутс, определяющий doublespeak как «язык, способствующий плохому казаться хорошим, отрицательному – положительным, неприятному быть привлекательным или, по крайней мере, терпимым... это несоответствие между словом и референтом» [Lutz 1981: 1]. Фактически У. Лутс подошел к понятию образа политика, создаваемого при помощи речи.

Для участника предвыборной кампании умение правильно построить воздействующую речь и завоевать симпатии аудитории –

* *Лилия Сергеевна Полякова* – аспирантка Челябинского государственного университета (г. Магнитогорск).

важнейшая задача. Здесь важно все: актуальная тема, ожидания избирателей, учет целевой аудитории. Например, кандидаты в президенты Б. Клинтон и Б. Доул заявляют о категорическом отказе разделять людей по цвету кожи. Кандидат в президенты Дж. Буш обращается к вопросам образования и молодежи, настаивая на том, что у всех есть право получить хорошее образование, а также подчеркивает необходимость бороться с алкоголем и наркотиками. Политик также апеллирует к вопросу трудоустройства, подчеркивая, что работа является достоинством нации и каждый гражданин страны имеет на нее право. Все эти темы являются актуальными, важными, но ни одно высказывание фактически не является новым или программным. Но все они создают определенный образ политика.

Это явление не могло остаться без внимания не только политологов, но и лингвистов. Например, С.А. Еремина рассматривает образ политика через речевой портрет, который понимает «как мнение о говорящем (образ говорящего), которое формируется у слушающего в момент речи. Речевой портрет в этом случае – характеристика речи говорящего с позиции слушающего. При этом дается не только полная характеристика речи (она, кстати, может быть и не полной), но речь оценивается этически и эстетически. Речевой портрет включает не только описание объективного состояния речи говорящего, но и субъективное мнение слушающего» (Еремина 2003: 202).

При исследовании образа политика, создаваемого с помощью языка, нельзя обойти вниманием и гендерный аспект этой проблемы, т.е. различие между речью женщины и мужчины. Иногда «разница» между речью мужчин и женщин настолько ощутима, что приходится вводить понятие особого «женского» языка (реже «мужского»). Это проявляется и в лексике. Данные явления изучает гендерная лингвистика. Эти исследования способствуют признанию особой роли языка в формировании мышления и культуры.

Российские политологи считают, что политология должна быть гендерно нейтральной наукой, опирающейся на общечеловеческие ценности и представляющей политику как универсальное средство, удовлетворяющее потребности как мужчин, так и женщин. В современной политологии прослеживается традиция отчужденности от проблем конкретного человека. Это традиция, сложившаяся в классической политологии: Макиавелли, Гоббс, Руссо, Вебер и другие классики открыто признавали, что изображаемое ими полити-

ческое поведение индивидов основано на анализе поведения мужчин. В последнее время можно заметить тенденции изменения этого состояния в сфере политологии. Например, в учебнике А. Гидденса, переведенном на русский язык, содержится три раздела, посвященных гендерной проблематике, в том числе участию женщин в политике.

Гендерные особенности в языке ярко проявляются при создании определенного образа политика. Например, созданный образ В.В. Путина – это образ сильного, умного, уверенного в себе мужчины, способного на самые решительные поступки, защитника слабых и обиженных, но в то же время осторожного, взвешенного политика. Большинство российских женщин считает его высоким, сильным и красивым мужчиной, хотя на самом деле В.В. Путин не обладает ни высоким ростом, ни атлетическим телосложением, ни классической красотой. Но этот поразительный эффект достигается с помощью отбора языковых средств. Речь В.В. Путина обладает ярко выраженными женскими чертами: она экспрессивна, эмоционально насыщена, образна. В ней используются простые предложения или сложные предложения простых конструкций, отсутствуют иноязычные слова, которые незнакомы большинству населения, – все это создает образ речи сильного человека. Большой словарный запас, легкость в общении, ответах на вопросы – «приподнимает» его образ в глазах слушателей, делает выше, чем они, что затем переносится на его рост и внешность. В.В. Путин часто использует метафоры, крылатые выражения, например, «уши мертвого осла», разговорные обороты: «мочить», «мало не покажется». Это порождает уверенность у избирателей, что президент, хоть и высокообразованный человек, но похожий на них, близкий к простым людям, а значит, и знаком с их нуждами, способен помочь, защитить их. Экспрессия и напор речи рождает образ решительного и смелого человека.

Аналогичные примеры создания определенного, заданного образа с помощью языка можно проследить и на примере речей Дж. Буша. Речи американского президента Джорджа Буша давно стали притчей во языцех. Проанализировав его словарный запас, американские психологи уже объявили его самым глупым американским президентом за последние сто лет, хотя выступление президента США – это, безусловно, всегда событие. Образ Дж. Буша как президента США – это образ ковбоя, «рубяхи-парня», которому все проблемы по плечу. Если мы анализируем языковые сред-

ства, которые часто встречаются в речах Дж. Буша, то поймем, как строится образ лидера. В своих выступлениях он использует разговорную речь, насыщенную афоризмами, а иногда и жаргонной лексикой, поэтому в его речах многие простые фразы приобретают эмоциональную окраску. Также в его выступлениях могут встретиться религиозные фразы для того, чтобы подчеркнуть, что «он такой же, как все», так как большинство американцев – католики и для них очень важно, чтобы их президент разделял с ними их веру. Кроме того, выступления Буша метафоричны и полны афоризмов. Например, I think you will agree with me that the past has gone – «Я думаю, все мы согласимся с тем, что прошлое уже прошло». То есть из вышеизложенного видно, что посредством языковых средств Дж. Буш стремится быть ближе к простому народу, тем самым формируя психологический образ типичного американца – патриота, оптимиста, уверенного в себе лидера.

Таким образом, мы проследили формирование образа политика на примере языковых средств. Можно сделать вывод, что лексические средства играют важную роль при создании нужного имиджа, позиционируют кандидата в желательном для него свете. Кроме этого, с помощью правильного использования лексики можно, фактически, манипулировать сознанием избирателей, не прибегая к прямым высказываниям.

Литература

1. *Ермина С. А.* Речевой портрет политика // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
2. *Orwell G.* Politics and the English Language. – L., 1974. – P. 18.
3. www.guardian.co.uk – The Guardian Official Website.

*Л. Г. Сидорчукова**

Власть стиля (к вопросу о визуальных составляющих персонального имиджа)

Одежда относится к группе невербальных средств создания имиджа. Стилевое решение одежды играет определяющую роль. Одежда отражает жизненные цели и программы личности. По одежде можно судить, например, о том, ищет ли человек новую работу или стремится продвигаться по службе. В этих случаях усилия направлены на создание делового имиджа.

Если человек хочет вести более активную социальную жизнь, то в этом случае он должен позаботиться о том, чтобы его одежда была более свободной и соответствующей ситуации (например, общению с друзьями). Обретению индивидуального стиля способствует осознание того, в какой одежде человек чувствует себя лучше всего, что в ней есть такого, что делает его чувства приятными. Важно также понимать, почему не нравятся те или иные аксессуары, предметы одежды.

Жизненный стиль, работа, личностные особенности – все это представляет индивидуальный код. Процесс декодирования осуществляется уже в социуме. Поэтому, кодируя личностную информацию посредством одежды, индивид должен уметь предугадать возможные варианты декодирования этой информации другими людьми.

Понимание основ формирования индивидуального стиля одежды невозможно без учета основных принципов развития крупных художественных стилей. Проектирование любой одежды всегда происходит в рамках определенного стиля, который накладывает отпечаток на его форму, конструкцию, детали и, вероятно, на психологическую структуру личности владельца костюма.

Понятие «стиль» (от латинского *stilus*, от греческого *stylos* – стержень, палочка письма по восковой дощечке) обозначает един-

* *Любовь Георгиевна Сидорчукова* – канд. истор. наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного педагогического университета (г. Пермь).

ство художественных признаков (обусловленное единством идейного содержания). Художественные стили являются основным источником формирования стилей одежды. И уже в их рамках ищущий свой стиль решает задачи, подобные тем, что стоят перед создателями художественных произведений. Индивид создает стиль внутри стилей одежды. Одежда отражает образ мыслей и жизни человека, его манеры и мораль, постоянно изменяющийся калейдоскоп событий. Сегодня одежда изменяется быстрее, чем в прежние времена, подобно тому как постепенно ускоряется темп жизни. Поэтому среди наиболее важных, желательных характеристик современной одежды называют «стиль», «индивидуальность».

Можно выделить три основных составляющих стиля в одежде: *оригинальный дизайн, совершенную конструкцию, качественное изготовление.*

Стиль первичен по отношению к моде. Мода в данном контексте может употребляться как текущий стиль. Индивидуальный стиль часто сталкивается с необходимостью выдерживать натиск кратковременной моды, моды на второстепенные элементы костюма, например на детали и аксессуары. Выдержать этот натиск помогает вкус – способность человека отличить и оценить, что действительно прекрасно и «идет к лицу». Вкус – это свидетельство индивидуального восприятия, это механизм индивидуального выбора. Устойчивость индивидуального стиля закрепляется под влиянием некоторых устойчивых личностных черт, прежде всего таких, как потребность в достижениях и творческий стиль мышления.

Можно говорить о том, что стиль определяется, в большей степени, способом ношения одежды или одеждой как таковой. В манере ношения одежды должно быть нечто личное – некоторое чутье, признаки чувства собственного достоинства, элегантности, которые выражают настроение и жизненную силу.

«Кто ты?» – именно с ответов на этот вопрос, по мнению многих авторов, начинается поиск индивидуального стиля в одежде. Можно привести классификацию стилей Д. Уоллес (Wallace J. Dress with style. NY.: Revell, 1983), в основе которой лежат модели поведения индивидов:

- амбициозная личность – «стиль высшего общества», «изысканный», «утонченный»;
- поклонники старых фильмов, поэзии, романсов – «романтический стиль»;

- активный, открытый, динамичный человек – «спортивный стиль»;
- авантюризм, решительность, оригинальность человека – «авангардный стиль»;
- организованность, предупредительность, верность традициям и привычкам – «классический стиль».

Экспериментально выявлена закономерность, подтверждающая эти эмпирические наблюдения: чем точнее костюм выражает индивидуальность, тем более он комфортен для его владельца. Большинство женщин создает свой стиль на основе классики, которая ассоциируется у них и с деловой и с нарядной одеждой одновременно. Это предпочтение вскрывает одно из актуальных противоречий в современном классическом костюме. С одной стороны, женщина хочет нравиться, удивлять, очаровывать, быть неповторимой, а с другой – она равноправный участник социокультурных и политических преобразований в стране.

В ходе экспериментальных исследований (результаты описаны в кн.: *Килошенко М.И.* Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб., 2001) было выяснено:

- в деловом костюме с выраженной эстетической направленностью женщина оценивает себя положительно; она не стремится настаивать и поучать, а наоборот, ориентирована на дружелюбное и внимательное общение;
- подчеркивание эротичности в костюме усиливает проявления независимости, стремление выделиться, быть на первом плане;
- недостаточно функциональная одежда сдерживает проявления дружелюбия, склонности к сотрудничеству, согласию или компромиссу. Чем старше потребитель, тем выше его требования к функциональности костюма;
- в удобной одежде, с высокой степенью комфортности, деловые женщины проявляют себя менее жестко и агрессивно, но при этом снижается их энергичность, упорство и настойчивость.

Таким образом, выраженность того или иного критерия в костюме может оказывать решающее влияние на поведение деловой женщины и способствовать или, наоборот, препятствовать достижению желанного результата.

Если для женщины важно нравиться, удивлять и очаровывать, то для мужчины, в особенности делового, внешний облик – прежде всего «камуфляж», набор «знаковых» деталей, указывающих на социальное положение, занимаемую социальную нишу и возможные

амбиции. Мужская деловая мода многогранна, но при этом в ней выступают два основных направления: «консервативный стиль», работающий на создание образа надежного, солидного, состоятельного мужчины-банкира, политика, крупного преуспевающего бизнесмена; «энергичный стиль», подчеркивающий инициативность, готовность к самым нетрадиционным решениям.

«Консервативный стиль» называют стилем «трех С» – серьезен, стабилен, состоятелен. К данному стилю в одежде предъявляется ряд требований и условностей. Солидному человеку не нужно производить фурор своим внешним видом. Качественная роскошь куда предпочтительнее. Образ солидного мужчины в высокой моде создает модельер Ральф Лоран. Идея его коллекций проста: «Все меняется, и только истинный джентльмен остается образцом стабильности и постоянства». Из тканей выбираются натуральные или смесовые: кашемир, твид естественных, мягких тонов, серый, бежевый, синий. Однотонные или с мягким геометрическим рисунком рубашки.

На другом полюсе мужской деловой моды находится стиль энергичных, молодых бизнесменов – стиль «трех О» – общителен, обаятелен, открыт. Главный акцент здесь ставится на создание имиджа «дружелюбного человека», с которым можно вступить в диалог, найти компромисс. Мужчина, выбравший подобный образ, может смело экспериментировать со своим гардеробом, главное при этом – не утратить чувства меры и вкуса. «Энергичный стиль» – это прежде всего игра красок и настроений. Черно-белая клетка, «куриная лапка», насыщенные тона. Осторожно следует обращаться с белым цветом. Белый пиджак или костюм может придать облику нарочито театральный вид.

Итак, чтобы обрести индивидуальный стиль в одежде и имидж в целом, следует «разговорить» свой гардероб и те новые вещи, которые приобретаются. «Разговорить» – значит осознать цели выбора костюма или отдельных предметов одежды, субъективные представления и переживания, сопровождающие этот процесс.

Е. В. Федорова*

Когнитивный стиль как характеристика политического имиджа

Каждая актуальная фаза развития того или иного социума представляет собой сложный продукт, общий результат многообразных действий, совершаемых людьми в ходе истории (Штомпка П., 1996). Свой вклад вносят в данный процесс и особенности социального познания, в процессе которого строится образ мира в целом и образы отдельных элементов социального мира в частности. Политический имидж, как образ субъектов политики, также является неотъемлемой составной частью образа социального мира.

Выявляются следующие особенности процесса социально-политического познания:

во-первых, образы политиков представляются зависимыми от уровня организации и степени сложности когнитивных структур познающих субъектов;

во-вторых, на процесс восприятия политиков влияет потребность воспринимающего человека в сохранении целостности, интегрированности и конгруэнтности когнитивных структур, что ведет к преобладанию селективной стратегии, выбору только той информации, которая не противоречит внутренней картине мира познающего субъекта;

в-третьих, на содержании перцептивных образов социальных объектов сказывается тенденция человека объединять воспринимаемые характеристики в организованные смысловые системы. При этом одна из характеристик, воспринимаемая в данный момент как центральная, значимая, начинает структурировать весь смысловой контекст;

в-четвертых, социальное познание происходит в ситуации коммуникации, т. е. образы социальных явлений должны быть

* **Евгения Викторовна Федорова** – канд. психол. наук, доцент, зав. лабораторией психологического практикума факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

понятны и разделяемы участниками коммуникативного процесса (Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская, 2001).

С нашей точки зрения, одной из наиболее важных когнитивных характеристик, определяющих процесс социального познания, является когнитивный «стиль».

Основным когнитивным стилем, определяющим процессы социального познания как политика, так и политической аудитории, является когнитивная сложность, которая фиксируется по критерию простоты и сложности восприятия явлений и процессов.

По критерию когнитивной сложности традиционно выделяются два основных типа политиков (Г.Г. Дилигенский, 1996):

- политик, мыслящий на основе примитивных жестких стереотипов и нетерпимый к сколько-нибудь многозначным суждениям (когнитивно простой политик);
- политик, способный к представлениям и оценкам, отражающим различные аспекты явления, готовый к формированию целостного образа объекта во всей ее реальной сложности (показатель «интегративной сложности» политика).

Так как когнитивный стиль не является однозначно заданной характеристикой, то уровень когнитивной сложности, проявляющейся в высказываниях и линии поведения политика, может изменяться; также возможно и сочетание различных стилей у одного и того же политика.

Так, «кандидаты», как правило, представляют политическую действительность в гораздо более упрощенном виде, предлагают гораздо более простые и однозначные решения, чем когда становятся «реально действующими» политиками. В процессах политического противостояния действует также обычно и следующее правило: чем жестче конфронтация, тем примитивнее политические образы.

Повышение или снижение уровня когнитивной сложности зависит, как правило, от изменения политической ситуации, от ситуационных мотивов и целей деятельности политиков, от методов достижения этих целей. Связаны с уровнем когнитивной сложности также социально-демографические и личностные особенности: возраст и пол, особенности социального мышления и идентичности.

Что касается влияния уровня когнитивной сложности политической аудитории на восприятие политических процессов и формирование имиджа политиков, то можно отметить лишь тот факт, что до настоящего момента данный аспект не исследован в достаточной степени. Исходя из представлений о природе когнитивных стилей, можно выдвинуть предположение, что совпадение уровней

когнитивной сложности политика и аудитории является одним из критериев эффективности социально-политической коммуникации и адекватности функционирования политических имиджей.

Оказывает влияние как на формирование политического имиджа, так и на восприятие политика социально-политической аудиторией также и общий уровень когнитивного развития «воспринимающих» и «воспринимаемых».

По мере общего когнитивного развития происходят следующие изменения политического мышления:

- 1) мышление достигает абстрактного уровня;
- 2) происходит расширение временной перспективы, начинают осознаваться ближайшие и более отдаленные воздействия прошлых политических событий на события настоящие и будущие;
- 3) появляется социоцентризм: достигается понимание некоторых действий политических организаций и институтов, направленных на коллективные цели, ставящие интересы общества над интересами отдельного человека;
- 4) происходит смена характера рассуждений.

В связи с тем, что в современной социально-исторической ситуации, по результатам эмпирических исследований, выявляются следующие когнитивные особенности российских политиков и политических процессов: когнитивная простота, размытость и абстрактность образов реальных политиков; высокий уровень обобщения, идеализации, стереотипизации; стабильный поверхностный интерес к политикам и политике, власти в целом; бытовой уровень восприятия, при достаточно реалистичной общей оценке действий власти и отдельных политиков; высокий уровень недоверия к власти, возможностям и мотивам действия большинства политиков, сопровождающийся страхом, тревогой и недовольством, — становится очевидной необходимость детального изучения особенностей когнитивных процессов, в особенности когнитивных стилей, участия в создании и поддержании политических имиджей, что позволит снизить, с нашей точки зрения, социальную остроту и психологическую стрессогенность отношений «власти» и «народа».

Литература

1. *Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. — М., 2001.

2. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. — М.: Новая школа, 1996.

3. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996.

«Я-концепция» политического лидера

Политический лидер в любой ситуации за редким исключением ведет себя в соответствии с собственной «Я-концепцией». Поведение его зависит от того, кем и как он себя осознает, как он сравнивает себя с теми, с кем он взаимодействует.

«Я-концепция», то есть осознание человеком, кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них – это образ «Я», самооценка и социальная ориентация политического лидера.

З.Фрейд рассматривает образ «Я» политика, который соответствует «общей сумме восприятия, мыслей и чувств человека по отношению к себе. Эти восприятия, мысли и чувства могут быть более или менее ясно проговорены в образе «Я», в котором «Я» разделено на шесть различных частей, тесно взаимодействующих»¹. Эти шесть Я – следующие: физическое Я, сексуальное Я, семейное Я, социальное Я, психологическое Я, преодолевающее конфликты Я.

Представления политического лидера о состоянии своего здоровья, физической силе или слабости носят название физического Я. Политический лидер должен быть достаточно здоровым, чтобы ничто не препятствовало его деятельности. В политической и психологической литературе были описаны страдания, которые причиняло президентам США Рузвельту, Вильсону и Кеннеди их плохое здоровье. Хорошо известны также переживания Гитлера и Сталина в связи с их физическими недостатками.

По поводу сексуального Я, то есть представлений политика о своих претензиях и возможностях в этой сфере, ученые отмечают отсутствие статистических данных о том, как сексуальные предпочтения или сексуальное поведение связано с лидерскими способностями. Президентом современного развитого государства не может стать гомосексуалист или эксгибиционист. Прежде всего,

* Анна Анатольевна Иванова – преподаватель психологии ПИ (ф) ГОУ ВПО «РГГЭУ» (г. Пермь).

¹ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я». Минск, 1994. С. 49.

такие склонности закрыли бы ему путь в большую политику вне зависимости от лидерских качеств. В истории же известные тираны отличались патологией сексуальной сферы и нередко страдали различными извращениями.

Важным элементом личности политика является семейное Я. Хорошо известно, прежде всего из психоанализа, какое огромное влияние оказывают отношения в родительской семье на поведение взрослого человека. Некоторые политические лидеры преодолевают ранние травмы и конфликты, другие – нет и, становясь лидерами, переносят травмы из своего детства на свое окружение в стране и в мире. Для людей, находящихся на высшем государственном посту, важно обладать способностью к совместной деятельности с другими.

Представления политика об этом качестве отражены в социальном Я. Политический лидер должен научиться тому, как вести переговоры и как стимулировать своих коллег к проявлению их лучших качеств. Он должен уметь использовать навыки межличностных отношений для эффективной работы с различными, порой враждебными группами людей, с лидерами других стран.

Психологическое Я составляют представления о своем внутреннем мире, фантазиях, мечтах, желаниях, иллюзиях, страхах, конфликтах – важнейшем аспекте жизни политического лидера. Как и у обычных людей, у лидеров нет врожденного иммунитета от невротических конфликтов, психологических проблем, а иногда и более серьезных форм психопатологии, таких как психоз. Страдает ли политик от осознания собственных страхов или относится к этому спокойно, или даже с юмором, – проявляется в его поведении, особенно в периоды ослабления самоконтроля.

Преодолевающее конфликты Я – представления политического лидера о своей способности к творческому преодолению конфликтов и нахождению новых решений для старых проблем. Лидер должен обладать достаточными знаниями и интеллектом, чтобы смочь воспринять проблему. Он должен быть достаточно самоуверенным при принятии политических решений, чтобы суметь передать эту уверенность другим. Иной аспект преодолевающего конфликты Я – осознание лидером своей способности к преодолению стрессов, связанных с его ролью и деятельностью на посту, например, главы государства. Стресс может привести к тяжелым симптомам, которые самым серьезным образом ограничивают интеллектуальные и поведенческие возможности политического ли-

дера. Он может увеличивать жесткость познавательных и мыслительных процессов в исторически сложные моменты, приводить к снижению гибкости и самообладания, в особенности тогда, когда они необходимы.

Политические лидеры со сложной Я-концепцией имеют тенденцию легче ассимилировать как позитивную, так и негативную информацию и таким образом реагировать на ситуацию на основе обратной связи.

В то же время, чем выше самооценка у политиков, тем хуже они реагируют на ситуацию, тем ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой менее зависимы от внешних обстоятельств, они имеют более стабильные внутренние стандарты, на которых они основывают свою самооценку.

Политические деятели с низкой самооценкой оказываются более зависимыми от других людей и, таким образом, более реактивными. Они являются более чувствительными к обратной связи и изменяют свою самооценку в зависимости от одобрения или неодобрения со стороны других.

Самооценка политического лидера накладывает очень важный отпечаток на внутри- и внешнеполитический курс его страны. Если у него в течение жизни сформировалась заниженная самооценка, то его постоянное недовольство собой могло быть той самой движущей силой, которая толкала его на взятие все новых и новых барьеров в сфере внутренней или внешней политики. Такими были Ленин, Сталин, Рейган. Каждой своей победой они постоянно доказывали себе, что они чего-то стоят. Но взятые барьеры их уже не радовали. И они стремились к новым, чтобы опять удостовериться в собственной значимости. Заниженная самооценка толкает политического лидера на «великие» шаги на международной арене: крупномасштабные военные или, наоборот, миротворческие акции, неожиданные для окружения экстравагантные повороты во внешней политике и т.п.

Лидеры с завышенной самооценкой, переоценивая собственные качества политика и главнокомандующего, зачастую не замечают всеобщей и внешней, и внутренней реакции на свой курс на международной арене. Они упиваются собственным успехом (даже если он мифический) и считают критику излияниями злобствующих завистников. Здесь можно говорить о нарушении обратной связи между последствиями политического действия и субъектом. Почти никакие последствия не способны заставить

такого лидера испугаться или содрогнуться от мысли о том, к чему могут привести его действия.

Другой тип лидера с завышенной самооценкой, сталкиваясь с недооценкой их политики как в стране, так и за рубежом, сильно страдает от аффекта неадекватности. Когда политика таких лидеров строилась, с их собственной точки зрения, на принципах высокой морали, они шли на самые неожиданные шаги. И чем больше они переживали, тем чаще повторяли ошибки, только усиливая внешнее неодобрение.

Лидеры с адекватной самооценкой представляют лучший образец партнеров на политической арене. Их внешняя и внутренняя политика не мотивирована стремлением к самоутверждению, обратная связь между последствиями акций и ими самими работает бесперебойно. Адекватно оценивающий свои политические способности лидер, как правило, уважительно и высоко оценивает других лидеров. Не боясь, что его унижат, обидят, обойдут, твердо зная собственную высокую цену, считая себя не хуже тех, с кем ему приходится взаимодействовать, такой лидер будет вести политику, которая позволила бы добиться поставленных целей и дала бы обоюдную выгоду. Отсутствие невротического компонента в самооценке приводит, как правило, к его отсутствию и в политическом поведении.

Е. Б. Галаганова*

Имидж женщины-политика: архетипический аспект

В последнее время в России активно обсуждается проблема недостаточного представительства женщин в высших структурах власти. Помимо всего прочего, многочисленными сторонниками того, чтобы в Парламенте РФ было больше представительниц «слабого пола», выдвигается идея квотирования выборов. Несомненно, квоты увеличат количество женщин в Думе, но увеличат ли они доверие граждан к женщинам-политикам? По данным опросов последних лет, примерно 65 % мужчин и 35 % женщин ни при каких обстоятельствах не намерены поддерживать женщин при их выдвижении в органы законодательной власти¹.

Пока в России женщины приходят во власть тем же путём, что и мужчины – посредством демократических выборов. Важным этапом в избирательной кампании любого кандидата является создание его имиджа, то есть образа, который наделяет политика определёнными социальными и политическими характеристиками. Политический имидж всегда обращён к избирателям, к их миропониманию. Он всегда тщательно продумывается и прорабатывается до мелочей, а также корректируется в процессе коммуникации, общения политика с электоратом. И в таком случае возникает вопрос: если имидж каждого, желающего быть во власти, так тщательно продумывается, то как объяснить столь заметный неуспех имиджмейкворов женщин-политиков? Почему создаваемые ими образы женщин не завоёвывают доверия и, как следствие, голосов на выборах?

* **Евгения Борисовна Галаганова** – аспирант кафедры политологии и социологии, ассистент кафедры журналистики и литературы XX века Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

¹ **Орлова Н.** Гендерные аспекты имиджевых характеристик российских политиков. [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://nadi-norl.narod.ru/pages/statya15.htm>.

Здесь нам хотелось бы взглянуть на проблему с точки зрения мифологического и архетипического сознания русского человека. Ведь политический выбор всегда связан с глубинными социально-психологическими процессами человека. А изменения, происходящие в массовом сознании, в свою очередь неизбежно влияют на ход современного политического процесса. Поэтому естественно, что имидж отечественных политиков последнего десятилетия формировался с учетом общей мифологизации общественной жизни и стал отражением множества традиционных мифологических и архетипических представлений.

В последнее время исследователи занялись проблемой значения архетипов в формировании имиджа политиков. В основе всех рассуждений лежат основные архетипы, выделенные и охарактеризованные К.Г. Юнгом. Например, Г.М. Верещагин считает, что важнейшую роль в современном политическом имиджмейке сыграл архетип «тень», проявляющийся в том, что два противоборствующих политика играют эту роль по отношению друг к другу, а их программы и заявления похожи на зеркальные отображения². Например, он считает, что «Борис Ельцин в начале своей карьеры был практически “тенью” Михаила Горбачева, а впоследствии это место, уже по отношению к Ельцину, занимали Владимир Жириновский и Геннадий Зюганов»³.

Другой исследователь, К.И. Янцен, считает, что «к архетипу героя-лидера восходит имидж любого политика»⁴. На базе этого же архетипа происходит построение и других политических образов. По мнению В. И. Амелина, базовых архетипов, которые актуализируются в сознании избирателей во время предвыборной кампании, несколько – это «мудрец», «воин-защитник», «царь-кормилец» и «борец за справедливость»⁵.

² **Верещагин Г. М.** Влияние архетипов мифологического сознания на формирование имиджа современного политического лидера. [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Politreality/vereshagin.htm>

³ Там же.

⁴ **Янцен К. И.** Архетип в пространстве современной коммуникации: психологические основания выбора // PR-Universum: материалы научно-практической конференции. Томск: ТГУ, 2004. С. 57.

⁵ **Амелин В. И.** Социология политики: Спецкурс. М., 1992.

Однако абстрактный архетип существует в виде определённого набора культурных типов, вариантов. Эти типы фиксируются через сказочные и литературные персонажи, исторические личности, то есть через набор конкретных в прошлом имиджей.

Действительно, в истории и в сказках русского народа были и «воины-защитники» (например, былинные богатыри или маршал М.И. Кутузов), и «цари-кормильцы» (как к кормильцу и благодетелю традиционно относились к любому российскому монарху, «отцу-батюшке»), и «мудрецы». Русские сказки и мифы пестрят «героями», совершающими подвиги, предпринимающими дальние путешествия, выручающими из беды братьев и любимых. Практически все эти герои активны, мобильны и находчивы. Создаваемые на их основе политические имиджи имеют все шансы быть эффективными и хорошо «вписаться» в мифологическое сознание российского избирателя. Однако заметим, что среди живущих в российском сознании «героев» практически нет женских типов.

Интересный взгляд на архетипические сюжеты, связанные с женщинами, отражён в работе В.Н. Люсина. Автор рассматривает сценарии женского/девичьего успеха в русской сказке и приходит к таким выводам: «Архетип женщины делится на две неравные части: «плохая женщина» правит, но проигрывает; «хорошая» угнетена [например, падчерица – прим. Е.Г.], но выигрывает»⁶. «Хорошая женщина», поведение и характер которой преподносятся как образец настоящей женственности, обычно пассивна, она подчиняется другой, более властной и активной, но злой женщине. Главный враг добрых, кротких и красивых девушек, считает В.Н. Люсин, – всегда злые царицы, мачехи, а не деспотичный царь или безвольный отец. Таким образом, русская сказка формирует следующий архетип: активная, наделённая властью женщина, почти всегда «плохая», и она почти всегда обречена на поражение. В то же время добрая, кроткая и пассивная женщина – положительный герой, в финале сказки справедливость всегда на её стороне.

Так становится очевидным, что в сознании русского человека нет тех базовых представлений о женщине-правительнице, женщине-герое, на которые могли бы опереться современные имиджмейкеры. Образ воительницы-амазонки чужд российскому чело-

⁶ Люсин В. Н. Особость архетипов женского/девичьего успеха в русской сказке // ОНС. 2000. № 4. С. 96.

веку. В нашем архетипическом сознании женщина – это мать, жена, хранительница домашнего очага, кроткая и пассивная. Такой образ противопоставлен тому, какими хотят выглядеть (и быть) современные женщины-политики. Активные, независимые, жёсткие в суждениях, часто обладающие мужскими чертами – они уже на уровне подсознания «не вписываются» в картину мира простого обывателя. Имиджмейкеры нынешних женщин от политики вынуждены выстраивать их образ, основываясь на западных стереотипах. А это, к сожалению, не повышает уровень доверия населения к женщинам, желающим участвовать в политической жизни.

К. А. Зайкова*

Власть и одаренность: имидж лидера у интеллектуально одаренных подростков

Прежде чем мы приступим к освещению данной проблемы, следует ввести несколько определений.

Одаренный человек – это человек, который выделяется яркими, очевидными, выдающимися достижениями в том или ином виде деятельности, которые дают этому человеку возможность достичь более высоких, необычных, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми.

Властный человек, лидер – это человек, за которым другие люди признают право принимать решения в значимых для них ситуациях, способный играть центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе других людей.

Из этих определений становится очевидным, что и одаренный человек, и лидер являются субъектами, обладающими специальными способностями, которые позволяют им выделяться из группы людей, вести их за собой. На основании этого, на наш взгляд, целесообразно использование термина «*лидерская (социальная) одаренность*», под которым мы будем понимать выдающуюся способность устанавливать эффективные и конструктивные взаимоотношения с другими людьми.

Несмотря на отличия лидерской одаренности от интеллектуальной, исследования показывают, что она требует умственного развития выше среднего. Именно интеллектуальные способности выше среднего уровня позволяют человеку превосходить окружающих во многих ситуациях, убеждать людей действовать и мыслить определенным образом, вести их за собой.

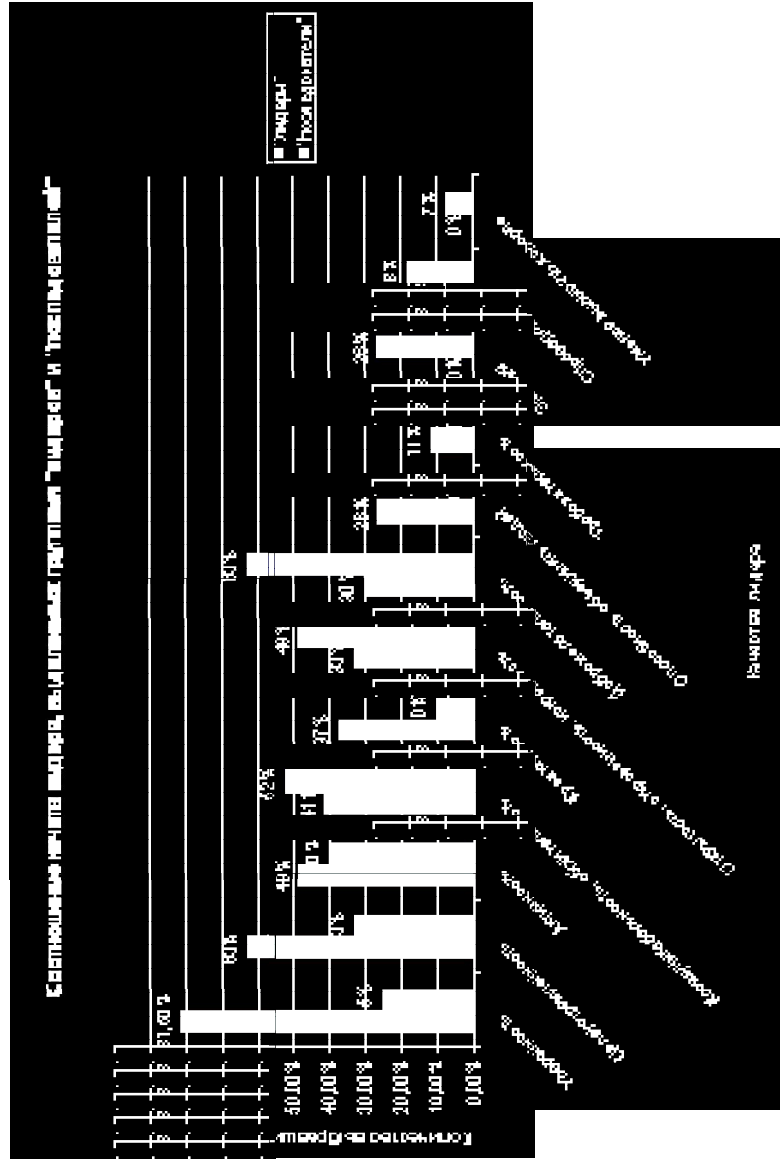
* К. А. Зайкова – студентка 5-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Мы посчитали важным узнать, каков имидж лидера у интеллектуально одаренных подростков и каким образом они сами оценивают себя как лидеров. С этой целью нами было проведено исследование на группе учащихся 10-х и 11-х классов в количестве 56 человек, прошедших отбор в Центр развития детей и юношества «Одаренность и технологии» г. Екатеринбурга и посещающих занятия в этом Центре. Исследование состояло из двух частей:

1) социометрического исследования, позволяющего разделить испытуемых на лидеров и последователей. Социометрия проводилась по классической схеме, предложенной Я. Морено;

2) опроса, который состоял из 2 этапов. На первом этапе испытуемым было предложено написать, какими качествами, на их взгляд, должен обладать лидер. На втором этапе испытуемые выделяли из перечисленных ими качеств те, которыми обладают они сами.

В ходе исследования нами были получены следующие данные (см. рис.).

По результатам социометрии испытуемые были разделены на 2 группы: лидеров (19 человек) и последователей (37 человек).

В ходе опроса мы выделили качества, составляющие имидж лидера у представителей двух этих групп. Наиболее характерными чертами лидерски одаренного человека обе группы испытуемых считают уверенность (81,5 % опрошенных «лидеров» и 25 % «последователей»), целеустремленность (63 % «лидеров» и 33 % «последователей»), активность (48 % «лидеров» и 40 % «последователей»), коммуникабельность (41 % «лидеров» и 52 % «последователей»), креативность (37 % «лидеров» и 10 % «последователей»), открытость (33 % «лидеров» и 48 % «последователей»), доброжелательность (30 % «лидеров» и 63 % «последователей»). При этом выявились качества, которые выделяла одна из групп, а другая группа упускала. Это такие качества, как способность объединять, собирать вокруг себя людей (26 % «лидеров»), требовательность (11 % «лидеров»), эмпатия (26 % «последователей»), справедливость (18 % «последователей»), умение вызывать доверие (7 % «последователей»). Всего опрошенными было выделено 60 характеристик, из которых складывается имидж человека, наделенного лидерской одаренностью.

Очевидно, что испытуемые, которые были отнесены нами к группе «лидеров», в первую очередь выделяют качества, в большей степени направленные на достижение поставленной цели, на объект деятельности и результат. Это уверенность, целеустремленность и активность. В свою очередь группа «последователей» прежде всего обращает внимание на качества, связанные с отношениями «лидер – подчиненный». Это такие качества, как доброжелательность, коммуникабельность, открытость (откровенность). Это свидетельствует о том, что имидж лидера у данной категории исследуемых формируется в зависимости от того, какую позицию в группе занимают они сами. При этом можно говорить о том, что у обеих групп одаренных подростков имидж человека, наделенного лидерской одаренностью, достаточно ярок, поскольку большинство качеств, выделяемых одной группой, выделяется и другой группой; различается лишь число выбравших это качество.

Что касается второго этапа нашего исследования, а именно собственной оценки интеллектуально одаренных подростков своих лидерских способностей, то нами были получены следующие данные: уверенностью обладают 60 % из тех, кто выделяет это качество лидера (это касается членов обеих групп – и «лидеров»,

и «последователей»); целеустремленностью – 88 %; активностью – 77 %; коммуникабельностью – 73 %; креативностью – 100 %; открытостью – 67 %; доброжелательностью – 100 %; способностью объединять, собирать людей – 43 %; требовательностью – 100 %; эмпатией – 71 %; справедливостью – 80 %; умением вызывать доверие обладают 100 %. Эти данные позволяют нам сделать вывод о том, что большинство интеллектуально одаренных подростков находят у себя признаки лидерской одаренности независимо от того, являются ли они лидерами или последователями в группе сверстников.

Таким образом, очевидно, что лидерская одаренность занимает существенное место в вопросе об одаренности в целом. Человек с признаками лидерской одаренности обладает достаточно ярким и устойчивым имиджем у интеллектуально одаренных подростков. Тем не менее, этот имидж может изменяться в зависимости от того, какую позицию занимает сам подросток – лидирующую или следующую за лидером. Кроме того, зачастую интеллектуально одаренные люди обладают признаками лидерской одаренности. Следовательно, вопросы одаренности и лидерства (власти) не столь далеки друг от друга, как это кажется на первый взгляд.

А. В. Гаук*

Власть имиджа учителя

В наше время большое внимание уделяется имиджу человека, процессу его создания. Принято считать, что свой образ, свой неповторимый имидж обязательно должен присутствовать у политических деятелей, работников творческих профессий, модельеров, архитекторов, художников, то есть у тех людей, которые постоянно на виду, которым необходимо продемонстрировать свою индивидуальность и тем самым привлечь внимание людей. Имидж для данной группы людей является одной из главной составляющей успеха.

С первого взгляда возникает ощущение того, что имидж для представителей других профессий не настолько важен в их профессиональной деятельности. Однако, при более пристальном рассмотрении, это оказывается совсем не так: имидж важен для всех людей, причем не только в профессиональной деятельности, но и в личной жизни.

Процесс привития человеку специфических манер поведения, стиля жизни, умения преподнести себя начинается с детства. И в основном в этом процессе в качестве наставников выступают родители, члены семьи, учителя, воспитатели. Именно эти люди выступают эталоном, образцом для ребенка. Дети не только впитывают умения, знания и навыки, которым их учат родители и педагоги, но и перенимают их манеру поведения, стиль общения, манеру одеваться и многое другое. В связи с этим особую важность и значимость в процессе становления подрастающего поколения имеет то, как выглядят люди, играющие большую роль в жизни ребенка.

Имидж (*от* англ. *image* – образ) учителя – эмоционально окрашенный стереотип восприятия педагога в сознании воспитанников, коллег, социального окружения, в массовом сознании. При формировании имиджа учителя реальные качества тесно переп-

* **Анастасия Викторовна Гаук** – соискатель кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ, педагог-психолог МОУ СОШ № 79 (г. Екатеринбург).

летаются с теми, которые приписываются ему окружающими. Имидж учителя важен для профессиональной деятельности, он является одной из составляющих успеха.

Безусловно, к образу учителя предъявляются специфические требования, главной отличительной чертой его должно стать гармоничное сочетание внутреннего и внешнего содержания. Учитель – это уверенный в себе человек, спокойный, рассудительный, коммуникабельный, умеющий держаться в обществе. Все это важно, так как дети чувствуют и видят, как ведет себя педагог, и соответствующие реагируют на его действия.

Преодоление барьеров педагогического общения, разрешение конфликтных ситуаций, освоение риторического канона, теории речевых жанров и конфликтов, отработка индивидуального стиля речи также играют немаловажную роль в создании имиджа педагога. Благодаря правильной речи, тембру, хорошей дикции, которые перенимают дети, учитель побуждает детей прислушиваться к нему, помогает лучше усвоить материал.

Безусловно, необходимо рассматривать и учитывать педагогическую рефлексию. Создание собственного педагогического имиджа – учителя-игровика, учителя-технолога, учителя-проблемника, учителя-коммуникатора, учителя интерактивного типа – важно, но лучше, когда педагогический имидж разносторонний, включающий все эти качества.

Отследить эффективность удачно подобранного имиджа учителя можно по тому, как включаются обучающиеся в коммуникативное пространство: через практическое применение речевых жанров; формирование навыка диалога, культуры спора, полемики и т.д.

Важен и внешний вид педагога. Одежда должна быть удобной, опрятной, соответствующей статусу педагога, она должна привлекать внимание учащихся, но не отвлекать их от обучения. Влияние цвета на поведение и самочувствие человека известно давно, поэтому для лучших результатов в образовательной деятельности важен и ее правильно подобранный цвет. Желательно исключить так называемые кислотные цвета, большое обилие ярких цветов, пестроту, так как это отвлекает учащихся от учебы, может вызвать чувство раздражения, агрессии. Одежда должна скрывать недостатки фигуры.

Обувь педагога также должна соответствовать его статусу, быть удобной, функциональной, опрятной, нежелателен высокий каблук, так как это может привести к травме. Желательно чтобы присутствовало немного аксессуаров, но не сильно броских, пра-

вильно подобранных; они нужны для того, чтобы привлечь внимание детей к себе, но не отвлекая от учебного процесса.

В ходе выстраивания образа учителя важен подбор прически, которая должна сочетать в себе современность и скромность, стильность и аккуратность. Макияж у педагога должен быть обязательно, но не слишком броский, естественный и выразительный, так как учащиеся смотрят на мимику учителя, и бледное лицо не привлечет внимания, а яркий макияж, наоборот, отвлечет. Парфюм преподавателя должен отличаться легкостью, быть тонким и слегка уловимым, чтобы не только не отвлекать, но и не вызвать отвращения у окружающих. И еще один немаловажный аспект: ухоженные руки, маникюр также играет немаловажную роль для учителя, поскольку его руки всегда на виду.

Проведенное социологическое исследование среди педагогического состава МОУ СОШ № 79 г. Екатеринбурга показало, что важность имиджа для профессиональной педагогической деятельности понимают абсолютно все респонденты. Ведущую роль в имидже педагога опрошенные педагоги отводят уверенности в себе, манере держаться в обществе, правильной, грамотной, хорошо поставленной, без дефектов речи.

Требования, предъявляемые к стилю одежды и обуви для педагога, разделились. 70 % респондентов указывают на необходимость присутствия классического стиля, тогда как 30 % утверждают, что одежда прежде всего должна быть удобной, практичной; в основном это джинсы, свитер и удобная обувь. Однако абсолютно все сходятся во мнении, что внешний вид в первую очередь должен быть опрятным. Каждый четвертый опрошенный указывает на важность аксессуаров в образе педагога, каждый третий – на правильно подобранный парфюм, каждый второй – на ухоженность рук. На первом месте во внешнем облике учителя оказались прическа и макияж.

Все респонденты указывают на то, что педагог должен отвечать основополагающим требованиям, предъявляемым к профессии, не только с точки зрения узкого профессионализма, но и с точки зрения имиджологии. Соблюдение требований имиджологии позволят учителю не только соответствовать определенному статусу, но и дадут возможность пользоваться властными рычагами данной профессии. Однако учитель – в первую очередь человек, и он склонен выражать свой внутренний мир через поведение, манеру одеваться, макияж, прическу, и здесь самое главное – сбалансированное равновесие, т.е. не потерять свою индивидуальность и в то же время соответствовать имиджу педагога.

И. Е. Романова*

Власть в современной семье: двойная ловушка

В общественном сознании феномен власти прежде всего ассоциируется с властью политической и ее центральным институтом – государством. Вместе с тем власть имеет и множество иных значений и проявлений и пронизывает все сферы человеческой жизни. «Власть – это способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия и т.д.» (Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 85–86).

На индивидуальном уровне наиболее распространенными моделями власти являются межперсональные конструкции, моделирующие отношения между двумя и более индивидами. Основу власти составляет своеобразная асимметрия отношений: у одного из участников взаимодействия есть возможность влиять или воздействовать на другого. Как правило, это возможно благодаря тому, что субъект власти обладает определенными ресурсами (чем-то, в чем нуждается или чего желает другой человек). Наличие ресурсов всегда позволяет властвовать над теми, кто испытывает в них потребность. При этом, чем актуальнее будут выражены потребности, тем сильнее может быть проявлена власть, и напротив, снижение потребности или возможность ее удовлетворения в другом месте позволяют человеку освободиться от чужой власти.

Применительно к семье понятие власти рассматривается как проблема доминирования и распределения семейных ролей. В русской культуре властные функции традиционно приписываются мужчине – мужу, отцу. Отношения доминирования – подчинения в семье регламентированы еще «Домостроем». Главой семьи безоговорочно считался мужчина, жена и дети должны подчиняться ему, в

* *Илона Евгеньевна Романова* – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

случае неподчинения мужчина имеет право наказывать ослушавшихся, в том числе и применяя насилие.

Характер распределения ролей и обязанностей по их выполнению между супругами является основанием для деления семей на традиционные и эгалитарные. Причем в традиционном браке роли и обязанности могут жестко распределяться по взаимному соглашению или по нормам, предписанным половыми ролями (Суслова Т.Ф. Личностные детерминанты совмещения профессиональных и семейных ролей женщинами-предпринимателями: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. С. 48). М.Ю. Арутюнян предлагает считать традиционной семью, в которой:

- а) существует традиционное разделение мужской и женской роли в сфере «вторичных» функций;
- б) выражена система норм, обосновывающих это распределение, позиция ответственности за семейные функции;
- в) ведущая роль в принятии семейных решений принадлежит мужу; высок авторитет отца, осуществляющего социальный контроль поведения и воспитания детей (Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей между супругами // *Семья и социальная структура*. М., 1987).

Согласно М.Ю. Арутюнян, модернизированная же семейная модель предполагает:

- а) эгалитарное распределение ролей в бытовой сфере, основанное на относительном равенстве вкладов супругов во внешнюю деятельность, позицию совмещения ответственности за выполнение функций семьи;
- б) демократическую структуру лидерства;
- в) «эгалитарную концепцию семейной жизни», т.е. нормы равенства мужа и жены в семье и вне ее (Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей между супругами // *Семья и социальная структура*. М., 1987). При этом, в отличие от традиционной, эгалитарная ролевая структура не предполагает жесткого распределения ролей по половому признаку.

Со времен «Домостроя» семья претерпела огромные изменения как по форме, так и по структуре ролей. Современная семья становится окончательно эгалитарной, однако следует заметить, что равенства ролей в ней нет и быть не может. Условно можно выделить три варианта распределения властных ролей:

- центристский (с оттенками патриархальности), когда главенство в принятии решений по большинству значимых вопросов фун-

кционирования семьи принадлежит одному из супругов (нередко жене);

- автономный, когда муж и жена руководствуются разными ценностями, собственным отношением к жизни и практически не вмешиваются в сферу влияния другого;

- демократический, когда управление семьей лежит на плечах обоих супругов примерно в равной мере.

При более тщательном анализе в современных семьях можно одновременно увидеть как открытое доминирование, так и латентное. В патриархальной семье доминирует отец, в матриархальной – мать, но существуют и так называемые детоцентрические семьи – это семьи, существующие для ребенка, где достаточно проявлены детско-родительские симбиотические связи. В подобных семьях истинным главой является ребенок, его капризы и потребности. Родители буквально подчинены влиянию ребенка.

Важным психологическим явлением, на наш взгляд имеющим огромные социальные последствия как для семьи, так и для общества в целом, становится эффект «двойной ловушки», двойного сообщения. Суть его в том, что в большинстве семей формально декларируется лидерство мужчины, его семейное главенство, в то время как реальная власть принадлежит другому члену семьи. Таким образом, создается своеобразный имидж «сильного мужчины». Если обратиться к историческим традициям, то можно обнаружить, что в русской культуре семья практически всегда считалась патриархальной, однако мужчина часто просто физически отсутствовал: был на войне, в армии (а рекрутство предполагало двадцатипятилетнюю службу), на отхожих промыслах, участвовал в революциях и т.д. В период его отсутствия реально принимала решения и управляла семьей женщина. Именно она создавала миф богатыря, властелина (можно вспомнить поговорку о том, что «короля делают придворные»), этот миф помогал женщине-матери удерживать в своих руках реальную власть, а также поддерживать авторитет мужчины в семье и стабильность семьи в целом.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что современные мужчины утрачивают свою маскулинность, в частности, из-за того, что вся система современного воспитания – женская и мальчишки усваивают в большей мере женские стереотипы поведения. В результате общество получает мужчин, часто просто не способных реализовать лидерство в семье. Тем не менее, на уровне имиджа это лидерство поддерживается как им самим, так и жен-

щиной, и женщиной чаще даже более активно. Возникает парадоксальная ситуация: перераспределение ролей в семье неизбежно приводит к перераспределению власти, однако реальный ее носитель приписывает лидерство другому члену семьи. Учитывая факт, что современные мужчины значительно больше присутствуют дома, с семьей, можно предположить, что поддержание мифа о безоговорочном мужском главенстве связано с иной мотивацией и потребностями.

Выявление потребностей, лежащих в основе деформации властных отношений в семье, а также социально-психологических закономерностей, связанных с этими процессами, может стать интересным направлением исследования.

Литература

1. *Андреева Т. В.* Психология современной семьи. – СПб.: Речь, 2005.
2. *Арутюнян М. Ю.* Распределение обязанностей между супругами // *Семья и социальная структура.* – М., 1987
3. *Суслова Т. Ф.* Личностные детерминанты совмещения профессиональных и семейных ролей женщинами – предпринимателями: Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1999.
4. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1983.

Power in Psychotherapy

Psychotherapy occurs in a relationship between a psychotherapist, and one or several (in the case of group therapy) patients or clients. Because the patient/client is usually looking for help from someone with a certain expertise, a power imbalance may occur in this relationship. But different forms of psychotherapy differ widely, in particular in whether they encourage or discourage this power imbalance. This article will explore this relationship, comparing especially psychodrama (the author's specialty), and more traditional talk therapy, such as psychoanalysis or cognitive therapy.

Jacob Moreno, the founder of psychodrama, was very explicit about his idea that psychotherapy should be an encounter between people of equal status. So psychodrama uses several methods to discourage a power imbalance. Of course this does not imply that it will never occur, and in psychodrama too the therapist has to be careful and be aware of any power dynamics. One of the main guidelines for psychodrama directors is: «follow the protagonist». Note that it does not recommend to «lead the protagonist», but rather to follow the protagonist. The idea is to empower the protagonist to decide where she wants to go and how fast. The therapist is a companion who helps her on her journey, and may suggest certain techniques that may be helpful. Ideally the discoveries and decisions are made by the protagonist, and not by the director. The idea is to empower the protagonist to get in touch with her own resources.

In contrast many other forms of psychotherapy, chiefly among them psychoanalysis, encourage the patients to give away their power, and listen to the analyst who is smart and tells them what their problem is and what to do. In psychodrama the healing comes from an experience, and the director's task is to help the clients to have a healing and beneficial experience. In psychoanalysis the healing comes from the insight, which

* *Эберхард Шейфеле* – д-р филос. наук, стипендиат Фулбрайт, факультет социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

is usually presented by the trained and educated intellect of the analyst, and then understood and accepted by the patient.

Many therapists hide behind a professional facade. They do not reveal any of their own vulnerabilities, life history, problems, or feelings. In contrast in psychodrama the therapist is even encouraged to participate in the sharing. In our training groups with Zerka Moreno she would share many experiences from her own life; like all sharing they are of course considered confidential. Sharing is the last phase of a psychodrama session, and like all group members the therapist may talk about having had similar experiences then the protagonist. One of the functions of the sharing is indeed to put everybody in the group on an equal level, after the protagonist has shared so much from her life. And indeed one of the first benefits of psychodrama is often for a protagonist to realize that she is not alone with her problem. The sharing of the therapist also conveys empathy, one of the most important ingredients in a therapeutic relationship (cf. Rogers). Proceeding in this fashion allows for a much deeper level of trust.

There also some cultural differences, and in the United States the mainstream attitude is that this power imbalance neither can nor should be avoided. So for example psychologists are discouraged from engaging in any activities with their clients; even something like playing on the same volleyball team is frowned upon, if not legislated against. This makes the work difficult especially for therapists working in small towns, where most people know each other through something they do.

Clearly any therapist needs to be aware that there *may* be a power imbalance, so that some clients can easily be manipulated, which of course needs to be avoided and can even be abusive. So a therapist should be especially cautious not to impose her own view of a situation. In active, experiential techniques such as psychodrama or hypnosis this is especially true, since participants may enter an altered states of consciousness in which they can become very susceptible to even subtle suggestions. For example, when gathering information about a situation that the client has encountered, questions should be open-ended and not directed. The therapist may simply ask: «what happened next?» instead of directing the client in line with her own views by asking something like: «what did he do to you?» (See my article on altered states of consciousness in psychodrama, published by both the British and the Russian psychodrama journal.)

Э. Шейфеле*

Власть в психотерапии

Психотерапия совершается во время взаимодействия психотерапевта и одного или нескольких (в случае групповой терапии) пациентов или клиентов. Поскольку пациент/клиент обычно обращается к эксперту за помощью, в этом взаимоотношении случаются и разногласия – дисбаланс власти. Различные формы психотерапии значительно отличаются друг от друга в решении проблемы власти: следует ли поощрять или избегать разногласий и дисбаланса власти. Сравним, как рассматривается проблема власти в психодраме (это сфера интересов автора) и традиционной «разговорной» психотерапии, такой, как психоанализ или когнитивная психотерапия.

Якоб Морено, создатель психодрамы, очень точно выразил идею о том, что психотерапия должна быть взаимодействием между людьми равного статуса. Поэтому психодрама использует ряд методов для устранения дисбаланса власти. Конечно, это не означает, что разногласия не возникают, и психотерапевт должен быть осторожен и уметь осознавать динамику властных отношений во время контакта. Одно из главных правил психотерапевта, ведущего психодраму, звучит так: «Следуй за пациентом!» Заметьте, что указание рекомендует не «вести пациента за собой», а именно «идти за ним». Главное – побудить человека самостоятельно принимать решение о том, куда идти и с какой скоростью. Психотерапевт – только попутчик, который помогает во время путешествия и может дать полезные «технические» советы. В идеале все находки и решения должны принадлежать пациенту, а не ведущему психодрамы. Важно побудить сомневающегося и неудовлетворенного протагониста активизировать собственные ресурсы.

В отличие от психодрамы другие формы психотерапии, и прежде всего психоанализ, приветствуют, когда пациенты отказываются

* Эберхард Шейфеле – д-р филос. наук, стипендиат Фулбрайт, факультет социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

от власти и только слушают умного психоаналитика, который объясняет, в чем их проблема и что с ней делать. Психоанализ добивается лечебного эффекта через инсайт – «просветление», – который создается тренированным и профессионально обученным интеллектом аналитика, а затем воспринимается пациентом. В психодраме лечение проистекает из личного опыта пациента, а задача ведущего – помочь получить этот лечебный и благоприятный опыт.

Многие психотерапевты «прячутся» от пациента за фасадом «профессионализма». Они не показывают ни своих сомнений, ни фактов своей жизни, ни проблем, ни чувств. В психодраме, напротив, психотерапевт даже участвует в обмене чувствами и информацией с пациентами. Работая с одной из групп, Зерка Морено приводила много примеров из собственной жизни. Как все, чем делятся друг с другом во время психодрамы, эта информация считалась конфиденциальной. Обмен чувствами – «шерринг» – последняя стадия психодрамы, и, как любой член группы, психотерапевт может рассказывать о собственном опыте, если он совпадает с переживаниями пациента. Одна из функций такого обмена – поставить всех членов группы на один уровень, что и происходит, когда участник делится со всеми сведениями о большей части своей жизни. Бесспорно, первое и главное достоинство психодрамы состоит в том, что пациент понимает, что он не одинок со своей проблемой. Поделиться своей проблемой с психотерапевтом означает прийти в состояние эмпатии, а эмпатия – важнейший элемент терапевтического отношения (Роджерс). Действуя таким образом, можно добиться уровня глубочайшей доверительности.

Несмотря на некоторые культурные различия, главенствующая позиция психотерапевтов в Соединенных Штатах Америки подразумевает, что дисбаланс власти в психотерапии неизбежен. Поэтому, например, психологам не разрешается вступать в какие-либо отношения с клиентами, даже такие, как игра в одной волейбольной команде. Это затрудняет работу психотерапевта, особенно в небольших городках, где большинство жителей знакомы друг с другом именно по совместной деятельности.

Очевидно, каждый психотерапевт должен осознавать, что дисбаланс власти *может* иметь место, и поэтому некоторыми клиентами можно с легкостью манипулировать. Этого, конечно, нужно избегать, чтобы не оскорбить пациента. Психотерапевту следует быть особенно осторожным и не навязывать пациенту собственную точку зрения на ситуацию. Используя активные, основанные

на опыте техники (такие, как психодрама и гипноз), нужно помнить об этом больше всего, поскольку участники психотерапии могут войти в состояние измененного сознания и стать особо чувствительными даже к неявным формам манипулирования. Например, собирая информацию по поводу проблемной ситуации клиента, следует использовать открытые вопросы и не давать указаний пациенту. Психотерапевт может просто спросить «А что было потом?», вместо того, чтобы направлять клиента, спрашивая что-то вроде «Что он с вами сделал?» (см. мою статью об измененном сознании в психодраме в британском и российском журналах психодрамы).

О. Н. Быкова*, К. А. Зайкова**

Компьютерные преступления как средства достижения власти

Стремление к власти может проявляться в разных формах, в том числе и через преступления.

В обществе существует стереотип о том, что преступники – это люди с низким интеллектуальным показателем. Зачастую такое убеждение соответствует истине, но нередки ситуации, при которых девиации в поведении обусловлены гиперспособностями человека. Отклонения в сторону одарённости в одной области часто сопровождается девиациями в обыденной жизни. Так, в юридической практике существует ряд примеров, когда преступники обладали столь высоким интеллектом, что совершали «идеальные» убийства, не допуская при этом ни единой ошибки, так что правоохранительные органы в течение долгого времени оказывались бессильны.

Исследователями данного вопроса доказано, что высоким уровнем интеллекта обладают лица, совершающие компьютерные преступления. По данным одного из таких исследований, 78 % киберпреступников имеют высшее образование.

Хакерство – это ярко выраженное увлечение познанием в сфере информационных технологий, выходящее за рамки профессиональной или учебной деятельности и за рамки практической необходимости.

В общественном сознании хакерство обычно ассоциируется с преступлениями, совершенными с помощью компьютера. Разнообразие компьютерных преступлений быстро растёт, а их экономическое значение поразительно. Британская Банковская Ассоциация сообщает, что мировой ущерб только от компьютерного мошенничества достигает приблизительно 8 миллиардов долларов

* *Ольга Николаевна Быкова* – студентка 5-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** *Ксения Андреевна Зайкова* – студентка 5-го курса факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ежегодно. Пиратское распространение программного обеспечения, по некоторым оценкам, обходится американским компаниям по производству программных продуктов в сумму около 7,5 миллиарда долларов ежегодно.

Гениальный компьютерщик, который легко разбирается с любой уже существующей компьютерной программой, способен быстро и качественно создать новую компьютерную программу, кроме того может и взломать любой код, вскрыть базу данных и т.п., в обыденной жизни зачастую оказывается никому не нужен и не интересен.

Чаще всего хакеры взаимодействуют в узком кругу себе подобных: обмениваются опытом и информацией, реализуют коллективные проекты, иногда вместе проводят досуг и т.д. Так же они живут в своем – виртуальном – мире, где они являются всемогущими и властными. В своих отношениях с машиной компьютерщик – «руководитель». Именно он управляет процессами, происходящими в компьютере, заставляет машину выполнять те или иные функции. Но быть «властелином» в обыденной жизни ему чаще всего не удаётся в силу различных личностных особенностей.

Так, человек с высоким уровнем интеллекта и способностями, превышающими среднестатистические, далеко не всегда оказывается признанным в обществе. Он продуцирует нечто новое, а новое, как известно, всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения и мышления и поэтому воспринимается как аномалия, девиация. Непризнанность обществом также может быть толчком к совершению преступлений и правонарушений.

Что касается первоначальных мотивов хакерства, то среди них сами хакеры указывают на такие, как игра, удовольствие, медитация, увлеченность деятельностью и пр. Хакер испытывает от своей деятельности «кайф» и, решая задачи, которые перед ним ставят, он всё больше «втягивается». Если же он не примкнет к продуктивной группе, в которой его способности окажутся востребованными, он неминуемо покинет хакерское сообщество.

В преступных же кругах потребность в «компьютерных гениях» увеличивается с каждым днём за счет превалирования у них познавательной мотивации, высоких интеллектуальных способностей и наличия прекрасных познаний в сфере информационных технологий. Эти качества используются преступниками как средства

достижения различных целей, а хакеру дают ощущение того, что он в чем-то превосходит других: он легко может сделать нечто, на что другие не способны, нажатием нескольких кнопок он может совершить то, что никто, кроме него, сделать не может. Многие преступления не могут совершаться без хакерства, и в этих ситуациях хакер выступает как властный, всемогущий гений. В результате обе стороны получают то, что им необходимо: организаторы преступления добиваются своих целей с помощью хакера, а он, в свою очередь, получает признание, ощущение превосходства и господства.

Таким образом, очевидно, что потребность во власти, присущая в той или иной степени каждому человеку, может реализовываться по-разному. Одним из способов достижения власти компьютерщиком является совершение киберпреступлений. Хакерство позволяет компенсировать компьютерному гению отсутствие ощущения превосходства над другими в обыденной жизни и реализовать свою потребность во власти. Усугубляет ситуацию тот факт, что компьютерные преступления находят растущий спрос в преступном мире.

А. А. Яворский*

«Дедовщина» – власть беспредела или неформальная инициация?

Какими бы значительными ни были общегосударственные мероприятия, направленные на охрану психического здоровья и предупреждение психических расстройств военнослужащих, успешное осуществление этих мероприятий невозможно без активного участия всего населения страны. В основе стратегии адекватного и рационального поведения военнослужащих лежит простая истина, суть которой заключается в том, что перспектива в этом может быть только у здорового человека. А для достижения этого должны быть задействованы все уровни, начиная от уровня индивидуума и семьи, до уровня общины, регионального и общенационального правительства. Необходимо подчеркнуть, что в проблеме психического здоровья военнослужащих отчетливо просматриваются социально-экономические, социально-психологические, политические и организационные аспекты. Можно констатировать, что санитарное просвещение в области охраны психического здоровья проводится в значительной мере формально и поверхностно, как правило, не затрагивает жизненных интересов семьи и отдельного человека. В результате этих негативных тенденций существенно снижается эффективность профилактики психического здоровья среди населения, а следовательно, и среди призывного контингента. Как указывают отечественные исследователи, личностные аномалии составляют в настоящее время около 40 % нервно-психических расстройств молодого возраста. В поведении человека важную роль, как уже отмечалось, играют культуральные и организационные аспекты, в рамках которых можно рассматривать неуставные взаимоотношения военнослужащих как неформальную форму инициации. «Инициация» – латинского про-

* *Анатолий Анатольевич Яворский* – д-р мед. наук, профессор факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

исхождения и означает совершение таинств. В современном обществе, в том числе и в армии, существуют инициации, обеспечивающие подвергшимся этой инициации некое новое предписание в поведении. Так, принятие воинской присяги, строевые ритуалы – такие, как приветствие начальника и отдавание воинской чести, парады, ритуал по достижению права ношения крапового берета и др., – есть не что иное, как инициации.

Таким образом, мы имеем дело с культом единения. И в современной культуре это обстоятельство сохранено и, как правило, закрепляется в военно-патриотическом воспитании, когда эгоистическому миру обывателей противопоставляется героический мир Отечества, в котором отдать жизнь во имя счастья людей, чистых идеалов или отстоять свою честь считается подвигом, воссоединяющим человека со своим родом и своей страной.

В то же время, рассматривая неуставные отношения с позиции неформальной инициации, следует сделать небольшой экскурс в историю развития человеческих отношений.

Как известно, на заре человеческой цивилизации важную роль в развитии общества и межчеловеческих отношений занимали мифы. В первобытном обществе мифология представляла собой основной способ понимания мира. В культовых мифах момент обоснования, оправдания отчетливо превалирует над моментом объяснения, и в этом аспекте ярким примером являются мифы, связанные с инициациями – возрастными посвятельными обрядами, совершаемыми при переводе юношей в возрастную класс взрослых мужчин.

Рене Жирар в отношении ритуалов жертвоприношения пишет, что они не имеют ничего общего с беспричинным садизмом и направлены не на насилие, а на создание порядка и спокойствия, и при этом ритуал пытается воспроизвести лишь один тип насилия – тот, который насилие изгоняет.

Живучесть некоторых стереотипов мифологического мышления в области политической идеологии и в связанной с ней социальной психологии делает в определенных условиях массовое сознание питательной почвой для распространения «социального» или «политического» мифа.

В работах немецкого психолога В. Вундта в связи с происхождением мифов особо подчеркивалась роль аффективных состояний и сновидений. Фрейд рассматривал мифы как результат

вытесненных в подсознание сексуальных комплексов и их открытое выражение этой психологической ситуации.

Попытку связать мифы с бессознательным началом в психике предпринял К.Г. Юнг, исходивший из коллективных представлений и из символической интерпретации мифа. Мифоподобные символы выступают у Юнга как некие структуры первичных образов коллективной бессознательной фантазии и категории символической мысли, организующие исходящие извне представления.

Установлено, что своеобразные черты мифологического мышления имеют известные аналоги и в продуктах фантазии человека не только в глубокой древности и в другие исторические эпохи, но и в современности. Особенностью мифологического мышления является неразличение реального и идеального, вещи и образа, тела и свойства, «начала» и принципа, в силу чего сходство или смежность преобразуются в причинную последовательность, а причинно-следственный процесс имеет характер материальной метафоры. Отношения не синтезируются, а отождествляются, вместо «законов» выступают конкретные унифицированные образы, часть функционально тождественна целому.

Исходя из краткого экскурса в историю формирования человеческих отношений, – в которых важное место занимает мифология, – становится понятна живучесть тех или иных форм поведения людей, а в нашем случае, в том числе, и неформальных форм инициации, в условиях армии, которые принято называть неуставными отношениями.

Живучесть неуставных отношений – «дедовщины» и в целом агрессивных форм поведения некоторой части военнослужащих, связана с отступлениями от уставных требований при организации деятельности и быта военнослужащих, формализмом отдельных начальников, что влияет на трансформацию мифологических тенденций формирования извращенных форм инициации у данной категории военнослужащих, которые явно имеют антиобщественную, деструктивную направленность. Можно с уверенностью сказать, что в основе этих трансформаций с деструктивной направленностью лежит аномалия психической деятельности.

Нами рассмотрены действия военнослужащих с пограничными расстройствами, которые связаны с глумлением, издевательствами, насилием над сослуживцами, а также такие формы поведения, которые имеют цель подчинить сослуживцев для создания себе более облегченных условий службы (перекладывание своих

служебных обязанностей, использование сослуживцев в услужении себе в виде оказания различных бытовых услуг, таких, как стирка обмундирования и т.д.), а также вымогательство денег, присвоение себе вещей и продуктов сослуживцев, пререкания, словесные и физические оскорбления и рукоприкладство.

Эти действия как раз и относятся к так называемой «дедовщине», а вследствие неблагоприятных исходов таких взаимодействий военнослужащие, совершившие подобные деяния, попадают под действие административных и юридических санкций. В психологии и психиатрии эти действия классифицируются как гетеро-агрессивное поведение. Военнослужащие с таким поведением, в количестве 100 человек, были подвергнуты стационарному психолого-психиатрическому обследованию, в результате которого у всех был диагностирован непсихотический уровень психических расстройств.

Установлено, что для лиц с психическими аномалиями агрессивность характерна в силу их эмоционально-волевых нарушений и своеобразия мыслительных процессов, а механизм возникновения тех или иных действий у них тесно связан с функционированием компонентов и особенностями типов самосознания.

Проведенный анализ мотиваций агрессивных действий исследуемой категории военнослужащих позволил выделить следующие группы мотиваций этих действий: мотивации личностно-аффективного генеза, ситуационно-импульсивные мотивации фрустрирующего характера, мотивации виктимозависимого генеза.

Личностно-аффективное реагирование характеризуется непереносимостью любых форм ограничения, непереносимостью командного тона, напряженностью и готовностью к жесткой борьбе за лидерство, бескомпромиссностью и прямоотой в отношениях с сержантами и офицерами, дисфоричностью, которая проявляется мрачностью, недовольством, озлобленностью, неприязненным отношением к окружающим; эксплозивностью – взрывчатостью, возникающей аутохронно или по незначительному поводу, аффективной напряженностью с повышенной готовностью к аффективной разрядке.

Переживания фрустрирующего характера представлены непереносимостью к унижению собственного достоинства, болезненным самолюбием и гордыней, несогласием с любыми формами ущемления прав и болезненной реакцией на любые формы подавления «Я».

Мотивации виктимозависимого генеза связаны с чувством превосходства над физически слабыми, пренебрежительным отношением к слабым, покорным, податливым; с алгологическими наклонностями, с переживанием чувства «супермена», превосходства своего «Я».

Изучение военнослужащих, совершивших агрессивные действия, позволило сгруппировать наиболее часто встречающиеся агрессивные действия в межличностных отношениях, исключая тяжкие телесные повреждения и убийства.

Клинико-психологическое обследование военнослужащих, прибегавших к неуставным формам взаимодействия с сослуживцами, анализ мотивов и обстоятельств позволяют выделить три направления превенции этих действий, а именно: первое – это психолого-педагогическое; второе – служебно-правовое; третье – медицинское. Разработка и наполнение каждого направления реальным содержанием позволяет устранить в той или иной степени риск неформальных форм инициации.

Е. Г. Калюжная*

Этический аспект имиджа

Термином «имидж» в США в середине двадцатого века стали обозначать разновидность рекламного образа – особый механизм «расширения ценностного диапазона товара»¹ в условиях ужесточения конкуренции, когда производители вынуждены были выстраивать гибкие маркетинговые коммуникации. Получать дополнительную прибыль бизнесу помогали и гуманитарные науки. В рамках психоаналитического подхода и теории психологического мотивирования был предложен термин «имидж» («имаго» – идеальный образ, который, по определению К. Юнга, избирательно направляет восприятие одним субъектом другого), послуживший впоследствии основой целых систем не только в рекламе, но и в политике и общественной жизни².

Теория имиджа считается относительно новой областью исследований, которые ведутся в рамках психологии, социальной философии, антропологии, культурологии, экономики и других наук. В связи с этим строгие научные представления об имидже и его месте в ряду других научных категорий только начинают формироваться. Кроме того, имидж функционирует в пространстве социального общения личности, общественных и деловых структур, где само понятие становится полисемантическим, неопределённым. Как отмечает Б.Л. Борисов, «в современном русском языке английское слово «image» наделяется такой ёмкостью и многозначием, что его по праву можно отнести к категории мультикультурных символов. Образ, мотив, роль, амплуа, маска, типаж, мода, установка, фасад, репутация, лицедейство, прогнозируемое ожидание – вот думается, ещё не совсем полный перечень смыслов этого

* *Екатерина Геннадьевна Калюжная* – стар. препод. кафедры гуманитарного и социального образования Уральского института социального образования (филиал РГСУ в г. Екатеринбург) (г. Екатеринбург).

¹ Анатолия рекламного образа / Под общ. ред. А. В. Овруцкого. СПб.: Питер, 2004. С. 12.

² См.: *Феофанов О. А.* США: реклама и общество. М., 1976.

понятия»³. В. Я. Белобрагин и В.В. Белобрагин, проведя контент-анализ слова «имидж», указывают на использование почти во всех определениях семантической основы- термина «образ», выделяют три аспекта формулировки понятия: «имидж» как форма отражения объекта, как модель, инструмент познания, как вид социального управления, и предлагают рассматривать дефиницию как интегральное понятие⁴. Основой определения являются социально-психологические составляющие: целенаправленно формируемый образ, работа психики по «согласованию её собственных импульсов с индивидуальным и групповым опытом»⁵, социальное взаимодействие. Необходимо отметить, что имидж конструируется в процессе осознанной или стихийной деятельности, является результатом «определённой целенаправленной активности со стороны субъекта»⁶. В связи с этим и возникает проблема эмоционального воздействия на реципиента и оценки имиджа. Как отмечает Е.Б. Перельгина, одни элементы имиджа «оцениваются по объективным критериям» и «более подвержены критике со стороны оппонентов субъекта – прообраза имиджа... Другие же элементы имиджа могут оцениваться только по субъективным критериям, причём данные оценки не могут быть положены в основу рациональной критики субъекта – прообраза имиджа»⁷. Надо полагать, что в большей степени именно эти элементы, не поддающиеся рациональному обоснованию, будут «властвовать» над имиджевой аудиторией, воспринимающей образ. В общем смысле власть – это «способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств»⁸. Имидж, представляя собой через символическую форму «специально организованную коммуникативную систему»⁹,

³ **Борисов Б. Л.** Технологии рекламы и PR: учебное пособие / Б. Л. Борисов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 383.

⁴ См: <http://www.academim.org>

⁵ **Перельгина Е. Б.** Психология имиджа: учебное пособие / Е. Б. Перельгина. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 23.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 211.

⁸ Иллюстрированный энциклопедический словарь / Ред. кол.: В. И. Бородулин, А. П. Горкин, А. А. Гусев, Н. М. Ланда и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 134.

⁹ **Змановская Е.В.** Руководство по управлению личным имиджем. СПб.: Речь, 2005. С. 8.

является мощным средством эмоционального и убеждающего воздействия. Вопросы социальных и культурных последствий этого воздействия и ответственность автора имиджформирующей информации акцентирует внимание на этическом аспекте этого явления. Любое социальное образование, в том числе и имидж, нуждается в культурологическом осмыслении с точки зрения моральных ценностей, влияющих на характер деятельности человека или социальной структуры. Общеизвестно, что культура выступает механизмом социального наследования и способности к общественным отношениям. На уровне духовных потребностей культура удовлетворяет запросы индивида в осмыслении окружающего мира, собственной жизни, феноменов социокультурной действительности. «Основой и фундаментом всякой культуры» является ценность¹⁰. Сквозь призму мира ценностей проблема этической составляющей имиджа не только в повседневной жизни, но и в научном плане предлагает найти ответы на вопросы: «Создавать имидж – это хорошо или плохо? Не помогает ли имидж людям манипулировать друг другом? Если имидж отчасти технологический приём, то каковы критерии культуры и нравственности в применении имидж-технологий? В каком соотношении находятся способы формирования имиджа и способы формирования образа человека через культурную идентификацию, которая помогает определять подлинность или неподлинность ценностей?» Существует внутренняя логика культуры, которая не позволяет переводить имидж в средство манипуляции и социальную игру. Культура, по мнению одного из представителей психоаналитического направления в культурной антропологии Г. Рохейма, «есть система психической защиты от напряженности и деструктивных сил»¹¹. Думается, что обращение к идеям философии, этики и культуры в рамках социальной психологии способно стать ответом на вызов духовно-нравственной неустойчивости, социальной ангажированности; желанию одних использовать имидж как инструмент власти, некритическому восприятию действительности – других. Изучая внутрикультурные механизмы взаимодействия людей, французские социальные ант-

¹⁰ **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Питер, 2000. С. 47.

¹¹ Цитата по: Культурология: учебное пособие. М.: Издательство «Экзамэн», 2005. С. 64.

ропологи девятнадцатого века Г. Лебон и Г. де Тард поставили вопрос о проблемах психологической зависимости и внушения и выделили три типа группового и межличностного взаимодействия: неосознанное психическое заражение, осознанную или неосознанную форму внушения, подражание, или имитацию, т. е. воспроизведение двигательных и иных культурных стереотипов, являющееся основой обучения и передачи культурной традиции. Безусловно, человек не всегда верит тому, что слышит и видит, но на эмоциональном уровне так или иначе происходит воздействие образов. Значит, стоит ещё раз подчеркнуть значение ответственности тех, кто создаёт имиджи, особенно в средствах массовой информации, в публичной сфере общения. А. Бергер, рассматривая такой фактор современной культуры и существенный элемент общественного сознания, как визуальная коммуникация, говорит, что, несмотря на то что «вопросы этики всегда вызывали столько споров» в диалоге между абсолютными и относительными концепциями, необходим анализ значения творчества «не только для блага общества, но и для гармонии с собственным Я»¹². Исследователь предлагает список вопросов о связи этики и средств массовой информации, размышления над которыми способствовали бы и адекватному решению проблемы власти имиджа¹³. Эти вопросы касаются таких аспектов имиджа, как его истинность, соответствие действительности, манипулятивность, сила воздействия, манифестация нравственных ценностей, которые, по выражению Канта, могли стать принципом всеобщего законодательства. Потребность отразить эти вопросы в традициях этики, культурологии, социальной психологии с точки зрения духовно-нравственного содержания феномена имиджа особенно важна сейчас, в переходный период, когда необходимо, как замечал С. Л. Франк, «сознательное уяснение тех моральных и религиозных основ, на которых зиждутся господствующие идеи»¹⁴.

¹² *Бергер Артур А.* Видеть – значит верить: Введение в зрительную коммуникацию. 2-е изд.: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. С. 46.

¹³ См.: там же. С. 47.

¹⁴ *Франк С. Л.* Этика нигилизма / Вехи. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 196.

В. М. Соковнин*

Фасцинация власти и антифасцинация чиновничества

1 Одна из важнейших социальных сфер использования фасцинации – власть и социальная иерархия. Высшая государственная и религиозная власть всегда оформляла себя целым арсеналом фасциативных средств: блистательными коронами, жезлами, мантиями, расшитыми золотом и драгоценными камнями одеяниями, тронами, шатрами, опахалами, торжественными гимнами и песнопениями, парадами, салютами и т.д., и т.п. Весь этот строго продуманный арсенал в соединении со столь же выверенными ритуалами приводил подданных не только в эстетический восторг, граничащий с экстазом, но и в трепет почтения перед столь великолепной высшей (божественной) силой. Создавался общий восторженный и почтительный настрой, который невыразим словами и несет в себе сложный комплексно-фасциативный смысл, действующий напрямую на глубинные эмоциональные пласты психики, минуя какие-либо разъяснения.

Еще раньше, до появления царской власти, публичная фасцинация (*public fascination*) была имманентно вплетена в общинно-племенные обряды и ритуалы: пляски и заклинания шаманов и колдунов, приводящие племя в состояние гипнотического транса, анималистические амулеты и знаки охраны от злых сил, общинные театрализованные ритуалы-празднества, специализированные знаки внутриплеменной иерархии, убранство и ритуалы воинов, жертвоприношения, обряды инициации и т.д. Все это создавало фундамент почтения и веры.

2. Возносящееся к небу место земного пространства или, как отметил М. Хайдеггер, «место-вещь», обладает, по-видимому, фасцинирующим свойством, что и нашло свое отражение в ландшафтной и архитектурной эстетике всех народов с фиксацией особого

* *Владимир Михайлович Соковнин* – канд. филос. наук, президент Уральского фасцинологического общества (г. Екатеринбург).

значения высокого места: горы, скалы, холма. Именно на таком месте происходили кульминационные события в жизни этносов, именно на такие места стремились и власть, и толпа.

Вожак шимпанзе занимает самое высокое место, позволяющее обозревать стадо. То же наблюдается у стайных птиц: голуби, галки борются за самое высокое и удобное место.

В коммуникативном оформлении власти высокому месту принадлежит особая сигнальная фасцинирующая функция. Трон, трибуна – символы такой доминантной фасцинации, организующей массу людей и настраивающей ее на почтение и послушание.

3. Особая роль в фасцинации власти принадлежит ее лидерам-доминантам, особенно если они наделены свойствами харизматичности. Есть люди, не заметить которых невозможно, от них исходит сила притяжения и энергия магического воздействия. М. Вебер назвал это их качество харизмой. По Веберу, харизмой следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям. До М. Вебера свойство личности притягивать и увлекать людей называли «магнетизмом». Ван Тайль Даниэльс предложил публике руководство по развитию магнетизма, определив его как качество, или свойство, человека, которое привлекает к нему интерес, доверие, дружбу и любовь других людей.

А. Сосланд отмечает такую черту харизматичности, как готовность и способность человека «демонстрировать свое намерение пойти до конца за интересы своей паствы. Такая экстремальная интенция, безусловно, необходима для закрепления на иерархической вершине. Дать обогнать себя в готовности вступить в бой с каждым, кто перейдет дорогу пастве, делегировавшей лидерство определенному персонажу, – значит порушить такую иерархию». Это и делает человека привлекательным для масс, жаждущих социальных перемен, люди подсознательно наделяют таких лидеров качеством магического воздействия и верят в их магию. Б. Данэм так характеризует идейную целеустремленность основателя протестантизма Мартина Лютера: «Лютер был действительно опьянен, но не вином, а тем, что казалось ему велением Святого Духа, а в действительности было требованием его совести. Это опьянение у него постепенно усиливалось, вплоть до самой смерти, и оказало влияние на его посмертную славу». И

добавляет верное, на мой взгляд, замечание: «Пожалуй, лишь немногие революционные деятели XX века были склонны демонстрировать свою одержимость идеями так открыто, как Лютер, но в той или иной степени она наблюдалась у всех».

4. Казалось бы, обладая высокой степенью фасцинации, власть должна наполнять ею и ряды своих адептов-чиновников. Однако история показывает, что такое случается редко, чаще чиновничья каста обособляется, отдаляется от населения и вступает в противоречие с законом фасцинации власти, превращаясь в антифасцинативную группу, которая существенно, а иногда катастрофически, разрушает фасцинацию собственной высшей власти.

Чиновник во все века – это прежде всего мундир. Мундир сам по себе и придуман как фасцинативный знак, такую роль он прекрасно выполнял во все времена в армиях мира. В. Райх показал сексуальную притягательность красочного воинского мундира. Но в среде чиновничества мундир превращается в футляр, в некую символическую безликость и черствость. И это в самом деле так: инструкция требует четкого, а главное, бесстрастного исполнения должностных функций.

Но не только это делает чиновника ходячим футляром. Не менее трагично для него то, что нельзя: а) высовываться, б) выгладеть хоть в каком-то отношении лучше Начальника. Эта внутренняя дисциплина «дозволенных границ» делает талантливого человека, если только он попал по какой-то причине в чиновничий класс, трагической личностью. Для других, то есть лишенных каких-либо талантов, кроме более или менее добротных способностей, чиновничий класс – дом родной. И уж особенно привольно в этом классе чувствуют себя «наушники», прихлебалы, лизоблюды и льстецы. Они-то как правило и становятся свитой Начальника. Для них быть ярким и неординарным все равно что петлю на шею накинуть. Зато, согнувшись, выполнить со всей старательностью поручение Начальника или замордовать в волоките гражданина – это и есть для них «класс» и «опыт». Андрей Платонов в «Городе Градове» нашел великолепную формулу для понимания психологии чиновника. Опытный бюрократ говорит молодому: «Запомни, волокита – это лучший способ прояснения истины».

Потому чиновник скучен и сер, а сфера чиновничества, обращенная к гражданам страны, антипатична и не вызывает ничего, кроме апатии или содрогания, при мысли, что туда надо идти и

чего-то «просить». «Присутственные места» всегда на Руси были пугающими местами.

Таким образом, в развитии государственного властвования часто наблюдается парадокс. Чиновничья сфера как часть общества, наделенная «полномочиями» государственной власти, скучна, невыразительна и жалка в своих потугах «выглядеть» (единственное в этом смысле, на что она способна, это натянуть мундир и поскорее повесить портрет очередного императора на стену в своем кабинете). А сама власть как властвование – фасцинативна, и даже может внушать трепет и восторг.

Е. В. Каблуков*

Формирование имиджа в парламентском дискурсе

В политике «говорить» – значит «делать». Этот тезис, сформулированный П.Бурдые [Бурдые 1993: 206], в полной мере относится и к работе законодательной власти. Выступления депутатов напрямую связаны с осуществлением их профессиональной деятельности. В результате «говорения» принимаются и отклоняются законопроекты. Однако парламентарии стремятся повлиять не только на судьбу конкретного проекта. Отстаивая свою позицию, они осуществляют речевые действия, направленные на формирование собственного положительного имиджа в сознании электората. Для этого депутаты стремятся придать себе и своей партии такие черты, которыми они должны обладать с точки зрения потенциальных избирателей (отметим, что представление о предпочтениях аудитории является крайне субъективным, несмотря на использование социологических методов). Так, депутаты Государственной думы активно эксплуатируют образы *борца за правду, борца с режимом, слуги народа и благодетеля*. Рассмотрим эти образы и речевые способы их формирования на материале стенограмм заседаний Госдумы.

Борец за правду. Считается, что поиск «истины» и отстаивание «правды» особенно популярны в народе (*сила в правде* – такой вывод сделал герой культового отечественного фильма). Образ борца за правду привлекает многих депутатов:

И сейчас сотни тысяч коммунистов на территории бывшего Советского Союза в тяжелейших условиях продолжают отстаивать правду (В.С. Романов. 18.02.2005). Все-таки истина дороже. Я в третий раз, наверное, прошу вернуться к вопросу о назначении представителя в Конституционный суд (С.Н. Решульский. 25.05.2005).

* **Евгений Викторович Каблуков** – аспирант кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики УрГУ им. А. М. Горького (г. Верхняя Пышма).

Отметим, что эти понятия («правда», «истина») относятся к так называемой двуоценочной или полиидеологизированной лексике [см.: Стернин 1990: 24; Федотовских 1999: 37]. В разных идеологических системах они имеют различное, порой прямо противоположенное значение. Поэтому «борьба за правду» не мешает депутатам бороться с их коллегами, отстаивающими другие истины, и привлекает избирателей, имеющих схожие представления о правде.

Борец с режимом. Данный образ активно используется оппозицией и направлен на то, чтобы привлечь голоса избирателей, недовольных действующей властью. Последовательно его формированием занимаются представители Коммунистической партии Российской Федерации:

Мы требуем предоставления эфира для отражения точки зрения оппозиции. Мы считаем, что власть, которая презирает народ, обречена (Г.А. Зюганов. 9.02.2005).

...Выражаясь языком Владимира Ильича, мы работаем на то, извините, чтобы разогнать эту Думу к чертовой матери... (В.А. Тюлькин. 11.03.2005).

Слуга народа. Образ подчёркивает зависимое положение депутата и его ответственность перед избирателем. Важным при формировании этого образа является сокращение дистанции между представителем власти и народом: депутат должен восприниматься как простой человек, «один из нас». Формальным показателем использования этой стратегии является обилие слов «избиратели», «люди», «народ» в парламентских выступлениях. Как правило, говорящий стремится подчеркнуть свою связь с народом и заботу о нём:

Андрей Михайлович, вы знаете, из вашего яркого разгромного выступления вот я лично так и не понял, что я должен сказать избирателям... (А.Е. Локоть. 16.02.2005).

ЛДПР первой на своих знаменах написала: «За Россию, за державу, за борьбу с олигархами, за восстановление границ России, за защиту русского народа, русского языка» и последовательно все пятнадцать лет борется за это (В.В. Свиридов. 8.04.2005).

Апелляции к народу и избирателям используются и как аргумент при отстаивании своей позиции:

Разговора по этому поводу ждет гражданское общество, ждут наши избиратели, поэтому мы внесли такой проект постановления... (О.Д. Rogozin. 27.05.2005).

Сегодня очень серьезный вопрос в повестке дня, и я от имени фракции настаиваю и прошу – тем более я, так сказать, традиционно позвонил в свой избирательный округ в Новосибирской области: все высказывают это пожелание – обсуждение социально-экономического развития Российской Федерации транслировать напрямую (Н.М. Харитонов. 9.02.2005).

Здесь депутаты не только сигнализируют электорату о своей близости и поддержке, но и осуществляют давление на оппонентов: нас поддерживает народ, а потому, выступая против нас, вы выступаете против народа.

Благотель. Некоторые депутаты не ограничиваются ролью «слуг», они предпочитают другой образ, выдвигающий на первый план не человека-избирателя, а депутата-благотелья. Этот образ имеет глубокие исторические корни. Его активно эксплуатировали в дореволюционной России («царь-батюшка», «добрый барин») и в советское время («отец народов»). Чтобы сформировать такой образ, говорящий стремится связать своё имя (свою партию) с некоторыми позитивными событиями, процессами и явлениями. При этом подчёркивается исключительная роль говорящего (его партии) и его заслуги. Массовая аудитория ставится в зависимое положение: не депутат зависит от избирателей, а судьба людей от воли депутата. Рассмотрим выступление Н.В. Курьяновича, прозвучавшее 25 мая 2005 года:

Уважаемые коллеги, я хочу напомнить, что сегодня по всей стране проходят последние звонки. Это знаменательный, волнующий день, наверное, для всех выпускников и для родителей. И мало кто помнит, что несколько лет назад только благодаря дополнительным голосам, которые дала наша фракция ЛДПР, у нас в стране не ввели платное среднее образование. Надо, чтобы все ученики и родители помнили, что только благодаря ЛДПР сегодня в средних школах учатся бесплатно.

Оратор утверждает, что лишь благодаря ЛДПР в нашей стране сохранилось бесплатное среднее образование. Напоминая о некоем голосовании, он умалчивает о других политических силах, выступавших против коммерциализации школ, к которым ЛДПР, судя по его словам, попросту присоединилась (фракция обеспечила «дополнительные голоса»). Впрочем, выступление не осталось без внимания оппонентов. «Поставить на место» представителя ЛДПР взялась Т.В. Плетнёва (КПРФ):

Вот кто у нас тюлю гонит в зале, так это ЛДПР двенадцать лет. Поэтому всё, что у нас бесплатно сегодня, – это благодаря не им, а как раз КПРФ и Компартии еще в советское время, а всё, что сегодня платно, – это они помогают власти сделать платным и недоступным для человека, в том числе и образование.

Каждый из ораторов отмечает причастность своей партии к явлению, воспринимаемому в массовом сознании однозначно позитивно, – к бесплатному образованию. Однако представитель КПРФ не пожелала делиться заслугами с конкурирующей партией.

В заключение отметим, что посредником между депутатами и электоратом обычно выступают СМИ [см.: Шейгал 2000: 25]. Их работе посвящены многие выступления:

Народ слушает не выступления депутатов, не президента, а ту чернуху, которую льют в новостях, и так формируется мнение всех граждан нашей страны... (А.В. Островский. 11.02.2005).

Ну вот начнем с тех дней хорошего времяпрепровождения в дни новогодних праздников, когда наше телевидение шквалом обрушилось в выступлениях наших бывших советских сатириков, юмористов на нашу власть, на нашу государственную власть (В.А. Овсянников. 14.02.2005).

Из приведённых фрагментов ясно, что именно СМИ, по мнению ораторов, мешают власти формировать адекватный имидж. Продолжая данную логику, можно заключить, что идеальными были советские медиа времён И.В. Сталина...

Литература

1. **Бурдые П.** Социология политики. – М., 1993.
2. **Стернин И. А.** Оценочность слова в языке и речи // Исследования по семантике. – Уфа, 1990.
3. **Федотовских Т. Г.** Политический лексикон в агитационных предвыборных текстах // Факс: Журнал уральских журналистов. – 1999. – № 3–4 (13–14).
4. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000.

Раздел четвертый

Символическая власть медиа: победы и поражения в борьбе за доверие

С. Д. Балмаева*

Доверие как социальный капитал. Символическая власть медиа и доверие к СМИ

1 Если очень коротко ответить на вопросы: «на чем держится власть СМИ?», «за что СМИ ведут непрерывную битву?», то ответом будет простая триада:

доверие /
внимание /
время /

Заполучив время зрителя / читателя / слушателя, СМИ стремятся удержать его внимание. Но самой большой ценностью и наградой для СМИ является доверие аудитории. Борьбу же за доверие могут выиграть только самые профессиональные СМИ, и именно обладание доверием аудитории дает им настоящую власть. Ведь в отличие от властных механизмов политических и экономических структур власть СМИ не может держаться на страхе и насилии. Впрочем, любая власть без доверия долго продержаться не сможет. Доверие есть очень ценный социальный капитал.

Это очень хрупкий вид капитала, требует много времени и усилий для его созидания, его нельзя передать, трудно хранить; он требует постоянных инвестиций в форме внимания и эмоций.

2. Что же есть «доверие» и каковы его основания? Является ли доверие *додоговорным согласием* (как определяет его Э. Дюркгейм)? Необходимо ли различать разные виды доверия: доверие к людям и доверие к функциональным системам?

- Доверие как *додоговорное согласие* характерно для «простых» социальных систем, где стабильные, прошедшие ковку ритуалом, кровно-родовые или сословные отношения обеспечивают полную предсказуемость социальных действий. Это ситуация поч-

* *Светлана Дашиевна Балмаева* – канд. филос. наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ти автоматического *исполнения обещаний*, исключая непрозрачность чужой воли. Строго говоря, здесь нет доверия, здесь есть *уверенность*, которая обеспечивает полноту и силу власти.

- Иная ситуация возникает в сложных социальных системах с высокой дифференциацией социальных ролей. Множество действующих социальных агентов, опосредованность коммуникаций формальными структурами, принципиальная невозможность «просчитывания» значимых социальных факторов вынуждает индивида действовать в ситуациях высокой степени неопределенности. Именно здесь возникает различие между уверенностью и доверием. Как гласит немецкая поговорка: «Доверие – хорошо, а уверенность – лучше».

- Сферой уверенности являются понятные социальные ситуации, в отношении которых индивид имеет свой собственный опыт, либо новые ситуации, в большой степени подобные прошлому опыту. Но в переломные эпохи, когда непрерывные *инновации* разрушают предсказуемость социальных действий и ни один социальный субъект не в состоянии обеспечить *исполнение обещаний*, сфера уверенного социального поведения почти исчезает, оставляя индивидам выбор: либо, рискуя, действовать на основе доверия, либо бездействовать. Именно в этих ситуациях доверие превращается в особую социальную ценность, обретает статус «социального капитала». Причем рождение доверия «на расстоянии двух рукопожатий», обещаний «глаза в глаза» может и не породить «длинных цепей» доверия. А как они возникают?

3. Проблема «доверие – недоверие» упирается в решение вопроса: как преодолеть непрозрачность чужой воли, непредсказуемость чужих действий, если нет гарантий, что субъекты (агенты) будут поступать по правилам? Вероятно, здесь можно выделить две фазы рассуждений-действий:

- во-первых, это попытка рационального анализа, моделирования чужих мотивов, которую предпринимает субъект, решившийся на риск;

так формировались цепи доверия в буржуазной Европе XVII–XVIII вв., когда предсказуемость выводилась из гипотезы рациональности чужих действий, основанных на выгоде (что впоследствии было закреплено и в правовых нормах);

- во-вторых, это обращение субъекта к мнению «значимых других» (к референтной группе, к её экспертным оценкам).

Что происходит на второй фазе рассуждений-действий? Это, своего рода, процедура «перекодирования»: сложное взаимодействие многих социальных факторов должно быть представлено в языке «жизненных смыслов» отдельного субъекта. Иными словами, экспертные оценки позволяют «упростить» символическое поле социальной реальности, перевести сложные коды действий целой сети социальных агентов в простые ситуации, доступные пониманию индивида. К примеру, раскрыть связь между индексом инфляции, укреплением рубля и перспективами нашего семейного бюджета. Без подобного гипотетического знания, управляющего мотивами, индивиды не в состоянии принимать решения. Потребность в перекодировании порождает потребность в «толмачах» или переводчиках, без которых невозможно строительство капитала доверия.

4. Что по сути делают СМИ? Они выполняют функцию перераспределения общественного внимания и доверия. Они показывают нам невидимые пружины социального механизма (как разные элиты делят власть; как бедствуют шахтеры и т.д.) и делают это с позиции «всеведения». Мы (аудитория) готовы рассматривать СМИ как ВСЕВЕДУЩЕГО ТОЛМАЧА или ЭКСПЕРТНУЮ систему. Уже в силу своего места в социальной системе СМИ получают от нас кредит внимания: «расскажите, кому можно доверять, а кому нет». Именно за этот «рассказ о доверии» политики и бизнес готовы покупать СМИ (те СМИ, что эффективно регулируют каналы перетекания доверия). Но при этом сами СМИ должны завоевать наше доверие как свой собственный социальный капитал.

5. Внутренняя «природа» доверия:

- оно является безусловным, его нельзя потребовать, к нему нельзя принудить;

- доверие неразрывно связано с воображением и ценностями: оно предполагает воображаемую «третью силу», гаранта исполнения обещаний (либо это трансцендентное – Бог, «протестантская этика»; либо это духовная близость, единство ценностей, обеспечивающее сопричастность чему-то большему, нежели просто наша индивидуальная жизнь).

6. Если с этой точки зрения мы посмотрим на доверие к людям и доверие к системам, то увидим, в чем они различны и в чем – взаимообусловлены.

Доверие к системам – доверие к безусловности их правил.

Доверие к людям – доверие к безусловности их доброй воли и ценностей.

Самым совершенным вариантом в деятельности СМИ было бы сочетание доверия аудитории к правилам (безусловной объективности и достоверности) и доверия к безусловной репутации авторов и журналистов. Но в современной российской ситуации лишь малая часть СМИ (не-участников «информационных войн» второй половины 90-х годов) может претендовать на доверие аудитории к правилам. Этот *кризис доверия* легко увидеть из результатов социологических исследований. Чем выше уровень образования аудитории, чем выше уровень ценностных притязаний аудитории – тем ниже планка доверия.

Однако «кризис доверия» ещё не означает «кризиса внимания». Газеты и журналы, федеральные и региональные теле- и радиостанции ведут успешные войны «форматов», используя тонкие маркетинговые инструменты по привлечению внимания к персонам (героям, ведущим, экспертам, журналистам), с тем чтобы конвертировать внимание к личностям, олицетворяющим ценности аудитории в доверие к СМИ. Именно персонификация позволяет СМИ работать с доверием аудитории, декларируя или намекая на единство ценностей.

Особенно отчетливо это проявляется в деятельности новых СМИ, ориентированных на сегментированные аудитории (т.н. нишевых СМИ), и в сетевых проектах (блогах). Важным симптомом изменений в доверительной коммуникации является и быстрое развитие «народной журналистики» с помощью интерактивных технологий. Позволят ли новые технические системы преодолеть анонимность и безответственность массовых коммуникаций, смогут ли «новые аудитории» добиться «новой достоверности» в средствах не-массовой информации – пока это открытая тема.

Литература

1. *Шо Роберт Брюс*. Ключи к доверию в организации: пер. с англ. – М.: Дело, 2000.
2. *Селигмен Адам*. Проблема доверия: пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002.

Е. Ю. Енин*

Что происходит с доверием к российским СМИ?

Пожалуй, можно предположить, что в представлении молодого либерального интеллектуала индекс доверия жителей СССР, а затем России к СМИ менялся так.

СССР – доверие низкое.

Россия начала и середины девяностых годов прошлого века – доверие высокое.

Россия начала двадцатого века – доверие низкое.

Логика подобного предположения такова: в СССР СМИ выражали мнение правящей партии и ввали. Затем перестройка, свобода слова – СМИ начали говорить правду. Затем, когда СМИ попали под власть «олигархов», начали публиковать «заказные» материалы, доверие населения к СМИ снова упало.

Вряд ли это так. В СССР не доверяли государственным СМИ (к которым можно отнести все, не разделяя на профсоюзные, отраслевые и т.д.) люди, имевшие непосредственный доступ к информационным источникам, знавшие истинное положение дел и/или имевшие доступ к СМИ, неконтролируемым советской государственной машиной, западным «радиоголосам». Подлинных данных по этому периоду нашей истории нет, потому что социологические опросы, измеряющие рейтинг доверия населения к СМИ, тогда если и проводились, то спецслужбами, и не публиковались. Но, как сейчас модно говорить, «по ощущениям», можно сказать, что *доверие было колоссальным*.

Я начал профессионально работать в СМИ в 1988 году в должности главного редактора молодежных программ областного телерадиокомитета (г. Кокчетав, Кокчетавская область, КазССР) и чувствовал это на практике. Причины высокого доверия – *отсутствие альтернативных источников информации, унифи-*

* *Евгений Юрьевич Енин* – заместитель директора дирекции информационного вещания телекомпании «Четвертый канал» по аналитике (г. Екатеринбург).

кация информации во всех СМИ («все врать не будут», «об этом везде пишут») и *крайне низкая критичность восприятия информации*, целенаправленно сформированная государственными идеологами. Так что в перестройку СМИ вошли с колоссальным запасом рейтинга доверия, которого хватило довольно надолго.

Но именно тогда началось падение доверия к СМИ, что было вызвано объективными причинами, было запрограммировано изменениями общественного строя и было неизбежно.

Инструментальные измерения в начале перестройки было мало, но по данным Алексея Симонова, президента Фонда защиты гласности, озвученным на круглом столе «Россия на пути к независимой прессе» (Москва, 03.10.2005), *в 1991 году прессе доверяло 80–85 % населения*. Сейчас же *СМИ доверяют 9 % населения*. Эта цифра приведена на этом же круглом столе Вице-президентом Всемирной Газетной ассоциации Евгением Абовым.

Впрочем, социологи дают другие данные. По данным ROMIR Monitoring, сейчас СМИ не доверяет только 18 % взрослого населения России. На первом месте по доверию – центральное телевидение, 44 %, на втором центральное радио, 8 %, а региональному телевидению доверяет только 3 % опрошенных. При этом в динамике картина такая. Доверие к центральному телевидению за два последних года выросло на 5 %, доверие к региональному телевидению осталось неизменным, доверие к электронным СМИ выросло в полтора раза.

Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения несколько отличаются от данных ROMIR Monitoring. Опрос ВЦИОМа показал, что не доверяют никаким СМИ 27 % опрошенных. 41 % россиян доверяет центральным СМИ, без разделения на типы, 22 % доверяет региональным СМИ.

Мне данные социологов о доверии к СМИ кажутся более достоверными, чем данные Е. Абова.

Причины падения доверия населения к СМИ очевидны.

1. Разногласица, тот самый «плюрализм». Исчезло разнообразие информации и, главное, оценок. Доверять СМИ в целом институту, в условиях свободы слова просто невозможно, хотя бы в силу существования «желтой» прессы. Общество сегментировалось, каждый выбрал «свое» СМИ, степень доверия к которому вполне могла остаться «доперестроечной».

2. СМИ начали сознательно манипулировать общественным мнением, что у части общества не могло не вызвать отторжения.

3. В СМИ снизился уровень редактуры, ответственности за достоверность сообщаемых фактов.

4. В СМИ появились «заказные» материалы и реклама, замаскированная под журналистские материалы.

5. СМИ, в первую очередь центральные каналы, начали использоваться как политические инструменты, развернулись «телевизионные» войны, в которых целями стали и сами СМИ. В результате чего вся страна узнала, кому какой канал принадлежит, «под чью дудку пляшет», а эти хозяева-«олигархи» в общественном сознании превратились во врагов народа.

6. Большой части общества, в основном старшему поколению, категорически не понравились темы, поднимаемые в некоторых СМИ, и позиция некоторых СМИ, в результате произошел метонимический перенос негативного отношения к отдельным СМИ на все СМИ как институт.

7. Наконец, СМИ стали позиционировать себя только как «информаторов» и «развлекателей», отказавшись от функции «помощников» («письмо читателя позвало в дорогу»).

Еще раз подчеркну, что процесс потери доверия был неизбежен при переходе от социализма к капитализму и демократии. И если мы относимся к капитализму и демократии положительно, то мы должны положительно относиться и к тому, что СМИ растеряли доверие аудитории. Потому «доверие» в данном случае – это синоним «некритичного восприятия». СМИ продолжают оставаться основным источником информации о событиях в городе, стране и мире, по-другому быть просто не может. Если аудитория получает информацию из СМИ, но не доверяет бездумно всем СМИ, это безусловно положительный признак формирования либерального гражданского общества, в котором граждане самостоятельно и свободно выбирают источник информации и обдумывают информацию, прежде чем принять ее на веру.

Отдельно хочется сказать о разнице в доверии центральным и региональным телеканалам, которая видна в социологических исследованиях. Опрос показал, что чем меньше населенный пункт, чем старше респондент, чем меньше его доход и чем ниже уровень образования, тем больше доверие к центральным телеканалам. По данным ROMIR Monitoring, в городах-миллионниках централь-

ным каналам доверяют 28 % респондентов, в сельской местности – 53 %. Объяснить это можно так, если говорить о всей выборке.

1. Центральные каналы более доступны, они вещают в метровых диапазонах.

2. В некоторых населенных пунктах местного телевидения нет вообще.

3. В маленьких городах, как правило, нет независимых телевизионных станций, они контролируются либо главами администраций, либо хозяевами градообразующих предприятий. То есть принадлежность конкретным хозяевам куда более очевидна, чем у центральных каналов.

4. Информация на центральных каналах подается более профессионально и требует меньше усилий для восприятия.

5. Информацию центральных каналов невозможно «проверить», в отличие от информации местных каналов в маленьких городах, когда наверняка найдутся очевидцы и работает еще один мощный канал передачи информации – слухи, поэтому информацию центральных каналов волей-неволей приходится принимать на веру.

Между тем, по данным «Гэллэп медиа», выпуски новостей местных каналов или местные выпуски на федеральных каналах в Екатеринбурге успешно конкурируют с выпусками новостей центральных каналов, не слишком уступая им по рейтингу, а часто и обгоняя. В данном случае рейтинг можно считать эквивалентом доверия. Можно предположить, что в других городах-миллионниках ситуация такая же.

Приложение

Цифры и факты

Из всех СМИ россияне по-прежнему больше всего доверяют центральному телевидению.

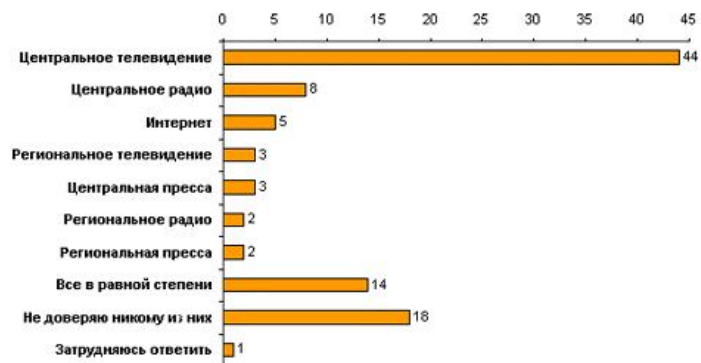
В рамках августовского всероссийского опроса населения исследовательский холдинг ROMIR Monitoring задал своим респондентам ряд вопросов о СМИ – о степени доверия разного рода средствам массовой информации, о способах получения информации, о телевизионном контенте, поинтересовался мнением россиян по вопросу цензуры в прессе и т.д.

В опросе приняла участие 1600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, в более чем 100 городах и населенных пунктах России. Выборка репрезентирует взрослое население страны. Статистическая погрешность не превышает $\pm 3\%$.

Итак, респондентам был задан вопрос:

Какой источник информации вызывает у Вас наибольшее доверие? (%)

Ответы на него распределились следующим образом:

Как показали результаты исследования, почти половина россиян (44 %) на первое место по степени доверия ставят центральное телевидение. Причем среди респондентов Южного и Приволжского федеральных округов такой вариант ответа указали 53 % и 50 % соответственно. Анализ полученных результатов показал, что чем меньше населенный пункт, тем чаще его жители говорили о своем доверии центральному телеканалам. Так, в городах-миллионниках о доверии центральному ТВ сказали 28 % респондентов, а в сельской местности – 53 %. Была также выявлена зависимость степени доверия центральному телеканалам от возраста респондентов – россияне старших возрастных категорий несколько чаще молодежи признавались в том, что доверительно относятся к телевидению. Каждый второй россиянин с начальным уровнем образования и низким уровнем дохода сказал, что доверяет центральному ТВ, – это самый высокий показатель по выборке.

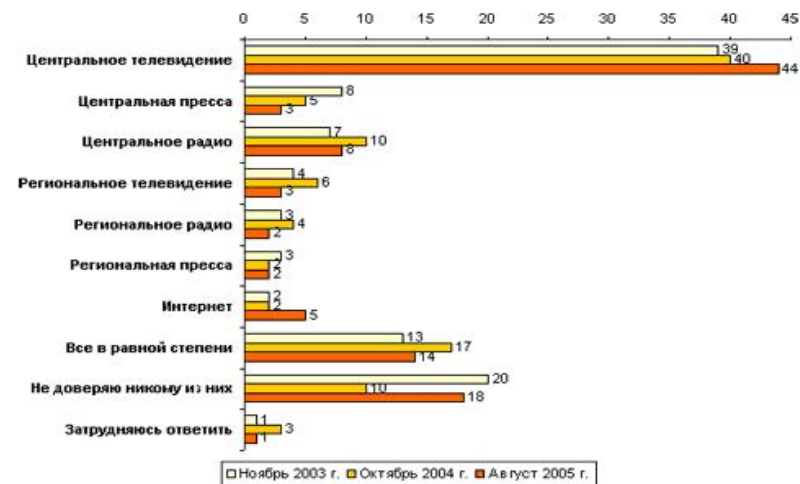
Центральному радио, как свидетельствуют результаты исследования, доверяют 8 % россиян. Несколько чаще, чем в среднем по выборке, об этом говорили россияне, проживающие в Центральном (11 %) и Уральском (12 %) федеральных округах. Популярность центрального радио также несколько выше среди жителей сельской местности и пенсионеров – 10 %, что, вероятно, объясняется наличием у них дома в лучшем случае трехпрограммника.

На третьем месте по степени доверия находится Интернет как средство массовой информации. Электронным изданиям доверяют 5 % россиян. Причем в Центральном и Северо-Западном округах этот показатель был несколько выше, чем в среднем по выборке – 7 %. Среди россиян, проживающих в городах-миллионниках и крупных областных центрах (500 тысяч – 1 миллион человек), о доверии Интернету заявили 8–9 % респондентов. Интернету также больше, чем в среднем по выборке, доверяет самая интернетизированная часть населения – молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет, россияне с высшим образованием.

В ходе опроса по 3 % россиян сказали, что доверяют региональному телевидению и центральной прессе, по 2 % – региональному радио и региональной прессе. 14 % респондентов ответили, что доверяют всем СМИ в равной степени. Вместе с тем исследование показало, что 18 % россиян не доверяют ни одному средству массовой информации. Несколько чаще, чем в среднем по выборке, о своем недоверии СМИ говорили жители мегаполисов (21 %), пенсионеры (21 %) и россияне с начальным уровнем образования (24 %).

ROMIR Monitoring задавал своим респондентам аналогичный вопрос в 2004 и в 2003 году. На приведенном ниже графике видно, как за это время менялись предпочтения россиян.

Динамика, %

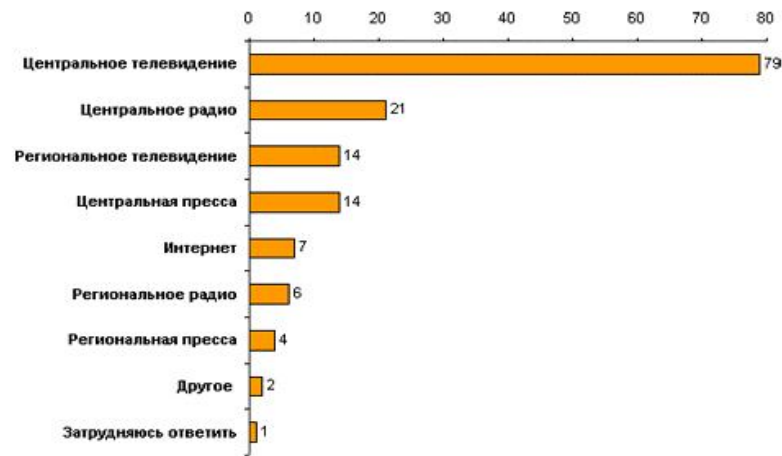

Итак, как мы видим, за два неполных года уровень доверия центральному телевидению вырос на пять процентных пунктов и ровно на столько же понизился уровень доверия населения к центральной прессе. С учетом статистической погрешности нельзя говорить о сколько-нибудь значимых изменениях уровня доверия к центральному радио и региональным СМИ. Зато уровень интереса и степень доверия к электронным СМИ выросли в полтора раз с осени прошлого года. За последний год также резко увеличилась – с 10 % до 18 % – доля россиян, не доверяющих никаким СМИ. Чем это можно объяснить? Доверие центральному телевидению со стороны россиян всегда было высоко, поэтому и рост рейтинга неудивителен. Что же касается остальных средств массовой информации, то, видимо, сказывается разочарованность качеством и стилем подачи информации в последнее время. Поэтому опросы и показывают повышение уровня доверия к альтернативным источникам информации, например таким, как Интернет.

В ходе опроса респондентам также было предложено ответить на вопрос о том, из каких источников они обычно получают информацию. Вопрос звучал следующим образом:

Откуда Вы обычно получаете интересующую Вас информацию/новости? (%)

Ответы на него распределились следующим образом (поскольку респонденты могли указать несколько вариантов ответа, то итоговая сумма не равна 100 %):

Как показало исследование, главным источником информации для большинства россиян опять же является центральное телевидение. Об этом заявили 79 % респондентов. Было также отмечено, что чем меньше размер населенного пункта, в котором проживают респонденты, тем чаще они говорили о том, что СМИ № 1 для них является телевидение. Россияне старших возрастных групп несколько чаще ориентируются на новостные передачи центральных телеканалов, чем молодежь. Новости черпают из центральных телеканалов четверо из пяти россиян с начальным и средним уровнем образования.

Каждый пятый россиянин (21 %) в поисках свежих новостей, согласно результатам исследования, слушает центральные радиостанции. Причем среди респондентов Северо-Западного и Уральского региона этот показатель достигает 28–30 %, что несколько выше, чем по выборке в целом. Центральные радиостанции, как источник новостей, наиболее популярны среди россиян, проживающих в малых городах (до 100 тысяч человек), респондентов старших возрастных категорий.

14 % россиян черпает новости и вообще интересующую информацию на региональных телеканалах. Среди сибиряков это практикует каждый четвертый опрошенный, что является самым высоким показателем по выборке. Региональное телевидение также популярно среди россиян, проживающих в крупных городах – областных центрах. Большой интерес к региональному телевидению, чем в среднем по выборке, проявляют россияне с высшим образованием.

Еще 14 % россиян, согласно полученным результатам, предпочитают знакомиться с новостями в центральной прессе. Причем наибольшей популярностью, по сравнению с выборкой в целом, общероссийские газеты и журналы пользуются среди россиян, проживающих в Центральном федеральном округе (18 %), и у москвичей, в частности (15 %). Центральную прессу регулярно читает каждый пятый россиянин 35–44 лет, а также 20 % респондентов с высшим образованием – это самые высокие показатели по выборке.

И на пятом месте в полученном рейтинге находится Интернет. Новости из Сети черпают в целом 7 % россиян. Однако среди жителей Северо-Западного округа такой вариант ответа указали 13 % опрошенных. Наибольшей популярностью новостные сайты пользуются у россиян 18–24 лет (20 %), у респондентов с высшим образованием (13 %) и высоким уровнем дохода (11 %).

Исследование показало, что региональное радио и пресса являются источником информации для 6 % и 4 % россиян соответственно.

Сопоставляя полученные ответы с результатами по предыдущему вопросу – о доверии тем или иным СМИ, напрашивается вывод, что наибольшим числом лояльных читателей могут похвастаться электронные СМИ, которые читают 7 % россиян, а доверяют – 5 %. Аналогичное соотношение было зафиксировано и по отношению россиян к центральному телевидению – более половины смотрящих новости по центральным каналам доверяют предоставляемой информации. Что касается других средств массовой информации, то здесь картина совсем другая. Россияне смотрят, слушают, читают, но относятся с осторожностью к получаемой информации.

Мнение Россиян: читать газеты, смотреть телевидение и слушать радио стало интереснее, чем год-два назад.

Москва, 13 июля 2005 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, каким источникам информации россияне более всего доверяют, какими чаще пользуются и стала ли, по их мнению, отечественная пресса за последнее время более интересной.

В рейтинге доверия масс-медиа лидируют центральные средства массовой информации – им доверяет 41 % опрошенных (среди москвичей и петербуржцев – еще больше – 57 %). Местным СМИ в целом по России доверяют 15 % респондентов (в крупных городах – 21 %), областным – только 7 % россиян. Каждый четвертый опрошенный (27 %) не доверяет никаким источникам информации. Доверие местным и областным СМИ никак не связано с материальным положением опрошенных, а вот уровень доверия центральным СМИ тем выше, чем лучше респонденты оценивают свое материальное положение (им доверяют 37 % малообеспеченных и 48 % финансово благополучных респондентов). Центральным СМИ также больше доверяют респонденты моложе 45 лет (45–46 %), тогда как в группе старше 45 лет – только 34–37 %.

Самый востребованный источник информации для большинства россиян – телевидение: 76 % респондентов черпают информацию из центральных телеканалов, 32 % – из областных и 28 % – из местных, региональных. Центральные радио и пресса востребованы примерно одинаково (27 % получают информацию от радио и 25 % – из газет). Среди СМИ местного уровня газеты пользуются

большой популярностью (23 %), чем радио (12 %). Каждый десятый россиянин предпочитает получать информацию из Интернета.

Востребованность тех или иных источников информации тесно связана с тем, где живут опрошенные. Доля поклонников центральных телеканалов возрастает с 72 % в селах до 82 % в Москве и Санкт-Петербурге, а группа зрителей областного телевидения в столицах на порядок ниже (7 %), чем в других населенных пунктах (34–37 %). Центральное радио в качестве основного источника информации отметили 46 % москвичей и петербуржцев, 34 % жителей крупных городов и 21–24 % респондентов из средних и малых городов и сёл. Областное радио, напротив, в Москве и Санкт-Петербурге (5 %) менее популярно, чем в других населенных пунктах (12–15 %). Интерес к информации местных газет снижается с 35 % в селах до 26–28 % в малых и средних городах, 22 % в крупных городах и 15 % в столицах.

Интернетом как основным источником информации пользуются 21 % москвичей и петербуржцев, 9–12 % респондентов из других городов и 3 % сельских жителей. Популярность Интернета снижается с 26 % среди молодежи 18–24 лет до 3 % в группе 60 лет и старше.

Каждый второй россиянин (48 %) считает, что российская пресса за последние год-два стала в целом более интересной. Каждый четвертый (26 %) не фиксирует изменений в российских печатных изданиях с точки зрения их содержательности. Полагают, что газеты стали менее интересными, 12 % опрошенных. Причем пять лет назад оценки россиян были примерно такими же: 48 % отмечали позитивные сдвиги, 10 % – негативные; несколько меньше (20 %) было тех, кто полагал, что изменений нет, но больше затруднившихся с оценкой (22 %, сейчас – 16 %).

На положительные изменения в СМИ указывают 57 % сторонников «Единой России», 52 % избирателей ЛДПР, 42 % – КПРФ и «Родины». Респонденты, относящие себя к хорошо материально обеспеченным, отмечают позитивные сдвиги чаще, чем средне- и плохообеспеченные респонденты (56, 48 и 44 % соответственно).

Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 25–26 июня 2005 г. Опрошено 1594 человека в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

Д. Ю. Мережко*

Потеря доверия к традиционным СМИ как неосознаваемая проблема

В докладе «Четыре теории прессы» система средств массовой информации, сложившаяся в СССР к середине XX века, выделялась в особую модель взаимодействия СМИ, власти и общества, где полностью подконтрольные власти медиа играли роль средства пропаганды и транслятора государственной идеологии для населения. Прямое владение и управление средствами массовой коммуникации со стороны власти отличало эту систему даже от классических авторитарных моделей, где при наличии институтов цензуры и лицензирования сами институты все же оставались формально независимыми от органов государственного управления.

Конец 80-х и особенно начало 90-х годов прошлого века давали почву для надежд на то, что ситуация поменяется коренным образом. Принятый в 1991 году Закон о СМИ формализовал и сделал крайне простой процедуру выхода на рынок СМИ (особенно печатных), что позволяло надеяться на становление «открытого рынка идей» и привело к взрывоподобному росту наименований выпускаемых СМИ.

В этот период рынок СМИ столкнулся с двумя вызовами: необходимостью формирования новой культуры создания содержания, чего не приходилось делать советским газетам, и важностью осознания себя как независимого субъекта предпринимательства, что также было чуждо творческим работникам, из которых по преимуществу тогда состояли медийные компании.

Говоря о функциях СМИ, в качестве главных обычно выделяют информационную, утилитарную и развлекательную. Осознавая информационную функцию в постсоветском контексте (предвзятого

* *Дмитрий Юрьевич Мережко* – директор НКО – межрегиональный общественный фонд «АНРИ» (Ассоциация независимых региональных издателей) (г. Москва).

Каким источникам информации Вы доверяете больше всего?						
	Всего опрошенных	Тип поселения				
		Москва и Санкт-Петербург	Более 500 тыс. жителей	100-500 тыс.	Менее 100 тыс.	Сёла
Центральным	41	57	34	41	38	41
Никаким	27	23	31	29	25	26
Местным	15	7	21	17	17	12
Областным	7	-	8	5	8	8
Затрудняюсь ответить	10	13	6	8	12	12

Как Вам кажется, за последние год-два российская пресса стала в целом более или менее интересной?		
	2000 г.	2005 г.
Значительно более интересной	18	14
Несколько более интересной	30	34
Не стала ни более, ни менее интересной	20	26
Несколько менее интересной	5	7
Значительно менее интересной	5	5
Затрудняюсь ответить	22	16

Какими источниками информации Вы пользуетесь чаще всего?						
	Всего опрошенных	Тип поселения				
		Москва и Санкт-Петербург	Более 500 тыс. жителей	100-500 тыс.	Менее 100 тыс.	Сёла
Центральное телевидение	76	82	79	75	78	72
Областное телевидение	32	7	37	34	34	34
Местное телевидение	28	33	29	31	23	27
Местные газеты	28	15	22	28	26	35
Центральное радио	27	46	34	23	24	21
Центральные газеты	25	18	30	20	27	26
Областные газеты	23	6	25	20	27	25
Местное радио	12	12	10	13	12	11
Областное радио	12	5	15	12	14	12
Интернет	10	21	12	9	12	3
Зарубежные СМИ	2	4	2	2	4	0
Другое	1	.	1	1	3	0
Затрудняюсь ответить	2	3	1	3	2	2

информирования), часть СМИ предпочла искать себе заказчика в лице властных или крупных корпоративных спонсоров.

Наглядной иллюстрацией отрыва таких СМИ является их поведение (спонтанное или под влиянием спонсоров) во время предвыборных кампаний 1993, 1995 и особенно 1996 года. Именно в этот период СМИ стали восприниматься как мощное средство агитации, работающее в интересах групп, обладающих политической или финансовой властью.

В начавшийся с 2000 года период реставрации вертикального государства на территории Российской Федерации происходит постепенный возврат основных СМИ под контроль государства или тесно аффилированных с ним структур, что возвращает систему СМИ в целом в период, напоминающий СССР.

В тот же период 90-х другие компании начали эксплуатировать утилитарные и развлекательные функции СМИ. Развивая продукты, не имеющие информационной составляющей, такие компании сумели тем не менее занять лидирующие позиции на рекламных, тиражных, а в последнее время – и производящих телепрограммы рынках. Подтверждение тому – растущее в программных сетках время сериалов отечественного производства при сокращении доли информационных и аналитических программ, выход на третье место в национальных рейтингах безновостного канала СТС, безусловное преимущество в радиэфире музыкальных станций, выход на первое место по национальному тиражу в 2005 году сети телегазет «Антенна-Телесемь» и превышение объемов рекламы в гляцевых журналах над газетной, что также впервые наблюдалось в 2005 году.

Таким образом, в современной системе российских СМИ присутствует дуализм, характеризующийся, с одной стороны, – развитием бизнеса в утилитарном и развлекательном секторах, не требующих высокого уровня доверия, но и незначительно влияющих на общественное сознание. С другой стороны, рынок традиционных СМИ все более напоминает и осознает себя как систему, описанную в «Четырех теориях прессы», в которой клиентом вместо аудитории, формирующей властную силу СМИ за счет доверия к информации, выступает спонсор. Не нуждаясь в институте доверия, СМИ, таким образом, ни в коей мере не выполняют функцию «четвертой власти», т.е. общественного контроля за носителями власти иной.

Л. А. Терентьева*

Как деловой журнал может завоевать доверие аудитории

Для журнала «Деловой квартал» как для продукта издательского бизнеса, живущего и развивающегося по тем же рыночным законам, что и бизнесы, о которых он пишет, доверие читателя – не абстрактное понятие, а вполне конкретный маркетинговый инструмент. Доверие – это составляющая внимания потребителя, которое должно перерасти в лояльность (приверженность) к продукту и конвертироваться в плату за подписку или регулярную покупку в рознице.

Из чего, на наш взгляд и по нашему опыту, складывается доверие новых, амбициозных, «рыночных» бизнесменов к источникам информации о происходящем в бизнесе? На каких принципах «Деловой квартал» строит свой информационный продукт?

1. Независимость издания

Бизнес-читатель, как никто другой, требователен к «неангажированности» источника информации. Он должен быть уверен, что СМИ «не продажно», т.е. не проводит чью-либо политику.

Наш образованный, свобододолюбивый, прагматичный и отчасти скептический читатель – бизнесмен, управленец – крайне негативно реагирует на любые попытки манипулировать им. Он не терпит давления, попадания в зависимость от чего-либо и кого-либо. Для него важна свобода принятия решений, уверенность в том, что это он управляет действительностью, а не она им. И осознание того, что кто-то его «использует», равносильно унижению, оскорблению.

2. Объективность подачи информации

Бизнес-читателю нужны различные точки зрения, мнения и взгляды на проблему из различных компетентных, экспертных источников. К субъективному «мнению редак-

* *Лариса Анатольевна Терентьева* – руководитель проектов издательского дома «АбакПРЕСС» (г. Екатеринбург).

ции» и уж тем более к мнению отдельных журналистов он относится с сомнением, недоверием, так как в большинстве своем они не компетентны, не являются экспертами в его предметной области, т.е. бизнесе.

Это не «плохо» или «хорошо», это данность месту и времени (Россия, 2006 г). Ведь для приобретения компетенции и завоевания авторитета у бизнес-читателей изданиям (журналистам как представителям редакций) нужны годы!!! Большинство же бизнес-изданий моложе, чем короткая история бизнеса в России.

Наш читатель не приемлет навязывания (а публикация в печатном издании сродни этому, так как оно по природе своей неинтерактивно) субъективной точки зрения. Он привык самостоятельно принимать решения и считает, что у него достаточно ума, аналитических способностей, чтобы на основании относительно полной картины фактов и разносторонних мнений самому сформировать отношение к происходящему, сделать собственные выводы исходя из своей системы ценностей.

Доверие к частному мнению возможно лишь в том случае, если автор вызывает уважение, представляет экспертную ценность и является реальным авторитетом для читателя.

Но, внимание! Наши читатели – люди действия. И потому их признания и доверия заслуживают, как правило, вовсе не те люди, которые умеют умно излагать мысли на бумаге. Авторитет зарабатывается конкретными поступками, действиями, т.е. личным примером, достойным подражания, компетенцией в бизнесе (управленцы успешных компаний), эффективным взаимодействием с бизнесменом через личное общение (тренеры или консультанты). А «кумиры», «авторитеты», «гуру» и т.п. у всех бизнесменов разные.

«Эксперт», пожалуй, единственный журнал, к чьему мнению (собирательному редакционному или мнению экспертов-колоннистов) прислушиваются. Но посчитайте, сколько лет понадобилось, чтобы его авторы, выражающие собственную позицию, заслужили доверие и уважение со стороны читателей-бизнесменов?

«Деловой квартал» борется не только за «плюрализм» мнений, но и за их сбалансированность в пределах конкретного текста. Можно привести много примеров того, как влияют на доверие «перекося» в количестве реплик от конкретных экспертов и в их размере (недавний случай в Красноярске – читатель подсчитал,

что один эксперт прозвучал в статье 14 раз, в то время как все остальные в совокупности только 12).

3. Достоверность и актуальность

Бизнес-издание требует особого подхода к точности и обоснованности фактов и цифр .

Здесь игры в «сенсационные» выражения и ничем не подтвержденные «красивые» цифры ради привлечения внимания негативно сказываются на доверии к изданию и его репутации. Они редко (в отличие от большинства СМИ) остаются безнаказанными для редакции и журналистов, так как влекут за собой непосредственный **материальный** ущерб того, кого это касается.

Если издание вместо горячей и волнующей аудиторию темы выдает прописные истины или книжные материалы, то зря потраченное однажды внимание читателя приведет к потере доверия.

4. Понятный, доступный, живой язык

«Пафос», «официоз», причесанность, елейность – от всего этого веет «совком», враньем и пиаром. Умный, современный управленец в лучшем случае не станет читать, в худшем – разозлится.

5. Открытость редакции для диалога с читателем

Редакция бизнес-издания обязательно должна создавать все условия для свободного обращения читателя в редакцию и поддерживать обратную связь. Нашему читателю важно понимать, ощущать, быть уверенным в том, что издание – это не междусобойчик редакционного коллектива и нескольких приближенных к нему бизнес-субъектов и «влиятельных экспертов» (см. «независимость» и «объективность»), которые фигурируют в статьях, ему важно знать, что его мнение – мнение «простого читателя» – интересно редакции и всегда будет принято во внимание.

Медиа – в массы!

Эпоха всемогущих масс-медиа заканчивается. О появлении Антихриста мне сначала пробормочет друг по мобильнику и напишет приятель в аське, потом я прочитаю об этом в ЖЖ, и только вечером по телевизору мне расскажут, что все происходящее следует считать Вторым Пришествием.

Для чего вообще существуют средства массовой информации (они же СМИ и масс-медиа)? Вроде бы дурацкий вопрос, но попробуйте его задать случайному прохожему, и вы получите примерно с равной вероятностью два ответа: «чтобы рассказывать всем обо всем» и «врать без передыху». Важно, что оба ответа, в сущности, справедливы. С одной стороны, общество, начиная с XVII века, осознано, что в происходящем может быть нечто важное, интересное или занятное для всех, и отдало СМИ право отбирать и распространять новости. А заодно развлекать и рекламировать. Причем именно фильтровать факты, а потом уже делать их общими, такими, о которых все могут или должны быть в курсе.

Весь процесс работы медиа выглядел – да и до сих пор еще выглядит – как индустриальное производство. Масс-медиа и появились в индустриальную эпоху, и сами активно способствовали появлению массового общества, работая на унифицированный интерес ими же создаваемого «среднего человека».

Можно любить или не любить «среднего человека», восторгаться средним классом и уповать на него или презирать и бороться с ним, но СМИ присущи два врожденных дефекта. Первый дефект состоит в том, что граница между вынужденным отбором и враньем иногда может быть очень зыбкой. Человеческий интерес, идеологический или экономический, устранить из процесса отбора практически невозможно. Чтобы врать, СМИ даже не надо говорить неправду, достаточно «правильно» отбирать факты, пред-

* **Владимир Владимирович Харитонов** – канд. филос. наук, доцент кафедры журналистики факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

назначенные для всеобщего сведения, тем самым создавая реальность, в которой, например, нет «неприятностей».

И от второго врожденного дефекта СМИ тоже не способны избавиться: масс-медиа монологичны и «безответны». Монолог – это и есть та самая откровенная власть, которую можно, конечно, считать и четвертой, если бы не ее ответственность за создание общего пространства разговора в окружающем мире.

Все развитие масс-медиа, однако, направлено, по большому счету, только на обеспечение максимальной аудитории. Но общество конца XX–начала XXI века хоть и осталось, по сути, массовым, но уже перестало быть однородным. Как только социологи не называли этот процесс – трайбализация, маргинализация, люмпенизация, появление субкультур, размывание границы между элитарной и массовой культурой, и даже – появление «длинного хвоста» [см. об этом: http://en.wikipedia.org/wiki/Long_Tail и http://longtail.typepad.com/the_long_tail]. Речь, собственно, идет о том, что «большинство» из «общества в целом» становится просто большей частью общества, которая все общество уже вовсе не исчерпывает, а если попытаться посчитать все входящие в общество субкультуры – этнические, экономические, политические, гендерные и т.д., – то может оказаться, что этот длинный разноцветный хвост субкультур занимает не меньшее, а может даже и большее место в обществе, чем пресловутое «большинство». Необходимость что-то делать с этим социальным «хвостом» уже давно заставила СМИ работать с небольшими нишевыми аудиториями. Именно на них рассчитаны кабельное и спутниковое телевидение и «отформатированные» FM-радиостанции.

Масс-медиа стремятся, как и прежде, захватить собой все общество, заманивая его улучшенным качеством и «интерактивностью». Вот только обществу требуется не столько качество, сколько изменение принципов отбора информации и переход от монолога к диалогу. Ни на то, ни на другое традиционные СМИ пока не способны. И не столько из-за неповоротливости или злонамеренности, сколько из-за технических ограничений.

Тем временем общество само стало считать себя достаточно компетентным для того, чтобы заниматься отбором информации. А технологии, к концу XX века успевшие развернуться лицом к индивиду, уже предлагают возможности для личного производства и распространения информации.

Выбор источников информации стал значительно шире и проще благодаря Интернету и росту количества сетевых информационных ресурсов. А с помощью технологии RSS-лент каждый пользователь может сам настроить свое информационное «окно в мир», играя на конкуренции между СМИ. Впрочем, он сам может его и создать. Для того чтобы запустить блог, свою «сетевую газету», уже не нужно быть программистом. Если информация корпоративных масс-медиа вызывает все большее недоверие в отношении ее полноты и корректности, то блог – личное мнение конкретного человека, который делится лично увиденным, своими переживаниями, своим опытом, своим мнением. И хотя опыт отдельного человека ограничен, аудитория склонна испытывать к нему большее доверие, чем к ангажированной экономическими и идеологическими целями прессе. Это касается даже потребительской информации. Чему вы больше доверяете – приятелю-профессионалу, человеку «в теме» или корпоративному маркетингу? Сметливые американцы из компании Weblogs, Inc. даже открыли вполне успешный проект сообщества потребительских блогов weblogsinc.com, где своими соображениями о товарах и услугах делятся квалифицированные пользователи и эксперты.

Новые технологии упрощают механизм публикации сетевого контента, сводя его в конце концов к нажатию пары кнопок на вашем мобильнике с фотокамерой. Не нужны никакие репортеры, операторы, редакторы, дизайнеры и т.д. Щелк – готов снимок, щелк – картинка отправилась в сеть на ваш сайт. Если вам тесны рамки тестового формата или нет желания перекодировать свои мысли в буквы – можно воспользоваться подкастингом [en.wikipedia.org/wiki/Podcasting] или устроить свое сетевое радио.

Масс-медиа, конечно, пока еще живы. Но уже начали умирать. Со времен 9/11 информационное пространство радикально изменилось. Тогда Интернет был просто источником дополнительной информации, к которой обращались для выяснения подробностей того, что показывают в ТВ. События 7/7 продемонстрировали, что ситуация поменялась. BBC распространяло контент, полученный с камерофонов [www.bbc.co.uk/london/lasts_mobilevideos.shtml]. Газеты и телеканалы воспроизводили фотографии и микроролики, опять же, снятые мобильными телефонами или цифровыми мыльницами. Коллективный информационный проект Wikinews оказался более оперативным и полным, чем традиционные медиа.

Большие СМИ идут параллельно или даже уже вслед за информацией и картинкой, распространяемыми с индивидуальных мобильных устройств через Сеть или ставшими свидетелями событий блоггерами (или группами и организованными сообществами блоггеров). СМИ вовремя обратили внимание на публичную журналистику (citizen journalism), их грядущего могильщика, которая предполагает, что обычный человек «из публики» берет на себя функцию журналиста, собирая, обрабатывая, анализируя и распространяя информацию. При этом публичный журналист ориентируется не на образ «среднего представителя аудитории», а на самого себя и на социальную группу или субкультуру, к которой принадлежит.

Один из самых ранних и до сих пор актуальных примеров такого рода – Indymedia.org, независимая сеть распространения новостей, аудиопередач и видеороликов антиглобалистских групп медиа-активистов по всему миру, запущенная в 1999 году. Ближе к традиционному формату масс-медиа информационный портал OhmyNews.com, основанный в Южной Корее в 2000 году под слоганом «Каждый гражданин – репортер». В штате – полсотни журналистов и редакторов, которые, однако, создают не более 20 % контента. Остальное – это материалы, которые поставляют за символическую плату более 40 тысяч «публичных репортеров» из всех городов страны. В результате такой организации медиа получается квалифицированно обработанная информация, заведомо интересная пользователям. Феномен во многом объясняется почти всеобщей доступностью широкополосного подключения к Сети (80 % населения Южной Кореи пользуются широкополосным доступом), однако свою роль сыграла не только технология, но и альтернативность портала официальным СМИ (портал возник как информационный ресурс, оппозиционный правительству). За пять лет у [OhmyNews](http://OhmyNews.com) аудитория выросла до полумиллиона посетителей в день, это один из самых популярных интернет-ресурсов в стране и вполне прибыльное предприятие.

Такие новые медиа уже не похожи на традиционные. Они не просто отбирают и распространяют информацию, они прислушиваются и дают высказаться местным сообществам, многочисленным, хоть и малонаселенным субкультурам, просто людям. Конечно, они пока не могут тягаться с традиционными СМИ по части оснащенности, финансирования и т.д. С другой стороны, кому, кроме заказчиков, нужны хорошие камеры, студийные микрофоны,

служебный транспорт и связи в правительстве, если подробности того, что происходило в Новом Орлеане на самом деле, можно было узнать только из блогов очевидцев и фотографий публичных журналистов? Американские «большие медиа» спохватились о жертвах Катрины только вместе с американским правительством.

У нас на глазах происходит своего рода возвращение к эпохе, когда еще не было СМИ, а все возможности коммуникации ограничивались почтой и слухами. Правда, в те времена скорость передачи сообщений была не больше скорости самой быстрой лошади. Да и новости доходили далеко не до всех. Технология шагнула вперед, и теперь фактор скорости перестал быть критичным для коммуникации, которая осуществляется в онлайн, будь то разговор по телефону или обмен текстовыми сообщениями в ICQ. Кроме того, современная коммуникационная сеть, по определению предполагающая активное общение, охватывает уже почти половину населения Земли и подавляющую часть населения всех развитых и многих развивающихся стран (так, например, даже в России мобильной телефонной связью пользуются уже больше 100 миллионов человек, то есть три четверти населения).

Последствия такой тотальной мобилизации уже ощутили на себе правительства некоторых стран. Самоорганизующиеся вдоль сетей социальных связей с помощью сотовой связи и рассылки SMS «мобильные толпы» избирателей смогли переломить ход выборов на Филиппинах в 2001 году и в Испании в 2003. В таких сетях старые слухи в новом обличье медиавирусов могут распространяться быстрее, а вирусный маркетинг может быть эффективнее в сравнении с рекламой, использующей каналы традиционных медиа.

Уже идущее полным ходом скрещивание мобильных и сетевых технологий может полностью изменить все коммуникационное и информационное пространство, в котором традиционные масс-медиа или окажутся на обочине, привязанные к стационарным телеприемникам и компьютерам, или останутся мейнстримом, но приспособятся к сетевому и интерактивному взаимодействию с потребителем.

Г. А. Задорина*

Блоги как конкуренты СМИ

Блог – сокращение от «webblog» переводится как «сетевой журнал», который позволяет создавать записи и комментировать их.

2003 год, по разным оценкам, стал годом бума блогов в России, которые тогда использовались зачастую только как личные дневники. Есть три причины, которые обеспечили популярность блогам в самых широких слоях пользователей Рунета: независимость (низкая себестоимость, некоммерческое начало); большой рынок информации (возможность для каждого самостоятельно выбрать источник информации); интерактивность (вещание не на аудиторию, а в аудитории).

На наш взгляд, можно рассматривать блог как средство информации, которое имеет ряд специфических характеристик.

Во-первых, блоги создают новый, технологически обусловленный тип информации. Информация в блогах оперативна, интерактивна, гипертекстуальна и т.д. В Интернете мы имеем дело не просто с содержанием веб-ресурсов, а с контентом как целым, органично включающим в себя текст, фото, видео и аудио.

Во-вторых, блог перестраивает традиционные для масс-медиа субъект-объектные отношения в субъект-субъектные. Блоги взаимодействуют с активным потребителем информации, который не просто потребляет, но и изменяет контент (добавляет информацию, изображения, комментирует и т.п.). Производитель информации формирует контент с учетом этих особенностей.

В-третьих, блог – это средство формирования виртуальных представительств новых аудиторий. Среди возможных подходов к описанию новых аудиторий перечислим понятия ниши (Ф. Котлер, Ли Хант), субкультуры, стиля жизни (А. Тоффлер, М. Кастельс).

В-четвертых, блоги привлекают особых потребителей контента – представителей новой аудитории, активно управляющей ин-

* *Галина Александровна Задорина* – ст. преподаватель факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

формацией, узко сегментированной, высокообразованной и т.п. Типичный представитель новой аудитории как автор блога:

- описывает события из своей повседневной жизни либо жизни сообщества, организации;
- обладает собственным взглядом на мир;
- существует внутри интернет-сообщества, каждое сообщение комментирует несколько десятков людей, его блог обновляется несколько раз в день и содержит ссылки на другие сайты.

За последние два года блоги, как личные дневники, развились настолько, что начали составлять серьезную конкуренцию оффлайн-новым и онлайн-СМИ в борьбе за молодую и среднего возраста аудитории. Это происходит по разным причинам.

Во-первых, современные молодые аудитории выросли вне поля зрения оффлайн-СМИ. Они не читают газет и практически не смотрят телевизор, проводя большую часть времени в сети. На наш взгляд, недоверие молодежи к СМИ связано с тем, что СМИ редко всерьез и искренне интересуются жизнью подростков и студенчества.

Во-вторых, более взрослые аудитории находят в сети то, чего их давно лишили российские СМИ: открытое обсуждение политических событий, общение по интересам с необходимым накалом эмоций, безусловной открытостью и неподдельной искренностью.

Сегодня уже можно анализировать и классифицировать блоги как своеобразные средства информации. На наш взгляд, наиболее удобной классификацией будет ранжирование по интенции автора, так как конструирование медиа в Интернете опирается на целеполагание производителя контента (автора блога).

1. Блог как средство самореализации автора. Цель автора – заявить о себе и своем творчестве, увлечении. Как правило, речь идет о стихах, рассказах, авторской фотографии, графике или видео. Такие ресурсы получают большое число подписчиков или постоянных читателей, которые внимательно следят за обновлением ресурса, принимают участие в обсуждении новых проектов и оказывают автору эмоциональную поддержку. Так формируется виртуальный фан-клуб. Некоторые авторы публикуются только в сети и неизвестны за ее пределами.

2. Блог как средство конструирования идентичности. Для некоторых пользователей сети, в основном представителей новых для СМИ аудиторий, блоги становятся средством конструирования идентичности. Интернет становится пристанищем для наивных

одиноких школьников, непонятых своими родителями панков и готов, любителей фэнтези и пр. Заводя собственный блог и отправляя свои первые сообщения по теме в неизвестность, пользователи обзаводятся в скором времени такими же, как они, постоянными подписчиками. Эти виртуальные сообщества, как правило, выходят в оффлайн и становятся реальными компаниями. Надо отметить, что такая тенденция характерна больше для крупных городов России.

3. Блог как игра в новости. В данном случае авторы не являются профессиональными журналистами, имеющими практику в СМИ. Мы не зря называем игрой в новости блоги, авторы которых ставят своей целью сообщать, что происходит, например, в их городе. В силу того, что авторы не могут профессионально построить свою работу и профессионально отбирать события для освещения, такой способ информирования остается все же игрой, пусть и для взрослых. Вместе с тем такие блоги становятся альтернативными средствами информации, которые отличаются интересным авторским взглядом на происходящее. Зачастую именно эти блоги становятся единственными источниками информации из какого-либо недоступного для журналистов места.

4. Блоги как комьюнити по интересам. Интересы могут быть самые разнообразные: от кулинарных секретов до большой политики, от кайтинга до увлечения японскими автомобилями. Такие блоги имеют очень большое количество постоянных читателей. Так, юзер ПоваренокСПоварешкой – простая жительница Одессы, мама и бабушка, ведущая на www.liveinternet.ru дневник о кулинарии, – имеет более 1100 постоянных подписчиков. В сутки ее блог читает более 600 человек, в неделю – более 3 500 уникальных пользователей. Главные черты таких блогов: частое обновление (несколько раз в сутки), живое обсуждение, фотографии, интересная информация. Такие блоги составляют реальную конкуренцию тематическим журналам и газетам.

5. Блог как набор технических средств коммуникации. Речь идет о самом широком использовании технических возможностей блогов, которые иначе называются сервисами. В этом отношении безусловные лидеры среди блогов Рунета «Живой журнал» и «Живой Интернет» (www.livejournal.com и www.liveinternet.ru). В первом случае большинство сервисов платные, во втором – бесплатные. На начало января количество русских пользователей «Жи-

вого Журнала» составило более 263 000, а «Живого Интернета» – более 64 000 пользователей только в России.

Итак, в России сложился целый институт (или сообщество) блоггеров, которые регулярно, оперативно и интересно, а самое главное бесплатно, создают собственную информационную картину дня. Блоги сегодня заполняют информационный вакуум, образовавшийся в процессе развития института средств массовой информации за последние 5–7 лет. На наш взгляд, блоги стали силой, которая может конкурировать и конкурирует с газетами, журналами, радио и телевидением, представляя качественно иную информацию.

Ю. Р. Ганиева*

Diary – в борьбе за доверие

Средствам массовой информации с каждым днем все сложнее удерживать свою аудиторию – с развитием Интернет появилось слишком много альтернативных способов узнавать новости и находить необходимую информацию. Для сохранения старых и привлечения свежих аудиторий СМИ находят все новые и новые способы. Рассылка электронных версий издания по e-mail, интернет-форумы, мобильный контент и блоги завоевывают рынок альтернативного распространения информации и становятся средством привлечения новых потребителей. Интернет-дневники, или блоги, в этом ряду являются наиболее популярными и используемыми орудиями.

На страницах блогов, принадлежащих крупным журналам, радио- или телестанциям, выкладываются информационные сообщения в несколько видоизмененном виде – статьи сокращаются и адаптируются под интернет-аудиторию, которую сложно ограничить какими-то рамками, – она складывается из постоянных читателей/зрителей/слушателей, случайных «прохожих» и людей, вообще предпочитающих узнавать новости в Интернете. Безусловно, рядом с урезанной статьей всегда есть ссылка на полную версию или на официальный сайт средства массовой информации. Блог «Русского Newsweek» вообще предлагает только ссылки-заголовки, переносящие желающего узнать подробности читателя на официальный сайт журнала.

Многие владеющие блогами СМИ настаивают, что информация на сайте и информация в дневнике – это разные вещи. Сайт предоставляет зачастую официальную версию события, электронное переложение сообщения, прошедшего до этого в эфире. Дневник позволяет дать более субъективную оценку происшедшего, обсудить ее с читателями. Блоговую статью от статьи на сайте отли-

* **Юлия Раисовна Ганиева** – студентка 4-го курса факультета телерадио журналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

чает менее официозная лексика, информация в блоге – это информация для друзей.

Действительно, постоянная аудитория блога – это клуб друзей. На повышение лояльности к средству массовой информации, бесспорно, работает и такое отношение к читателям. Возможность прокомментировать выложенную в блоге информацию, поспорить с авторами, что-то посоветовать или на что-то пожаловаться льстит читателям и создает видимость важности читательского мнения.

Блог журнала «Деловой квартал» – набор персональных страниц журналистов и бизнесменов. Дневники сотрудников издания – место для выражения собственных мнений журналистов. На такой странице можно побеседовать с владельцем, причем журналисты сами инициируют диалог. Кроме того, в блог попадает самая свежая информация. Неофициальная позиция дневника позволяет, не прилагая больших усилий к аналитическому оформлению сообщения, взять верх оперативностью. Это также работает на привлечение дополнительной аудитории – прочитав предварительное сообщение в блоге, зритель/читатель/слушатель мотивируется к дальнейшему получению расширенной информации в официальных выпусках СМИ.

Некоторые блоги выдают информацию постфактум. Так, блог «Newsweek’a» выкладывает ссылки на основные материалы последнего вышедшего номера. Под ссылкой – качественная аналитическая информация о наиболее значимом событии прошедшей недели.

Таким образом, в блоге можно найти самую свежую и/или самую значимую информацию, с аналитикой или без, обсудить ее там же с другими читателями или с авторами, что-то для себя уточнить и в итоге получить качественный информационный фон.

В некотором смысле блоги не только привлекают новую аудиторию к основному изданию, но даже оттягивают на себя часть существующей. Постоянные пользователи Интернета предпочитают «брать» журнал в блоге, а не в газетном киоске. Но в целом, повышая лояльность к блогу с определенным названием, потребитель повышает лояльность и к названию главного СМИ.

1. Таким образом, блог – это «спецотдел» основного СМИ, размещенный в Интернете наряду с сайтом СМИ, но отличный от него.

2. Блог повышает доверие к основному СМИ за счет создания «дружеской» атмосферы – неофициальной лексики в подаче материала, возможности его обсуждения, диалога с автором.

3. Блог привлекает к средству массовой информации дополнительную аудиторию из числа людей, постоянно выбирающих для получения новостей каналы Интернет.

Обитатели цифровых вселенных

Пять часов утра. За окном уже светает, а он еще и не ложился спать. Он пьет крепкий кофе. Надо поспать, надо нормально позавтракать. Но ему некогда. До семи часов еще нужно вкачать два левела и сходить в инст за новым дивайсом. А потом – снова в школу.

А светящиеся точки на экране монитора молниеносно загораются разными цветами и потухают, образуя картину того причудливого и загадочного мира.

Месяца два назад в его жизни настал момент, когда окружающие перестали понимать его. Его увлечение жители этого мира называют зависимостью, а принципиально важные для него проблемы – глупыми мелочами.

Но он не остался в одиночестве. Там, по ту сторону монитора, в том искусственном мире он нашел новых настоящих друзей.

Жители игрового Интернета уже давно образовали замкнутое и достаточно обширное сообщество. Их объединили общие интересы, непонятные другим членам общества. Являясь потенциальной аудиторией нишевых средств информации, они, однако, до сих пор имеют доступ лишь к обрывочной и далеко не полной информации, размещаемой в сети.

Иные Миры

Этапы эволюции компьютерных игр маркировались не только улучшениями графической составляющей, но и усложнением сюжетных линий. В борьбе за покупателя производители игр перешли от линейного сценария первых 3D-шутеров к сложным сюжетам, в рамках которых игроку предоставлялась возможность самостоятельно выбирать один из нескольких предложенных вариантов. Апофеозом совершенствования драматической составляющей гейм-плея стала полная ликвидация сюжета игры. Появились мно-

* *Дмитрий Владимирович Шлыков* – студент 4-го курса факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

гопользовательские онлайн-миры, в рамках которых каждый игрок самостоятельно моделирует сценарий развития своего персонажа.

По тому же пути из числа так называемых геймеров выросла новая молодежная субкультура – обитатели виртуальных миров. Еще в далеком детстве большинство из них притянула к себе двухмерная реальность приставочных аркад. Позже приставку сменил компьютер, графика улучшилась, адреналин стал бить в кровь еще сильнее, усилилась психологическая зависимость. Вселенная игр все больше походила на реальную жизнь. Вместе с появлением многопользовательских игр геймеры получили возможность достаточно свободной коммуникации с реальными людьми без отрыва от игрового процесса. И некоторые из них отказались от синглеера ради новых ощущений, ради новой реальности.

В сети Интернет одновременно сосуществуют тысячи цифровых вселенных, которые год от года все больше напоминают реальную жизнь. Отказаться от множества простых радостей быденного мира обитателей этих вселенных заставляет, прежде всего, уникальная возможность в сжатые сроки заново прожить жизнь. В игровом пространстве теряют свою значимость социальные маркеры реальной жизни. Теряют значение возраст, пол, цвет кожи или, скажем, уровень заработной платы. Здесь хилый ботаник может стать мужественным воином, а школьный троечник – магистром таинственных наук и мастером алхимии.

Каждый из этих миров задает пользователям собственные правила коммуникации. Какой-то из них окунает своего гостя в атмосферу космических сражений далекого будущего, другой – помещает в декорации средневековых мифов. Причем, в отличие от тех же чатов или форумов, пространство многопользовательской игры предоставляет своим посетителям возможность как вербального, так и невербального общения. Выражение мыслей посредством жестов и мимики давно стало доступно в той реальности. Здесь о человеке можно судить не только по словам, но и по поступкам. Здесь сформирована новая, отличная от повседневной, система координат социального статуса. Здесь люди общаются на своем языке, недоступном непосвященным.

Максимальная степень погружения в правила этих вселенных позволяет игроку достичь больших успехов в рамках цифрового мира, но провоцирует уход от объективной реальности.

Game-community и СМИ

Новая реальность приносит с собой новые интересы и новый язык. Несовпадение ценностей и знаковых систем зачастую ведет

к разрыву прежних межличностных отношений. Но друзья находятся в мире игры.

Жители иных миров – это молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет. Внутри себя это сообщество сильно дробится по показателям социального статуса и уровня дохода. Однако эти показатели не являются принципиально важными для членов community. Их объединяют общий язык, система ценностей и, как следствие, степень интереса к тем или иным медийным продуктам.

Их мало интересуют зарубежные новости и прогноз погоды на завтра. Развлекательные программы и издания им не интересны, поскольку игра предоставляет значительно больший спектр чувств и эмоций. У большинства из них сформирован список музыкальных предпочтений, отраженный в плей-листе Winamp'a, однако биографии звезд и новости шоу-бизнеса, нашедшие отражение в молодежных СМИ, их совершенно не задевают. Когда-то они читали журналы о компьютерных играх. Но в тот момент, когда синг-плеер перестал их интересовать, публикуемые в подобных изданиях материалы также утратили свою актуальность для этих людей.

Средства МАССОВОЙ информации вообще им неинтересны только потому, что круг предпочтений интернет-геймеров слишком узок для того, чтобы попасть в зону программ и изданий, работающих на широкую аудиторию.

Причем, толком неохваченная, эта аудитория является достаточно многочисленной. Только на одном екатеринбургском игровом сервере зарегистрировано около трех тысяч человек. А таких серверов в столице Урала – несколько десятков.

Нельзя говорить о том, что информационный голод членов этого сообщества утоляется в сети. Опубликованная в Интернете информация хотя и входит в спектр потребностей этих людей, но является недостаточной. Зачастую она обрывочна и касается правил, регулирующих процессы в рамках пространства игровых миров, или же носит справочный характер. А жизнь внутри игры бурлит, порождая события, которые не находят себе места на Интернет-страницах, и сообщения о них распространяются из уст в уста.

Для многих из обитателей иных миров идеалом средства информации является печатное издание, публикующее материалы о наиболее значимых событиях виртуального мира, способное сориентировать начинающего игрока в выборе игрового сервера, общающегося с читателем на понятном ему, но недоступном непосвященным языке. Однако такие издания они не могут обнаружить на прилавках «Роспечати».

Ю. С. Шорохова*

Инфографика как борец за внимание

Картинка играет все большую роль в современных СМИ. И речь идет не только о телевидении. В газетах и журналах в последнее время появляется все больше фотографий, сопровождающихся краткими пояснениями, а также различных схем и графиков. При этом сам текст материала становится все короче, а визуальных образов используется все больше. Так, например, в журнале «Русский Newsweek» несколько полос отводится рубрикам «Фоторепортаж» и «Фото номера», в которых текст выполняет поясняющую роль к фотографиям (которые, собственно, и несут основную информацию).

Визуальную информацию в СМИ называют «инфографикой». К ней относятся схемы, графики, диаграммы, а также фотографии и рисунки с пояснениями. При этом принципиальное отличие инфографики от иллюстраций заключается в ее информационной насыщенности.

Так, сравним фотографию, на которой зафиксировано крушение башен-близнецов Всемирного торгового центра (рис. 1), и передовую полосу «Washington Post» от 11 сентября 2001 года, на которой террористическая атака на Нью-Йорк показана в виде схемы с сопровождающими ее фотографиями горящих «близнецов» и короткими поясняющими фразами (рис. 2). В первом случае перед нами – просто фотография, во втором – инфографика. Это можно объяснить тем, что рис. 1 не является информационно нагруженным (изучая эту фотографию, мы не можем понять, что произошло, мы можем лишь сказать, что место действия Нью-Йорк и что что-то произошло с «башнями-близнецами»), рис. 2 является информационно нагруженным (изучая эту фотографию, мы можем понять, что, где, когда и как произошло).

* **Юлия Сергеевна Шорохова** – студентка 4-го курса факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Рис. 1

Таким образом, инфографика, как и текст, выполняет информативную функцию. Только инфографика рассказывает о некоем событии, явлении и т.д. наглядно. И если раньше картинка в печатных СМИ выступала в качестве иллюстрации того, о чем шла речь в тексте, то сегодня зачастую текст является дополнительной информацией к картинке. И многие СМИ пытаются сделать основной акцент как раз на визуальном образе.

К изданиям, которые ставят инфографику во главу угла, можно отнести, например, журнал «Все ясно».

«Мы делаем информацию наглядной», – заявляет журнал. Минимум текста, максимум инфографики: схемы, диаграммы и рисунки с комментариями рассказывают читателю о самом важном. Такой «визуальный рассказ» предельно прост и понятен. При этом текст отходит на второй план, а ведущую роль начинает играть картинка.

А вот в журнале «Русский Newsweek», на мой взгляд, инфографика и текст равнозначны. Визуальной информации здесь мень-

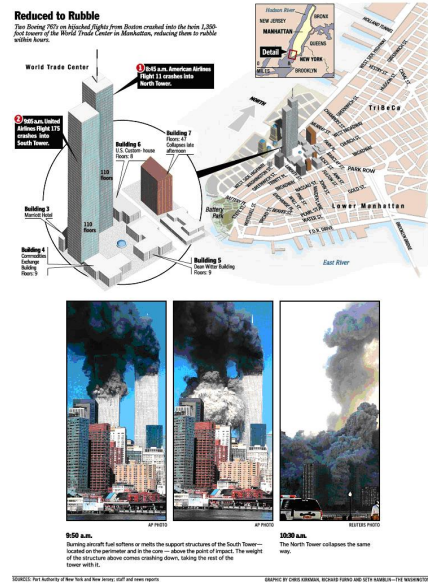

Рис. 2

ше, чем во «Все ясно». Зато более качественные тексты. При этом инфографики от номера к номеру становится все больше, а тексты менее качественными не становятся.

Помимо информативной функции, инфографика может служить своего рода анонсом к тексту: если читатель чувствует, что инфографика его «зацепила», он, скорее всего, обратится за более подробной информацией к самому тексту.

Чем же инфографика может «зацепить»? Конечно, эмоцией. Любой визуальный образ выигрывает в сравнении с текстом как раз потому, что представляет собой сконцентрированную эмоцию: её не надо выискивать, как в тексте, так как она не спрятана за словами или образами – она есть сам образ, сама картинка.

В пример приведу материал «Почему они еще живы» (журнал «Все ясно» № 38). Максимум картинки, минимум текста. Яркая живая фотография (рис. 3) тут же приковывает внимание, следом – схема «Откуда берутся эмоции» (рис. 4) и уже потом – текст. Фотография и схема сливаются в единое: фото иллюстрирует то, что показано в схеме. А в результате – читательское внимание.

Рис. 3

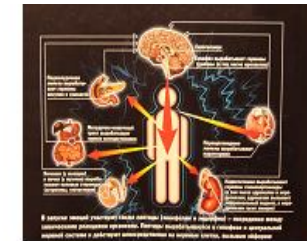

Рис. 4

Таким образом, эмоция так же наглядна в инфографике, как и информация. И это, несомненно, является очень эффективным способом привлечения внимания аудитории.

Как уже было сказано выше, визуальные образы в печатных СМИ занимают все больше места, а тексты становятся все короче. Ведь инфографика – это сочетание информативности и эмоциональности. То есть она выполняет ту же информативную функцию, что и текст, и, так же как и текст, несет некую эмоцию. Только в инфографике и информация, и эмоция представлены наглядно. В связи с этим, мне кажется, можно говорить о некой борьбе между инфографикой и текстом за внимание аудитории. И наглядность

инфографики, с этой точки зрения, является огромным преимуществом. Возникает вопрос, кто победит в этой борьбе за читательское внимание: текст или инфографика? И что будет, если победу одержит последняя? Может, текст как таковой исчезнет, останутся лишь короткие комментарии, а печатные СМИ будут похожи на комиксы?

Ю. Е. Красавина*

Письменный и зримый образ: противоречивое воздействие на аудиторию

При переходе от индустриального к информационному обществу изменяется сама суть средств массовой информации. Одной из сторон этого процесса является смена средств воздействия на аудиторию: письменный образ сменяется зримым. Письменный образ прошел длительную эволюцию и окончательно утвердился в литературе. Здесь сила влияния определялась исторически или традиционно сформировавшимися понятиями, рациональными доводами автора, выступающего с общечеловеческих, общественных или классовых точек зрения. От читателя требовалась «громкая работа ума», – едва ли меньшая, чем работа автора сочинения, – по пониманию, осмыслению и интерпретации текста. Читатель становился «соучастником» процесса воспитания и окультуривания, додумывая детали образа, картины, ситуации, представленных в произведении. В данном случае книга представляла собой Учителя. Для литературы существовали не только жанровые правила, но и морально-этические ограничения, своеобразная самоцензура. Во всяком случае, письменный образ культивировал интеллектуальные способности человека.

Очень интересна мысль о существовании корреляции письменного образа и образа государства. В этом случае вырабатываются детальные требования к внешнему виду документа, который является атрибутом государственности, что наталкивает на парадоксальную мысль: с одной стороны, это говорит о силе воздействия письменного слова-образа на умы и действия людей, с другой стороны, очевидно, что данный письменный документ чер-

* *Юлия Евгеньевна Красавина* – студентка 2-го курса филологического факультета, отделение журналистики Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

пает свою силу не от истины, а от иных источников – боязни силы власти, ненарушаемых общественных традиций.

При переходе к информационному обществу, центральным элементом которого становятся технологии коммуникации, возрастает сила воздействия телевидения на аудиторию за счет эффектов зримого присутствия и происходящего действия в реальном времени. В результате, между телезрителями и телегероями отсутствует посредник, направляющий мысль зрителя в нужном направлении. Возникает вакуум объяснения, который в литературе обычно заполняется позицией автора или критика.

В телевидении между зрительным образом и индивидуумом, его воспринимающим, не только устанавливается контакт и обратная связь, но и присутствуют отношения доминирования, безальтернативности восприятия подаваемых образов. «Обучение» аудитории зачастую происходит помимо воли и сознания.

В условиях снижения планки духовных интересов общества, постепенной специализации прикладных и гуманитарных знаний это приводит к субъективной, зачастую неадекватной оценке виртуальной реальности и перенесению ее закономерностей на реальную действительность. Подсчитано, что если в 70-е годы XX века телевидение показывало по три убийства в день, то сегодня уже около 70. Это не может не сказаться разрушающе на психике и психологии зрителей.

Без сомнения, подготовленный (читай – начитанный) зритель способен «переварить» предоставленную информацию и дать ей субъективную же, но правильную оценку.

В обоих случаях воздействие телевидения сильно своим быстроедействием. Однако преимущество скорости может превращаться в недостаток, когда синхронизация зрительных образов не оставляет времени для формирования собственного мнения.

Действительно, это и возможность в короткий срок получить достоверную информацию, а также получить «короткий субъективный пересказ» письменного образа. Таковы телевизионные «прочтения» общеизвестных литературных произведений. Здесь особенно необходима обратная связь, дающая реальную оценку происходящему на экране, она еще крайне слаба и выливается только в интерактивные опросы и интервью.

В итоге, зритель подвергается воздействию на уровне изменения фундаментальных структур сознания (эмоций, памяти, во-

ображения, рациональности). Дело в «знаке» и силе такого воздействия.

Зрительные образы, пришедшие с информационной открытостью миру, способствуют в настоящее время национальной самоидентификации, росту национального самосознания, появлению качественного регионального вещания. Однако основой интернационализации оказалась вестернизация. В итоге «перенасыщение» в предыдущий период тоталитарного сознания «плохими» зрительными образами с оттенком примитивизма исказило и национальное самосознание, доведя противопоставление «мы – они» до крайних пределов. Пример тому – русский национализм во всех проявлениях.

Безусловно, сила охвата аудитории телевидением значительно выше, чем литературой. Фактом стала невозможность усвоения текста без предварительной подготовки «зрительными образами». В данном случае происходит отрыв информационной составляющей знания от интеллектуальной. Ущербной оказывается и полнота, и достоверность знания, поскольку ангажированность средств массовой информации в псевдодемократическом обществе – факт общеизвестный. Дополнительно происходит «отрыв» массового, общеусваемого знания от элитного. Это и является воспроизводимой основой неравенства в постиндустриальном обществе.

На основе доминирования зрительных образов возможна трансформация или даже исчезновение отдельных институтов современного общества, например института традиционного брака. Здесь действие зрительных образов, предоставляемых телевидением, дополняется действием Интернета. Сила воздействия последнего такова, что способна «разрушать» государственные границы в сознании людей. Отсюда и попытки властей Китая ограничить доступ молодежи к Интернету, исходящие из необходимости поддержания дозированного информационного режима. Однако и сама демократизирующая функция Интернета может быть подвергнута сомнению на том основании, что иерархия в «Сети» сохраняется в виде четкого различия говорящих и слушателей, владельцев сети и пользователей.

Интернет является объединяющей базой для письменного и зрительного образов, открывая невиданные ранее возможности доступа к культурному наследию наций, соединяя вместе музыку, живопись, литературу, науку, философию, политику. Сложные произведения искусства, научные теории, политические идеологии –

все, что требовало ранее от индивидуума высокого культурного уровня, теперь дается масс-медиа в упрощенном и доступном виде, реально связывая людей в мировое сообщество. В настоящее время доступ к Интернет-ресурсам составляет примерно 500 миллионов пользователей. Такая ситуация приводит к качественным изменениям в стиле мышления, в способе видения, оценки и понимания действительности. Прежний линейный способ восприятия мира, понимание, основанное на логической последовательности, аргументации и обосновании, которые имели место в общественной жизни, уступают место целостному охвату происходящего, когда возможно восстановление целого по фрагментам. Отсюда следует вывод, что сочетание письменного и зрительного образов происходит при явном доминировании последнего. А это ведет к явному и неявному упрощению получаемого знания.

Разумным выходом является искусство компромисса, т.е. усилия, направленные на реализацию основного принципа коммуникации: взаимное признание реального и виртуального на основе эффективных, многообразных форм. Например, в педагогике и критике – это поиски новых форм эффективного образования и совершенствования слушателей. По сути, масс-медиа должны стать «местом встречи» письменных и зрительных образов, определенным культурным пространством, «измерениями» которого выступают: журналист, газета, публика, поскольку лишь на основе взаимного компромисса и проникновения возможно оптимальное их сочетание.

Промежуточным выводом является необходимость образования и самообразования. И в первую очередь – накопление письменных образов, связанных с классическим родным языком, являющимся «не пренебрежительной формой» самоидентификации.

Окончательным выводом признается не пассивное, опережающее восприятие глобальной действительности, стимулирующее взаимообразные отношения масс-медиа и аудитории, облагораживающие поведение обеих сторон и действительно демократизирующие общество.

О. П. Пархоменко*, Д. В. Смолкина**

Особенности формирования доверия телевизионной аудитории

I. Факторы, конструирующие доверие:

1. Трансляция ожиданий. *Более всего доверяют тому, чего ждут, хотя и боятся.*
2. Низкая конфликтность информации по отношению к аудитории. *С аудиторией не спорят.*
3. Экспертная информация в поддержку тем. *Ведущие, репортеры и прочие «телевизионные люди» не дают советов: советы дают эксперты, либо существует ссылка на квалифицированный источник.*
4. Сообщения актуальны и имеют «прикладной» характер. *Информация подается в рамках стереотипов и опыта аудитории. Из информации выделяются те характеристики, которые более всего подходят для формирования доверия.*
5. Визуализация информации, «живое действие» в кадре. *Работает как для привлечения внимания, так и для формирования доверия в том числе.*
6. Моментальность сообщений. *«Лайф», принцип «здесь и сейчас».*
7. Символический язык телевидения тождествен языку зрителя и адекватно им воспринимается.
8. Вовлечение аудитории в процесс подготовки передач (интерактив).
9. Эмоциональная составляющая доверия. *Сопереживание, соучастие, причастность зрителя к происходящему в эфире. Эмоциональная привязанность к телепродукту не формируется исключительно положительными сообщениями!*

* **Олеся Петровна Пархоменко** – редактор программы «Утренний экспресс», телекомпания «Четвертый канал» (г. Екатеринбург).

** **Смолкина Дарья Владимировна** – редактор программы «Ваш вечер», телекомпания АТН (г. Екатеринбург).

10. Имидж телегероя в кадре соответствует его имиджу за кадром /при этом не важно, какой этот человек вне внимания СМИ, – важны устоявшиеся характеристики его медиа-образа. Пример: закрытие программы «Звездный бульвар» с ведущей Ксенией Собчак/.

11. Иллюзия полноты предоставляемой информации.

II. Фактор времени в процессе формирования доверия.

Интерес → Доверие → Привыкание → Предпочтение.

III. Понятие суб-аудитории канала.

Состав аудитории канала неоднороден во времени. Целенаправленность конструирования доверия суб-аудиторий канала.

IV. Телевизионные продукты, не нуждающиеся в конструировании доверия (программы художественного вещания, многие развлекательные телепродукты). Современный зритель прекрасно понимает, что действие в кадре – постановочное. Однако шоу должно соответствовать жанровым ожиданиям публики, должно строиться по ясным для аудитории законам и адекватно ею расшифровываться – см. пункт I/7. Пример: новогодний «Голубой огонек» не может закончиться как кровавый триллер.

V. Экономическая составляющая доверия. Взаимосвязь доверия, имиджа, рейтингов и рекламных бюджетов.

Т. А. Шумилова*

Специализированные телевизионные каналы: телеаудитории как племена

Все центральные российские телеканалы условно можно разделить на два типа: универсальные каналы («Первый», «Россия», «НТВ») и специальные – «СТС», «Домашний». Универсальные каналы – про-государственные, а специальные – частные. При всей условности их разделения на типы можно увидеть существенные различия не только в программной политике каналов, но и в стиле общения с телевизионной аудиторией.

В СССР взаимодействие телевидения со зрителями было довольно односторонним: телевидение формировало образ мира и человека, а зритель охотно и чаще всего безропотно с ним соглашался. В 1991 году Союз распался, и государственное телевидение унаследовало не только огромные технические ресурсы и вещательную сеть, но и аудиторию, и методы работы с ней – авторитарные (интегрированные с рыночной продажей рекламного времени). Телезрители были разделены по признакам пола, возраста, уровню доходов, в общем, собраны в «целевые аудитории» и упакованы для продажи рекламодателям. То есть в основу отношений между СМИ и аудиторией была положена логика продавца–покупателя (телеканал–рекламодатель), с одной стороны, и производителя–потребителя (рекламодателя–зрителя), с другой.

В итоге возникла типичная для массовой коммуникации ситуация – стандартное медиапослание (программа, производимая каналом) с наклеенным на него ярлычком уникальности (чтобы успешнее продать рекламодателю), на который почти наверняка «клевнет» потребитель (зритель). Этот ярлычок – по сути, торговое предложение данного медиапродукта, как правило, включал идеальный образ «покупателя» данного товара, потому что предполагалось, что чем более заманчивый образ «себя» потребителю

* **Татьяна Александровна Шумилова** – студентка 4-го курса факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

предложить, тем более верным зрителем–потребителем он станет. Но фокус в том, что этот идеальный образ – не настоящий, а сконструированный и навязанный. Он создан на основе сильного усреднения – «типичный зритель» сериала (юмористической программы, ток-шоу...)

Понятно, что, работая с группами, отвечающими определению «средняя домохозяйка», «средний студент», телевидение сильно облегчает себе задачу по производству программ и структурированию эфира, но в то же время оно невольно отталкивает зрителя, ставя его в положение внутреннего конфликта между ним реальным и номинальным – «телевизионным». Выход из состояния конфликта – уход от СМИ. Нежелание принимать аудиторию такой, какая она есть, а не такой, какой хотелось бы ее видеть телепроизводителям и рекламодателям, разрушает доверие, лежащее в основе взаимодействия с медиа.

Как же доверие вернуть? Это можно сделать, только переосмотрев отношение к зрителям, действуя в той стратегии, которая характерна для частных специальных каналов. Они внедрили новое отношение: не авторитарное, а дружески-партнерское; поняли, что аудитория сегодня – это, прежде всего, внутренне свободные люди, которые не хотят давления в отношениях с кем бы то ни было, им нужно понимание и взаимодействие.

В то же время телевизионные продюсеры не могут отбросить менеджерскую и маркетинговую составляющую медиапроизводства. В книге «Бизнес в стиле фанк»¹ сказано: «Каждый человек – микрокосмос спроса и предложения». Таким образом, с одной стороны, представитель аудитории – потребитель, а с другой – персона, требующая личного отношения, с ней нельзя разговаривать как с потребителем. Отсюда принципиально новый подход: традиционные параметры (пол, возраст, доход) теряют приоритетное значение; важными становятся категории отношения и интереса (личностная составляющая). Группы трансформируются в «племена» (термин Сэма Хилла²) похожих друг на друга людей, которые готовы воспринимать только те СМИ, которые разделяют их убеждения и которые готовы с ними разговаривать. К примеру, «племя» канала «Дискавери» – это те, кто любит программы об истории и

географии. Это взрослые и дети, богачи и бедняки, профессионалы из этих областей и дилетанты. Иными словами, основание для объединения людей в целевые группы меняется с функционального (механическое объединение) на эмоциональное (объединение по интересам). Удачным примером такого объединения является канал СТС, аудитория которого – люди, ищущие в ТВ развлечений. Здесь и домохозяйки, и подростки, и пенсионеры, и рабочие, и бизнесмены.

Главным становится суть послания и отношения, в контексте которых оно формируется и воспринимается. А отношения трансформируются от холодно-отстраненных в доверительно-близкие. Так, программа и зритель начинают общаться, взаимодействовать (sms и Интернет-сервисы, call-центры). Результатом становится появление доверия и приближение изначально институциональных отношений к личностным.

Однако «личностный фактор» может спровоцировать стандартные при человеческих взаимоотношениях проблемы. Также спорным моментом является уровень близости, который не может быть установлен раз и навсегда для всех программ. Здесь на медиаотношения проецируются отношения человеческие, появляется целый спектр вариаций. Между абсолютами (принятием – неприятием, доверием – недоверием, и проч.) находится целая палитра чувств. Но именно такой подход к аудитории может обеспечить в какой-то мере адекватное, неискаженное отражение действительных интересов зрителей и слушателей.

Если перестать навязывать свою точку зрения на мир и «подружиться» со своими зрителями, принять их, дать понять, что в них заинтересованы как в персонах, интересных и равных собеседниках, сменив авторитарное отношение на демократичное, СМИ смогут вновь завоевать доверие своей аудитории. И кажется, что подход, основанный на личных отношениях, в скором будущем станет единственно возможным.

¹ *Нордстрем Кьелл А., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. СПб.: Санкт-Петербургская школа экономики, 2002.

² *Хилл С.* 60 трендов за 60 минут. М.: Крылов, 2004.

Е. А. Марков*

Кому служат российские СМИ?

«Мысль – вот главный враг цезарей»
(Наполеон)¹
«... поставить себе целью строгое
и правильное разыскание истины»
(М.В. Ломоносов)²

Какие функции выполняют СМИ в современной России? Насколько велико их влияние в обществе? Как складываются их взаимоотношения с властью? Начиная размышлять над этими вопросами, приходишь к мысли, что еще никогда наши СМИ не играли такой незначительной роли в обществе, какую играет сегодня большинство из них.

В условиях авторитарного общества, во времена СССР, СМИ были встроены в систему государственной пропаганды и агитации. Но деятельность СМИ в качестве зависимого от государственных и партийных органов средства воздействия на население была, по крайней мере, открытой, явной и к тому же очень эффективной. Государственные СМИ формировали официальное, «витринное» общественное мнение.

В конце 80-х годов прошлого века средства массовой информации обрели возможность сбросить с себя путы идеологической зависимости. Более того, СМИ превратились в духовных общественных лидеров, занимавших в жизни общества очень важное место, владея умами и сердцами граждан. Показателем огромного влияния СМИ на общество были фантастически огромные тиражи газет: «Аргументы и факты» – 33 млн. экземпляров – рекорд, от-

* *Евгений Алфеевич Марков* – канд. полит. наук, доцент кафедры общественно-политических дисциплин Череповецкого государственного университета, помощник ректора по связям с общественностью (г. Череповец).

¹ *Радзинский Э.* Наполеон: жизнь после смерти. М.: Вагриус, 2003.

² Цит. по: *Есин Б. И.* История русской журналистики (1703–1917). М., 2000. С. 105.

меченный в книге рекордов Гиннеса; «Комсомольская правда» – 17 млн.; «Труд» – 15 млн.; «Известия» – 12 млн.; «Советская Россия» – 8 млн. экземпляров. Многомиллионные тиражи были и у общественно-политических и литературных журналов, таких, как «Огонек», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Дружба народов» и т.д.³

Процессы гласности и свободы прессы увенчались к тому же принятием в 1990 г. советского, а в 1991 г. – российского «Закона о СМИ», в котором были закреплены права и свободы в сфере деятельности СМИ.

Но следует отметить, что не было бы такого взрыва свободы мнений и гласности их выражения, если бы не совпали и не соединились вместе интересы новой политической элиты, пришедшей к власти, и интересы медиа-сообщества, стремившегося к свободе слова. Именно это условие и позволило СМИ стать тем общественно важным институтом, каким они стали в то время. Основа активности средств массовой информации была политической, выразившейся в незаметной, но очень прочной зависимости СМИ от стремлений политической элиты. СМИ было позволено до поры до времени стать свободными. Но время существования этой свободы было уже предreshено, хотя медиа-сообщество об этом в то время и не догадывалось.

«Золотой век свободы слова и гласности» продолжался недолго. С началом глубоких экономических преобразований, суть которых свелась к внедрению рыночных отношений в экономике, СМИ были поставлены перед необходимостью выбора пути своего дальнейшего развития. Путь был три: 1) остаться на службе у государства и довольствоваться теми небольшими средствами, что выделяла государственная казна (но такой путь был не слишком привлекательным на фоне многочисленных примеров быстро сколачивавшихся в то время состояний и открывающихся в этом смысле невероятных финансовых возможностей); 2) самим включиться в бизнес-процессы и зарабатывать деньги; 3) искать частных инвесторов или спонсоров. Третий путь большинству СМИ показался более привлекательным, поскольку: а) руководители СМИ не были готовы тогда к деятельности в условиях рыночных отношений, которые поставили многих из них на грань экономи-

³ *Ненашев М.* Диктатура СМИ: кто жертва?//www. rg.ru/Anons/ark_2000/1025/1.shtml

ческого выживания из-за резко увеличившихся финансовых затрат на содержание; б) этот путь обещал независимость от государства при выработке стратегии деятельности отдельного СМИ, а также сулил быстро поправить экономическое положение за счет инвестора, а творческая самостоятельность была гарантирована положениями Закона о СМИ. И даже многие новые СМИ, созданные после начала действия Закона, снявшего запреты на учреждение средств массовой информации гражданами и юридическими лицами, избрали для себя этот третий путь.

Итак, мнимая самостоятельность СМИ закончилась, трансформировавшись в политическую или экономическую зависимость печатной и электронной прессы. Зависимость эта очень сложная и многоплановая. В основе ее – те политические и экономические процессы, которые инициирует власть и которые происходят в России.

Конституция 1993 года запретила цензуру, и это конституционное положение (ст. 29 Конституции РФ) считается одним из высших достижений демократических преобразований в России. Но формальное отсутствие цензуры не обеспечивает независимости СМИ и реализации права свободы слова для всего общества. Более того, альянс власти и СМИ отгеснил общество от доступа к информационным каналам. Так было в 1993 году, когда команда Ельцина и Верховный Совет РФ боролись за доступ к электронным СМИ. Противостояние двух ветвей власти вылилось в кровопролитие. Конфликт спровоцировало, в том числе, нежелание команды Ельцина дать депутатам Верховного Совета возможность общения с аудиторией через «прямой эфир». Противостояние можно было постараться перевести в дискуссию, и это могли сделать СМИ, но большинство из них приняло сторону президентской команды, забыв о принципе объективного информирования граждан. Говоря о том, что СМИ, прежде всего, должны предоставлять населению объективную и полноценную информацию, «демократические» СМИ на самом деле кинулись защищать представителей одной стороны – реформаторов, имевших власть.

Кому служат СМИ сегодня? Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо ответить на другой: а кому принадлежат СМИ в России? Может последовать ответ – есть частные СМИ, и есть государственные и муниципальные СМИ (а также СМИ партий и общественных организаций). Но российская действительность проявляется в том, что государство **позволяет** создавать и содержать

частные СМИ, и только лишь в том случае, если собственники, во-первых, приближены к власти, а во-вторых, поддерживают деятельность исполнительных органов власти. Да, частная собственность в сфере деятельности СМИ существует, но власть активно вмешивается в информационные процессы и даже регулирует отношения собственности на информационном поле. Одним словом, власть как управляла информацией, так и продолжает ею управлять. Общество, ради информационных интересов которого и должны действовать СМИ, получает суррогаты информации, которые разрешают передавать обществу чиновники и владельцы медиакорпораций. Отличием от авторитарной модели деятельности СМИ является лишь то, что контроль над ними не настолько тотален, как это было во времена существования СССР. Но и о реализованном праве на свободу слова говорить не приходится.

Граждане России за измену оплатили СМИ отказом в доверии и возрастающим недовольством их деятельностью. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного РАГС при Президенте РФ, опубликованные в «Российской газете» 8 мая 2000 г. При этом выяснилось, что **не вполне доверяют** или **совсем не доверяют** СМИ 90,8 % государственных служащих, 92,5 % представителей политической элиты и 68,4 % общего населения. Тех, кто вполне доверяет прессе, оказалось всего 3 %.

Вывод. При проводящейся в настоящее время информационной политике проигрывают все: органы власти, ограничивающие возможности воздействия на общественное мнение и теряющие в результате свой авторитет среди населения; средства массовой информации, утрачивающие интерес к выполнению своего главного предназначения – служения государству и обществу; население, не получающее полной и достоверной информации.

*Е. А. Широкова**

Диалог власти и общества: использование образов прошлого в процессе легитимации властных отношений

Диалог власти и общества – это двусторонний процесс коммуникации, который носит в большей степени управляемый характер в тех случаях, когда в качестве коммуникатора выступают властные структуры. Общество, как участник этого диалога, структурирует свое взаимодействие с властью через социальные институты: общественное мнение, средства массовой информации, общественные организации, и это взаимодействие может быть как спонтанным, так и управляемым.

Вопросы актуализации прошлого в сознании людей занимают особое место в процессе диалога между властью и обществом. Можно сказать, что властные структуры обращаются к советскому прошлому как к средству легитимации собственной коммуникации с обществом и повышения собственной значимости: образы прошлого занимают важное место в процессе организации коммуникационного контекста обращений властных структур через СМИ.

Пристальное внимание власти к советскому прошлому и повсеместное использование символических образов из советских времен можно объяснить массовыми ностальгическими настроениями населения. Социальная ностальгия – это массовое мироощущение, присущее десяткам миллионов людей. Она ощутимо влияет на социальные настроения, на социальное самочувствие в целом. Использование механизмов ее формирования, поддержания и «подогрева» как в политической, так и в социокультурной сфере позволяет манипулировать общественным сознанием, формировать со-

* *Елизавета Александровна Широкова* – аспирант Гуманитарного Университета (г. Екатеринбург).

циальные настроения и, следовательно, влиять на процессы развития, реформирования и модернизации общества.

Средства массовой информации – это канал трансляции посланий власти, в котором в полной мере, по сравнению с другими каналами, реализуются возможности символической коммуникации: именно СМИ позволяют максимально использовать образы прошлого, создавая сообщения в ностальгическом контексте. В данном случае очевидными являются факты манипулирования ностальгическими настроениями россиян с целью создания положительного образа власти через сопоставление явлений настоящего и прошлого.

Влияние властных структур на общество обычно осуществляется двумя путями: во-первых, через непосредственное давление на общество путем выражения воли властвующих субъектов и, во-вторых, через вовлечение человека в систему категорий, ценностей и норм, которая конструируется системой власти. Результатом этого процесса является принятие человеком создаваемой системы норм и категорий в качестве внутреннего императива, корректировка собственной ценностно-нормативной системы в соответствии с базовыми легитимными категориями, объясняющими действия власти, такими, как, например, «терроризм», «стабилизация», «реформа» и т.д.

Воздействие власти на людей в системе символической коммуникации через их вовлечение в легитимную систему норм, ценностей и категорий проходит следующие стадии: узнавание образа, сопоставление, оценку и принятие/отторжение. Любой образ, создаваемый в контексте массовой коммуникации, в той или иной степени стереотипен, в противном случае он противоречит контексту, для которого предназначен.

Для того чтобы образ был принят большинством людей, которые его смогли увидеть, узнать и запомнить, он должен стать неотъемлемой частью их повседневности, на которую, словно бусы на нитку, «нанализываются» события человеческой жизни. В качестве примера идеальной «привязки» к повседневности можно привести речь президента РФ перед боем новогодних курантов, ежегодный просмотр программы «Время» и др.

Очень часто образы прошлого искусно «вплетаются» в контекст текущих событий, вызывая стремление к их иному толкованию либо приданию им другого значения. В качестве примеров хотелось бы привести лишь самые очевидные способы актуализации символических образов прошлого:

1. Перекодировка стереотипного образа через выявление его «слепых зон» (в терминологии У. Липпмана): это означает обнаружение, открытие новых, неизвестных фактов, трактовок образа, выпадающих из целостной модели его восприятия и опровергающих или дополняющих стереотипный образ прошлого. Например, факты о политических деятелях прошлого, демонстрирующие их с лучшей стороны (репортажи и фильмы о Брежневе).

2. Избегание оценок. Этот прием позволяет смягчить ярко отрицательную трактовку образов прошлого до спокойной, нейтральной. Так, события, факты, явления начинают трактоваться безоценочно, выключаются из эмоционального контекста или приобретают положительную окраску. Это можно проследить на примере образа КПСС и ее деятелей: ярко отрицательное отношение, культивировавшееся в конце 80-х – начале 90-х гг., сменилось сдержанно-положительным отношением к КПСС как части нашей истории.

3. Комбинация. Этот прием позволяет компенсировать отрицательно окрашенные образы нейтральным или положительным контекстом. Например, очень часто повседневность советского человека ассоциируется с очередями, дефицитом, блатом и прочими неблагоприятными реалиями, но одновременно и с низкими ценами, бесплатной медициной, доступным образованием, досугом и т.д.

4. Соотнесение временных контекстов прошлого и настоящего. В данном случае ярким примером такого соотнесения является смена стиля новостей «Первого канала» с ориентацией на «старую школу» дикторов. Таким образом, новости современного мира подаются в форме, близкой к той, к которой привыкли жители Советского Союза.

Результатом исследования, проведенного нами в 2004 году, стала типология образов прошлого, встречающихся в современной прессе. Исследование проводилось методом контент-анализа статей в современной прессе (1994–2004 гг.), в которых в той или иной форме используются и раскрываются образы советского прошлого. На основе выведенной тогда типологии (методом кластерного анализа) мы хотели бы проиллюстрировать, каким потенциалом для вовлечения людей в конструируемую властью ценностно-нормативную систему обладают разные образы прошлого. Приводимая ниже схема построена на основе данных, полученных нами в ходе исследования.

Образы политической жизни и устройства общества	Особенности дефицитного распределения товаров	Особенности быта и повседневной жизни советских людей	Общественная коллективная и индивидуальная деятельность	Культурная сфера жизни общества	Диссидентство, запрещенная деятельность	Увлечения, хобби советских людей	Кумиры, популярные деятели культуры	Местные, локальные особенности повседневности (Малая родина)	Достижения советских людей в военное и мирное время
Негативно-подозрительные				Нейтральные либо разноплановые				Позитивно-принимаемые	

Рис. 1 Типология образов прошлого с точки зрения их манипулятивного потенциала

Таким образом, мы можем видеть, что образы прошлого, максимально ценные для властных структур (образы политической жизни и устройства общества), практически не воспринимаются положительно. Заметим, что это характерно как для образов прошлого, так и для восприятия власти и политического устройства общества в настоящее время. Отсюда налицо противоречие интересов властных структур и общества в системе коммуникации: желание власти укрепить свой имидж наталкивается на негативную оценку политической жизни как в прошлом, так и в настоящее время.

Потому диалог власти с обществом в ностальгическом контексте построен в основном на максимальном использовании образов прошлого в целях их воздействия на общественное сознание. Во-первых, это образы достижений советского народа в военное и мирное время, во-вторых, воспоминания о детстве, малой родине, локальных особенностях повседневной жизни людей (ярче всего проявляется в описании биографий региональных и местных политиков), в-третьих, это образы культурной жизни советского общества, особенно персоналии: кумиры, артисты, деятели культуры, искусства и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках диалога власти и общества образы прошлого все более активно используются, модифицируются и переистолковываются с целью легитимации ценностно-нормативной системы, пропагандируемой властными структурами. Следует отметить высокий манипулятивный потенциал образов прошлого, их гибкость и универсальность, особенно характерную для образов в рамках духовной сферы жизни общества.

Компетентность в медиакommunikациях

Модели массовых коммуникаций отличны от традиционной информационной модели. В основе всякой коммуникации лежит взаимодействие коммуникатора и адресата, их диалог. Однако в массовой коммуникации согласованность языка, установок, действий общающихся не имеет такого первостепенного значения, как в традиционной информационной коммуникации. Реально сохраняется лишь видимость коммуникативного процесса. Целью традиционной коммуникации является достижение понимания, взаимопонимания, консенсуса, массовая же коммуникация ориентирована на достижение успеха в реализации интересов коммуникатора, причем эти интересы – конкурирующие с интересами аудитории. Эмпирические исследования показывают так называемый медиаскептицизм, который проявляется наряду с повышенной восприимчивостью аудитории к медиавоздействиям. С одной стороны, аудитория проявляет снисхождение к информационным источникам, с другой стороны – неприятие массового общения по причине его очевидной для них искаженности как в предъявлении предмета, так и в способах его обсуждения. Метод фокус-групп позволил выявить рост негативных отношений индивида к знаковой реальности. Регулярна тенденция к расшифровке истинных замыслов коммуникатора, при этом индивид-адресат обнаруживает гипертрофированный коммерческий или политический интерес коммуникатора. Регулярно несоответствие и даже противопоставленность символического мира массовой коммуникации и собственного опыта индивида из аудитории. Чаще это случается с обладателями высоких социальных статусов, которые обычно имеют доступ к иным, нежели массовые, источникам информации. Однако, в целом, недоверие к массмедиа демонстрируют как представители высших социальных ступеней, так и не занимающие их. Недоверие проявляется в официальном и повседневном дискурсе и выступает

* Галина Владимировна Макович – д-р филос. наук, профессор УрАГС (г. Екатеринбург).

как обязательное и неустраняемое в контексте массовой коммуникации.

В медиаконтексте компетентность меньше всего предполагает ориентированность на рациональное понимание сообщения. Имеются принципиальные расхождения в целеполагании рационального говорящего в процессе традиционной коммуникации, протекающей в сфере межличностного или делового общения, и в целеполагании медиакommunikатора. Медиакommunikатор имеет синтетический социальный статус, и роль компетентного говорящего/слушающего в нем – это лишь одна из составляющих. В этой роли он ориентирован на достижение понимания или поиск консенсуса путем лингвистического обмена. В этой своей составляющей коммуникатор проявляет заботу об истинности и искренности суждения, нормативной правильности, аргументированности, и в этих своих качествах уподобляется коммуникатору, организующему традиционную коммуникацию. Он конструирует диалогичную ситуацию, а диалог предполагает одновременную осведомленность участников коммуникации относительно друг друга. Однако, помимо собственно коммуникативной цели (достижение понимания или консенсуса), в медиакommunikации надо выделять другую цель, которая выступает как первоочередная, – гарантировать успех говорящему в реализации его интересов, конкурирующих с интересами адресата. Например, интересом говорящего может быть убеждение адресата в чем-то, побуждение делать что-либо. Хабермас ввел понятие «стратегического действия» для такого рода действий. В связи с этим медиатексты, в частности газетного дискурса, строятся по специфичным текстовым моделям.

Анализ газетного дискурса показывает, что тексты реализуются в моделях манипулятивных, пропагандистских и искаженных коммуникаций, хотя при этом может происходить имитация неискаженных коммуникаций. Манипулятивные модели основаны на операциях с различными значимыми символами. Массовая коммуникация начинает носить пропагандистский тип, когда, уже не прибегая к символам, вполне очевидно использует адресата как объект воздействия. При этом в пропагандистской модели имеет место пассивное восприятие адресата и активное неприятие им позиции говорящего, и это вызывает прелепствие контакту с говорящим со стороны аудитории. При искаженной коммуникации действие говорящего вызывает обратное действие. Однако это не свидетельствует о неудавшейся коммуникации или о недопони-

мании адресата. Искажение изначально предполагается, планируется говорящим.

Однако, используя модель искаженной коммуникации, коммуникатор может имитировать неискаженную, традиционную коммуникацию. Так, регулярна в печатных СМИ модель, основанная на персонализации коммуникатора. Она ведет к увеличению так называемой псевдообщности аудитории с коммуникатором. Аудитория формируется на основе иллюзорных межличностных контактов. При этом целью коммуникатора и ориентиром участников коммуникации является эмоциональная сторона восприятия коммуникации. Суть эмоционального аспекта фактора «аудитория-коммуникатор» состоит в привлекательности коммуникатора. Значимыми оказываются социально-психологические роли, и носителями этих ролей становятся как коммуникаторы, так и аудитория. Представители аудитории стремятся к ролевому участию при восприятии продукции печатных СМИ. Учет этого существенно повышает число факторов эффективности взаимодействия в массовой коммуникации. Аудитория находится под воздействием не только рациональных оценок, но и эмоциональных, возникающих от ролевого соучастия.

Притяжение участников массовой коммуникации друг к другу в текстах СМИ возникает за счет стремления к неподлинности, игре, имитации, мифу. Эта давящая над содержанием форма превращается в самодостаточную ценность. Партнеры по игре оценивают возможности их взаимного вклада в эффективность данной коммуникации. Хотя реально партнеры не являются достаточно осведомленными относительно друг друга, и коммуникатор собирает сведения о воображаемом партнере по общению на уровне самых общих или средних характеристик, при этом обращается, по сути, к свойствам стандартного члена определенной социальной и культурной среды. Так же и адресат может лишь догадываться об интенциях невидимого коммуникатора, стоящего за газетными фразами, с большей или меньшей степенью точности относя его к той или иной политической или социальной группе. Таким образом, в массовой коммуникации наблюдается два типа общения: с одной стороны, «искаженные» коммуникативные связи коммуникатора и аудитории, а с другой стороны, имитация «неискаженных» коммуникативных связей коммуникатора и аудитории. В последнем случае мы получаем символ реальной информационной коммуникации в модели массовой коммуникации.

Раздел пятый

Стратегия PR и рекламы в контексте властных отношений

О. Н. Зубкова*, М. А. Стройло**

Социальная реклама в контексте властных отношений

Россия переживает сейчас сложный исторический период. Хаотическое и стремительное развитие рыночных отношений и трансформация посттоталитарного общества привели к кризису социальной системы и, в частности, многих социальных связей.

Состояние Российского государства свидетельствует о том, что страна остро нуждается в социальном оздоровлении. Социальное нездоровье определяется многими признаками. Это рост преступности, экономическое неблагополучие многих регионов, социальная апатия, потеря веры в свое будущее и будущее Отечества, неблагополучие семьи, увеличение количества разводов и детей-сирот, психических и соматических заболеваний и многое другое.

Конечно, переходный период такого масштаба и такой сложности не может происходить без издержек. Однако многих из них можно было избежать, если бы власть последовательно и настойчиво стремилась устранять основные причины социального нездоровья страны.

Мировая история рекламы очень показательно демонстрирует подъемы и спады демократических процессов в разных странах, в том числе и в России, и иллюстрирует, тем самым, простую и очевидную связь демократизации общества с развитием рекламы как мощного средства коммуникации.

Классификации рекламы многочисленны. В ее истории были периоды, когда сам термин ассоциировался только с рекламой коммерческой. Прямое предназначение рекламы, казалось, в этом и состоит. Однако с древнейших времен, развиваясь практически параллельно с коммерческой, появляется и политическая реклама. В данную классификацию логично встраивается еще один вид рек-

* *Ольга Николаевна Зубкова* – преподаватель института Международных связей (г. Екатеринбург).

** *Марина Александровна Стройло* – студентка (г. Екатеринбург).

ламы, который только начинает распространяться в нашей стране, – социальная реклама.

Согласно закону РФ «О рекламе» – «социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей» (ст. 18). Что кроется под определением «общественные и государственные интересы» – иначе говоря, кто «заказывает» социальную рекламу? Отвечая на этот вопрос, необходимо определить организации и институты, которые размещают социальную рекламу.

Некоммерческие организации. Как правило, это благотворительные фонды, больницы, церкви. Деятельность их заключается в помощи больным, нуждающимся. Такой характер деятельности во многом определяет направленность социальной рекламы, размещаемой ими. В основном, это привлечение средств либо на строительство храма, либо в различные фонды, либо целевая помощь конкретным людям, нуждающимся в лечении. Пропаганда здорового образа жизни, безопасного секса.

Ассоциации. Различные профессиональные, торговые и гражданские ассоциации также пользуются рекламой для достижения своих целей. Часто целью такой рекламы является создание позитивного общественного мнения, установление общественного спокойствия. В качестве примера приведем рекламу, размещаемую Рекламным Советом России. Акция ставила целью решение проблемы одиноких стариков: напоминание о телефонном звонке родителям получило широкий резонанс общественности, возможно, благодаря слогану-призыву: «Позвоните родителям!».

Государственные структуры. В России социальную рекламу активно используют налоговая полиция, ГАИ-ГИБДД. Объем такой рекламы невелик, но весьма подвержен колебаниям. Например, количество рекламных сообщений в период школьных каникул резко возрастает.

Социальная, коммерческая и политическая рекламы могут быть взаимосвязаны. Так, символы, темы, приемы и даже слоганы социальной рекламы могут проникать в рекламу коммерческую. В Перми, например, на одной из главных улиц стоял билборд, на котором крупным шрифтом, в хорошем цветном оформлении был набран лозунг: «Понимайте друг друга!», без какого-либо логотипа или иного графического символа. Только приблизившись к щиту, можно было прочитать подпись: «Страховая компания «Феникс». Социальная реклама по целям и задачам может также совпадать

с политической, как это было в периоды войн и как практикуется в период избирательных кампаний. Для России это явление закономерное, так как середина 90-х годов была насыщена, с одной стороны, лавиной демократических выборов, многие из которых проводились впервые в нашей стране, а с другой стороны, совпала с наиболее тяжелым, кризисным этапом в построении новых экономических отношений. В этот период социальные вопросы: безработица, невыплаты зарплат, пенсий, социальных пособий, болезни и даже голод – стали для большинства россиян проблемой номер один. И естественно, что политтехнологи очень органично включили обсуждение этих проблем, их символику и образы в предвыборные кампании своих кандидатов. Классический пример – рекламная кампания Президента «Верю, люблю, надеюсь!» (1996 г.). В серии роликов, где простые люди рассказывали о своих проблемах, событиях, судьбах, был заложен существенный социальный фактор. В целом, хорошая социальная реклама – прекрасный индикатор для политика, чтобы ориентироваться в менталитете и установках избирателей.

В развитых странах существует множество государственных и негосударственных программ, задействующих социальную рекламу. Однако в России этот процесс идет по своему, индивидуальному пути, к феномену социальной рекламы относятся неоднозначно. С одной стороны, при разработке рекламных и PR-кампаний многие используют социальные подходы и технологии. С другой стороны, как пишет Сергей Исаев в своей статье «Социальная реклама – что это такое?», «в настоящее время в среде профессиональных рекламистов сложилось устойчивое мнение, что социальная реклама – это что-то такое несерьезное и бесплатное... некая разминка для креативных способностей дизайнеров и self-promotion для рекламных агентств».

Литература

1. **Астахова Т.** Хорошие идеи в Америке рекламируют // www.socreclama.ru
2. **Исаев С.** Социальная реклама – что это такое? // www.statya.ru.
3. **Рюмина Л. И.** «Манипулятивные приемы в рекламе». М.: ИД «Март», 2004.
4. Федеральный закон о рекламе № 108 – ФЗ от 18.07.95 «О рекламе».

Ю. Л. Кива-Хамзина*, **Ю. Б. Колосова****,
Д. Д. Мухамедьянова***

Понятия политической рекламы и черного пиара

Реклама является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Посредством политической рекламы и черного пиара формируются наши политические пристрастия, на их основании мы делаем свой выбор и решаем, каким будет «лицо» государственного сектора. В России уже более десяти лет проходят выборы во всевозможные органы власти, однако определения политрекламы и черного пиара в законодательстве РФ нет, вследствие чего возникает сложность их регулирования и появляется ряд нарушений.

Согласно Российской политической энциклопедии политическая реклама – это «информация о возможностях той или иной партии, о политике, призванная сформировать у населения отношение, обычно положительное, и побуждающее к определенным действиям, прежде всего нужному голосованию на выборах»¹.

Член ЦИК С. Большаков говорит, что «политическая реклама – термин, отсутствующий в российском законодательстве о выборах. Он вообще применен один раз – в Законе о рекламе, где сказано, что «настоящим Законом политическая реклама не регулируется». Он полагает, что понятие «политическая реклама» в

* **Юлия Леонидовна Кива-Хамзина** – стар. преподаватель кафедры права МГТУ им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск).

** **Ю. Б. Колосова** – студентка МГТУ им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск).

*** **Д. Д. Мухамедьянова** – студентка МГТУ им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск).

¹ Политические партии России (конец XIX-первая треть XX века). Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.

рамках избирательных кампаний тождественно понятию «предвыборная агитация»².

Легальное определение политической рекламы дано в Инструкции³: политическая реклама – распространение сведений участниками избирательного процесса через СМИ об избирательных объединениях, избирательных блоках, кандидатах в депутаты с использованием средств и приемов, отличающих рекламные материалы от других видов и жанров информации и признаваемых в качестве признаков рекламы федеральным законодательством и практикой СМИ, с целью формирования общественного мнения в пользу избирательных объединений, избирательных блоков, кандидатов в депутаты.

Также существует не одно определение черного пиара.

По мнению правоведа Жмырикова, черный пиар включает мероприятия, дискредитирующие имидж соперника, его цель – затормозить формирование социально-политической установки «голосования ЗА соперника»⁴.

По мнению правоведа Дугаржапова, черный пиар – это старая технология, когда в последний момент перед днем голосования против известных и уважаемых кандидатов сбрасывают листовки с компрометирующими сведениями и они уже не имеют времени оправдаться и ответить на это⁵.

Четкого определения «черного пиара», так же как и политической рекламы, в законодательстве РФ нет. Однако в законе «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ» от 20.12.2002 г. № 175-ФЗ прослеживаются его элементы, в частности в предвы-

² См.: *Тропкина О.* Заслон для черного пиара. Центризбирком подготовил поправки в закон, которые осложнят жизнь политтехнологам // Независимая газета. 2001. 29 апреля. № 78 (2388).

³ Инструкция «О порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний избирательным объединениям, избирательным блокам, кандидатам в депутаты Государственной Думы ФС РФ и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях с государственным участием» от 20.09.1995 №/149-П.

⁴ См.: *Жмыриков А. Н.* Российские региональные избирательные кампании: политико-психологические закономерности, итоги и перспективы / Материалы конференции «Роль СМИ в региональных выборах 2001 года». М., 2002.

⁵ См.: *Каприлова Ю.* Черный пиар накануне выборов. (www.aisttv.ru)

борной агитации запрещается: агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду; осуществление подкупа избирателей. Также, организации, осуществляющие выпуск СМИ, обязаны отказаться от обнародования материалов, способных нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации кандидата, нарушение этого влечёт за собой ответственность. Так, 2 августа 2001 года суд Архангельска рассмотрел 2 иска о защите чести и достоинства Н. Малакова к «АТК-медиа». Первый – по поводу неверной причины отставки Малакова – суд удовлетворил: «АТК-медиа» должно опровергнуть информацию и выплатить Малакову компенсацию за моральный вред – 10 тыс. руб. Вторым иском Малаков требовал от «АТК-медиа» опровергнуть растиражированное Малакова в «махинациях с ненецкой нефтью», суд иск удовлетворил и взыскал с ответчика 3 тыс. руб.⁶

По словам Большакова, черный пиар – это вопрос не столько избирательного законодательства, сколько налоговых и правоохранительных органов. Они, в отличие от ЦИК, обладают гораздо большими полномочиями. ЦИКом делается немало, и примером, в частности, могут служить инициированные им поправки в Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Они содержат радикально новое понимание понятий «агитация» и «информирование», что способствует упорядочиванию агитационной деятельности. Обозначены более жесткие требования к опубликованию всевозможных рейтингов и результатов опросов, запрет на использование изображения другого лица в материалах кандидата без его письменного согласия⁷.

Председатель Избиркома А. Вешняков размышляет о двух способах влияния на пиар-технологов. Первый – лицензирование компаний, занимающихся выборами. Второй – создание некоего кодекса поведения технологов и общественного совета из авторитетных и незапятнанных специалистов. Те, кто подписывает этот документ, тем самым берут на себя обязательства играть по правилам⁸.

⁶ См.: *Брешиковская Н.* Суд оценил поруганную честь Николая Малакова в 3000 рублей // PravdaSevera.Ru.

⁷ См.: *Тропкина О.* Указ. соч.

⁸ См.: *Феофанов О.* Реклама. Новые технологии в России. СПб., 2000.

И всё же хочется верить, что новое поколение профессионалов в политической сфере уйдет от принятого штампа «победа любой ценой». И первым шагом на пути к этому является оформление в законодательстве четких понятий политрекламы и черного пиара, разрешение возникающих споров и привлечение к ответственности за нарушение предусмотренных норм.

С. Е. Корчемкин*

Связи с общественностью и государственная власть

1 Ситуация, сложившаяся на российском PR-рынке, позволяет условно разделить функционирующие на нем фирмы на две группы: специализирующиеся на политическом и на коммерческом PR. Третье направление, связанное с государственной властью, – государственный PR – развито слабо. Причины разные, одна из них – отсутствие финансовых ресурсов у государства на подобную деятельность, другая – неготовность специализированных PR-агентств переориентироваться.

По оценкам аналитических центров, в ближайшее время ожидается увеличение количества предложений по PR-поддержке экономической деятельности государства. Правительственным структурам нужны информационные кампании по пропаганде принимаемых решений.

2. На фоне расширения круга взаимных интересов России и Европы, развития сложившихся связей и согласования новых форматов диалога все более отчетливо видна проблема поиска взаимопонимания и установления доверительных отношений между Российской Федерацией и ее европейскими партнерами. Эта задача, помимо построения выгодных отношений в экономической и политической сфере, подразумевает также координацию информационно-имиджевых программ по позиционированию России на европейской информационной площадке. В этом контексте особое значение имеет задача трансформации негативных стереотипных суждений о России и ее политике, функционирующих в информационном поле СМИ и европейском общественном мнении.

3. В зависимости от существующих в государстве типов властных отношений выделяется три модели связей с общественностью: властвования и подчинения, переходная и управленческая.

* **Станислав Евгеньевич Корчемкин** – канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой «Связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В государстве тоталитарного типа интеракции государственной власти с общественностью строятся по принципу властвования и подчинения. В качестве общественности выступают «подданные», имеющие лишь одно право, – выразить солидарность с правящим режимом.

Анализируя советские формы государственного пиара, можно обнаружить различные формы идеологического воздействия в виде агитации и пропаганды. Советские связи с общественностью были частью общего идеологического обеспечения партийно-административного руководства. Вербальные коммуникации с обществом в системе идейно-политической пропаганды носили название «устная агитация». Средства визуальной коммуникации именовались «наглядной агитацией». «Специальные события» назывались «долговременными пропагандистскими акциями». Все это широко освещалось СМИ – «коллективными пропагандистами, агитаторами и организаторами».

Существовавшие в советский период общественные организации не были, в точном смысле этого слова, общественными – это была часть государственного аппарата, его особая, специфическая, строго отрегулированная составляющая. Несмотря на чаще всего формальный характер общественных инициатив, нередко они поддерживались искренним участием социально активных людей с запалом оптимизма и альтруизма. С их помощью образовывались постоянные общественные связи, а жесткие конструкции приобретали видимость реальных механизмов диалога с государственной властью.

В современной российской действительности формируются отношения государства и общества как управляющих и управляемых. Связи с общественностью приобретают в этих условиях иное качество, прежде всего, под воздействием того, что государство выступает как структура, имеющая своей главной целью не власть, а управление – регулирование социальных, экономических и прочих взаимоотношений людей. Поэтому стратегия коммуникаций общества и государства основывается на принципиально новом понятии: взаимодействие.

В широком значении взаимодействие государства с общественными структурами отражено через такие формы, как поддержка, право на получение информации, учет мнений и предложений и т.п., определены также институты открытой демократии, такие,

как согласительные комиссии, общественные советы и палаты, слушания по различным проблемам.

Помимо законодательно оформленных существуют и другие механизмы и технологии связей с общественностью, необходимые и востребованные как общественными организациями, так и органами власти. Отношения государства и общества на переходном этапе демонстрируют, наряду с убеждающей коммуникацией, зрелый пиар – с постоянным использованием научно-исследовательских методов изучения целевой общественности, установлением и поддержанием обратной связи.

Суть управленческой модели заключается в ведении партнерского диалога между государством и гражданским обществом, при доминировании интересов последнего. В зрелой модели публич-рилейшенз государство и общество вступают в равноправные партнерские взаимоотношения. В результате взаимодействия происходят изменения состояния не только объекта взаимодействия – общественного мнения граждан, например, – но и того субъекта, который вступает во взаимоотношения.

4. Связи с общественностью выступают как стратегический элемент в формировании современного европейского взгляда на Россию, преодолении некоторых базовых стереотипов восприятия нашей страны в сознании западных политиков, существующих, в большинстве своём, в результате наслоения старых идеологических штампов, навязанных массовому сознанию в период «холодной войны», и последующего триумфа Запада, вызванного распадом СССР. Жизнестойкость идеологических установок «подпитывается» как сознательно, так и неосознанно предвзятым отношением к нынешним преобразованиям российского общества. Очевидно, что нынешний «стереотипный» имидж России в европейских медиа не соответствует духу и букве стратегического партнерства между Россией и Европой и нуждается, в том числе и с помощью технологий связей с общественностью, в корректировке с учетом новых реалий.

Т. Б. Курбацкая*

Провоцирующий эффект рекламы

Провоцирующей мы называем рекламу, которая может побудить личность, её воспринимающую, к определенным действиям. Мониторинг рекламных образцов позволяет сделать вывод о том, что часть из них носит явно агрессивный характер, и это может влиять на психику реципиента рекламы. Беспрепятственный показ, экспонирование данных образов равнозначно моральному насилию. Опосредованная СМИ реальность может влиять на убеждения людей и таким образом определять их поведение. Исследователи (группа G. Gerbner'a, которая занимается определением социальных последствий показа сцен насилия по телевидению) назвали этот процесс **основным потоком**, предполагая, что содержание телевизионного сообщения «культивирует», формирует мнения и действия людей. В частности, люди, часто наблюдающие сцены насилия на экране ТВ, склонны ждать их повторения в реальной жизни, даже если на их памяти ничего подобного не происходило. Важнейшими переменными, определяющими эффект воздействия средств массовой коммуникации (СМК) на человека, являются особенности селективного восприятия. Поток коммуникативных сообщений как продукт коммуникативных телевизионных корпораций формирует информационную среду общения людей, имитируя постоянную связь индивидуального и коллективного сознания. Одним из эффектов этого информационного потока может быть изменение восприятия человеком объективной реальности и, как результат, – изменение его образа мира. Тем самым, медийная коммуникация конструирует социальную реальность через создание определенных образов в символической реальности. Находясь в виртуальной среде, радиослушатели, телезрители, пользователи Интернет-услуг, мультимедийной продукции подвергаются нескольким видам воздействий: **1. Воздействия**

видео- и аудиорядов (например, массовая вспышка фотосенситивной эпилепсии разной степени тяжести у более 12 тысяч японцев в возрасте от 5 до 58 лет, обратившихся за медицинской помощью после просмотра анимационного фильма «Покемон»).

2. Долгосрочность воздействия.

3. Скрытые воздействия (двадцать пятый кадр, маскированное изображение, звук). Часто повторяющиеся сцены видеонасилия приводят к научению и подкреплению касающихся агрессии представленных структур. К ним относятся: агрессивные убеждения и установки; агрессивные схемы восприятия; агрессивные схемы ожидания; скрипты агрессивного поведения; десенсибилизация.

Повторим, что, опосредованная СМИ реальность может влиять на убеждения людей и таким образом определять их поведение. Данный процесс носит название **основного потока**. Его особенности были указаны выше. Информация может провоцировать поступки, вследствие чего возможен рост именно тех действий, которые схожи с освещаемыми в прессе. Главную роль здесь играют личностные и ситуационные факторы. Восприятие информации связано с личностной реакцией «уподобления воспринимаемому объекту», которая является свойством нормальной психики. Существует гипотеза «тяжелой утраты», в основе которой положение о том, что информация, поступающая со стороны СМИ, отвергает некоторых людей в состояние шока или глубокого уныния, после чего данные индивиды начинают проявлять небрежность, например, при управлении транспортными средствами. Резкое увеличение несчастных случаев со смертельным исходом наблюдается после публикаций рассказов о самоубийствах. Феномен Вертера является подтверждением того, что сразу после такой публикации в результате подражания число совершаемых самоубийств резко увеличивается в тех географических районах, где данный случай получил более широкую огласку. Исходя из вышеизложенного следует признать, что на сегодняшний день особую актуальность приобретает разработка практического инструментария для проведения психологической экспертизы различного рода публикаций СМИ.

* *Татьяна Борисовна Курбацкая* – канд. психол. наук, доцент, декан факультета психологии, зав. кафедрой психологии Казанского государственного университета (филиал) (г. Набережные Челны).

Реклама как форма принуждения и выбора самоидентификации

В настоящее время в содержании феномена власти как типа межличностных отношений рассматриваются разные формы властных отношений.

Придерживаясь определения власти как права и возможности распоряжаться, воздействовать на ситуацию или поведение других людей с помощью неких мотивационных факторов, можно сделать вывод о появлении всевозможных средств влияния на людей.

Процессы влияния властными средствами пересекаются с процессами определения самоидентификации. Если говорить о последних, то сегодня привычные процессы самоидентификации практически стерлись, следовательно, им на смену приходят новые формы самоидентификации человека в современном обществе.

К таким механизмам вполне можно отнести рекламу как особый вид коммуникации в современном обществе.

Реклама является уникальным социокультурным явлением: в ее основе лежат факторы социального, психологического, лингвистического порядка, а также особенности «эстетического сознания» социума, его культурные традиции.

Искусство рекламы состоит, прежде всего, в умении найти наилучший механизм воздействия на получателя рекламной информации. Наибольшая приближенность такого механизма к восприятию адресата создает у адресата впечатление, что он самостоятельно сделал выбор в пользу того или иного товара или услуги.

Рекламный текст выполняет функцию сопоставления, соединения, идентификации адресата с собственным опытом, своей социальной ролью или социальным положением.

* *Наталья Владимировна Моисеева* – аспирант кафедры социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета, преподаватель Уральского Государственного колледжа им. Ползунова (г. Екатеринбург).

Отсылка к фоновым знаниям работает на формирование у получателя сообщения положительной психологической установки на основе идентификации себя с определенной социальной группой, представленной в рекламном тексте, которая является неким образцом для получателя.

Кроме того, апелляция к контексту, понятному адресату, предполагает определенные интеллектуальные усилия со стороны получателя. Ощущая принадлежность к определенной социальной группе, показанной в рекламе, получатель испытывает чувство соединения с ней, он «узнает себя» в героях рекламы, идентифицирует образ жизни героев рекламы со своим образом жизни, с одной стороны, и испытывает спокойствие от того, что он «соответствует» этому образу жизни.

Адресат рекламного текста – понятие достаточно широкое, предполагающее более точное определение. Для этих целей автор рекламного текста стремится к дифференциации (или, в рамках маркетинговых терминов, сегментации) получателя текста.

Интерпретация рекламного текста представляется тем более сложным процессом, чем более изысканный смысловой ряд он содержит.

В связи с вышеизложенным есть смысл ввести понятие «рекламный дискурс», в рамках которого и происходит интерпретация и восприятие рекламного текста.

Рекламный дискурс можно определить как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечения внимания к предмету рекламы), сочетающее признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических средств.

Использование маркированных языковых элементов подталкивает адресата к восприятию рекламного дискурса, причем здесь можно говорить не о пассивной роли адресата, а о его активном взаимодействии с автором рекламного текста.

Адресат концентрирует внимание на выделяемых элементах, и при этом реализуется прагматическая установка адресата.

Реклама является своеобразной знаковой (семиотической) системой, внутри которой возможно сосуществование разных типов языков.

Знаки для человека всегда сопоставимы со смыслами, окрашенными отношением личности к действительности.

Знаки для потребителя являются важным элементом в процессе покупки, так как выбор товара или услуги всегда сопряжен с процессом идентификации себя со своей социальной группой.

Процесс присвоения предметов вещного мира как раз и лежит в области управляемой способности знаков или символов.

В процессе покупки человек имеет возможность выстраивать наилучшим образом отношения с внешним миром, с обществом, а рекламный текст как бы «подтверждает» правильность выбора потребителя в той или иной ситуации.

В рамках рекламного дискурса неразрывно сосуществуют знаковый и потребительский компоненты. Потребляя, человек подсознательно выбирает те товары или услуги, которые механически «навязаны» ему знаковым окружением.

Таким образом, потребительское поведение человека оказывается жестко подчинено требованиям Знака. Знак определяет не только выбор товара, но и его количественный состав, и частотность его потребления, и особенности потребления.

Возвращаясь к теме рекламного дискурса, следует отметить, что власть Знака здесь проявляется, прежде всего, в том, что в нем «расставляются по местам» предметы потребления.

Воздействуя на каждого конкретного адресата, выявляя особенности каждого целевого сегмента, реклама «прививает» должные стереотипы для каждого участника процесса потребления, в том числе стереотипы, присущие процессу покупки.

Товары, выпадающие из поля воздействия рекламы, имеют мало шансов быть широко потребляемыми, так как не существует достаточно четкого представления об их месте в потребительском мире.

Реклама использует различные проявления власти в своих целях. Наиболее распространенный вид властных отношений со стороны рекламы можно наблюдать в процессе так называемой власти принуждения. Индивид оказывается вовлеченным в ситуацию потребления независимо от своих желаний и потребностей. В литературе достаточно хорошо описаны всевозможные приемы создания искусственной потребности в той или иной категории товара.

Существует и еще один вид властных отношений, диктуемых рекламой: власть эксперта. Компетентность источника сообщения не подвергается сомнению адресатом рекламного сообщения, отсюда – подчиненность ситуации и потребительская зависимость как основная задача рекламного сообщения.

В заключении отметим, что реклама позволяет человеку выстраивать коммуникацию по поводу вещей внутри своей группы тем более успешно, чем более свободно человек смог идентифицировать себя с адресатом рекламного сообщения. Иллюзия собственного решения придает больше уверенности, а значит человек погружен в процесс потребления, необходимый для существования и воспроизводства вещей и знаков вещей.

*Л. П. Пискунова**

Экспертиза рекламы: социальные основания

Современное состояние российского рынка рекламы предопределяет появление потребности в экспертных суждениях, оценках, заключениях. Наиболее актуальными являются заключения юристов, лингвистов, специалистов по этике и эстетике, психологии. Появление адекватного понятийного аппарата для экспертной деятельности возможно только лишь в междисциплинарном поле гуманитарных наук – через активное использование систем категорий философии, этики, эстетики, лингвистики, через четкое прописывание формулировок и определений в законе о рекламе, через рефлексию по поводу результатов практических исследований (маркетинговых, психологических, социологических).

В связи с этим хотелось бы обозначить общее **понимание экспертизы**: «это исследование какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с предоставлением мотивированного заключения». Или «экспертиза есть исследование трудно формализуемой задачи, которое осуществляется путем формирования мнения (составления заключения) специалиста, способного восполнить недостаток или несистемность информации по исследуемому вопросу своими знаниями, интуицией, опытом решения сходных задач и опорой на «здравый смысл».

«Социальная экспертиза является проводимым специалистами исследованием, включающим диагностику состояния социального объекта, установление достоверности информации о нем и в нем, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие социальные объекты, а также выработку рекомендаций для принятия управленческих решений и социального проектирования в условиях, когда исследовательская задача трудно формализуема».

* *Лариса Петровна Пискунова* – канд. филос. наук, зав. кафедрой рекламы УрГУ им А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Данная дефиниция основана на выделении четырех **функций социальной экспертизы**:

- диагностической – освидетельствование состояния объекта в момент исследования;
- информационно-контрольной – исследование информации о социальном объекте и его окружении с целью установления достоверности и внесения соответствующих корректив;
- прогностической – выявление возможных состояний социального объекта в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе и возможных сценариев достижения объектом этих состояний;
- проектировочной – выработка рекомендаций по тематике экспертирования социального объекта для социального проектирования и принятия управленческих решений.

Предметом экспертизы в сфере рекламы являются:

- социальные последствия циркуляции в обществе тех или иных рекламных образов;
- адекватность восприятия аудиторией рекламной информации согласно маркетинговой стратегии;
- соответствие рекламного продукта предписываемым требованиям Федерального закона «О рекламе».

В таком контексте в качестве основных **субъектов**, заинтересованных в экспертизе рекламы, выступают: Федеральная антимонопольная служба (преимущественно с точки зрения соответствия закону о рекламе), потребители рекламы (с точки зрения психологического, социального, эстетического, этического аспектов воздействия на человека), заказчики (с точки зрения ее экономической эффективности) и общество в целом (с точки зрения выработки адекватной реакции на рекламу как социальный феномен).

Цель социальной экспертизы может быть уточнена через постановку **задач**, которые она призвана решать:

1. Дать аргументированное заключение о соответствии нормативных правовых актов и деятельности органов государственной власти, решений и деятельности органов местного самоуправления и т.д. положениям социальной политики.
2. Выявить положения документов, продукцию, или факты деятельности, которые могут иметь негативные социальные последствия, и оценить возможные масштабы таких последствий.
3. Оценить на предмет соответствия законным интересам граждан проекты нормативных правовых актов, социальные про-

екты и программы и представить вывод о целесообразности и допустимости их реализации.

4. Внести предложения по решению возникшей социальной проблемы.

Таким образом, можно сформулировать цель: экспертиза проводится тогда, когда нужно оценить позитивные или негативные последствия принятия нормативных правовых актов и других управленческих решений.

Подводя итог сказанному, можно выделить основные принципы социальной экспертизы:

Принцип независимости. Эксперты независимы в своем заключении от интересов заказавшего экспертизу органа.

Принцип гласности. Результаты экспертизы подлежат публикации.

Принцип авторства. Экспертное заключение является авторским произведением, и авторские права подлежат защите.

Принцип вознаграждения. Оплата экспертов производится заказывающим экспертизу органом в соответствии с заключаемым договором независимо от того, признается или не признается «казачиком» справедливость экспертного заключения.

Принцип невмешательства. Эксперты имеют своей задачей только формирование экспертного заключения и не могут вмешиваться в действие соответствующего органа государственной власти или негосударственной структуры по принятию решений либо осуществлению иной деятельности, получающей экспертную оценку.

Социальная экспертиза не может иметь обязательный характер и не может применять санкции к нарушителям. Это уже не экспертные функции, а инспекционные и правоохранительные. Такой путь был бы оправдан, если бы создавались некие социальные эталоны, по отношению к которым оценивалась та или иная социальная ситуация, то или иное решение. Но в социальной области такая однозначность недопустима и недостижима. **Поэтому более реален путь экспертной деятельности как консультационной.** Эксперт не должен вмешиваться в принятие управленческих решений.

А. Ф. Рябухин*

Власть и властные отношения

Власть, так же как и любой производитель, пытается реализовать свой товар, только товаром в данном случае выступают властные решения, направленные на достижение каких-либо экономических, политических, социальных, идеологических целей.

Без сомнения, что СМИ и власть способны самостоятельно, без посредников вступать во взаимодействия друг с другом. Но для эффективного обеспечения оперативного и постоянного взаимодействия со СМИ необходимо создание специальных структур – PR-служб. С созданием во властных структурах PR-служб взаимодействие государственной службы со СМИ приобретает качественно новый характер, поскольку организацией этого взаимодействия начинают заниматься профессионалы. Участие профессионалов особенно важно в кризисных ситуациях, когда необходимо действовать на опережение, для безболезненного выхода из сложившихся обстоятельств.

Очевидно, что PR-задачи реализуются через СМИ, как государственные, так и негосударственные. С государственными СМИ все более или менее понятно, информационный поток до граждан доносится в том виде, в котором предоставляет его власть, и безусловно это мощный информационный ресурс для объектных технологий, подразумевающих создание или использование условий, обеспечивающих такое изменение эмоционального или психофизиологического состояния объекта, которое сужает доступный ему диапазон выбора вариантов поведения.

С негосударственными СМИ все сложнее, особенно если они оппозиционные. В данном случае задача PR-службы, в первую очередь, сформировать у них лояльность к власти, поскольку это позволяет хотя бы опосредованно контролировать альтернативные информационные потоки.

* **Антон Федорович Рябухин** – студент 5-го курса специальности «Реклама» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

И, пожалуй, можно говорить о том, что данный контроль рассматривается как главная задача PR-власти.

Говоря о «внутреннем» PR-власти, обращенном на граждан своей страны, нельзя забывать и о «внешнем», направленном на формирование имиджа государства среди участников внешнеполитической деятельности. Разовые PR-акции, направленные на продвижение позитивного имиджа страны за рубежом, в отрыве от создания комплексной системы могут привести лишь к неэффективному расходованию средств федерального бюджета. В данный момент принципиальна последовательная, каждодневная, филигранная работа, результатом которой должны стать качественные изменения в восприятии государства.

И бесспорно, грамотно выстроенная система «внешнего» PR оказывает свое позитивное влияние на «внутренний». В свою очередь, эффективность такой системы возможна при наличии единого центра «внешнего» и «внутреннего» властного PR, а также развития его средств (информационных агентств, радиостанций, интернет-сайтов и других СМИ).

Еще одно принципиальное условие для эффективного взаимодействия власти и общества – это интерактивность. Наличие у общества возможности обратной связи, посредством которой оно может влиять на принятие властных решений. Данное обстоятельство, в первую очередь, говорит об открытости власти или, по крайней мере, создает видимость того.

Из вышеперечисленного можно выделить несколько принципов эффективной PR-власти.

1. Формулирование конкретных целей информационной политики, невозможное без четкой программы или миссии власти.

2. Информационная политика должна быть основана на реальной программе и имеющей место стратегии.

3. Жесткая привязка PR-кампаний к государственной политике в той или иной сфере государственных отношений – в результате неизбежно встает проблема ясного понимания государственных интересов, формулировать которые должны компетентные представители власти.

4. Концентрация информационного потока, тщательный внутриведомственный и межведомственный контроль за полнотой и достоверностью сообщаемой СМИ информации, а также принцип открытости.

5. Создание специальных инструментов влияния на информационный поток, способных выполнять задачи воздействия на общественное мнение.

В конце хотелось бы еще раз сказать о важности полного и всестороннего информирования граждан и их объединений со стороны органов как региональной, так и федеральной власти. Поскольку любой информационный вакуум рано или поздно заполняется, и очень часто эта информация имеет содержание, направленное на противодействие власти, а главная задача грамотно построенной PR-службы – не допустить этого.

Особенности брендинга в системе властных отношений

Брэнд в современном мире приобретает все более глобальные черты. Все, с чем ежедневно сталкивается человек, может быть или уже является брэндом: от повседневных товаров до самого государства. Широкое распространение брендинга привело к тому, что любая политическая партия, государственный институт или публичный человек сегодня являются брэндами.

Любая вещь значительно легче закрепляется в сознании человека, если она имеет некое клеймо, определяющее ее отличия, преимущества и, главное, статус. Брэнд, являющийся, в том числе, и элементом престижа, формирует лояльность своих потребителей, которые, в свою очередь, ожидают от него постоянства качества. Патриотизм граждан есть не что иное, как их лояльность к государству.

Процессы интегрирования России в мировое пространство в новом тысячелетии приобрели новые черты, связанные с активными попытками укрепить нематериальные активы отечественного бизнеса. Эти активы заключаются, в первую очередь, в имидже страны, который определяет возможность отечественных компаний успешно конкурировать со своими зарубежными коллегами.

Имидж товара или услуги достаточно изменчив, в то время как имидж страны скорее инерционен. Элементы товара, приданные ему страной происхождения, изменяются значительно медленнее и неподвластны одной отдельной компании. Они опираются на деятельность государства в целом.

Государственные подходы к управлению сегодня также должны перемещаться от попыток спрогнозировать будущую ситуацию к формированию этой ситуации и ее дальнейшему развитию, что наиболее эффективно достигается с помощью создания брэндов и управления ими в масштабах государства.

* *Нина Валерьевна Савина* – соискатель кафедры факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Значимость брэнда в рамках системы властных отношений заключается, в первую очередь, в том, что «он обеспечивает дифференцирование между конкурентоспособными политическими программами, целями, предложениями»¹. При этом необходимо помнить о том, что личность лидера политической партии должна быть носителем тех же ценностей, которые несет сама партия, и наоборот. Для России характерна некоторая неопределенность большинства партийных брэндов. Это приводит к тому, что потребитель чаще воспринимает сначала брэнд лидера организации, а потом самопроизвольно достраивает весь партийный брэнд.

Именно брендинг дает государству и его отдельным институтам те конкретные инструменты, благодаря которым можно формировать долгосрочное позитивное отношение общественности к власти. При этом брэнд, как набор неких устойчивых ассоциаций, позволяет выработать у граждан необходимые стереотипы восприятия власти, благодаря которым станет возможным проведение не прямых политических решений.

Брендинг в государстве является актуальным абсолютно на любом уровне. Государство само по себе является брэндом, со своей системой идентификации в виде флага, гимна, герба, президента, политических партий и т.п., т.е. всего того, с чем сталкивается любой житель страны в рамках информационного потока.

Брендинг в рамках властных отношений имеет ряд особенностей – крайне многогранные, многоцелевые структуры не с одной, а с многими аудиториями потребителей, каждая из которых имеет свои мотивы для потребления. Поэтому один и тот же брэнд может обладать несколькими векторами, ориентированными на разные ценности разных аудиторий. Следующей особенностью брендинга в рамках властных отношений выступает необходимость внимания к таким его атрибутам, как события государственного масштаба и национальные праздники. Эти две составляющие могут выступать как часть общегосударственного брэнда и как самостоятельные брэнды, которым необходимо придать нужный смысл и позиционирование.

¹ Акмеологические основы эффективных политических коммуникаций: учебное пособие / Под общ. ред. А. А. Бодалева, Л. Г. Лаптева, Е. Б. Перельгиной. 2-е изд., доп. и испр. М.: Альтекс: ИД «ЭКО», 2003. С. 202.

Немаловажным атрибутом бренда страны являются и благоприятные условия для развития бизнеса. Основой этого могут стать политическая стабильность и прочная законодательная база.

Опираясь на брендинг, современные страны успешно продают себя на мировом рынке. Репутация страны складывается постепенно и служит информационным полем для создания и продвижения бренда с целью формирования его долгосрочного потребительского предпочтения. При этом репутация страны как субъекта является основой для построения и продвижения бренда как внутри страны, так и на мировой арене. Деловой репутацией государства определяются и его шансы на лидерство во внешней политике.

Вообще, имидж государства зачастую приравнивается к национальным интересам страны: слабый имидж, по мнению ряда исследователей, способен создать угрозу национальной безопасности².

Одна из тенденций современного мира, связанная, в том числе, с процессами глобализации, говорит о том, что традиционный, фиксированный характер общественно одобряемых элементов, подтвержденный на достаточно большой временной дистанции, сегодня можно значительно сократить. Целенаправленно созданный имидж фактически заменяет традиционную репутацию, и создается этот имидж, в первую очередь, благодаря рекламе и PR.

Брендинг подразумевает не просто создание некоей оболочки, а служит для гармонизации объекта и его восприятия субъектом. В системе властных отношений восприятие субъекта (потребителя) достаточно важно, поэтому свойства объекта должны быть созданы в строгом соответствии не только с разработанной стратегией, но и с учетом запросов аудитории потребителей – жителей страны. Бренд государства в целом, равно как и бренды конкретных государственных структур, позволяют «достроить» недостающие элементы имиджа власти в глазах общественности.

При построении системы идентификации бренда необходимо помнить о том, что количество обещаний потребителю и ассоциаций, брендом вызываемых, должно быть сведено до минимума. Говоря о России как бренде, многие исследователи подчеркивают, что самое страшное – потеря индивидуальности. Причем индиви-

² См.: *Музыкант В. Л.* Формирование бренда средствами рекламы и PR: учебное пособие / В. Л. Музыкант. М.: Экономистъ, 2004. С. 99.

дуальность не должна сводиться только к свойствам самого «товара», т.е. страны. Необходимо увеличивать ценности, эмоциональные выгоды и возможности для самовыражения, которые способен дать бренд.

Накопленный опыт в области управления брендами свидетельствует о прочной связи между внутренним и внешним имиджем. Именно разрыв между внутренним и внешним имиджем не позволяет современной России построить полноценный бренд, каким в свое время являлся, например, СССР.

*Т. Н. Серёгина**

Реклама как социально-психологический прием повышения привлекательности военной службы в современном российском обществе

Возрождение России невозможно без коренного реформирования Вооруженных Сил и высшей военной школы. Перед государством стоит задача формирования мощной современной армии, способной эффективно решать задачи в интересах национальной безопасности России. Особую актуальность в связи с этим приобретает формирование у молодежи позитивного отношения к Вооруженным Силам, разъяснение положений Конституции и законов Российской Федерации о защите Отечества, основных задач и предназначения Вооруженных Сил, порядка прохождения военной службы, особого социального смысла труда военнослужащих.

Одним из наиболее эффективных путей повышения привлекательности военной службы является формирование ореола военнослужащего-профессионала, в частности, посредством рекламы. Реклама связана с необходимостью создания ореола профессии, с одной стороны, при решении общей задачи воспитания у молодежи заинтересованности и чувства любви к той специальности, на которую ориентируют призывника, с другой – при приеме в высшие военно-учебные заведения, т.е. при подготовке офицерских кадров.

Особое внимание к проблеме повышения престижа Вооруженных Сил в глазах общественности связано с тем, что произошедшие в последние годы в нашем обществе перемены негативным

образом сказались на социально-психологических, психологических и психофизиологических характеристиках кандидатов, поступающих на учебу в «силовые» министерства. Характеризуя современное состояние духовно-нравственных ориентаций будущих офицеров, необходимо отметить происходящую деформацию ценностных ориентаций, падение престижа профессии военного, отсутствие стремления к продвижению по службе, что в определенной мере отражает процессы, происходящие в обществе в целом и в армии в частности. В их числе можно отметить кризис традиционных нравственных идеалов, размывание моральных устоев, негативно сказывающееся на духовном облике курсантов. В последнее время в курсантской среде нередки такие явления, как воровство, самовольные отлучки, грубые нарушения воинской дисциплины, уголовные преступления. Вместе с тем, несмотря на деформацию и вульгаризацию многих этических понятий в обществе и в средствах массовой информации, для курсантов по-прежнему значимы традиционные качества российского офицера – честность, порядочность, долг, сила воли, благородство.

Результаты социологического исследования, проведенного в ряде военных вузов Краснодарского края (2004–2005 гг.), свидетельствуют о том, что в настоящее время у 30 % респондентов отношение к выбранной профессии военного меняется в худшую сторону; 42 % затрудняются ответить на вопрос, будут ли они продолжать службу в Вооруженных Силах после окончания учебного заведения; 21 % опрошенных уволятся при первой же возможности; сожалеют о сделанном выборе 15 % респондентов. Условиями учебы не удовлетворены более 12 %, частично удовлетворены около 51 %, полностью удовлетворены около 32 % опрошенных. Условиями службы недовольны более 30 %, частично удовлетворены 45 %, полностью удовлетворены только 24 %. Вследствие чего для 27 % респондентов учеба и служба представляется как тяжелая, связанная с нервными и физическими нагрузками, для 21 % – как монотонная и скучная.

Полученные данные позволяют констатировать факт о резком падении в глазах как общественности, так и самих военнослужащих престижа Вооруженных Сил в современном российском обществе, неверие в результативность проводимых мероприятий военной реформы в Вооруженных Силах, что, конечно же, сказывается на ощущении военнослужащими собственного статуса в социуме, их

* *Татьяна Николаевна Серёгина* – канд. психол. наук, ведущий психолог группы профессионального психологического отбора Краснодарского высшего военного училища (военный институт) им. генерала армии С. М. Штеменко (г. Краснодар).

уверенности в себе и завтрашнем дне, ощущении необходимости их профессиональной компетентности.

В то же время среди обучаемых высока оценка стремления к совершенствованию своего профессионального мастерства – «да, стремлюсь и постоянно профессионально совершенствуюсь» отмечают 82 % курсантов. Среди значимых ценностей военной службы курсанты отметили следующие: интересная специальность – 38 %, причастность к важному делу по защите Отечества – 23 %, воинские традиции, ритуалы, форма одежды – 12 %, возможность испытать себя в сложных условиях – 7 %, возможность увидеть жизнь в разных краях – 4 %.

Сегодня существует острое противоречие между потребностью общества, армии в социально активной позиции личности офицера, ориентированной на профессиональный рост, повышение квалификации, и реальной профессиональной ориентацией, мотивацией выпускников военно-учебных заведений. Из года в год ухудшается качественный состав абитуриентов, как в интеллектуальном, так и в морально-психологическом и физическом отношениях. В настоящее время среди факторов, определяющих выбор будущей профессии военного, на первый план все более выступают социально-экономические: низкое материальное положение родителей, недостаточная высокая общеобразовательная подготовка, неустроенность быта, перспектива быть призванным для прохождения срочной службы в случае непоступления в вуз. И как следствие всего этого, происходит неизбежное отчисление курсантов во время учебы по таким причинам, как нежелание учиться, недисциплинированность, неуспеваемость, неудовлетворительное состояние здоровья.

Формируют престиж военной службы активными и пассивными приемами. Пассивные приемы заключаются в подчеркивании тех свойств личности молодежи, которые будут наиболее полно соответствовать интересам военной службы. Большое значение при этом имеют средства массовой информации, популярная литература о военных профессиях. Однако пассивные приемы не могут полностью выполнить задачу повышения привлекательности военной службы. Поэтому необходимы активные приемы целенаправленного формирования у молодежи военно-профессиональной направленности, мотивации сознательного выбора и освоения профессии офицера. Воспитание у молодых людей гордости за принадлежность к Вооруженным Силам и за офицерский корпус Рос-

сии, пропаганда истории Отечества, славных боевых традиций его Вооруженных Сил. Разъяснение требований военно-профессиональной деятельности к индивидуально-психологическим качествам и оказание практической помощи в выборе конкретной военной специальности в соответствии с интересами, склонностями и с учетом потребности Вооруженных Сил в офицерах соответствующего профиля и специальности. Привлечение к поступлению в военные вузы наиболее подготовленных и дисциплинированных молодых людей, способных овладеть знаниями и практическими навыками, необходимыми для успешного выполнения служебных обязанностей на должностях офицерского состава по профилю подготовки военного вуза.

Для популяризации профессии офицера среди гражданской молодежи и военнослужащих, не имеющих офицерских званий, с целью привлечения лучших из них к поступлению в военные вузы следует активно использовать всю систему форм и методов военно-профессиональной ориентации, включая и военную рекламу. Целесообразно ориентировать рекламу на привлечение молодежи в конкретные виды Вооруженных Сил и рода войск, раскрывать их преимущества. Основное внимание целесообразно уделить рекламе преимуществ военной службы: приобретение хорошей профессии (специальности), повышение образования, развитие физических качеств, причастность к важному делу по защите Отечества.

В заключение отметим, что в рекламной деятельности важно учитывать объективно существующие противоречия между необходимостью рекламы военной службы и необходимостью гласного обсуждения негативных явлений и проблем, накопившихся в армии.

А. К. Симонова*

Разработка проблем PR и рекламы в контексте властных отношений

Паблик рилейшнз (PR), или связи, отношения с общественностью, становятся все более значимой сферой деятельности органов государственной власти и политических институтов. Насчитывая более чем 90-летнюю историю существования в США, PR постепенно завоевывают свое место и в России, где начинают успешно применяться как в политической, так и в других сферах общественной жизни.

На политической арене России PR-технологии начали серьезно использоваться с середины 90-х гг. Самой крупной политической «операцией», заставившей всерьез заговорить о связях с общественностью, стали президентские выборы 1996 г. С тех пор PR стали важным элементом любой избирательной кампании, неотъемлемой частью российской политической культуры. **Несмотря на огромное количество определений PR, существующих в современном менеджменте,** трактовка их в подавляющем большинстве случаев сводится к единой дефиниции, согласно которой паблик рилейшнз – это наука, искусство, совокупность методов, приёмов, технологий, используемых субъектом для достижения гармонии с внешним окружением посредством взаимопонимания, основанного на достоверной и полной информации. Поэтому оптимальное применение всего комплекса политических технологий в ходе электоральных кампаний напрямую зависит от того, в какой мере PR-менеджерам удалось решить задачу установления прямых и доверительных контактов с избирателями. Именно требование абсолютной прозрачности, достоверности и полноты информации и отличает паблик рилейшнз от такого вида деятельности, как, например, политическая реклама. Ведь по своей сути политическая реклама никак не может являться сред-

* *Алина Константиновна Симонова* – преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ством достижения взаимопонимания. Её единственная цель – способствовать наилучшей продаже товара, которым в нашем случае является имидж политика, партии или же общественной организации. Однако далеко не все товары на рынке могут быть признаны общественно значимыми, т.е. соответствующими запросам большинства потребителей. Не учитывает реклама и таких важнейших факторов, как моральное и материальное состояние различных слоёв общества, настойчиво предлагая, например, предметы роскоши, недоступные большинству потребителей. Что же касается паблик рилейшнз, то «...они настолько отличаются от рекламы, насколько различны по своей сути взаимодействие и манипулирование». PR всегда основываются на диалоге, обратная связь – важнейший их элемент. **Французские специалисты в области паблик рилейшнз определяют PR как «стратегию доверия», а рекламу как «стратегию желания».** В условиях предвыборной кампании успех практически недостижим без согласования интересов кандидата с интересами избирателей. Современный российский избиратель всё менее подвержен влиянию средств политической рекламы. Другими словами, он уже не склонен голосовать за «кота в мешке», каким бы привлекательным ни был этот «мешок». Это объясняется, во-первых, стремительным развитием СМИ и информационных технологий. Как следствие, возрастает число альтернативных источников информации. Во-вторых, налицо переизбыток политической рекламы, вызывающий у избирателя если не раздражение, то своеобразный иммунитет к информационной агрессии. В-третьих, несомненное повышение уровня политической культуры всего общества привело к тому, что сегодняшний избиратель уже в состоянии отличить навязываемую ему точку зрения от реального положения вещей. И, наконец, в-четвёртых, низкая эффективность политической рекламы в региональной избирательной кампании объясняется тем, что чаще всего практически все кандидаты до начала агитации уже хорошо известны избирателю по конкретным делам в регионе.

Ещё одним преимуществом применения PR-технологий является то, что они дают большие гарантии успеха по сравнению с технологиями политической рекламы и пропаганды, так как предполагают проведение не отдельных разовых акций, а полноценной кампании, более продолжительной по времени, формируют цельный, устойчивый образ кандидата, располагая достаточными ресурсами

(в первую очередь, временными) для его коррекции и формирования стабильного и позитивного общественного мнения.

Говоря об эффективном применении PR-технологий в российских регионах, следует отметить, что наряду с местными особенностями политической ситуации необходимо учитывать и уровень развития политического сознания и правовой культуры всего общества. Дело в том, что само существование паблик рилейшнз возможно лишь при наличии известных условий. Главное из них – высокий уровень развития гражданского общества, наличие основных гражданских прав и свобод, а также политических институтов, способных влиять не только на общественное мнение, но и на действия любых агентов (органов государственной власти, предпринимательских структур, кандидатов на выборах и т.д.), стремящихся управлять этим мнением в своих интересах. К подобным институтам можно отнести политические партии, общественные объединения, профсоюзы, независимые СМИ и др. Именно они призваны довести до сведения граждан все попытки намеренного сокрытия либо искажения какой бы то ни было социально или политически значимой информации. И именно они обеспечивают равноправие сторон в диалоге «общество – государство» или, в нашем случае, в диалоге «избиратели – кандидат».

Развитие гражданского общества в России, предполагающее активное использование паблик рилейшнз, началось в конце 80-х – начале 90-х гг. и сильно ускорилося после путча 1991 г. Крупнейшие партии основали свои филиалы и представительства практически во всех регионах страны. Конечно, степень самостоятельности и влияния партий на жизнь регионов сильно варьировалась, существовали и партии-однодневки, рассчитанные на раскрутку определенного кандидата, и ультранационалистические партии, позволяющие как организовывать провокации, так и разыгрывать национальную, сепаратистскую карту. Однако те политические партии, которым удалось доказать серьезность своих претензий на место в политической системе современной России, которые используют свой политический и организационный ресурс в целях упрочения собственной электоральной базы, сейчас принимают активное участие в политической жизни российской провинции. Это, безусловно, способствует развитию институтов гражданского общества, делает его многополярным, что, в свою очередь, приводит к неизбежности двухстороннего диалога общества и власти, опти-

мизации которого и призваны способствовать технологии и процедуры паблик рилейшнз.

Особую роль в PR-процессе играют средства массовой информации. В наши дни, в эпоху информационного общества, в достижении деловых целей особенно значим фактор благоприятного отношения общественности к продвигаемому объекту. Поэтому ставки на такого рода услуги особенно велики. Бурно процветает заказная информация: в эфире и на страницах печатных изданий появляется оперативная и хорошо аранжированная информация, источники которой пожелали остаться неизвестными.

Существует ли у общественного мнения защита от вполне естественного стремления претендентов на власть к манипулированию, чтобы получить признание и поддержку? Есть ли у сегодняшнего общества шансы защитить себя от прихода к власти организованной преступности и лоббирования финансово-промышленных групп? В перестроечные годы с провозглашением гласности и свободы печати снизился государственный контроль за прессой. В демократическом обществе СМИ являются гарантами экологической чистоты информационного пространства.

Периодически журналистское сообщество, борясь за чистоту жанра, клеймит позором заказные материалы, не забывая при этом упрекнуть в инициировании компроматов представителей смежной профессии, а именно специалистов по связям с общественностью. Действительно, PR, в отличие от журналистики, – всегда заказная работа в информационном пространстве. Цель ее – побудить элиту и массовую аудиторию поступать в соответствии с интересами заказчика; формирование пристрастий лидеров СМИ.

Государственная PR-служба

Для чего она нужна? Функции государства неизбежно включают в себя функции управления «связями с общественностью». Управление, не обогащенное знаниями PR, неизбежно становится административно-командным. А применение знаний PR способствует созданию модели открыто «отзывчивой» бюрократии, обладающей способностью приспособления (адаптации) к меняющимся условиям, опираясь на службы по связям с СМИ.

PR – механизм для завоевания и удержания власти и политического влияния. Они должны быть не средством воздействия – пропагандой, а механизмом согласования интересов.

Направления действия таких служб – установление и поддержание контакта с гражданами и организациями.

Информирование общественности о сути принимаемых решений.
 Анализ общественной реакции на действия должностных лиц.
 Прогнозирование социально-политического процесса.
 Формирование положительного имиджа власти и должностных лиц и т.д.

PR-подразделения в крупных госструктурах:

Пресс-служба Президента.

Управление по связям с общественностью.

Пресс-служба Госдумы РФ.

Исследуя итоги президентской кампании Б.Н. Ельцина, многие специалисты высоко отметили грамотную, продуманную стратегию продвижения имиджа президента в регионах, составной частью при выработке которой явилось проведение социально-психологических исследований регионов, расширенное демографическим и экономическим анализом.

Аналитиками выделено несколько основных моделей общения, установки ожидания по отношению к центру, в зависимости от которой происходило формирование имиджа. Например, Воркута, Красноярск демонстрировали ярко выраженную потребительскую установку, положительно реагируя на образ «отца-покровителя и благодетеля», который придет, поможет и наведет порядок. Астрахань, Пермь принимали образ партнера, заинтересованного в сотрудничестве. Следует отметить, что подобная установка характерна для регионов, имеющих богатую историю. Казань, Уфа, Омск добивались подтверждения своего статуса и значимости в общероссийском масштабе.

Для новосибирцев более эффективна апелляция не к эмоциям, а к интеллекту. Неслучайно концерт «Голосуй или проиграешь!» вызывал у большинства новосибирцев раздражение. Тема коммунистической угрозы, которая больше апеллировала к эмоциям, воспринималась как надуманная. Данную тему эффективнее было бы подавать, например, как тему «общественной стабильности».

Изучение местных особенностей качественными методами позволяет добиваться максимального результата, используя средства, «неработающие» для других целевых групп. Так произошло со знаменитым обращением «сталинградцы», принесшим успех Ельцину в Волгограде, что вызвало большой резонанс в прессе.

Таким образом, тщательное исследование социально-психологических особенностей регионов, разработка и корректировка рекламной стратегии с учетом специфики – один из наиболее пер-

спективных путей повышения эффективности воздействия политической рекламной кампании.

Постепенно, с накоплением эмпирических данных, вырисовывается определенная специфика российских паблик рилейшнз, которая проявляется на различных уровнях, однако наиболее ярко и характерно – на уровне регионов. Это связано, в первую очередь, с тем, что в регионах выборы проходят значительно чаще, чем на федеральном уровне. Интенсивность региональных выборов позволяет практически непрерывно отслеживать динамику процессов, связанных с выборами, в том числе и развитие технологий паблик рилейшнз. Во-вторых, принятое в политической публицистике разделение регионов по принципу «поясов» (так называемый «красный», «демократический» пояс и др.) – более чем условно, так как практически не существует двух регионов с одинаковыми электоральными предпочтениями, а следовательно, не существует и двух сколько-нибудь идентичных избирательных кампаний. Именно поэтому определенный набор технологий паблик рилейшнз, приносящий победу в одном регионе, может быть абсолютно проигрышным в другом. В-третьих, именно в ходе региональных избирательных кампаний происходит своеобразный «естественный отбор» наиболее эффективных и универсальных PR-технологий, которые затем с успехом применяются на выборах более высокого уровня, где фактор риска значительно выше, а избиратель, в общем, менее инертен, более политизирован и не прощает ни малейшей ошибки в действиях PR-менеджеров. Так что специалистам гораздо выгоднее «обкатать» в регионах как можно больше технологий, с тем чтобы впоследствии иметь наиболее богатый арсенал методов и приёмов ведения избирательной кампании.

Выводы: Главная особенность трансформации властных структур состоит в том, что в ходе экономических и политических реформ, осуществлявшихся с начала 90-х гг., произошел передел власти и собственности, в ходе которого новая олигархия установила контроль над ресурсами власти в регионах, произошла замена региональной элиты. Вместе с тем, вследствие упрочения кланово-корпоративного характера правящих элит традиционные для институтов гражданского общества связи с общественностью, общественными организациями, муниципалитетами в ряде случаев претерпевают существенные изменения. Речь идет об использовании, в целях удержания власти, нелегитимных политических технологий как составной части паблик рилейшнз, о стремлении выстраивать «виртуальные» политические пространства для форми-

рования у различных электоральных групп ложных ценностных ориентаций, для программирования электорального поведения.

Процесс оснащения региональной власти PR-технологиями значительно ускорился в связи с выборами Президента России в марте 2000 г. Опасаясь возможных реформ исполнительной власти, в частности, введения процедуры назначения губернаторов Президентом, главы региональных администраций стремились сохранить свои режимы, не только гласно выражая свою преданность. Они пытались мобилизовать все возможные ресурсы региона для быстрого исполнения задач, поставленных федеральным центром. Такая тенденция политического поведения региональных правящих элит всегда сказывается на процессе дальнейшей монополизации институтов гражданского общества.

Понятно, что «партия власти» на местах стремится к доминированию не только в политическом, административном, но и в финансово-экономическом, а также информационном пространстве, превращаясь из чисто бюрократической в олигархическую формацию. Уже сейчас региональные политические кланы располагают не только собственными финансовыми ресурсами, но и собственными «медиа-империями». Это вызвано рядом факторов: отсутствием развитых правовых институтов, независимой судебной власти, а также связано с пространственной удаленностью отдельных территорий. Кроме того, в последние годы наблюдается процесс образования таких местных кланов, которые стремятся к постоянному, чуть ли не наследственному управлению регионом, причем управлению на уровне патримониального хозяйства. Нужно заметить, что местные органы власти в ряде случаев напрямую зависят от финансовой поддержки региональной экономической элиты или же взаимодействуют с ней в режиме корпорации. А это, в свою очередь, приводит либо к образованию конгломерата экономической и политической власти, где зависимость становится взаимной, либо к дихотомии и борьбе за финансовые потоки, за ключевые предприятия региона. Что же касается публич рилейнз, то применение их общественно легитимного сегмента в подобных условиях становится менее возможным, так как нарушаются основные принципы PR620, такие, как принцип демократии, предполагающий наличие гражданской инициативы, «общественного договора», а также экономической и политической свободы граждан; принцип выбора, т.е. наличия в любой ситуации нескольких альтернатив; принцип гражданского согласия, в соответствии с которым для использования средств PR необходимо обоюдное согласие сторон.

Т. П. Старых*, Е. Н. Сюткина**

Некоторые аспекты стратегии политической рекламы

Формирование в постсоветской России демократической многопартийной системы привело к возникновению политического рынка, регулирующего производство и распределение политических товаров и услуг (идей, программ, имиджа политических лидеров) среди конкурирующих между собой «продавцов» (партий, политиков) и «покупателей» (избирателей). Возникшая ситуация политической конкуренции обуславливает приоритетное внимание к проблемам организации политической рекламы, решение которых требует со стороны субъектов политической деятельности (политических лидеров и партий) формирования особого стратегического видения для разработки программы действий в период переживаемых страной экономических, политических и социальных реформ.

Понятие «стратегия» в философском плане рассматривается как «форма организации человеческих взаимодействий, максимально учитывающая возможности, перспективы, средства деятельности субъектов, проблемы, трудности, конфликты, которые препятствуют осуществлению взаимодействий»¹. В литературе по стратегическому менеджменту стратегия определяется как комплексный план управления, в ходе реализации которого следует укрепить положение компании на рынке и обеспечить координацию усилий, привлечение и удовлетворение потребителей, успешную конкуренцию и достижение глобальных целей. Всё это необходимо

* *Старых Татьяна Павловна* – специалист Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

** *Сюткина Елена Николаевна* – помощник директора Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

¹ Современный философский словарь / Под общей ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М., Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 865.

осуществлять на основе тщательного изучения всех возможных направлений развития². Первое определение дает объяснение сущности стратегии как модели взаимодействия, учитывающей различные факторы внешней среды, второе – дополняет и конкретизирует его, рассматривая стратегию как «комплексный план управления», определяющий основные направления деятельности, приоритетные технологии, целевые аудитории, перспективные возможности, базируясь на тщательном мониторинге и прогнозировании рыночных тенденций. Понимание стратегии как «комплексного плана управления» дает основание определить стратегию политической рекламной кампании как «систему целей и задач», которые необходимо решить кандидату.

Эта система предполагает несколько уровней. В частности, П. Смит, К. Бэрри и А. Пулфорд выделяют три уровня разработки стратегии: 1) корпоративная стратегия (общий план управления, описывающий действия по достижению определенных позиций в различных отраслях); 2) маркетинговая стратегия; 3) стратегия маркетинговых коммуникаций или коммуникационная³, которая является залогом успешной реализации целей, сформулированных в русле стратегий более высокого уровня (корпоративной и маркетинговой). Коммуникационная стратегия, в свою очередь, определяет стратегию рекламы. Во время избирательных политических кампаний используются следующие рекламные стратегии: «стратегия рывка» – предлагает повышать узнаваемость и авторитет кандидата путем совершения двух «рывков» для преодоления конкурентов – на раннем этапе рекламной кампании и в ее заключительный период за счет максимального заполнения рекламного пространства; «стратегия быстрого финала» – основана на медленном наращивании темпа и размещении рекламы в наибольшем объеме в период перед голосованием; «стратегия большого события» – используется в комплексе с другими, предполагая привлечение внимания журналистов за счет проведения публичных теледебатов с противником, громких пресс-конференций, привлече-

² См.: *Томпсон-мл. Артур А., Стрикленд Ш. А., Дж.* Стратегический менеджмент: концепция и ситуации для анализа: пер. с англ. 12-е изд. М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. С. 32.

³ См.: *Смит П., Бэрри К., Пулфорд А.* Коммуникация стратегического маркетинга: учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. проф. Л. Ф. Никулина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 143.

ния известных людей в команду; «крейсерская стратегия» – помогает лидерам предвыборной гонки сохранять свои позиции за счет равномерного использования рекламного времени и пространства на всем протяжении рекламной кампании⁴.

Реализация данных стратегий зависит от множества факторов. В этом ракурсе можно выделить конкурентные, экономические, социальные, культурные, психологические аспекты рекламных стратегий. Поскольку политические рекламные кампании проводятся в жесткой конкурентной ситуации, в стратегии требуется определить отношение к основным конкурентам. Экономические аспекты рекламной стратегии связаны с размерами рекламного бюджета, выделенного на политическую кампанию, и общей экономической ситуацией в стране. Неблагоприятные экономические условия ведут к обострению социальных проблем и снижению общей политической активности электората. В этой ситуации актуальным представляется рассмотрение социальных аспектов политической рекламной стратегии, предполагающих учет своеобразия потребностей и интересов разных социальных групп (например, пенсионеров), в соответствии с которыми необходимо расставить рекламные акценты на тех или иных пунктах политической программы кандидата. Кроме того, поскольку Россия – страна многонациональная и ее жители принадлежат к различным конфессиям, особую важность имеют культурные аспекты политической рекламной стратегии, фиксирующие существенные различия взглядов, знаний, ценностных ориентаций, мотивов и установок электората.

Поскольку рассмотрение данных аспектов политической рекламной стратегии обнаруживает существенную неоднородность аудитории политического воздействия, затрудняются возможности влияния на ее мотивации со стороны субъектов политической деятельности. В этой ситуации для организации рекламного воздействия особую важность приобретает рассмотрение неких общих закономерностей человеческого восприятия, которые позволяют предопределить психологические реакции людей на различные явления политической жизни. Психологические аспекты стратегии политической рекламы связаны с вопросами разработки средств убеждающего воздействия на электорат, основанных на использовании закономерностей, присущих процессам внимания, памяти,

⁴ См.: *Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В.* Политическая реклама. М.: Никколо-Медиа, 2002. С. 231–232.

понимания, структурирования, интерпретации социальной информации. В связи с этим Г.В. Пушкарева отмечает значимость воздействия в контексте управленческих целей политической стратегии на установки электората⁵, реализующиеся в «предрасположенности субъекта к совершению определенного социального поведения»⁶ относительно различных политических явлений. В этом плане стратегия политической рекламы предусматривает влияние на установки электората на трех уровнях: когнитивном, который связан с рациональной сферой человека; аффективном – затрагивающем эмоциональную сферу; конативном – уровне реальных политических действий. Чтобы побудить людей действовать в соответствие со своими целями, политические лидеры и партии в ходе предвыборных рекламных кампаний прибегают к созданию новых установок, изменению существующих или к целенаправленному формированию «когнитивных связей» между установками личности и конкретными политическими деятелями или партиями. Если необходимо сформировать позитивное отношение к неизвестному ранее политику, основная цель стратегии политической рекламы состоит в формировании у избирателей новых установок за счет представления его образа в максимально положительном ракурсе. Изменение «когнитивных связей» между существующими установками происходит, когда рекламная стратегия предусматривает формирование связи между субъектом политической деятельности и какой-либо актуальной проблемой. Так, в ходе предвыборной гонки некоторые кандидаты поднимают проблемы помощи сиротам и инвалидам или проблемы коррупции и т.д. Установки являются устойчивыми образованиями, поэтому их изменение – это сложный процесс. Однако поступление дополнительной рекламной информации в ходе политической кампании может изменить образ политика в сознании избирателей, что приводит к трансформации первичной установки, а в итоге – к изменению их поведения. Таким образом, обращение в рамках стратегического подхода к разработке рекламной кампании к некоторым психологическим аспектам позволяет регулировать поведение «потребителей» политического рынка в интересах определенных политических сил.

⁵ См.: *Пушкарева Г. В.* Политический менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело, 2002. С. 135–145.

⁶ Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 45.

Научное издание

**Власть и властные отношения
в современном мире**

**Материалы IX международной научно-практической
конференции, приуроченной к 15-летию
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
30–31 марта 2006 года**

Том первый

Редакторы:

Е. В. Головина, А. В. Гоштейн, С. В. Фельдман

Компьютерная верстка:

Т. В. Архипова, В. В. Курьянович

Подписано в печать 10.03.2006. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л.37.90. Тираж 300 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0329 от 13.10.2000

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42.